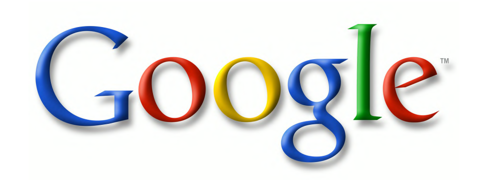
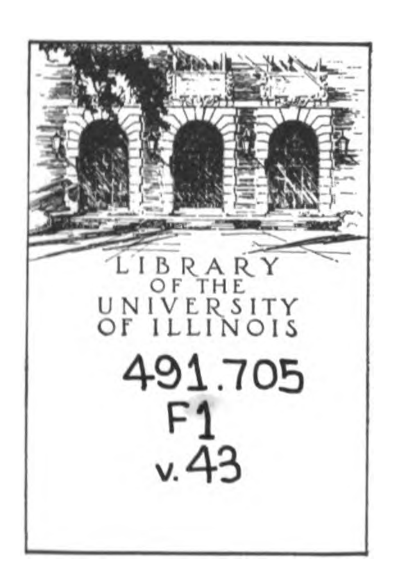

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.43

1—5

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1903

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

43-й годъ изд. въ 1903 году — 43-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. Кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. Духовныхъ Семинарій и Училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. Коммерческихъ Училищъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 43-й годъ своего существованія и 5-й годъ изданія подъ новой редакціей, попрежнему будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, будетъ преслѣдовать цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.,» открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ —великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1903 году, кромѣ извѣстныхъ уже читателямъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ, обѣщали помѣщать свои труды въ «Филол. Зап.» нѣкоторые профессора университетовъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8—9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16—18 листовъ.

Въ текущемъ 1903 году издательницами «Филологическихъ Записокъ» будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы выпуски журнала выходили своевременно, безъ опаздыванія.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей уступка—1 р.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ заблаговременно, 2) по возможности обращаться съ подпискою, во избѣжаніе недоразумѣній, прямо въ контору, 3) высылать подписную плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.;

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к. съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15%**.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Редакторы*) { С. Н. Прядкинъ.
Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

---

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

В. А Жуковскій, характеръ и роль его поэзіи въ исторіи русской литературы *).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

I.

Сегодня мы собрались сюда, въ этотъ залъ, чтобы выразить и засвидѣтельствовать свою признательность и благодарность одному изъ великихъ сыновъ Россіи, отошедшему въ вѣчность уже 50-тъ лѣтъ тому назадъ (12 апр. 1852 г.) Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, кто этотъ достойный сынъ своей родины. Это В. А. Жуковскій. Память о немъ невольно возбуждаетъ въ каждомъ русскомъ человѣкѣ сильное желаніе почтить этого славнаго дѣятеля на поприщѣ русской словесности первой половины XIX вѣка. Заслуги его уже признаны и навсегда обезпечили уваженіе отдаленнаго потомства къ нему, какъ писателю, гражданину и человѣку. Какъ писатель, Ж—скій, будучи младшимъ современникомъ Карамзина и старшимъ Пушкина, занялъ въ литературѣ самостоятельное мѣсто, свое особое вліяніе. Нравственные идеалы Ж—скаго, не только высказанные имъ въ его произведеніяхъ, но и осуществленные въ общественной и частной дѣятельности напр., «что счастье жизни есть спокойная совѣсть, сознаніе исполненнаго долга» (въ «Вѣчн. Жидѣ»), или:—что «лучшій другъ намъ въ жизни сей—вѣра въ Провидѣнье» (въ

*) Рѣчь въ О—й 2-й женской гимназіи 22 апр. 1902 г.

«Свѣтланѣ»), проникли давно въ русское общество. Благодаря этимъ его идеаламъ, Россія совершила освобожденіе крестьянъ въ царствованіе воспитанника его Александра II, по случаю рожденія котораго въ 1818 г. онъ написалъ слѣдующіе пророческіе стихи:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ».

Идеальное направленіе поэзіи Ж—аго послужило стимуломъ къ развитію въ русской поэзіи благороднѣйшихъ интересовъ и высшихъ стремленій. Не даромъ А. С. Пушкинъ о поэзіи Жуковскаго сказалъ:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
Внимая имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается младость»
(«Къ Портр. Жуковскаго»).

Не даромъ проф. С. П. Шевыревъ, другъ поэта, выразился о немъ: «Религія воспитала въ нашемъ поэтѣ одно свойство, рѣдкое между поэтами,—свойство простоты, доступной всякому возрасту. Матери—воспитательницы дѣтей своихъ—сколько благодарности принесутъ Ж—му за тѣ многія произведенія, которыя, будучи прекрасны для всѣхъ возрастовъ, доступны и для младенческаго. Не мало поэтовъ, говорящихъ страстамъ и воображенію юноши, рѣшительной предпріимчивости мужа, глубокомысленному спокойствію или равнодушію старца; но какъ мало такихъ, которые чистымъ свѣтомъ душевнаго огня зажигаютъ глазки дѣтей». Признано также и вліяніе Ж—аго на общественное разви-

тіе въ Россіи. А. В. Никитенко, почтенный академикъ, такъ охарактеризовалъ значеніе Ж—аго въ русской литературѣ: «Знаменитость, украшающая имя Ж—аго, не принадлежитъ къ тѣмъ литературнымъ знаменитостямъ, которыя созидаются современниками; истинный дѣятель мысли, онъ пріобрѣлъ и право на память между людьми долговѣчную и многозначущую, какъ мысль; въ имени его заключается цѣлый періодъ нашей словесности. Откуда же взялось это право, и въ чемъ заключались истинныя заслуги Ж—аго, какъ писателя? И современники, и потомство видѣли въ немъ, во-первыхъ, талантъ первоклассный, а, во-вторыхъ, не могли отрицать того важнаго и благотворнаго значенія, какое имѣли его поэтическія произведенія въ отношеніи нашего общественнаго развитія». На разъясненіи, съ одной стороны, характера таланта Жуковскаго, съ другой—важнаго и благотворнаго значенія его поэзіи я и позволю теперь остановить ваше вниманіе, милостивыя государыни и милостивые государи!

II.

По складу своей натуры, по особенностямъ своего генія, который можно назвать геніемъ тихой грусти, Ж—ій особенно умѣлъ отзываться на грусть и печаль человѣческую. Въ этомъ и состоитъ существенный характеръ его поэзіи.

Чтобы вникнуть и понять, почему характеръ его поэзіи принялъ такое, а не иное направленіе, а слѣд., освѣтить и самую его поэзію, необходимо бросить хотя краткій взглядъ на эпоху, которая несомнѣнно вліяла

на Ж—аго, и особенно остановить свое вниманіе на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ какъ ранней, такъ и всей его послѣдующей жизни. Въ этомъ отношеніи и вліяніе эпохи, и обстоятельства личной жизни Ж—аго удивительно совпадали и другъ друга усиливали.

Взглянемъ же бѣгло на его жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что задушевный лиризмъ его поэзіи черпаетъ свое содержаніе ни въ чемъ другомъ, какъ въ обстоятельствахъ собственной его жизни и развитія.

1.

Жуковскій былъ сыномъ бѣлевскаго помѣщика Бунина и плѣнной турчанки—Сальхи, въ крещеніи Елизаветы Дементьевны. Лишившись отца своего еще въ дѣтствѣ, онъ очутился среди семьи Буниныхъ не то своимъ, не то чужимъ человѣкомъ, и хотя онъ былъ усыновленъ другимъ помѣщикомъ, Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, отъ котораго и получилъ отчество и фамилію, но выросъ и воспитывался въ домѣ Буниныхъ, гдѣ его мать была ключницей. Справедливость требуетъ замѣтить, что настоящая мать семейства, г-жа Бунина, очень любила маленькаго Ж—аго и воспитала его, какъ родного сына; вскорѣ и вся семья Буниныхъ горячо полюбила скромнаго и прекраснаго мальчика. Но, несмотря на ласковый уходъ, онъ все-таки не могъ не чувствовать себя одинокимъ и, приходя въ возрастъ и сознаніе, горько чувствовалъ положеніе своей матери. Впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, Ж—скій, неоднократно говаривалъ, что семейнаго счастія у него не было, что онъ не успѣлъ быть сыномъ своей матери. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ жизни от-

сти коренится причина тихой грусти и меланхоліи Ж—скаго, заставлявшая его въ минуты унынія восклицать:

«Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ».

Другимъ важнымъ обстоятельствомъ въ дѣтствѣ Ж—скаго было то, что все время до поступленія въ университетскій благородный пансіонъ онъ провелъ исключительно въ женской средѣ, среди многочисленнаго общества дѣвочекъ—родственницъ и знакомыхъ, обожавшихъ въ лицѣ маленькаго Ж—скаго единственнаго своего кавалера. Изъ этой именно обстановки Ж—скій вынесъ мягкость и нѣжную впечатлительность своего характера—черты, которыя наложили какую-то особенную печать поэтическаго цѣломудрія на всѣ его прекрасныя созданія.

Кромѣ вліянія домашней обстановки, Ж—скій испыталъ на себѣ и другое, почти тожественное, вліяніе, которое можно назвать вліяніемъ эпохи, поступивъ въ 1797 г. въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Этотъ пансіонъ принадлежалъ къ числу лучшихъ воспитательныхъ учрежденій, давшихъ и на поприщѣ литературы, и на поприщѣ общественной дѣятельности немало выдающихся людей. Въ пансіонѣ преподаваніе наукъ было поручено нѣкоторымъ профессорамъ университета и особымъ учителямъ. Правда, большихъ серьёзныхъ познаній въ пансіонѣ воспитанники не получали, но обстановка пансіона, какъ нельзя, лучше способствовала общему развитію умственныхъ способностей воспитанниковъ. Здѣсь-то вполнѣ окрѣпли и развились литературные вкусы Ж—аго, интересъ къ

которымъ въ значительной степени сказался уже въ немъ во время пребыванія въ домѣ его сводной сестры — Юшковой, въ Тулѣ. На словесномъ отдѣленіи, куда поступилъ Ж—ій, занятія литературой были сильно развиты среди учениковъ.

Сочиненія и переводы съ новыхъ иностранныхъ языковъ были любимымъ ихъ препровожденіемъ времени. Подъ руководствомъ преподавателей, ученики часто собирались для чтенія своихъ оригинальныхъ и переводныхъ опытовъ, подвергая ихъ здѣсь же товарищеской, безпристрастной критикѣ. Лучшіе изъ такихъ опытовъ потомъ печатались въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, ученикамъ старшихъ классовъ дозволялось посѣщать университетскія лекціи, что еще болѣе усиливало и развивало умственные интересы воспитанниковъ. На второмъ году пребыванія Ж—аго въ пансіонѣ, среди воспитанниковъ возникло особое литературное общество—«собраніе», цѣлью котораго было «исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обрабатываніе вкуса». Въ засѣданіяхъ этого общества читались членами поочереди рѣчи о разныхъ нравственныхъ предметахъ на русскомъ языкѣ; разбирались критически собственныя сочиненія и переводы; высказывались сужденія о замѣчательныхъ историческихъ произведеніяхъ; иногда же читались, также поочереди, образцовыя отечественныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, «съ выраженіемъ чувствъ и мыслей авторскихъ и съ критическимъ показаніемъ красотъ ихъ и недостатковъ». Нечего и говорить, что къ чтенію и разбору на засѣданіяхъ собранія нужно было каждому предварительно серьёзно приготовиться. Ж—ій, будучи всего 15-ти лѣтъ отъ роду, игралъ немаловажную роль въ засѣданіяхъ собранія, какъ то можно заключить изъ

того, что первымъ предсѣдателемъ этого общества избранъ былъ никто другой, а именно онъ. Я позволилъ себѣ остановиться на характеристикѣ благороднаго университетскаго пансіона, чтобы указать на то, что умственная обстановка пансіона весьма много способствовала поэтическому развитію Ж—аго. И, дѣйствительно, мы видимъ, что съ перваго же года пребыванія своего въ пансіонѣ Ж—ій со всѣмъ пыломъ и восточною мечтательностью, унаслѣдованною отъ матери, предается литературнымъ занятіямъ, и въ печати появляются его первые литературные опыты, носящіе въ себѣ зародыши будущаго направленія его поэзіи. Мальчика-поэта уже поражаетъ быстротечность жизни, непрочность всего земного и ничтожность всего подлуннаго («Мысли при гробницѣ», «къ Тибуллу» и др.). Не безынтересно привести здѣсь выдержки изъ одного его пансіонскаго стихотворенія, озаглавленнаго: «Къ человѣку» (1801 г.), въ которомъ хорошо рисуется общее міровоззрѣніе пансіонера—Жуковскаго. Вотъ оно:

«Ничтожный человѣкъ! Что жизнь твоя? Мгновенье!
Взглянулъ на дневный лучъ, и нѣтъ тебя—пропалъ!
Изъ тьмы небытія злой рокъ тебя призвалъ
На то лишь, чтобъ предать въ добычу разрушенью;
Какъ быстра тѣнь, мелькаешь ты!
Игралище судьбы, волнуемый страстями...
Что твой парящій умъ? Что замыслы твои?
Дыханье вѣтерка? и гдѣ ты, прахъ надменный,
Гдѣ жизни твоея слѣды?
Чего жъ искать тебѣ въ сей пропасти мученій?
Скорѣй, скорѣй въ ничто!»..
«Такъ въ гордости своей:

продолжаетъ молодой поэтъ—

«Безумецъ возстаетъ на Небо»...

Пессимистически взглянувъ на судьбу человѣка въ началѣ стихотворенія, юный поэтъ не соглашается подъ конецъ и находитъ, что при всей скоротечности человѣческой жизни для человѣка есть высокая цѣль:

«Творецъ твой не тиранъ»,

продолжаетъ Жуковскій:

«Ты страждешь отъ себя!
Онъ благъ, для счастія Онъ въ жизнь призвалъ тебя,—
Изъ чаши радостей ты горесть испиваешь:
Ужели рокъ виновенъ въ томъ?
Безумецъ, пробудись! воззри на міръ пространный:
Всё дышитъ счастіемъ, всё славитъ жребій свой...
Ужели ты одинъ, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвенъ?
Познай себя, познай! Коль въ дерзкомъ ослѣпленьи
Захочешь ты себя за край міровъ вознесть,
Сравниться со Творцомъ,—ты—непримѣтна персть!
Но ты великъ собой, сей міръ—твое владѣнье,
Ты духомъ тварей властелинъ!
Тебѣ послушно всё, ты смѣлою рукою
На бурный океанъ оковы наложилъ,
Пронзилъ утесовъ грудь, перуны потушилъ;
Подоблачны скалы валятся предъ тобою...
Всѣ бѣдствія твои—мечты воображенья,
Оружія на нихъ судьбой тебѣ даны.
Воздвигнись въ крѣпости—и всѣ побѣждены!
Великимъ, мудрымъ быть—твое опредѣленье!..
Мужайся!
Твой рай и адъ—въ тебѣ! Брань, брань твоимъ страстямъ!
Передъ тобой безсмертья вѣчный храмъ,
Ты смерти сломишь серпъ могучею рукою:

Могила—къ вѣчной жизни путь!»... (Сочин. Жуковскаго, подъ редакц. П. А. Ефремова, изд. 10-е, СПБ. 1901 г., стр. 8—9).

Мысли только что приведеннаго стихотворенія уже носятъ на себѣ слѣды того міровоззрѣнія, которое во всей силѣ оказалось во всей послѣдующей литературной дѣятельности Ж—аго.

Къ пансіонскому же періоду жизни Ж—аго относится и начало переводческой дѣятельности Въ пансіонѣ также Ж—ій отдалъ дань времени, увлекаясь моднымъ въ то время въ русской литературѣ сентиментальнымъ направленіемъ, представителемъ котораго былъ Карамзинъ. Правда, нѣкоторое знакомство съ этимъ направленіемъ Ж—ій получилъ еще въ Тулѣ, въ домѣ Юшковой, куда съѣзжалось избранное общество, и гдѣ пѣлись сентиментальные романсы Нелединскаго, декламировались только что вышедшіе стихи Дмитріева, читались чувствительныя произведенія Карамзина; но, такъ сказать, сознательное знакомство съ сентиментальнымъ направленіемъ относится къ пансіонскому періоду жизни Ж—аго. Если ко всему сказанному прибавить, что, благодаря пребыванію своему въ пансіонѣ, Ж—ій попалъ въ общество людей, въ которыхъ воплотилось все, что оставалось чистаго и праведнаго отъ предшествующаго времени, то мы будемъ имѣть приблизительно вѣрное представленіе о томъ, насколько Ж—ій обязанъ этому благодѣтельному учрежденію. Первое мѣсто среди новаго общества занимаетъ семья бывшаго директора Московскаго университета, И. Петр Тургенева. Въ семьѣ Тургенева были сверстники Ж—аго по пансіону, и вотъ Ж—ій вступаетъ въ эту благородную семью, какъ другъ, какъ братъ. У старика Тургенева нашелъ Ж—ій любящаго отца и ласки, въ которыхъ отказало

ему рожденіе. Подъ вліяніемъ семьи Тургенева залегли въ глубину души Ж—аго тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Ж—аго и вырываются съ новою силой въ послѣдніе годы его жизни въ небольшихъ статьяхъ теологическаго характера. Знакомство съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ подъ вліяніемъ семьи Тургенева еще болѣе усилилось, такъ какъ быть въ кружкѣ Тургенева— значило знать Карамзина. Такимъ-то образомъ и при такихъ условіяхъ вліяніе эпохи оказало вліяніе на Жуковскаго, поэтическая дѣятельность котораго, при самомъ началѣ, подъ кровлею директора Московскаго университета, скрѣплялась тѣсными узами съ Карамзинскимъ періодомъ литературы.

2.

Будучи обязанъ Благородному пансіону своимъ литературнымъ воспитаніемъ, Жуковскій въ обстоятельствахъ собственной жизни черпаетъ и содержаніе, и даже силу настроенія; поэтому на его литературную дѣятельность можно смотрѣть, какъ на исповѣдь его души. Въ этомъ отношеніи характерно особенно одно обстоятельство: исторія любви Ж—аго къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой,—обстоятельство, въ которомъ высказалась кроткая, прекрасная душа поэта во всемъ блескѣ своего нравственнаго величія. Дѣло обстояло такъ. Послѣ окончанія образованія въ Благородномъ Московскомъ пансіонѣ Ж—ій возвратился на родину, и въ томъ же домашнемъ кругу, гдѣ онъ воспитался, онъ встрѣтилъ прекрасную молодую дѣвушку, которую по-

любилъ всей душой, и которая платила ему полною взаимностью—то была внучка Бунина, дочь Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, Марья Андреевна. Вмѣстѣ съ сестрою своею, Александрой Андреевной, Марья Андреевна выросла на глазахъ Ж—аго, и онъ же былъ главнымъ руководителемъ ихъ образованія; единство развитія сблизило молодыхъ людей. Но, когда Ж—ій вздумалъ просить руки Марьи Андреевны, то ея мать рѣшительно воспротивилась такому браку. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Ж—ій возобновлялъ свои попытки, но, несмотря на содѣйствіе нѣкоторыхъ близкихъ людей, всегда встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны матери. Тяжело ему было переносить эти отказы, но итти наперекоръ имъ, жениться на Марьѣ Андреевнѣ, противъ воли матери, онъ никогда бы не рѣшился: онъ зналъ, что такое насиліе внесетъ раздоръ въ дорогую ему семью. Этотъ сердечный романъ, который кончился только со смертью М. А., вмѣстѣ съ сиротствомъ въ домашнемъ кругу, наполняетъ всю первую половину его жизни и составляетъ главнымъ образомъ ту основу, на которой развилась его лирическая поэзія.

Жуковскій любилъ называть первымъ своимъ стихотвореніемъ извѣстную элегію: «Сельское кладбище», переведенную изъ Грея въ 1802 г. На самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, онъ началъ писать и печататься еще въ первый годъ своего ученія въ пансіонѣ, т.-е. въ 1797 г.; но дѣйствительно «Сельское кладбище» было первымъ стихотвореніемъ, которое доставило Жуковскому почетную извѣстность въ литературѣ. Уже въ этой элегіи сильно замѣтно то грустное настроеніе, которое владѣло душой поэта съ юности; но вслѣдъ за «Сельскимъ кладбищемъ» послѣдовалъ длинный рядъ стихотвореній, содержаніе которыхъ составляетъ глав-

нымъ образомъ любовь. Любовь, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе расцвѣтала въ сердцѣ Ж—скаго, а, когда обстоятельства стали итти наперекоръ, то къ любви примѣшивалось все больше и больше чувство грусти и «душевной недѣятельности», по собственному замѣчанію Ж—скаго. Въ стихотвореніяхъ на тему о любви высказалась вся кристальная чистота души Ж—скаго, вся голубиная ея красота. Ж—скій понималъ любовь въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. Вотъ какъ изображалъ онъ свой идеалъ любви въ посланіи къ Батюшкову:

«Любовь—святой хранитель
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты;
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты
И не восторговъ счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье,
Отринь ихъ, разорви
Ложь коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ,
Прелестницъ записныхъ,
Толпа войти страшится...
И что, мой другъ, сравнится,
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой!
Она, какъ ангелъ милый,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость,

Движеній тишина,
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна;
Рѣчей очарованье,
Безпечность простоты
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая,
Земное отвергая,
Небеснаго полна».

Это стихотвореніе, написанное въ 1812 г., еще исполнено свѣтлой надеждой, такъ какъ любовныя мечты Ж—скаго не были ничѣмъ еще смущены. Годъ спустя, уже совершенно иначе звучатъ подобныя стихотворенія. Подъ вліяніемъ разлуки Ж—скій пишетъ:

«О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку:
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь;
Меня, мой другъ, не позабудь».

Насколько сильно Ж—скій былъ охваченъ чувствомъ любви, можетъ свидѣтельствовать то, что даже «гроза двѣнадцатаго года» не разсѣяла любовнаго увлеченія его. Такъ, находясь въ ополченіи и слыша «дьявольскую канонаду» при Бородинѣ, Ж—скій пишетъ воинственно-патріотическое стихотвореніе: «Пѣвецъ во

ставѣ русскихъ воиновъ», но и въ него вставляетъ автобіографическое признаніе. Вотъ оно:

«Ахъ! мысль о той, кто всё для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья».

До послѣдней минуты Ж--скій надѣялся, что его мечта о личномъ счастьѣ въ союзѣ съ Марьей Андреевной сбудется, но, когда онъ узналъ, что М. А. для успокоенія матери рѣшила вступить въ бракъ съ Мойеромъ, профессоромъ Дерптскаго университета, то подъ вліяніемъ потери послѣднихъ надеждъ на личное счастье кровью сердца пишетъ такія произведенія, какъ «Воспоминаніе» и «Пѣсня».

«Прошли, прошли вы, дни очарованья»,
говоритъ Ж—скій въ стих.: «Воспоминаніе»:

«Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить,
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть;
Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье,
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!
О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ—о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья,
Но можно ль жить, увы, и позабыть?»

3.

Такого характера и направленія оригинальныя произведенія Ж—скаго. Та же тема и то же настроеніе выражается и въ переводныхъ произведеніяхъ его за этотъ періодъ времени, не исключая и баллад.

Такъ, по вѣрному замѣчанію Зейдлица, лучшаго біографа Ж—скаго, въ балладѣ: «Эльвина и Эдвинъ» (1814 г.), читаешь какъ будто содержаніе разговоровъ Жуковскаго съ матерью любимой имъ дѣвушки,—только мать замѣнена отцомъ:

«Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровый
На ихъ любовь, на счастье двухъ сердецъ.
«Разстаньтесь»! роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.
Увы Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить...
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?»

Такого же характера и другая баллада: «Алина и Альсимъ». Но особенно прекрасно и опредѣленно высказываетъ Ж—скій мысль о вѣчномъ значеніи любви въ балладѣ: «Эолова арфа», въ которой сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтической поэзіи Ж—скаго. Тема этой баллады—несчастная любовь пѣвца и царской дочери. Каждый вечеръ въ урочный часъ приходитъ на свиданіе къ Минванѣ пѣвецъ съ арфой на холмъ, подъ вѣтвистый дубъ. Молва о свиданьяхъ достигла отца Минваны. Пѣвецъ сосланъ въ изгнаніе навсегда. При послѣднемъ свиданіи пѣвецъ привязалъ свою арфу къ дереву, чтобы она была

... «для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней».

Прошло нѣсколько времени, но Минвана въ извѣстный часъ постоянно приходила на мѣсто ихъ встрѣчи. Однажды Минвана сидѣла подъ дубомъ и думала о другѣ. Все было тихо... Вдругъ пламенной ея щеки что-то коснулось... безъ вѣтра зашелестѣли листы...

«И вдругъ изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листвѣ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!»

Таинственный звонъ раздался въ минуту смерти пѣвца. Съ тѣхъ поръ Минвана, лишь только наставалъ вечеръ, ходила на холмъ

«И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ,
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ».

Минвана скоро умерла. Глубокою задушевностью и мечтательностью исполнены послѣднія строки баллады:

«И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымкѣ, луна безъ лучей
Двѣ видятся тѣни:
Слiявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни,
И дубъ шевелится, и струны звучатъ».

Баллада эта одно изъ самыхъ характерныхъ про-

изведеній, рисующихъ настроеніе Ж—скаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ лучшихъ его поэтическихъ созданій. Въ ней—и свиданіе подъ дубомъ, полное чистаго блаженства, и трепетное предчувствіе близкаго горя, и арфа, повѣшенная на деревѣ залогомъ минувшихъ дней, и явленіе милой тѣни одинокой красавицѣ, сопровождаемое чудесными звуками,—все это исполнено очарованія! Но особенно важно для характеристики направленія поэзіи въ этой балладѣ настроеніе поэта. Любовь, не нашедшая себѣ удовлетворенія въ условіяхъ времени и мѣста, не пробуждаетъ жесткаго чувства въ сердцѣ поэта; противодѣйствіе судьбы не представляется ему препятствіемъ для душевнаго счастья; воображеніе его переступаетъ за предѣлы земной жизни, въ иной, лучшій міръ, гдѣ возстановляется нарушенное на землѣ блаженство любви. Такое представленіе чувства вѣчнаго, неизмѣннаго и составляетъ сущность направленія, которымъ Ж—скій оживилъ и одухотворилъ поэзію, и которое принято называть направленіемъ романтическимъ.

4.

Для болѣе яснаго представленія о направленіи поэзіи Ж—скаго, или что то же: о направленіи романтическомъ въ нашей словесности, считаю необходимымъ остановиться подробнѣе еще на одномъ его произведеніи, въ которомъ весьма ярко выразилось все его міросозерцаніе. Это элегія—баллада: «Теонъ и Эсхинъ». На это произведеніе можно смотрѣть, какъ на программу всей поэзіи Ж—скаго и характеръ содержанія ея. Мысль этого произведенія: всѣ блага жизни невѣрны:

на землѣ все проходитъ; одно неизмѣнное благо—внутри насъ и за гробомъ. Эта мысль развивается въ такомъ порядкѣ. Первая часть стихотворенія изображаетъ возвращеніе Эсхина на родные берега Алфея. Долго бродилъ Эсхинъ по свѣту за счастьемъ, но не нашелъ его. Роскошь, слава, всѣ чувственныя удовольствія, которымъ онъ предавался, только изнурили его сердце. Они пресытили его, но не удовлетворили; въ душѣ, наконецъ, явилась пустота, а съ нею и скука; надежда найти счастье погасла. Съ такой безнадежностью возвращается онъ на родину; здѣсь все напоминаетъ ему молодые и лучшіе дни; здѣсь все оставалось попрежнему; только онъ является не тотъ, что былъ прежде. Во второй части изображается встрѣча двухъ друзей. Въ то время, какъ Эсхинъ странствовалъ по свѣту, Теонъ, не обольщаемый пышными надеждами, скромный въ желаніяхъ, оставался на родинѣ. Эсхинъ застаетъ его сидящимъ въ раздумьѣ на порогѣ своей хижины, въ виду гроба изъ бѣлаго мрамора. Друзья обнялись. Лице Эсхина скорбно и мрачно; взоръ Теона печаленъ, но ясенъ. Въ третьей части—бесѣда друзей. Эсхинъ винитъ надежду на счастье, которая разлучила ихъ; называетъ ее «лукавымъ предателемъ», говоритъ другу о мечтѣ, обманывающей сердце, и спрашиваетъ, не та ли же участь постигла и его. Теонъ со вздохомъ указалъ ему на гробъ, но не для того, чтобы подтвердить догадку друга. Изъ жизни онъ вынесъ совсѣмъ другое убѣжденіе: гробъ только безмолвный свидѣтель, что боги посылаютъ намъ жизнь для счастья; но съ нею все же не разлучна и печаль. Это законъ жизни, но онъ не долженъ мѣшать сознанію, что и жизнь, и вселенная прекрасны. Теонъ видѣлъ земное блаженство; но онъ понялъ, что то̀ на свѣтѣ не наше, что можетъ въ минуту разру-

шитъ судьба, слѣд., тамъ нечего и искать счастья. Нетлѣнныя блага только въ сердцѣ—любовь и сладость возвышенныхъ мыслей: ихъ не можетъ разрушить никакая сила, они и должны составить источникъ счастья. Въ примѣръ Теонъ указываетъ на себя: онъ любилъ и былъ счастливъ. Онъ испыталъ нравственную силу любви, онъ испыталъ и силу возвышенныхъ мыслей, и поэтому вѣритъ, что земной путь ведетъ его къ прекрасной, возвышенной цѣли. Испыталъ также Теонъ и то, что съ земнымъ счастьемъ не разлучна и печаль: кого любилъ онъ, того теперь уже нѣтъ, но счастье не уничтожается этою печалью, и прежніе счастливые дни проходятъ не безслѣдно; при этомъ Теонъ опредѣляетъ значеніе прошедшаго, настоящаго и будущаго: для сердца прошедшее вѣчно; въ немъ остается любовь и послѣ утраты любимаго существа; въ настоящемъ любовь переходитъ въ страданіе, въ скорбь; но и самая скорбь есть не что иное, какъ голосъ неизмѣнной надежды, что въ будущемъ погибшее намъ возвратится—гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ. Любовь навсегда уничтожаетъ чувство одиночества: воспоминаніе объ утратѣ милаго существа переноситъ прошедшее въ настоящее: свѣтъ остается все полнымъ ею, хотя ея уже и нѣтъ; возвышенная цѣль жизни, къ которой бодро стремились вдвоемъ, остается и для одного; дорога къ ней не измѣняется. Все это такія узы, которыхъ не разрушитъ могила. Для Теона жизнь не потеряла смысла: міръ для него озаряется сладкой надеждой на лучшую жизнь, «гдѣ произойдетъ встрѣча съ утраченнымъ дорогимъ существомъ и вѣчная жизнь съ нимъ, а эта надежда ставитъ человѣка выше судьбы, и земная жизнь поэтому дѣлается священной. Передавъ Эсхину свои убѣжденія, Теонъ указываетъ, въ чемъ ошибся другъ его:

онъ искалъ благъ внѣ себя, а не въ самомъ себѣ, и утратилъ эти послѣднія, которыя только и могутъ назваться вѣрными. Вмѣсто нихъ развилось въ немъ только одно чувство—презрѣніе къ жизни; но съ этимъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и самый свѣтъ. Въ противовѣсъ этому чувству Теонъ предлагаетъ Эсхину свою дружбу, примиреніе съ природой и жизнью и вѣру въ красоту вселенной. Небо вмѣстѣ съ жизнью дало намъ все, какъ средство къ великому:

«И горе, и радость,—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу—Зевесу».

Такъ развиты мысли въ этомъ чудномъ произведеніи. Въ немъ Ж—ій сгруппировалъ всѣ тѣ идеи, которыя повторяются во многихъ другихъ его произведеніяхъ. Здѣсь мы находимъ и изображеніе духовной стороны жизни человѣка, независимо отъ времени и мѣста его существованія, и исканіе идеала въ самомъ себѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ,—и вѣчность чувства любви, въ чемъ и должно искать счастія: «для сердца прошедшее вѣчно», «страданіе въ разлукѣ есть та же любовь», «надъ сердцемъ утрата безсильна»; отсюда сладость воспоминанія, прелесть грусти въ настоящемъ, надежда на загробное соединеніе съ своимъ идеаломъ въ будущемъ, безпрестанные порывы души къ Небу, увѣренность, что земной путь лежитъ къ прекрасной возвышенной цѣли; сознавшему эту цѣль вселенная кажется прекрасною, жизнь священною. Все это, вмѣстѣ взятое, и составляетъ сущность романтической поэзіи Ж—аго, который явился у насъ первымъ и наиболѣе типичнымъ романтикомъ какъ въ собственной жизни, такъ и литературной дѣятельности.

3.

Какъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность и какое значеніе придавалъ ей самъ Ж—ій, это мы находимъ въ его же произведеніяхъ. «Поэзія—есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», говоритъ у Ж—аго Камоэнсъ въ драматической поэмѣ того же имени; а другой герой этой поэмы, Васко, подробно разъясняетъ эту идею объ идеальномъ воздѣйствіи поэзіи. Обращаясь къ Камоэнсу, онъ говоритъ:

«Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, чтобъ труженикъ земной
Ни испыталъ, душой онъ не падетъ;
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ».

Благодаря такому своему характеру, поэзія Ж—аго проникаетъ душу человѣка, «какъ Божій лучъ»; ея «пламенникъ» горитъ неугасимо, и

«Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души».

И, дѣйствительно, такое значеніе играетъ поэзія Ж—аго какъ въ исторіи русской жизни, такъ и въ исторіи русской литературы, благодаря своему настроенію.

Романтизмъ Ж—аго впервые сталъ намъ говорить объ идеалахъ, чего почти совсѣмъ не было во всей предшествующей литературѣ. Русскимъ читателямъ въ твореніяхъ Ж—аго открылся богатый міръ созданныхъ образовъ, чарующихъ своею красотой и нравственной высотой, а непривлядность жизненной обстановки способствовала возникновенію стремленія унестись въ этотъ лучшій міръ. Правда, что при всей заманчивости новыхъ образовъ поэзіи Ж—аго въ нихъ было много туманнаго, неопредѣленнаго, что дало поводъ Гоголю сказать, что «Ж—ій отрѣшалъ поэзію отъ земли и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній», т. е., что поэзія Ж—аго отрывала людей отъ дѣйствительной жизни, указывая въ большинствѣ случаевъ идеалъ или въ воспоминаніяхъ о прошломъ, или въ надеждахъ на загробное блаженство и заставляя насъ такимъ образомъ здѣсь, на землѣ, мечтать, но при всемъ томъ романтическая поэзія Ж—аго благодаря своему настроенію принесла несомнѣнную пользу, заронивъ во многихъ искреннее стремленіе къ идеалу и освѣживъ нашу литературу новыми элементами, способными къ развитію. Идеальнымъ направленіемъ поэзіи не исчерпывается значеніе литературной дѣятельности Ж—аго.

Не менѣе важную роль сыграли и переводы Ж—аго, которые, захватывая обширный кругъ поэтовъ, дали возможность рускимъ читателямъ познакомиться съ самыми разнообразными произведеніями иностранной литературы, и новой, и древней. Если при этомъ припомнить, что Ж—ій былъ переводчикомъ больше чувствъ и мыслей, чѣмъ словъ, такъ какъ для переводовъ выбиралъ только то, что соотвѣтствовало его душенастроенію, то придется признать, что Жуковскому прежде всего, а не кому другому, мы обязаны пониманіемъ

какъ древне-классическаго міра съ его радостями и печалями, такъ и средне-вѣковаго рыцарскаго міра. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на балладѣ изъ древняго міра: «Элевзинскій праздникъ». Робокъ, дикъ и нагъ, скрывался въ пещерахъ первобытный человѣкъ—троглодитъ; хищный номадъ скитался по степямъ, а приморскій дикарь зорко сторожилъ на взморьѣ, не выкинетъ ли на берегъ буря несчастнаго пловца. И вотъ, когда люди были въ состояніи такой дикости, сходитъ съ Олимпа Церера, ища своей дочери—Прозерпины,—сходитъ и удивляется людской грубости: всюду дикость и пустота; только на грубыхъ алтаряхъ дымятся остатки человѣческихъ жертвъ, которыми антропофаги думали почтить боговъ; съ ужасомъ богиня отвернулась отъ такого нечестія и рѣшила помочь несчастнымъ дикарямъ: она захотѣла научить людей земледѣлію и чрезъ него ввести ихъ «въ вѣчный союзъ съ матерью-землею». На глазахъ людей Церера посѣяла первыя зерна; скоро выросла и процвѣла жатва; повсюду, какъ золотыя волны, заколыхались поля; сама богиня нажала первый снопъ колосьевъ, который возложила на алтарь Зевса, и тотъ, въ знакъ своего расположенія къ людямъ, послалъ на жертву небесный огонь; вслѣдъ затѣмъ и другіе боги сходятъ съ Олимпа на помощь благодѣтельницѣ людей, или другими словами говоря: съ земледѣліемъ для людей являются всѣ другія улучшенія жизни, всѣ благія послѣдствія осѣдлости и гражданственности... Оставляя людей, Церера сказала имъ: «человѣкъ для гражданства сотворенъ, и лишь нравами одними можетъ быть свободенъ онъ». Вотъ вкратцѣ содержаніе. Трудно въ простомъ пересказѣ выразить всю прелесть этой баллады, такъ глубокомысленно оцѣнивающей значеніе земледѣлія въ

исторіи человѣческоой культуры. Не даромъ греки такъ почитали матерь боговъ, не даромъ такъ славны были элевзинскіе праздники.

А вотъ передъ нами средневѣковая баллада: «Рыцарь Тогенбургъ». Тогенбургъ—одинъ изъ рыцарей, защитниковъ религіи, поборниковъ чести, заступниковъ слабаго пола и всѣхъ угнетенныхъ, девизомъ которыхъ было:

«Я буду вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой»...

Онъ открывается въ любви передъ своей дамой, но та отвѣчаетъ, что не можетъ любить его иначе, какъ любовью сестры; въ горести онъ уѣзжаетъ въ Палестину биться съ врагами гроба Господня, хочетъ размыкать свое горе, но не можетъ и снова возвращается домой. Но его дама уже оставила міръ и заключилась въ монастырскую келью; тогда рыцарь также становится отшельникомъ и строитъ себѣ келью въ долинѣ, насупротивъ ея монастыря; каждое утро, каждый вечеръ онъ ждетъ, когда она появится у окна, чтобы взглянуть на нее хотя мелькомъ, издалека: въ этомъ заключается для него все счастіе; такъ онъ прожилъ до конца и въ одно утро умеръ, глядя на окна ея келіи. Какая страстная, глубокая, ничѣмъ непобѣдимая тоска слышится въ этой балладѣ!

А вотъ передъ нами знаменитая рыцарственная Орлеанская дѣва Повинуясь тайному внушенію, призывавшему ее на спасеніе отечества, какъ внушенію божественному, она отправляется въ войску, одушевляетъ его и весь народъ, отбиваетъ враговъ и, наконецъ, торжественно коронуетъ короля. Но и ее посѣтило свое горе: среди дивныхъ подвиговъ во славу Бога и отечества, въ ея душѣ нечаянно родилось чувство жалости

и любви къ одному изъ непріятельскихъ рыцарей. И вотъ она мучится тяжелымъ сомнѣніемъ, не измѣнила ли она своему святому дѣлу, примѣшавши къ нему свое личное, земное, слѣд., грѣховное чувство; отсюда на нѣкорое время—ея раскаяніе и разочарованіе:

«Ахъ, почто за мечъ воинственный
«Я свой посохъ отдала?»

Много бы еще можно было привести въ примѣръ балладъ изъ среднихъ вѣковъ, прекрасно характеризующихъ средневѣковую жизнь съ ея укладомъ и обычаями. Въ нихъ во всѣхъ фигурируютъ рыцари «безъ страха и упрека»; у каждаго изъ этихъ рыцарей есть свое горе, есть свое трудное положеніе, изъ котораго иногда нѣтъ другого выхода, какъ только смерть. Вся ихъ привлекательность и для Ж—аго, и для насъ въ ихъ нравственной красотѣ и человѣчности, въ ихъ готовности страдать за идеалъ. Какъ видно изъ приведенныхъ балладъ, Ж—му удалось сообщить своимъ переводамъ жизнь и вдохновеніе оригиналовъ. Оттого каждый переводъ его получалъ на нашелъ языкѣ цѣну и силу самобытнаго сочиненія. Въ этомъ отношеніи Ж—ій занимаетъ исключительное мѣсто: ни въ одной литературѣ не было поэта, съ которымъ можно бы сравнить Ж—аго. Этотъ необыкновенный талантъ доставилъ Ж—му средство къ преобразованію литературы нашей. До него она была однообразна и безцвѣтна. Ж—ій расширилъ область ея, далъ лучшіе образцы различныхъ тоновъ поэзіи, усвоилъ намъ первоклассныя произведенія древнихъ и новыхъ стихотворцевъ и поравнялъ насъ въ поэзіи съ образованнѣйшими современными народами.

Таково значеніе Ж—аго, какъ переводчика, въ исторіи нашего развитія на литературномъ поприщѣ.

6.

Нужно ли говорить о такихъ патріотическихъ стихотвореніяхъ Ж—аго, какъ «Пѣвецъ во станѣ», «Пѣвецъ въ Кремлѣ» и «Посланіе къ Императору Александру»? Эти произведенія служили и будутъ служить памятниками слова великаго и важнаго момента въ жизни русскаго народа,—памятниками 1812 г. Эти стихи Ж--аго, который, находясь въ ополченіи, слѣдовалъ, по удачному выраженію его біографа, какъ Тиртей, какъ пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ и ихъ вождей, восторженно читались въ арміи и во всей Россіи: поэтъ былъ истолкователемъ и выразителемъ чувствъ, тогда наполнявшихъ всѣхъ. Припомнимъ одну изъ лучшихъ строфъ его «Пѣвца». Поднимая кубокъ за отечество, поэтъ говоритъ:

«Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!»

«Пѣвецъ во станѣ» есть пѣснь не только одной строгой любви къ отечеству: здѣсь затронуты всѣ живѣйшія струны души человѣческой; здѣсь вмѣстѣ съ отечествомъ, царемъ, предками, вождями, подняты кубки въ честь любви, дружбы и поэзіи! Но надъ всѣми

чувствами сіяетъ вѣра. А, воспѣвая героевъ дня и все молодое поколѣніе ихъ сподвижниковъ, Ж—ій олицетворялъ не однѣ богатырскія силы нашего народа, но и всѣ нравственныя основы души, всѣ священныя убѣжденія ума и сердца, воспитанныя нашею жизнію и такъ прекрасно выраженныя пѣвцомъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Въ высокой долѣ—простота,
Нежданность—въ наслажденьи;
Въ союзѣ съ равнымъ—правота;
Въ могуществѣ—смиренье.
Обѣтамъ—вѣчность; чести—честь;
Покорность—правой власти;
Для дружбы—всё, что въ мірѣ есть;
Любви—весь пламень страсти;
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань!
Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды гласъ;
Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
При гробѣ—упованье».

Какъ поразительно вѣрно въ этихъ лаконическихъ стихахъ переданы поэтомъ основныя нравственныя свойства русской натуры!

7.

Упомянемъ еще объ одномъ моментѣ изъ жизни Ж—аго, который онъ считалъ самымъ важнымъ—это дѣятельность его въ качествѣ наставника-воспитателя въ Бозѣ почившаго уже государя—императора Але-

ксандра II. По восшествіи на престолъ Императора Николая, Ж—ій былъ избранъ въ наставники къ великому князю-наслѣднику. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ взялся онъ за это великое дѣло! Романтикъ въ любви, Ж—ій проявилъ себя возвышеннымъ романтикомъ и на поприщѣ воспитателя. Его преданность обязанностямъ наставника не знала предѣловъ, онъ исполнялъ свой долгъ какъ бы по предопредѣленію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ж—ій, человѣкъ обширнаго образованія и прекраснаго сердца, имѣлъ самое лучшее вліяніе на своего царственнаго воспитанника, помогая развитію въ немъ симпатичныхъ свойствъ сердечной доброты и любви къ народу, которую незабвенный государь доказалъ освобожденіемъ крестьянъ и цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ на пользу русскаго народа, внушенныхъ уваженіемъ и любовью къ нему, увѣренностью, что онъ достоинъ свободы. За то благословенное имя Царя-Освободителя всегда будетъ вызывать въ памяти потомства и имя его сердечнаго наставника, который въ педагогической своей дѣятельности руководился тѣмъ убѣжденіемъ, что цѣль воспитанія и ученія есть образованіе для добродѣтели. И онъ достигъ своей цѣли.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать еще на то, что стихотворенія Ж—аго, несмотря на разнообразіе по содержанію, по формѣ и тону, сохраняютъ какой-то семейный отпечатокъ въ общемъ своемъ направленіи: вездѣ присутствіе чистоты, любви къ природѣ, къ нравственному порядку,—вездѣ успокоеніе духа, вѣрованіе въ лучшія качества человѣческаго сердца, вездѣ ожиданіе тѣхъ утѣшительныхъ обѣтованій, которыми жизнь и смерть примирены и равно освящены.

для души христіанина; словомъ, Ж—ій какъ бы избралъ девизомъ своей поэзіи только три слова: Вѣра, Надежда, Любовь. Онъ прошелъ всѣ возрасты жизни, видѣлъ различныя измѣненія судьбы, вслушался во всѣ ученія и остался вѣренъ тому, что выражаютъ эти всеобъемлющія слова. Они внушили ему то увлекательное краснорѣчіе, то могущественное убѣжденіе, которому такъ отрадно покоряться, и съ которымъ чувствуешь въ себѣ и силу, и отраду. Человѣкъ, глубоко принявшій въ сердце поэзію его, не только сохраняетъ благородный энтузіазмъ къ чистой славѣ, къ безкорыстной дѣятельности, къ возвышеннымъ мыслямъ, но и самое понятіе его о поэзіи у него неразлучно съ представленіемъ совершенства нравственно-идеальнаго, а въ идеяхъ, образахъ и въ самомъ слогѣ онъ всему предпочитаетъ силу истины, поэтическое созданіе, голосъ чувства и вѣрность выраженія.

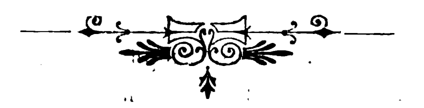
III.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нынѣ чествуемаго нами поэта—Жуковскаго и значеніе ея въ исторіи русской жизни и литературы. Какой же урокъ, какое назиданіе мы должны извлечь изъ завѣщаннаго намъ Ж—скимъ духовнаго его богатства? Не могу удержаться, чтобы не обратиться къ вамъ, учащаяся молодежь, съ послѣдними благожелательными словами. Можетъ-быть, никогда, нигдѣ, никому болѣе, какъ намъ съ вами, именно въ нашъ вѣкъ, скудный идеалами, порывами и стремленіями къ высокому, чистому и прекрасному, особенно въ нашемъ разноплеменномъ городѣ не пригодны тѣ великіе завѣты, которые щедро разсы-

паны во всей поэзіи и жизни Ж—скаго. Вѣдь романтическая пора жизни бываетъ у всякаго человѣка. Это время юности, той самой поры, которую вы переживаете. Въ эту пору человѣку, охваченному сердечнымъ порывомъ, свойственно и естественно стремиться къ неопредѣленному, неясному, правда, но возвышенному идеалу. Съ этимъ соединяется обыкновенно недовольство земною жизнью съ ея суетою, недовольство настоящимъ и стремленіе къ недостижимо-далекому прекрасному будущему. Въ романтическую пору жизни свойственно вѣрить въ побѣду добра надъ зломъ, въ родство душъ, въ вѣчную, чистую, какъ кристаллъ, любовь, въ вѣчную самоотверженную дружбу; романтической порѣ присуща склонность къ грусти и мечтамъ, присущъ интересъ къ фантастическому и чудесному. Все это лучшія свойства нравственной натуры человѣческой. Я желалъ бы, чтобы романтическая муза Ж—аго, сослужившая службу въ свое время для дикой степи русской поэзіи, по выраженію Бѣлинскаго, элевзинской богини Цереры, была бы и для васъ въ настоящее время такой богиней-хранительницей, чтобы она въ настоящую пору вашей жизни вдохнула въ ваши души и сердце возвышенныя мысли, благіе порывы; чтобы поэзія Ж—аго воспламеняла ваши сердца и души ровнымъ, яркимъ и чистымъ свѣтомъ, зажженнымъ тоскою по возвышенномъ идеалѣ и поддерживаемымъ надеждою на достиженіе прекрасной и нравственно-чистой цѣли въ жизни.

И. Смѣльницкій.

Г. Одесса.
21 апр. 1902 г.

Литературно-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго.

I.

Жизнь извѣстнаго народа, извѣстнаго общества, какъ принято думать, находитъ свое полное выраженіе въ современной имъ литературѣ,—по крайней мѣрѣ всѣ рѣзкія, типическія черты данной эпохи всегда ясно выступаютъ въ художественныхъ произведеніяхъ того времени. Принимая это за истину, мы вполнѣ логично можемъ сдѣлать и обратное заключеніе,—что по литературнымъ произведеніямъ данной эпохи мы можемъ судить о современномъ ей обществѣ. Если, руководясь этимъ общимъ положеніемъ, мы обратимся къ частному случаю—къ русской литературѣ послѣднихъ лѣтъ, то мы поразимся тою монотонностью, дряблостью и мертвенностью, которыми характеризуется жизнь русскаго общества за послѣдніе годы. Возьмите, напр., произведенія одного изъ видныхъ представителей русской литературы—А. П. Чехова; посмотрите, какой апатіей, безсодержательностію, какимъ пессимизмомъ, какою безотрадною грустью вѣетъ отъ изображенной въ нихъ жизни: въ нихъ нѣтъ почти ни одного мѣста, на которомъ бы отдохнула ваша душа, на которомъ она хотя бы на минуту облегчилась отъ тяжелаго сознанія: «грустно жить на свѣтѣ, господа!»... Или возьмите «великаго писателя земли Русской»: что такое его послѣдній романъ «Воскресеніе», какъ не энергичный протестъ противъ безсодержательной жизни современнаго намъ культурнаго общества,—жизни, которая исключаетъ сознательную

дѣятельность человѣка и, порабощая его себѣ, лишаетъ его цѣнности въ нравственномъ отношеніи. И нельзя не согласиться съ этой основной точкой зрѣнія на современную жизнь,—нельзя не признать того, что наша культурная жизнь идетъ не нормально: стоитъ только пристальнѣе всмотрѣться въ плоды культурной жизни. чтобы увидѣть все то зло, всѣ бѣдствія, которыя своимъ происхожденіемъ и существованіемъ обязаны именно культурѣ. Культура беретъ у человѣка все, что только есть въ немъ живого, сознательнаго, личнаго; она отнимаетъ у него всѣ жизненныя соки, всю прелесть жизни, а взамѣнъ не даетъ ничего или очень мало; съ систематическою послѣдовательностію она превращаетъ человѣка сначала въ животное, а потомъ просто въ машину; но, что всего ужаснѣе, сфера ея вліянія, расширяясь чуть не съ каждымъ годомъ, становится все больше и больше. Правда, нельзя отрицать того, что культура облегчила трудъ человѣка, но зато она сдѣлала его менѣе содержательнымъ, заставивъ человѣка относиться къ своей работѣ чисто механически; а механическое отношеніе къ работѣ постепенно вырабатываетъ въ человѣкѣ и механическое отношеніе къ своей личной жизни. Въ человѣкѣ все меньше и меньше замѣчается оригинальности, самобытности и духовной мощи; онъ ни къ чему не стремится, ничего не ищетъ. Интересы его мелки и ничтожны, запросы его творческаго духа не глубоки; жизнь его проходитъ не производительно, а его работа, которой онъ часто отдаетъ всѣ свои силы, не доставляетъ ему ни духовнаго удовлетворенія, ни матеріальнаго обезпеченія. И смѣшно, и больно становится за человѣка съ его жалкими интересами, съ его лилипутскою дѣятельностію... Грустная и тяжелая картина, но она до поразительности вѣрна дѣйствительности.

II.

Эта именно сторона печальной дѣйствительности находитъ свое яркое выраженіе въ произведеніяхъ извѣстнаго современнаго намъ писателя Максима Горькаго; эта именно дѣйствительность составляетъ главный предметъ его художественно-поэтическаго творчества, являясь исходною точкой его писательской дѣятельности. Слѣдующія мысли мы находимъ у него на эту тему уже на первыхъ листахъ перваго тома его сочиненій... «Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море, точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами веселъ, пароходныхъ винтовъ, глубокими, острыми килями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленныя громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега,— бьются и ропщутъ, вспѣненныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ; металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающихъ на камень; глухой стукъ дерева, дребезжанье извозчичьихъ телѣгъ, свистки пароходовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревущіе; крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ,—всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, нерѣшительно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ, а къ нимъ взды-

маются съ земли все новыя и новыя волны: то глухія, рокочущія и сурово сотрясающія все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, разрывающія уши и пыльный, знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, мостовая гавани, суда и люди,— все дышитъ мощными звуками бѣшено страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышные въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки, пыльныя, рваныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ,—подъ тяжестью заботы, толкающей ихъ то туда, то сюда, въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, такъ ничтожны и малы по сравненію съ окружающими ихъ колоссами, грудами товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты— пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигуркамъ людей, ползавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ смѣшны были длинныя вереницы грузчиковъ, таскавшихъ на себѣ тысячи пудовъ хлѣба и ссыпавшихъ его въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка, къ несчастію людей, не желѣзнаго и чувствующаго боли голода. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестѣвшія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностію машины, созданныя этими людьми,—машины, которыя въ концѣ концовъ приводились въ движеніе все-

-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи.

Шумъ подавлялъ; пыль, раздражая ноздри, слѣпила глаза; зной пекъ тѣло и изнурялъ его, и все кругомъ: зданія, люди, мостовая, казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, готовымъ прорваться, теряющимъ терпѣнье, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣщенномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко; на землѣ воцарится тишина; а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій нервы, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ».

III.

Осуществятся ли эти надежды, придутъ ли лучшія времена,—не извѣстно, а пока человѣкъ осужденъ на какое-то безсмысленное существованіе; у него нѣтъ идеала жизни, нѣтъ своихъ убѣжденій и опредѣленныхъ цѣлей; его поступки не объединяются одною общею мыслію, которая подчиняла бы себѣ всѣ его стремленія и регулировала бы всѣ его желанія: онъ, какъ былинка въ полѣ, наклоняется въ ту сторону, въ какую дуетъ вѣтеръ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла въ человѣкѣ сначала преобладающее, а потомъ господствующее положеніе заняли понятія—самыя низкія, чувства—самыя грубыя, стремленія—

самыя постыдныя, а міръ сдѣлался царствомъ самыхъ разнообразныхъ пороковъ; послѣдніе такъ крѣпко опутали собою человѣческую жизнь и людскія отношенія, такъ властно завладѣли міромъ, что въ немъ нѣтъ уже мѣста противоположной дѣятельности. А человѣкъ? О, онъ спокойно живетъ въ этомъ мірѣ пошлости и лжи, онъ легко дышетъ этимъ затхлымъ воздухомъ. Его воля..., но у него нѣтъ воли; онъ такъ малодушенъ, такъ слабъ, такъ безсиленъ, что даже не думаетъ о томъ, какъ бы ему выйти изъ той ненормальной обстановки, въ которую онъ попалъ; какъ бы ему порвать тѣ нити, которыми онъ связанъ съ этимъ затхлымъ, полнымъ пошлости и лжи міромъ съ тѣмъ, чтобы начать новую, свѣтлую жизнь. И это именно тогда, когда культура, на которую возлагали такія большія надежды, которой приписывали такое облагораживающее вліяніе на человѣка, въ которой видѣли прекращеніе человѣческихъ бѣдствій и страданій,—достигла высшаго своего развитія. И вотъ культура, пользующаяся у людей такимъ неограниченнымъ кредитомъ, должна объявить себя банкротомъ; она обманула кредиторовъ, которые по довѣрію къ культурѣ отдавали ей на служеніе всѣ свои силы, всю энергію... Горько и обидно становится за людей! И послушайте, какъ отзывается о культурѣ Горькій, какою злою ироніей звучатъ его слѣдующія слова: «Я знаю, что люди становятся все мягче душой въ наши высоко-культурные дни и даже, когда берутъ за глотку своего ближняго съ явною цѣлію удушить его, такъ стараются сдѣлать это съ возможною любезностію и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ данномъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ увѣренности подтверждаю, что все раз-

вивается и совершенствуется на этомъ свѣтѣ. Въ частности этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости». А вотъ отзывъ Горькаго о жизни современнаго культурнаго общества. «Нужно родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей,—изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектанства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности этого быта. Художественное изображеніе современнаго человѣка, во всей его непригляднсти и непривлекательности, Горькій далъ въ разсказѣ: «Еще о чортѣ». Въ немъ идетъ рѣчь о современномъ человѣкѣ, нѣкоемъ Ив. Ив. Ивановѣ, который занимался, между прочимъ, самоусовершенствованіемъ. Когда однажды, сидя въ своей квартирѣ, Иванъ Ивановичъ думалъ о своихъ недостаткахъ и сожалѣлъ, что не можетъ избавиться отъ нихъ, къ нему явился чортъ и предложилъ Ивану Ивановичу почистить его сердце. Иванъ Ивановичъ соглашается. И вотъ сначала чортъ извлекаетъ изъ груди Ивана Ивановича честолюбіе, потомъ злобу и, наконецъ, гнѣвъ или, вѣрнѣе, не гнѣвъ, а «этакую нервозность, раздраженіе». Послѣ этого чортъ поздравляетъ Ивана Ивановича съ достиже-

ніемъ совершенства, но, взглянувъ на Ивана Ивановича, чортъ обомлѣлъ.

Иванъ Ивановичъ весь какъ-то обвисъ, ослабъ, изломался, точно изъ него вынули всѣ кости. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ раскрытымъ ртомъ, и на лицѣ его сіяло то неизъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ идіотамъ.

«Иванъ Ивановичъ!» — крикнулъ чортъ, тронувъ его за рукавъ

— «А»...

«Что съ вами?»

— «О»...

«Вы что-нибудь чувствуете?»

— «У»...

«Вамъ дурно?»

— «Э»...

«Вотъ такъ святочное происшествіе!» воскликнулъ растерянно чортъ.—«Неужели я это изъ него всю суть извлекъ? Иванъ Ивановичъ!»

— «А.»..

«Такъ и есть. Одни междометія остались въ человѣкѣ, да и то безъ всякаго содержанія... Что мнѣ съ нимъ дѣлать!»

Чортъ постукалъ Ивана Ивановича въ грудь: она издала звукъ пустого боченка; онъ постучалъ пальцемъ въ его голову: она тоже была пуста.

«Вотъ-те и совершенный человѣкъ! Ахъ ты бѣдняга! Опустошилъ я тебя... Но развѣ жъ я зналъ, что ты былъ такъ скверно наполненъ?»

Прибавлять къ этому нечего: и безъ того видно, какъ горька та дѣйствительность, которую такъ ярко представилъ въ своихъ произведеніяхъ Горькій.

Но чтоже, неужели нѣтъ выхода изъ этого тяжелаго положенія и ненормальнаго состоянія? неужели человѣкъ навсегда осужденъ на такую мертвую жизнь? Нѣтъ, отвѣчаетъ Горькій, выходъ изъ этого положенія есть. Въ человѣкѣ еще не умерли совсѣмъ идеи свѣта и свободы, идеи живой и сознательной жизни; онъ еще можетъ найти въ себѣ достаточно энергіи, чтобы бороться съ враждебными силами за свое человѣческое существованіе: онъ можетъ создать осмысленную и свѣтлую жизнь, въ которой найдетъ полное успокоеніе его изстрадавшееся сердце. И это не предположеніе только, это глубокая истина, основывающаяся на фактахъ дѣйствительной жизни: есть люди, которые своей жизнію и дѣятельностію подтвердили справедливость этой истины, это-босяки, которые и являются въ произведеніяхъ Горькаго въ качествѣ борцовъ за право человѣческой жизни.

Обратимся теперь къ характеристикѣ этихъ героевъ, чтобы видѣть, какого рода идеалъ предлагаетъ намъ Горькій.

IV.

Первое, что бросается въ глаза при ближайшемъ знакомствѣ съ босяками, — это ихъ безпокойность, которая обусловливается ихъ стремленіемъ найти идеалъ жизни: «какъ надо жить?» Настоящее положеніе нисколько не удовлетворяетъ ихъ, вызывая въ нихъ тоску по чемъ-то и къ чему-то. Эта тоска ни на минуту не даетъ имъ успокоиться и постоянно толкаетъ ихъ впередъ — въ поиски за смысломъ жизни, за «своей точкой», какъ они выражаются. Впрочемъ, дѣйствительность, при

всей своей неудовлетворительности, не стоитъ, по мнѣнію босяковъ, въ причинномъ отношеніи къ ихъ тоскѣ: тоска босяковъ является чѣмъ-то врожденнымъ, и она только возбуждается по поводу дѣйствительной жизни: «на меня, видишь ты, тоска находитъ», говоритъ Коноваловъ. Такая скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя... И все мнѣ въ ту пору противѣетъ—все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди, хоть помирай они—не охну. Болѣзнь это у меня, должно быть». Ѳома Гордѣевъ, тоже своего рода босякъ, такъ отзывается о себѣ; «Мать что ли это безчувственностію наградила? Крестный говоритъ: она, какъ ледъ, была... И все ее тянуло куда-то... Вотъ и меня тянетъ». Эта безотчетная тоска гложетъ сердце босяковъ и тогда, когда они попадаютъ сравнительно въ хорошія условія жизни. Григорій Орловъ, напр., поступаетъ на службу въ холерный баракъ,—тамъ бывшій пьяница и драчунъ почти перерождается, совсѣмъ измѣнившись къ лучшему; начальство имъ довольно, самъ онъ любитъ свое ѣло и всей душой отдается ему,—жить бы ему здѣсь,—но нѣтъ! Или, напр., Коноваловъ: завязался у него романъ съ богатой купчихой Вѣрой Михайловной; живутъ они душа въ душу, довольные другъ другомъ. «Удивительно даже, до чего она хорошій человѣкъ была».. отзывается Коноваловъ о ней, и все-таки ушелъ отъ нея: «потому тоска! тянетъ меня куда-то!»..

Въ одномъ только босяки находятъ для себя нѣкоторое успокоеніе—это въ босячествѣ, съ которымъ у нихъ ассоціируется представленіе о полной свободѣ. «Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь», говоритъ одинъ изъ босяковъ: «оно холодно и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства, самъ ты

своей жизни хозяинъ... хоть голову себѣ откуси, никто тебѣ слова не можетъ сказать... хорошо!»

Только что приведенныя слова даютъ до нѣкоторой степени понять, чѣмъ вызывается эта тяжелая тоска, которая не даетъ покою босякамъ и вѣчно гонитъ ихъ съ одного мѣста на другое. Они тоскуютъ, потому что въ современой жизни для нихъ слишкомъ мало простора. Поэтому-то вполнѣ естественнымъ является у босяковъ и недовольство тѣми условіями современной жизни, которыя такъ или иначе стѣсняютъ ихъ свободу; одинаково недоброжелательно относятся они къ городу и деревнѣ, гдѣ дѣйствуютъ опредѣленныя постановленія, стѣсняющія ихъ свободный духъ. Коноваловъ, напр., достаточно пробродившій по свѣту, встрѣтившись съ Горькимъ въ одномъ городѣ, такъ говоритъ ему между прочимъ: «Напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ни всего, что человѣку надо». Гораздо враждебнѣе босяки относятся къ деревнѣ и мужикамъ. Въ разсказѣ: «Мальва», Сережка назыветъ мужиковъ «землеѣдами тупорылыми», «кротами таракановичами» и даже «сволочью», а объ одномъ изъ нихъ отзывается: «Мнѣ онъ не по душѣ... деревней отъ него воняетъ, а я запаха этого не терплю». Еще враждебнѣе относится къ мужику босякъ—Емельянъ Пиляй: «мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты! грабь... дери шкуру, выворачивай на изнанку.. Прійдетъ опохмелиться.—«Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!» —«А? Что? Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ»!—«Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!»—Изволь, буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, пронзилъ».

Но свобода, которой такъ жаждутъ босяки, не есть

для нихъ самоцѣль; она только средство къ тому, чтобы устроить свою жизнь на разумныхъ началахъ, что собственно и является конечнымъ пунктомъ босяцкихъ стремленій. И въ тоскѣ босяковъ, въ ихъ вѣчномъ шатаніи по свѣту, въ ихъ неудовлетворенности — во всемъ этомъ сказывается стремленіе человѣческаго духа найти разумную цѣль жизни и такимъ образомъ разрѣшить проклятые вопросы. Мысль о разумной цѣли жизни постоянно воздѣйствуетъ на босяковъ, не давая имъ успокоиться ни на одно мгновеніе; она-то толкаетъ ихъ все впередъ и впередъ «за порядками жизни». Коноваловъ, живя еще вмѣстѣ съ Максимомъ Савватѣичемъ (Горькимъ), какъ-то спросилъ его: «нѣтъ ли въ книгахъ насчетъ порядковъ жизни, т.-е. поученія, какъ жить? Поступки бы мнѣ нужно разъяснить, которые вредные и которые ничего себѣ»... и далѣе продолжалъ: «неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?»... Когда же Максимъ Савватѣичъ сталъ убѣждать Коновалова въ томъ, что соціальныя условія не дали ему развить его внутреннюю жизнь, Коноваловъ не согласился: «каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть», говоритъ онъ.

— «Да погоди», кричалъ я: «какъ можетъ человѣкъ устоять, коли на него со всѣхъ сторонъ разная темная сила претъ?»

— «Упрись крѣпче», провозглашалъ мой оппонентъ, горячась и сверкая глазами.

«Да во что упереться?»

— «Найди свою точку и упрись»

«А ты чего же не упирался?»

— «Вотъ я те и говорю, чудакъ-человѣкъ, что я

замъ виноватъ въ моей долѣ! Не нашелъ я точки моей...

Ищу, тоскую и не нахожу».

Мальва, эта страстная и жестокая натура, не признающая, кажется никого и ничего, и та такъ или иначе ищетъ смысла жизни. Она любитъ, напр., читать книги въ родѣ житія Алексѣя, человѣка Божія, и съ тревогой спрашиваетъ, что надо дѣлать. Тяпа читаетъ Библію и сожалѣетъ, что въ наши дни нѣтъ ни казней, ни пророковъ отъ Бога, и некому насъ научить, какъ надо жить. Григорій Орловъ хочетъ выступить противъ людей съ обличительною рѣчью по поводу ихъ безыдейной жизни: «Ахъ, вы гады! Зачѣмъ вы живете? какъ вы живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего!»

V.

Изъ выше приведеннаго видно, что босяки только еще рѣшаютъ жизненные вопросы и главный изъ нихъ: «какъ надо жить?» но еще не рѣшили; отсюда ихъ взгляды на жизнь и въ частности на людскія отношенія не получили еще устойчивости и потому отличаются неопредѣленностію; но при всемъ томъ босяки не прочь помочь своему ближнему и иногда даже съ нѣкоторою долею самопожертвованія. Въ разсказѣ: «Дѣло съ застежками», выводится одинъ босякъ, который отдаетъ заработанную имъ плату своему товарищу, чтобы выкупить украденныя этимъ послѣднимъ серебряныя застежки отъ Библіи, которыя онъ потомъ возвращаетъ по принадлежности. Или, напр., Григ. Орловъ самоотверженно ухаживаетъ за холерными, нисколько не опасаясь заразы. Или, наконецъ, Коноваловъ, повинуясь доброму движенію сердца, помогаетъ одной дѣвушкѣ Капитолинѣ

выбраться изъ дома терпимости, куда ее загнала нужда. Объ этомъ же Коноваловѣ Горькій говоритъ, что онъ никогда никого не обидѣлъ.

Итакъ, по изображенію Горькаго, босяки—народъ очень симпатичный: это, оказывается, люди глубокомыслящіе, идеальные по своимъ конечнымъ стремленіямъ и доброжелательные къ другимъ. Они стремятся освободиться отъ стѣснительныхъ оковъ теперешней жизни, хотятъ подняться выше заѣдающей ихъ среды, чтобы, осмотрѣвшись, рѣшить вопросъ: «какъ надо жить?»

И нужно сказать, что Горькій очень сочувственно относится и къ идеямъ, и къ стремленіямъ босяковъ. Свое сочувствіе стремленіямъ къ свободѣ и свѣту Горькій ясно высказалъ въ слѣдующихъ аллегорическихъ разсказахъ: «О чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины»; въ «Пѣснѣ о Соколѣ», «Старухѣ Изергиль». Въ первомъ изъ нихъ идетъ рѣчь о томъ, какъ пребывали въ лѣсу птицы, смущенныя холодомъ и тьмой». И вотъ среди нихъ появился чижъ, который сначала пропѣлъ людямъ пѣсню, а потомъ сказалъ рѣчь; въ нихъ онъ звалъ всѣхъ птицъ покинуть это мѣсто тьмы и искать новой, свободной и свѣтлой жизни.

«За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ!
Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Палъ тотъ, кто, робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ».

Всѣ птицы встрепенулись и хотѣли двинуться за чижомъ, но тутъ выступилъ впередъ дятелъ, который наглядно доказалъ всю опасность предпріятія чижа;

«нѣтъ нигдѣ теплой пріятной страны, о которой говорилъ чижъ, а, напротивъ, не дальше, какъ за лѣсомъ, ожидаетъ пернатыхъ птицеловъ Гришка». Птицы вняли голосу дятла и преспокойно остались въ темной, безпросвѣтной чащѣ лѣса. Авторъ такъ заканчиваетъ этотъ разсказъ: «прочитавъ ее (сказку), ты (читатель), конечно, увидишь, что чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и потому нищъ духомъ; дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы—слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны; но онѣ въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки»... Въ разсказѣ: «Пѣсня о Соколѣ», соколъ съ разбитою грудью и окровавленный падаетъ въ темное, съ запахомъ гнили, ущелье, гдѣ лежалъ ужъ. Умирающій соколъ, привыкшій жить на свободѣ, высказываетъ страстное желаніе еще разъ подняться въ небо, еще разъ сразиться съ врагомъ. Поколебленный его словами, ужъ рѣшаетъ полетѣть самъ, но, подпрыгнувъ, падаетъ на землю и потомъ разсуждаетъ: «Такъ вотъ въ чемъ прелесть полета въ небо! Она въ паденьи! Смѣшныя птицы! Но не обманутъ теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи. Я самъ все знаю. Я видѣлъ небо... Взлетомъ въ него я его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я... Но волны моря поютъ грозную пѣснь, отъ которой дрожитъ небо: «Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни. О смѣлый соколъ! въ бою съ врагами истекъ ты кровію... Но будетъ время, и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной надеждой свободы свѣта!

Пускай ты умеръ!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣ-

ромъ, — призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!»

Въ «Старухѣ Изергиль» передается легенда о нѣкоторомъ Данко, который велъ по лѣсу заблудившихся людей. Терпѣнье ихъ въ поискахъ пути истощилось, и они хотѣли убить Данко. «Тогда въ сердцѣ Данко», читаемъ мы: «вскипѣло негодованіе, но отъ жалости къ людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и думалъ, что, можетъ—быть, безъ него они погибнутъ. И вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести ихъ на легкій путь». Данко разорвалъ свою грудь, вынулъ пылающее сердце, которое и освѣтило людямъ путь по темному лѣсу.

Въ «Читателѣ», этомъ, весьма цѣнномъ для характеристики художественно-литературныхъ взглядовъ Горькаго, произведенія, неизвѣстный человѣкъ говоритъ автору: «Едва ли Богъ послалъ васъ (современныхъ поэтовъ) на землю... Онъ выбралъ бы болѣе сильныхъ, чѣмъ вы; Онъ зажегъ бы сердца ихъ огнемъ страстной любви къ жизни, къ истинѣ, къ людямъ, и они пылали бы во мракѣ нашего бытія, какъ свѣтильники его силы и славы»..

Отсюда мы видимъ, что свободный духъ босяковъ и ихъ доброжелательность къ людямъ находятъ себѣ полное сочувствіе со стороны ихъ творца, и потому не грѣшатъ тотъ, кто считаетъ ихъ идеальными у Горькаго личностями.

VI.

Но.... тутъ приходится считаться съ вопросомъ, что̀ собственно нужно признать въ босякахъ идеальнымъ, такъ какъ тѣ же босяки у того же Горькаго

награждаются часто и другими, иногда прямо — таки противоположными указаннымъ свойствами.

Такъ, напр., почти у всѣхъ босяковъ замѣтно какое-то презрительное отношеніе къ людямъ, переходящее даже въ злобу, въ страстное желаніе такъ или иначе, а насолить человѣку. Григ. Орловъ послѣ самоотверженнаго ухода за холерными больными готовъ направить на докторовъ толпу и разнести больницу, гдѣ онъ, казалось, только что обновился душой. Мальва, въ разсказѣ того же имени, говоритъ: «Иной разъ сѣла бы въ лодку и — въ море! далеко! и чтобы никогда больше людей не видать. А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла да и пустила волчкомъ вокругъ себя, смотрѣла бы на него и смѣялась; то жалко всѣхъ мнѣ, а пуще всѣхъ себя самое, то избила бы весь народъ. И потомъ бы себя страшною смертью». Еще съ большимъ ожесточеніемъ и бѣшенствомъ высказываетъ глубокую злобу къ людямъ Григорій Орловъ. «И по сію пору хочется мнѣ отличиться на чемъ — нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного. Или вообще что — нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты!.. И сказать имъ: «Ахъ, вы гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего. И потомъ внизъ тормашками съ высоты и въ дребезги! Противно все: города, деревни, люди разныхъ калибровъ... тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя! Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ». Злоба у босяковъ является необходимымъ до нѣкоторой степени предикатомъ; по крайней мѣрѣ самъ Горькій такъ характеризуетъ ихъ: «это люди очень злые и далеко не глупые», или: «зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много

привлекательнаго». Злобное чувство босяковъ къ людямъ такъ велико, что иногда доводитъ ихъ даже до убійства человѣка.

При такомъ ихъ настроеніи, чуждомъ чувства жалости, вполнѣ естественнымъ является ихъ неспособность покровительствовать кому бы то ни было. У Горькаго есть разсказъ: «Каинъ и Артемъ». Каинъ—жидъ, всѣми гонимый и обижаемый; Артемъ—силачъ—босякъ, котораго всѣ трепещутъ. Каинъ спасъ однажды жизнь Артему, за что послѣдній взялъ Каина подъ свою опеку. Однако это продолжалось не долго: между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

«Ну что?» спросилъ Артемъ: «живешь?»

— «Живу,—о, я теперь не боюсь!»...

«Ну и хорошо»...

— «Благодарю»...

«Погоди!» сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжело молчалъ, попыхивая папиросой, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и боязливыхъ предчувствій...

«Н—да... Такъ теперь ничего, не обижаютъ?»

— «О, они боятся васъ. Они всѣ, какъ собаки, а вы, какъ левъ!—И я теперь»...

«Погоди!»....

— «Н—ну? И что вы мнѣ хотите сказать?» съ трепетомъ спросилъ Каинъ.

«Сказать-то? Это не просто»...

— «Что же оно такое?»

«А!... видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все.

— «Ага?»

«И я тебѣ долженъ сказать, что больше я не могу»...

— «Что, что не можете?»

«Ничего! Не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло»..., вздохнувъ, сказалъ Артемъ.

— «Что же не ваше дѣло, что?»

«Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому не мое это дѣло».

Каинъ съежился, точно его ударили, и молчалъ.

«И ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? нельзя мнѣ это».

На вопросъ жида—почему? Артемъ отвѣчаетъ:

«Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ. Ты это тоже пойми... другому бы я не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю»...

Эти новыя черты въ характерѣ босяка, это его стремленіе ставить себя въ центрѣ всего міра, это сочувствіе его только сильнымъ и мощнымъ и презрѣнье ко всему слабому, превращая босяка въ яраго индивидуалиста, сближаетъ его съ «сверхчеловѣкомъ», а самого Горькаго ставитъ на одну параллель съ Ницше. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ на удачу нѣсколько примѣровъ изъ сочиненій того и другого и мы увидимъ, насколько правдоподобно такое сближеніе Горькаго съ Ницше съ точки зрѣнія ихъ основныхъ взглядовъ на жизнь и человѣка. Ницше въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій высказываетъ такой афоризмъ: «падающаго подтолкни», и у Горькаго въ романѣ: «Ѳома Гордѣевъ», Игнатъ говоритъ: «Ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человѣкъ—пожалѣй, помоги ему. А ежели который слабый, къ дѣлу не склоненъ—плюнь на него и пройди мимо». Ницше рекомендуетъ людямъ въ качествѣ начал жизни ненависть, месть и возстаніе противъ всего

существующаго, и этихъ началъ, кажется, не занимать стать героямъ Горькаго. Ницше совѣтуетъ людямъ удаляться въ дикія мѣста, и у босяковъ замѣтно стремленіе порвать связи съ окружающимъ и «уѣхать туда, далеко». Съ точки зрѣнія Ницше хорошо только то, что сильно, и у Горькаго одно лицо въ этюдѣ: «Ошибка», разсуждаетъ: «Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, и потому оно морально и хорошо»...

Такова другая сторона въ характерѣ босяковъ. Нечего и говорить, конечно, о той путаницѣ, которую она вноситъ въ понятіе о нихъ, дѣлая его крайне неопредѣленнымъ. Эта неопредѣленность въ характерѣ героевъ Горькаго признается и критиками. В. Поссе, напр., говоритъ: «Мы указали на нѣсколько общихъ групповыхъ чертъ героевъ Горькаго—босяковъ. Этихъ чертъ немного, и онѣ выражены недостаточно опредѣленно». Характернѣе въ этомъ отношеніи слѣдующія слова С. Ащевскаго въ журналѣ: «Образованіе», за августъ мѣсяцъ 1901 года: «Въ одномъ только признаніи выдающагося таланта у М. Горькаго пока и сходятся его многочисленные «цѣнители и судьи». Разъ только дѣло заходитъ о значеніи его литературной дѣятельности и о реально созданномъ имъ типѣ «босяка», тотчасъ же начинаются разногласія. Въ этомъ отношеніи литература о Горькомъ представляетъ рядъ выводовъ и сужденій діаметрально противоположнаго характера. Для однихъ босякъ Горькаго—призракъ, мечта, греза; для другихъ—образъ вполнѣ реальный. По мнѣнію однихъ, Горькій черезчуръ идеализируетъ своего босяка, по мнѣнію другихъ, «онъ далекъ отъ всякой идеализаціи». Одни говорятъ, что Горькій въ своихъ разсказахъ черезчуръ циниченъ; другіе увѣряютъ, что онъ отличается литературнымъ аристократизмомъ. Одни признаютъ за литера-

турной дѣятельностью Горькаго положительное, другіе— отрицательное значеніе и т. д., и т. д. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ пока очень трудно».

VII.

Главное то, что для насъ остаются совершенно непонятными тѣ условія, которыя создаютъ босяковъ. Когда послѣднимъ приходится сказать, что ихъ заставило «босячить», они говорятъ только: «такъ», «осѣдлость не по мнѣ», «на душѣ безпокойство», «планида такая». Коноваловъ задаетъ себѣ вопросъ: «Не такъ я родился, что ли»? Гр. Орловъ просто рѣшаетъ: «Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ, и судьба моя быть босякомъ». Иное дѣло, если бы Горькій показалъ намъ тѣ дѣйствительныя условія, при которыхъ нарождаются босяки, тогда и выводимыя имъ личности, безъ сомнѣнія, были бы реальны. Точно также и та цѣль, къ которой стремятся босяки, поражаетъ своею неопредѣленностію и туманностію. Босяки ищутъ своей «точки», но что такое она, что подъ нею разумѣется, этого сказать не въ состояніи ни одинъ изъ нихъ. Не удивительно поэтому, что даже потомъ, пробродивши чуть не по всему свѣту въ поискахъ за «внутреннимъ путемъ», босяки ничего не находятъ, послѣ чего, махнувши на все рукой, рѣшаютъ, что думать объ этомъ больше не стоитъ. «Оно, конечно», говоритъ Коноваловъ: «ежели подумать, такъ ни въ городѣ, ни въ степи, нигдѣ человѣку мѣста нѣтъ; но лучше про такія дѣла не думать... ничего не выдумаешь, а душу надорвешь». Въ разсказѣ: «Тоска», Кузьма разсуждаетъ: «Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ,—пиши: пропалъ человѣкъ».

Почему же Горькій, создавшій героевъ, оставилъ ихъ безъ опредѣленнаго идеала? почему онъ, возбуждая людей къ иной, лучшей жизни, не указалъ имъ опредѣленной цѣли жизни, основного начала ея? Намъ кажется потому, что здѣсь Горькому пришлось столкнуться съ задачей, надъ которой уже бились и не достигли цѣли русскіе писатели, жившіе до него—это дать идеальный типъ на русской подкладкѣ. Отрицательные типы всегда удавались нашимъ писателямъ, положительные же—никогда, и, кажется, по той простой причинѣ, что ихъ еще не выработала русская жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что положительнаго въ Евгеніи Онѣгинѣ, а также Печоринѣ? Чѣмъ кончилась попытка Гоголя создать идеальный русскій типъ въ «Мертвыхъ душахъ»? Насколько удаченъ у Гончарова идеалъ въ лицѣ его Штольца? Что заставило, наконецъ, Тургенева искать героя для своего романа не въ Россіи, а въ Болгаріи? (см. статью Добролюбова: «Когда же придетъ настоящій день?») Не совладалъ съ этою задачею и Горькій, а потому и не далъ намъ въ своихъ произведеніяхъ положительнаго, идеальнаго типа.

Однако справедливость требуетъ сказать, что при всей неопредѣленности характера босяковъ, ихъ стремленій и цѣлей, въ нихъ замѣчается одна общая черта, которая сама по себѣ можетъ быть идеаломъ—это стремленіе босяковъ къ свободѣ отъ условностей жизни, оплетающихъ человѣка и не дающихъ ему дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ разумъ—это протестъ противъ пошлости и мертвенности жизни. Намъ кажется, что это-то стремленіе къ свѣту и свободѣ, получившее въ произведеніяхъ Горькаго такое конкретное выраженіе, и служитъ, вмѣстѣ съ мощнымъ поэтическимъ талантомъ, тою притягательной силою, которая привлекаетъ къ

Горькому такую массу читателей... Это постоянное стремленіе къ свѣту и свободѣ замѣчается не только у босяковъ, но и у всѣхъ вообще мало-мальски мыслящихъ личностей. Такъ, Варенька Олесова, эта простенькая, но размышляющая дѣвушка, говоритъ: «Мнѣ люди до той поры нравятся, пока они сильно хотятъ чего-нибудь, мучатся.., но, если они дошли до цѣли, тутъ они уже не интересны... и даже пошлы». Изъ другихъ произведеній Горькаго прямо слѣдуетъ, что нужно быть «смѣлымъ, храбрымъ, безумно храбрымъ»; что всѣ силы надо отдавать на исканіе и стремленіе къ свѣту и свободѣ. Только свобода, освобождая человѣка отъ грязи и пошлости современной жизни, способна облегчить его душу и дать ему нѣкоторое успокоеніе. Такъ, Кузьма въ разсказѣ: «Тоска», этотъ вольный, какъ вѣтеръ, и не засиживающійся подолгу ни на одномъ мѣстѣ, босякъ вполнѣ доволенъ своей свободной жизнью. Коноваловъ и Макаръ Чудра говорятъ, что босяцкая жизнь не въ примѣръ лучше ихъ прежней жизни. Впрочемъ, босячество не представляетъ собою конечнаго пункта золоторотцевъ стремленій, и не въ немъ они собственно ищутъ полнаго своего успокоенія отъ всѣхъ тревогъ и пошлостей жизни. Гр. Орловъ говоритъ, напр.: «Я родился съ безпойствомъ въ сердцѣ, и судьба моя быть босякомъ. Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно... и... тѣсно все-таки. Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія. Подобно Орлову, разсуждаетъ и Коноваловъ: «Вспомнилъ я, Максимъ, ту нашу жизнь и все тамъ, что было. Сколько послѣ того исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ... Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста».

Но и при всемъ томъ, свобода—лучшее, чѣмъ толь-

но можетъ владѣть человѣкъ. Это пока цѣль человѣческой дѣятельности, такъ какъ только тогда, когда человѣкъ найдетъ въ себѣ силы разорвать связь съ окружающимъ его міромъ грязи и пошлости,—только тогда для него возможно будетъ обновленіе, возможна будетъ новая, свѣтлая жизнь. На свободу Горькій смотритъ, какъ на пробу человѣка своихъ силъ, и въ то же время, какъ на необходимое условіе лучшаго устройства жизни...

VIII.

Подводя итоги литературно художественной дѣятельности Горькаго, мы видимъ, что онъ указалъ намъ на ненормальное теченіе современной жизни, но однако не создалъ опредѣленнаго идеала отчасти потому, что такихъ идеальныхъ личностей не выработала еще русская жизнь, и отчасти потому, что онъ самъ еще не уяснилъ себѣ смысла жизни, самъ еще не разрѣшилъ всѣхъ жизненныхъ «проклятыхъ» вопросовъ. Въ «Читателѣ» Горькій прямо заявляетъ, что онъ еще «полонъ сомнѣній и думъ».

Міровоззрѣніе Горькаго находится еще въ періодѣ формированія, и потому онъ, какъ думается, колеблется, что признать за принципъ дѣятельности: индивидуализмъ съ узко эгоистическимъ характеромъ или альтруизмъ? И трудно рѣшить заранѣе, къ чему онъ склонится—къ первому или ко второму?

Такъ, съ одной стороны, онъ почти нигдѣ не заикается о религіи съ ея альтруистическимъ характеромъ, съ ея умиротворяющимъ вліяніемъ на человѣка; его босяки относятся къ религіи индифферентно и даже болѣе того: Челкашъ, напримѣръ, презрительно сплюнулъ,

когда ему сказали: «гуляй, знай, какъ хошь,—Бога только помни». Ни одинъ босякъ не находитъ для себя умиротворенія въ религіи и дѣятельной любви къ ближнимъ. Самъ Горькій раздумываетъ «о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новою моралью христіанской, новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни, и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ ихъ понимать». Семка въ разсказѣ: «Дѣло съ застежками», увѣщаетъ Мишку: «Умри ты лучше, левъ милый. А то завтра тебя съ твоими такими выкрутасами мухи или тараканы съѣдятъ». Маякинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ: «Ѳома Гордѣевъ», говоритъ: «Кто хочетъ отъ жизни добиться толку, тотъ грѣха не боится... Совѣсть—сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ».

Съ другой стороны, въ своихъ произведеніяхъ Горькій обнаруживаетъ сильно развитое чувство гуманности и глубокаго уваженія къ человѣческой личности. Вспомнимъ, напр., его аллегорическій разсказъ: «Старуха Изергиль», или, лучше: «Однажды осенью», гдѣ рѣчь идетъ объ одной озлобленной противъ всѣхъ проституткѣ, которая, несмотря на свою ненависть къ людямъ, ночью согрѣваетъ своимъ тѣломъ иззябшаго босяка. Въ разсказѣ: «Болесь», одна изъ «этакихъ» гулящихъ упрашиваетъ живущаго по сосѣдству съ нею студента написать самое нѣжное письмо къ какому-то «Болесю», ея жениху. Но, какъ потомъ оказалось, въ дѣйствительности не было никакого Болеся. На вопросъ студента, зачѣмъ ей понадобились письма къ несуществующему Болесю, она отвѣчаетъ: «Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать, и, когда мнѣ его читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко

мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ и читаютъ, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется».

«Я понялъ», замѣчаетъ разсказчикъ: «мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня, живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга»... Но особенную цѣнность въ разсматриваемомъ нами отношеніи имѣетъ «Читатель», —разсказъ, проникнутый глубокимъ чувствомъ любви къ людямъ...

Но пусть Горькій не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія: пусть онъ еще не видитъ ясно цѣли, къ которой необходимо стремиться человѣку въ его жизни, и однако это нисколько не мѣшаетъ ему быть послѣдовательнымъ въ проведеніи излюбленной имъ идеи —разбудить человѣка отъ его спячки, вдохнуть въ него стремленіе къ свободѣ и свѣту и, такимъ образомъ, возвратить человѣка къ живой жизни... Въ началѣ статьи мы упомянули, что ненормальный строй жизни современнаго общества, безпринципность и сонливость человѣка, даже болѣе того,—его безжизненность—являются исходнымъ пунктомъ литературной дѣятельности Горькаго, и это не слова—это дѣйствительный фактъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ исповѣди Горькаго, къ «Читателю», гдѣ онъ излагаетъ свои завѣтныя мысли, свои основные взгляды на литературно-поэтическую дѣятельность. Тамъ незнакомецъ, который является alter ego самого автора, говоритъ, между прочимъ, обращаясь къ Горькому: «Понимаете ли вы (поэты) запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее, и что вы можете сказать для возбужденія человѣка, раздавленнаго

мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ упалъ духомъ; его интересъ къ жизни низокъ; желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ иссякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и вы слышите? уже онъ нахально смѣется, когда произносятъ слово идеалъ: человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой; эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ!» И дальше продолжаетъ: «Дремлетъ человѣкъ... и никто не будитъ его. Дремлетъ онъ и превращается въ животное. Бичъ ему нуженъ и огненная ласка любви вслѣдъ за ударомъ бича... Когда ему будетъ больно и стыдно за себя, ты пламенно обласкай его, и онъ возродится»...

«Когда ему будетъ больно и стыдно за себя»... да, вотъ изъ-за чего бьется Горькій. Онъ пишетъ для того, чтобы человѣкъ пришелъ въ себя, чтобы сознательно поглядѣлъ на окружающую его обстановку, чтобы увидѣлъ всю ту мерзость, до которой онъ дошелъ, и тогда ему станетъ больно и стыдно за себя; тогда онъ начнетъ искать выхода изъ этого положенія, тогда онъ создастъ себѣ идеалы и будетъ жить ими... Трудна и тяжела эта неблагодарная работа, и много силъ, энергіи, большой и стойкой воли требуетъ она для себя! Вотъ почему даже такой энергичный и стойкій работникъ, какъ Горькій, не всегда достигаетъ успѣха, и ему приходится жаловаться на то, что его перо, «слабо ковыряющее дѣйствительность», не можетъ создать хотя бы маленькаго возвышающаго душу обмана; что онъ не умѣетъ изображать такъ, чтобы картина жизни вызвала въ человѣкѣ мстительный стыдъ за себя и жгучее желаніе создать новыя формы жизни...

Снова, только съ большею силою и настойчивостію

повторилъ Горькій эти мысли и въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній—«О писателѣ, который зазнался». Это произведеніе характерно въ томъ отношеніи, что оно является до нѣкоторой степени надгробною рѣчью надъ современнымъ человѣкомъ; кромѣ того, здѣсь прямо и открыто высказывается то, что скрывается въ его художественныхъ произведеніяхъ прежнихъ лѣтъ... Разсказъ: «О писателѣ, который зазнался», имѣетъ своимъ основаніемъ извѣстный инцидентъ Горькаго съ московскою публикою въ одномъ изъ театровъ. Въ разсказѣ писатель задаетъ, между прочимъ, публикѣ вопросъ, за что бы можно было уважать ее? Публика не отвѣчала. «Вотъ видите», послѣ долгаго молчанія кротко сказалъ писатель: «вы и сами не въ состояніи придумать, за что можно было бы уважать-то васъ».

Какой-то рыжій человѣкъ открылъ ротъ и басомъ молвилъ:

«Мы люди»...

— «Ну много ли среди васъ настоящихъ-то людей? Можетъ-быть, человѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть владыка и творецъ жизни, а право его—свободно думать, ходить—святое право; можетъ—только пять изъ тысячи способны бороться за это право и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него. Большинство изъ васъ рабы жизни или наглые хозяева ея, и всѣ вы кроткіе мѣщане, временно заступающіе должности настоящихъ людей. То, что есть въ васъ человѣческое—только зоологическое—я вотъ смотрю въ ваши тусклые и робкіе глаза и со страхомъ вижу, что мало среди васъ смѣлыхъ, какъ мало честныхъ! Бѣдна страна моя людьми сильными, а ужъ вновь наступило время, когда ей нуженъ герой...

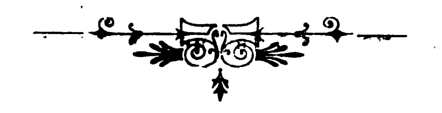
... Хорошій, живой человѣкъ всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищетъ, а вы живете тихо, смирно, неподвижно, такъ, какъ приказываютъ вамъ. Жить вамъ тяжко, думать—лѣнь, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ, точно у кокотки въ гостиной бездѣлушки на полочкѣ, торчатъ полусгнившія традиціи да разныя житейскія правила, ни къ чорту не годныя. Все это лишаетъ васъ свободно рукой шевельнуть, но все это ваши маленькіе идолы, и вы не смѣете низвергнуть ихъ, хотя они, какъ оковы вамъ. И когда вѣтеръ съ поля приноситъ въ затхлый воздухъ вашихъ норъ новые свѣжіе запахи, вы, опасаясь флюса въ сердцѣ, закрываете всѣ форточки. Безпокойства не любите вы, безпокойство пугаетъ васъ ..

... Жизнь—героическая поэма о человѣкѣ, который ищетъ сердца ея и не находитъ, хочетъ все знать и не можетъ, стремится быть могучимъ, какъ Отецъ его на небесахъ, и не въ силахъ побѣдить своей слабости. Слыхали ли вы что-нибудь объ истинѣ, о справедливости, о желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми?.. Вамъ хочется быть только сытыми, жить въ теплѣ, насиловать и развращать женщинъ подъ видомъ любви къ нимъ; вамъ хочется жить спокойно, уютно, потихоньку—вотъ ваше счастье. А желаніе ваше лучшаго счастья—купить на грошъ пятаковъ. Счастье ловятъ крѣпкими, мускулистыми руками, а вы трусливые, слабые, хилые—вы даже и мухи не можете поймать безъ помощи со стороны,—вы и съ мухой сражаетесь посредствомъ ядовитой бумажки: «смерть мухамъ».

И вотъ какъ заканчиваетъ свою рѣчь писатель. «Я утверждаю: все подлое и отвратительное, что бросается на каждомъ шагу—живо, сильно и такъ ярко

цвѣтетъ всюду вокругъ насъ потому только, что опирается на твердую почву, на вашъ страхъ за свои шкуры, на ваши холопскія чувства. Въ позорѣ жизни виноваты мы всѣ одинаково. И если бы я вѣрилъ въ силу проклятья, я бы проклялъ васъ всѣхъ... Но я вѣрю въ нѣчто другое! Скоро придутъ иные люди, люди смѣлые, честные, сильные... скоро»...

Г. Прохоровъ.

„Вѣдомости“ 1703 г.

(Библіографическая замѣтка по поводу новаго изданія первой русской газеты).

17 декабря 1702 года великій государь указалъ: по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать въ Монастырскій приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсылать на Печатный дворъ [1]). Согласно этому указу, второго января 1703 г. на Москвѣ вышелъ первый номеръ „Вѣдомостей“, первой русской газеты. Московская Синодальная типографія, прежній Государевъ Книжный Печатный дворъ, на которомъ печатались первыя „Вѣдомости“, сочла своимъ долгомъ переиздать ихъ за все время ихъ существованія. Такимъ образомъ появился первый выпускъ „Вѣдомостей“, содержащій въ себѣ первое пятилѣтіе ихъ, съ 1703—1707 годъ включительно [2]). На заглавномъ листѣ „Вѣдомостей“ 1704 года было напечатано: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“—заглавіе, довольно точно указывающее на ихъ содержаніе. „Вѣдомости“, начавъ выходить съ 1703 года, печатались, въ количествѣ отъ 1000

---

[1]) См. Исторія Соловьева, т. XV, стр. 96.

[2]) Вѣдомости времени Петра Великаго. Выпускъ первый. 1703—1707 г.г. Въ память двухсотлѣтія первой русской газеты. Изданіе Московской Синодальной типографіи. Москва. Синодальная типографія. 1903. Цѣна не обозначена.

до 4000 экземпляровъ, въ Москвѣ до 1710, а съ слѣдующаго онѣ издавались то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ до 1727 года, когда изданіе ихъ поручено было Академіи Наукъ, которая съ этого года стала издавать „С.-Петербургскія Вѣдомости“, свой новый органъ.

„Вѣдомости“ 1703 г. мало чѣмъ отличались отъ современныхъ имъ газетъ западной Европы, по образцу которыхъ, очевидно, онѣ были составлены. Въ изданіи „Вѣдомостей“ непосредственное участіе принималъ самъ царь; онъ даже собственноручно поправлялъ первый ихъ номеръ. Напрасно мы стали бы искать въ „Вѣдомостяхъ“ тѣхъ рубрикъ, какія мы встрѣчаемъ въ современныхъ газетахъ: въ первой русской газетѣ не было ни руководящихъ, передовыхъ статей, ни рубрикъ внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій. Время выхода каждаго номера зависѣло отъ прихода почты и скорости перевода этой почты въ Посольскомъ приказѣ, а также задержки ея въ Монастырскомъ приказѣ и Печатномъ дворѣ. Этимъ объясняется, что „Вѣдомости“ никогда не выходили въ извѣстные, опредѣленные сроки, поэтому и количество номеровъ ежегодно было далеко неодинаково: въ первые два года, въ 1703 и 1704 г.г., онѣ имѣли по 39 номеровъ, въ 1705 г. вышли въ количествѣ 46, въ 1706— въ 28, а въ слѣдующемъ году имѣли только 27 номеровъ. Разъ извѣстія, доставленныя почтою, считались „достойными знанія и памяти“, то они всегда находили себѣ мѣсто на страницахъ „Вѣдомостей“, этой первой русской газеты, родоначальницы нашей періодической прессы, при чемъ не распредѣлялись по рубрикамъ, согласно своему содержанію. Такъ, въ номерѣ 5-мъ, вышедшемъ девятаго февраля, такія извѣстія помѣщены подъ рядъ.

„Господинъ фельдъ-маршалъ отдалъ дщерь свою въ супружество сыну господина адмирала, и отправлено на бракѣ веселіе изрядно“.

„Отъ царя индѣйскаго который слонъ посланъ къ Москвѣ, приведенъ изъ Шемахи въ Астрахань; корму ему исходитъ на день по 40 колачей денежныхъ, а питья по два ведра чихирю астраханскаго“.

„Изъ Варшавы, декабря въ 13 день. Понеже явленія никакого нѣтъ, что король шведскій посредство Рѣчи Посполитой воспріиметъ, то цесарь чрезъ посланника своего графа Стратмана, чтобъ миръ лучше и скорѣе въ совершеніе привесть, королю и рѣчи Посполитой Польской посредство объявить велѣлъ, и дума въ Тарунѣ на то сказали, чтобъ посолъ въ собраніи объявилъ прежде, въ чемъ состоится дѣло графа Синцендорфа, а особно о премиріи, о которомъ онъ обнадежилъ, и для чего въ томъ дѣлѣ невершено отъ цесаря, а что король шведскій никакого миру не учинилъ, и о семъ надѣятися на цесаря“ [3]). „Вѣдомости“ много мѣста отводили на своихъ страницахъ реляціямъ о военныхъ событіяхъ. Это вполнѣ понятно будетъ, если припомнимъ, что на западѣ съ 1701 года началась война за Испанское наслѣдство, а у насъ съ 1700 г.—Великая Сѣверная война. Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, касающіяся русскихъ, передавались съ замѣчательной точностью: переводчики сохраняли выраженія подлинника, оставляя даже мѣстоименія перваго лица для иностранцевъ, а мѣстоименія третьяго лица для русскихъ. Такъ, въ № 9 читаемъ сообщеніе, доставленное чрезъ виленскую почту, отъ 10 января изъ Ругодева: „Великое собраніе непріятельскихъ людей на нашихъ, здѣсь въ близости стоящихъ, внезапу напали, и толь много нашихъ порубили, что сорокъ девять саней близъ Иваньгорода побитыхъ мы погребли. Потомъ непріятель, все зажегши, назадъ возвратился“ [4]).

[3]) См. «Вѣдомости», стр. 17.

[4]) См. «Вѣдомости», стр. 29.

Изъ внутреннихъ извѣстій, помѣщенныхъ на страницахъ „Вѣдомостей“, обращаютъ на себя вниманіе извѣстія, сообщающія объ успѣхахъ горнозаводской промышленности. Петръ хорошо сознавалъ силу печатнаго слова и хотѣлъ этимъ путемъ распространить среди общества необходимыя понятія о вопросахъ государственнаго устройства вообще и въ частности государственнаго хозяйства. Война, не прекращавшаяся почти во все царствованіе Петра Великаго и потребовавшая преобразованія военныхъ силъ государства, имѣла своимъ послѣдствіемъ увеличеніе налоговъ. Чтобы покрыть расходы на войну и на реформы, вызванные ею, Петръ увеличивалъ прежніе налоги; а чтобы дать народу бо́льшую возможность вынести тяжесть новыхъ налоговъ, Великій Преобразователь всѣми силами старался увеличить продуктивность народнаго труда. Ни одной важной отрасли народнаго хозяйства не было оставлено безъ вниманія: во всѣхъ, по инціативѣ Преобразователя, были сдѣланы значительныя улучшенія. Но всего болѣе интересовался царь успѣхами горнозаводской промышленности, дѣломъ разработки природныхъ богатствъ, остававшихся до него совершенно нетронутыми. Понятно послѣ этого, что, желая путемъ печати выяснить обществу важность этой отрасли въ народномъ хозяйствѣ, Петръ довольно много мѣста удѣлялъ на страницахъ этой газеты извѣстіямъ объ успѣхахъ горнозаводской промышленности. Корреспонденціи объ этомъ не ограничивались только одною передачею факта: указывалось на значеніе для государства этихъ успѣховъ. На первой же страницѣ „Вѣдомостей“ находится извѣстіе изъ Казани, въ которомъ сообщается, что на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды. Изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отъ чего чаютъ немалую быть прибыль Московскому государству [5]). Въ другой корреспонденціи, помѣщенной въ

[5]) См. «Вѣдомости», стр. 3.

№ 23, читаемъ: „Въ прежнихъ вѣдомостяхъ объявлено о сысканіи желѣза въ Сибири, и нынѣ, іюля въ 16 день, привезли къ Москвѣ изъ Сибири, въ сорокѣ дву стругахъ, триста двадцать три пушки великихъ, двѣнадцать мартировъ, четырнадцать гоубицъ, изъ того желѣза сдѣланныхъ, да съ тѣми жъ пушками привезено желѣза, стали, укладу немалое число, и еще ожидаемъ другого каравана вскорѣ. А въ Сибири весьма умножается желѣзный заводъ, и такова добраго желѣза въ Свейской землѣ нѣтъ" [6]). Въ томъ же номерѣ москвичи въ первый разъ прочли извѣстіе изъ „новыя крѣпости Питербурга", гласящее, что „господинъ генералъ Чамберсъ (русскій) съ четырьми полками конныхъ да съ двома пѣшихъ ходили на генерала Кроніорта, который со многими людьми и съ тринадцатью пушки стоялъ на жестокой переправѣ. И по жестокомъ съ обоихъ странъ огнѣ Божіею помощію наше войско мостъ и переправу овладѣли, и непріятель узкимъ и труднымъ путемъ версты съ двѣ бѣгучи ушелъ на гору, откуду наша конница прогнала его въ лѣсъ, и порубили непріятелей съ тысящу человѣкъ, въ которыхъ многіе были весьма знатные офицеры, а больше того раненые отъ тяжкихъ ранъ по лѣсамъ померли, а нашихъ побито тридцать два человѣка да нѣсколько ранено".—Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ сообщается о приходѣ къ Петербургу перваго голландскаго корабля слѣдующее: „Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Санктпитербурху корабль голландскій съ товары, съ питьями и съ солью, на которомъ былъ шиперъ и нѣколико матросовъ, и тотъ корабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышепомянутому шиперу за столомъ въ дому его губернаторскомъ пять сотъ золотыхъ, а матросомъ, кои съ нимъ были по триста ефимковъ

[6]) Ibid., стр. 62.

коемуждо, и притомъ сказано ему во обнадеживаніе другихъ, если потомъ другой корабль туда придетъ, и тому, кто на томъ кораблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, также если и третій корабль придетъ, дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышепомянутый корабль отъ Санктпитербурха отпущенъ въ належащій ему путь со удовольствованіемъ, а товары всѣ, которые на томъ кораблѣ были, куплены повольною цѣною" [7]).

Приведенныхъ выписокъ изъ „Вѣдомостей", полагаемъ, достаточно для того, чтобы составить понятіе о характерѣ сообщаемыхъ ими извѣстій. Московская Синодальная типографія, принимая на себя трудъ изданія „Вѣдомостей", приложила, по словамъ предисловія, „всѣ старанія, чтобы дать понятіе о внѣшности старинной газеты. Дѣйствительно, съ технической стороны изданіе образцовое, какъ и всѣ изданія Московской Синодальной типографіи стали таковыми, благодаря неусыпнымъ заботамъ ея теперешняго управляющаго С. Д. Войта. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о внутренней, научной сторонѣ изданія. Г. Погорѣловъ, который взялъ на себя редакцію „Вѣдомостей", оказался далеко не на высотѣ своего призванія. Въ предисловіи, на первой страницѣ, читаемъ слѣдующее: „Первый номеръ „Вѣдомостей" вышелъ въ Москвѣ 2 января 1703 года. Съ этого времени онѣ издавались то въ Москвѣ, то въ С.-Петербургѣ до 1727 года, когда онѣ были переданы Академіи Наукъ, которая вмѣсто нихъ основала новый органъ, подъ названіемъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости". На слѣдующей страницѣ мы читаемъ: „истиннымъ редакторомъ этой газеты з а в с е в р е м я е я с у щ е с т в о в а н і я былъ самъ царь". Такимъ образомъ, по ученымъ изслѣдованіямъ г. Погорѣлова, выходитъ, что Великій Преобразователь былъ ре-

[7]) Ibid., стр. 96.

дакторомъ „Вѣдомостей“ вплоть до 1727 года, другими словами, состоялъ редакторомъ и послѣ своей кончины, которая, какъ извѣстно, послѣдовала 28 января 1725 года, въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Полное ли незнаніе главнѣйшихъ событій отечественной исторіи, или небрежность, съ которой писалось это ученое предисловіе, была причиной такого страннаго вывода,—мы не знаемъ; но только фактъ налицо. Г. Погорѣловъ говоритъ, что „Вѣдомости“ сохраняютъ „извѣстный интересъ и теперь“ [8]). Сказать это про „Вѣдомости“ мало: онѣ представляютъ глубокій интересъ, какъ историческій источникъ и какъ любопытный литературный памятникъ того времени. Достаточно прочесть первый номеръ „Вѣдомостей“, чтобы убѣдиться, какой онѣ представляютъ собою богатый историческій матеріалъ для того времени. Здѣсь, на первой страницѣ, мы читаемъ такія извѣстія: „Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили“. „Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ“.

На второй страницѣ помѣщена корреспонденція изъ Олонца, сообщающая любопытный фактъ, весьма характерный для того времени:

„Города Олонца попъ Иванъ Окуловъ собралъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ Свейскую границу и разбилъ свейскія Ругозенскую и Гиппонскую, и Сумерскую, и Кернсурскую заставы. А на тѣхъ заставахъ побилъ многое число и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шпагъ, фузей и лошадей довольно; а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ, попъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ, а достальные пожитки и хлѣбные запасы,

---

[8]) Ibid., стр., II.

коихъ не могъ забрать, все пожегъ. И Соловскую мызу сжегъ, и около Соловской многія мызы и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеписанныхъ заставахъ, по сказкѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы шведской убито 50 человѣкъ, пѣхоты 400 человѣкъ; ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска только ранено два человѣка" [9]).

Далѣе мы читаемъ въ томъ же предисловіи, что „языкъ Вѣдомостей своеобразенъ". Мы скажемъ, что языкъ „Вѣдомостей" ничѣмъ не отличается отъ языка другихъ произведеній того времени: масса книгъ, изданныхъ по повелѣнію царя, написаны тѣмъ же языкомъ, какимъ написаны „Вѣдомости". Устный и книжный языкъ той доли общества, которое имѣла то или другое отношеніе къ реформѣ, представлялъ нѣчто хаотическое. „Поспѣшность преобразованій", говоритъ историкъ: „принадлежавшая именно личности самого Петра, вдругъ приносила въ дѣловой обиходный языкъ такую массу новыхъ, ранѣе не слыханныхъ элементовъ, усвоить которые органически и послѣдовательно не было возможности въ такое короткое время" [10]). Масса неологизмовъ, сплошь и рядомъ довольно уродливыхъ, была отличительной чертой Петровскаго языка. Манера уснащать свою рѣчь иностранными словами усвоена была въ то время многими книжниками Посольскаго приказа и Печатнаго двора; а книжники этихъ учрежденій принимали непосредственное участіе въ изданіи „Вѣдомостей", которыя являются лишь однимъ изъ многихъ образчиковъ языка того времени.

Г. Погорѣловъ говоритъ, что онъ „стремился главнымъ образомъ дать полный текстъ этой газеты для широкой (sic!) публики". Мы признаемся, что впервые узнаемъ о

---

[9]) Ibid., стр. 3.

[10]) См. Пыпинъ. «Исторія литературы». Т. III стр. 262.

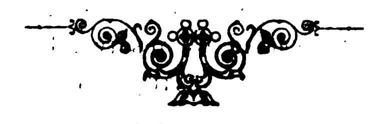
„широкой“ публикѣ и затрудняемся сказать, что собственно г. Погорѣловъ разумѣетъ подъ „широкой публикой“. Если онъ разумѣетъ подъ этимъ понятіемъ широкій кругъ читателей, то мы скажемъ, что г. Погорѣловъ для него очень мало сдѣлалъ: чтобы книга имѣла широкій кругъ читателей, для этого недостаточно отпечатать ее въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Книжники времени Петра хорошо это понимали и, печатая ту или другую книгу, помѣщали „толкованіе нѣкіихъ реченій трудныхъ, въ книзѣ сей обрѣтающихся“. Такое „толкованіе“ было необходимо сдѣлать при изданіи „Вѣдомостей“, потому что въ нихъ попадается масса „реченій трудныхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, пойметъ ли „широкая публика“ такія слова, какъ: „спаги“, „тонпиры“, „бостанжиры“, „шамадъ“, или, наконецъ, цѣлыя выраженія въ родѣ слѣдующаго: „девяносто галановъ да осмьдесятъ мождеровъ на роскатѣ поставлены“. Подобныхъ „реченій трудныхъ“ въ „Вѣдомостяхъ“ довольно много, и къ нимъ необходимо было сдѣлать „толкованіе“. Наконецъ, географическія названія сплошь и рядомъ искажены настолько, что далеко не сразу догадаешься объ ихъ теперешнемъ промено-шеніи, напр., рѣка Мозола (Мозель), Черный лѣсъ (Шварцвальдъ) и мн. другія. Впрочемъ, мы были бы несправедливы по отношенію къ г. Погорѣлову, сказавъ, что онъ не сдѣлалъ ни одного примѣчанія къ тексту „Вѣдомостей“: такихъ примѣчаній во всей книгѣ, заключающей въ себѣ болѣе 400 страницъ in quarto, два. Изъ одного мы узнаемъ, что первый номеръ „Вѣдомостей“ существуетъ въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно со славянскими цыфрами, другое съ арабскими [11]); второе находится въ № 5 газеты. Здѣсь, въ корреспонденціи изъ Вѣны, говорится между прочимъ слѣдующее: ...„При тѣхъ осьми тысячахъ человѣкахъ лѣс-

[11]) Ibid., стр. 3.

ные стрѣльцы и полевые охотники готовы стоять, чтобъ всѣмъ силамъ непріятельскимъ отпоръ учинить" [12]). При словахъ: „осьми тысячахъ человѣкахъ"—сдѣлана слѣдующая сноска: „у трехъ послѣднихъ словъ окончанія замазаны бѣлилами, и сверху напечатаны другія буквы такъ, чтобъ получилось: „осмь тысячъ человѣкъ". О степени научнаго значенія приведенныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ г. Погорѣловымъ, мы представляемъ судить читателямъ, прибавивъ отъ себя только, что такъ памятники, подобные „Вѣдомостямъ", не издаются.

Мы слышали, что редакція второго выпуска, въ который войдутъ 1708—1717 г.г. „Вѣдомостей", будетъ поручена другому лицу, и съ удовольствіемъ привѣтствуемъ, съ своей стороны, такое рѣшеніе, будучи увѣрены, что новый редакторъ пополнитъ пробѣлы своего предшественника: помѣстить „толкованіе нѣкіихъ реченій трудныхъ, въ книзѣ сей обрѣтающихся", и, что было бы далеко не лишнимъ, приложить карту Европы того времени, или, по крайней мѣрѣ, помѣстить рядомъ съ тогдашними названіями городовъ, рѣкъ, озеръ и т. п. ихъ современныя названія.

С. Бородинъ.

[12]) Ibid., стр. 19.

УРОКИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ

I. Разборъ стихотвореній.

1) «Молитва» —Лермонтова.

Стихотвореніе читается по строфамъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ вполнѣ законченную мысль.

1) Что такое «трудная минута жизни»?

— Подъ «трудной минутой жизни» слѣдуетъ разумѣть такой случай, когда съ человѣкомъ произошло какое-нибудь несчастіе; когда на душѣ у него тяжело, когда ему грустно.

2) Что дѣлаетъ авторъ въ тяжелую минуту жизни?

— Онъ твердитъ, т.-е. повторяетъ наизусть, одну молитву.

3) Какъ называетъ онъ эту молитву?

— «Чудною», иначе—чудесною, чудодѣйственною.

4) Знаемъ ли мы, почему онъ такъ называетъ молитву?

— Нѣтъ, объ этомъ авторъ скажетъ въ слѣдующихъ строфахъ.

3) Итакъ, въ чемъ заключается содержаніе 1-й части?

— Когда съ авторомъ случится несчастіе; когда онъ переживаетъ какое-нибудь горе, тогда ищетъ облегченія въ молитвѣ, которую называетъ «чудною».

6) Прочтемъ вторую строфу. Что находитъ поэтъ въ молитвѣ, которую читаетъ въ горестный моментъ своей жизни?

— Онъ находитъ въ ней «силу благодатную», «созвучье словъ живыхъ» и «святую прелесть».

7) Припомните: когда вы читали со вниманіемъ какую-нибудь молитву, не замѣтили ли, какія въ ней слова: тѣ же ли, что и въ обыкновенной рѣчи, или особенныя?

— Да, въ молитвѣ другія слова, совсѣмъ не такія, какъ въ обыкновенной рѣчи (церковно-славянскія).

8) А какъ они располагаются: такъ же. какъ и въ рѣчи разговорной?

-- Нѣтъ, и расположеніе словъ въ молитвѣ иное, какъ-то особенно пріятное для слуха.

9) Такимъ образомъ, и выборъ словъ, и расположеніе ихъ въ молитвѣ совсѣмъ иное, чѣмъ въ обыкновенной рѣчи: слова отличаются звучностью, соединеніе ихъ — пріятностью. Отсюда происходитъ особенная гармонія молитвенныхъ выраженій, или то «созвучіе», о которомъ говоритъ поэтъ.

10) Почему же онъ называетъ слова «живыми»?

— Потому, что они глубоко проникаютъ въ душу, пробуждаютъ въ ней сильныя чувства любви и преданности Богу.

11) Вотъ въ этомъ и заключается та «благодатная сила», о которой говоритъ поэтъ. Почему же она названа «благодатною»?

— Потому, очевидно, что, подъ дѣйствіемъ этой силы, снисходитъ въ душу человѣка особенная благодать: утихаетъ горе, водворяется въ ней миръ и покой.

12) Кромѣ «благодатной силы», гармоніи, что еще есть въ молитвѣ?

— «Святая прелесть».

13) Это какое-нибудь особенное свойство молитвы, или на него уже указано раньше?

— Безъ сомнѣнія, указано: прелесть молитвы и состоитъ именно въ томъ, что она сильно дѣйствуетъ на сердце, умиляетъ, трогаетъ его; заставляетъ человѣка, погруженнаго въ молитву, забывать обо всемъ окружающемъ; прелесть заключается и въ томъ «созвучьи словъ», которое дѣлаетъ молитву пріятною.

14) Почему прелесть молитвы названа «святою» и «непонятною»?

— Святость молитвы вытекаетъ изъ самаго ея происхожденія: впервые молитва дана Іисусомъ Христомъ апостоламъ (молитва Господня); остальныя молитвы составлены святыми отцами и учителями церкви. Легко объяснить и то, почему прелесть молитвы названа «непонятною»: эта прелесть заключается главнымъ образомъ (какъ уже замѣчено выше) въ особенномъ дѣйствіи молитвы на человѣческую душу,—дѣйствіи, представляющемъ для насъ тайну, недоступную уму человѣческому.

15) Итакъ, каковы свойства молитвы?

— Молитва состоитъ изъ соединенія такихъ словъ, которыя неотразимо дѣйствуютъ на душу, заставляютъ уноситься мыслями и чувствами къ Богу, забывать обо всемъ земномъ,—проливаютъ въ сердце благодать, ниспосылаемую Богомъ.

16) Прочтемъ послѣднюю строфу. О чемъ здѣсь говорится?

— О томъ, что испытываетъ человѣкъ послѣ того, какъ онъ обратился съ теплой молитвой къ Богу.

17) Что это такое «душевное бремя»?

— Это горе, страданіе, лежавшее тяжелымъ бременемъ на душѣ поэта.

18) Что же случилось съ тяжелымъ бременемъ послѣ молитвы?

— Оно скатилось, т.-е. горе исчезло, страданіе прекратилось, и поэтъ чувствуетъ облегченіе.

19) Какъ долженъ переносить человѣкъ испытанія и несчастія, посылаемыя на его долю?

— Со смиреніемъ, безропотно, терпѣливо.

20) Всегда ли люди со смиреніемъ и безропотно переносятъ ниспосылаемыя страданія?

— Нѣтъ, они иногда ропщутъ на Бога, сомнѣваются въ Божіей помощи, въ томъ, что страданіямъ ихъ придетъ конецъ: утрачиваютъ вѣру въ милосердіе Божіе.

21. А каково испытывать эти сомнѣнія, когда утратишь вѣру, потеряешь надежду?

— Очень тяжело, потому что человѣкъ въ этомъ случаѣ прогнѣвляетъ Бога, чего онъ не можетъ не сознавать.

22) Что дѣлаетъ молитва съ сомнѣніями?

— Она уничтожаетъ ихъ, удаляетъ, поселяетъ въ душѣ увѣренность въ близкой помощи Божіей.

23) Каково должно быть человѣку, когда онъ чувствуетъ на душѣ облегченіе, находитъ утраченную вѣру, надѣется на лучшее будущее?

— Пріятно, радостно, легко.

24) Какъ говоритъ объ этомъ поэтъ?

— «И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко».

25) Отчего это «плачется»?

От радости.

26) Развѣ можно плакать отъ радости?

— Да, не только отъ горя плачутъ, но и отъ радости.

27) Отчего на душѣ поэта становится такъ необыкновенно легко?

— Оттого, что онъ нашелъ утѣшеніе, успокоеніе,— исчезли его сомнѣнія, свалилась давившая душу тя-

жесть, слезы облегчили сердце: онъ обрѣлъ снова утраченную вѣру.

28) Сравните состояніе души поэта до молитвы и послѣ молитвы.

— До молитвы на душѣ у него была тяжесть, горе, страданіе, грусть, въ умѣ—сомнѣнія; послѣ молитвы тяжесть съ души свалилась, сомнѣнія исчезли, грусть замѣнилась радостью, страданія—спокойствіемъ, сомнѣнія—надеждой.

29) Подъ вліяніемъ чего же произошла эта замѣчательная перемѣна?

— Подъ вліяніемъ молитвы. Теперь понятно, почему молитва названа «чудною»: она произвела, дѣйствительно, чудо: совершенно измѣнила душевное состояніе поэта.

30) На сколько частей можно раздѣлить все стихотвореніе?

— На три части: въ 1-й изображается душевное состояніе поэта до молитвы; 2-й во второй указаны особенныя свойства молитвы; въ третьей описывается состояніе души послѣ молитвы.

31) Только ли на поэта молитва производитъ такое дѣйствіе?

— Нѣтъ, она дѣйствуетъ подобнымъ образомъ на всякаго человѣка.

32) Какъ же выразить главную мысль стихотворенія?

— Молитва чудодѣйственно вліяетъ на душу человѣка: доставляетъ ему радость и утѣшеніе, облегчаетъ страданія, уничтожаетъ сомнѣнія, укрѣпляетъ вѣру.

---

2) «Цыганскій таборъ» — Пушкина.

1) Что такое таборъ?

2) Что значитъ «кочуютъ»?

3) Отчего цыганы кочуютъ?

4) Гдѣ они кочуютъ?

5) Гдѣ расположился таборъ?

6) Какой видъ имѣлъ онъ вечеромъ?

— Веселый, оживленный.

7) Чѣмъ онъ былъ оживленъ?

— Пѣснями женщинъ, крикомъ дѣтей и звономъ походной наковальни.

8) Что же дѣлалось въ таборѣ вечеромъ?

— Остановившись на берегу рѣки, цыганы поставили шатры, завѣсили телѣги до половины коврами, разложили костры и стали готовить ужинъ; лошадей пустили пастись въ поле, медвѣдя оставили за шатромъ безъ привязи. Послѣ ужина женщины пѣли пѣсни, дѣти играли и кричали, мужчины занимались кузнечнымъ ремесломъ.

9) Какая перемѣна произошла въ таборѣ ночью?

— Ночью видъ табора совершенно измѣнился: въ немъ воцарилась полная тишина, изрѣдка прерываемая лаемъ собакъ да ржаньемъ лошадей; костры потухли; таборъ былъ освѣщенъ луною. Все погрузилось въ сонъ.

10) Что разсказывается о старикѣ—цыганѣ?

— Онъ одинъ не спалъ: сидѣлъ передъ потухающимъ костромъ и пристально смотрѣлъ въ поле, надъ которымъ носился ночной туманъ.

11) Почему старикъ не спалъ?

— Судя по его дѣйствіямъ, можно думать, что онъ кого-то поджидалъ.

---

3) «Пиръ Петра Великаго» — Пушкина.

1) Какая картина изображена въ первой части стихотворенія?

— Картина торжества въ Петербургѣ.

2) Какія подробности этой картины обрисованы авторомъ?

— На Невѣ плаваютъ суда, разукрашенныя разноцвѣтными флагами; разодѣтая публика катается на лодкахъ, съ которыхъ раздаются пѣсни гребцовъ; съ судовъ и съ крѣпости палятъ изъ пушекъ; въ царскомъ дворцѣ идетъ пиръ горой.

3) Какое значеніе имѣетъ вопросъ, предшествующій второй части?

— Онъ связываетъ первую часть со второй.

4) Какія предположенія дѣлаетъ авторъ для объясненія причины торжества?

— Авторъ дѣлаетъ слѣдующія предположенія: можетъ-быть, русскіе побѣдили шведовъ на сушѣ или на морѣ и принудили врага заключить почетный для себя миръ; можетъ-быть, русскій флотъ вышелъ на встрѣчу знаменитому ботику, положившему начало его основанію, и въ самый моментъ встрѣчи «дѣдушки русскаго флота» съ «воинственными внуками» раздались пѣсни, и грянулъ громъ пушекъ, свидѣтельствуя о томъ, чего можно достигнуть при помощи науки; можетъ-быть, царь празднуетъ тотъ день, когда одержана надъ Карломъ XII Полтавская побѣда, рѣшившая судьбу всего русскаго народа и государства, которому грозила страшная опасность; наконецъ, возможно, что царь празднуетъ какое-нибудь семейное радостное событіе: рожденіе сына или дочери, именины своей супруги.

5) Какимъ образомъ Петръ Великій спасъ жизнь своей державы отъ Карла?

— Въ Россіи при Петрѣ Великомъ началась новая жизнь, совершенно непохожая на жизнь древней, до-Петровской Руси, которая сторонилась отъ всего иноземнаго, ревниво охраняя старинные обычаи, понятія и убѣжденія. Петръ Великій заставилъ русскихъ усвоить новые взгляды и понятія, заимствованныя у европейцевъ; объявилъ войну старымъ обычаямъ, не согласнымъ съ этими взглядами. Новыя идеи и стремленія постепенно проникали въ жизнь, вступали въ борьбу со старыми, одерживая надъ ними побѣду, и такимъ образомъ на развалинахъ старой жизни возникала новая. Вотъ этимъ-то новымъ стремленіемъ и грозила опасность отъ Карла: если бы онъ побѣдилъ русскихъ подъ Полтавой, тогда Россія была бы отодвинута отъ Балтійскаго моря, не могла бы вступить въ тѣсныя сношенія съ З. Европой и принуждена была бы снова обратиться къ прежней жизни.

6) Почему Петръ Великій названъ «чудотворцемъ»? Развѣ онъ совершилъ какое-нибудь чудо?

— Хотя на самомъ дѣлѣ чуда и не было, такъ какъ сближеніе Россіи съ западной Европой началось задолго до Петра В.; но тогда оно шло очень медленно, едва замѣтно; Петръ же В., благодаря своему необычайному уму и изумительной энергіи, сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ такъ много, что дѣятельность его невольно вызываетъ удивленіе.

7) Какъ отвѣтить коротко на вопросъ: что послужило предполагаемыми поводами къ торжеству?

— Успѣхи русскаго оружія и семейная радость царя.

8) Въ чемъ заключается дѣйствительная причина торжества?

— Въ томъ, что царь мирится съ подданнымъ, который провинился передъ нимъ въ чемъ-нибудь,

9) Какъ происходитъ это примиреніе?

— Царь обнимаетъ провинившагося, цѣлуетъ его, пьетъ съ нимъ изъ одной кружки, радуется, испытываетъ такое высокое наслажденіе, какъ будто одержалъ побѣду надъ врагомъ. Радость царя раздѣляютъ и его подданные. Этимъ же свѣтлымъ настроеніемъ царя объясняется и все, что происходитъ въ Петербургѣ: и пальба, и веселые клики, и музыка, и появленіе эскадры на Невѣ.

10) Если примиреніе съ подданнымъ составляетъ истинную причину торжества, то для чего поэтъ не сразу на него указываетъ, а послѣ цѣлаго ряда предположеній?—Для того, чтобы ярче выдѣлить выдающуюся черту характера Петра В. Всѣ отмѣченныя поэтомъ обстоятельства, дѣйствительно, могли дать поводъ къ торжеству, въ особенности успѣхи русскаго оружія. Сопоставляя съ ними настоящую причину торжества, поэтъ хотѣлъ указать, что великій русскій царь отзывался своимъ сердцемъ не только на то, въ чемъ видѣлъ залогъ могущества и счастія своего народа, величія государства, но также и на такой, съ перваго взгляда, незначительный фактъ, какъ примиреніе съ подданнымъ. Несомнѣнно однако, что въ этомъ подданномъ государь цѣнилъ услуги, оказанныя имъ отечеству, благо котораго для царя было дороже всего на свѣтѣ. Такимъ образомъ, въ любви къ подданному видна и любовь государя къ отечеству.

11) Какая же черта характера Петра В. сказывается въ его отношеніи къ подданному?

— Великодушіе, т.-е. способность забыть обиду, заплатить добромъ за зло.

12) Для чего въ концѣ стихотворенія повторяются подробности картины, нарисованной въ первой части?

— Для указанія на то, что не только происходившее въ царскомъ дворцѣ, но и все, совершавшееся внѣ его, вызвано примиреніемъ съ подданнымъ: здѣсь царь ласкалъ близкаго человѣка, дѣлилъ съ нимъ общую радость; такъ, въ честь этого-то событія палятъ изъ пушекъ, играетъ музыка, по Невѣ плаваютъ разукрашенныя суда.

13) Нельзя ли на основаніи стихотворенія сказать, какъ относится поэтъ къ личности и дѣятельности Петра Великаго?

— Съ чувствомъ глубокаго уваженія и поклоненія.

---

4) «Кто онъ»? — Майкова.

1) Какова была мѣстность, гдѣ происходило дѣйствіе?

— Мѣстность была пустынная, безлюдная, поросшая лѣсомъ, который состоялъ изъ елей и сосенъ, притомъ до того былъ густъ, что только по узкой тропинкѣ можно было пробираться путнику; по этой мѣстности протекала рѣка Нева.

2) Когда происходило дѣйствіе?

— До основанія Петербурга, такъ какъ въ стихотвореніи говорится, что здѣсь недавно была битва, а Петербургъ построенъ послѣ завоеванія этого края.

3) Въ такомъ случаѣ что же это за городокъ, гдѣ рыбакъ сбывалъ свою рыбу?

— Это не Петербургъ, а шведская крѣпость Ніен-

шанцъ, вблизи устьевъ Невы. Въ 1703 г. Ніеншанцъ былъ взятъ и срытъ, а на его мѣстѣ основанъ Петербургъ.

4) Какъ обошелся всадникъ съ рыбакомъ при встрѣчѣ?

— Ласково, привѣтливо: онъ поздоровался съ рыбакомъ, съ участіемъ разспрашивалъ о его жизни, о рыбной ловлѣ и о мѣстѣ сбыта рыбы.

5) Какъ отвѣтилъ рыбакъ на вопросъ привѣтливаго незнакомца?

— Неохотно, сурово, грубовато.

6) Почему онъ такъ отвѣтилъ?

— Потому, что съ нимъ случилась бѣда: во время битвы пробили бомбой его челнъ, что лишило рыбака на нѣкоторое время возможности ловить рыбу и добывать себѣ пропитаніе. Отсюда понятно недовольство старика, досада, проглядывающая въ его рѣчи. Къ тому же онъ человѣкъ простой, грубый, выросшій въ постоянной борьбѣ съ суровою нуждою и лишеніями, принужденный тяжелымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ: трудно такому человѣку сохранить душевную мягкость, привѣтливость въ обращеніи съ людьми.

7) За кого принялъ рыбакъ неизвѣстнаго всадника?

— За одного изъ воиновъ, участвовавшихъ въ недавно происходившей здѣсь битвѣ.

8) Какъ отнесся всадникъ къ ворчливой рѣчи старика, его жалобамъ и недовольству?

— Незнакомецъ нисколько не былъ обиженъ словами рыбака, потому что понялъ ихъ суровую правду. Онъ видѣлъ одно: необходимость помочь бѣдѣ. Вотъ почему, не тратя напрасно словъ и не теряя времени, которымъ онъ, очевидно, дорожилъ, всадникъ схватилъ топоръ и пилу, быстро починилъ лодку, пожелалъ ры-

баку счастливаго улова, сѣлъ на коня и скрылся въ лѣсу.

9) Какое впечатлѣніе произвелъ незнакомецъ на рыбака?

Настолько сильное, что рыбакъ совершенно растерялся. Въ особенности его поразили загадочныя слова, брошенныя при прощаніи всадникомъ: «на счастіе Петрово сѣти на море закинь». Въ умѣ старика быстро мелькнула мысль: «ужъ не царь ли это?» не тотъ ли царь, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, слышалъ? Но догадка разбивалась соображеніемъ, что дѣйствія всадника не указываютъ на царя. Онъ не могъ согласить несоотвѣтствія между поступками незнакомца и его рѣчами: своимъ умѣньемъ владѣть топоромъ и пилою, ловкостью и быстротою, съ которыми всадникъ исправилъ челнъ, онъ напоминалъ простого воина изъ простолюдиновъ; но эта спокойная, увѣренная рѣчь, вниманіе къ бѣдному человѣку, сила и властность, которыя слышались въ его словахъ,—все это невольно сбивало съ толку рыбака, и онъ не зналъ, что думать объ исчезнувшемъ незнакомцѣ. Недоумѣніе и выразилось прежде всего въ словахъ рыбака, произнесенныхъ имъ послѣ исчезновенія всадника.

10) Въ какихъ дѣйствіяхъ выразилось удивленіе рыбака, и какъ объяснить ихъ?

— Удивленіе рыбака выразилось въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: онъ развелъ руками, снялъ шапку и пристально и долго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылся всадникъ. Первое дѣйствіе выражаетъ безсиліе рыбака рѣшить вопросъ о личности всадника, второе—невольное почтеніе къ таинственному посѣтителю, третье—ожиданіе и надежду на то, что, быть-можетъ, онъ вернется, и загадка разрѣшится.

11) Какъ понимать заглавіе стихотворенія?

— Въ заглавіи, имѣющемъ вопросительную форму, также выражается недоумѣніе рыбака, для котораго личность всадника осталась загадочной.

12) Какими чертами обрисована въ стихотвореніи личность Петра Великаго?

— Самыми привлекательными чертами: привлекательна его простота и доброта, мягкое и ласковое обращеніе съ простолюдиномъ, участливое отношеніе къ его горю, готовность помочь въ бѣдѣ.

---

5) «Бородино»—Лермонтова.

1) Почему стихотворенію дано такое заглавіе?

— Въ немъ описывается Бородинская битва, происходившая у села Бородина.

2) Когда происходила Бородинская битва?

— 26 августа 1812 года.

3) Кто командовалъ русскими и французскими войсками?

— Французскими войсками командовалъ императоръ Наполеонъ I-й, великій полководецъ, а русскими—Кутузовъ, ученикъ Суворова, только что передъ тѣмъ отличившійся въ войнѣ съ турками.

4) Чѣмъ вызванъ разсказъ ветерана о Бородинской битвѣ?

— Вопросомъ молодого солдата, желавшаго разъяснить свое недоумѣніе.

5) Въ чемъ заключается его недоумѣніе?

— Онъ не можетъ понять, какимъ образомъ русскіе отдали французамъ Москву, тогда какъ цѣль Бородинской битвы и состояла именно въ томъ, чтобы не

пускать враговъ въ священный для всего русскаго народа городъ.

6) Какъ же объясняетъ ветеранъ это, дѣйствительно, не совсѣмъ понятное для простого человѣка событіе?

— Соображая всѣ обстоятельства Бородинской битвы: отчаянную храбрость русскихъ, готовность ихъ сражаться до послѣдней крайности, любовь ихъ къ отечеству и проч., ветеранъ не видитъ иного объясненія факта, какъ указаніе на волю Божію: Провидѣнію было угодно, чтобы Москва досталась французамъ, и передъ этимъ велѣніемъ Бога—ничто всѣ человѣческія усилія. Несомнѣнно, ветеранъ въ этомъ случаѣ является выразителемъ мыслей и чувствъ всего русскаго народа.

7) Для чего ветеранъ подробно разсказываетъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Бородинской битвѣ и въ особенности о самой битвѣ?

— Ветеранъ отозвался о русскихъ солдатахъ, какъ истинныхъ героахъ, богатыряхъ. Чтобы доказать богатырство ихъ, онъ долженъ, конечно, объяснить, въ чемъ именно проявился этотъ героизмъ русскихъ.

8) Какъ относились русскіе солдаты къ отступленію арміи и къ предстоящей битвѣ?

— Они были недовольны отступленіемъ и предстоящей битвы ждали съ нетерпѣніемъ, выражали готовность пожертвовать собою для спасенія отечества.

9) Въ какомъ настроеніи были русскіе и французы въ ночь наканунѣ битвы?

— Во французскомъ лагерѣ слышалось веселье, смѣхъ, шутки: французы были увѣрены въ успѣхѣ, такъ какъ они привыкли къ побѣдамъ; въ русскомъ лагерѣ господствовала полная тишина; но солдаты не спали: они торжественно готовились къ битвѣ, какъ къ какому-нибудь великому празднику.

10) Какое чувство одушевляло русскихъ полководцевъ и воиновъ передъ битвой и во время битвы?

— Безпредѣльная любовь къ родинѣ и готовность пожертвовать собою для ея блага.

11) Въ описаніи Бородинской битвы можно различить двоякаго рода признаки—какіе именно?

— Общіе, принадлежащіе всякой битвѣ, и частные, отличающіе эту битву отъ другихъ.

12) Какіе же признаки характеризуютъ всякую битву и какіе относятся къ описанію собственно Бородинскаго сраженія?

— Общія черты таковы: передъ битвой войска строятся въ боевомъ порядкѣ; полководцы разъѣзжаютъ по своимъ частямъ и ободряютъ солдатъ; вотъ мчится конница, за нею пѣхота; свистятъ пули, визжитъ картечь, воютъ ядра; поле битвы покрывается убитыми, окровавленные трупы которыхъ мѣстами образуютъ цѣлыя горы, задерживающія ядра; отъ страшнаго рева пушекъ сотрясается земля.—Частныя черты битвы: она происходила на Бородинскомъ полѣ, между русскими и французами; полководцы, воодушевляя солдатъ, указывали на Москву, какъ на народную святыню.

13) Какое мнѣніе высказываетъ ветеранъ объ участникахъ Бородинской битвы?

— Ветеранъ высказываетъ то мнѣніе, что это были люди необыкновенные, какихъ теперь нѣтъ.

14) Можно ли согласиться съ этимъ мнѣніемъ, и, если нельзя, то какъ объяснить его?

— Съ мнѣніемъ ветерана, конечно, нельзя согласиться, потому что герои 12 года были такіе же люди, какъ и современные намъ воины. Объяснить же мнѣніе ветерана можно слѣдующимъ образомъ. Во время нашествія Наполеона Россія переживала одинъ изъ самыхъ

критическихъ моментовъ своей жизни, когда на защиту отечества поднялся весь народъ. Всѣ русскіе проникнуты были однимъ чувствомъ: сознаніемъ необходимости пожертвовать всѣмъ для устраненія страшной опасности. Въ особенности сильно должно было говорить это чувство въ воинахъ, самыхъ первыхъ защитникахъ отечества. Къ тому же Бородинская битва отличалась такимъ кровопролитіемъ, русскіе солдаты и полководцы сражались съ такимъ упорствомъ, что ветерану, какъ участнику битвы, могло показаться, будто подобныхъ битвъ, полководцевъ и солдатъ никогда не было и не будетъ.

15) Какія богатырскія свойства проявили солдаты во время боя?

— Беззавѣтную храбрость, мужество, стойкость, спокойствіе и даже шутливость въ минуты страшной опасности.

16) Что дѣлало ихъ богатырями?

— Любовь къ родинѣ и готовность пожертвовать собою для ея блага.

17) Какъ выразить главную мысль стихотворенія?

— Патріотизмъ, или любовь къ отечеству простыхъ людей дѣлаетъ героями, богатырями.

---

6) **«Казачья колыбельная пѣсня»**—Лермонтова.

Чтенію стихотворенія предшествуетъ вступительная замѣтка, необходимая для сознательнаго отношенія учениковъ къ его содержанію.

Содержаніе стихотворенія соотвѣтствуетъ тому времени, когда Кавказъ еще не былъ покоренъ русскими войсками; когда въ его горахъ обитали воинственныя

племена (черкесы, чеченцы и др.), дѣлавшія постоянные набѣги на русскія пограничныя владѣнія, вслѣдствіе чего русскому правительству приходилось содержать на границѣ казачьи посты и пикеты для защиты отъ набѣговъ горцевъ. Казаки жили въ станицахъ по рѣкамъ Тереку и Кубани и исполняли сторожевую службу. Рядъ станицъ, расположенныхъ по той и другой рѣкѣ, составлялъ «охранительную военную линію», а сами казаки назывались «линейными».

1) Прочтите первую строфу и кратко передайте ея содержаніе.

— Въ одной казачьей станицѣ мать-казачка сидѣла надъ колыбелью сына и убаюкивала его.

2) Когда это было, и откуда видно, что именно ночью?

— Мѣсяцъ освѣщалъ комнату, и лучи его падали на колыбель ребенка.

3) Какое впечатлѣніе должна была произвести на казачку окружающая ее обстановка, т.-е. одиночество, тишина и ночь?

— Такая обстановка располагаетъ къ задумчивости, къ мечтамъ.

4) Слѣдовательно, о чемъ же будетъ говориться въ стихотвореніи?

— Объ этихъ думахъ и мечтахъ матери-казачки.

5) Прочтите вторую строфу. О комъ здѣсь говоритъ казачка?

— О своемъ мужѣ, отцѣ малютки.

6) Гдѣ ея мужъ, и что она думаетъ о немъ?

— Ея мужъ находится въ сторожевой цѣпи, на берегу Терека; она думаетъ о той опасности, которой онъ подвергается. Воображеніе ея нарисовало ей мрачную картину: среди ночной тишины, нарушаемой только

плескомъ Терека, шумно бѣгущаго по ущелью, чеченецъ переплываетъ бурную рѣку, выходитъ на берегъ и неслышно подкрадывается къ казаку, чтобы поразить его кинжаломъ.

7) Какъ могла возникнуть подобная картина въ воображеніи казачки—матери?

— Въ то время, о которомъ говорится въ стихотвореніи, случаи нападенія горцевъ были нерѣдки: о нихъ передавались разсказы, и потому неудивительно, что казачка могла представить своего мужа въ такомъ положеніи.

8) За свою ли только участь страшится казачка, думая о мужѣ?

— Нѣтъ, ее безпокоитъ еще болѣе судьба ребенка, который, въ случаѣ смерти отца, останется сиротою.

9) Когда близкимъ намъ людямъ угрожаетъ опасность,--тревожась о нихъ, мы стараемся уменьшить ея размѣры, успокоить себя мыслью, что какая-нибудь случайность спасетъ любимаго человѣка. На чемъ же покоятся надежды матери-казачки, чѣмъ она утѣшаетъ себя?

— Успокоеніемъ для нея служитъ увѣренность въ томъ, что ея мужъ, опытный, бывалый воинъ, храбрый, мужественный и сильный, сумѣетъ постоять за себя, отразить неожиданнаго врага.

10) Для чего казачка обращается съ успокоительными словами къ ребенку? Развѣ послѣдній можетъ сознавать, какой опасности подвергается его отецъ?

— Конечно, нѣтъ; но, такъ какъ тревога матери-казачки о судьбѣ мужа могла бы, выразившись въ ея пѣснѣ, испугать ребенка, то спокойный, нѣжный, ласкающій тонъ пѣсни матери, освободившейся отъ чувства страха, успокоительно дѣйствуетъ на ребенка.

11) О комъ говоритъ казачка въ слѣдующей строфѣ?

— О сынѣ, о его будущности.

12) Развѣ она можетъ знать о томъ, что будетъ съ ея сыномъ?

— Приблизительно можетъ: сынъ ея, выросши, сдѣлается казакомъ, и жизнь его протечетъ среди тѣхъ опасностей, какимъ подвергается отецъ.

13) Что же думаетъ казачка о будущности сына?

— Придетъ время, когда онъ выростетъ, поступитъ въ военную службу (узнаетъ «бранное житье»), вооружится, сядетъ на расшитое шелками сѣдло и полетитъ въ битву съ врагами.

14) Прочтите слѣдующія двѣ строфы. Какъ понимать выраженіе: «богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой»?

— Онъ будетъ сильнымъ, храбрымъ, отважнымъ, красивымъ воиномъ (богатыремъ), всею душою преданнымъ казацкому дѣлу.

15) Такимъ образомъ, въ мечтахъ матери сынъ ея представляется взрослымъ воиномъ, сильнымъ, могучимъ, цвѣтущимъ, красивымъ,—казакомъ не по внѣшности только, но горячо полюбившимъ свое дѣло. Казачка какъ бы видитъ его такимъ, любуется, восхищается имъ, и сердце ея радостно бьется. Значитъ, по ея мнѣнію, сынъ долженъ честно и свято выполнить долгъ казака, нести службу на пользу родной земли, защищать ее отъ опасныхъ враговъ, и тогда только она будетъ гордиться имъ. Но исполненіе долга заставитъ сына разстаться съ матерью. Что говоритъ она объ этой неизбѣжной разлукѣ съ сыномъ?

— Ей представляется горестная минута, когда сынъ ея сядетъ на коня, чтобы покинуть родительскій

кровъ; она бросится къ нему на шею, зальется горючими слезами, а онъ махнетъ рукой и уѣдетъ.

16) При одной мысли о разлукѣ съ сыномъ сердце казачки сжимается тоскою. Почему же сынъ «махнетъ рукою»? Неужели онъ равнодушно отнесется къ горю матери?

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія; но вѣдь онъ казакъ, мужчина: ему не захочется выдать своего волненія, и потому онъ постарается скрыть его, показать свою твердость.

17) Какъ изображается далѣе положеніе казачки—матери по отъѣздѣ сына?

— Послѣ разлуки съ нимъ она проплачетъ цѣлую ночь, и затѣмъ потянутся печальные для нея дни: она будетъ тосковать о сынѣ, съ нетерпѣніемъ ожидать его возвращенія, молить Бога о его здоровьи, гадать о томъ, когда его снова увидитъ,—думать о томъ, что и онъ тоскуетъ въ разлукѣ съ нею.

18) На какое изъ этихъ дѣйствій казачка указываетъ съ особенною силою?

— На молитву: она будетъ молиться «цѣлый день».

19) Что отсюда можно заключить о ней?

— Она женщина вѣрующая, набожная, религіозная.

20) Это справедливо, и въ такомъ случаѣ понятно, почему она ищетъ облегченія горя въ молитвѣ, успокаивающей душу: но совсѣмъ непонятно, зачѣмъ она станетъ гадать: развѣ можно вѣрить гаданью, напримѣръ, картамъ, и не грѣшно ли обращаться къ нему?

— Безъ сомнѣнія, грѣшно, и картамъ вѣрить нельзя; но казачка—женщина простая, суевѣрная; она не понимаетъ, что молитва и гаданье несовмѣстимы, а между тѣмъ ей всѣми возможными способами хотѣлось бы узнать о сынѣ, и вотъ она прибѣгаетъ къ гаданью, которому вѣрятъ простые люди.

21) Прочтите послѣднюю строфу. Подтвержденіе какого изъ указанныхъ свойствъ казачки—матери здѣсь видно, и въ чемъ выражается эта черта?

— Подтвержденіе ея религіозности: провожая сына, она благословитъ его образкомъ, передъ которымъ сынъ, собираясь въ битву, горячо помолясь, вспомнитъ о матери, напутствовавшей его благословеніемъ, и такимъ образомъ молитва соединитъ ихъ и оградитъ сына отъ грозящей ему опасности.

22) Какое чувство въ отношеніи сына проглядываетъ во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ казачки—матери?

Чувство безпредѣльной, горячей любви къ сыну, на которомъ сосредоточены всѣ ея мысли и заботы; она живетъ только имъ, думаетъ только о немъ.

23) На что надѣется, чего ожидаетъ мать отъ своего сына?

— Что онъ заплатитъ ей за эту безграничную привязанность такою же глубокою любовью.

24) Какъ выразить главную мысль стихотворенія?

— Любовь сына къ матери и теплая надежда на Бога служитъ для нея источникомъ утѣшенія въ горестныя минуты разлуки съ нимъ.

---

7) «Вѣтка Палестины».—Лермонтова.

Читается стихотвореніе до конца.

Чтобы понять содержаніе и смыслъ стихотворенія необходимо знать, какъ оно возникло.

Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей жизни, когда Лермонтову грозила бѣда, онъ отправился къ своему знакомому А. Н. Муравьеву искать заступничества, совѣта и утѣшенія. Не заставъ хозяина дома, поэтъ прошелъ въ его молельную комнату. Обстановка этой

комнаты, слабо освященной лампадкой; пальмовая вѣтка, которую онъ увидѣлъ за иконой; тишина и миръ, господствовавшіе кругомъ,—все это поразило поэта, пролило въ его сердце отраду и успокоеніе, пробудило дремавшее въ его душѣ религіозное чувство. Поэтъ задумался. Пальмовая вѣтка вызвала въ его умѣ представленіе о томъ деревѣ, которому она принадлежала; о странѣ, гдѣ росло это дерево; о тѣхъ людяхъ, которые сорвали вѣтку; о богомольцѣ, занесшемъ ее на сѣверъ; воображеніе помогло поэту, на основаніи имѣвшихся у него познаній, нарисовать картину Палестины; возбужденное чувство придало этой картинѣ особенную прелесть, теплоту и задушевность. Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ мыслей и чувствъ, овладѣвшихъ его душою, поэтъ тутъ же, въ молельной комнатѣ Муравьева, набросалъ свое чудное стихотвореніе, отъ котораго вѣетъ такою искренностью, и которое проникнуто такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ Святой землѣ.

---

1) Итакъ, въ умѣ поэта, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, возникаютъ четыре вопроса. Какіе?

1) Гдѣ росла пальма, которой принадлежала вѣтка? 2) кто сорвалъ вѣтку? 3) что случилось съ самой пальмой? 4) кто принесъ вѣтку изъ Палестины въ Петербургъ?

2) Прочтите первый вопросъ и отвѣтъ на него. Какія два предположенія высказываетъ поэтъ о родинѣ пальмы?

— Она могла расти на холмахъ или въ долинѣ, на берегу Іордана или въ Ливанскихъ горахъ.

3) Но поэтъ не просто говоритъ, что пальма вы-

росла на холмѣ или въ долинѣ, а утверждаетъ, что она была ихъ украшеніемъ. Почему это?

— Финиковая пальма, о которой здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ деревьевъ: она отличается высотою, стройностью, длинными перистыми листьями, вѣнчающими ея вершину въ видѣ короны.

4) Одинаково ли было положеніе пальмы въ долинѣ и въ горахъ?

— Нѣтъ: если она росла въ долинѣ, то ее обливало восточное солнце своими горячими лучами («востока лучъ тебя ласкалъ»); если же она цвѣла въ горахъ, то ее по ночамъ раскачивали сильные вѣтры («ночной вѣтръ тебя сердито колыхалъ»). Въ первомъ случаѣ хорошо было пальмѣ: солнце ее ласкало, лелѣяло, согрѣвало; во второмъ—она испытывала на себѣ какъ бы гнѣвъ свирѣпаго вѣтра, лишавшаго ее покоя.

5) Какія свѣдѣнія получаемъ мы изъ первыхъ двухъ строфъ стихотворенія о природѣ Палестины?

— Палестина—страна холмистая; по ней протекаетъ рѣка Іорданъ, отличающаяся чистотою и прозрачностью своихъ водъ; въ долинахъ растутъ широколиственныя пальмы; въ Ливанскихъ горахъ дуютъ сильны вѣтры, раскачивающіе вершины деревьевъ.

6) Прочтите отвѣтъ на второй вопросъ. Кто же сорвалъ вѣтку?

— Бѣдные жители Салима, т. е. Іерусалима.

7) Что мы узнаемъ о жителяхъ Палестины изъ стихотворенія?

— У нихъ есть обычай, срывая вѣтви пальмъ, читать молитвы или пѣть священныя пѣсни. Сорванныя вѣтви бѣдняки красиво сплетаютъ и продаютъ богомольцамъ.

8) А богомольцы стоятъ съ этими вѣтвями въ хра-

мѣ въ праздникъ «Вербнаго воскресенья» и затѣмъ приносятъ ихъ на родину на память о посѣщеніи Святой земли.—Прочтите третій вопросъ и отвѣтъ. Какія предположенія здѣсь выражаетъ поэтъ?

— Пальма, съ которой срѣзана вѣтка, или жива, или увяла: въ первомъ случаѣ она попрежнему привлекаетъ усталаго путника подъ свою тѣнь, во второмъ—листья ея пожелтѣли и покрылись густымъ слоемъ пыли.

9) Чѣмъ объясняетъ поэтъ гибель пальмы.

— Тоскою въ разлукѣ съ родимой вѣткой.

10) Какими свѣдѣніями дополнимъ мы описаніе природы Палестины на основаніи прочитанной строфы?

— Климатъ этой страны жаркій, знойный; дожди перепадаютъ рѣдко, вслѣдствіе чего густая пыль слоями ложится на листья пальмъ; подъ ихъ тѣнью усталый путникъ находитъ для себя защиту отъ палящихъ лучей солнца.

11) Прочтите послѣдній вопросъ и отвѣтъ на него. Какія предположенія дѣлаетъ поэтъ о человѣкѣ, принесшемъ вѣтку?

— Вѣтку могъ занести на сѣверъ человѣкъ, отправившійся въ Палестину съ искреннимъ желаніемъ очистить свою душу, замолить свои грѣхи; въ такомъ случаѣ онъ не разъ, быть-можетъ, обливалъ ее своими горячими слезами; или же это былъ благочестивый человѣкъ, лучшій изъ христіанъ, съ чистою душою и свѣтлымъ лицомъ, не омраченнымъ ни страстями, ни дурными помыслами; въ такомъ случаѣ онъ угоденъ Богу, и люди о немъ скажутъ, что онъ достоинъ блаженства.

12) Прочтите двѣ послѣднія строфы. Что здѣсь изображается?

— Состояніе принесенной изъ Святой земли вѣтки и обстановка, при которой поэтъ увидѣлъ ее.

13) Что же онъ говоритъ объ этомъ?

— Увядшая вѣтка служитъ предметомъ особенной заботливости ея владѣльца: религіозное чувство, скрывающееся въ тайникахъ человѣческой души, побуждаетъ его беречь вѣтку, какъ живое напоминаніе о Святой землѣ, гдѣ жилъ и пострадалъ за насъ Спаситель; символомъ этого спасенія является св. крестъ, какъ бы охраняемый вѣткой. И пальмовая вѣтка, и крестъ, и образъ Спасителя,—все это напоминаетъ о величайшемъ актѣ любви, проявленномъ на Голгоѳѣ, и наполняетъ душу благоговѣйнымъ восторгомъ и умиленіемъ, а невозмутимая тишина и миръ, господствующіе кругомъ, проливаютъ въ больную душу поэта отраду и утѣшеніе.

14.) Какъ передать коротко исторію пальмовой вѣтки, которая служитъ предметомъ стихотворенія?

— Вѣтка цвѣла въ Палестинѣ; одинъ изъ бѣдныхъ жителей Іерусалима сорвалъ ее, продалъ богомольцу, который стоялъ съ нею въ храмѣ, а, покидая Св. землю, взялъ ее съ собою, принесъ на родину и поставилъ за образомъ на память о посѣщеніи Палестины.

15) Эта исторія пальмовой вѣтки составляетъ ли сущность стихотворенія?

— Нѣтъ, главное значеніе въ стихотвореніи имѣетъ не судьба вѣтки, а тѣ мысли и чувства, какія она вызываетъ.

16) Какъ же выразить поэтому главную мысль стихотворенія?

— Всякій предметъ, напоминающій о Святой землѣ, пробуждаетъ въ душѣ благоговѣйное чувство.

Тема для письменнаго изложенія: описаніе Палестины на основаній стихотворенія.

8) «Н и в а».—Майкова.

1) Какая картина представлена въ началѣ стихотворенія?

— Картина нивы съ созрѣвшимъ хлѣбомъ.

2) Откуда видно, что нива обѣщала обильный урожай?

— Она была покрыта, на большомъ пространствѣ, высокой и густой рожью, и авторъ, проходя по ней, принужденъ былъ раздвигать рожь руками, чтобы проложить себѣ путь, такъ какъ она препятствовала ему итти.

3) Какимъ образомъ авторъ еще характеризуетъ обиліе хлѣба?

— Онъ сравниваетъ колосья съ роями пчелъ: они мелькали и жужжали, когда поэтъ раздвигалъ ихъ съ усиліемъ руками; кололи его въ лицо, и онъ долженъ былъ отбиваться отъ нихъ, какъ отбиваешься отъ пчелъ, когда потревожишь ихъ, проходя въ ясный день по пчельнику.

4) Въ какой тѣни прилегъ авторъ отдохнуть?

— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рожь, наклонялась своими верхушками, образовала какъ бы своды, которые, не пропуская солнечныхъ лучей, давали прохладную тѣнь; идя по межѣ, авторъ прилегъ подъ однимъ изъ такихъ сводовъ, гдѣ было прохладно и сыро, какъ въ лѣсу.

5) Что изображается далѣе въ стихотвореніи?

— Картина дѣятельности народа, вызванной обильнымъ урожаемъ.

6) Но развѣ на самомъ дѣлѣ эта дѣятельность совершается, или она осуществится въ близкомъ будущемъ?

— Да, но будущее авторъ представляетъ настоя-

щимъ: онъ какъ будто наблюдаетъ разнообразныя формы этой дѣятельности въ то самое время, когда лежитъ въ тѣни высокой ржи.

7) Какъ объясняетъ онъ такую, повидимому, странную замѣну будущаго настоящимъ?

— Картина народнаго труда, нарисованная поэтомъ, есть результатъ дѣятельности его воображенія, подъ вліяніемъ окружающей обстановки: шелестѣвшіе надъ нимъ колосья представились поэту живыми существами, которыя какъ будто перешептывались между собою, вели бесѣду о своей будущности; авторъ подслушалъ эту бесѣду, и воображеніе его создало рядъ сценъ, которыя представлены совершающимися въ настоящемъ; матеріаломъ для нихъ послужили наблюденія дѣйствительности.

8) Какія именно картины дѣятельности обрисованы поэтомъ?

— Картины эти чередуются въ такой послѣдовательности: 1) жатва, 2) молотьба, 3) уборка хлѣба въ амбары, 4) отправка его на пристани, 5) нагрузка хлѣбомъ барокъ, 6) сплавъ хлѣба въ другія мѣстности.

9) Въ какихъ чертахъ представлена первая картина?

— Поэтъ видитъ на нивѣ рабочій людъ, который весело занимается уборкой хлѣба: жнетъ и связываетъ его въ снопы; вѣтеръ, пробѣгая по нивѣ, волнуетъ ее наподобіе моря, а жницы и жнецы, то нагибаясь, то выпрямляясь, напоминаютъ собою пловцовъ, ныряющихъ въ этомъ морѣ.

10) Передайте содержаніе остальныхъ картинъ.

— Собранный хлѣбъ поселяне свозятъ на гумна и молотятъ; часть смолоченнаго хлѣба они ссыпаютъ въ амбары, а излишекъ везутъ на пристани, гдѣ кипитъ усиленная дѣятельность: хлѣбомъ грузятъ барки,

цѣлый рядъ которыхъ вытянулся вдоль берега рѣки; вотъ уже бурлаки тянутъ наполненныя хлѣбомъ суда, слѣдуя вереницей, какъ журавли, по берегу, напрягая свои силы и по временамъ ударяя веревкой по влагѣ.

11) Прочтите вторую часть стихотворенія. Для пониманія ея необходимо знать, когда и при какихъ обстоятельствахъ написано произведеніе. Оно появилось въ 1856 году. Тогда существовало еще на Руси крѣпостное право; мало было школъ для образованія народа. Но близилось время освобожденія его, занималась уже, по выраженію того же поэта, «заря новыхъ дней». Авторъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лучшихъ людей своего времени, которые горячо сочувствовали народу и съ нетерпѣніемъ ожидали осуществленія своей завѣтной мечты.—Какія пожеланія высказываетъ онъ во второй части стихотворенія?

— Надъ нивою, въ которую брошены сѣмена, «повѣяло весной»; эти сѣмена «пустили свѣжіе ростки». Авторъ желаетъ, чтобы непогоды не сгубили зеренъ; чтобы Господь послалъ свѣтлые, солнечные дни, благопріятные для всходовъ; чтобы труды сѣятелей были вознаграждены обильнымъ урожаемъ.

12) Сравнивая изображеніе нивы въ 1-й и 2-й части, какое находимъ различіе?

— Въ первой части нива представлена готовою къ жатвѣ, съ созрѣвшимъ хлѣбомъ, обезпечивающимъ народное довольство и благосостояніе; во 2-й говорится, что сѣмена посѣяны, пустили ростки, но выраститъ ли хлѣбъ, будетъ ли погода благопріятствовать урожаю, неизвѣстно; въ 1-й части обиліе хлѣба, урожай, вызываетъ въ авторѣ отрадное, радостное чувство, выразившееся въ его восклицаніи: «О Божья благодать!.. о какъ приле́чь отрадно»!... во второй—это чувство со-

ставляетъ предметъ пламенныхъ желаній автора: онъ хотѣлъ бы дождаться времени, когда можно будетъ отъ полноты благодарнаго сердца воскликнуть: «Господи, какая благодать!»

13) Нѣтъ ли еще различія между первою и второю частью? Обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто: «О Боже! Ты даешь для родины моей тепло и урожай—дары святые неба; но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей, ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба»!—Что слѣдуетъ разумѣть подъ «духовнымъ хлѣбомъ»?

— То, чѣмъ питается душа, т.-е. умственное и нравственное развитіе.

14) Слѣдовательно, какое же различіе между 1-й и 2-й частью?

— Въ первой части говорится о хлѣбѣ въ прямомъ смыслѣ, во 2-й—въ переносномъ; первую часть слѣдуетъ понимать въ прямомъ значеніи; вторая представляетъ иносказаніе, аллегорію.

15) Какое еще выраженіе указываетъ на этотъ аллегорическій смыслъ второй части?

— «Мысли сѣмена Тобой насажены».

16) Слѣдовательно, всѣ выраженія второй части должны быть истолкованы въ переносномъ смыслѣ, подобно тому, какъ это дѣлается въ притчахъ. Два выраженія уже объяснены нами: 1) хлѣбъ—это просвѣщеніе народа, сѣмена—мысли. Объясните остальныя подробности.

— Нива—народъ, весна—новыя вѣянія, стремленія; свѣжіе ростки—первыя попытки распространенія образованія въ народѣ; тепло и солнце—условія, благопріятныя для этого; «тучныя борозды»—природныя дарованія русскаго народа; урожай—широкое распростра-

неніе просвѣщенія въ народѣ, непогоды—препятствія къ этому.

17) Какія именно условія, благопріятныя для счастья народа, разумѣетъ поэтъ?

— Прежде всего, конечно, освобожденіе его отъ крѣпостной зависимости, затѣмъ отсутствіе войны, тишина, спокойствіе —вотъ тѣ условія, при которыхъ было возможно умственное и нравственное возрожденіе народа.

18) Такимъ образомъ, какая картина состоянія русскаго общества и народа нарисована въ стихотвореніи?

— Народъ еще находился въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, мало имѣлъ возможности просвѣтить свой умъ и сердце, ходилъ во тьмѣ; но уже шла рѣчь о его освобожденіи; замѣтны были нѣкоторые признаки обновленія жизни; начиналось радостное пробужденіе общества; лучшіе русскіе люди бросали уже первыя сѣмена мысли на народную ниву, ждали съ нетерпѣніемъ освобожденія крестьянъ, распространенія въ народѣ просвѣщенія.

19) Могли ли эти надежды лучшихъ людей, сѣятелей на духовной нивѣ, исполниться такъ же быстро, какъ исполняются надежды земледѣльца, бросающаго въ землю зерно?

— Нѣтъ, для этого должно было пройти не мало времени, и потому авторъ стихотворенія готовъ хотя бы въ преклонной старости увидѣть осуществленіе своихъ надеждъ.

20) О какихъ слезахъ говоритъ онъ въ своемъ молитвенномъ обращеніи къ Богу?

— О тѣхъ страданіяхъ народа, которыя выпали на его долю во время крѣпостного права.

21) Какая связь между 1-й и 2-й частью стихотворенія?

— Въ 1-й части говорится о матеріальномъ состояніи народа, которое является основаніемъ его духовнаго развитія: это послѣднее возможно только при условіи довольства и благосостоянія народа.

22) Какъ же выразить главную мысль стихотворенія, принимая во вниманіе указанную связь?

— Она выражена уже отмѣченными словами самого автора: «О Боже! Ты даешь для родины моей тепло и урожай—дары святые неба; но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей, ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба», т. е. пусть матеріальное благосостояніе народа, являющееся результатомъ земледѣльческаго труда, послужитъ залогомъ умственнаго и нравственнаго развитія его.

---

9) «Къ тѣни полководца».—Пушкина.

1) Гдѣ находится поэтъ и какъ онъ изображаетъ окружающую его обстановку?

— Поэтъ находится въ храмѣ, передъ гробницею, которая стоитъ между гранитными колоннами и осѣнена прибитыми къ нимъ знаменами. Храмъ слабо освѣщенъ лампадами, бросающими свѣтъ на колонны и знамена; въ немъ царствуетъ полная тишина и безмолвіе.

2) Почему поэтъ стоитъ передъ гробницей «съ поникшею головою»?

— Подъ вліяніемъ окружающей обстановки поэтъ задумался.

3) О чемъ или о комъ онъ думаетъ?

— О томъ человѣкѣ, который лежитъ въ гробницѣ.

4) Видно ли изъ первой строфы, почему онъ называетъ гробницу «святою»?

— Нѣтъ, объ этомъ говорится въ дальнѣйшей части стихотворенія.

5) Что еще мы должны узнать изъ стихотворенія?

— Кто именно въ гробницѣ, и что о немъ думаетъ поэтъ.

6) Читайте вторую строфу. Какъ и почему поэтъ называетъ человѣка, лежащаго въ гробу?

— Онъ названъ «властелиномъ»; значитъ, ему принадлежала власть надъ войскомъ: онъ стоялъ во главѣ этого войска,—«идоломъ сѣверныхъ дружинъ, т.-е. любимцемъ русскаго войска,—стражемъ страны державной», т.-е. защитникомъ государства отъ враговъ,—«смирителемъ ея враговъ»—слѣдовательно, онъ заставилъ ихъ отказаться отъ намѣренія завладѣть отечествомъ,—«маститымъ», т.-е. старцемъ, посѣдѣвшимъ на службѣ,—наконецъ, «остальнымъ изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ»..

7) Кого слѣдуетъ разумѣть подъ «орлами»?

— Знаменитыхъ полководцевъ Екатерининскаго царствованія: Румянцева, Суворова, Орлова...

8) Почему они названы «орлами?»

— Орелъ—символъ силы, величія, мужества; полководцы Екатерининскаго времени отличались мужествомъ, быстротою своихъ движеній, непобѣдимостью.

9) Почему же лежащій въ гробу названъ «остальнымъ»?

— Слѣдовательно, онъ умеръ послѣ другихъ, закончилъ собою рядъ знаменитыхъ полководцевъ того времени.

10) Читайте третью строфу. Что здѣсь изображается?

— Подвигъ, совершенный человѣкомъ, лежащимъ въ гробу.

11) Какой онъ совершилъ подвигъ?

— Спасъ отечество отъ грозившей ему опасности.

12) Разскажите все, что мы узнали о великомъ человѣкѣ, покоящемся въ гробницѣ.—Кто же этотъ человѣкъ?

— Кутузовъ.

13) Что говорится объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ призванъ былъ спасать отечество?

— Наполеонъ I вторгнулся въ предѣлы Россіи. Часть отечества уже находилась въ рукахъ непріятеля. Тогда весь русскій народъ, страшась за будущее, выразилъ желаніе, чтобы Кутузовъ сталъ во главѣ арміи; Императоръ Александръ I, уступая этому желанію, назначилъ его главнокомандующимъ. Кутузовъ не обманулъ народныхъ ожиданій: спасъ и прославилъ русскій народъ.

14) Какое чувство вызываетъ въ поэтѣ воспоминаніе объ этомъ событіи?

— Чувство радости, восторга.

15) Но поэтъ говоритъ, что этотъ восторгъ «живетъ въ гробу», т.-е. свое собственное чувство переноситъ на тотъ предметъ, которымъ оно вызвано. Мы очень часто поступаемъ такъ же, когда говоримъ, напримѣръ: «печальный видъ», «веселый видъ», «улыбающееся утро», «грустная картина природы», хотя знаемъ, что природа не можетъ ни печалиться, ни веселиться, ни улыбаться, ни грустить; но она вызываетъ въ насъ радостное или печальное настроеніе и представляется какъ бы живою способною чувствовать. Такъ и Пушкинъ приписываетъ восторгъ гробу; изъ него онъ даже слышитъ голосъ, который твердитъ намъ о славномъ времени. Какъ это понимать?

— Видъ гробницы вызываетъ воспоминаніе о томъ, какъ Кутузовъ спасъ отечество.

16), Въ стихотвореніи говорится, что народъ «воззвалъ къ святой сѣдинѣ» Кутузова. Какъ иначе сказать?

— Народъ умолялъ Кутузова, убѣленнаго сѣдинами, спасти отечество.

17) Почему сѣдины названы «святыми», а раньше такъ же названа гробница? Развѣ Кутузовъ былъ святой?

— Кутузовъ совершилъ подвигъ, выше котораго нѣтъ другого: онъ спасъ отечество. Вотъ почему каждый русскій относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ: въ этомъ смыслѣ употреблено въ стихотвореніи слово «святой».

18) Что выражаетъ заключительный стихъ произведенія?

— Всю громадность подвига, совершеннаго Кутузовымъ, а также и быстроту, съ какой онъ совершенъ.

19) Если бы другой человѣкъ совершилъ подвигъ, равный подвигу Кутузова, какъ бы отнеслось къ нему потомство?

— Съ такимъ же уваженіемъ, какъ и къ Кутузову.

20) Слѣдовательно, какъ выразить главную мысль стихотворенія?

— Каждый спаситель своей родины вѣчно будетъ жить въ памяти потомства, которое относится къ такимъ людямъ съ чувствомъ глубокаго, благоговѣйнаго уваженія.

---

10) «Бѣсы».—Пушкина.

По прочтеніи всего стихотворенія:

1) Что изображается въ стихотвореніи—

— Снѣжная буря въ степи и тѣ чувства, какія она пробуждаетъ въ душѣ ямщика и путника,

2) Передайте содержаніе картины, нарисованной въ началѣ стихотворенія.

— По небу несутся густыя тучи; снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на землю: дороги не видно; по временамъ луна выглянетъ изъ-за тучъ и на мгновеніе освѣтитъ окружающую мѣстность. Путникъ давно уже ѣдетъ по этой пустынной равнинѣ; онъ боится потерять дорогу.

3) Съ какою цѣлью путникъ обращается къ ямщику, и что отвѣчаетъ послѣдній?

— Путнику хотѣлось бы скорѣе добраться до жилья; но ямщикъ объявляетъ, что лошади выбились изъ силъ; дороги не видно; они сбились съ пути.

4) Какъ объясняетъ ямщикъ явленія природы, происходящія во время метели?

— Во всѣхъ этихъ явленіяхъ онъ видитъ продѣлки бѣса: мокрые хлопья снѣга бьютъ его по лицу, а ему представляется, что это бѣсъ плюетъ въ лицо, потѣшается надъ путниками; сильный вѣтеръ толкаетъ коня въ оврагъ, а ямщикъ полагаетъ, что это дѣло бѣса; вѣтеръ подхватываетъ снѣгъ, вертитъ его столбомъ; а ямщику кажется, что бѣсъ превратился въ верстовой столбъ, чтобы обмануть путниковъ; вблизи сверкнули глаза волка или просто отъ сильнаго напряженія замелькалось въ глазахъ; а ямщикъ думаетъ, что это бѣсъ превратился въ огонекъ, чтобы подать путникамъ обманчивую надежду на близость жилья.

5) Почему въ слѣдующей строфѣ повторяются стихи, въ которыхъ обрисована метель, и что новаго узнаемъ изъ нея о положеніи путниковъ?

— Метель все продолжается, но въ положеніи путниковъ произошла перемѣна, не обѣщающая, впрочемъ, ничего отраднаго: утомленныя лошади остановились;

что-то видвѣется впереди, но за темнотою нельзя разобрать, — пень это или волкъ.

6) О чемъ разсказывается въ слѣдующей строфѣ?

— Вьюга разыгрывается все сильнѣе; вѣтеръ завываетъ на разные голоса; лошади храпятъ отъ страха... но вотъ онѣ понеслись снова, и въ ушахъ путника попрежнему раздается однообразный звонъ колокольчика.

7) Какъ теперь относится поэтъ къ явленіямъ метели?

— Подъ вліяніемъ рѣчей ямщика, утомительной ѣзды по снѣжной равнинѣ, темноты и завыванія вѣтра, воображеніе поэта создаетъ образы, соотвѣтственные представленіямъ ямщика: кружащіеся хлопья снѣга кажутся ему безчисленнымъ множествомъ бѣсовъ, собравшихся на равнинѣ для того, чтобы справить свадьбу вѣдьмы или похороны домового; завываніе вѣтра во время бури представляется ему визгомъ, крикомъ и пѣніемъ бѣсовъ.

8) Откуда взяты образы домового, бѣса и вѣдьмы?

— Изъ народныхъ повѣрій, выражающихъ суевѣрный взглядъ простого человѣка на явленія природы.

9) Какая разница въ представленіяхъ ямщика и поэта, относящихся къ одному и тому же предмету?

— Ямщикъ представляетъ метель въ образѣ одного бѣса, а поэтъ обрисовалъ зимнюю вьюгу въ образѣ множества бѣсовъ; по мнѣнію ямщика, бѣсъ добивается гибели путниковъ, а по взгляду поэта, духамъ нѣтъ до нихъ дѣла: они заняты своими заботами.

10) Въ представленіяхъ ямщика выразились только его личные взгляды на явленія природы или болѣе общія воззрѣнія?

— Да, онъ является выразителемъ взглядовъ всего простого народа.

11) Чѣмъ объяснить такое отношеніе народа къ явленіямъ природы?

— Народъ стремится осмыслить эти явленія; но, такъ какъ, благодаря отсутствію знаній, онъ не въ состояніи понять ихъ причину, то на помощь его уму приходитъ фантазія, создающая подобные сверхъестественные образы.

12) Какія чувства вызываетъ метель въ ямщикѣ и путникѣ?

До нѣкоторой степени одинаковыя, но источникъ ихъ не одинъ и тотъ же: ямщикъ искренно вѣритъ въ продѣлки бѣса, который, по его мнѣнію, хочетъ погубить путниковъ, и имъ овладѣваетъ чувство страха; поэтъ не вѣритъ въ бѣса, но опасается сбиться съ пути, быть заживо погребеннымъ подъ снѣгомъ, и мысль именно объ этомъ вызываетъ въ немъ чувство страха; а однообразная, продолжительная ѣзда по безконечной снѣжной равнинѣ, сопровождающаяся непріятными ощущеніями, тоскливо отзывается въ его душѣ, и эта тоска, надрывающая сердце, не покидаетъ его во все время путешествія.

Тема для письменнаго изложенія: описаніе метели на основаніи стихотворенія и статьи: «Буранъ» (отрывокъ изъ повѣсти Пушкина: «Капитанская дочка»).

II. Разборъ басенъ Крылова.

„Демьянова уха“.

1) Съ какою цѣлью Демьянъ пригласилъ къ себѣ Фоку?

— Онъ желалъ угостить Фоку, доставить ему удо-

вольстіе, выразить свое расположеніе къ нему, какъ къ доброму сосѣду.

2) Какъ онъ угощалъ гостя?

— Очень радушно, усердно, даже разсердился на свою жену за проявленіе недостаточнаго, по его мнѣнію, вниманія къ гостю.

3) Какова была уха, которой хозяинъ угощалъ гостя?

— Очень вкусная, жирная, напоминавшая янтарь своимъ золотистымъ цвѣтомъ.

4) Понравилась ли она гостю?

— Да, онъ ѣлъ уху сначала съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ.

5) Почему же послѣ четвертой тарелки гость поспѣшно убѣжалъ и даже съ этой поры прервалъ всякое знакомство съ сосѣдомъ?

Уступая неотвязчивымъ просьбамъ хозяина, гость ѣлъ уху до пресыщенія, но, когда Демьянъ и послѣ 4 торелки не прекратилъ своихъ назойливыхъ упрашиваній, Фокѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ бѣжать.

6) Разчитывалъ ли на такой исходъ своего гостепріимства Демьянъ?

— Нѣтъ, онъ не желалъ причинить непріятности гостю, напротивъ,—хотѣлъ доставить ему, какъ можно, больше удовольствія.

7) Почему же, несмотря на свою любезность и готовность услужить гостю, Демьянъ былъ причиною его бѣгства?

— Онъ не понималъ, что все хорошо до извѣстной мѣры, что добрыя намѣренія и желанія приводятъ нерѣдко къ противоположнымъ намѣченнымъ результатамъ, если осуществленіе ихъ не подчиняется чувству мѣры.

8) Нельзя ли подтвердить эту мысль какими-нибудь примѣрами?

Пѣвецъ, музыкантъ или чтецъ, злоупотребляющіе вниманіемъ слушателей, несмотря на похвальное желаніе доставить имъ удовольствіе, могутъ достигнуть какъ разъ противоположныхъ результатовъ; дѣтская игра, начатая участниками ея съ увлеченіемъ и интересомъ, можетъ наскучить, если тянется слишкомъ долго и т. п.

9) Прочитайте нравоученіе басни. Извѣстно, что басня есть разсказъ аллегорическій: въ ней говорится одно, а понимать слѣдуетъ иное. Кого же слѣдуетъ разумѣть подъ видомъ дѣйствующихъ лицъ этой басни?

— Въ образѣ Демьяна представленъ писатель; подъ именемъ ухи разумѣется его произведеніе, а подъ видомъ Фоки—слушатели. Писателя, утомляющаго читателей длиннотою своихъ скучныхъ произведеній, Крыловъ сравниваетъ съ усердствующимъ не по разуму Демьяномъ.

Въ заключеніе указывается поводъ къ написанію басни.

---

2) Любопытный.

1) Какое слово служитъ синонимомъ слова «любопытный»?

2) Синонимы—слова сходныя, но не тождественныя по значенію; они указываютъ различные оттѣнки одного и того же понятія. Слѣдовательно, для точнаго употребленія синонимовъ въ рѣчи важно опредѣлить различіе между ними по смыслу. Какое же различіе между словами: «любопытный» и «любознательный?»

— И то и другое слово выражаетъ стремленіе къ

знанію; но любопытный обращаетъ вниманіе на предметы неважные, часто пустые; имъ руководитъ любовь къ знанію поверхностному, безполезному; любознательный же стремится къ серьезному, важному знанію; имъ руководитъ желаніе понять, усвоить, уразумѣть извѣстное явленіе міра физическаго или духовнаго.

3) Что такое «кунсткамера», въ которой былъ любопытный?

— Такъ назывался прежде зоологическій музей при Академіи Наукъ въ Петербургѣ, основанный Петромъ Великимъ.

4) Какое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ кунсткамеры?

— Онъ былъ пораженъ разнообразіемъ формъ животнаго міра, яркимъ опереніемъ птицъ, миніатюрностью насѣкомыхъ.

5) Въ какихъ словахъ выразилось изумленіе посѣтителя музея?

— «Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ—палата! Куда на выдумки природа торовата!»

6) Объясните эти выраженія.

— Любопытный сравниваетъ музей съ дворцомъ, наполненнымъ чудесами (звѣрями, рыбами, насѣкомыми); о природѣ говоритъ, что она не жалѣетъ своихъ творческихъ силъ для созданія удивительно разнообразныхъ формъ животнаго міра (тороватый—отъ сл. терять, тратить=щедрый).

7) Но сообщаетъ ли любопытный какія-либо свѣдѣнія о видѣнныхъ имъ диковинкахъ?

— Нѣтъ, онъ ограничивается одними восклицаніями да малоцѣнными замѣтками о величинѣ и цвѣтѣ насѣкомыхъ.

8) Почему же онъ вынесъ такія скудныя, поверхностныя знанія изъ музея?

— Потому что онъ посѣтилъ музей изъ пустого любопытства, а не ради желанія запастись серьезными знаніями, и обратилъ вниманіе на однѣ мелочи.

9) Почему онъ не замѣтилъ слона?

— Такъ какъ у него не было ни плана, ни серьезной цѣли при обозрѣніи музея, то онъ и не зашелъ въ то отдѣленіе музея, гдѣ находился слонъ.

10) Правда ли въ такомъ случаѣ, что онъ «все видѣлъ, высмотрѣлъ»?

— Напротивъ, онъ кое-что разсмотрѣлъ, да и то мелькомъ.

11) Какіе же люди представлены въ баснѣ подъ видомъ любопытнаго?

— Люди, которые, при изученіи какого-нибудь предмета, упускаютъ изъ виду важное, существенное, съ которымъ необходимо прежде всего познакомиться, и останавливаютъ свое вниманіе на мелочахъ.

12) Какъ же долженъ поступать человѣкъ, стремящійся къ серьезному знанію?

— Онъ долженъ усвоить сначала главное, а затѣмъ уже мелочи,—прежде обратить вниманіе на то, что по своимъ размѣрамъ равняется слону, а затѣмъ уже на бабочекъ, букашекъ, козявокъ и т. д.

«Оселъ и Соловей».

1) Какія представленія соединяются у насъ съ именемъ осла и соловья?

Съ именемъ соловья—понятіе объ артистѣ пѣвцѣ, съ именемъ осла—понятіе о глупости и тупости.

2) Въ какихъ роляхъ выступаютъ они въ баснѣ?

— Оселъ—въ роли судьи, цѣнителя искусства; соловей—въ роли исполнителя-пѣвца.

3) Какимъ тономъ отличается просьба осла, обращенная къ соловью?

— Онъ обращается къ соловью фамильярно, грубо, свысока (а не какъ къ равному) и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ («дружище», «мастерище»).

4) Чѣмъ мотивируетъ оселъ свое желаніе послушать соловья?

— Онъ знакомъ съ общимъ мнѣніемъ о пѣніи соловья, но, какъ знатокъ, не довѣряетъ ему, ставитъ себя выше мнѣнія толпы, желаетъ лично провѣрить его.

5) Какая черта характера осла проявляется въ этомъ отношеніи его къ соловью?

— Крайняя самоувѣренность и невѣжество: знатокъ, по свойственной ему скромности, никогда не будетъ трубить о своихъ познаніяхъ, не позволитъ себѣ фамильярности; напротивъ, невѣжда ищетъ всякаго удобнаго случая, чтобы похвастать своими мнимыми познаніями.

6) Какимъ образомъ справедливость этой мысли подтверждается въ дѣйствіяхъ соловья?

— Несмотря на обидный, неприличный и грубый тонъ рѣчи осла, соловей, не обративъ на него вниманія, запѣлъ.

7) Какъ изображается пѣніе соловья?

— Соловей пѣлъ прекрасно: онъ то громко щелкалъ, свисталъ, то затихалъ, искусно переходилъ изъ одного тона въ другой; его пѣсня напоминала то звуки отдаленной свирѣли, то разносилась по всей рощѣ громкими трелями.

8) Какое впечатлѣніе произвелъ онъ своимъ пѣніемъ на все окружающее?

— Это впечатлѣніе передается въ баснѣ въ преувеличенныхъ, гиперболическихъ образахъ: все жадно слушало «любимца и пѣвца Авроры» (богиня утренней зари): вѣтерки перестали дуть; птички замолкли; стада перестали щипать траву; пастухъ затаилъ дыханіе и только изрѣдка взглядывалъ съ улыбкой на пастушку, желая какъ бы подѣлиться съ нею своимъ восторгомъ и восхищеніемъ.

9) Соотвѣтствуетъ ли послѣдняя картина русской дѣйствительности?

— Нѣтъ, эта картина переноситъ насъ въ обстановку чуждой жизни, въ Аркадію, страну воображаемой счастливой пастушеской жизни, гдѣ, по преданію, люди мирно жили, занимаясь скотоводствомъ.

10) Что выражаетъ поза осла, принятая имъ по окончаніи пѣнія соловья?

— Этой глубокомысленной позой оселъ хотѣлъ придать себѣ больше важности, хотѣлъ показать, что онъ обдумываетъ свое мнѣніе, соображаетъ недостатки пѣнія.

11) Какое мнѣніе высказываетъ онъ о пѣніи соловья?

— Похвала осла весьма умѣренная: соловей, по его взгляду, поетъ настолько порядочно («изрядно»), что его можно слушать, не испытывая скуки; но можно бы, конечно, пропѣть гораздо лучше; другими словами, оселъ, какъ знатокъ дѣла, не считаетъ возможнымъ восхищаться произведеніемъ художника, такъ какъ сознаетъ его недостатки.

12) Ограничивается ли оселъ высказанной имъ похвалою?

— Нѣтъ, сознавая недостатки исполнителя, онъ, какъ знатокъ, преподаетъ ему и совѣтъ: поучиться искусству пѣнія у пѣтуха («А жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ»).

14) Какое значеніе имѣетъ здѣсь слово «съ нашимъ?

— Оно указываетъ на крайнюю ограниченность судьи: онъ знакомъ только съ пѣніемъ пѣтуха, живущаго съ нимъ на одномъ дворѣ, его пріятеля.

15) Какая черта сказалась въ совѣтѣ осла?

— Этимъ совѣтомъ онъ обличаетъ полное свое невѣжество, такъ какъ считаетъ пѣтуха замѣчательнымъ пѣвцомъ, ставитъ его по искусству выше соловья; при этомъ онъ—невѣжда, много о себѣ думающій, грубый, высокомѣрный («еще бъ ты болѣ навострился»).

16) Какое дѣйствіе произвелъ на соловья невѣжественный приговоръ осла?

— Онъ настолько былъ оскорбленъ--сужденіемъ осла, что улетѣлъ «за тридевять полей», чтобы никогда не встрѣчаться съ нимъ

17) Какіе люди представлены въ образѣ соловья и осла?

— Въ образѣ соловья—люди талантливые, скромные, въ образѣ осла—надменные, грубые, невежественные люди, свысока относящіеся къ другимъ, людямъ достойнымъ, и оскорбляющіе ихъ своимъ глупымъ сужденіемъ.

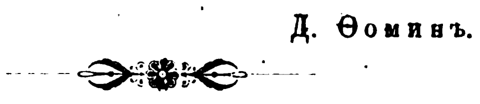
18) Въ какихъ словахъ выражено нравоученіе басни?

— «Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!»

19) Такъ какъ подъ словомъ «насъ» можно разумѣть писателей, то какой смыслъ получаетъ въ этомъ случаѣ басня?

— Соловей изображаетъ талантливаго писателя, оселъ—невѣжественнаго критика; слѣдовательно, въ баснѣ представлена невѣжественность суда плохого критика надъ талантливымъ писателемъ.

Д. Ѳоминъ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 70.

Склоненіе числительныхъ.

I.

И. п.	сорок-ъ	девяност-о	ст-о	пятьдесят-ъ
Р. „	сорок-а	девяност-а	ст-а	пятидесят-и
Д. „	сорок-а	девяност-а	ст-а	пятидесят-и
В. „	сорок-ъ	девяност-о	ст-о	пятьдесят-ъ
Т. „	сорок-а	девяност-а	ст-а	пятьюдесят-ью
Пр. п.	сорок-а	девяност-а	ст-а	пятидесят-и.

И. п.	двѣст—и	трист—а	пятьсот-ъ
Р. „	двухсот-ъ	трехсот-ъ	пятисот-ъ
Д. „	двумст—амъ	тремст—амъ	пятист—амъ
В. „	двѣст—и	трист—а	пятьсот-ъ
Т. „	двумяст-ами	тремяст-ами	пятьюст-ами
П. п.	двухст—ахъ	трехст—ахъ	пятист—ахъ

Замѣчаніе. Числительное сто съ предлогомъ по въ дат. падежѣ оканчивается на у: по сту рублей.

---

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III, IV—V и VI 1901 г. и II—III, IV, V и VI 1902 г.

II.

Склоненіе числительныхъ: тысяча, милліонъ.

Падежи.	Единственное число.		Множественное число.	
И.	тысяч-а	милліон-ъ	тысяч-и	милліон-ы
Р.	тысяч-и	милліон-а	тысяч-ъ	милліон-овъ
Д.	тысяч-ѣ	милліон-у	тысяч-амъ	милліон-амъ
В.	тысяч-у	милліон-ъ	тысяч-и	милліон-ы
Т.	тысяч-ею, ью	милліон-омъ	тысяч-ами	милліон-ами
П.	о тысяч-ѣ	милліон-ѣ	о тысяч-ахъ	милліон-ахъ

III.

Склоненіе числительныхъ.

И. п.		Пять	тысячъ	триста	три
		Пять	тысячъ	триста	третій
Р. „		Пяти	тысячъ	трехсотъ	трехъ
		Пять	тысячъ	триста	третьяго
Д. „		Пяти	тысячамъ	тремстамъ	тремъ
		Пять	тысячъ	триста	третьему
В. „		Пять	тысячъ	триста	три
		Какъ им. или род.			
Т. „		Пятью	тысячами	тремястами	тремя
		Пять	тысячъ	триста	третьимъ
П. п.	О	пяти	тысячахъ	трехстахъ	трехъ
	О	пять	тысячъ	триста	третьемъ

Правило.— *Числа, состоящія изъ трехъ и болѣе разрядовъ, склоняются слѣдующимъ образомъ: если на концѣ числа стоитъ числительное количественное, то склоняются всѣ числительныя, изъ которыхъ число составлено; если же на концѣ стоитъ порядковое, то только оно и склоняется, а все остальное въ числѣ остается безъ перемѣны.*

Задача 1.

Просклонять устно *) по образцу предложенныхъ въ этомъ урокѣ склоненій слѣдующія числительныя: 400, 16—60—600, 17—70—700, 18—80—800, 19—90—990, 2000, 10000, 35000, 1896-ть—1896-й и т. д.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Пят..десят. л..тъ—полв..ка.—Въ этомъ училищ.. шест..десят.. учениковъ.—Въ трехъ ч..тв..ртакахъ—сем..д..сят..пят.. копеекъ.

Моему отцу теперь вос..м .д..сятъ ч..тыр.. года, а дѣд..шка мой умеръ на д..в..ност. вос..момъ году.—До ст.. л..тъ немногіе доживаютъ.—Отъ Москвы по желѣзн.. дорог.. до Ярославля дв..ст.. шест..десят.. дв.. версты, до Смоленска—трист.. дев..ност..одна, до Нижн..-Новгорода—четырест.. дес..ть, до Новгорода—п..т..сотъ п..т..на..цать, до Петербурга—ш..сотъ ч..тыр.., до Харькова—с..м..сотъ три..цать вос..м.., до Полтавы—вос..м..сотъ ш..десят.. три, до Кіева—д..в..т .сот.. сорокъ шесть, до Астрахан..—тысяч.. четырест.. восем..надцат.. верстъ.—Въ тысяч.. восем..сот.. дев..ност.. ш..стомъ году въ Нижн..мъ Новгород.. была всероссійская выставка.—Татары вл..дѣли Русью съ тысяч.. дв..ст.. три..цать вос..м..го года и до тысяч.. четырест. вос..мид..сят...—Въ тысяч.. ш..сотъ трина..ц..томъ году былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳеодорович.. Романовъ.—Петербургъ былъ основанъ ш..ст..на..цат..мая тысяч.. сем..сот.. трет .. года.

---

*) Слѣдуетъ для провѣрки нѣкоторые падежи заставлять писать на классной доскѣ и прописью (буквами).

Урокъ 71.

Повтореніе всего пройденнаго.

Поставить пропущенныя буквы.

Неуч.. бываетъ гру..ъ и нев..жли..ъ.—Жасминъ очен.. п..хуч. —Семеро одн.. не ждутъ.—В..да есть кр..са природ..; поч..ти то же можно ск..зать и о лѣс..—Отрад .нъ ви..ъ густ.. лѣса въ знойн..й полд..н.., осв..ж .тел..нъ его ч..ст..й воздухъ, успокоител..на его внутренн.. тиш..на, и пріят..нъ ш..лестъ лист. .въ.—У меня дв . с..стры, и об.. старш.. меня.—Пос..лан.. выѣзжаютъ въ пол.. на зар..—Въ древн.. время люди не строили такихъ громадныхъ жилищ.., какъ теперь.—Все затихло: только одн.. трели солов..н..й пѣсн.. разд .вались въ ноч..ной тишин..—Медв..жат.. неуклюж.. и см..шны.—Медв..ж.. сила велика.—Въ году дв..на..цат.. м..сяцевъ; въ м..сяц.. ч..тыр.. нед..л..—Б..днен..к..му зайч..ку ото всѣхъ дост..ется.—Кр..сивъ бываетъ и полевой цв .точ..къ.—Казач.. с..дло л..ко и удобно.—Сед..мая нед..ля Велик.. поста называется Страстн.. седьмиц..ю.—Вчера мы были у тет.. Софі.. Николаевн.., а завтра по..демъ къ баб..шк.. Марі.. Тимоѳеевн..—Я проснулся на зар.. и долго не мо..ъ опять заснуть отъ ранн.. птич.. гама и начавш..йся суеты на двор..—Въ нашей деревен..к.. п..т..на..цать дв..ровъ и п..т..десят.. душ.. жителей.—Въ степ.. на равнин. открыт.. курганъ одинок.. стоитъ.—Къ крайн..му моему уд..влен..ю, трет..му ученику не дали награды.—Ш..с..на..цат.., умноженное на ш..десят.., равно д..в..тистамъ ш..тид..сяти.—Самыя бл..жа..ші.. зв..зд.. находятся отъ насъ на громадн..ш..мъ разстояні..—Дв..ров..й в .рн .й песъ барбо..ъ, который барск.. усердно службу несъ, увидѣлъ стар.. свою знакомку, жужу, кудряв.. болон-

ку, на мя..кой пуховой поду..к.. на ..кн..—Лишн.. копейку береги про черн..й ден..—Человѣкъ въ вос..м..д..сят.. и д..в..ност.. лѣтъ уже глубокій ст..рикъ.—Ст..л..ной нож.. крѣпч.. и остр.. желѣзн...—И подъ пепломъ ты л..жала (Москва) полоненн.., и изъ пепла ты возстала неизмѣнн..!—Поздн.. осенью бываютъ част.. д..жди.—Варень.. изъ вишен.. очень вкусн..—Въ пер..в..й разъ татары поб..дили русскихъ на рѣк.. Калк.. въ тысяч. дв..ст.. двацать ч..тверт..мъ году.—Отъ холода пробираетъ дрож..—Не думай быть нарядн..мъ, а думай быть опрятн..мъ.—На холодн..мъ осенн..мъ в..тру л..ко простудиться.—Въ простомъ году трист.. ш..д..сят.. пять дней, а въ високосномъ трист.. ш..д..сят.. шест..—Къ смерт.. всегда будь гото..ъ и о смерт.. никогда не забывай.—На б..лой матер.. зам..тны и мал..ш.. пятн..шки.—Генералъ ..вился на помощ.. осажденн..му городу съ два..ц..т.. пят.. тысяч..ми ч..тыр..ми стами солдатъ.—Подъ Крещень.. не ѣдятъ до вечерн.. зв..зды.—Ребяч.. забавы ч..сто доводятъ до б..ды.—Зимою бываютъ трескуч.. морозы.—Въ этомъ склад.. пом..щено провіанта для дв..над..цати тысяч.. п..тисотъ ш..стид..с..ти п..ти солдатъ.—На городскомъ кладбищ.. можно встр..тить дорогі.. памятн..ки.—Не нужно дѣлать соломенныхъ крыш..—На улицахъ слѣдуетъ с..жать дерев..—Мудрость дорож.. красоты.—Видитъ око далеко, а умъ еще дальш..—Лучш.. сокровищ.. на земл..—добры.. дѣла.—Скупому душа дешевл.. гроша.—За часъ до заката солнц.. дикі.. гуси подымаются съ вод.. и л..тятъ въ пол... Снач..ла обл..тятъ они б..л..шое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ поудобн.. распол..ж..ться подал..ш.. отъ проѣзж..хъ доро..ъ или р..ботающихъ въ пол.. люд..й и какой хл..бъ будетъ посытн..—Ч..ста неб..сная лазурь; тепл.. и ярч... солнц.. стало.

Урокъ 72.

Мѣстоименіе.

I.

Мѣстоименія бываютъ:

1) **личныя**, замѣщающія имя лица: **я**, **мы**—1 лица;
ты, **вы**—2 лица
онъ, **они**—3 лица;

2) возвратное: **себя**. Оно показываетъ, что дѣйствіе отъ предмета дѣйствующаго переходитъ не на другой предметъ, а возвращается на того же, кто дѣйствуетъ: я умываю себя, ты причесываешь себя, онъ одѣваетъ себя.

Склоненіе мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.

Падежи.	я		ты	
	Един. ч.	Множ. ч.	Един. ч.	Множ. ч.
	Всѣхъ родовъ.		Всѣхъ родовъ.	
Им.	я	мы	ты	вы
Род.	мен-я	на-съ	теб-я	ва-съ
Дат.	мн--ѣ	на-мъ	теб-ѣ	ва-мъ
Вин.	мен-я	на-съ	теб-я	ва-съ
Тв.	мно-ю	на-ми	тоб-ою	ва-ми
Пр.	о мн--ѣ	о на-съ	о теб-ѣ	о ва-съ

Падежи.	ОНЪ, ОНА, ОНО.					СЕБЯ.
	Единственное число.			Множ. число.		Всѣхъ родовъ.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Муж. и сред. р.	Жен. р.	
И.	онъ	она	оно	они	онѣ	—
Р.	его	ея	его	ихъ		себ-я
Д.	ему	ей	ему	имъ		себ-ѣ
В.	его	ее	его	ихъ		себ-я
Т.	имъ	ею, ей	имъ	ими		соб-ою, ой
П.	о немъ	о ней	о немъ	о нихъ		о себ-ѣ

Замѣчанія.

1) Должно особенно замѣтить, что мѣстоименія **я**, **ты**, **себя** въ дат. и пред. пад. имѣютъ на концѣ **ѣ**; также имѣетъ **ѣ** на концѣ и мѣст. **она** въ им. пад. множ. числа: **онѣ**.

2) Въ произношеніи часто не различаются род. и винит. падежи мѣстоименія **она**: **ея** и **ее**. Чтобы не смѣшивать при письмѣ этихъ падежей и правильно писать **ея** или **ее**, слѣдуетъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, эти мѣстоименія замѣнять тѣми существительными, вмѣсто которыхъ стоятъ **ея** или **ее**; существительное покажетъ, какой стоитъ падежъ, а вмѣстѣ и видно будетъ, какое мѣстоименіе должно поставить: если сущ. будетъ въ род. падежѣ, то **ея**, если же въ винит., то **ее**. Кромѣ того, **ея** всегда бываетъ опредѣленіемъ, а **ее**—дополненіемъ. Примѣръ: Береза—любимое дерево русскаго народа: онъ поминаетъ **ее** въ своихъ пѣсняхъ, отдыхаетъ подъ **ея** тѣнью, разводитъ **ее** около своихъ жилищъ, употребляетъ въ дѣло **ея** стволъ, **ея** кору, **ея** вѣтви.

3) Возвратное мѣстоименіе **себя** можетъ сокращаться въ **ся** и **сь**: умывать **себя**=умываться; я умываюсь.

Задача.

Поставить пропущенныя буквы.

Для мен.. весна—лучш . время въ году.—Есть ли у теб.. хорош.. книги?—У другихъ мы любимъ зам..чать недостатки, а у себ.. нѣтъ.—Сегодня братъ купилъ мн.. кни..ку съ картинками, теб . ящич..къ съ красками, а себ.. географическ.. карту.—Всякъ правду хвалитъ, да не всякъ е.. гов..ритъ.—Бѣлка лучш.. прыгаетъ, чѣмъ б..гаетъ, такъ какъ е.. пе-

редн.. ноги короч.. заднихъ.—Дикі.. утки очень см..лы: он.. подпускаютъ къ себ.. охотн.ка на бли..кое разстояні..—Мой младшій братъ уже и теперь съ теб.. ростомъ; онъ скоро перерастетъ теб.. и мен..—Мн.. очень жаль теб..: теб.. такъ много въ жизн.. пришлось стр.дать!—Руби дерево по себѣ..—Чудное зрѣлищ.. предст..вляетъ вамъ Волга, когда вы любуетесь на не.. съ высок.., крут.. берега: противоположный е.. берегъ, видимый на огромное пространств.., въ одну общ.. картину сл..ваетъ разнообразны.. виды, расположенны.. во всю длин..у его.—Особенный видъ рѣкъ—это рѣки степи..: он.. состоятъ изъ цѣп.. омутовъ или небольшихъ озеръ.

II.

Мѣстоименія бываютъ еще **притяжательныя**; они обозначаютъ принадлежность: **мой**, **твой**, **свой**, **нашъ**, **вашъ**.

Склоненіе мѣстоименій притяжательныхъ.

Падежи.	МОЙ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Всѣхъ родовъ.
Имен.	мо-й	мо-я	мо-е	мо-и
Род.	мо-его	мо-ей	мо-его	мо-ихъ
Дат.	мо-ему	мо-ей	мо-ему	мо-имъ
Вин.	какъ им. или р.	мо-ю	мо-е	какъ им. или р.
Твор.	мо-имъ	мо-ею, ей	мо-имъ	мо-ими
Пред.	о мо-емъ	о мо-ей	о мо-емъ	о мо-ихъ

Падежи.	НАШЪ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Всѣхъ родовъ.
Имен.	наш-ъ	наш-а	наш-е	наш-и
Род.	наш-его	наш-ей	наш-его	наш-ихъ
Дат.	наш-ему	наш-ей	наш-ему	наш-имъ
Вин.	какъ им. или р.	наш-у	наш-е	какъ им. или р.
Твор.	наш-имъ	наш-ею, ей	наш-имъ	наш-ими
Пред.	о наш-емъ	о наш-ей	о наш-емъ	о наш-ихъ

Прим. Также склоняются и прочія мѣстоименія притяжательныя.

Задача 1.

Просклонять слова: твой ключъ, твоя тетрадь, твое письмо; свой домъ, своя работа, свое занятіе; вашъ другъ, ваша комната, ваше распоряженіе.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Наш.. Мирошка ѣстъ и безъ ло..к..—Ваш.. домъ хорош.., да только малъ.—Рисунки мо.. брата и ваш.. сестр.. очень хороши.—Свой сво.. поневолѣ братъ.—Близъ наш.. деревн.. растетъ густой л..съ.—За наш.. сад..мъ прот..каетъ р..ка.—Въ ваш.. сочинені.. много ошибокъ.—Съ ваш.. нян..ю намъ было очень вес..ло.—Мн.. пришлось много потрудиться для ваш.. спокойствія.—При ваш.. отличн..шемъ вниманi.. и прилежанi.. можно многому научиться.

Урокъ 73.

Мѣстоименіе.

I.

Мѣстоименія **указательныя**, служащія для указанія на предметъ: **тотъ, этотъ; такой, сей, оный.**

Склоненіе мѣстоименій указательныхъ.

Падежи.	ТОТЪ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	тот-ъ	т-а	т-о	т-ѣ
Род.	т-ого	т-ой	т-ого	т-ѣхъ
Дат.	т-ому	т-ой	т-ому	т-ѣмъ
Вин.	какъ им. или р.	т-у	т-о	какъ им. или р.
Твор.	т-ѣмъ	т-ою, ой	т-ѣмъ	т-ѣми
Пр.	о т-омъ	о т-ой	о т-омъ	о т-ѣхъ

Падежи.	ЭТОТЪ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	этот-ъ	эт-а	эт-о	эт-и
Род.	эт-ого	эт-ой	эт-ого	эт-ихъ
Дат.	эт-ому	эт-ой	эт-ому	эт-имъ
Вин.	какъ им. или р.	эт-у	эт-о	какъ им. или р.
Твор.	эт-имъ	эт-ого	эт-имъ	эт-ими
Пр.	объ эт-омъ.	объ эт-ой	объ эт-омъ	объ эт-ихъ.

Падежи.	сей.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	с-ей	с-ія	с-іе	с-іи
Род.	с-его	с-ей	с-его	с-ихъ
Дат.	с-ему	с-ей	с-ему	с-имъ
Вин.	какъ им. или р.	с-ію	с-іе	какъ им. или р.
Твор.	с-имъ	с-ею, ей	с-имъ	с-ими
Пр.	о с-емъ	о с-ей	о с-емъ	о с-ихъ.

Примѣчаніе. Мѣстоименія **такой, этакой, оный** склоняются, какъ имена прилагательныя.

Задача 1.

Просклонять мѣстоименія: такой, этакой, оный.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Наш.. рѣка широка: отъ т.. берега до эт.. въ ней будетъ съ полверсты.—Т..хъ же щей, да пож..ж..влей.—Т.., солнышко, согрѣй, т..мъ св..тудай!—Съ т..мъ водись, кто добру учитъ.—Въ т..хъ стр..нахъ, куда р..дко заглядываетъ солнц.., царствуетъ в..чная зима съ е.. спутн..ками: холодомъ, сн..гомъ и метел..ми.—Кто обез..янъ видалъ, т.. знаютъ, какъ жадно все он.. перенимаютъ.—Я с..годня увижусь съ т..мъ, кого такъ долго ожидалъ.—Вотъ въ Рим.., наприм..ръ, я видѣлъ огур..цъ: эхъ, мой Творецъ! и по с..ю не вспомнюсь пору! Пов..ришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору!—Какого же неуклюж.. помощн..ка мн.. дали! Эт..к.. медвѣдя я еще не видывалъ!—Эт.. дерев.. очень стары: имъ вѣрно по ст.. лѣтъ.

II.

Мѣстоименія, употребляющіяся въ вопросѣ, называются **вопросительными: кто? что? какой? который? чей?**

Если же эти мѣстоименія вопроса не выражаютъ, то называются **относительными.**

Склоненіе мѣстоименій вопросительныхъ.

Падежи.	КТО?	ЧТО?
	Для обоихъ чиселъ.	Для обоихъ чиселъ.
	Для всѣхъ родовъ.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	Кто	что
Род.	кого	чего
Дат.	кому	чему
Вин.	кого	что
Твор.	кѣмъ	чѣмъ
Пр.	о комъ	о чемъ

Падежи.	ЧЕЙ?			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	чей	чья	чье	чьи
Род.	чьего	чьей	чьею	чьихъ
Дат.	чьему	чьей	чьему	чьимъ
Вин.	какъ им. или р.	чью	чье	какъ им. или р.
Твор.	чьимъ	чьею, ей	чьимъ	чьими
Пр.	о чьемъ	о чьей	о чьемъ	о чьихъ.

Примѣчаніе. Мѣстоименія—**какой, который** склоняются, какъ имена прилагательныя.

Задача.

Поставить пропущенныя буквы.

Ч..то ты здѣсь дѣлаешь?—К..кой с..дня день?—К..торый теперь ч..съ?—Ч..й это домъ?—Ч.. это книга?—Ч . это перо?—У к..о дв . кожи на н..гахъ?—Кто въ сапогахъ.—Ч..о съ земл.. не подымешь? Тѣни.—У ч..о дома собрался народъ?—У наш..о.—Для ч..й сестры сшили это плать..?—Для м .ей.—Кому Господь пом..гаетъ?—Добр..мъ людямъ..—Ч..му ты радъ?—Ч. му счаст..ю не должно завидовать?—Ч..жому.—Къ ч..й усадьб.. мы подъѣзжаемъ?—Къ ваш..—Къ к..кой обѣдн . вы идете?—Къ ранн..—На ч..ю помощ.. бол . всего должно надѣяться?—На Бож .—К..мъ созд..нъ м..ръ?—Бог .мъ.—Ч..мъ здоров.. надо дорож..ть?—Св..имъ.—Надъ ч..мъ не должно см..яться?—Надъ несчаст..мъ ближн..—За ч. ю головою жить легко?—За чужою.—Въ ч..мъ ты сд..лалъ ошибку?—Въ слржен..—Въ ч..й власт.. весь м..ръ?—Въ Бож..й.—Ч .и грѣхи, т..хъ и отвѣтъ.—Ч. ихъ рѣчей не переслушаешь? Чужихъ.—За ч..ми недостатк..ми больш . всего сл..дуетъ смотрѣть?—За св..ими.—Кто ч .мъ б..литъ, тотъ о томъ и говоритъ.—Хорошо т..му щеголять, у к..о дене..ки гремятъ.—Ч..мъ умомъ живешь, т..о и п..сенку поешь.—Та же простота, котор.. наблюдалъ Петръ Велик.. въ одежд.. и экипаж.. св..емъ, господствовала и въ е..о обращен...—Роща, за котор.. виднѣлось село, была наполнена болот..ми; поэтому намъ пришлось ѣхать не черезъ н ., а вокругъ н.., в..рстъ на д..сят.. дальш ...—Не всѣ т.. собаки кусаются, котор.. лаютъ.

Урокъ 74.

Мѣстоименіе.

Мѣстоименія, служащія для болѣе точнаго опредѣленія предметовъ и ихъ качествъ, называются **опредѣлительными: весь, всякій, каждый, самъ, самый.**

Склоненіе мѣстоименій опредѣлительныхъ.

Падежи.	САМЪ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	самъ	сам-á	сам-ó	сáм-и
Род.	сам огó	сам-óй	сам-óго	сам-и́хъ
Дат.	сам-ому	сам óй	сам óму	сам-и́мъ
Вин.	сам-ого	сам-оé	сам-ó	сам-и́хъ
Твор.	сам-имъ	сам-óю, óй	сам-и́мъ	сам-и́ми
Пр.	о сам-óмъ	о сам-óй	о сам-óмъ	о сам-и́хъ.

Падежи.	САМЫЙ.				
	Единственное число.			Множ. ч.	
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Муж. р.	Жен. р. и сред.
Им.	сáм-ый	сáм-ая	сáм-ое	сáм-ые	сáм-ыя
Род.	сáм-аго	сáм-ой	сáм-аго	сáм-ыхъ	
Дат.	сáм-ому	сáм-ой	сáм-ому	сáм-ымъ	
Вин.	какъ им. или р.	сáм-ую	сáм-ое	какъ им. или р.	
Твор.	сáм-ымъ	сáм-ою, ой	сáм-ымъ	сáм-ыми	
Пр.	о сáм-омъ	о сáм-ой	о сáм-омъ	о сáм-ыхъ.	

Падежи.	ВЕСЬ.			
	Единственное число.			Множ. ч.
	Муж. р.	Жен. р.	Сред. р.	Для всѣхъ родовъ.
Им.	вес-ь	вс-я	вс-е	вс-ѣ
Род.	вс-его	вс-ей	вс-его	вс-ѣхъ
Дат.	вс-ему	вс-ей	вс-ему	вс-ѣмъ
Вин.	какъ им. или р	вс-ю	вс-е	какъ им. или р.
Твор	вс-ѣмъ	вс-ею, ей	вс-ѣмъ	вс-ѣми
Пр.	о вс-емъ	о вс-ей	о вс-ей	о вс-ѣхъ

Примѣчаніе. Мѣстоименія **всякій** и **каждый** склоняются, какъ имена прилагательныя.

Задача.

Поставить пропущенныя буквы.

Была полноч... Вс.. было тихо; ве.. спали.—Мы вс.. подъ Бог..мъ ходимъ.—Г..л..ва вс..мъ т..ломъ запр..вляетъ.—Вс..му бываетъ перем..на.—Люби ближн.., какъ сам.. себ..—Господ.. проститъ сам.. послѣдн.. гр..шн..ка, если онъ покается.—Не хв..ли сам.. себ..: есть много лучш.. теб...—Суворовъ въ свое время почитался за сам.. луч..ш..о полководца.—Всякъ думаетъ о себѣ..; одинъ Богъ думаетъ и заботится обо вс..хъ.—Досталось вс..мъ по сер..гамъ.—На всяк.. не угодишь.—Вс.. не переслушаешь.—Со вс..ми можетъ случиться несчасті...—Всяк..му челов..ку св..е счаст..—Всяк.. люди бываютъ.—Весною прил..таютъ къ намъ всяк.. птицы.—Мы были у тет.., но е..сам.. не застали.—Зол..то считается сам.. дорогимъ метал..мъ.—Съ однимъ сам..мъ собою вс..о не удумаешь.—Добры.. люди стараются вс..мъ помочь, хотя у нихъ са-

и..хъ часто не достаетъ сам.. необходим..о.—Эту трудн.. задачу уд..лось р..шить намъ сам..мъ и при томъ сам..мъ простымъ способ..мъ.—Съ вами и съ нами сам..ми несчасті.. случилось потому, что во вр..мя не были прин..яты предосторожности.—Сам..мъ большимъ сухопутн..мъ животн..мъ считается слонъ.—И въ сам..хъ маловажн.. д..лахъ надо поступать съ осторожност..ю.—Причина различныхъ наш..хъ неудач.. заключается больш.. част.. въ насъ сам...

Урокъ 75.

Мѣстоименія неопредѣленныя.

Для объясненія.

Жилъ **нѣкто** человѣкъ безродный, одинокій.—Вотъ вдали **нѣчто** завиднѣлось.—Я хочу вамъ сообщить **нѣчто** о братѣ.—**Нѣкоторыя** деревья живутъ болѣе 1,000 лѣтъ.—**Некого** винить, когда самъ виноватъ.—**Нечего** на зеркало пенять, коли у самого рожа крива.—**Никто** себѣ не врагъ.—**Ничто**, беззаконно нажитое, впрокъ не пойдетъ.—**Кто-то** стучитъ.—**Что-то** слышится родное въ долгихъ пѣсняхъ ямщика.—**Какой-то** благодѣтель тайно помогъ несчастнымъ сиротамъ.—**Чей-то** голосъ слышенъ.—Пойдетъ ли **кто-либо** изъ васъ гулять?—Если вы замѣтите въ болѣзни брата **что-либо** опасное, сейчасъ же пришлите **кого-нибудь** сказать мнѣ объ этомъ.—Найдите **что-нибудь** въ старомъ платьѣ для этого бѣдняка!—Прочтите мнѣ наизусть **какое-нибудь** стихотвореніе!—Дайте мнѣ **чего-нибудь** поѣсть!—**Никого** не обманывай.—**Ни у кого ничего** не отнимай.—Мнѣ **некому** поручить это дѣло.—**Не къ чему** осенью сажать цвѣты.—**Ничему** дурному не учись.—**Ни къ чему** такъ скоро не привыкаютъ, какъ къ дурному.—**Ничьему** счастью не завидуй.

Правила.—**Неопредѣленными** *мѣстоименіями называются тѣ мѣстоименія, которыя замѣщають имя неопредѣленное, т.-е. точно не обозначають, какое собственно имя существительное или прилагательное они замѣняють.*

Неопредѣленныя мѣстоименія образуются изъ вопросительныхъ или чрезъ прибавленіе представокъ: **нѣ, не, ни—нѣкто, нѣчто, нѣкоторый, некого, нечего, никто, ничто, ничей**; или чрезъ присоединеніе къ концу мѣст. вопросительныхъ частицъ: **то, либо, нибудь: кто-то, что-то, какой-то, чей-то; кто-либо, что-либо, какой либо, чей либо; кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, чей-нибудь.**

Неопред. мѣст. склоняются, какъ мѣст. вопросительныя.

Склоненіе мѣстоименій неопредѣленныхъ.

Им.	нѣкто	нѣчто	—	—	никтò	ничтò
Род.	—	—	нѐкого	нѐчего	никогò	ничегò
Дат.	—	—	нѐкому	нѐчему	никому	ничему
Вин.	—	нѣчто	нѐкого	нѐчего	никогò	ничтò
Твор.	—	—	нѐкѣмъ	нѐчѣмъ	никѣмъ	ничѣмъ
Пр.	—	—	нѐ о комъ	нѐ о чемъ	ни о кòмъ	ни о чемъ

Им.	кто-то	что-то	кто-либо	что-либо
Род.	кого-то	чего-то	кого-либо	чего-либо
Дат.	кому-то	чему-то	кому-либо	чему-либо
Вин.	кого-то	что-то	кого-либо	что-либо
Твор.	кѣмъ-то	чѣмъ-то	кѣмъ-либо	чѣмъ-либо
Пр.	о комъ-то	о чемъ-то	о комъ-либо	о чемъ-либо

И.	кто-нибудь	что-нибудь
Р.	кого-нибудь	чего-нибудь
Д.	кому-нибудь	чему-нибудь
В.	кого-нибудь	что-нибудь
Т.	кѣмъ-нибудь	чѣмъ-нибудь
П.	о комъ-нибудь	о чемъ-нибудь

Задача 1.

Просклонять мѣстоименія: ничей, какой-то, чей-то, какой-либо, чей-либо, какой-нибудь, чей-нибудь.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

Н..кто молодъ дважды не бываетъ.—Н..чему самъ собою цѣны не уставишь.—Не презирай совѣта н..ч..е..о, но прежде разсмотри е..о.—Не видать птички, не слышно н..как..о голоса.—Между мною и тобою есть н..что общ...—Осенью степи получаютъ свой особенный н..с..ч..мъ не схожій видъ.—Въ пустын.. н..с..к..мъ не встрѣтишься, потому что тамъ нѣтъ людей; взору н..нач..мъ отдохнуть, потому что нѣтъ воды и почти н..какой растительности. Если въ пустын.. съ путникомъ случится бѣда, то онъ н..нач..ю помощь не можетъ разсчитывать.—Смерть н.. на что не глядитъ.—Н..ч..мъ мн..ваш..му горю пособить —Въ омутахъ почти не примѣтно н..как..о движені.. воды.—Упрям.. человѣка н..ч..мъ не убѣдишь.—У к..о нѣтъ н..ч..о, у т..о и взять н..ч..о.—Кому счасть.. служитъ, тотъ н..о..ч..мъ не тужитъ.—Завидовать мн . н..к..му да и н..в..ч..мъ.—Слово **н..кто** есть мѣстоименіе.—Н..ук..о мн.. было справиться о васъ, потому что я н..к..о не знаю въ этомъ город...—Мой отецъ н..для..к.. и н..для ч..о не измѣнитъ порядка своихъ занятій.—Н..надъ к..мъ не должно насмѣхаться.—Н.. про к..о не говори худ..о.—Н..что такъ не украшаетъ человѣка, какъ добры.. дѣла.—Н.. ч..ихъ дурныхъ совѣтовъ не слушай.—Н..к.. кому изъ товарищей не относись высокомѣрно.—Я прошу теб.. купить мн.. н..сколько книгъ; н..-

которы.. изъ нихъ пришли мн.., поскор..: он.. очень нужны, а остальны.. пришлешь послѣ: съ ними пока н..к..ч..му спѣшить.—Н..в..комъ не старайся находить только одн.. недостатки.—Н..за..к..мъ такъ не наблюдай, какъ за сам..мъ собою.—Легкомысленный человѣкъ н.. надъ ч..мъ не задумывается.

Урокъ 77.

Повтореніе пройденнаго.

Поставить пропущенныя буквы.

Скупой богач.. бѣдн.. нищ..—Послѣ л..тн..о дождя воздухъ бываетъ св..ж.. и пахуч..—Вс.. уже сѣли за столъ, только мен.. одн..о не было; когда же я ..вился, то отецъ мн.. сд..лалъ строг.. выговоръ за опаздывані..—Оселъ, гоняя птицъ, со вс..хъ ослиныхъ ногъ, по вс..мъ гр..дамъ, и вдоль, и поперекъ, такую поднялъ скачку, что въ огород.. вс.. примялъ и притопталъ.—Зимн.. дорога иногда бываетъ такъ хороша, что е.. и сравнить н.. с.. ч..мъ нельзя.—Н..пріятель такъ опустошилъ всю страну, что остались только одн.. развалины.—Вс.. е.. подруги давно уже ушли гулять; он.. теперь уже скоро возвр..тятся.—При велик..мъ княз.. Димитр.. Иванович.. Донскомъ, вос..м..о . сент..бря тысяч.. трист.. вос..мидесят..о года, на Куликовомъ пол.. русскі.. нанесли татарамъ жестокое пораженi..—Въ древн.. время славян.. не знали каменн.. мастерства, да и не сподручны имъ были каменны.. жилищ... Врем..на были не спокойны..; многі.. люди только и

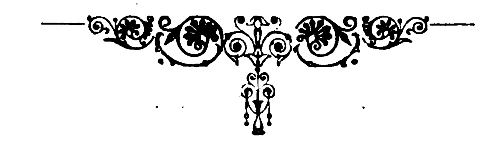
жили граб..жомъ; м. рному пос..лянину приходилось ждать опасн.. врага во всяк.. время, отовсюду. А наѣдутъ лихі.. люди—н..ч..му спуску не дадутъ: вс.. пограбятъ, пожгутъ и поя..мають. Строев . же лѣсу вездѣ было много; нов.. избу срубить н .- ч.. не стоило. Чтобы можно было уйти при неожид .нн..мъ вражеск..мъ нап..дені.., славян.. въ избахъ своихъ дѣлали по два и по три выхода.—Въ пуд.. сор..къ фунтовъ, или тысяч.. дв..ст.. вос..м..десят.. лотовъ, или три тысячи восем..сотъ сор..къ золотн..ковъ, или трист.. ш..десят.. тысяч.. ш..сотъ сорокъ долей.—Въ эт..мъ дѣл.. васъ зам..нить мн.. н..к..мъ, да и зам..нять я васъ н..к..мъ не стану: я самъ вамъ буду помогать.—Котят.. ласковы и игривы; за это ихъ и любятъ д..ти.—Въ л..тн.. время утренн.. пастуш..я труба будитъ вс.. село.—Лѣсъ рубить да изб.. строить—не баб. дѣло.—Въ тысяч.. вос..м..сотъ дв..на..цатомъ году съ оди..цат.. окт..бря французская армія нач..ла свое отступлені.. изъ Росс..; битвы—при Тарутин.. (шест.. октября), Малоярославц.. (тр..на..цат.. октября), Вязьм., Духовщин.., Красномъ (трет.. но..-бря), холодъ и голодъ—совершенно разстроили французск.. армію; только съ жалкими остатк..ми е.. Наполеону удалось выйти изъ предѣловъ Росс...—Н..на что не м..няй правды.—Сам.. себ.. не хвали.—У сам.. берега р..ки пылалъ огромн..шій костеръ; вокругъ н..о сидѣли рыб..ки и готовили себ.. ужинъ.—Прел..ст..нъ чист..й березов..й лѣсоч..къ. Какъ въ немъ вс.. св..тло, уютно, вес..ло! Зелен..мъ к..вромъ разстилаются между дерев..ями разны.. лѣсны.. мхи и травки. Сквозь густ..ю траву проглядываютъ голуб..н..кі.. колокол..ч..ки или розов..н..кі.. кошач.. лапки.—Заманчиво мел..кали мн.. сквозь древесн.. зелень красны.. крыши

и бѣлы.. трубы помѣщич.. дома.—Ч..мъ богатъ, т..мъ и радъ.—Н..к..о не суди, а на сам.. себ.. погляди.—Кто родился волк..мъ, тому лисиц..й не бывать.—Полевы.. работы начинаются съ весны ранн..й и продолжаются почти до поздн.. ос..ни.— Въ кр..ст..янск..мъ быту мальч..къ л..тъ въ п..тн..дцать уже во вс..мъ пом..гаетъ отцу.—Н.. у к..о стол..ко не выпр..сишь, какъ у Господа Бога.—По нитк.. и до клубка доходятъ.—Спаситель назвалъ любовь къ ближн..му главн..ш..ю христіанск..ю добродѣтел..ю.—У мо..о дяд.. богат..шая библіотека; одн..хъ книгъ по истор..и и географ.. въ ней считается ч..тыр.. тысячи п..т..сотъ.—Въ пользован.. ею онъ почти н..к..му не отказываетъ.— Стар.. солдаты н.. про что такъ не любятъ разсказывать, какъ про видѣнны.. сраженi..—Къ вечеру небо покрылось громадн..ш..ю туч..ю. Стало темно. Только при молн.. мы едва разл..чали дорогу.—По собач..му лаю л..гко узнать чуж.. человѣ..ка.—Ш..на..цать вершковъ составляютъ аршинъ.—Мѣсяцъ состоитъ изъ три..цати или три..цати одн.. дня.—Солов..ин.. пѣсню я особенно люблю слушать въ лѣтн.. тих.. ночь.—Тих.. ноч..ю, поздн..мъ лѣт..мъ какъ на неб . зв..зд.. рдѣютъ, какъ подъ сумр..чн..мъ ихъ свѣт..мъ нивы дремлющi.. зрѣютъ! Какъ бл..стятъ въ тиш.. ночной золотисты.. ихъ волн., уб..ленны.. луной.—По себ.. не суди о другихъ.—Голодн..му не до пѣсен..— Вс..хъ басен.. Крылова считается до двухсотъ.— Лучш.. эт..хъ басенъ ты нигдѣ не найдешь.—Свои два глаза дорож.. алмаза.—Волов.. кожи прочны.— Дѣтск.. годы считаются счастлив..ш..ю порою въ въ жизн...—Волга длинн.. вс..хъ рѣкъ въ Европ...—Рубаха къ т..лу бли..ка, а смерт.. ближ..— Лисица очень похожа на собаку; но т..ло е.. гра-

ціозн., гибч..; голова больш.., морда остр.; уши короч.., глаза мен..ш.. и кос.., хвостъ длинн.., шерст.. гущ.. и пушист.., ч..мъ у собак...

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

4. Грусти.

«Скоро ли разсвѣтетъ?» спросила Наталья. «Теперь уже полдень», отвѣчала служанка. «Ахъ, Боже мой, отчего же такъ темно»? *Арап. П. В.*, *VI.*

— Такъ вы знали мою Дуню? началъ онъ.— Кто же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка-то была! *Станц. см.*

Неужели шутка, немного вольная, могла до такой степени тебя смутить?—Ахъ, милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! *Росл.* Ср. Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили? *Сновид. 17 г.*

5. Радости, восторга.

Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: «ахъ ты, мой красавецъ!» Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: «я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу». *Изъ дневн.*

Ахъ, если бъ заманить тебя въ Михайловское!.. *Пис. № 103.* См. *Пис. № 430.*

Пришли же мнѣ «Эду» Баратынскаго. Ахъ, онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ... *Пис. № 86.* Ахъ, мой милый, что за прелесть здѣшняя деревня! *Пис. № 244.* А по здѣшнему

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III, IV, V и VI 1902 г.

я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка! *Бар.—кр.*

6. Неожиданности, удивленія.

Францъ: Здравствуй, Карлъ; отецъ дома? Карлъ: Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ какъ уже померъ. *Сц. изъ рыц. вр., IV.* «Бабушка, хлѣба!»...—Ахъ! это ты Митя; да гдѣ же ты пропадалъ, бѣсенокъ? *Дубр., XVII.*

7. Догадки.

Ахъ? я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ. *Кап. д., XI.*

Б: Что значатъ эти точки?

А: Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Ст. и зам. изъ «Л. газ.», XVI.

(Языковъ) всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ: скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы. *Пис. № 178 Вяз.)*... Мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя! знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою! *Бар. - кр.*

Аяксъ, а, м.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ-Лобановъ и Аяксъ-Өедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ. *Пис. № 421.*

Аөеизмъ, а, м.

Беру уроки чистаго аөеизма. *Пис. № 61.* Въ 1824 г. имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легко-

мысленнымъ сужденіемъ касательно **аѳеизма**... *Прош. на высоч. имя 26 г.* См. еще *Пис. № 166. Радищ.*

Ты обѣщалъ о романтизмѣ, о семъ парнасскомъ **аѳеизмѣ**, потолковать еще со мной. *А. Родз.*

Аѳéй. я, м.

Но вы же и **аѳей**? вотъ что ужъ никуда не годится.— Я **аѳей**? В. В., какъ можно судить по письму, писанному къ товарищу? *Издн., Вообр. разг. съ Ал. I.*

Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный **аѳей**, котораго я еще встрѣтилъ. *Пис. № 61.*

Аѳинскій, ая, ое.

Такъ Брюловъ, усыпляя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ **Аѳинскую** школу Рафаэля. *Ѳрак. Элег., Стих. Тепл. (черн.).*

В. А. Водарскій.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1900 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III выпуска.

„Критонъ“ или: „Объ обязанностяхъ гражданина“— этическій діалогъ Платона (окончаніе)—переводъ—*С. В. Мышецкаго.*

Одно мѣсто въ „Поученіи“ Мономаха“—профессора *А. И. Соболевскаго.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній: „Нива“—А. Майкова, „Три пальмы“ и „Вѣтка Палестины“—Лермонтова и „Подражаніе псалму XIV“—Языкова—*К. В. Ельницкаго.*

Нужна ли буква „ять?“—*Д. Н. Ѳомина.*

Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ существованія буквы „Ѣ“ въ русской азбукѣ—*С. Н. Прядкина.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1901 году

Очеркъ изъ исторіи европейской драмы (продолженіе)— *А. А. Чебышева.*

Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи— *Н. М. Гальковскаго.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ— *Н. В. Шеметовой.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (продолженіе)—*И. И. Замотина.*

А. Н. Майковъ, какъ поэтъ—*В. П. Брюханова.*

Ученые труды Л. Н. Майкова—*Н. Н. Вакуловскаго.*

О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ—*Д. А. Никольскаго.*

Уроки объяснительнаго чтенія: разборъ басенъ Крылова—*Д. Н. Ѳомина.*

Объяснительное чтеніе нѣкоторыхъ басенъ и стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для приготов. кл. средн. учеб. завед. и низш. школъ—*М. М. Львова.*

Объявленія.

При этой книгѣ прилагается „Указатель" статей „Ф. З." за 13 лѣтъ.

Содержаніе VI выпуска.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1901 г.

Содержаніе I—II выпусковъ.

Энциклопедическій словарь издателя Ф. Павленкова—*Н. К. Рамзевича.*

Вѣнокъ на могилу А. А. Хованскаго.

Содержаніе I—VI в.в. „Филологическихъ Записокъ" за 1900 г.

Содержаніе III выпуска.

Звуки и рѣчи, какъ результаты работъ органовъ—*С. С. Рогозина.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе) *Н. В. Шеметовой.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*П. Н. Щукина.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ—*В. М. Гуссова.*

Славянскія извѣстія—*А. I. Степовича.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для старшаго отдѣленія приготов. классовъ средн. учебн. завед. и вообще для школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія. (продолженіе)—*М. М. Львова.*

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ" въ 1902 году.

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ".

Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ"—Гомера)—*I. М.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе)—*Н. В. Шеметовой.*

Значеніе Гончарова въ исторіи русской литературы (продолженіе)—*И. Н. Щукина.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель (продолженіе)—*Его же.*

Матеріалы для біографіи И. С. Никитина.

Эпитеты въ русскихъ былинахъ (продолженіе)—*П. Д. Первова.*

Объяснительное чтеніе стихотвореній и народныхъ басенъ—*К. В. Ельницкаго.*

По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго преподаванія—*В. М. Гуссова.*

Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средней школы по русскому языку и словесности (окончаніе будетъ въ слѣд. вып.)—*Его же.*

Нѣсколько словъ объ „орѳографическихъ словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина“—*З. О—ва.*

Затруднительные случаи русскаго правописанія (окончаніе)—*Д. Н. Ѳомина.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ—продолженіе)—*М. М. Львова.*

Матеріалы для словаря Пушкинскаго прозаическаго языка (продолженіе будетъ)—*В. А. Водарскаго.*

Объявленія.

Содержаніе VI выпуска.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1902 году.

Отъ издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе будетъ)—*Н. В. Шеметовой.*

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1902 г.

Содержаніе I выпуска.

Содержаніе II—III выпусковъ.

Содержаніе IV выпуска.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1902 г.

Отъ Издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе будетъ)—*Н. В. Шеметовой.*

Недопѣтая пѣсня—*А. Н. Ко—ва.*

Памяти А. В. Никитенка—*Н. Н. Вакуловскаго.*

Изъ введенія въ морфологію церковно-славянскаго языка—академика—*А. И. Соболевскаго.*

Объяснительное чтеніе басенъ и стихотвореній—*К. В. Ельницкаго.*

Частицы не, ни и нѣ въ русскомъ языкѣ; ихъ значеніе, употребленіе и правописаніе (окон. буд.)—*Н. Тимофеева.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Краткая Этимологія (продолженіе будетъ)—*М. М. Львова.*

Матеріалы для словаря Пушкинскаго прозаическаго языка (продолженіе)—*В. А. Водарскаго.*

Содержаніе I—VI выпусковъ „Филолог. Записокъ“ за 1900 и 1901 г.г.

Объявленія.

Содержаніе V выпуска.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1903 г.

Отъ Издательницъ „Филологическихъ Записокъ“.

Очерки римской миѳологіи (продолженіе)—*А. И. Солоникіо.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе)—*Н. В. Шеметовой.*

Славянскія извѣстія—*В. I. Степовича.*

Обзоръ новыхъ книгъ по педагогикѣ и классической филологіи—*I. Г. Зоргенфрея.*

Содержаніе VI выпуска.

Оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ“ за послѣднiе годы.

Барсовъ А. В. „Живое Слово“ для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Профес. О лженаучности нашего правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Будде Е. Ѳ. профес. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Б. Къ вопросу о правописаніи. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Библіографія. Новая Школа. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Въ помощь учащимся—**сборникъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя и Жуковскаго**. 1902 г. 13 печ. лист. Цѣна съ пер. 75 к.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Горницкій П. К. Темы испытаній зрѣлости по рус. языку предложенныя въ учебныхъ Округахъ М. Н. Пр. въ 1894 по 1897 годъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М. Въ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М.: I. Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средн. школы по рус. яз. и словесности. II. Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи. III. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-лѣтн. годовщину его смерти. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Гуссовъ В. М.. По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго образованія. 1901 г. Цѣна съ перес. 7 к.

Гуссовъ В. М.. Вѣнокъ на могилу Гоголя. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.

Державинъ Н. С. Одинъ изъ перловъ Пушкинской юбилейной литературы. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова· 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 20 к.

Ельницкій К. В.. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ 16 №№. 1901 г. Цѣна съ перес. 60 к.

Ельницкій К. В. Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Заболотскій П. А. О вліяніяхъ подъ которыми слагались личность и творчество Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Замотинъ И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. 1900 г. Цѣна съ перес. 50 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Кашинъ Н. П. Наши новѣйшія руководства для юношества. 1901 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о національн. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Корольковъ А. Н. Лордъ Байронъ. 1901 г. Цѣна съ пер. 10. к.

Корольковъ А. Н. Недопѣтая пѣсня (по поводу 60-лѣтія со дня кончины М. Ю. Лермонтова) 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Ляскоронскій В. П. О юморѣ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 7 к.

Матеріалы для біографіи *И. С. Никитина* (письма его). 1902 г. Цѣна съ перес. 15 к.

Мышецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина„—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Никольскій Д. А. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ. З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 25 к.

Опоковъ З. З. Нѣсколько словъ объ „ороографическихъ" словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Первовъ П. Д. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. 1902 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Подаринъ Н. А. Новые варіанты былинъ. 1898 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его, II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна (съ пересылкой) брошюры съ портретомъ 50 к., безъ портрета 40 к., на лучшей бумагѣ съ портретомъ 65 к.

Вся выручка отъ продажи этой брошюры предназначена на увеличеніе фонда имени А. А. Хованскаго.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)". Цѣна съ перес. 10 к., безъ перес. 7 к. 1899 г.

„Памяти А. С. Пушкина". Цѣна съ перес. 20 к., безъ пер. 15 к. 1899 г.

„Памяти Ивана Саввича Никитина". Ц. съ перес. 30 к, безъ пер. 25 к. 1899 г.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки" (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). Ц. съ пер. 25 к., безъ перес. 20 к. 1899 г.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки" (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина" и др.) Ц. съ пер. 25 к. безъ пер. 20 к. 1899 г.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ". Ц. съ пер. 10 к., безъ пер. 7 к. 1899 г.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рамзевичъ Н. К. 1) Правильное производство слова „человѣкъ". 2) Замѣтка о словѣ „Русь" *одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. и допущены въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній*. Ц. съ пер. 15 к.

1) Правильное производство слова „человѣкъ", 2) замѣтка о словѣ „русь" 3) къ объясненію выраженія въ словѣ о полку Игоревѣ „дорыскаше до куръ тмутороканѣ" 1899 г. Ц. 20 к. съ пер.

Романовскій В. Е. Объ отношеніи географіи и исторіи къ преподаванію словесности. 1895 г. Ц. съ пер. 25 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ" Гёте. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Соболевскій А. И. Академикъ. Изъ введенія въ морфологію церковно-славянскаго языка. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческій очеркъ. 1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Соловьевъ А. В. Ученическое годы В. А. Жуковскаго. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Смѣльницкій И. Н. Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи рус. самосознанія. 1902 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Смѣльницкій И. Н. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. 1899 г. Ц. 25 к. съ пер. 35 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Суровцевъ А. Г. Кто придумалъ слово „временщикъ"? 1901 г. Цѣна съ пер. 7. к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Харламовъ М. А. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся. 1900 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Чебышевъ А. А. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. Цѣна съ перес. 70 к.

Четыркинъ И. Д. Нѣсколько словъ о педагогическихъ съѣздахъ. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Четыркинъ И. Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд. *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов.. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Цѣна съ перес. 30 к

Черняевъ П. Н. Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи“ Жуковскаго современ. и послѣд. критики. 1902 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Шамраевъ В. Н. О жизни и твореніяхъ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. Ц. 20 к. съ перес.

Щукинъ П. Н: I. Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель. II. Значеніе И. А. Гончарова въ исторіи рус. литературы. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 60 к.

Щукинъ П. Н. Григоровичъ, какъ народный писатель. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Ѳоминъ. Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія). 1900 г. Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Два перла классической литературы: щиты Ахиллеса и Энея. 1901 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. П. Въ защиту буквы „ять“. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. 1901 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Затруднительные случаи русскаго правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 25 к.

„**Указатель**“ статей напечатанныхъ въ „Филол. Зап.“ за 13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. Цѣна съ пер. 25 к.

„**Указатель**“ за 25 лѣтъ: 1860—1886 г.г. Цѣна 30 к. съ пер. за оба „Указателя“ вмѣстѣ—40 к. съ пер.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ II.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

43-й годъ изд. въ 1903 году — 43-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. Кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. Духовныхъ Семинарій и Училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. Коммерческихъ Училищъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 43-й годъ своего существованія и 5-й годъ изданія подъ новой редакціей, попрежнему будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, будетъ преслѣдовать цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.,» открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ —великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1903 году, кромѣ извѣстныхъ уже читателямъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ, обѣщали помѣщать свои труды въ «Филол. Зап.» нѣкоторые профессора университетовъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8—9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16—18 листовъ.

Въ текущемъ 1903 году издательницами «Филологическихъ Записокъ» будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы выпуски журнала выходили своевременно, безъ опаздыванія.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей уступка—1 р.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ заблаговременно, 2) по возможности обращаться съ подпискою, во избѣжаніе недоразумѣній, прямо въ контору, 3) высылать подписную плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.;

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к. съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15**%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Редакторы *) { С. Н. Прядкинъ.
Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гаазе—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ“.

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Очерки римской миѳологіи*)

(по Преллеру).

Отдѣлъ второй.

VI. 13) Пикъ, Пикумнъ и Пилумнъ.

Къ божествамъ, входящимъ въ культъ Марса, принадлежатъ — Пикъ (Picus), Пилумнъ (Pilumnus) и Пикумнъ (Picumnus). Первый, Пикъ (picus — дятелъ), какъ мы видѣли, первоначально бывшій священной птицей Марса, съ теченіемъ времени получаетъ значеніе самостоятельнаго божества лѣса и вообще защитника и покровителя сельской жизни, а въ сказаніяхъ города Лаврента онъ же является доблестнымъ героемъ и воинственнымъ царемъ. У Овидія, въ его календарѣ (Fast. III, ст. 291 и слѣд.) Пикъ на ряду съ Фавномъ изображенъ лѣснымъ демономъ, лѣсовикомъ. Другія мѣстныя сказанія представляютъ Пика земледѣльческимъ божествомъ, научившимъ людей удобренію (унавоживанію) полей, въ каковомъ значеніи его почитали сыномъ Стеркута (stercus — навозъ), или Сатурна (Saturnus—сѣятель). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ Пикъ преобразуется въ Пикумна (Picumnus), братомъ-близнецомъ котораго дѣлается Пилумнъ (Pilumnus). Первый изъ нихъ выдается за изобрѣтателя удобренія полей навозомъ, почему получаетъ прозвище sterculius (stercus—навозъ), а второй, Пи-

*) Продолж. См. в. I и V 1902 г.

лумнъ молотьбы (pilum—молотъ, толкачъ). Очевидно, что народныя сказанія въ образѣ Пикумна и Пилумна олицетворили двухъ родственныхъ и нерѣдко смѣшиваемыхъ по ихъ наружнымъ признакамъ лѣсныхъ птицъ, именно, дятла (picus) и удода (upupa), которые, согласно своимъ характернымъ особенностямъ, сдѣлались предметомъ культа и, по народнымъ вѣрованіямъ, покровителями земледѣльцевъ и хлѣбниковъ. Дятелъ постоянной работой своего клюва напоминалъ удары толкача, раздробляющаго зерна пшеницы въ ступѣ, а удодъ, благодаря своему тяжелому запаху, отдающему перегноемъ и навозомъ, сдѣлался въ народныхъ представленіяхъ изобрѣтателемъ удобренія полей.

Какъ божества, содѣйствующія плодородію полей, Пикумнъ и Пилумнъ получаютъ также значеніе покровителей матерей-родильницъ и почитаются виновниками многочадія и патронами новорожденныхъ. Поэтому во время рожденія ребенка, когда, согласно народному обычаю, для испытанія силъ, ставили новорожденнаго на землю, Пикумну и Пилумну приготовляли въ атріумѣ дома уставленный яствами столъ [36]).

У Блаженнаго Августина, въ его книгѣ: «De civitate Dei», мы встрѣчаемъ разсказъ Варрона о другомъ сельскомъ обычаѣ, по смыслу котораго три божества призывались въ защиту родильницъ противъ вторженія Сильвана ночью въ домъ. Образнымъ, символическимъ изоб-

[36]) Varro, De vita P. R. lib: II: Natus, si erat vitalis ac sublatus ab obstetrice, statuebatur in terra, ut auspicaretur rectus esse, diis conjugalibus Pilumno et Picumno in aedibus lectus sternebatur.—Serv. V. A. X, 76: Varro Pilumnum et Picumnum infantium deos esse ait eisque lectum in atrio sterni, dum exploretur, an vitalis sit, qui natus est.

раженіемъ такой защиты и служилъ именно этотъ обычай, состоявшій въ томъ, что трое мужчинъ обходили ночью кругомъ дома и въ оба порога его выходныхъ заднихъ и переднихъ дверей ударяли сначала топоромъ, потомъ толкачемъ и, наконецъ, обметали пороги метлой. Топоръ, молотъ (толкачъ) и метла—образные символы человѣческой культуры, поскольку топоръ служитъ орудіемъ для вырубки лѣса, толкачъ—для молотьбы хлѣбныхъ зеренъ, метла—для сметанія полевыхъ плодовъ. По этимъ тремъ дѣйствіямъ топора, молота и метлы божества, охраняющія роженицу, получили свои прозвища, именно Интерцидоны (a securis incisione—отъ зарубокъ топора), Пилумна (отъ ударовъ толкача—pilum) и Деверры (отъ глагола deverro—отметаю, выметаю).

Наконецъ, Пикъ, какъ уже было сказано, въ преданіяхъ лаврентинцевъ является царемъ и воинственнымъ героемъ, сыномъ Сатурна и отцомъ Фавна. Вергилій (Aen: VII, ст. 170 и слѣд.) описываетъ Лаврентійскій дворецъ Пика. Въ этомъ описаніи нельзя не видѣть отголоска преданій о нѣкогда существовавшемъ въ этой мѣстности лѣсномъ святилищѣ Марса и посвященной ему птицы—дятла. Здѣсь, въ этомъ дворцѣ, цари Лаврента поставлялись на царство. Въ предверіи дворца были выставлены изображенія царственныхъ предковъ: Итала, Сабина, Януса и Сатурна, а также и другихъ царей и героевъ. Облаченный въ трабею (военный плащъ), держа въ правой рукѣ скипетръ (lituus), а въ лѣвой щитъ, возсѣдалъ на тронѣ самъ Пикъ, котораго Цирцея, его супруга, какъ называютъ ее нѣкоторыя преданія, обратила въ дятла. Преданіе о превращеніи Пика въ дятла подробно разсказано Овидіемъ въ его «Метаморфозахъ» (Met. XIV, 313—434).

Всѣ народныя сказанія выставляютъ причиной этого превращенія ревность Цирцеи и силу ея волшебства съ той только разницей, что одни называютъ его супругой Цирцею, другіе—сельскую богиню Помону, третьи, съ которыми согласуется и разсказъ Овидія,—красавицу нимфу Каненту (Canens), обладавшую волшебнымъ даромъ пѣснопѣній. Пикъ, столько же красивый, сколько и мужественный, въ цвѣтущіе годы своей юности былъ величайшимъ и самымъ искуснымъ охотникомъ и любимцемъ всѣхъ лѣсныхъ и рѣчныхъ нимфъ. Самъ однако любилъ одну только прекрасноголосую красавицу Каненту, дочь Венилія и Януса. Канента была обворожительно красива; но еще болѣе плѣнителенъ былъ ея чудный голосъ, благодаря которому она и получила свое имя—Canens (canere—пѣть). Подобно волшебнику Орфею, Канента своимъ пѣснопѣніемъ заставляла двигаться деревья и камни, укрощала дикихъ звѣрей, останавливала теченіе рѣкъ и полетъ птицъ. Однажды Пикъ, верхомъ на ретивомъ конѣ, отправился на охоту, вооруженный двумя копьями. Шею его украшалъ красный воротъ, застегнутый спереди золотой пряжкой. Здѣсь, на охотѣ, повстрѣчала его Цирцея, собиравшая въ лѣсу цѣлебныя травы. Воспылавъ къ нему сильной страстью, волшебница заманила его въ лѣсную чащу. Но такъ какъ Пикъ отказалъ ей во взаимности, то Цирцея обратила его въ дятла, который съ этихъ поръ, въ безсильной ярости за постигшее его несчастіе, непрестанно долбитъ своимъ клювомъ стволы и сучья деревьевъ. Слѣды бывшаго на Пикѣ пурпуроваго ворота и золотой пряжки можно усмотрѣть въ цвѣтныхъ перьяхъ, украшающихъ одноименную съ нимъ птицу,—дятла. Преданная, любящая супруга Пика, нимфа Канента, въ теченіе шести дней и ночей не знала

ни сна, ни пищи, разыскивая своего мужа и бродя по лѣсамъ и долинамъ, пока, наконецъ, утомленная и обезсиленная, она, обливаясь слезами и изливая свою безутѣшную скорбь въ грустныхъ пѣсняхъ, ни погрузилась въ волны Тибра, гдѣ и нашла себѣ успокоеніе.

Излишне было бы говорить, что въ образѣ Каненты, дочери источника и рѣчной волны, супруги лѣсного обитателя—дятла, народная фантазія олицетворила тѣ голоса и звуки неодушевленной природы, какъ шелестъ листьевъ, журчаніе ручья, рокотъ волнъ, которые такъ чарующе дѣйствуютъ на душу человѣка и вызываютъ въ ней соотвѣтствующій отзвукъ, изливающійся въ пѣснѣ и музыкѣ.

4) Фавнъ и Фавна.

Пикъ, будучи первоначально символомъ Марса, въ религіозныхъ представленіяхъ италійцевъ никогда не достигалъ значенія самостоятельнаго божества, какимъ пользовался родственный ему Фавнъ, древнѣйшій и наиболѣе популярный среди боговъ древней Италіи. Хотя очень рано, благодаря греческому вліянію, Фавнъ былъ отождествленъ съ Паномъ, тѣмъ не менѣе самое имя Faunus (отъ faveo—благоволю) указываетъ на чисто національный, италійскій характеръ этого божества. Итакъ, Faunus, согласно словопроизводству, значитъ благодѣтель, покровитель, какъ и родственныя съ нимъ этимологически имена: Faustus, Faustulus и названіе весенняго, благотворнаго, живительнаго, теплаго вѣтра Favonius. Фавнъ такимъ образомъ является въ народныхъ о немъ представленіяхъ добрымъ горнымъ духомъ, божествомъ пастбищъ, нивъ и лѣсовъ,

обладающимъ даромъ прорицанія, покровителемъ сельской культуры, охраняющимъ и преумножающимъ стада, содѣйствующимъ плодородію полей, богомъ оплодотворенія, наконецъ, древнимъ миѳическимъ царемъ, виновникомъ культурнаго преуспѣянія человѣка и родоначальникомъ многихъ древне-италійскихъ родовъ. Таковы главнѣйшія, характернѣйшія черты религіозныхъ представленій о Фавнѣ, свойственныхъ почти всѣмъ племенамъ, заселявшимъ древнюю Италію.

Горацій въ 18-й одѣ третьей книги (Carm. III, 18) по поводу сельскаго празднества въ честь Фавна, которое справлялось 5-го декабря и носило названіе Faunalia, такъ изображаетъ главнѣйшія народныя представленія, соединявшіяся съ Фавномъ, какъ съ благодѣтелемъ и покровителемъ сельской жизни: «Фавнъ», говоритъ поэтъ: «гоняясь за нимфами, убѣгающими отъ тебя, милостиво пройди по моимъ владѣніямъ и пастбищамъ, освѣщеннымъ солнцемъ; сохрани невредимымъ юный приплодъ стадъ. Вѣдь каждогодно, съ возвращеніемъ декабрьскихъ нонъ, въ честь твою закалываю я нѣжнаго козленка, щедро наполняю для тебя, любимца Венеры, кубки виномъ и воскуряю на отчемъ алтарѣ изобильныя благовонія. Съ наступленіемъ твоихъ нонъ весь скотъ рѣзвится на пастбищахъ, вся деревня, а вмѣстѣ съ ней и рабочій волъ—чествуютъ тебя на лугахъ, и ягненокъ не страшится хищнаго волка. Лѣсъ усыпаетъ твой путь листвой, и поселянинъ въ веселой пляскѣ отбиваетъ ногами землю, ненавистную ему въ другое (рабочее) время».

Итакъ, Фавнъ умножаетъ и охраняетъ стада, содѣйствуетъ плодородію полей, защищаетъ скотъ отъ хищнаго волка. Какъ божество оплодотворяющее, онъ носитъ прозвище Inuus (отъ inire—входить, оплодотво-

рать [37]); какъ охранитель стадъ, отвращающій отъ нихъ волка, Фавнъ призывается подъ именемъ Луперка (Lupercus—lupum arcere) [38]).

Въ народныхъ разсказахъ Фавнъ является или какъ представитель цѣлаго рода демоническихъ существъ—фавновъ, или какъ отдѣльное, индивидуальное, личное божество. Въ первомъ значеніи фавнъ родственъ Сильвану; это—лѣсовикъ, обитатель лѣсной чащи, таинственныхъ, уединенныхъ гротовъ и истоковъ рѣкъ; отсюда онъ подаетъ людямъ свои откровенія, здѣсь онъ занимается ловлей птицъ и преслѣдованіемъ нимфъ. Люди его не могутъ видѣть; только голосъ фавна, раздающійся изъ лѣсныхъ чащъ, даетъ знать о его присутствіи. Страшный, громкій голосъ его переполняетъ сердце человѣка безотчетнымъ страхомъ (паническій страхъ) и предостерегаетъ отъ грозящей бѣды. Нерѣдко фавнъ наводитъ на людей тяжелыя, страшныя сновидѣнія и мирный сонъ обращаетъ въ удушливый кошмаръ. У римскихъ и греческихъ писателей часто читаемъ разсказы о томъ, какъ не разъ фавнъ ужаснымъ крикомъ своимъ устрашалъ непріятеля среди разгара битвы и тѣмъ содѣйствовалъ побѣдѣ римлянъ [39]). Въ народныхъ преданіяхъ фавны нерѣдко изображаются, какъ духи и привидѣнія, которые блуждаютъ по ночамъ и тревожатъ сонъ людей. Защитой отъ такихъ ночныхъ посѣщеній фавна служили корни разныхъ лѣсныхъ растеній, особенно корень лѣсной пеоніи, кото-

---

[37]) Paul. p. 110: init ponitur interdum pro concubitu.

[38]) Paul. p. 15: arcere prohibere est. Similiter abarcet—prohibet.

[39]) Cic. De divin. I, 45, 101: Saepe etiam in proeliis Fauni auditi. Cp. T. Liv: II, 7, 2; Dionys. V, 16 Valer. Max: I, 8, 5:

рый однако слѣдовало выкапывать только ночью, иначе дятелъ выклевалъ бы глаза тому, кого бы онъ замѣтилъ вырывающимъ этотъ корень. Особенно женщинамъ нужно быть на сторожѣ противъ фавновъ и сильвановъ, этихъ похотливыхъ лѣсныхъ духовъ.

Въ латинскихъ и римскихъ преданіяхъ Фавнъ, напротивъ, изображается единичнымъ, индивидуальнымъ божествомъ и при томъ божествомъ, прорицающимъ и провозвѣщающимъ свои откровенія въ различныхъ формахъ, между прочимъ, и въ сновидѣніяхъ. Въ этомъ значеніи Фавнъ носитъ прозвище Fatuus, или Fatuellus (греческое—προφήτης), отъ fari и fatuari—прорицать [40])

Овидій разсказываетъ (Ovid. Fast. III, 291 и слѣд.), что самъ благочестивый царь Нума, любимецъ нимфы Эгеріи, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было проникнуть въ тайны міра боговъ, обращался къ помощи Пика и Фавна, которые, согласно передаваемому поэтомъ сказанію, были сначала приведены Нумой и его спутниками въ состояніе опьяненія и затѣмъ, связанные, были вынуждены открыть требуемую тайну страшнаго волшебства. Въ другомъ разсказѣ Овидія (Fast. IV, 648 и слѣд.) описано древнее прорицалище Фавна, подававшаго людямъ откровенія во время сна при соблюденіи ими извѣстныхъ, традиціонныхъ обрядовъ. Тотъ же царь Нума и въ данномъ случаѣ получаетъ отъ Фавна указаніе, какимъ образомъ во время

---

[40]) Serv. V. A. VI, 776; VII, 45; VIII, 314. Fest. p. 325: versus, quibus Faunus fata cecinisse hominibus videtur. Также Deus Vaticanus и mons Vaticanus получили свои названія a vaticiniis, quae vi atque instinctu ejus dei in eo agro fieri solita essent. (Gell. N. A. XVI, 17).

бывшаго голода слѣдовало умилостивить мать сыру землю принесеніемъ ей въ жертву двухъ коровъ. Въ древней рощѣ, посвященной Фавну—разсказываетъ Овидій,—гдѣ этотъ добрый лѣсной духъ давалъ людямъ свои откровенія во время сна, Нума закалываетъ двухъ овецъ, одну въ честь фавна, другую—божеству сна. Разостлавъ шкуры жертвенныхъ овецъ на голой землѣ, царь окропляетъ свою голову дважды водой изъ источника, вплетаетъ себѣ въ волосы два буковыхъ вѣнка и, послѣ воздержанія, поста и молитвы, снявъ предварительно со своего пальца перстень, располагается на овечьихъ шкурахъ спать. Съ наступленіемъ ночи является Фавнъ и на ухо царю сообщаетъ о требуемой умилостивительной жертвѣ изъ двухъ коровъ для отвращенія голода.

Третій разсказъ объ откровеніяхъ Фавна встрѣчаемъ въ Энеидѣ Вергилія (Verg. Aen. VII, 81—45). Здѣсь также находимъ описаніе оракула Фавна. Мѣстомъ его была священная Альбунейская роща, въ странѣ латинцевъ. Царь Латинъ, устрашенный зловѣщими знаменіями, отправляется въ это священное, чтимое всѣми латинцами, мѣсто, куда обыкновенно приходилъ благочестивый жрецъ для совершенія жертвоприношенія изъ овецъ, на шкурахъ которыхъ располагался затѣмъ спать и во снѣ видѣлъ чудныя видѣнія и внималъ голосамъ боговъ, открывавшихъ ему свою волю. Сюда-то, въ эту священную рощу, направился и царь Латинъ. По совершеніи всѣхъ установленныхъ обрядовъ, онъ услыхалъ съ вершины дерева голосъ, запрещавшій ему отдавать дочь свою въ замужество Турну и повелѣвавшій сохранить ее для имѣющаго прибыть въ Италію издалека чужестранца (Энея).

Римскія легенды выдвигаютъ на ряду съ даромъ

прорицанія также оплодотворяющую силу Фавна, и именно въ миѳѣ о Фавнѣ (Fauna), которую однѣ легенды называютъ сестрой Фавна, другія—его супругой, и которую онъ оплодотворяетъ, принявъ на себя образъ змія. Фавна, какъ и ея супругъ,—прорицательница и потому носитъ эпитетъ Fatua [41]). Прорицанія свои Фавна даетъ, находясь въ экстатическомъ состояніи, подобно сивиллѣ; она вѣдаетъ также разныя волшебства, чары и заклинанія.

Въ общеизвѣстномъ миѳѣ о Фавнѣ и его супругѣ, которую преданія называютъ то Фавной (Fauna), то Доброй богиней (Bona Dea), встрѣчаются нѣкоторыя подробности, имѣющія символическое значеніе. Именно, миртовая вѣтвь, которой Фавнъ обмахиваетъ Фавну, есть символъ оплодотворенія; тотъ же смыслъ имѣетъ и вино, которымъ онъ опьяняетъ свою супругу. Фавнъ, какъ уже было сказано, сообщается съ Фавной въ образѣ змія подобно тому, какъ въ греческихъ и фригійскихъ сказаніяхъ Зевсъ также въ видѣ змія оплодотворяетъ Прозерпину и Рею. Согласно общему характеру древне-италійской символики, змій представляетъ символъ творческой силы вѣчно возрождающейся природы.

Наконецъ, въ разсказахъ о доисторическихъ временахъ древней Италіи Фавнъ изображается то царемъ мѣстнаго населенія, родоначальникомъ царскаго рода, организаторомъ культуры своей страны и ея законодателемъ, то фавны и нимфы являются однимъ, такъ сказать, декоративнымъ украшеніемъ такихъ разсказовъ,

---

[41]) Iust. XLIII, 1: Fauno fuit uxor, nomine Fatua, quae assidue divino spiritu impleta velut per furorem futura praemonebat; unde adhuc qui inspirari solent, fatuari dicuntur. Срав. Serv. V. A. VII, 47.

напоминающихъ собой подобные же рaзсказы о греческихъ пелазгахъ. Впрочемъ, нельзя не признать въ этихъ народныхъ сказаніяхъ о фавнахъ и нимфахъ слѣдовъ вѣрованій въ происхожденіе человѣческаго рода отъ деревьевъ [42]), на что указываютъ также и генеалогіи нѣкоторыхъ древнихъ родовъ, какъ, напр., Сильвіевъ. Другія фамиліи вели свое происхожденіе непосредственно отъ самого Фавна. Наконецъ, по нѣкоторымъ преданіямъ, фавны—тѣ же миѳическіе аборигены, представители древнѣйшаго доисторическаго населенія Италіи, ея автохѳоны.

Напротивъ, въ латинскихъ сказаніяхъ Фавнъ, сынъ Пика, является древнѣйшимъ царемъ Лаціума, мудрымъ и благодѣтельнымъ правителемъ, который по смерти своей сдѣлался богомъ-покровителемъ своей страны, и котораго народъ чествуетъ жертвоприношеніями и хвалебными пѣснопѣніями—культъ Фавна носитъ въ себѣ несомнѣнныя черты древнѣйшихъ формъ богопочитанія, такъ какъ за рѣдкими исключеніями онъ справлялся въ открытыхъ поляхъ или въ пещерахъ и заповѣдныхъ, священныхъ рощахъ. Въ деревняхъ въ честь Фавна регулярно, разъ въ мѣсяцъ, совершались жертвоприношенія [43]), помимо годичнаго въ честь его празднества, справлявшагося въ декабрьскія ноны, при наступленіи

---

[42]) Verg. Aen. VIII, 314 sq. Haec nemora indigenae Fauni Nymphaeque tenebant. gensque virum truncis et duro robore nata... Iuvenal. Sat. VI, 11, sq. Quippe aliter tunc orbe novo coeloque recenti vivebant homines, qui rupto robore nati Compositive luto nullos habuere parentes.

[43]) Probus, I, c: Eundem Pana, eundem Inuum, eundem Faunum quidam interpretantur, quod ei in Italia quidam annuum sacrum celebrant, quidam menstruum.

зимы. Напротивъ, въ Римѣ праздникъ Луперкалій (Lupercalia), установленный для чествованія Луперка (того же Фавна), какъ божества, очищающаго и оплодотворяющаго, происходилъ 15-го февраля, при приближеніи весны. Святилище Луперка находилось въ пещерѣ на Палатинскомъ холмѣ, извѣстной подъ названіемъ Lupercal. Здѣсь, какъ гласитъ преданіе, волчица Марса вскормила царственныхъ близнецовъ, Ромула и Рема. Согласно легендѣ въ правленіе царя аборигеновъ Фавна въ Лаціумъ прибылъ аркадіецъ Эвандръ. Радушно принятый Фавномъ, этотъ выходецъ изъ Аркадіи основалъ, на Палатинскомъ холмѣ такъ называемый Палаціумъ, а находившуюся на склонахъ холма пещеру посвятилъ своему туземному божеству, Ликейскому Пану, котораго римляне позднѣй прозвали Луперкомъ (Lupercus), или Инуомъ (Inuus)[44]. Несомнѣнно, что Эвандръ—тотъ же эллинизированный Фавнъ, на что указываетъ этимологія собственнаго имени Эвандръ: εὖ—ἀνήρ=благодѣтель, то же, что и Фавнъ: favere=благоволить. Для чествованія этого Ликейскаго Пана, или Луперка, который только подъ инымъ именемъ—тотъ же Фавнъ, установлены Луперкаліи, одно изъ самыхъ древнихъ празднествъ въ Римѣ, наиболѣе національное празднество оплодотворенія и очищенія всего Лаціума и Рима, всѣхъ его жителей и всѣхъ ихъ стадъ. Какъ день очищенія, праздникъ этотъ называется dies februatus, отъ глагола februare—очищать, отъ чего и весь мѣсяцъ получилъ свое названіе февраля[45].

---

[44]) Liv: I, 5; Ovid. Fast. II, 267 и сл.; Plut. Rom. 21.

[45]) Varro, l: l: VI, 13, 34: Rex (Sacrorum) quom ferias menstruas Nonis Februariis edicit, hunc diem februatum appellat. Februum Sabini purgamentum et id in sacris nostris verbum, nam et Lupercalia—februatio...

Для исполненія обычныхъ, традиціонныхъ церемоній, соединенныхъ съ праздникомъ Луперкалій, въ Римѣ съ незапамятныхъ временъ существовали двѣ жреческихъ коллегіи луперковъ (Luperci), называвшіяся Luperci Fabiani и Luperci Quintiliani, по имени своихъ миѳическихъ основателей. Каждая изъ этихъ коллегій состояла изъ 12-ти членовъ, большею частью молодыхъ людей, юношей знатныхъ фамилій. Празднество открывалось принесеніемъ въ жертву козла въ Луперкалѣ, сопровождавшимся обычнымъ жертвеннымъ пиршествомъ, по окончаніи котораго жрецы луперки, опоясанные козьими шкурами и вооружившись ремнями, вырѣзанными изъ тѣхъ же шкуръ, начинали свой бѣгъ по всему городу, стегая ремнями всѣхъ встрѣчныхъ.

Этотъ бѣгъ луперковъ по всему городу имѣетъ, очевидно, символическій смыслъ очищенія, такъ какъ козелъ—обычное жертвенное животное при совершеніи очистительной жертвы. Женщины при встрѣчѣ съ луперками, во время ихъ священнаго бѣга по городу, подставляли имъ свои ладони для стеганія ремнями: обычай, объясняемый идеей оплодотворенія, соединявшейся съ жертвоприношеніемъ козла въ культахъ Фавна и Юноны Луцины, а также Геракла и Афродиты у грековъ.

Въ 45 г. до Р. Х., по возвращеніи Цезаря изъ Испаніи, въ честь послѣдняго была учреждена третья коллегія луперковъ подъ названіемъ Luperci Iulii. Всенародное празднество Луперкалій, равно какъ и коллегіи жрецовъ луперковъ продолжали существовать въ Римѣ до послѣднихъ дней римскаго язычества.

Кромѣ Луперкала въ Римѣ существовало еще другое, не менѣе древнее святилище Фавна, именно, святилище его на Авентинскомъ холмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію царь Нума подкараулилъ и уловилъ

хитростью Пика и Фавна (см. выше). Наконецъ, въ 196 г. до Р. Хр. на островѣ Тибра былъ построенъ особый храмъ въ честь Фавна.

5) Сильванъ.

Культъ Сильвана (Silvanus), въ своихъ существенныхъ чертахъ схожій съ культомъ Фавна, ограничивался почти исключительно областью лѣсной жизни [46]). Подъ охраной и покровительствомъ Сильвана находились обитатели лѣса, а также лѣсныя границы; послѣднее обстоятельство въ особенности содѣйствовало тому культурному значенію, какое получило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи служеніе этому лѣсному божеству. Подобно Фавну, Сильванъ также благодѣтельный демонъ, но въ то же время и лѣсной духъ, голосъ котораго, часто неожиданно раздающійся изъ лѣсной чащи, устрашаетъ людей. Въ ночное время онъ также безпокоитъ своими посѣщеніями рожениць и вообще женщинъ въ сосѣднихъ съ лѣсомъ селахъ. Какъ и Фавнъ, Сильванъ также божество пастбищъ и стадъ и охранитель послѣднихъ отъ хищнаго волка [47]). Изображенія Сильвана представляютъ его въ образѣ старика, обитателя лѣсной чащи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Фавномъ охраняетъ сосны и дубы. Поселяне и пастухи

[46]) Aurel: Victor, Orig. G. Rom: 4: Hunc Faunum plerique, eundem Silvanum a silvis, quidam Inuum deum, quidam etiam Pana esse dixerunt.

[47]) Lucilius, ap. Non. Marc. p. 110: luporum exactor (Silvanus). Cp. Verg. Aen. VIII, 600: Silvano fama est veteres sacrasse Pelasgos, arvorum pecorisque deo.

чтутъ его принесеніемъ въ жертву козла или свиньи на простомъ, примитивномъ алтарѣ. Онъ другъ стадъ, пастуховъ и охотниковъ; нерѣдко и самого его изображаютъ пастухомъ, надзирающимъ за пасущимся стадомъ [48]). Народная фантазія представляла Сильвана также въ образѣ рачительнаго садовника и лѣсника, шествующаго по лѣсу съ молодой, нѣжной разсадой въ рукахъ и внимательно разсматривающаго стволы и отпрыски молодыхъ деревьевъ. Словомъ, Сильванъ—божество лѣсныхъ, дикихъ деревьевъ и рощъ, но также и человѣческихъ насажденій—парковъ и садовъ, а потому изображенія его помѣщались какъ въ священныхъ рощахъ боговъ, такъ и въ садахъ людей. Поэтому всякаго рода насажденія на поляхъ и лѣсныя прогалины, а также лужайки, прохладные гроты, куда тѣнистая листва и журчащіе ручейки манили къ себѣ въ жаркій лѣтній полуденный часъ пастуховъ и сосѣднихъ поселянъ, были обыкновенно посвящаемы Сильвану, который такимъ образомъ становился участникомъ простыхъ сельскихъ радостей и удовольствій и былъ столь же близокъ сельчанамъ, какъ лары, отецъ Либеръ (Вакхъ), Палесъ и другія сельскія божества. Поэтому Сильванъ входитъ въ циклъ культа послѣднихъ и призывается въ молитвахъ и при жертвоприношеніяхъ какъ пахаремъ, такъ и виноградаремъ и лѣсникомъ [49]). Такое доброжелательное отношеніе Сильвана къ человѣческой осѣдлости и большое распространеніе въ древней Италіи лѣсовъ были причиной тому, что Сильвана стали почитать, какъ охра-

---

[48]) Такъ одна надпись гласитъ: Magne deus, Silvane potens, sanctissime pastor.

[49]) См. Verg. Geor. I, 20; Horat. Epod. II, 17, sqq: Epist. II. 1, 139, sqq

нителя границъ и земельной собственности частной и общественной. Лѣсныя границы—самыя древнія межи, и потому естественно, что божества лѣса дѣлаются и охранителями границъ. Поэтому Сильвану въ древней Италіи на пограничныхъ межахъ былъ посвящаемъ просвѣтъ (lucus), чѣмъ самыя границы становились подъ его непосредственную охрану [50]). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что на всякомъ отдѣльномъ земельномъ участкѣ (possessio) чтились три Сильвана подъ тремя различными прозвищами, именно: 1) Silvanus domesticus, охранявшій жилье и дворъ; 2) Silvanus agrestis—защитникъ стадъ и пастуховъ, и 3) Silvanus orientalis, tutor finium, какъ называетъ его Горацій (Epod. II, 22), въ тѣсномъ смыслѣ охранитель земельной собственности и границъ, которому на соприкасавшихся межахъ сосѣднихъ владѣній посвящалась обыкновенно роща. Столь многостороннее значеніе съ теченіемъ времени получилъ Сильванъ, будучи первоначально исключительно божествомъ лѣса, лѣснымъ духомъ. По этой причинѣ мы находимъ въ надписяхъ различныя прозвища, соединявшіяся съ именемъ Сильвана. Такъ, онъ, какъ мы уже видѣли, именуется domesticus, а также casarius и vilicus, какъ покровитель человѣческаго жилья; затѣмъ—conservator и custos въ качествѣ виновника преумноженія матеріальнаго благосостоянія и охранителя собственности. Онъ же, Сильванъ, заботится о благополучіи и здравіи обитателей каждаго отдѣльнаго двора, а особенно его хозяина, и потому прозывается Salutaris.

Не менѣе, чѣмъ въ деревняхъ и селахъ, было въ

---

[50]) См. Verg. Aen. VIII, 596 и слѣд., гдѣ описывается подобное святилище Сильвана у города Церы.

обычаѣ помѣщать изображенія Сильвана и въ многочисленныхъ паркахъ и садахъ столицы Италіи, Рима, особенно, въ эпоху цезарей. Часто упоминаемыя у древнихъ писателей коллегіи Сильвана (collegia Silvani), по всей вѣроятности, были погребальными обществами, такъ какъ Сильванъ нерѣдко изображался съ вѣткой сосны или кипариса въ рукахъ, каковыя деревья, какъ извѣстно, служили эмблемой смерти и погребенія.

Римляне отождествили Сильвана, какъ и Фавна, съ Паномъ, а потому Сильванъ нерѣдко изображается наподобіе греческаго Пана и съ его аттрибутами.

Что касается демоническихъ существъ женскаго пола, соотвѣтствующихъ Сильвану, то римскіе поэты обозначали ихъ обыкновенно греческимъ именемъ нимфъ или дріадъ; но народное древне-италійское преданіе знало ихъ подъ названіемъ virae, vires, virgines и viragines. Встрѣчаемыя въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ названія Silwanae, Silewiae и Silwiae — принадлежатъ болѣе славянской, германской и кельтской миѳологіи, чѣмъ древне-италійской.

6) Майя и Добрая Богиня.

Добрая Богиня, Bona Dea, есть то же самое божество, что и Фавна, при томъ не только по своему характеру, но и по этимологическому значенію своего имени, такъ какъ Фавна какъ уже было говорено значитъ благодѣтельная, добрая. Bona Dea была призываема и чтилась также подъ прозвищемъ Майа, празднество которой справлялось 1-го мая. Такимъ обра,

зомъ подъ именами Bona Dea, Maia и Fauna было почитаемо одно и то же божество, именно, богиня земли, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Макробій [51]). Прозвище Maia одного корня со словами magis, major, так же mactus и др. и обозначаетъ божество, содѣйствующее увеличенію, преумноженію, росту, отъ чего и самый мѣсяцъ май получилъ свое имя, такъ какъ въ это время года производительная, творческая сила природы достигаетъ своего наибольшаго развитія. Въ древнихъ римскихъ молитвословіяхъ Майя призывается подъ именемъ Maia Volcani, какъ супруга Вулкана и благодѣтельная богиня пашенъ и нивъ. У древнихъ писателей сохранилось множество легендъ и преданій о Доброй Богинѣ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ какъ изображеніямъ ея, такъ и тѣмъ обычаямъ и церемоніямъ, которыми сопровождалось ночное празднество въ честь Bonae Deae, справлявшееся въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда именитѣйшія матроны Рима въ домѣ высшаго сановника государства молили богиню о благополучіи римскаго народа [52]). Изображенія Доброй Богини представляютъ послѣднюю со скипетромъ въ лѣвой рукѣ, знакомъ царскаго достоинства, подобно Юнонѣ, съ которой она раздѣляетъ и другую особенность, именно: Bona Dea является исключительно божествомъ женщинъ и

---

[51]) Macrob. I, 12, 21: Auctor est Cornelius Labeo huic Maiae, i. e., Terrae aedem kalendis Maiis dedicatam sub nomine Bonae Deae, et eandem esse Bonam Deam et Terram ex ipso ritu occultiore sacrorum doceri posse confirmat Hanc eandem Bonam Faunamque et Opem et Fatuam pontificum libris indigitari, etc.

[52]) См. Macrob. I, 12, 23; Plut: Caes. 9; Qu. Rom. 20; Tertul. ad Nat. II, 9; Arnob. I, 36; Lactant. I. 22, 9.

женскаго зачатія [53]). По однимъ преданіямъ, она—дочь Фавна. Послѣдній воспылалъ къ ней преступной страстью и, когда дочь отказалась отвѣчать ему взаимностью, Фавнъ наказалъ ее миртовой лозой. Послѣ этого похотливый отецъ опьянилъ Добрую Богиню виномъ въ надеждѣ такимъ способомъ удовлетворить своей страсти Когда же дочь даже и опьяненная продолжала оказывать ему сопротивленіе, то Фавнъ принялъ на себя образъ змія и въ такомъ видѣ сообщился съ своей дочерью. На основаніи выше разсказаннаго преданія въ Римѣ, въ храмѣ Доброй Богини, не были терпимы мирты; голову ея украшалъ вѣнокъ изъ виноградной лозы; подлѣ изображенія Bonae Deae ставилась чаша съ виномъ; въ самомъ святилищѣ было содержимо много прирученныхъ змѣй; подлѣ истукана Доброй Богини помѣщалось изображеніе священнаго змія. Всѣ эти аттрибуты святилища Bonae Deae суть символы плодородія, представительницей котораго и была Добрая Богиня, олицетвореніе кормилицы—земли.

Другія преданія, напротивъ, разсказываютъ, что лѣсная нимфа, Bona Dea, была супругой Фавна, а не дочерью его. Согласно такому варіанту другой смыслъ придается какъ ея опьяненію, такъ и наказанію миртовой лозой, именно: этому наказанію подвергъ Фавнъ свою жену за то, что та, выпивъ полную чашу сладкаго вина, опьянѣла [54]). Такимъ образомъ Bona Dea

[53]) Греки называли ее поэтому—ἡ θεὸς γυναικεία, см.: Macrob. I, 12, 27; Plut. Caes. 9. Также Prop. V, 9, 25: femineae loca clausa Deae.

[54]) Plut. Caes. 9; Qu. Rom. 20.

въ народныхъ вѣрованіяхъ является женскимъ божествомъ земли, именно, ея производительныхъ силъ, какъ и Фавна. Въ то же время она обладаетъ также даромъ прорицанія, почему носитъ прозвище Fatua (позднѣй—Fantua) и, подобно Цирцеѣ, Медеѣ и Гекатѣ, свѣдуща въ чародѣйствѣ и искусствѣ врачеванія [55])

Въ Римѣ Bona Dea почиталась богиней—дѣвственницей, блюстительницей строгаго цѣломудрія. Такой взглядъ объясняется религіозными представленіями объ этой богинѣ, согласно которымъ Добрая Богиня была небесной представительницей плодородія матронъ и въ то же время ихъ супружескаго цѣломудрія и непорочности, подобно Юнонѣ и греческой Деметрѣ. Поэтому къ присутствованію на богослужебныхъ обрядахъ культа Bonae Deae допускались только женщины безупречнаго поведенія. Такимъ же образомъ при ночномъ жертвоприношеніи, совершавшемся въ честь ея въ Римѣ, не только воспрещалось присутствіе мужчинъ, но были удаляемы даже всякія изображенія мужчинъ и животныхъ мужскаго пола.

Древнѣйшее святилище Bonae Deae въ Римѣ находилось на скатѣ Авентинскаго холма, подъ скалой, почему и сама богиня получила здѣсь мѣстное прозвище Subsaxana (Ovid. Fast. V, 148, sq). Храмъ былъ посвященъ весталкой Клавдіей 1-го мая, день обычнаго празднества Bonae Deae. Ливія, супруга императора Августа, реставрировала это святилище, почему съ этого времени Bona Dea получила прозвище Restituta.

---

[55]) Martian. Cap. II, 167; Lactant: I, c. quam Gabius Bassus Fatuam nominatam tradit, quod mulieribus fata canere consuevisset, ut Faunus viris.

Ночное жертвоприношеніе въ честь ея состояло изъ молодой свиньи и приходилось въ началѣ декабря. Оно сопровождалось молитвой о благополучіи римскаго народа (pro populo Romano), а потому происходило въ домѣ высшаго сановника государства: консула или претора, и совершалось его женой при участіи весталокъ. П. Клодій, демагогъ, представитель далеко небезупречной нравственности современнаго ему высшаго римскаго общества, какъ извѣстно, увлеченный любовью къ женѣ Ю. Цезаря, осквернилъ этотъ высокочтимый праздникъ Bonae Deae тайнымъ проникновеніемъ въ домъ Цезаря во время совершавшагося въ немъ жертвоприношенія Доброй Богинѣ. Поступокъ П Клодія былъ симптомомъ всеобщаго въ это время упадка нравовъ, который проникъ къ концу республики въ среду римской знати и высшаго дамскаго общества и достигъ наибольшаго своего развитія въ эпоху императоровъ Клавдія и Нерона. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сатиры Ювенала на нравы, современные Агриппинѣ и Мессалинѣ, когда праздникъ въ честь Bonae Deae выродился въ оргію разврата и полнаго разгула страстей (Iuv. Sat. II, 82 и сл.; VI, 314 и сл.). Впрочемъ, въ провинціи это празднество всегда сохраняло свой первоначальный, строго нравственный характеръ, и сама Bona Dea чествовалась, какъ Sancta и Sanctissima.

7) Кармента.

Кармента, Carmenta, или Carmentis, по своему характеру то же божество, что и Fauna и Bona Dea. Въ Римѣ она была почитаема въ двоя-

комъ значеніи: во-первыхъ, какъ сострадательная, любящая мать и вдохновенная спутница Эвандра при его поселеніи на Палатинскомъ холмѣ; во-вторыхъ, какъ богиня дѣторожденій, небесная покровительница матерей. Первая, Палатинская Кармента, считалась аркадской нимфой и провидицей, по имени Никострата [56]). Вторая, какъ богиня дѣторожденій, была почитаема у Карментальскихъ воротъ (Porta Carmentalis), получившихъ по ней свое названіе. Культъ ея въ Римѣ былъ столь популяренъ, что она имѣла своего особаго фламина (Flamen Carmentalis) и два праздника въ году, именно, 11-го и 15-го января, называвшихся Carmentalia и принадлежавшихъ къ важнѣйшимъ празднествамъ римскихъ матронъ. Праздникъ 11-го января былъ общимъ у Карменты съ Ютурной (Iuturna), рѣчной нимфой. Второй праздничный день, 15-е января, былъ установленъ въ честь Карменты въ 426 г. до Р. Х. диктаторомъ Эмиліемъ Мамеркомъ по слѣдующему поводу, какъ гласитъ преданіе. Сенатъ постановилъ запретить женщинамъ ѣзду въ экипажахъ (carpenta). Тогда женщины связали себя взаимной клятвой—не исполнять супружескихъ обязанностей впредь до отмѣны выше сказаннаго сенатскаго декрета. Сенатъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить, и тогда-то Кармента ниспослала такое многочадіе римскимъ матронамъ, что послѣднія основали въ честь богини святилище у Карментальскихъ воротъ и установили для ея чествованія второй праздничный день, 15-е января [57]). Въ

---

[56]) Verg. Aen. VIII, 333 и сл.; Dionys. I, 31, Strabo V, p. 230; Serv. V. A. VIII, 51, 130, 336.

[57]) Ovid. Fast. I, 616 и сл.; Plut. Qu. Rom. 56. Въ осно-

молитвахъ къ Карментѣ упоминались имена еще двухъ другихъ богинь: Порримы (Porrima) и Постверты (Postverta), имѣвшихъ спеціальное отношеніе къ различнымъ видамъ родовъ и носившихъ общее прозвище карментъ (Carmentes). Собственное имя Carmenta, очевидно, происходитъ отъ carmen — стихъ, такъ какъ эта нимфа давала свои прорицанія въ стихотворной формѣ, какъ Фавнъ и Фавна, почему послѣдніе и получили свои прозвища Fatuus и Fatua [58]). Слѣдуетъ замѣтить, что божества, содѣйствующія появленію на свѣтъ новорожденнаго, въ то же время обладаютъ, по народнымъ вѣрованіямъ, и даромъ прорицанія. Такъ, у грековъ Эйлиѳія, мойры и парки одновременно покровительствуютъ и споспѣшествуютъ дѣторожденію и предсказываютъ новорожденному судьбу, ожидающую его въ жизни, прядутъ нить его жизни. Въ этомъ обстоятельствѣ находитъ свое объясненіе и тотъ фактъ, что народное преданіе дѣлаетъ Карменту матерью Эвандра, а въ болѣе широкомъ смыслѣ — и матерью будущаго Рима, грядущія судьбы котораго она, по свидѣтельству Вергилія, открываетъ Эвандру при самомъ поселеніи его на Палатинскомъ холмѣ. Съ Карментой

вѣ этого народнаго преданія лежитъ частью игра словъ Carmenta и Carpenta, частью смутное воспоминаніе, что римскія матроны получили право ѣзды въ экипажахъ послѣ завоеванія города Веи. Liv. V, 25.

[58]) Verg. Aen. VIII, 339 и сл. Serv. Ideo Carmentis appellata, quod divinatione fata caneret, nam antique vates carmentes dicebantur, unde etiam librarios, qui eorum dicta perscriberent, carmentarios nuncupatos.

совершенно тождественны по своему значенію въ народныхъ вѣрованіяхъ камены (Camenae), правильнѣй, Касмены, или кармены (Casmenae, Carmenae)—богини—покровительницы роженицъ, помощницы ихъ въ дѣторожденіяхъ.

8) Витула.

Витула, Vitula, или Vitellia, была богиней побѣды и побѣднаго торжества. Собственному имени этого божества, Vitula, этимологически родственны слова: vitulare — ликовать и vitulatio—побѣдное ликованіе, встрѣчающіяся у древнихъ римскихъ поэтовъ Эннія, Нэвія и Плавта. Въ фамильныхъ преданіяхъ рода Вителліевъ, которые были сабинскаго происхожденія, богиня Витула называется Вителліей (Vitellia) и выдается за супругу царя аборигеновъ, Фавна, при чемъ указывается на существованіе культа этой богини въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи [59]).

9) Вакуна

Культъ Вакуны (Vacuna) пользовался большимъ значеніемъ среди сабинцевъ. Важнѣйшимъ ея святилищемъ была роща въ плодоносной Реатійской

---

[59]) Sveton. Vitell. I: Exstat Qu. Eulogii ad Q. Vitellium, Divi Augusti quaestorem, libellus, quo continetur, Vitellios Fauno,

долинѣ, вблизи впаденія рѣки Авенты (Avens) въ Велинское озеро (lacus Velinus). Другой храмъ той же богини находился на одномъ изъ холмовъ долины рѣки Дигенціи (нынѣ Лиценца), по сосѣдству съ сабинскимъ помѣстьемъ Горація, почему послѣдній и упоминаетъ объ этомъ святилищѣ Вакуны въ Epist. I, 10, 49: Haec tibi dictabam post fanum putre Vacunae. Изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, приводящихъ извлеченія изъ сочиненій Варрона, касающіяся нѣкоторыхъ подробностей культа этой богини, видно, что съ именемъ Вакуны въ религіозныхъ представленіяхъ сабинцевъ соединялись особенности, свойственныя различнымъ божествамъ. Ее сравнивали съ Беллоной, Діаной, Церерой, Венерой, Викторіей и, наконецъ, съ Минервой. Изъ свойствъ выше названныхъ божествъ, съ которыми сопоставляли Вакуну, нетрудно усмотрѣть, что послѣдняя, съ одной стороны, соединяла въ своемъ лицѣ характерныя черты, отличающія мирныя, сельскія божества, каковы Церера и Венера, съ другой—представлялась богиней лѣса, охоты, войны и побѣды, напоминая собой Беллону, Діану, Минерву и Викторію. На значеніе Вакуны, какъ божества побѣды, указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что императоръ Веспасіанъ, происходившій изъ Реаты, заново отстроилъ упоминаемое Гораціемъ святилище Вакуны подъ именемъ храма Викторіи.

Несомнѣнно, что собственное имя Vacuna родственно этимологически съ глаголомъ vacare—быть пустымъ, празднымъ, свободнымъ. По объясненію Варро-

---

Aborigenum rege, et Vitellia, quae multis locis pro numine coleretur, ortos toto Latio imperasse.

на, отождествляющаго Вакуну съ Минервой, первая получила свое имя Вакуны потому, что, будучи богиней войны, она въ то же время покровительница и мирнаго труда, ремеслъ и искусствъ, требующихъ для своего преуспѣнія свободнаго времени. Правильнѣй искать объясненіе значенія имени Вакуна въ характерѣ той мѣстности, гдѣ находилось ея реатійское святилище. Мѣсто это отличалось излишнимъ изобиліемъ воды, которая сначала естественными путями, а позднѣй и посредствомъ отводныхъ искусственныхъ каналовъ, нашла для себя стокъ въ рѣку Наръ, а изъ послѣдняго въ Тибръ [60]). Только благодаря такому осушенію мѣстности Реатійская долина дѣлалась годной для земледѣльческой культуры. Очень возможно, что Вакунѣ, какъ божеству, покровительствующему сельскому труду, мѣстное преданіе приписало дѣйствіе осушенія болотистой почвы и обращенія ея въ землю, годную для обработки, почему богиня и получила свое прозвище Vacuna.

Въ той же области Вакуна была почитаема, какъ божество побѣды, Victoria, еще въ другомъ мѣстѣ, именно, на пловучемъ островѣ Кутилійскаго озера. Послѣднее считалось центромъ Италіи и колыбелью латинскихъ аборигеновъ благодаря какъ своему плавающему острову, такъ и холоднымъ, лѣчебнымъ источникамъ [61]). По свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго (Dionys. Hal. I, 15), ссылающагося на авторитетъ Варрона, Ку-

---

[60]) Serv. Verg. A. VII, 712; Cic. ad Att. IV, 15, 5; также pro Scauro, fr. XII, 27.

[61]) Plin. H. N. II, 95, 209; III, 12, 109; XXXI, 6, 10; Seneca Nat. qu. III, 25, 6; Macrob. S. I, 7, 20.

тилійское озеро занимало площадь въ четыре югера, было чрезвычайно глубоко и изобиловало ключами. Вся поверхность его была посвящена богинѣ Викторіи; веревки и канаты оцѣпляли озеро со всѣхъ сторонъ и никого не допускали къ его водамъ. Только разъ въ году размыкалась цѣпь, оберегавшая священное озеро, и стекавшіеся изъ окрестныхъ деревень богомольцы допускались на островъ, гдѣ и совершалось жертвоприношеніе богинѣ. Пловучій островъ, незначительно возвышавшійся надъ поверхностью озера, весь былъ покрытъ болотными растеніями и не имѣлъ твердаго основанія, почему постоянно мѣнялъ свое положеніе на озерѣ. Вмѣстѣ съ Викторіей здѣсь же чтились и водныя нимфы, подъ именемъ Lymphae Commotiae, очевидно, получившія свое прозвище отъ неустойчиваго положенія острова на поверхности озера.

10) Ангиція, Цирцея и Марика.

Культъ Ангиціи (Angitia), мѣстнаго божества марсовъ, племени сосѣдняго и родственнаго сабинцамъ, былъ распространенъ въ окрестностяхъ Фуцинскаго озера (lacus Fucinus) и во многомъ схожъ съ культомъ Вакуны у Велинскаго озера. Съ другой стороны, Ангиція считалась также свѣдущей во врачеваніи цѣлебными травами и въ заговорахъ, подобно Bonae Deae римлянъ. Марсійцы почитали Ангицію родоначальницей своихъ царей и своей покровительницей. Такъ какъ многіе тексты представляютъ другую ореографію имени этой богини, именно: Anguitia (anguis—

змѣй), то это обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ миѳологамъ видѣть въ ней «зміевидное божество». Но большинство лучшихъ рукописей и надписей даетъ чтеніе Angitia или Ancitia, каковое имя указываетъ на очень распространенный въ италійскихъ діалектахъ корень ancus. По свидѣтельству тѣхъ же надписей почитаніе этого божества допускало цѣлую группу одноименныхъ богинь ангицій (Angitiae или Ancitiae), подобно карментамъ, корнискамъ, фуринамъ и др. Кромѣ главнаго центра почитанія Ангиціи у Фуцинскаго озера, и другія мѣстности чтили каждая свою особую Ангицію; такъ городъ Сульмо чтилъ одну Ангицію, Антинумъ—другую, Пелтуинъ—третью. Такимъ образомъ, культъ этой богини былъ извѣстенъ во всей этой области, при чемъ всюду она почиталась, какъ благодѣтельная богиня врачеванія.

Средоточіемъ культа Ангиціи всё же оставалось Фуцинское озеро благодаря тому, что горы, его окружающія, изобиловали какъ ядовитыми змѣями, такъ и цѣлебными травами. Эти мѣстныя особенности, очевидно, опредѣлили характеръ культа Ангиціи: марсы утверждали, что сама благодѣтельная богиня научила ихъ распознаванію цѣлебныхъ травъ и заговорамъ отъ укушенія змѣй. Поэтому Ангицію отождествляли то съ Цирцеей изъ города Цирцей, сынъ которой, по мѣстнымъ преданіямъ, былъ родоначальникомъ марсовъ, то съ Медеей, то, наконецъ, считали ее сестрой этихъ греческихъ волшебницъ.

Цирцея (Circe), культъ которой былъ мѣстнымъ въ Цирцеяхъ (Circei—orum), прибрежномъ городѣ Лаціума, несмотря на свое греческое имя, несомнѣнно была туземнымъ, италійскимъ божествомъ, именно, бо

гиней врачеванія и волшебства, подобно Bonae Deae и Faunae. На ея туземный характеръ указываетъ отождествленіе ея съ Марикой (Marica), почитаніе которой составляло мѣстный культъ въ Минтурнахъ. Преданіе дѣлаетъ Марику супругой Фавна, отъ котораго она родила Латина, что, очевидно, доказываетъ ея тождество съ Bona Dea и Fauna. Городъ Минтурны былъ главнымъ центромъ всей области у устья Лириса. Извѣстно, что Марій во время своего бѣгства отъ сулланцевъ искалъ убѣжища въ священной рощѣ этой богини; но былъ найденъ здѣсь клевретами Суллы въ то время, когда старался укрыться отъ своихъ преслѣдователей въ камышевыхъ заросляхъ Лириса.

11) Палесъ.

Италія издревле была страной кочевниковъ-пастуховъ, землей, изобиловавшей пастбищами и потому, по преимуществу, пригодной для скотоводства. Вергилій на сѣверѣ Италіи, на югѣ ея и въ Сициліи Өеокритъ въ своихъ буколикахъ оставили намъ классическіе образцы пастушеской поэзіи. Такой характеръ Италія сохранила даже въ позднѣйшее время своей исторической жизни, когда, съ развитіемъ городской культуры, кочевая пастушеская жизнь, естественно, должна была отойти на второй планъ. Катонъ считалъ скотоводство самой благодарной отраслью сельскаго хозяйства (Cic. De off. II, 25, 89).

Преданія римлянъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе города, также какъ и сказанія

о Ромулѣ и Ремѣ, стоятъ въ тѣсной связи и согласіи съ мѣстнымъ культомъ Палатинскаго холма и древнѣйшаго на немъ поселенія, Палатіума, который въ свою очередь связанъ съ почитаніемъ пастушескаго божества Палесъ (Pales). Послѣднее римляне почитали то какъ мужское, то какъ женское божество [62]), хотя народный праздникъ Палилій, справлявшійся 21-го апрѣля, исключительно былъ посвященъ чествованію богини Палесъ. Но существовало еще другое женское божество—Diva Palatua [63]), почитавшаяся, какъ покровительница Палатіума, и имѣвшая своего особаго фламина (flamen Palatualis). Въ честь ея совершалось жертвоприношеніе, извѣстное подъ именемъ Palatuar [64]). Всѣ эти имена: Pales, Palatua, Palatuar, Palatium, а также Pallas, какъ назывался по однимъ преданіямъ дѣдъ, а по другимъ сынъ Эвандра, затѣмъ Pallantia, его дочь, и Palanto [65]), жена царя Латина,—имѣютъ въ своей основѣ одинъ общій этимологическій корень—Pa (ср. греч. πά-ο-μαι лат. pa-sco, рус. па-сти), означающій—кормить, питать. Что имена Pales и Palatium не имѣли исключительно мѣстнаго, римскаго значенія, а болѣе общее, указывающее на состояніе культурнаго развитія всей Италіи въ древнѣйшій періодъ ея исторіи, это доказывается общераспространенностью названій Pales и Palatium, встрѣчающихся въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи. Такъ, въ окрестностяхъ Брундизіума существо-

[62]) Serv. Verg. Geor. III, 1: Pales dea est pabuli. Hanc—alii, inter quos Varro, masculino genere vocant, ut hic Pales.

[63]) Varro l.l. VII, 3, 45.

[64]) Fest. p.p. 245, 348.

[65]) Varro l.l. V, 8, 53.

вало женское божество — Pastoria Pales, которой консулъ М. Атилій Регулъ въ 267 г. до Р. Х. далъ обѣтъ выстроить храмъ, въ случаѣ дарованія ему побѣды. Имя Palatium встрѣчается, напр., въ Реатійской области, откуда, по свидѣтельству Варрона (Varro, l. l. V, 53), аборигены перешли въ Лаціумъ и заселили здѣсь Палатинскій холмъ. Затѣмъ въ странѣ умбровъ существовалъ также свой Палатіумъ. Что касается значенія слова Palatium, то имъ скорѣе обозначается огороженное, укрѣпленное мѣсто временнаго пребыванія пастуховъ съ ихъ стадами, чѣмъ пастбище для выпаски скота, — мѣсто, которое съ теченіемъ времени обратилось въ постоянное, осѣдлое жилье. Римскій Палатіумъ былъ также общимъ центромъ религіознаго культа для окрестныхъ пастуховъ, предметомъ поклоненія котораго служили Марсъ, Фавнъ и Фавна, богиня Палесъ, а также и другія пастушескія божества. Палесъ считалась основательницей и защитницей Палатіума, для чествованія которой и былъ установленъ праздникъ Палилій, справлявшійся 21-го апрѣля. О подробностяхъ религіозныхъ церемоній, сопровождавшихъ это сельское празднество, обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ намъ Овидій въ Fast. IV, ст. 721 и слѣд. Въ день Палилій, иначе Парилій (Parilia, сравни: Lemures и Remures вслѣдствіе обычной взаимной замѣны плавныхъ л и р) не приносили никакой кровавой жертвы. Жертвоприношеніе состояло изъ куренія особой смѣсью, приготовленной весталками и состоявшей изъ крови жертвеннаго коня, закланнаго въ октябрьскій праздникъ Марса (см. очеркъ: Марсъ), изъ пепла отъ сожженнаго тельца и шелухи отъ бобовъ. Такая смѣсь, по народнымъ вѣрованіямъ, считалась очистительнымъ средствомъ, и потому Овидій называетъ ее februa casta. Съ раннимъ разсвѣтомъ ъвсѣ

овцы подвергались очищенію, для каковой цѣли овчарня окроплялась водой и выметалась новой метлой, затѣмъ устилалась свѣжей травой, а ея входы украшались вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ и лентами. Наконецъ, сами овцы подвергались очищенію посредствомъ сѣрныхъ паровъ, послѣ чего устроивали костеръ изъ розмарина, еловыхъ, оливковыхъ и лавровыхъ вѣтвей и зажигали его. Жертвоприношеніе составляли лепешки изъ проса, жертвенный обѣдъ и возліяніе изъ молока, сопровождавшееся молитвой о благополучіи стадъ, овчаренъ и пастуховъ. Затѣмъ испрашивалось прощеніе невольнымъ, незначительнымъ грѣхамъ, какъ, напр.: если пастухъ когда-либо проговялъ свое стадо по мѣсту, посвященному божеству, или срывалъ въ священной рощѣ листву для своихъ овецъ, укрывался въ тѣни священнаго дерева и т. п. Эту молитву пастухъ произносилъ, обратившись лицомъ къ востоку, и по ея окончаніи, выпивъ смѣсь изъ молока и молодого, сладкаго вина, прыгалъ черезъ горѣвшій костеръ.

Такъ справлялся праздникъ Палилій въ селахъ. Въ Римѣ онъ имѣлъ нѣкоторыя особенности; такъ, во время Цезаря въ этотъ день происходили конныя ристалища, а еще позднѣе, при императорѣ Адріанѣ, этотъ праздникъ слился съ празднествомъ въ честь Deae Romae и сопровождался шумной музыкой, пѣніемъ и играми въ циркѣ.

12) Руминъ и Румина

На томъ же Палатинскомъ холмѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пещерой Фавна—Лу-

перкалемъ и руминальской смоковницей, прославленной въ преданіяхъ о Ромулѣ и Ремѣ, существовалъ культъ еще двухъ другихъ божествъ, извѣстныхъ подъ именами Iupiter Ruminus и Diva Rumina, отъ которыхъ получила свое названіе руминальская смоковница. Отъ этихъ же божествъ получили свои имена близнецы Ромулъ и Ремъ, а также и основанный ими городъ Римъ. Iupiter Ruminus и Diva Rumina призывались въ молитвахъ, какъ Divus Pater Ruminus и Diva Mater Rumina. Несомнѣнно, что этимологической основой именъ этихъ божествъ служитъ слово ruma, означающее питающую, кормящую,— материнскую грудь, сосцы. По свидѣтельству Варрона [66]), пастухи чествовали Румину возліяніемъ изъ молока, какъ богиню, покровительствующую кормящимся еще материнской грудью юнымъ сосунцамъ стадъ. По другимъ свидѣтельствамъ предметомъ чествованія для пастуховъ служило изображеніе волчицы и при ней братьевъ—близнецовъ, помѣщавшееся подъ руминальской смоковницей. Весьма вѣроятно, что изображеніе волчицы было образнымъ символомъ самой Румины, какъ матери—кормилицы, которая однимъ

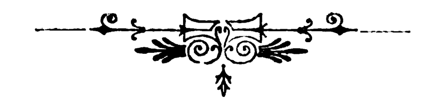
---

[66]) Varro, De r. r. II, 11, 5: non negarim ideo apud Divae Ruminae sacellum a pastoribus satam ficum. Ibi enim solent sacri-

только именемъ отличалась отъ Fauna Luperca. Равнымъ образомъ и фиговое дерево служило символическимъ образомъ той же богини Румины, такъ какъ и въ Греціи это дерево было посвящено Деметрѣ и Діонису.

А. Солоникіо.

Продолженіе будетъ.

ficari lacte pro vino et pro lactentibus. Mammae enim rumes sive rumae, ut ante dicebant, a rumi et inde dicuntur subrumi agni. Cp. Paul. p. 271: Ruminalis picta est ficus, quod sub ea arbore lupa mammam dederat Romulo et Remo; mamma autem rumis dicitur...

ОСВОБОЖДЕНІЕ [1].

Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ.

Эта пѣсня была мнѣ сообщена лѣтомъ 1902 года, съ просьбою помѣстить ее, на болгарскомъ и на русскомъ языкѣ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, болгарскимъ литераторомъ и ревностнымъ дѣятелемъ по болгарскому освобожденію Михаиломъ Григорьевичемъ Грековымъ («Стоянομъ Чакыровымъ») [2].

Г. Грековъ слышалъ ее впервые около 1880 года, въ деревнѣ Хайнъ-кёй (теперь Кулупчій), Старозагорскаго (Эскизагринскаго) округа, а потомъ въ другихъ мѣстахъ Θракіи; запись же ея онъ получилъ лишь въ 1901 году, отъ учителя села Михаилова (Сливенскаго округа) Димитрія Димова.

Пѣсня съ живымъ сочувствіемъ, но конечно далеко не съ исторической точностью, изображаетъ дѣйствія русскихъ, преимущественно въ лицѣ Александра-царя, генераловъ Гурки и Скобелева и удалыхъ казаковъ донскихъ. Съ эпическимъ спокойствіемъ говорится о туркофильскихъ проискахъ Англіи, олицетворяемой «англійскою королевою», а съ довольно ѣдкой ироніей—о тѣхъ

---

[1]) Заглавіе пѣснѣ (по содержанію) дано переводчикомъ ея.

[2]) Буква ы передаетъ болгарскій большой юсъ.

болгарахъ, которые въ столь великую пору позволили себѣ стремиться къ личной пользѣ и къ наживѣ на счетъ освободителей. Весьма неудовлетворительная, если бы мы взглянули на нее, какъ на источникъ для установленія фактовъ, данная пѣсня, кажется, не лишена интереса, какъ выраженіе народныхъ воззрѣній и чувствъ.

Болгарскій текстъ здѣсь воспроизводится точно; только прибавлены ударенія [3]), и въ двухъ-трехъ мѣстахъ устранены непослѣдовательности орѳографіи. Къ числу непослѣдовательностей можно отнести также употребленіе (далеко не всегда, когда того требуетъ исторія языка) большого юса, который у меня, для упрощенія набора, замѣненъ буквою ъ (иногда—буквою а).

Русскій переводъ, по желанію Г. Грекова, сдѣланъ стихами, что однако, къ счастію, не особенно повредило близости, при которой русскій читатель, хотя бы нисколько не знакомый съ болгарскимъ языкомъ, легко можетъ понять и подлинникъ [4]). Правда, я допустилъ

---

[3]) На буквѣ ъ всегда подразумѣвается удареніе, если не проставлено на другой буквѣ.

[4]) Для такихъ читателей прибавлю указанія на главныя особенности болгарскаго выговора. Въ концѣ словъ не только ъ, но и ь не произносится. Внутри словъ ъ означаетъ глухой звукъ, вродѣ ы. Ь внутри словъ равенъ тому же глухому, съ предшествующей мягкостью. Ѣ, подъ удареніемъ и притомъ передъ твердымъ звукомъ, читается за я, напр. голѣмъ, -ма, -мо, тѣхъ, заповѣда, горѣха, а то—за е, напр. тѣ, вѣрни, бѣше, прѣзъ Дунавъ. Щ читается шт.

значительныя колебанія въ размѣрѣ, а также нѣкоторыя грамматическія формы, свойственныя только нашей народной рѣчи или народной поэзіи; но, пожалуй, и эти недостатки, будучи таковыми съ литературной точки зрѣнія, служатъ къ болѣе вѣрному воспроизведенію подлинника.

Примѣчанія къ пѣснѣ напечатаны позади текста.

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Дѣ́ са е чу́ло, ви́дѣло,
Та чу́ли ли сте, разбра́ли,
Какъвъ е по́мянъ ста́нало
Въ Петробу́лъ, гра́да голѣ́ма,
Въ Петробу́лъ, чу́тна касаба́ [1]),
Въ Петробу́лъ, ру́ска сто́лица?
Събра́ли ми са, отбра́ли,
Доръ се́демъ ца́ря и кра́ля,
Голѣ́мъ мензили́шъ да чи́натъ,
Българи да си отърва́тъ
Отъ те́жко ро́бство пога́нско.
Ца́ря ми, ца́рь Алекса́ндри,
Ти́хомъ султа́ну гово́ри:
«Султа́не, Абду́лъ-Хами́де!
Съсъ ме́не шега́ не би́ва,
Ду́ма ми двѣ́ да не ста́не!
Язъ и́мамъ молба́ до те́бе.
Тво́ята рая́ неви́нна,
Кле́титѣ ро́би българи,
Плѣне́ни имъ са села́та,
Избѣ́сени са мъже́тѣ,
А изгоре́ни църквитѣ,
Църквитѣ, монасти́ритѣ,
Отъ тво́итѣ ди́ви зебе́ци,
Кръвни́ци башибозу́ци.
Не мо́жешь да имъ помо́гнешь,
Ша до́йда да ги отърва́.
Не чини́ битка съсъ ме́не!
Язъ ми й широ́ка земя́та
И и́мамъ мно́го солда́ти,
Солда́ти, до́нски каза́ци,
И съсъ тѣ́хъ ста́ри коми́ти.

Освобожденіе (русскій переводъ).

Гдѣ слыхано, гдѣ видано,
Слыхали ль вы, замѣтили,
Какое дѣло сдѣлалось
Въ Питерѣ, большомъ городѣ,
Въ Питерѣ, мѣстѣ славноемъ,
Въ Питерѣ, русской столицѣ?
Собралися тамъ, сошлися тамъ!
Семеро королей, царей, [2])
Великъ совѣтъ составился,
Чтобы болгаръ освободить
Изъ тяжкихъ узъ поганскіихъ.
Царь-государь, Лександра-царь,
Тихо султану говоритъ:
«Султанъ, Абдулъ-Хамидъ султанъ! [3])
Со мною плохи шуточки,
Я разъ сказалъ, и кончено! [4])
Къ тебѣ есть просьба у меня.
Твоя рай [5]) невинная,
Болгары, рабы жалкіе,
Деревни ихъ разграблены,
Мужчины ихъ повѣшены,
Святыя церкви сожжены,
И церкви, и обители,
Зебеками свирѣпыми [6]),
Башибузуки лютыми,
А ты помочь не въ силахъ имъ.
Я къ нимъ приду на выручку.
Со мной ты въ битву не вступай!
Земля моя широкая,
Солдатовъ много у меня,
Солдатовъ, казаковъ донскихъ,
Еще комитовъ-стариковъ [7]).

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Султáне, ша те побѣдя́тъ,
Земи́тѣ ша ти притнéматъ,
Тýрцитѣ ша ти избия́тъ,
Млáди кадъни порóбятъ,
Дрéбни дѣчи́ца покръстятъ!»
Султáна, Абдýлъ-Хами́да,
Ни́зко са цáрю поклоний,
Очи́ си въ земя́ опери́
И такá цáрю дýмаше:
«Цáрьо-льо, цáрьо чести́ти,
Чести́ти и доброчéстни!
Язъ ти земя́та прѣдáвамъ,
Съ рая́та, бѣ́ли българе,
Безъ кавгá, още безъ би́тка;
Ялá ма, цáрьо, не слýшатъ
Моллитѣ́, óще софти́тѣ,
Вирогла́вцитѣ пашитѣ.
Не мóга зáпъ да ги стóря.
Тѣ́ ми са глави́ вдигнали
И си земя́та не дáватъ.
Ингили́шката крали́ца
Каилъ си, хóланъ, не стáва,
И тя́ огъньтъ подклáжда».
Всички си си́ли рѣши́ха,
Рѣши́ха и подпи́саха,
На цáря и́зинъ дáдоха
Българе да си отървé.
Ингили́шката крали́ца
Не рѣший и не подпи́са,
На цáря и́зинъ не дáде
Българе да си отървé.
Отвънъ миндзли́йца излѣ́зе

Освобожденіе (русскій переводъ).

Султанъ, тѣ побѣдятъ тебя,
Твои всѣ земли отберутъ,
Твоихъ всѣхъ турокъ перебьютъ,
Младыхъ турчанокъ въ плѣнъ возьмутъ,
Ребятокъ малыхъ покрестятъ!»
  Султанъ, Абдулъ-Хамидъ султанъ,
Склонился низко предъ царемъ,
Глаза онъ въ землю опустилъ,
И такъ царю отвѣтъ держалъ:
«Царь ты мой, царь, великій царь,
Великій, возвеличенный! [8])
Тебѣ бы отдалъ землю я,
Съ раёй, съ болгары бѣдными,
Безъ ссоры, безъ сраженія;
Но, царь, меня не слушаютъ
Муллы мои, софты мои [9]),
Паши мои упрямые,
А съ ними мнѣ не справиться.
Они подняли головы,
Не отдаютъ земли своей.
Королева британская
И та вотъ несогласна, братъ,
Огонь спѣшитъ подкладывать».
  Державы всѣ рѣшили тутъ,
Рѣшили, подписалися,
Царю всѣ предоставили,
Чтобы болгаръ онъ выручилъ.
  Королева британская
Не дала слова, подписи,
Царю не предоставила,
Чтобы болгаръ онъ выручилъ.
А вышла изъ собранія

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

И на султáна дýмаше:
«Султáне, Абдýлъ-Хамйде!
Защó земйта прѣдáвашь,
Земйта Урумелйя,
Съсъ твóйта слáвна стóлица—
Цáриградъ до пролйвитѣ?
Урумелййски българе,
Твóитѣ крóтки исйри.
Тѣ плáщатъ тéжки дáждия
И ти подкрѣпятъ цáрството.
Когá по кърà излѣзешь,
Българе конé вóдеха,
Българе ястé гóтвеха.
Кáто земйта прѣдадéшь,
Когá по кърà излѣзешь,
Кóй ша ти вóди конéтѣ,
Кóй ша ти ястé нагóтви,
Исплáща тéжки дáждия?
Идй, са цáрю помолй,
На цáря, цáрь-Алексáндра,
Мъничко михлéтъ да дадé—
За единъ, за двá мѣсеца!
Двáма заеднó да стáнемъ,
Двáмата да са сортáчимъ:
Пýшкитѣ да сá отъ мéне,
Пýшкитѣ, óще барýтя,
Барýтя и джепанéто,
Гимйи съсъ гимиджйи.
А́ко ти аскéръ не стйгне,
И аскéръ ша ти набáвя!»
Тáче са въ минзлйшъ повърна
И си минзлйша развалй,

Освобожденіе (русскій переводъ).

И такъ султану молвила:
«Султанъ, Абдулъ-Хамидъ султанъ!
Зачѣмъ ты землю отдаешь,
Свою землю Румелію,
Съ твоей столицей славною —
Съ Цареградомъ, съ проливами?
Болгары румелійскіе,
Твои рабы смиренные,
И дани платятъ тяжкія,
И подкрѣпляютъ власть твою.
Когда ты въ поле выѣдешь,
Они водили лошадей,
Они варили кушанье.
А если землю ты отдашь,
Когда ты въ поле выѣдешь,
Кто будетъ лошадей водить,
Кто будетъ кушанье варить,
Кто дани тяжкія платить?
Ступай и попроси царя,
Царя, царь Александра-то,
Немножко чтобъ отсрочки далъ—
На мѣсяцъ, на два мѣсяца!
Чтобъ заодно намъ стать съ тобой,
Вступить съ тобой въ сообщество:
Пусть ружья будутъ отъ меня,
Ружья, еще да съ порохомъ,
Съ порохомъ и снарядами,
Корабли съ корабельщики.
А если мало войскъ твоихъ,
И войскомъ подкрѣплю тебя!»
Вотъ она въ совѣтъ вернулась
И разстроила совѣтъ-отъ,

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Развали́ и го расту́ри.
Всѣки си у тѣхъ отиде.
Абду́лъ-Хами́дъ са повърна
Въвъ Ста́мбулъ, гра́да голѣма,
Въ свойта сла́вна столи́ца,
Надъ море́тата цари́ца.
Че си посъбра́ пашитѣ,
Пашитѣ, още софтитѣ,
Румелийскитѣ султа́не
И чу́тнитѣ си бе́йове.
Ти́хомъ имъ тaка́ говори:
«Пашала́ръ, бейле́ръ, султанла́ръ! [10])
Язъ си земя́та прѣда́вамъ,
Земя́та Урумелия,
Урумелийски българе,
Ца́риградъ до проли́витѣ,
На Московия-Русия.
Русия ца́рство голѣмо,
Русия ца́рство широ́ко,
Русия си́лна държа́ва.
Не мо́га битка да чиня:
Ша ми оплѣни земя́та,
Ша ни поро́би чада́та,
Ша ста́немъ нейни исири!»
Кро́тко слу́шаха пашитѣ,
Пашитѣ, още софтитѣ,
И султа́нскитѣ бе́йове,
Що имъ су́лтана прика́зва,
Прика́зва и заповѣда.
Всичкитѣ долу глѣдаха,
Единъ си глава́ не вди́гна,
Султа́на въ о́чи да глѣда.

Освобожденіе (русскій переводъ).

Разстроила, разогнала:
Всякъ пошелъ тутъ восвояси.
  И Абдулъ-Хамидъ вернулся
Въ Стамбулъ, городъ свой великій
Въ свою славную столицу,
Ту приморскую царицу.
И пашей своихъ онъ собралъ,
Что̀ пашей, еще и софтовъ,
И султановъ румелійскихъ,
Да и беговъ именитыхъ.
Тихо такъ имъ говоритъ онъ:
  «Вы паши, султаны, беги!
Отдаю свою я землю,
Свою землю Румелію,
И болгаровъ румелійскихъ,
Съ Цареградомъ, съ проливами,
Отдаю Москвѣ-Россіи.
Царство Русское велико,
Царство Русское широко,
Сильна Русская держава.
Не могу вступать я въ битву!
Вѣдь у насъ разграбятъ землю,
Полонятъ дѣтей-то нашихъ,
Будемъ мы у ней въ неволѣ»!
  Смирно слушали паши-то,
Тѣ паши, еще и софты,
И султанскіе-то беги,
Что̀ имъ султанъ разсказывалъ,
Разсказывалъ, приказывалъ.
Всѣ тутъ они потупились,
Никто не поднялъ головы,
Султану чтобъ въ глаза взглянуть.

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Пашáта садразáмина
Султáна въ óчи глéдаше,
Султáну тúхомъ дýмаше:
«Амáнъ, ефéндимъ султанъмъ!
Честúто да ти й цáрството,
Цáрството девлéтъ-осмáнско,
Богáто цáрство, широко:
Отъ Чéрно мóре до Бѣ́ло,
Отъ Дýнавъ доръ до Масъра;
Пълно съ стотúни миллéти,
Тéбе покóрни девлéти,
И съ мнóго зéмни богáтства.
Всúчки сме твóи сúнове,
Сúнове, вѣ́рни рóбове,—
За твóйта земя ша стáнемъ.
Ша сберéмъ грóзни манáфи,
Масърски чéрни арáпи
И Анадóлски зебéци,
Урумелúйски низáми,
Български башибозýци.
Съ Русúя бúтка ша чúнимъ,
Кръвúтѣ ша си пролѣ́емъ,
Земята да си отървéмъ,
Земята, девлéтъ-осмáнска,
Топрáка на дúнъ-ислáма.
А́ко-ли аскéръ не стúгне,
Ша сберéмъ левéнтъ-черкéзи,
Кáръмски бързи татáре,
Цúгане грóзни, умрáзни,—
Пакъ щéмъ Русúя надвúемъ».
Какъ зачý Хамúдъ таз дýма,
Висóко главá издúгна,

Освобожденіе (русскій переводъ).

Паша же, садразамъ-паша, [11])
Султану во глаза глядѣлъ,
Султану тихо говорилъ:
«Прости, султанъ мой, господинъ! [12])
Счастливой быть землѣ твоей,
Землѣ, османскимъ подданнымъ!
Земля богата, широка:
Отъ Черна моря къ Бѣлому [13]),
Съ Дуная до Мысырскихъ странъ [14]);
Полна народовъ сотнями,
Тебѣ покорныхъ подданныхъ,
И множествомъ богатствъ земныхъ.
Вѣдь всѣ мы сыновья твои,
Сыновья, вѣрные рабы.—
Мы станемъ за страну твою.
Манафовъ страшныхъ соберемъ [15]),
Мысырскихъ черныхъ арановъ,
Анатолійскихъ зебековъ
И румелійскихъ низамовъ [16]),
Болгарскихъ башибузуковъ.
Съ Россіей въ битву вступимъ мы,
И всѣ мы кровь свою прольемъ,
Свою страну чтобъ отстоять,
Страну-то, власть османскую,
Землю-то правовѣрную.
А если мало войскъ у насъ,
Сберемъ черкесовъ-молодцовъ,
Татаръ проворныхъ крымскіихъ,
Цыгановъ страшныхъ, противныхъ,—
И мы Россію побѣдимъ».
Какъ Хамидъ ту рѣчь услышалъ,
Высоко поднялъ голову,

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Пашитѣ гордо изглѣда,
Пашитѣ, още софтитѣ,
Румелийскитѣ султáни,
Своитѣ вѣрни бейове.
Извади дивитъ срéбъренъ,
Ситно ми писмó написа,
Във Русия го испрáти,
До цáря, цáрь-Александра.
Писмóто пише, говóри:
«Живъ да си, цáрь-Алексáндре!
Язъ ти земята прѣдáвахъ,
И сѣвахъ барашикъ да бъдемъ;
Алá пашитѣ не склáнятъ.
Пашитѣ, още моллитѣ,
Моитѣ вѣрни бейове.
Пъкъ тѣ си главá вирнале
И искать битка да чинятъ.
Събирай войскá, готви са,
Съсъ тебе мегдáнъ ша дѣлимъ!»
Нáшитѣ мъдри болѣри,
Болѣри и чорбаджии,
И тѣ си писмó писаха
До цáря, цáрь-Алексáндра.
Писмóто дума, говóри:
«Цáрьо-льо, Господáрьо-льо,
Цáрьо-льо, цáрь-Алексáндре!
Честито да ти й цáрството,
Широко цáрство, богáто
Съсъ църкви и монастири
Съсъ чиста вѣра Христóва!
Додѣло ни са й, цáрьо-льо,
Пéть вѣка рóбство да теглимъ,

Освобожденіе (русскій переводъ).

Взглянулъ онъ гордо на пашей,
Что̀ на пашей, еще на софтъ,
На румелійскихъ султановъ,
На вѣрныхъ своихъ, на беговъ,
Досталъ серебряный дивитъ [17]),
Написалъ мелкое письмо,
Въ Россію онъ его послалъ,
Царю-то, царь-Александру.
Письмо то пишетъ, говоритъ:
«Здоровъ будь, Александра-царь!
Я землю отдавалъ тебѣ,
Желалъ я въ мирѣ жить съ тобой;
Но отъ пашей согласья нѣтъ,
Что̀ отъ пашей, еще отъ муллъ,
Да и отъ беговъ вѣрныхъ,
Они задрали головы—
Они желаютъ въ бой вступить.
Готовься, войско собирай,
Чтобъ намъ съ тобой помѣряться!»
Бояре жъ наши мудрые,
Бояре съ чорбаджіями [18]),
Письмо писали и они
Къ царю, царь-Александру-то.
Письмо вѣщаетъ, говоритъ:
«Царь ты нашъ, государь ты нашъ,
Царь ты нашъ, Александра-царь!
Счастливой быть землѣ твоей,
Широкой странѣ, богатой
Церквами, монастырями
И чистой вѣрой Христовой!
Намъ надоѣло, царь ты нашъ,
Терпѣть неволю пять вѣковъ,

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Кървáви сълзи да рóнимъ
И тéжъкъ ярéмъ да влáчимъ.
Прáвишь—щó прáвишь, цáрьо-льо,
Войскú си тýка да прáтишь,
Погáнци да си искóлятъ,
На нáсъ свободá да дадътъ.
Ако захерé не стúгне,
Трú щемъ ги гóдинъ нúй хрáни:
Ковé имъ съ орúзъ ща зобúмъ,
Войнúци съ вúно ща поúмъ».
Цáря ми, цáрь Алексáндри,
Въвъ свóйта слáвна стóлица,
На златно стóлче сѣдѣше
И двѣтѣ писмá четѣше,
Хемъ ситно сълзи рóнѣше.
Намръщи чело висóко
Па събрá свóйти сúнове,
Сúнове, хрáбри юнáци,
Съ дóнски рóшави калпáци.
Такá имъ цáря дýмаше:
«Пóскоро аскéръ сбúрайте,
Сбúрайте, óще стягайте!
Тачé ще на пъть да тръгнемъ
За брáтска земя́ Българска—
За вѣра да са помъчимъ,
За вѣра, за христиáнска.
Че, кáкто кáзватъ кóнсулти,
Българи, клéти сирмáси,
Мнóго ги, горкú, мъчили,
Чéрни теглилá тéглили
За вѣра, за христиáнска
И за нарóдность славя́нска:

Освобожденіе (русскій переводъ).

Кровавы слезы проливать,
Яремъ тяжелый волочить.
Ужъ какъ угодно, царь ты нашъ,
А присылай войска сюда,
Чтобы поганыхъ перебить
И чтобы дать свободу намъ.
А коль провьянтомъ скуденъ ты,
Три года будемъ ихъ кормить:
Конямъ мы будемъ рисъ давать,
Самихъ солдатъ виномъ поить».
А царь-то, Александра-царь,
Во славной своей столицѣ,
Сидитъ на стулѣ золотомъ
И обѣ письма читаетъ,
И мелки слезы роняетъ.
Наморщилъ онъ высокій лобъ
И собралъ сыновей своихъ,
Сыновей, храбрыхъ молодцевъ,
Въ донскихъ колпакахъ косматыхъ.
И такъ вотъ царь имъ говорилъ:
«Скорѣе войска сбирайте,
Собирайте войска, стягайте!
Мы съ ними въ путь отправимся
Въ братскую землю Болгарску—
За вѣру, тамъ потрудимся,
За вѣру, за христьянскую.
Вѣдь, какъ доносятъ консулы,
Болгары горемычные,
Много ихъ, горькихъ, мучили,
И чернымъ гнетомъ ихъ гнели
За вѣру, за христьянскую,
И народность славянскую:

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

На бѣсидка ги бѣсили,
Живи ги въ огънь горѣли.
Двамата царски войводи —
Скобелевъ, генералъ Гурко —
Станали, аскеръ събрали:
Не малко, още не много —
Доръ деветь стотинъ хиляди;
Хиляди руски синове
И царски донски казаци,
И съсъ тѣхъ стари комити.
Събра ги Гурко, поведе;
Че ги във църква отведе,
Богу ги курбанъ обрече,
Какъ щътъ за вѣра да измрътъ,
За вѣра, за България.
Тогазъ ги Гурко поведе —
Гурко, Скобелевъ, двамата.
Като солдати пѣяха,
Синьо са небо сбиваше;
Дѣто топове вървяха,
Черна са земя тръсѣше.
Вървѣли, що са вървѣли,
Тъминко деветь недѣли:
Минали рѣки широки,
Полета гладки, безкрайни,
Румънски кални друмища;
До бѣлъ са Дунавъ допрѣле,
Тамъ си войскитѣ въспрѣле,
Прѣзъ Дунавъ мостъ расперили.
Дѣто си вечеръ замръкнатъ,
Тамъ си фенери паляха,
И си войскитѣ мѣстаха,

Освобожденie (русскiй переводъ).

На висѣлицѣ вѣшали
И жгли огнемъ ихъ заживо».
Два воеводы царскiе —
Скобелевъ, Гурко-генералъ —
Поднялись, войско собрали:
Не мало войска, ни много —
До девяти сотъ тысячей;
Тысячи русскихъ сыновей
И царскихъ казаковъ донскихъ,
При нихъ комиты старые.
Собралъ вотъ Гурко ихъ, повелъ;
Еще онъ въ церковь ихъ привелъ,
Богу обрекъ на жертву ихъ,
Чтобъ имъ за вѣру умереть,
За вѣру, за Болгарiю.
Тогда-то Гурко ихъ повелъ —
Вдвоемъ: Гурко да Скобелевъ.
Пошли солдаты съ пѣснями,
Что били въ небо синее;
Гдѣ проѣзжали пушки ихъ,
Тамъ черная земля тряслась.
И шли они, шли столько-то,
Девять недѣль ровнешенько:
Чрезъ рѣки, чрезъ широкiя,
Поля безкрайны, гладкiя,
По грязнымъ путямъ румынскимъ;
Бѣла Дуная достигли,
Тамъ рати остановили,
Мостъ чрезъ Дунай разостлали.
Гдѣ заночуютъ вечеромъ,
Тамъ зажигали фонари,
Войска жъ передвигалися,

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

Тýрцитѣ да ги не сѣтятъ.
Докáто мóста напрáвятъ,
Тѣзи ми дóнски казáци—
Казáшко сърдце прѣпряно,
Не чáка мóста да стáне—
Тѣ са въ Дýнава хвърляха,
Съ тѣхнитѣ рýски кáтави,
Скóро отсрѣща да минатъ,
Караýлъ да си заématъ,
Тýрцитѣ да са не сѣтятъ.
Мнóго са горкй дáвяха.
Отвъдъ Дýнава минаха,
Съсъ Тýрци битки прáвяха,
За вѣра, за Българія.
Тýрцитѣ плáхомъ бѣгаха
Прѣзъ планинскитѣ клисýри;
Слѣдъ тѣхъ търчáха Цигани,
Цигани гóли и бóси:
Кóй си навýща забравилъ,
Кóй си царвýли изгýбилъ.
Рýситѣ Дýнавъ минáха,
Срѣдъ Свищóвъ-грáда са спряха,
Тáмъ си войскитѣ редяха,
Коя дѣ трѣба да тръгне,
Триста хиляди за Русчýкъ,
И другги триста за Плѣвенъ—
Сáмъ ги Скóбелевъ вóдѣше—
А триста въ Свищóвъ остáле
При цáря, царь-Александра:
Тóй ги самичекъ вóдѣше,
Вóдѣше, распорéждаше.
Върли са битки прáвяха,

Освобожденіе (русскій переводъ).

Чтобъ турки не замѣтили.
  Покуда мостъ-отъ строили,
Тѣ казаки, донскіе-то,—
Казачье сердце горячо,
Не ждетъ, чтобъ мостъ поставили—
Они въ Дунай бросалися,
Со скакунами русскими,
Скорѣй чтобъ переправиться,
И караулы чтобъ занять,
Чтобъ турки не замѣтили.
Много тонуло бѣдненькихъ.
  Перебралися чрезъ Дунай,
Вступали въ битвы съ турками,
За вѣру, за Болгарію.
Бѣжали турки, струсивши,
Черезъ ущелья горныя;
За ними бѣгутъ цыганы,
Цыганы, голы и босы:
Одинъ онучи позабылъ,
Другой такъ лапти потерялъ.
  Русскіе перешли Дунай,
Въ Свищовѣ-городѣ стали,
Войска распорядили тутъ,
Кому куда направиться.
На Рущукъ триста тысячей,
Другія триста на Плевну—
Вождемъ ихъ былъ самъ Скобелевъ,—
Триста жъ остались въ Свищовѣ,
Съ царемъ, царемъ Александромъ;
Онъ лично былъ вождемъ у нихъ,
Вождемъ, распорядителемъ,
  Вступали въ битвы страшныя,

Освобожденіе (болгарскій текстъ).

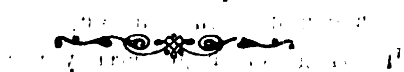
Хиляди главй пáдаха,
Хиляди селá горѣха,
Мáйки за дѣцá пищáха.
Тýрцитѣ рéдомъ бѣ́гаха,
Рýситѣ слѣ́домъ вървя́ха:
Прѣзъ Шѝпчанскитѣ Балкáни,
Прѣзъ Тýнджанскитѣ долѝни,
Филибéйскитѣ тепéта
Едирнéнскитѣ полéта—
Въ Санъ-Стефáно са въспря́ха,
Съ Тýрцитѣ миръ заключиха.
Прѣ́ди да дóйдатъ рýситѣ,
Вѝното бѣ́ше двá грóша,
Окá ракѝя пéть грóша,
За еднó яйцé пéть парѝ,
За кокóшката двá грóша,
За мисѝрката пéть грóша,
За килó ечмикъ петнâйсе.
Катó дóдоха рýситѣ,
Голѣ́мъ имъ икрáмъ стóрихме
Вѝното стáна пéть грóша,
Окá ракѝя петнâйсе;
За еднó яйцé двá грóша,
Еднá кокóшка двá фрáнка,
За мисѝрката—чéтире,
Килóто ечмѝкъ—дванâйсеть!!
Румелийскитѣ кокóни,
Коя̀то бѣ́ше хýбава,
Рýска си фóрма напрáви,
Мъжъ́тъ си набѝ, остáви;
Сé капитáнки стáнаха,
Парѝтѣ да имъ доберъ́тъ.

Освобожденіе (русскій переводъ).

Тысячи годовъ падали,
Тысячи селъ погорели,
По дѣтямъ выли матери.
Бѣгутъ, бѣгутъ все турки-то,
А русскіе вослѣдъ идутъ;
Черезъ Балканы Шипчински,
Черезъ долины Тунджински [19]),
Чрезъ холмы Филиппопольски,
Поля Адріанопольски —
Въ Санъ-Стефанѣ они стали,
Съ турками миръ заключили.
Передъ приходомъ русскихъ-то
Вино стоило два гроша,
Ока ракіи [20]) пять грошей,
Яйцо ходило по пять паръ,
А курица по два гроша,
Индюшка по пяти грошей,
Кило ячменя пятнадцать!
Когда же русскіе пришли,
Велику честь имъ сдѣлали:
Вино тутъ стало пять грошей,
Ока ракіи — пятнадцать;
За одно яйцо два гроша,
За курицу по два франка,
За индюшку-то — четыре,
Кило ячменя — двѣнадцать!!
Барыньки румелійскія,
Которая красивая,
Сошила форму русскую,
Побила мужа, бросила:
Всѣ стали капитаншами,
Чтобъ денежки добрать у нихъ.

Освобожденіе (болгарскій текстъ)

Мáлко ги, много вóдяха,
Кемéри съ рýбля пълнѣха,
И си веселбá чѝняха.
Отъ цáря фирмáнъ прифтáса,
Отъ цáря, цáръ-Алексáндра,
Фирмáна пише, говóри:
«Българска земя́ хýбава—
Отъ Бѣло мóре до Чéрно,
Отъ Чéрно мóре до Дýнавъ—
Свобóдна да са наречé
И свой князь да си изберé!
Войскитѣ да са повърнатъ
Въ мóята земя́ широка».
Бýргасъ, касабá голѣма,
И тя́ си сейръ чѝнеше:
Съ румелийскитѣ кокóни,
Кой изъ грáда хóдяха,
И са на Бóга мóляха,
Сé капитáнки да бъ́дътъ.
Настáна жива раздѣла:
Рýситѣ на пъть тръгнаха
По Чéрно мóре безкрáйно;
Кокóни въ Бýргасъ остáха,
Съсъ тéжки клéтви на устá.
Пъкъ тó имъ, хóлань, не мѝна,
Тѣ капитáнки да бъдатъ:
Че имъ са криви крачáта,
Та имъ щивáлки не ставатъ;
Че имъ са кýфи главитѣ,
Та си капéлки не държатъ.

Освобожденіе (русскій переводъ).

Мало ли, много ль пожили,
Рубли пихали въ кошельки,
И жили себѣ весело.
От царя указъ тутъ прибылъ,
Отъ царя, царь-Александра.
Указъ тотъ пишетъ, говоритъ:
«Болгарска земля красная—
Отъ Бѣла моря къ Черному,
Отъ Чернаго до Дуная—
Свободной пусть считается,
Себѣ пусть князя выберетъ!
Войска пусть возвращаются
Въ мою землю широкую».
Въ Бургасѣ, большомъ городѣ [21]),
Тамъ любовались зрѣлищемъ:
Румелійскими барыньки,
Что̀ тамъ ходили городомъ,
И Господу молилися,
Чтобъ стать имъ капитаншами.
Пришла разлука горькая:
Въ путь двинулися русскіе
По Черну морю безкрайну;
Однѣ остались барыньки,
Съ проклятьемъ тяжкимъ на устахъ.
Имъ, братецъ, не пристало вѣдь,
Чтобъ быть имъ капитаншами:
У нихъ кривыя ноженки,
Имъ не идутъ ботиночки;
У нихъ пустыя головы,
Носить не знаютъ шляпочекъ.

Романъ Брандтъ.

Примѣчанія къ тексту пѣсни и переводу ея.

[1]) Касаба, турецкое слово, значитъ «городъ».

[2]) Семь, вѣроятно, только обычное эпическое число; хотя сочинитель пѣсни могъ бы имѣть въ виду, кромѣ упоминаемыхъ имъ трехъ государствъ (Россія, Турція и Англія), еще четыре. Австрію, Германію, Францію и Италію.

[3]) Нужно бы, конечно, Абдулъ-Азизъ.

[4]) Буквально: слово мое пусть не станетъ двумя.

[5]) Рая—турецко-подданные христьяне.

[6]) Зебеки, точнѣе (по сообщенію академика Ѳ. Евг. Корша) зейбеки,—названіе одного турецкаго племени.

[7]) Комита—членъ повстанческаго «комитета», повстанецъ. Пѣсня, очевидно, здѣсь представляетъ воспоминаніе о болгарскихъ ополченцахъ.

[8]) Буквально: «счастливый, осчастливленный».

[9]) Софта—мусульманскій семинаристъ.

[10]) Обращеніе это вставлено прямо въ его турецкой формѣ.

[11]) Великій визирь.

[12]) Въ болгарскомъ, т. е. собственно турецкомъ, текстѣ: «господинъ мой, султанъ мой».

[13]) Бѣлое море—Мраморное.

[14]) Мысыръ—Египетъ.

[15]) Манафы—какое-то азіатское племя.

[16]) Низамы—правильное войско.

[17]) Дивитъ—письменный приборъ.

[18]) Чорбаджія—хозяинъ, зажиточный человѣкъ.

[19]) Тунджа—рѣка, притокъ Марицы.

[20]) Ракія—водка.

[21]) Этого эпитета Бургасъ, по крайней мѣрѣ съ рус ской точки зрѣнія, не заслуживаетъ.

„Авторская Исповѣдь" Н. В. Гоголя.

«Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ — жизнь, а не что другое» («Автор. Испов.», стр. 255).

Статья, извѣстная подъ названіемъ «Авторской Исповѣди», впервые явилась въ печати въ 1855 г., при первомъ изданіи 2-й ч. «Мертвыхъ Душъ», подъ редакціей С. П. Шевырева, который и далъ статьѣ это заглавіе [1]). Такое заглавіе я не считаю вполнѣ точнымъ и вполнѣ правильнымъ. Самъ Гоголь собственною исповѣдью признавалъ «Переписку съ друзьями» [2]), что было болѣе умѣстно, такъ какъ эти письма предназначались къ близкимъ друзьямъ, не вынуждавшимъ, но располагавшимъ къ интимнымъ изліяніямъ сердца и души. Такимъ образомъ, и здѣсь это названіе умѣстно лишь въ смыслѣ интимности сердечныхъ изліяній, но не въ смыслѣ — исповѣданія своихъ литературныхъ грѣховъ. Покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ признавалъ данную статью апологіей «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» [3]). Но и этотъ взглядъ я не считаю вполнѣ правильнымъ, такъ какъ «Авторская Исповѣдь» не заключаетъ въ себѣ апологіи мыслей и

---

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-е подъ ред. Н. Тихонравова, т. IV, стр. 551.

[2]) Ibid. 246

[3]) Ibid, т. III, 549.

взглядовъ, выраженныхъ въ «Перепискѣ съ друзьями». хота и не чужда апологіи личной противъ тѣхъ обвиненій и упрековъ, которые вызваны были «Перепиской съ друзьями». Статья, озаглавленная «Авторской Исповѣдью», есть вынужденная «повѣсть авторства», направленная скорѣе къ личной защитѣ и оправданію, чѣмъ къ чистосердечному исповѣданію своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ. Такимъ образомъ съ данной статьей связаны не внутренніе, нравственные, вопросы, которые, кстати замѣтить, устранены изъ разсмотрѣнія самимъ Гоголемъ [4]),—не вопросы о правдѣ его смиренія, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру, а вопросы внѣшніе и при томъ литературнаго характера, а именно: правильны ли, или ошибочны мысли и воззрѣнія Гоголя на свою литературную дѣятельность, и не примѣшалось ли къ его точкѣ зрѣнія на собственную дѣятельность чего-либо посторонняго и случайнаго отъ вынужденной роли защитника. Кромѣ того, съ разсматриваемой статьей связанъ еще вопросъ о томъ, насколько удовлетворителенъ отвѣтъ Гоголя на запросъ читателей объ измѣнѣ своему прежнему направленію. Къ разсмотрѣнію указанныхъ вопросовъ мы теперь и приступимъ.

Такъ называемая «Авторская Исповѣдь» дѣлится на двѣ части. Первая часть представляетъ родъ предисловія (241—247), а вторая—исторію авторства (247—278). Въ первой части (предисловіи) Гоголь дѣйствительно предлагаетъ нѣкоторыя оправданія и поясненія относительно упрековъ, направленныхъ противъ «Переписки» со стороны Бѣлинскаго, Павлова и С. и К. Аксаковыхъ. Но эти объясненія, сдѣланныя вскользь, похо-

---

[4]) Ibid. т IV, 247.

дать скорѣе на жалобы сердца, чѣмъ на оправданія разума. Вторую часть Гоголь начинаетъ повѣстью своего авторства и бѣгло излагаетъ его ходъ до того момента, когда при созиданіи «полнаго и большаго сочиненія» предъ нимъ открылись новыя задачи. Всегдашнимъ и постояннымъ предметомъ его творчества были, по словамъ Гоголя, человѣческая жизнь и при томъ современная, и въ этомъ смыслѣ онъ не измѣнялъ своему направленію. Въ этотъ же знаменательный періодъ его дѣятельности исключительно выступили вопросы души человѣческой вообще и въ частности—вопросы души русскаго человѣка. Но передъ этой глубокой и широкой задачей пришлось остановиться—за недостаткомъ матеріала, за недостаткомъ духовной статистики Россіи, а съ другой стороны—вслѣдствіе духовной неподготовленности къ подобной задачѣ. И вотъ Гоголь принимается за самоусовершенствованіе и самоуглубленіе, а затѣмъ почти одновременно печатаетъ предисловіе ко 2-му изданію I т. «Мертвыхъ Душъ», гдѣ обращается къ русскимъ читателямъ съ просьбой—присылать ему матеріалы, и издаетъ «Переписку съ друзьями», съ одной стороны, какъ экскурсъ въ область духа, какъ нѣкій результатъ воспитанія души, какъ собственное сердечное изліяніе, а, съ другой, какъ попытку вызвать подобнымъ изліяніемъ такія же изліянія отъ своихъ читателей и тѣмъ, расшевеливъ русскаго человѣка, обнаружить его душу. Но это воззваніе и эти сердечныя изліянія ни къ чему не повели: нужнаго матеріала для осуществленія новой задачи не оказалось. Къ тому же онъ почувствовалъ, что способность его производить поэтическія созданія оставила. Такимъ образомъ, по заявленію Гоголя, оставалось прекратить литературную дѣятельность и взяться за службу, но такую, которая

давала бы возможность самому знакомиться съ русскимъ человѣкомъ. За благословеніемъ на эту практическую дѣятельность Гоголь и отправился въ Святую землю. Такъ обстоитъ дѣло по такъ называемой «Авторской Исповѣди».

Теперь разсмотримъ эту же статью детальнѣе. Останавливаться долго на первой части статьи мы не намѣрены, такъ какъ она касается скорѣе личныхъ, нравственныхъ качествъ (стр. 243—4), которыя устранены самимъ Гоголемъ изъ разсмотрѣнія (стр. 247). Тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ остановиться на одномъ интересномъ фактѣ. Гоголь вскользь оправдывается между прочимъ отъ обвиненій и упрековъ Бѣлинскаго. Эти упреки въ общемъ сводятся къ обвиненію Гоголя въ чрезмѣрномъ консерватизмѣ и въ отстаиваніи status quo. Характернымъ въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что Бѣлинскій, обвинявшій Гоголя въ 1847 г. въ отстаиваніи status quo, десять лѣтъ раньше самъ проявилъ тѣ же недостатки въ гораздо большей степени. Припомнимъ его «Очерки Бородинскаго сраженія» [5]), написанные по поводу сочиненія Ѳ. Глинки, небольшую замѣтку по поводу «Бородинской годовщины» В. Жуковскаго подъ заглавіемъ: «Письмо изъ Бородина отъ безрукаго къ безногому инвалиду» [6]), и наконецъ его письмо отъ 1837 г. изъ Пятигорска къ одному студенту [7]). Здѣсь цѣлый катихизисъ самыхъ крайнихъ ортодоксальныхъ взглядовъ на государство и общество. Здѣсь Бѣлинскій категорически признаетъ высокій

---

5) Соч. Бѣлинскаго, т. 3, стр. 205.

6) Соч Бѣлинскаго, т. 3, стр. 261.

7) А. Н. Пыпина, В. Г. Бѣлинскій. Опытъ біографіи. «В. Европы». 1874, кн. 6, стр. 619.

священный смыслъ за всякимъ историческимъ фактомъ и явленіемъ, откровенно заявляя, что «дѣло человѣка сознавать дѣйствительность, а не творить ее». Бѣлинскій бичуетъ съ ожесточеніемъ всѣхъ людей, «ясновидѣнію которыхъ не открыта глубина и внутренняя сущность дѣйствительности», и предостерегаетъ своихъ читателей противъ «непризнанныхъ опекуновъ человѣческаго рода», противъ заграничныхъ крикуновъ, думающихъ несогласно съ выраженными патріотическими взглядами... Въ статьѣ о Менцелѣ [8]), какъ и въ статьяхъ о Бородинскомъ сраженіи, Бѣлинскій возстаетъ противъ всякаго индивидуальнаго вмѣшательства въ «міродержавный ходъ исторіи» и съ негодованіемъ обрушивается на людей, которымъ «не слышна музыка сферъ», которымъ не понятенъ этотъ «гармоническій хоръ» событій, направляющихся по неизмѣннымъ законамъ и въ несмущаемомъ теченіи къ высокой цѣли, предустановленной отъ вѣка». Въ письмѣ изъ Пятигорска къ одному студенту, котораго желалъ ввести въ «свои понятія», Бѣлинскій пишетъ: «Есть между людьми братство, о которомъ проповѣдовалъ Христосъ; есть между ними родство, основанное на любви и стремленіи къ Богу, а Богъ есть любовь и истина. Чтобъ твое счастье не было нарушено, надо тщательнѣе всего охранять свой внутренній міръ отъ всякаго соприкосновенія съ преходящими интересами дня... Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой по-

[8]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 285.

литики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ» [9]).

Вторая половина письма имѣетъ уже чисто политическій характеръ и посвящена страстной защитѣ русской дѣйствительности 30-хъ г.г., при чемъ авторъ весьма искусно присоединяетъ нѣкоторыя положенія славянофильскаго ученія, въ особенности идею объ «особомъ жребіи» Россіи, о непригодности для нея европейскихъ формъ свободы и гражданственности, хотя тутъ же возстаетъ противъ идеализаціи до-Петровской Россіи. Затѣмъ Бѣлинскій, защищая отдѣльныя явленія въ нашей дѣйствительности 30-хъ г.г., доказываетъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ свой смыслъ, свою разумную причину, и въ концѣ концовъ приводитъ къ наилучшему результату. Онъ одабриваетъ правительство по отношенію къ крестьянскому вопросу, оправдываетъ тогдашнюю цензуру, которая воздерживаетъ общество отъ вмѣшательства въ правительственныя дѣла. Итакъ, заключаетъ онъ, оставимъ итти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро; что ложь есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому [10]).

Между мыслями, высказанными Бѣлинскимъ въ указанныхъ статьяхъ, и «Перепиской» Гоголя поразительное сходство — въ стремленіи достиженія общаго блага путемъ личнаго совершенствованія и путемъ — погруженія въ самого себя. Если бы Гоголь зналъ о болѣе раннихъ взглядахъ Бѣлинскаго на затрагиваемые имъ

---

[9]) Ibid. «В. Евр.» 1874, кн. 6, стр. 621.
[10]) «Вѣст. Евр.» 1874, кн. 6, стр. 624.

религіозные и общественные вопросы, то онъ не сокрушался бы напрасно и не оправдывался бы отъ нападокъ Бѣлинскаго. Въ свою очередь и Бѣлинскій, если бы вспомнилъ о своей системѣ квіетизма и о своихъ ортодоксально-консервативныхъ общественныхъ взглядахъ, то съ меньшимъ несомнѣнно азартомъ набросился бы на Гоголя. Итакъ, эти qui pro quo возникли несомнѣнно на почвѣ недоразумѣній, а потому и останавливаться на нихъ долѣе мы не будемъ. Теперь перейдемъ къ самой повѣсти авторства и разсмотримъ прежде всего, насколько правдиво излагаетъ ее самъ Гоголь.

Гоголь говоритъ, что причина веселости, проявившейся въ его первоначальныхъ произведеніяхъ, лежала въ душевной потребности—въ припадкахъ тоски отъ болѣзненнаго состоянія. «Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза» [11]). Это заявленіе прежде всего противорѣчитъ его собственному признанію, высказанному въ той «Исповѣди»: «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ» [12]) И дѣйствительно, мы знаемъ изъ писемъ его къ матери, какъ старательно и какъ настойчиво онъ собиралъ свѣдѣнія и матеріалы, относившіеся къ малороссійской жизни. Такимъ образомъ тщательно собираемый матеріалъ для художественнаго

[11]) Ibid. стр. 248.
[12]) Ibid., стр. 256.

воспроизведенія малороссійской жизни, самая усидчивость при собираніи этого матеріала и особый интересъ къ малороссійской жизни показываютъ, что все это дѣлалось не для одной забавы и веселья, что также противорѣчитъ заявленію Гоголя. Если въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя замѣчается дѣйствительно много забавнаго и веселаго, то это объясняется самой сущностью того матеріала, который положенъ въ основу повѣстей, т. е. характеромъ самой жизни малороссіянъ, этихъ потомковъ самоотверженныхъ, неустрашимыхъ рыцарей, на знамени которыхъ было всегда начертано: защита вѣры и отчизны. При столкновеніяхъ столь высокаго идеала съ жалкой и суровой дѣйствительностью, смягчаемой при этомъ нѣжностью малороссійской природы, и выработался тотъ спокойный философскій юморъ, который проникаетъ всю малороссійскую жизнь и малороссійское творчество. Этимъ же юморомъ былъ проникнутъ и самъ Гоголь, какъ малороссъ по происхожденію. Этотъ же всепроникающій юморъ и придаетъ сюжетамъ изъ малороссійской жизни колоритъ веселости и забавности. Но спрашивается, для чего понадобилось самому Гоголю обезцѣнивать свои раннія произведенія указаніемъ на свое болѣзненное состояніе, какъ на причину ихъ появленія. Извѣстно, что малороссійскій юморъ, лежавшій въ основѣ природы Гоголя, при столкновеніи съ нѣкоторыми сторонами россійской дѣйствительности выродился въ комико-сатирическое направленіе, которое съ особенной силой выразилось въ его «Ревизорѣ». Проявившійся здѣсь злой смѣхъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе [13]). Чтобы ослабить силу этого впечатлѣнія, чтобы нѣсколько оправдать свой безпощадный смѣхъ,

[13]) Ibid., стр. 249.

который осмѣивалъ не только недостатки, но и человѣка, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только всего человѣка, но и мѣсто, и должность, которую онъ занимаетъ. [15]) Гоголь, потрясенный этими нападками, и указываетъ на генезисъ этого злого смѣха съ тѣмъ невиннымъ смѣхомъ, въ основѣ котораго лежала психическая потребность врачевать недуги своего болѣзненнаго духа.

Далѣе Гоголь говоритъ, что онъ началъ писать «Мертвыя Души», не опредѣливши себѣ обстоятельно плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой, [16]) и лишь впослѣдствіи пришелъ къ мысли о необходимости плана съ сознательно общественною цѣлью для того, чтобы достойно послужить обществу.

Здѣсь также замѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія. По признанію самого Гоголя сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» былъ данъ ему Пушкинымъ, который находилъ при этомъ, что сюжетъ этотъ для Гоголя тѣмъ хорошъ, «что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ» [17]). Такимъ образомъ характеръ самаго сюжета, полная свобода выполненія даннаго сюжета обусловливали собою полную свободу плана и даже отсутствіе всякаго плана, такъ какъ первоначальная цѣль произведенія заключалась лишь въ обрисовкѣ разнообразныхъ русскихъ характеровъ. Но нельзя сказать, чтобы при самомъ началѣ писанія «Мертвыхъ Душъ»,

[14]) Ibid., стр. 252.
[15]) Ibid, стр. 252.
[16]) Ibid. стр. 250.
[17]) Ibid., стр. 250.

при полномъ отсутствіи плана, у Гоголя не было сознательно—общественной цѣли. Художественное воспроизведеніе въ типахъ и образахъ русской жизни, хотя бы отрицательной ея стороны, есть уже вполнѣ сознательная цѣль, есть уже высокая общественная задача. Да и самъ Гоголь далѣе заявляетъ, что, какъ только онъ почувствовалъ, что на поприщѣ писателя можетъ сослужить также службу государственную, онъ бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общество близкихъ душѣ его людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что онъ былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей [18]). Къ сожалѣнію, Гоголь не опредѣлилъ точно, когда впервые почувствовалъ, что на поприщѣ писателя онъ сможетъ сослужить общественную службу. Но намъ извѣстно, что отъѣздъ его за границу падаетъ на середину 1836 года [18]), а началъ онъ писать свои «Мертвыя Души» 7-го октября 1835 г. [19]). Такимъ образомъ сознаніе своей высокой задачи и своего общественнаго значенія у Гоголя совпадаетъ почти съ началомъ писанія «Мертвыхъ Душъ». Но болѣе глубокая разработка программы для выполненія высокой общественной задачи съ самоуглубленіемъ въ себя, въ природу человѣка вообще и въ природу русскаго человѣка въ частности, о чемъ идетъ рѣчь далѣе въ его авторской повѣсти, относится очевидно не къ 1-й ч. «Мертвыхъ Душъ», а ко 2-й. Такимъ образомъ въ его авторской повѣсти мы видимъ значительный скочокъ, и всѣ дальнѣйшія объясненія относятся къ тому

[18]) Соч. Гоголя, т. VI, стр. 609.
[19]) Соч. Гоголя, т. VII, стр. 485.

моменту, когда въ его психической жизни произошелъ переломъ, когда возгорѣлъ онъ особой жаждой добра и общественной пользы; когда предъ нимъ предстала новая задача—отобразить и художественно отпечатлѣть истинно-русскія коренныя свойства и при томъ такія высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо. Словомъ, вся эта новая задача и новая программа относится уже къ начальнымъ 40 мъ годамъ, когда 1-я ч. «Мертвыхъ Душъ» была уже готова къ печати. Впрочемъ самъ Гоголь заявляетъ далѣе въ авторской повѣсти, что и первая часть «Мертвыхъ Душъ» заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходного состоянія его собственной души, когда еще не вполнѣ отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться [20]). Что касается насъ, то мы совершенно не замѣчаемъ въ 1 й ч. «Мертвыхъ Душъ» этого переходнаго состоянія души Гоголя, за исключеніемъ развѣ извѣстнаго воззванія къ читателямъ, въ предисловіи ко 2-му изданію 1 й ч. «Мертвыхъ Душъ», которое относится уже къ болѣе поздему времени. Итакъ, переходное состояніе души началось съ 40-хъ г.г., а съ нимъ открылись и новыя задачи, и новая программа. Передъ этой новой задачей Гоголь, повидимому, сталъ втупикъ. Ему понадобилось для этой задачи самоуглубленіе и самоусовершенствованіе, анализъ своей души и души человѣческой вообще. На этомъ пути онъ пришелъ ко Христу, полному вѣдателю души и источнику жизни [21]). Совершивъ нѣсколько экскурсовъ въ область духа и сдѣлавши нѣсколько наблюденій надъ своей душой, Гоголь перешелъ къ изученію души русскаго человѣка съ

---

[20]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 255.

[21]) Ibid., стр. 255.

тѣмъ чтобы въ художественномъ изображеніи предсталъ весь русскій человѣкъ съ его достоинствами и недостатками. Но тутъ-то и произошло странное обстоятельство. Пребывая въ Россіи, Гоголь не могъ изучить ея, такъ какъ она въ головѣ его разсѣивалась и разлеталась [22]). Разъѣзды по Россіи писателя, живущаго, по увѣренію многихъ, для осмѣянія всего, тоже ни къ чему бы не повели. А между тѣмъ окружающая дѣйствительность нарушала высоконастроенное и спокойное состояніе духа, необходимое для большого труда [23]). И кромѣ того, у него было невольное влеченіе въ чужіе края, чтобы тамъ воспитаться, вдали, для службы отчизнѣ [24]). И вотъ, создавши себѣ новую, высокую задачу, Гоголь и отправляется въ чужіе края осуществлять её. Но въ скоромъ времени обнаруживается, что все то, на что возлагалъ Гоголь большія надежды, оказалось недостаточнымъ для осуществленія его задачи. Ни заграничное уединеніе, ни самоуглубленіе и самоанализъ, ни самоусовершенствованіе—не помогли ему достигнуть преслѣдуемой цѣли. У него не оказалось для этого достаточнаго матеріала, недоставало духовной статистики Россіи. И вотъ Гоголь принимаетъ самыя энергичныя мѣры, чтобы таковой матеріалъ добыть для себя. Съ этой цѣлью онъ пишетъ воззваніе къ читателямъ въ предисловіи ко 2-му изданію 1 т. «Мертвыхъ Душъ», прося матеріаловъ. Даже самимъ началомъ «Мертвыхъ Душъ», т. 1-й ч. Гоголь разсчитывалъ вызвать у публики—желаніе писать собственныя записки и обращеніе на самихъ себя [25]).

[22]) Ibid., стр. 262.
[23]) Ibid., стр. 259.
[24]) Ibid., стр. 260.
[25]) Ibid., стр. 258.

Далѣе, съ тою же цѣлью собиранія нужнаго матеріала Гоголь издаетъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», разсчитывая расшевелить русское общество возбужденіемъ злободневныхъ вопросовъ. Но нужные матеріалы не приходили, и Гоголь принужденъ былъ прекратить свою литературную дѣятельность [26]). Здѣсь страннымъ представляется слѣдующее обстоятельство. Когда Гоголь приступалъ къ I ч. «Мертвыхъ Душъ», гдѣ выставлены преимущественно тѣ низкія свойства русской природы, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены, онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ особеннымъ мѣрамъ: ни къ разъѣздамъ по Россіи, ни къ особенному уединенію, ни къ самоуглубленію ни къ самоусовершенствованію, ни къ посторонней помощи. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ I ч. «Мертвыхъ Душъ» русская жизнь затронута была лишь поверхностно, лишь слегка. Наоборотъ, пошлость тогдашней русской дѣйствительности задѣта здѣсь весьма глубоко и изображена правдиво и весьма рельефно, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ [27]). Правда, не всѣ выставленныя здѣсь черты составляютъ типическую особенность одной лишь русской природы; правда и то, что не все низкое въ русской природѣ собрано въ этой части «Мертвыхъ Душъ», но очевидно, что изображеніе отрицательныхъ сторонъ русской жизни легче далось Гоголю. Для этого оказалось достаточно у него и таланта, и наблюдательности, и художественнаго чутья. Для изображенія же положительныхъ сторонъ русской жизни понадобились какія-то экстренныя, чрезвычайныя мѣры. Итакъ, слѣдуетъ допустить, что у него или

[26]) Ibid., стр. 269—270.

[27]) Соч. Гоголя, т. VII, стр. 498.

дѣйствительно ослабѣла въ это время творческая способность, о чемъ онъ самъ заявляетъ [28]), или же изображеніе идеальныхъ, положительныхъ сторонъ жизни менѣе доступно было его таланту. Въ самомъ выполненіи поставленной имъ задачи страннымъ представляется пріемъ обращенія къ публикѣ за доставкой нужнаго матеріала. Неужели самъ Гоголь считалъ такой пріемъ цѣлесообразнымъ, и неужели онъ дѣйствительно полагалъ, что такъ легко наблюдать и подмѣчать коренныя свойства русской природы, что всякій читатель изъ публики можетъ взяться за эту задачу.

А между тѣмъ Гоголь навязывалъ публикѣ непосильную задачу и жаловался, что не получилъ никакихъ откликовъ. И выходило, что Гоголь изъ роли обвиняемаго какъ бы желалъ перейти къ роли обвинителя и той самой публики, которая упрекала его въ изображеніи одной лишь пошлости жизни,—желалъ бросить упрекъ въ томъ, что сама же публика виновата въ томъ, что онъ не изображаетъ идеальныхъ сторонъ, такъ какъ для этого нужны новые матеріалы, а матеріаловъ публика не доставляетъ. Такой пріемъ собиранія матеріала о Россіи для раскрытія коренныхъ свойствъ русскаго народа тѣмъ болѣе страненъ, что Гоголь находился въ близкихъ и даже пріятельскихъ отношеніяхъ съ лицами, замѣчательными и весьма характерными въ смыслѣ коренныхъ свойствъ русской природы, какъ-то: съ Аксаковыми, Вильгорскими, Толстыми, Сологубами, Смирновыми, Хомяковымъ, Самаринымъ, Жуковскимъ, Погодинымъ, Шевыревымъ, Плетневымъ, Языковымъ, Шереметьевой и мн. другими. Если эти лица не могли дать достаточнаго матеріала для его наблюденія, то страннымъ

---

[28]) Ibid, стр. 270.

представляется, почему Гоголь не прибѣгъ въ данномъ случаѣ къ тому пріему, какой онъ, между прочимъ, употребилъ для изученія малорусской жизни, т. е. къ народнымъ произведеніямъ и народной поэзіи, съ одной стороны, и къ историческимъ дукументамъ, съ другой. Если же у него было сильное влеченіе къ современности, о чемъ онъ самъ заявляетъ, [29]) то для этого вполнѣ достаточно было той глубокой и пристальной наблюдательности, какою Гоголь располагалъ еще съ молодости, и того общенія, къ которому имѣлъ постоянное душевное влеченіе.

Когда у Гоголя родилось желаніе знать Россію, онъ захотѣлъ прежде всего опредѣлить себѣ всякую должность, всякое сословіе, всякое мѣсто и всякое званіе въ государствѣ, для чего и завелъ знакомства и переписку съ такими людьми, которые могли сообщить ему необходимое [30]). Въ «Перепискѣ», по словамъ Гоголя, помѣщено нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и къ разнымъ должностнымъ лицамъ не затѣмъ, чтобы съ нимъ согласились, но чтобы опровергнули его приведеніемъ анекдотическихъ фактовъ [31]). «Но вмѣсто дѣлъ, жалуется Гоголь, интересныхъ для всякаго русскаго человѣка, и нашихъ русскихъ вопросовъ занялись моей собственной личностью» [32]). Но спрашивается, какихъ интересныхъ дѣлъ и русскихъ вопросовъ коснулся Гоголь въ своей «Перепискѣ» и какихъ опровerженій онъ ожидалъ? Мы знаемъ, что Гоголь касался здѣсь слѣдующихъ вопросовъ: 1) о томъ, какое прав-

[29]) Ibid., стр. 259.
[30]) Ibid., стр. 256.
[31]) Ibid., стр. 257.
[32]) Ibid., стр. 257.

ственное вліяніе можетъ имѣть женщина на общество; 2) о значеніи церкви и о томъ, какое вліяніе можетъ имѣть духовенство на народъ; 3) нравоученія помѣщику, касающіяся его отношеній къ крестьянамъ; 4) нравоученіе женамъ, касающееся отношеній къ мужу и домашнему распорядку; 5) о томъ, какъ намъ бываетъ нужна публичная, дѣнная въ виду всѣхъ, оплеуха; 6) что такое губернаторша, и какъ полезна можетъ быть ея сфера дѣятельности; 7) о томъ, какъ нужна христіанская мудрость занимающему важное мѣсто. Неужели же всѣ эти вопросы составляли въ то время такой существенный интересъ нашей русской жизни что требовали общественнаго обсужденія и немедленнаго рѣшенія.

Мы знаемъ, что то время выдвигало болѣе существенные вопросы, которыхъ Гоголь совершенно не коснулся, а именно: 1) вопросъ о чрезмѣрномъ развитіи бюрократіи, 2) о поголовномъ взяточничествѣ, о причинахъ и мѣрахъ къ его искорененію, 3) о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью; 4) о положеніи крестьянъ, 5) о народномъ просвѣщеніи и т. п. Если выдвинутые вопросы Гоголемъ были не существенны, то онъ былъ не правъ, требуя публичнаго ихъ обсужденія, а самая постановка вопросовъ и самая форма, въ какой они были предложены (въ видѣ морали и нравоученія) была такова, что не только не требовалось опроверженія, а ожидалось лишь безпрекословное соглашеніе. Не удивительно послѣ этого, что вмѣсто дѣлъ занялись его личностью.

Такъ какъ вмѣсто насущныхъ вопросовъ русской жизни Гоголь коснулся мелкихъ вопросовъ, выступивъ при этомъ въ роли проповѣдника и моралиста, то естественно было коснуться его личности, чтобы опредѣлить его права на эту роль.

Далѣе Гоголь пишетъ, что онъ пробылъ въ первую поѣздку за границей всего три дня и возвратился обратно на томъ же пароходѣ [33]). Здѣсь явная неточность [34]) такъ какъ изъ его писемъ къ матери видно, что Гоголь пробылъ первый разъ за границей не три дня, а болѣе мѣсяца, и возвратился, очевидно, на другомъ пароходѣ. Эта неточность допущена Гоголемъ съ очевидной цѣлью показать, что онъ никогда не имѣлъ влеченія и страсти къ чужимъ краямъ [35]), а, если отправлялся туда и жилъ тамъ подолгу, то дѣлалъ это вслѣдствіе крайней необходимости, чѣмъ и желалъ оправдаться въ упрекахъ, что онъ стремился знать Россію внѣ России [36]).

Далѣе Гоголь говоритъ, что «Перепиской» онъ думалъ заплатить за долгое молчаніе [37]), но при этомъ не сообразилъ, что обращеное къ нѣкоторымъ друзьямъ примутъ на свой счетъ [38]). Предположимъ, что эти письма предназначались дѣйствительно къ его близкимъ друзьямъ и не были мистификаціей, т. е. не были отдѣльными статьями, написанными на спеціальныя темы. Какимъ, спрашивается, образомъ Гоголь могъ возмѣстить свое долгое молчаніе опубликованіемъ частныхъ писемъ къ друзьямъ? Вѣдь публика ожидала отъ него въ это время 2-го т. «Мертвыхъ Душъ», слѣдовательно, ожидала художественнаго произведенія съ глубокимъ общественнымъ значеніемъ, съ высокими на-

---

[33]) Ibid., стр. 261.

[34]) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, т. I, стр. 130.

[35]) Ibid., стр. 260.

[36]) Ibid , стр. 259.

[37]) Ibid., стр. 265.

[38]) Ibid., стр. 264--65.

родными идеалами, а взамѣнъ этого получила «Переписку» съ пустыми разсужденіями и благочестивыми размышленіями. Какъ же иначе должна была отнестись публика, какъ не съ осужденіемъ и порицаніемъ? На основаніи «Переписки» та же публика естественно пришла къ заключенію, что Гоголь, какъ художникъ, погибъ. А между тѣмъ у Гоголя отъ упрековъ опустились руки, и онъ задалъ невольно вопросъ, долженъ ли онъ продолжать далѣе свою литературную дѣятельность [39]). Но, пока онъ выяснялъ себѣ этотъ вопросъ, почувствовалъ, что у него отнялась способность писать, у него взамѣнъ этого возгорѣлось желаніе служить И вотъ за благословеніемъ на вступленіе на новое поприще онъ и отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе Святымъ мѣстамъ [40]). Здѣсь также неточность.

Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 29 декабря 1847 г., 10 января 1848 г., которое онъ желалъ при второмъ изданіи «Переписки» вставить вм. завѣщанія, Гоголь говоритъ, что онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ съ тою цѣлью, чтобы, укрѣпивши душу и собравшись съ силами, снова приняться за «Мертвыя Души», которыми хочетъ заняться крѣпко [41]), а въ «Перепискѣ» заявляетъ, что онъ писать болѣе не можетъ и ѣдетъ за благословеніемъ на новое поприще (службу).

Итакъ, отвѣчая на поставленный вопросъ, насколько правдива повѣсть авторства, изложенная Гоголемъ въ такъ называемой «Авторской Исповѣди», мы замѣчаемъ, что въ ней много неточностей и противорѣчій, которыя произошли по большей части отъ вынужден-

---

[39]) Ibid., стр. 265.
[40]) Ibid., стр. 274.
[41]) Ibid., стр. 283—284.

ной роли защитника—противъ тѣхъ упрековъ и обвиненій, которые вызваны были въ современной ему литературѣ «Перепиской съ друзьями». Въ виду же замѣченныхъ и указанныхъ нами неточностей и даже противорѣчій нельзя, по нашему мнѣнію, придавать «Авторской Исповѣди» такое важное значеніе, какое придаютъ ей наши біографы и изслѣдователи, ссылаясь на нее, какъ на безаппелляціонную инстанцію, какъ на непогрѣшимый документъ.

Теперь отвѣтимъ на вопросъ, насколько удовлетворителенъ былъ отвѣтъ Гоголя на запросъ читателей, почему онъ измѣнилъ своему прежнему направленію. Гоголь отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: «Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Я употреблялъ всѣ силы держаться на своемъ поприщѣ и придумывалъ всѣ средства для продолженія работы, не имѣя въ мысляхъ оставить званіе писателя. Но я не могъ работать, такъ какъ не могъ достать всего того, что мнѣ было нужно. Мнѣ тяжело отказаться отъ писательства, такъ какъ оно составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій. Но при этомъ у меня отнялась способность писать» [42]). Итакъ, смыслъ сказаннаго сводится къ слѣдующимъ мыслямъ: Гоголь не измѣнялъ своему направленію, а пріостановилъ свою литературную дѣятельность за недостаткомъ матеріаловъ и творческихъ силъ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Гоголь очевидно имѣлъ въ виду «Переписку съ друзьями» и упреки, посыпавшіеся по поводу ея. Не будь этой «Переписки», публика терпѣливо ожидала бы продолженія трудовъ и не посылала бы ему упрековъ въ измѣнѣ прежнему направленію, а Гоголю не пришлось бы оправдываться въ томъ, что онъ погибъ для искусства.

[42]) Idid., стр. 255. 269, 270.

Отсутствіе литературной производительности еще нисколько не говорило объ измѣнѣ направленію, а появившіяся въ печати письма, предназначенныя при томъ для близкихъ друзей и казавшіяся полезными и для большой публики, ни въ коемъ случаѣ не могли стать въ уровень съ художественными литературными произведеніями и не имѣли того громаднаго значенія, какое придала имъ публика, а затѣмъ самъ Гоголь. Вопросы, затронутые Гоголемъ въ «Перепискѣ», также, какъ мы видѣли выше, не имѣли глубокаго общественнаго значенія, а удовлетворяли скорѣе частнымъ интересамъ. Слѣдовательно, при обсужденіи характера литературной дѣятельности Гоголя совершенно напрасно придано рѣшающее значеніе этой «Перепискѣ» какъ публикой, такъ и Гоголемъ; что Гоголь не измѣнялъ своему художественно-литературному направленію, это лучше всего доказывается его «Мертвыми Душами», надъ вторымъ томомъ которыхъ онъ трудился до самой смерти. Но, къ сожалѣнію, Гоголь не передалъ намъ непосредственно въ руки своего многострадальнаго дѣтища, не постѣснился сжечь его передъ самой смертью, какъ сжигалъ его раньше нѣсколько разъ. Вмѣстѣ съ сожженіемъ своего многолѣтняго труда Гоголь оставилъ намъ много темныхъ, невыясненныхъ вопросовъ въ исторіи своего авторства, касающихся исторіи созданія и сожженія 2 т. «Мертвыхъ Душъ», и въ этомъ отношеніи далъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на запросъ читателей, выдвинутый имъ въ такъ называемой «Авторской Исповѣди».

В. Мочульскій.

1903 г.
января 9-го дня.
Одесса.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Къ этимологіи русскихъ словъ: кметь, хвать, корецъ и зга.

Кьметь. Въ древнерусскихъ памятникахъ нерѣдко встрѣчается слово кьметь или кметь, кмѣть и производныя отъ него: кьметьство, прил. кметящь. Изъ живыхъ говоровъ Россіи слово это сохранилось въ малорусскомъ языкѣ (и то, кажется, путемъ заимствованія изъ польс. kmieć), гдѣ кметъ значитъ слуга, мужикъ (Закревскій: «Старосвѣтскій Бандуриста», стр. 364). Изъ другихъ славянскихъ языковъ слово это встрѣчается въ чешскомъ (др.-чеш. kmet—глава челяди; kmeti—senes), польскомъ (kmieć), болгарскомъ и сербскомъ, съ нѣсколько различными значеніями. На древне-русской почвѣ слово кметь «имѣло значеніе мужа, какъ воина, взрослаго человѣка» (Потебня, «Фил. Зап.», 1877, вып. II, стр. 8); И. И. Срезневскій переводитъ его словомъ витязь («Матер. для слов. др.-рус. яз.»).

И. И. Срезневскій выводилъ это слово изъ средневѣковаго латинскаго comes («Рус. Фил. Вѣстн.», т. I, стр. 10). Такого же мнѣнія держался первоначально и Миклошичъ (Die Fremdworter in d. Slas. Spr), но послѣ отказался отъ него (Etymol. Wb. d. Slav. Spr.), не предложивъ однако новой этимологіи. Другихъ этимологій слова кметь (кромѣ явно невѣрной: изъ греч. κωμήτης) мы не знаемъ.

Намъ представляется возможнымъ видѣть здѣсь тотъ же корень, что и въ словахъ: мѣта, мѣтить,

плюсъ префиксъ—предлогъ *къ*. Такимъ образомъ, и корню—и вмѣстѣ по значенію—слово это приближалось бы къ прилагательнымъ: замѣтный, замѣчательный. Русское значеніе слова вполнѣ согласно съ этимъ; въ Кормчей 1282 года прилаг. кметищи противополагается выраженію «простыхъ людей» (Буслаевъ, «Истор. Христ.», стр. 385; мѣсто въ первой Новгор. лѣтописи по синодальному списку: «и паде головъ о стѣ къметьства», въ академ. спискѣ читается: «головъ сто добронмянитыхъ» (Цитуемъ по Лавровскому, Выборъ словъ etc., въ Матер. т. II); «а мои ти куряни свѣдоми къмети» въ Словѣ о полку Игоревѣ проф. Потебня переводилъ: «извѣстные удальцы» (Фил. Зап.», 1877, вып. V—VI, стр. 25), какой переводъ вполнѣ согласенъ съ дальнѣйшимъ контекстомъ рѣчи («подъ трубами повити» и т. д.). Что касается до словообразованія, то аналогичное явленіе мы можемъ указать въ словѣ медвѣдь, гдѣ вторая часть слова также образована безъ всякаго суффикса отъ односложнаго глагольнаго корня и имѣетъ то же окончаніе. Предлогъ *къ* въ качествѣ префикса встрѣчается, хотя и не часто; напримѣръ: къвредие—προσπάθεια, пристрастіе (Срезневскій, «Матер. для слов.»); кромѣ того, предлогъ *къ* можно видѣть и въ префиксѣ *ко*, какой мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ словѣ конура (Миклошичъ производитъ это слово отъ одного корня съ словомъ нора, что конечно вѣрнѣе предположенія Даля, будто конура = лат. camera), кобра (пригоршня) корыто и т. п.

Предлогъ *къ* встрѣчается въ славянскихъ языкахъ въ двухъ формахъ: *къ* и *к* (безъ *ъ*; см. Миклошичъ, Etym. Wb.); отсюда понятно, почему рядомъ съ къметь мы встрѣчаемъ форму кметь.—Корень мѣт—имѣетъ

ѣ, но рядомъ встрѣчается родственный корень мет—; рядомъ съ мѣта (мр. міта) признакъ, мы имѣемъ мр. мета—цѣль—и вр. смётка, сметливый. Эту последнюю форму корня мы и должны предположить для слова кметь, гдѣ гораздо чаще наблюдается написаніе съ е, а не съ ѣ.

Хватъ. Шведскій ученый Фр. Таммъ (въ Upsala Universitets Årsskrijt 1882 года) считалъ русское слово хватъ заимствованнымъ изъ скандинавскихъ языковъ: исландск. hvatr, др.-сакс. hwat; и русскій академикъ Я. Гротъ соглашался въ этомъ съ г. Таммомъ («Фил. Зап.», 1883 г., вып. III, стр. 8). Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ въ данномъ случаѣ русскій человѣкъ полѣзъ за словомъ въ карманъ ко шведу, когда у него дома было точно такое же слово. Гротъ пишетъ, что «значеніе слова хватъ довольно далеко отъ понятія хватать», но мы имѣемъ очень близкое по значенію слово ухватка (хватъ можно опредѣлить, какъ «человѣкъ съ особенными, выдающимися ухватками»), которое конечно древнѣе совсѣмъ новаго слова хватъ и, безъ сомнѣнія, не заимствовано; срв. также народное выраженіе (много разъ слышанное нами въ Вятской губерніи): «хвати-ко его голой-то рукой!» (т.-е., это не свой братъ, его не проведешь!). Что касается до образованія слова, то хотя и вѣрно, что «имена дѣятелей рѣдко образуются отъ одного коренного слога глагола безъ другого суффикса» (и тутъ мы имѣемъ сватъ отъ сватать, если только это не отыменный глаголъ, чтó мало вѣроятно),—но новое слово могло быть создано просто по аналогіи съ массою другихъ односложныхъ словъ на—*атъ* и прежде всего съ словомъ у-хватъ (при всей отдаленности значеній, это слово могло сближать промежуточное ухватка—

манера); изъ другихъ подобныхъ назовемъ: братъ, сватъ, кладъ (произносится, конечно, к л а т; по значенію срв.: «не человѣкъ, а к л а д ъ!»).

Корецъ. Польскій словарникъ Л и н д е, а за нимъ русскій изслѣдователь М. Ш а п и р ъ («Филол. Зап.», 1873 г., вып. I, стр. 11) считали славянскія слова к о р ъ, к о р е ц ъ древне-еврейскимъ словомъ, оставшимся безъ перевода въ греческой и славянской библіи и отсюда перешедшимъ въ славянскіе языки. Если бы это было правда, то мы имѣли бы передъ собою прекрасный образчикъ того громаднаго вліянія, какое имѣлъ церковно-славянскій и, въ частности, библейскій языкъ на лексику нашихъ предковъ. Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Невозможно представить, чтобы чужое, к н и ж н о е слово такъ глубоко укоренилось въ цѣломъ рядѣ народныхъ языковъ. Кромѣ др.-церк.-слав., слово к о р ъ—к о р е ц ъ встрѣчается въ чешскомъ, польскомъ, сербскомъ и полабскомъ языкахъ. Въ Россіи его мы находимъ въ малорусскомъ (к о р е ц ь, к ӥ р е ц ь= ковшикъ), бѣлорусскомъ (к о р é ц ъ 1) ковшъ; 2) литовская мѣра) и въ массѣ великорусскихъ говоровъ (укажемъ на Сибирь и Олонецкую губернію (Этн. Сборн., т. VI, статьи П о т а н и н а, стр. 49 и Р ы б н и к о в а, стр. 10); извѣстно также обычное заключеніе народныхъ сказокъ: «сказкѣ конецъ, а мнѣ меду к о р е ц ъ».

Корень слова к о р е ц ъ, вѣроятно, тотъ же, чтó и въ словѣ—к о р а; и въ настоящее время можно встрѣтить въ народѣ ковшики, сдѣланные изъ береста (дѣлаются обыкновенно на случай, въ пути, когда нѣтъ другой посудины для питья). Возможно, что оно сродни также слову к о р ч а г а (др.-церк.-слав. к р ъ ч а г ъ) и к о р ы т о (если только послѣднее не происходитъ, чтó гораздо вѣроятнѣе, отъ корня *ры*,—который мы имѣемъ въ глаголѣ рыть).

Зга (**зги не видать**).—Это слово у насъ принято объяснять изъ предполагаемаго *стьга (стезя); какое объясненіе занесено даже на страницы «Лекцій по исторіи русскаго языка» А. И. Соболевскаго (2 изд., стр. 103).—Безукоризненная съ фонетической точки зрѣнія, этимологія эта плохо вяжется съ значеніемъ слова. Если зга=стезя, ср. стежка,—то выраженіе: темно: зги не видать» почти тавтологично и во всякомъ случаѣ совсѣмъ не отличается тою силою выразительности и неожиданностію сопоставленій (гиперболичностію, если хотите), какія черты являются столь обычными въ русскихъ поговоркахъ и пословицахъ (напомнимъ для примѣра: «изъ блохи голенище кроитъ»,—скупой; «маленькой—подавился валенкомъ»). А такъ какъ рядомъ имѣется также стереотипное выраженіе «свѣту Божьяго не видно!» и другія подобныя,—то «зги не видать», въ смыслѣ дороги не видать, еще болѣе проигрываетъ въ выразительности и смыслѣ, и было бы странно, если бы столь блѣдное выраженіе осталось жить въ народномъ языкѣ послѣ полной утраты своего этимологическаго значенія (подобными переживаніями оказываются всегда очень мѣткія, хлесткія и выразительныя словечки).—Помимо этого, въ словарѣ Даля мы находимъ областное (рязанское) слово згинка, въ значеніи: искра, искорка, крошка; а эти значенія явно родственнаго слова ужъ никакъ нельзя связать съ понятіемъ стези—дороги.

Мы предпочли бы сблизить слово зга съ областнымъ великорусскимъ (сѣверо-восточнымъ) словомъ пазгать (за финское происхожденіе этого слова, возможность чего не исключена, никто—сколько намъ извѣстно—не высказывался), считая послѣднее сложнымъ изъ па и згать. Видѣть въ первомъ слогѣ этого глагола

извѣстный старинный предлогъ па—нѣсколько мѣшаетъ удареніе, которое префиксъ па—притягиваетъ всегда къ себѣ (срв. па́сынокъ, па́уживать, па́клинокъ и т. п.); однако въ словарѣ Даля мы нашли нѣсколько и другихъ исключеній изъ этого правила: рядомъ съ па́здерить (отъ драть) говорятъ: паздира́ть (намъ извѣстно въ Вятской губерніи село Паздеры́), рядомъ съ па́дчериха—падчеру́ха,—па́золки (отъ зола) и пазо́лки, па́зобникъ (отъ зоба́ть, зобня) и пазобни́ка.

Одно изъ значеній слова пазгать—сильно, ярко горѣть, пылать. Съ этимъ значеніемъ и естественнѣе всего связать слово зга, которое означало бы тогда одно изъ проявленій огня или свѣта. Какое именно? Отвѣтить на это слишкомъ трудно. Вопросъ о первоначальномъ значеніи словъ—вообще одинъ изъ самыхъ темныхъ въ филологической наукѣ. Къ настоящему случаю это относится еще болѣе: слово зга существуетъ въ одномъ только русскомъ языкѣ, и здѣсь значеніе его совсѣмъ забылось.—Дальнѣйшія наши разсужденія будутъ претендовать лишь на гипотетическую вѣрность.

Кромѣ указаннаго значенія, глаголъ пазгать имѣетъ еще три другихъ: 1) расти скоро, вдругъ, не по лѣтамъ (откуда: пазга́ла—верзила, рослый); 2) драть, сдирать; 3) сѣчь, наказывать [1]). Разсматривая эти значенія, мы поражаемся близостію ихъ къ значеніямъ глаголовъ: стега́ть и стеба́ть. Оба послѣдніе глаголы имѣютъ, между прочимъ, значеніе: хле-

---

[1]) Возможно, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ значеній перешли на глаголъ пазга́ть отъ глагола паздирать; эти слова, какъ то можно видѣть изъ словаря Даля, иногда смѣшиваются. Для нашей цѣли это не важно.

стать, сѣчь (въ наказаніе; срв. третье значеніе слова пазгать, совершенно тожественное). Изъ другихъ многочисленныхъ значеній глаголовъ стебать и стегать мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя, общія для обоихъ словъ; это: 1) шить, главнымъ образомъ въ прошивку и 2) быстро итти [2]. Кромѣ того, стебать (какъ намъ лично извѣстно) употребляется въ Воронежской губерніи въ значеніи: быстро говорить *). — Въ виду близости глаголовъ стегáть и стебать по значенію, ихъ едвали не нужно будетъ счесть тожественными; фонетически страннаго перехода г въ б для этой цѣли совсѣмъ предполагать не нужно: возможно примѣненіе къ слову стебель (срв. шугáй и арханг. шубáй: примѣненіе къ шуба?).

Сходство значеній заставляетъ спросить, не въ родствѣ ли съ этими глаголами и глаголъ пазгáть? Фонетически это вполнѣ возможно: па-стегáть, па-стьгáть, па-згáть. При этомъ предположеніи и слово зга могло бы восходить къ тому же *стьга, только не въ значеніи стези, а въ какомъ-либо иномъ.

Многочисленныя значенія глаголовъ: стегать, стебáть и пазгáть имѣютъ одну общую черту; глаголы эти всегда означаютъ дѣйствіе, быстро и ритмически повторяющееся. Въ наиболѣе интересномъ для насъ въ данномъ случаѣ значеніи (слова пазгáть)— пылать, сильно горѣть—эта быстрая ритмическая смѣна можетъ относиться или 1) къ «язычкамъ» пламени

---

[2]) Стегать въ этомъ значеніи мы слышали сами въ Ватской губерніи.

*) Въ Воронеж. губерн. слово «стебать»=бать кнутомъ лошадь: «Што ты принялси стебать (стибать, стябать) лошать-то!»... *Ред.*

(огонь «лижетъ») или 2) къ искрамъ и цѣлымъ снопамъ искръ, которыя одна за другою быстро вылетаютъ изъ сильнаго пламени. Который-нибудь изъ этихъ проблесковъ свѣта и могло первоначально означать слово зга. Въ виду современнаго рязанскаго згинка=искра, искорка, крошка,—мы склонны признать за словомъ зга послѣднее (2) значеніе: искра.

Въ выраженіи: «зги не видно», зга можетъ означать также искру, но съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ. Всякому русскому человѣку извѣстно (изъ нашего чуднаго, въ своей образности и выразительности, языка), что иной разъ у человѣка «искры сыплются изъ глазъ»; къ счастію, это бываетъ рѣдко. Менѣе извѣстно, хотя случается это и гораздо чаще, что у человѣка мелькаютъ въ глазахъ искорки всякій разъ, когда только онъ зажмуриваетъ свои глаза. Это, впрочемъ, скорѣе не искры, а мельчайшія бѣлыя точки, непрестанно колеблющіяся и сплетающіяся въ какіе-то круги и полосы. Изъ разговоровъ съ нѣкоторыми слѣпцами мы убѣдились, что они видятъ эти точки, у нихъ что-то «мелькаетъ въ глазахъ». По нашему мнѣнію, примѣнить къ такимъ слѣпцамъ выраженіе: «ни зги не видитъ», будетъ не совсѣмъ точно [3]). Другіе слѣпцы не видятъ и этихъ точекъ («совсѣмъ отемнѣлъ, какъ будто и глазъ нѣтъ»). Не видно ихъ и въ «непроглядной» тьмѣ, въ черномъ мракѣ иныхъ осеннихъ ночей, когда темнота представляется даже какимъ-то густымъ-густымъ туманомъ, который словно парализуетъ вполнѣ ваше зрѣніе, «застилаетъ глаза».—Если выраженіе: «не видно ни

[3]) Даль (въ словарѣ) приводитъ выраженіе: «Недавно ослѣпъ, а зги не видитъ», которое заставляетъ какъ будто предполагать, что слѣпой и можетъ видѣть згу.

зги», означало нѣкогда именно такую темноту или слѣпоту, тогда это не тавтологическое, блѣдное выраженіе (какимъ было бы: не видно стези), а яркій образъ, полный глубокаго психологическаго смысла; тогда предъ нимъ блѣднѣетъ и проигрываетъ въ своей выразительности и — «свѣту Божьяго не видно», и другія подобныя выраженія.

Зга въ значеніи темень («на дворѣ зга згою». Словарь Даля), никѣмъ до сихъ поръ не подтвержденная, а, напротивъ, казавшаяся уже и прежде маловѣроятною (см. «Филолог. Зап.» 1893 г., вып. V—VI, ст. Бодрова, стр. 9), остается подъ большимъ сомнѣніемъ. —Созвучіе этого слова съ грузинскимъ зга= дорога (ibidem), вѣроятно, совершенно случайное (впрочемъ, фонетическаго родства между стезя и зга отрицать нельзя; какъ относится стезя къ грузинскому зга, намъ совершенно неизвѣстно). —Предположеніе Миклошича (Etymol. Wb. d. Slav. Sprach., стр. 86) о родствѣ слова зга съ корнемъ gŭz – (бр. гжжъ= Oestrus и т. п.) совершенно лишнее.

II.

Къ этимологіи русскихъ словъ: бука, кукишъ, стерлядь, гусь, кожа и нѣкот. другихъ.

Бука. Съ легкой руки протоіерея Сабинина (Матеріалы для сравн. сл. и грам., т. II, стр. 133) слово бýка пошло у насъ за скандинавское, какимъ оно не такъ давно признано и въ словарѣ II отдѣленія Импер. Академіи Наукъ; его производятъ отъ древне норвежскаго бокка—привидѣніе. Намъ такое мнѣніе представляется совершенно ошибочнымъ. Гораздо ближе къ истинѣ, по нашему мнѣнію, этимологія этого слова

данная г. Никольскимъ («Филол. Зап.», 1893 г., вып. V—VI, стр. 61); послѣдній видѣлъ здѣсь звукоподражательный корень бук—, но онъ не указалъ важнѣйшихъ мотивовъ въ пользу такого рода словопроизводства.—Къ этимъ мотивамъ мы и намѣрены перейти.

Бука—одно изъ такъ называемыхъ дѣтскихъ словъ, т.-е. словъ, созданныхъ взрослыми въ подражаніе дѣтскому лепету для разговора съ дѣтьми.—Наше «букой смотритъ» (сердитъ)—лишь позднѣйшее отвлеченіе отъ дѣтскаго слова.—Какъ это очень естественно и понятно, дѣтскія слова отличаются крайнею, можно сказать первобытною, простотою своей структуры; въ частности онѣ характеризуются близостію къ первоначальнымъ проблескамъ человѣческой рѣчи—междометіямъ. Въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣми же междометіями, только нѣсколько видоизмѣненными наподобіе настоящихъ словъ. Таковы, по нашему мнѣнію, слова ляля, коко[1]), и даже: няня, мама, тятя и т. п; каждое изъ нихъ представляетъ собою дважды повторенное междометіе. Другой, очень распространенный въ русскомъ языкѣ типъ дѣтскихъ словъ характеризуется суффиксомъ *ка*, который непосредственно присоединяется также къ междометію. Кыска (кошка; отъ кыс-кыс!), тпрсонька (лошадка), бяка (отъ междометія *бя*, выражающаго отвращеніе), кока (тоже, что коко—яичко), (у)вяка (ревунъ),—

---

[1]) Ко-ко (яичко) образовано, по нашему мнѣнію, отъ звукоподражательнаго междометія кок-кок! (срв. глаголы кокать, чикать,—ударять), чѣмъ напоминается актъ разбиванія яйца. Что касается до ляли (—игрушка), то срв. точно такой же припѣвъ во многихъ пѣсняхъ веселаго тона, а также похожіе припѣвы: люли, лелю etc.

вотъ нѣсколько примѣровъ этого типа [5]. Сюда же мы относимъ и слово бука, гдѣ—*ка* также суффиксъ, а *бу*—звукоподражательное междометіе, означающее всякій шумъ, въ частности, пожалуй, «*бун*чанье» (Напомнимъ, для примѣра, извѣстный каждому русскому грамотею разсказецъ о лисѣ и тетеревѣ: «бу-бу-бу-бу, терентій, я въ городѣ была» и т. д.). Тогда бука означало бы что-нибудь издающее шумъ, скорѣе всего бунчащее насѣкомое, которыхъ такъ боятся маленькія дѣти, и которыми ихъ пугаютъ въ народѣ и до нашихъ дней.—Въ пользу такого толкованія говоритъ и наше букáшка (маленькое насѣкомое), которое является, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ уменьшительнымъ по отношенію къ «дѣтскому» бука. Напомнимъ, что Носовичъ (Бр. словарь) находилъ возможнымъ прямо перевести бр. «дѣтское» бука словомъ букашка, и привелъ очень ясный примѣръ: «бука повзець» (стр. 38). Тоже самое значеніе (насѣкомаго) имѣетъ, кажется, и др. русское слово, встрѣчающееся въ Троицкомъ сборникѣ въ выраженія: «налився аки мѣ҃ до гортані надошася (=наѣдошася?) аки боука. хотя расѣти҃». (Срезневскій, «Матеріалы для др.-рус. сл.», т. I,

[5]) Суффиксъ—ка очень распространенъ въ русскомъ языкѣ, и не въ однихъ лишь дѣтскихъ словахъ. Укажемъ для примѣра: дóка (отъ предлога до, о чемъ см. въ нашей статьѣ въ «Рус. Филол. Вѣстн.» нынѣшняго года: «Семинарскія слова въ русскомъ языкѣ»), владыка, обще-индо-европейское сука (если его сближать съ греч. κύων-κυνό, скр. çvaçunas, лит. szû и т. д.; нужно думать, что этотъ именно суффиксъ, по аналогіи съ основами на а, и послужилъ причиною перехода въ значеніи этого слова къ представителямъ лишь женскаго пола собачьяго міра и т. п.

стр. 192).—Въ явномъ родствѣ съ этими словами др.-рус. бучити, бучати—издавать шумъ («огонь бучитъ», «земля бучаше»—ibid., стр. 195) и современное русское бýчить (бѣлье, деревянную посуду)—названіе особаго рода чистки (мытья), при которой опускаютъ въ воду докрасна нагрѣтыя «чугунйны» (откуда это своеобразное «бученье»—шумъ [6]).

Историко-культурныя данныя также говорятъ въ пользу нашей этимологіи. Привидѣніями и другими объектами мистической вѣры очень рѣдко пугаютъ (пожалуй и совсѣмъ не пугаютъ) дѣтей даже и въ настоящее время, когда вѣра во всякаго рода нечистую силу такъ сильно пошатнулась, а то и совсѣмъ исчезла. При сохраненіи же такой вѣры (что́ необходимо предполагать для времени возникновенія интересующаго насъ слова), носителѣ суевѣрной, миѳической силы, избѣгаютъ даже совсѣмъ называть по именамъ и при необходимости выражаются: онъ, она и т. п. (Срв. «евфемизмъ» грековъ, заставлявшій ихъ называть злыхъ фурій евменидами=благосклонными и т. п.).

Кукишъ и дудки. Мы исходимъ изъ предположенія, что связь слова кýкишъ (въ противоположность синонимическимъ: шишъ и дýля) съ извѣстнаго рода манипуляціями руки чисто внѣшняя и случайная; первоначальное же и основное значеніе слова—отрицатель-

---

[6]) Мы склонны и эти глаголы производить отъ корня бу—, а не бук.—Звукъ к—могъ явиться изъ суффикса бу-ка; срв. сýчить (—сплетничать) отъ су-ка. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, глагольнымъ корнемъ можно считать, конечно, и бук—(равно въ другомъ примѣрѣ сук—). Противъ заимствованія русскими бучки бѣлья у скандинавовъ (см. Словарь II отд.) мы не споримъ, но здѣсь чужое слово слилось съ туземнымъ.

ный и вмѣстѣ насмѣшливый отвѣтъ, отказъ кому-либо въ просьбѣ.—Но, такъ какъ доказать это предположеніе нѣтъ возможности, то и предполагаемая нами этимологія слова можетъ претендовать лишь на гипотетическую вѣрность.

Корень нашего слова мы считаемъ тожественнымъ съ корнемъ словъ: скука, докука, кучиться. Шутливое и полуискусственное образованіе отъ этого корня (по аналогіи съ мякишъ etc.) имѣло бы значеніе въ родѣ: не докучайся, не кучься,—ничего не получишь.

Аналогическимъ образованіемъ представляется намъ другое слово съ тѣмъ же значеніемъ шутливаго отказа—ду́дки. Противъ выведенія его изъ глагола (на) дуть, въ смыслѣ обманывать (срв. продувно́й) едва ли можно что-либо возразить; разница лишь въ томъ, что это слово примѣнилось къ близкому по звукамъ ду́дка (дуда).—Мр. дзусь, дзуськи или является другимъ словомъ, или же примѣнилось къ междометію: усь! Значеніе слова: не надуешь.—Отрицательные отвѣты очень часто претендуютъ на комизмъ и дѣлаются какъ бы на заказъ—полуискусственно.

Сте́рлядь (=Accipenser ruthenus). Намъ неизвѣстно ни одной этимологіи этого слова, если не считать явно невѣрнаго предположенія г. Горяева (Дополненія и поправки къ этимолог. словарю; Тифл. 1901), будто это—латинское (accipiens) stellatus, изъ *sterlatus (севрюга: принадлежа къ одному семейству, онѣ сходны и по удлиненному носу»). Кромѣ всего прочаго, достаточно указать на этотъ фактъ: слово стерлядь существуетъ лишь въ русскомъ языкѣ (тожественныя названія у нѣмцевъ, французовъ и англичанъ взяты изъ русскаго); какимъ же путемъ это «латинское» слово могло проникнуть въ русскимъ?—Часто еще приходится встрѣ-

чать сопоставленія этого слова съ русскимъ названіемъ другой рыбы—осетръ (=accipenser sturio; ц.-слав.—ѥсетръ); но такого рода сближеніе также очень сомнительно съ фонетической точки зрѣнія.

Мы склонны производить стéрлядь отъ общеславянскаго слова стéрво (цер.-славян. стръво, стрьвь). Суффиксъ—ядь обыченъ въ русскомъ языкѣ: срв. пéстрядь, рýхлядь, чéлядь и т. д. *Л* изъ *в* могло легко явиться и фонетическимъ путемъ: срв. сѣверно-великорусское *колда*, *толды*, *завселда* изъ **ковда*, **товда* и т. д.

Эта, невольно и съ перваго раза напрашивающаяся на мысль, этимологія противорѣчитъ, повидимому, значенію слова,—не согласна съ характеромъ рыбы, которая, какъ кажется, даже совсѣмъ и не питается падалью. Это противорѣчіе, вѣроятно, и останавливало изслѣдователей; но оно имѣло бы мѣсто только тогда, если бы въ -ядь мы видѣли не суффиксъ (тотъ же, который въ пестрядь=нѣчто пестрое, площадь=нѣчто плоское и т. п.), а корень глагола ѣсти. При нашей же этимологіи слово стерлядь совсѣмъ не можетъ значить: питающаяся падалью, «стервятникъ» рыбнаго царства или что-нибудь въ этомъ родѣ. Само слово стервя́тникъ необходимо предполагаетъ для своего образованія что-нибудь въ родѣ стервядь (срв. теля́тникъ—отъ телята, куря́тникъ—отъ куря́та и т. п.).—Какъ извѣстно, тонкій вкусъ стерляжьяго мяса сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока рыба жива; «снулая» она сразу же становится совсѣмъ невкусною. Это-то свойство стерляди, которымъ она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ, водящихся въ рѣкахъ Россіи, рыбъ, и послужило—думается намъ—причиною, почему русскій человѣкъ назвалъ ее «стер

видью», т.-е. похожею на падаль (якою, дѣйствительно, и становится эта рыба, какъ только она станетъ «снулою»).

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ русскихъ памятникахъ, насколько намъ извѣстно, стерлядь упоминается впервые въ 1619 г., въ письмѣ царя Михаила Өедоровича къ патріарху Филарету: «Да челомъ, государь, бью вашему святительству осетры да колужку да шоврыгу да стерледи живые, которые ловлены въ Волгѣ при насъ» (см. Ө. Буслаевъ, «Историческая христоматія», стр. 1043).

Гусь (ц.-слав. гѫсь).—Это обще-индо-европейское слово считается обыкновенно (см. Kluge, Etymol. Wb. der deutsch. Spr. изд. 5; Романъ Брандтъ, Замѣчанія на этимолог. слов. Миклошича и др.) на славянской почвѣ заимствованнымъ изъ германскихъ языковъ (нѣм. Gans). Въ пользу такого заимствованія говоритъ необычное въ славянскихъ языкахъ отраженіе палатальнаго gh въ видѣ г (а не з), тѣмъ болѣе на литовской почвѣ мы встрѣчаемся съ правильнымъ соотвѣтствіемъ (żąsis); при индо-европейскомъ *ghans, откуда скр. hánsás, греч. χήν, лат. anser (изъ *hanser), литов. żąsis,—на славянской почвѣ ожидалось бы *зѫсь. — Миклошичъ (Etymol. Wb. d. slav. Sprachen), желая избѣжать необходимости говорить объ этомъ нѣсколько странномъ заимствованіи, высказалъ предположеніе, будто «для литовцевъ начальное gh было палатальнымъ, а для славянъ велярнымъ»,—съ чѣмъ однакоже нѣтъ достаточныхъ основаній согласиться. Проф. Брандтъ склоненъ видѣть въ славянскомъ словѣ «сумѣсокъ пришлаго слова (германскаго) съ туземнымъ», что гораздо вѣроятнѣе.

Но почему, думается намъ, не допустить здѣсь

вліянія на форму славянскаго слова со стороны столь естественной аналогіи, какою является крикъ гусей, ихъ извѣстное всѣмъ *гого*танье или *гагай*канье, въ которомъ такъ ясно слышится звукъ *г* (срв. «*га га га*! кричали гуси, летѣвши вереницей съ Руси» у Державина; «*тига* гуси, *тига* сѣрые—домой» русской пѣсни; областное русское гáгушка—ласкательное названіе гуся и т д.),—относя время этого примѣненія къ эпохѣ перехода палатальныхъ задненебныхъ въ спиранты въ общеславянскомъ языкѣ. У литовцевъ же такого примѣненія не произошло.—Пользоваться извѣстнымъ закономъ «народной этимологіи» (Volksetymologie) для эпохи празыковъ нужно, конечно, съ большою осторожностію; но, когда рѣчь идетъ о вліяніи со стороны словъ—а тѣмъ болѣе междометій—звукоподражательныхъ, о звуковой формѣ которыхъ мы можемъ говорить съ большою точностію,—тогда наши выводы могутъ имѣть подъ собою сравнительно очень прочную почву.

Кожа. Было бы трудно перечислить всѣ попытки объяснить этимологію этого общеславянскаго слова. Фикъ связывалъ его съ словомъ коза́ (противъ чего, кстати замѣтимъ, достаточно говоритъ уже и одно удареніе словъ; срв. козéлъ, козíвка и кóжаный), а также съ готскимъ словомъ hakuls (плащъ); Будиловичъ (Первобытные славяне I, стр. 110) высказался за связь съ кора́; Штрекель (Strekelj, Archiv für slaw. Philologie, XI, 462) связывалъ съ мр. козубъ, поль. kazub родъ корзины) и родичами этихъ словъ (см. въ Etym. Wb. Миклошича групу подъ темою kozolŭ).—Болѣе вѣроятнымъ (и болѣе обычнымъ) является сопоставленіе нашего слова съ нѣм. Haut (др. вн. hût), греч σκῦτος, лат. scūtum и cūtis, но противъ этого говоритъ долгота ū (которому соотвѣт-

ствуетъ слав. ы) въ другихъ языкахъ (кромѣ, впрочемъ, лат. cŭtis), и сопоставленіе это не объясняетъ намъ появленія на славянской почвѣ окончанія—*жа* (считать ли корнемъ ku или kut, kŭdh; послѣднему противорѣчитъ ц.-слав. кожа и болгарск. кожъ, а не *кожда).

Мы предполагаемъ прежде всего родство съ словомъ—кожа русскаго ко́готь (за что́ высказался и академикъ А. И. Соболевскій) и славянскимъ чезнѫти (русск. чёзнуть; срв. ис-чезать). Общее въ значеніи этихъ словъ то, что всѣ онѣ означаютъ нѣчто сухое и твердое (или по крайней мѣрѣ твердоватое). На германской почвѣ имѣются близкія къ этому значенію и вполнѣ подходящія по звукамъ слова—нѣм. hager (худой, сухой), англ. haggard (сложное слово, съ тѣмъ же значеніемъ), удовлетворительнаго объясненія которыхъ еще, насколько намъ извѣстно, не найдено. Можно думать, что этотъ же корень мы имѣемъ и въ первой половинѣ др.-верхне нѣмецкаго hagzissa—hagazussa (современное нѣм. Hexe, англ. Hag), гдѣ обычно видятъ слово Hag (=лѣсъ); понятіе «сушильницы» (занимающейся присухою) очень подходяще для колдуньи и вѣдьмы (Hexe).

Прособа́чить. На сѣверо востокѣ Россіи (въ частности, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи—но говоръ здѣсь не вятскій, а скорѣе пермско-сибирскій) намъ не разъ приходилось слышать слово прособа́чить, въ значеніи: проткнуть кожу, ранить себя чѣмъ-либо колючимъ («прособачить ногу, руку» и т. п.; въ нашихъ словаряхъ этого слова мы не нашли). Связь этого глагола съ существительнымъ собака внѣ сомнѣнія, но связь эта, безспорно, не первоначальная: она лишена всякаго смысла, такъ какъ собаки кусаются, а не царапаются (Срв. розкры́сить, кры́сать-

ся въ связи съ крыса, гдѣ эта связь вполнѣ понятна). Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ примѣненіемъ (къ слову собака) какого то другого, полузабытаго или неяснаго слова. Этимъ послѣднимъ скорѣе всего было слово, близкое и родственное малорусскому покострубáчити—взъерошить; кострубáтый (поль. kostrubaty)—всклокоченный, взъерошенный, шероховатый; кострýбъ (въ пѣсняхъ обыкновенно: кострубóнько)—нечоса [7]). Отсюда «народная этимологія» сдѣлала пpособáчить.

Корень глагола покострубáчити и родственныхъ ему словъ—мы имѣемъ, конечно, въ костéрь, кострйка (поль. kistra, серб. кострijет, чеш. kostruka)—мелкія и тонкія, колючія иголки изъ жесткой коры растеній, особенно льна и конопли.

Волга. Не является ли это названіе великой русской рѣки тѣмъ же самымъ словомъ, уменьшительное отъ котораго—въ видѣ вóложка—очень употребительно и теперь на сѣверо-востокѣ Россіи. Такъ называются боковые рукава рѣкъ. Вóлога (откуда могло быть вóлъга, волга), въ связи съ современнымъ: вóлглый, влажный,—могло имѣть первоначальное значеніе влаги, воды вообще.—Въ древне-русскихъ памятникахъ это

---

[7]) По поводу послѣдняго слова Н. И. Костомаровъ (Бесѣда 1872, V, стр. 80) замѣчаетъ: «насмѣшливое прозвище, безъ сомнѣнія, явившееся впослѣдствіи; подъ внушеніемъ христіанскаго презрѣнія къ языческимъ празднествамъ и забавамъ».—Конечно, возможно, что въ народныхъ пѣсняхъ кострубъ явился вмѣсто кого-нибудь другого, но о древности этого мр. слова ясно говоритъ существованіе его также въ чешскомъ языкѣ: kostrba—ein zoffiger (словарь Ранка).

слово встрѣчается нерѣдко, но въ другомъ значеніи: напитковъ вообще (?) и вареной (?) пищи.

Почечу́й (= геморой; срв. фамилію Почечуевъ въ «Ревизорѣ» Гоголя). Въ Указѣ Петра Великаго 1719 года мы находимъ прилагательное чечуйный («Филолог. Записки» 1897, II, стр. 10), откуда можно заключать, что *по* въ этомъ словѣ не относится къ корню, а является префиксомъ.

Въ литературѣ мы встрѣтились только съ мнѣніемъ г. Горяева (Сравнит. этимолог. словарь русскаго яз.), который связываетъ это слово съ чесать, чешуя. Но фонетически — *ч* изъ *с* или *ш* трудно допустимо; а значеніе слова (въ противоположность множеству другихъ болѣзней, геморой совсѣмъ не характеризуется зудомъ; отъ чесать мы уже имѣемъ чесотку, какъ отъ сверби́ть—сво́робъ [8]) совсѣмъ не подходитъ къ такой этимологіи. — Въ словѣ почечуй мы имѣемъ, конечно, корень тек (течь, течка [9]). *Ч* изъ *т* передъ палатальною гласною является также, напр., въ чижоло́ изъ тяжело. — Вполнѣ понятное съ точки зрѣнія природы и проявленій болѣзни, это русское названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому: геморой отъ αἷμα и ῥοή.

III.

О личныхъ собственныхъ именахъ въ фунціи нарицательныхъ въ русскомъ народномъ языкѣ.

Въ «Филологическихъ Запискахъ» 1900 года (вып. IV—V) мы находимъ статью Д. А. Никольскаго

---

[8]) Народное названіе той же чесотки.

[9]) Сюда же относится, вѣроятно, и слово чечка́ (отмѣчено нами въ Вятской губ.) — хлѣбъ, который вязнетъ въ зубахъ.

о происхожденіи синонимовъ-эпитетовъ нѣкоторыхъ животныхъ, именно: Петька-пѣтухъ, Мишка-медвѣдь, Машка-кошка и Васька-козелъ. Авторъ высказывается противъ того объясненія этихъ синонимовъ, которое мы назвали бы психологическимъ, и которое г. Никольскій почему-то отожествляетъ съ объясненіемъ путемъ «случая или привычки». Названные синонимы онъ выводитъ не изъ извѣстныхъ христіанскихъ именъ (Петръ, Михаилъ и и. д.), а изъ старинныхъ нарицательныхъ словъ: пóтка (птица), мечька (медвѣдь), мачка (кошка; въ русскомъ языкѣ это слово не засвидѣтельствовано, но, по мнѣнію г. Никольскаго, существованіе его возможно въ виду серб. мачка, чеш. mačka пол. maciek и т. п. [10]) и финскаго vasika, васикэ (названія разныхъ домашнихъ животныхъ: теленка, оленя и др.),—и считаетъ возможнымъ говорить только о позднѣйшемъ примѣненіи этихъ словъ къ уменьшительнымъ личнымъ именамъ.

Этимологіи г. Никольскаго (онѣ не всѣ одинаково новы) довольно удачны, не исключая и объясненія эпитета козла—Васька, которое самъ авторъ скромно называетъ «натянутымъ и недостаточно убѣдительнымъ». Но подобныхъ эпитетовъ-синонимовъ въ русскомъ языкѣ равно и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ—не четыре, а многіе десятки. Объяснить всѣ ихъ по методу г. Никольскаго, фонетическимъ путемъ, нѣтъ никакой возможности. Во-вторыхъ, съ точки зрѣнія г. Никольскаго необъяснимо также, почему рядомъ съ Васька-козелъ мы знаемъ—даже болѣе, употребительное—

---

[10]) Проф. Р. Брандтъ (Р. Ф. Вѣстникъ, VII, 61) склоненъ видѣть въ машкѣ Марію, съ примѣненіемъ къ глаголу махать

Васька-котъ (срв. у Крылова: «А Васька слушаетъ да ѣстъ» — «Котъ и Поваръ»), а проф. Брандтъ говоритъ еще и о «Васькѣ-конѣ» (Цитированная статья, 61).—Эти обстоятельства говорятъ намъ о недостаточности одного фонетическаго метода при объясненіи интересующаго насъ явленія. Ничуть не отрицая необходимости пользоваться и этимъ методомъ, мы остановимся только на значеніи отвергнутаго г. Никольскимъ метода психологическаго.

Собственное личное имя само по себѣ, внѣ примѣненія къ данному лицу, въ устахъ народа не является чѣмъ-то отвлеченнымъ (какимъ мы большею частію находимъ его въ сознаніи человѣка образованнаго), лишеннымъ признаковъ—акциденцій; это, такъ сказать, не только формальная величина, но и матеріальная: почти съ каждымъ личнымъ именемъ (по крайней мѣрѣ, съ наиболѣе употребительными) въ народномъ сознаніи связано представленіе о томъ или другомъ признакѣ или даже цѣлой группѣ признаковъ,—внѣ всякой зависимости отъ природы носящаго это имя даннаго субъекта. Другими словами: собственныя личныя имена очень близки по своей функціи (значенію) къ нарицательнымъ.

О такой близости намъ говорятъ, напримѣръ, народныя загадки, въ которыхъ личныя имена очень часто употребляются съ значеніемъ нарицательныхъ, что очень ясно видно при сопоставленіи загадки: «Два кума Аввакума, двѣ кумы Авдотьи, шесть Пантелеевъ да десять Андреевъ» (=сани: два полоза, двѣ оглобли, шесть вязей и десять копыловъ. См. И. Худякова: «Великорусскія загадки»—въ «Этн. Сборникѣ», т. V, № 1260) съ другой, однозначущей: «Поползушки ползутъ, побѣгушки бѣгутъ» (ibid. № 1259), здѣсь собственное имя Авва-

кумъ и нарицательное попользушки являются съ совершенно тожественнымъ значеніемъ. Изучая народныя загадки, мы замѣчаемъ, что многимъ личнымъ именамъ въ нихъ соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе опредѣленныя, одинаковыя въ разныхъ совершенно загадкахъ, понятія: напр., Матрена употребляется для означенія чего-нибудь широкаго, громоздкаго (=ступа въ № 1026; рѣка въ 1230; печь [11]); напротивъ, Матвей чего-то тонкаго, сухого (пестъ, дымъ), Антошка— «долгаго» (дождь, мѣсяцъ=свѣтъ, лучи мѣсяца; №№: 322 и 863). Другимъ яркимъ примѣромъ того же явленія можетъ служить народный календарь, не знающій ни чиселъ, ни мѣсяцевъ, а только святцы (=имена святыхъ). Выраженія: «въ зимняго Миколу», «въ Екатериниинъ день», «до Варваръ дня за три», «наканунѣ Олёны-Ленницы» и т. п. столь употребительны въ народѣ и понятны каждому. Съ именами святыхъ связано также множество всѣмъ извѣстныхъ примѣтъ метеорологическаго, сельско-хозяйственнаго и иного характера.

Эта близость личныхъ собственныхъ именъ къ нарицательнымъ не должна казаться для насъ странною, если мы не забудемъ исторіи. Имя было нѣкогда простымъ прозвищемъ, т. е. нарицательнымъ именемъ; тогда оно должно было соотвѣтствовать природѣ носящаго его лица (безъ этого всякій смыслъ имени, какъ только прозвища, терялся). Съ теченіемъ времени личное имя получило другое, современное значеніе: быть простою, условною кличкою лица. Теперь уже обя-

[11]) Близкое значеніе имѣетъ Маланья (№ 1442: ступа). Срв. поговорку: «на маланьину свадьбу напекли», т. е. слишкомъ много; «разложилась будто Маланья съ ящикомъ» (Потанинъ, «Эти. сборн.», V, стр. 6).

зательнаго прежде, строгаго соотвѣтствія между именемъ и характеромъ носителя его не могло быть [12]); да и фонетически связь личныхъ именъ съ своими предками — прозвищами затерялась. При всемъ томъ старый взглядъ на личное имя, какъ на прозвище, сохранился въ народѣ; вмѣстѣ и нераздѣльно съ этимъ сохранилась и близость личнаго имени къ нарицательному (по функціи).— Этой близости не могло уничтожить и христіанство, внесшее на русскую почву новыя, еврейско-греческія имена. Даже, напротивъ, старый народный взглядъ распространился съ теченіемъ времени и на эти новыя, христіанскія имена. Многія изъ нихъ также получили значеніе, близкое къ прозвищу.

Процессъ этотъ совершался двумя главными путями.

Очень часто собственное имя получаетъ значеніе нарицательнаго вслѣдствіе примѣненія—на основаніи созвучія—къ какому-нибудь русскому слову. Такъ Елеся, Елисей получилъ значеніе пролазы, проныры (по ложной связи съ елесить—льстить (см. «Р. Ф. Вѣстникъ», XXI, стр. 48), Емеля, Емельянъ значеніе пустомели (по связи съ мельница, какъ часто называютъ того, кто безъ умолку болтаетъ (срв. «мели, Емеля: не твоя недѣля»); Улита («Улита ѣдетъ—скоро ли будетъ»?)—значеніе вялаго (по связи съ улитка?); Филя, Филимонъ—значеніе простофили, ротозѣя (по примѣненію къ Филинъ?); имя Сысой—имѣетъ «бранный смыслъ» («Р. Ф. Вѣстникъ», т. XXI, 49; къ чему при-

[12]) Впрочемъ, на первыхъ порахъ отсутствіе этого соотвѣтствія, нужно предполагать, сглаживалось одновременнымъ существованіемъ для одного лица нѣсколькихъ именъ (историческій примѣръ—древнерусскіе князья), изъ которыхъ одни могли являться съ функціею старыхъ прозвищъ.

мѣнялось это слово, мы не знаемъ; у Даля встрѣчаемъ сомнительный глаголь сысоваться (?) орл. гнѣваться; намъ извѣстна поговорка: «въ печѣ-то ровно Сусу́й наб...лъ», что́ означаетъ: въ печи мало тепла); Фефёла (Феофила) и Фалалей, обѣ съ значеніемъ рохли, разини, ротозѣя, относятся, кажется, также сюда; Созонъ— «нелюбимое имя въ народѣ; попа, который грозится дать это имя ребенку, всячески ублажаютъ («въ родствѣ съ сазаномъ»). (ibid., 48).—Мы сомнѣваемся, точно ли это имя сдѣлалось нелюбимымъ вслѣдствіе одного примѣненія къ названію рыбы сазанъ, тѣмъ болѣе, что и рыба эта, насколько намъ извѣстно, вполнѣ, такъ сказать, почтенная рыба, и ея синонимъ карпъ (др.-русское коропъ) не придалъ насмѣшливаго оттѣнка личному имени Карпъ. Напомнимъ также народную поговорку: «и по рожѣ знать, что Созономъ звать».—Кромѣ Созона, намъ лично извѣстны, какъ нелюбимыя въ народѣ, имена: Пудъ и Голиндуха; по мнѣнію крестьянъ Сарапульскаго уѣзда (Вятской губ.) эти имена существуютъ спеціально для внѣбрачныхъ дѣтей. Мы склонны думать, что основаніемъ къ такому мнѣнію послужило желаніе избавить своихъ дѣтей отъ лишнихъ насмѣшекъ: созвучіе этихъ именъ съ пудъ (pondo) и голый даетъ обильную пищу для остротъ и насмѣшекъ, особенно со стороны деревенской дѣтворы; по ходячему въ той же мѣстности народному анекдоту, и священникъ (вар.: дьячекъ) посмѣялся, послѣ крещенія, надъ младенцемъ, которому онъ далъ, по желанію родителей, имя Пудъ: «какой это пудъ, еще и фунта-то не тянетъ!»

Тотъ же факторъ примѣненія по созвучію замѣчается часто и въ народныхъ загадкахъ, о которыхъ мы говорили уже выше. Напримѣръ, примѣненіе Софьи къ сохнуть несомнѣнно изъ загадокъ: «Курочка

Софья три года сохла: ни пила, ни ѣла, въ потоловъ глядѣла» (=гвоздь; ibid № 178 срнв. № 568; «бабушка Софья день и ночь сохнетъ, по утру отдохнетъ» (=заслонка; № 146).—И въ народномъ календарѣ тоже самое: «Өеодоръ Студитъ землю студитъ», «Наумъ наставитъ на умъ»; если на Макрину мокро, то и вся осень будетъ мокра».

Рядомъ съ этимъ, фонетическимъ, факторомъ нужно отмѣтить другой, который можно назвать историческимъ. Извѣстное имя, по какому-нибудь поводу, «попадало въ исторію», въ самомъ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова, и получало, въ зависимости отъ характера этой исторіи, новое и разъ навсегда данное значеніе. Здѣсь тотъ же самый факторъ, въ силу котораго для насъ являются нарицательными—Чичиковъ, Загорѣцкій, Фальстафъ, Альфонсъ, Өемида, Крезъ и множество другихъ. Библейскія: Хамъ, Фараонъ, Өома невѣрный, Мафусалъ столь же извѣстны народу, сколько образованнымъ классамъ общества. Въ народномъ Аредъ (скряга; кощей, дряхлый старикъ: «Аредовы вѣки живетъ!») слились, кажется, два библейскихъ имени: Іаредъ, извѣстный своимъ долголѣтіемъ, и Иродъ, ставшій синонимомъ всего дурного. Какое отношеніе имѣетъ Анοха (по Далю: простакъ, простофиля; срв. «время плохо: сталъ указчикомъ Аноха») къ праведному Эноху, сказать трудно.—Имена Карла Великаго и Цезаря сдѣлались, какъ всѣмъ извѣстно, нарицательными названіями представителей верховной власти (король, кесарь-царь); имя народа волотъ сдѣлалось у славянъ синонимомъ великана (мр. велетень) [13].

---

[13]) По Шафарику, слова: скоморохъ и аспо-

Другія имена (равно и фамиліи) попали въ народные разсказы, притчи, поговорки и т. п. Разсказываютъ, будто Петръ Великій встрѣтилъ трехъ рязанцевъ, и всѣ они оказались Макарами: «будь вы всѣ Макары!» сказалъ будто бы императоръ; отсюда Макаръ—прозвище рязанцевъ (въ частности кадомцевъ), а потомъ прозвище откупщиковъ цѣловальниковъ (какими часто тѣ служатъ) и плутовъ вообще.—Какъ примирить съ этимъ сибирское Макаръ—простакъ (Словарь Даля, II изд.), а также поговорку: «на бѣднаго Макара и шишки валятся» *) (другое, не менѣе извѣстное, выраженіе: «куда Макаръ телятъ не гонялъ») не противорѣчитъ анекдоту о рязанцахъ [14]),—сказать трудно.—Аналогичный примѣръ представляетъ собою бѣлорусская пословица: «Выйграў, як Заблоцки на мыдли», только здѣсь фигурируетъ не имя, а фамилія. Пословица эта образовалась изъ разсказа о томъ, какъ нѣкій Заблоцкій промѣнялъ заграницей рожь на мыло и, не желая платить за него пошлины при проѣздѣ, положилъ на дно корабля, гдѣ оно размокло (См. А. Ляцкій: «Нѣсколько

линъ также произошли отъ собственныхъ именъ народовъ; но относительно перваго слова этимологію Шафарика (Scamari) нужно совсѣмъ отвергнуть, а относительно второго—назвать очень сомнительною.

*) Въ Ворон. губ.: «На бѣднаго Макара всѣ шишки летятъ». *Ред.*

[14]) Намъ извѣстна еще распространенная въ народѣ карточная игра «въ Макары»; Макаръ олицетворяется въ пиковомъ королѣ; остаться Макаромъ непріятно.—Похожа на эту игра «въ Акулины» (пиковая дама).—Прослѣдить всѣ литературныя и иныя вліянія на возникновеніе этихъ различныхъ значеній личныхъ именъ было бы не легкою, но очень благодарною задачею.

замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ», въ «Извѣстіяхъ отд. рус. яз. о слов. И. А. Н.», т. II, кн. 3, стр. 750).—Такимъ путемъ образовалось очень много пословицъ и поговорокъ; можно думать, что къ нимъ относятся и такія, какъ: «Знать Өеклу по рылу мокру» или: «Щеголь-Ивашка: что ни годъ, то рубашка»; «У Фили пили, да Филю же и побили»; «Было у Мокея четыре лакея, а теперь Мокей самъ лакей»; «Каковъ Дёма, таково у него и въ домѣ»; «Севастьянъ: не опознавъ своихъ крестьянъ». Подобныхъ пословицъ сотни, если не тысячи; буквально—«на всякаго Егорку есть поговорка». Не мудрено, что болѣе мѣткія и хлесткія изъ нихъ могли заклеймить нѣкоторыя личныя имена то хорошею, то дурною репутаціею; въ виду такой пословицы, имя дѣлается типомъ; слыша имя Өедоры, трудно не вспомнить поговорку: «велика Өедора, да дура»,—а непосредственному человѣку и поддаться вліянію этой связи.

Многочисленныя русскія сказки объ Иванѣ-дурачкѣ, нужно думать, не мало способствовали (быть можетъ, вмѣстѣ съ сопоставленіемъ: Иванъ-болванъ) извѣстному оттѣнку этого имени.

Къ этой же категоріи нужно отнести и происшедшія отъ личныхъ именъ названія растеній. Назовемъ для примѣра: Иванъ да Марья, Васильки, Анютины глазки, Петровъ крестъ, Аристовъ посохъ. Большая часть ихъ, нужно думать, ведетъ свое начало отъ миѳовъ (объясненіе нѣкоторыхъ названій у Костомарова: «Историческое значеніе южно-русскаго пѣсеннаго творчества», въ «Бесѣдѣ» 1872 г. [15]).

[15]) Исторически же образовалось, вѣроятно, бранное имя для калмыковъ—Арина (словарь Даля, 2 изд.).

Относительно нѣкоторыхъ именъ прослѣдить пути происхожденія тѣхъ или иныхъ оттѣнковъ въ ихъ значеніи мы не въ состояніи. Таковы Созонъ, Пудъ, Голиндуха, Акулина, о которыхъ мы говорили выше. Здѣсь прибавимъ еще Мирона; по словарю Даля (2 изд.) «смотрѣть Мирономъ» —быть съ виду простоватымъ; въ пермской губ. Миронъ—незаконнорожденный (въ связи съ міръ? срв. поговорку: «солдаткинымъ дѣтямъ вся деревня отецъ»).

Когда въ народномъ сознаніи многія христіанскія личныя имена оказались носителями различныхъ оттѣнковъ значенія: тогда другія имена могли получать такіе же оттѣнки уже по простой аналогіи съ прежними. И это можно считать третьимъ факторомъ разсматриваемаго нами процесса.

Рядомъ съ процессомъ превращенія собственныхъ именъ въ нарицательныя можно наблюдать—правда, въ меньшихъ размѣрахъ—и обратное явленіе: образованіе собственныхъ личныхъ именъ изъ нарицательныхъ. Сюда можно отнести возникновеніе прозвищъ (которыя однако не являются именами въ собственномъ смыслѣ этого слова), столь обычныхъ въ деревенской и школьной жизни.—Собранія такихъ прозвищъ читатель можетъ найти въ журналѣ: «Живая Старина», за разные годы, напр., въ выпускѣ IV—1899 года.—Болѣе характернымъ примѣромъ можетъ—служить Меликтриса Кирбитьевна нашихъ народныхъ сказокъ; это имя возникло изъ латинскаго (нарицательнаго) meretrix (блудница) и, сдѣлавшись собственнымъ именемъ, не утратило однако своего первоначальнаго значенія.—Этотъ фактъ также ярко говоритъ намъ о близости—въ народномъ сознаніи—личныхъ собственныхъ именъ къ нарицательнымъ.

Разъ же личное имя не есть нѣчто чисто формаль-

ное, отвлеченное, не пустой условный знакъ, а носитель извѣстнаго содержанія,—то примѣненіе его къ животнымъ и даже къ неодушевленнымъ предметамъ вполнѣ естественно и закономѣрно. Здѣсь мы имѣемъ дѣло именно съ «мѣткими и удачными» (что отрицаетъ г. Никольскій на стр. 1) выраженіями—сопоставленіями, которыя, разъ возникнувъ, не забываются, а пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе широкій кругъ распространенія, въ зависимости именно отъ своей мѣткости.

Мартышка—сдѣлалось столь распростроненнымъ названіемъ обезьяны, что отъ него образованъ даже глаголъ: мартышничать. Слово это отъ имени Мартынъ (срв. Миклошичъ, Etymolog. Wb., s. v. marta; Карловичъ въ Archiv'ѣ Ягича, III, 662).— Замѣчательно, что въ народныхъ загадкахъ Мартынъ является, какъ синонимъ вертящагося, непосѣды, и чередуется съ нарицательнымъ вертунъ (языкъ, хвостъ).

Петька-пѣтухъ нужно отнести, вопреки г. Никольскому, сюда же; слово потка было эпитетомъ очень многихъ птицъ (въ приведенныхъ у г. Никольскаго примѣрахъ изъ народной поэзіи мы встрѣчаемъ съ этимъ эпитетомъ лебедя, паюна, соловья, перепелку, кинарейку, но пѣтуха-то какъ разъ и не находимъ). Основаніемъ къ сближенію этой птицы съ именемъ Петръ могло послужить созвучіе имени съ глаголомъ пѣть (какую мысль высказалъ проф. Брандтъ; «Р. Ф. Вѣстникъ», т. VII, стр. 61). Быть можетъ, не безъ вліянія осталась также извѣстная исторія съ апостоломъ Петромъ, критическія минуты жизни котораго связаны съ пѣніемъ «пѣтела» («и абіе пѣтелъ возгласи» [16]).

---

[16]) Напротивъ, въ славянскомъ имени утки—качка

Васька-котъ относится, вѣроятно, къ этой же категоріи.—Относительно Васьки-козла мы согласны съ г. Никольскимъ.

Хавронья, синонимъ свиньи,—отъ имени Февронія. Проф. Брандтъ видитъ тутъ связь съ глаголомъ Хрюкать (ibidem). Мы сравнили бы съ шевырять.

Матрена и Аксинья, по Далю («Толковый Словарь», 2 издан.)—кличка медвѣдицы.—Первый эпитетъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ имя Матрены въ народныхъ загадкахъ (см. выше).

Карповна—въ Олонецкой губерніи (словарь Куликовскаго, стр. 34)—сѣрая ворова (иронически).

Величаніе и фамилія медвѣдя (Михайло) Ивановичъ Топтыгинъ относятся сюда; имя же отъ нариц. мечька.

Что касается до примѣненія собственныхъ личныхъ именъ къ неодушевленнымъ предметамъ, то намъ извѣстенъ лишь одинъ примѣръ—олонецкое Андреевна или Соха Андреевна—эпитетъ сохи («Съ солдатъ придешь, да прямо за Андреевну!» Куликовскій, стр. 1).

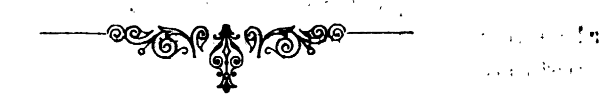
Въ заключеніе отмѣтимъ, для сравненія, аналогическіе случаи изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Греческое 'Αλεκτρυών (позднѣйшее ἀλέκτωρ) обязано своимъ происхожденіемъ имени небезызвѣстнаго эпическаго героя, на котораго эта птица походитъ своимъ задорнымъ характеромъ (см. Paul Kretschmer въ

(пол. kaczka, откуда вр. и мр. качка, мр. качу́ръ—селезень), которое Миклошичъ склоненъ производить отъ имени Катерина (Etym. Wb., стр. 108), мы видимъ фонетическое образованіе отъ глагола качать (въ виду качающейся — «съ перевалкой» — походки этой птицы; срвн Брандтъ, «Р. Ф. В.», XXII, 134).

Kuhn's Zeitschrift, XXIII, стр. 559—563). Рѣдко встрѣчающееся имя осла Μέμνων имѣетъ такое же происхожденіе (сходство въ упрямствѣ).—Латинское sīmia (обезьяна) производятъ отъ греческаго имени Σιμίας (ibidem).—Французское renard (лиса) изъ имени Reinhart; срв. также Martin—pêcheur (зимородокъ).—Нѣмецкое Hintz (котъ) изъ Heinrich; Mieze (кошка) нѣкоторые выводятъ изъ имени Марія, другіе (и едва ли не вѣрнѣе) считаютъ звукоподражательнымъ словомъ, подобно итальянскому micio; См. Kluge: Etym. Wb. 5-е изд.; срв. Брандтъ, «Р. Ф. В»., VII, 61 [17]).

Д. Зеленинъ.

2 мая 1902 г.
Юрьевъ (Дерптъ).

[17]) Позволимъ себѣ привести здѣсь записанную нами въ Яранскомъ уѣздѣ (Вятской губ.) народную пѣсню, которая почти сплошь состоитъ изъ личныхъ именъ съ шутливыми характеристиками ихъ.

«Шьто, панушко, за вѣра,
Въ городѣ за управа:
Жёнской пол при начальствѣ.
Стара Варвара урвàра (?)
Бѣлы волосья Өедосья
Скоро писать Окулина
Въ Мóскву гонѣть Катерина
Ткали-прѐли Дарьи да Марьи
Бѣленьки рубашки Наташки
Хорошо вы дѣланы Агашки
Шитой кокошникъ на Домнѣ

Косой подоплёшник на Марѳѣ
Долгіе кленьё—Ѳеклиньи
Широкіе подолы Ѳедоры
Кислой квас Василиса
Опару заводила Онисья
Блины пекла Палагея
Сошьни скала душа Онисья
Пирошки пекла Огрофена
На стол собирала Онисья
Кланялася душа Анюша
Низки поклоны Орина
Смирной взгляд Парасковья
Алы румёна Ульяна
Посвѣднеё подворьё Ховоронья.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ память, кажется, измѣнила пѣсеннику.—Варіантовъ этой пѣсни мы, къ сожалѣнію, не встрѣтили.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

LXVI. «Hrvatski narod», стр 544, ц. 1 зл. 20 крейц. Загребъ. 1899 г. 2 е изданіе.

Книга эта, представляющая собою дѣльный и обстоятельный трудъ по Хорватскому отечествовѣдѣнію, принадлежитъ перу извѣстнаго хорватскаго писателя, священника и патріота Ивана Неп. Емершича. Книга состоитъ изъ 7 отдѣловъ, въ которыхъ, между прочимъ, подробно обрисовано состояніе народнаго просвѣщенія въ странѣ, искусствъ и науки,—изображено и охарактеризовано хорватское государственное право и политическія партіи,—дана, наконецъ, общедоступно изложенная исторія народа, доведенная до послѣдняго времени (113—287 стр.). Все это, видимо, хорошо продумано и прочувствовано составителемъ, согрѣто теплымъ и глубокимъ сочувствіемъ къ странѣ и ея страдальцу—народу, вслѣдствіе чего книга лишена обычной въ такихъ случаяхъ сухости изложенія и читается легко. Многое изображено по личнымъ путевымъ впечатлѣніямъ автора, при чемъ въ общемъ онъ сумѣлъ удержаться въ своемъ изложеніи на почвѣ строгаго безпристрастія.

Сколько извѣстно, первое изданіе книги было запрещено и изъято изъ употребленія, и она сразу увидѣла свѣтъ уже во 2 изданіи... Авторъ ея уже немало сдѣлалъ для родной науки и просвѣщенія: такъ, въ томъ же 1899 г. онъ выпустилъ въ Загребѣ хорватскій переводъ Томковой исторіи чешскаго королевства, снабдивъ его введеніемъ и жизнеописаніемъ автора (Václav Vladivoj Tomek: Povjest kraljevine češke. Pohrvatio, životopisom pisca i uvadom popratio Ivan Nep. Iemer-

šič, župnik. Naklada prevodiščeva. Cena 2 zl.). Ему же принадлежитъ и популярная книга: «Majka u radu za Boga i Hrvatsku», вышедшая въ 1896 г. третьимъ изданіемъ, съ котораго словинскій писатель и патріотъ С. Грегорчичъ сдѣлалъ словинскій переводъ: «Materino delo za Boga in domovino». Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производитъ дѣятельность людей, подобныхъ Емершичу: на ней съ удовольствіемъ останавливается взоръ славянина, не слишкомъ—то избалованнаго въ этомъ отношеніи родною дѣйствительностью!

LXVII. Alois Tuček: Alois Irásek, kapitoly literárně kritické. Прага 1902 г. 103 стр.

Книжка г. Тучка, посвященная критическому разсмотрѣнію плодовитой писательской дѣятельности даровитаго чешскаго историческаго романиста Ал. Ираска (род. 1851 г.—въ настоящее время профессоръ Житной гимназіи въ Прагѣ), представляетъ собою небезполезную попытку раскрыть предъ читателемъ внутреннюю сторону дарованія одного изъ крупнѣйшихъ чешскихъ писателей второй половины 19-го в., доселѣ еще живущаго и продолжающаго дарить родную словесность крупными произведеніями. Во многомъ мы несогласны со взглядами иногда не въ мѣру увлекающагося критика Ирасковыхъ романовъ, но заключительное его мнѣніе (103 стр.) о томъ, что разбираемый имъ писатель выросъ уже изъ узкаго мѣстнаго значенія и, напротивъ, заслуживаетъ признанія и въ общеевропейской міровой литературѣ, мы готовы принять, какъ согласное съ истиною.

Слогъ разсматриваемой книжки далеко не отличается чистотою; напротивъ, онъ въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ слишкомъ ужъ макароничевъ, безъ надобности пестритъ множествомъ иностранныхъ словъ, что такъ странно видѣть у чешскаго писателя. Чтобы не быть голословными, приведемъ слѣдующіе примѣры, взятые случайно, безъ предварительнаго выбора: evokaci (40 стр.), aplikoval (40 стр.), liaisons (65 стр.), pieçka, reellni base (21 стр.), prononçovany (103 стр.), konstruovane determinismu, problemovosti, produkoval. kvalit, rehabilitace, experimentuje, despektu (всѣ эти слова на одной лишь 13 стр.) и мн. др.

Изъ частичныхъ мнѣній автора, высказанныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, отмѣтимъ, что онъ справедливо считаетъ романъ «Война и Миръ» Л. Н. Толстого «идеаломъ искусства» (11 я стр.), но, кажется, слишкомъ ужъ преуменьшаетъ на 14 стр. значеніе Г. Сенкевича, какъ историческаго романиста, изображенія котораго считаетъ слишкомъ ужъ неестественными. (Всегда?)

LXVIII. Юбилейныя изданія стихотвореній Фр. Прешириа:

Poezije doktora Franceta Prešerna. Uredil Skript. L. Pintar. Любляна (Лайбахъ) 1901 г. 212 стр. Стихотворенія Франца Прешириа. Со словѣнскаго и нѣмецкаго перевелъ Ѳ. Коршъ. Москва. 1901. 244 стр.+100.

Фр. Прешириенъ, по свойству и размѣрамъ своего поэтическаго дарованія, занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ семьѣ славянскихъ поэтовъ и по всей справедливости считается однимъ изъ лучшихъ между ними. Въ средѣ словѣнскихъ поэтовъ онъ не только безспорно занимаетъ первое мѣсто по силѣ и своеобра-

вію творчества, но и является истинной гордостью и славою своего народа. Къ столѣтію его рожденія ($\frac{21 \text{ ноября}}{3 \text{ декабря}}$) 1800—1900 г.г.) вышли въ свѣтъ два выше указанныя занимающія насъ изданія, къ разсмотрѣнію которыхъ и перейдемъ. Пинтарево изданіе стихотворе ній Прешрна, довольно исправное, изящное и болѣе полное, чѣмъ прежнія, явилось въ свѣтъ очень кстати, такъ какъ бывшія раньше изданія уже почти совсѣмъ вышли изъ продажи (Таково, напримѣръ, изданіе Юрчича и Іосифа Стритаря 1866 съ біографической статьей, данныя которой дополнилъ Фр. Целестинъ въ книжкѣ France Preširen (Загребъ 1882 г.). Было еще изданіе 1847 г.; сдѣланное самимъ поэтомъ при жизни; оно очень неполно).

Можно только пожалѣть, что къ Пинтареву изданію не приложено портрета и никакихъ объяснительныхъ статей, которыя могли бы облегчить современному читателю пониманіе помѣщенныхъ въ книгѣ произведеній, въ содержаніи которыхъ заключается немало такихъ подробностей, которыя въ настоящее время обязательно требуютъ различныхъ поясненій и истолкованій. Зато въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Корша стоитъ почти внѣ всякихъ упрековъ: такъ обстоятельно и съ такимъ знаніемъ дѣла она составлена. Вообще нельзя не порадоваться, что въ русской литературѣ не было обойдено совершеннымъ молчаніемъ столѣтіе рожденія Прешрна, и явился въ свѣтъ первый болѣе или менѣе полный стихотворный переводъ его произведеній.

Книжка г. Корша состоитъ изъ двухъ частей: обширной объяснительной статьи и собственно перевода стихотвореній, расположеніе которыхъ въ общемъ соотвѣтствуетъ таковому же въ Пинтаревомъ изданіи;

впрочемъ эпиграммы (Zabavljivi napisi), отнесенныя Пинтаремъ къ «различнымъ стихотвореніямъ» (Razlićne poezije), здѣсь выдѣлены въ особый отдѣлъ, не смотря на ихъ малочисленность. Только послѣдній отдѣлъ стихотвореній (посмертныя; о «нѣмецкихъ» мы здѣсь не говоримъ) у г. Корша довольно разнится отъ таковаго же у Пинтаря, будучи во первыхъ малочисленнѣе, а во вторыхъ и нѣсколько иначе расположеннымъ у г. Корша, напримѣръ, совершенно отсутствуютъ находящіяся въ этомъ отдѣлѣ у г. Пинтаря добавочныя эпиграммы— между ними и «Господу (господину) Измаилу Срезневскому».

Предложенная переводчикомъ объяснительная статья сообщаетъ все важнѣйшее, что нужно знать читателю по части біографическихъ данныхъ о поэтѣ, свѣдѣній о содержаніи и формѣ стихотвореній и т. п.; намъ кажется, что этихъ сообщеній для русскихъ читателей вполнѣ достаточно, хотя составитель и жалѣетъ, что не могъ представить болѣе полнаго жизнеописательнаго очерка вслѣдствіе незнанія нѣкоторыхъ «болѣе новыхъ и надежныхъ изслѣдованій» (см. конецъ его статья). Полагаемъ, что для тѣхъ цѣлей, какими задавался переводчикъ и составитель статьи (имѣя въ виду общедоступность книги, а не ученое изслѣдованіе) совершенно достаточно и заимствованныхъ имъ изъ Стритарева жизнеописанія біографическихъ данныхъ о поэтѣ.

LXIX. 1) Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 г. С.-Пб. 1901. XVI+115. (Оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорск. Академіи Наукъ» 1901 г. т. VI кн. 2).

LXX 2) Вѣстникъ языковѣдѣнія, словесности, людознаньства и древностьи словѣньскыихъ — Vĕstník slovanské filologie a starožitností. Ročník 1 (годъ 1-й). Прага 1901 г. ц. 7 коронъ, 262 стр.

Первое изданіе вышло въ свѣтъ всецѣло иждивеніемъ русской Академіи Наукъ, а второе съ извѣстнымъ матеріальнымъ пособіемъ отъ нея (такія же пособія оказаны и чешскою Академіею Наукъ, а также австрійскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія). Это обстоятельство подало поводъ одному изъ нашихъ цѣнителей названныхъ изданій Т. Д. Флоринскому (См. Кіевскія «Университетскія Извѣстія» за 1902 г.: Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію; отд. оттискъ Кіевъ, стр. 42) выразить пожеланіе, чтобы, вмѣсто двухъ однородныхъ изданій, выходящихъ въ свѣтъ на двухъ концахъ славянскаго міра и, по необходимости, одинаково далекихъ отъ надлежащей полноты и совершенства, вслѣдствіе естественнаго раздѣленія силъ, при русской Академіи Наукъ выходило одно, общими силами славянскихъ ученыхъ, свободное отъ наблюдаемыхъ теперь недостатковъ. Мысль эта и намъ кажется теоретически вполнѣ цѣлесообразною, но насколько она практически удободостижима, сказать трудно.

Во всякомъ случаѣ оба названныя изданія должны сдѣлаться настольными для славяновѣдовъ: такъ много заключено въ нихъ надежнаго справочнаго матеріала, хотя, повторяемъ, и страдающаго нѣсколько въ отношеніи полноты (Русское изданіе содержитъ въ себѣ указатель не книгъ, а лишь журнальныхъ статей по западному и южному славяновѣдѣнію за 1900 г., притомъ безъ указаній на ихъ содержаніе; въ чешскомъ

изданіи такія указанія имѣются, и въ списокъ вошли не только статьи за тотъ же 1900 г., но и книги и при томъ по славяновѣдѣнію въ полномъ его объемѣ, т.-е. со включеніемъ и русскаго отдѣла; зато въ этомъ изданіи отсутствуютъ отдѣлы литературы 19 в. и исторіи славянскихъ народовъ, имѣющіеся въ русскомъ указателѣ). Имена редакторовъ обоихъ изданій внушаютъ къ нимъ полное довѣріе; чешскій указатель ведется подъ ред. г.г. Л. Нидерле, Ф. Пастрнка, Ю. Поливки и І. Зубатаго, а русскій—подъ ред. г.г. А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, П. А. Лаврова, А. А. Липовскаго, Э. Э. Лямбека, А. Л. Петрова и С. Л. Пташицкаго.

Замѣтимъ еще, что въ русскомъ указателѣ матеріалъ расположенъ по народностямъ, а въ чешскомъ—по общему содержанію книгъ.

LXXI. Slovník Staročeský. Napsal Ian Gebauer. Выпускъ 6-й. Прага 1902.

Изданіе это, какъ мы уже упоминали, выходитъ иждивеніемъ Чешской Академіи Франца Іосифа и Чешскаго общества «Unie» и подвигается впередъ довольно успѣшно; теперь предъ нашими глазами уже шестой выпускъ (hajtmaniče, hajtmaniti—hrabénka, hrabična), обладающій тѣми же достоинствами, что и прежніе, и обѣщающій, повторяю, со временемъ нѣчто монументальное изъ даннаго труда. Пожелаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ названному прекрасному изданію, находящемуся въ столь надежныхъ рукахъ.

LXXII. Českoruský Slovník., sestavil Iosef Rank. Чешскорусскій словарь. Составилъ І. В. Ранкъ. Прага. 1902 г., 874 стр. in 16°+30.

Этотъ необходимый и давно ожидаемый трудъ вы-

ходилъ въ свѣтъ, начиная съ 1896 г., отдѣльными выпусками; всѣхъ ихъ оказалось девятнадцать, и къ послѣднему приложена обѣщанная краткая грамматика чешскаго языка на 30 стр., составленная довольно удачно и практично. Для студентовъ-филологовъ словеснаго отдѣленія словарь Ранка явился въ свѣтъ въ высшей степени кстати: чешсконѣмецкій словарь его же, которымъ приходилось пользоваться доселѣ, представлялъ большія неудобства для учащейся молодежи, въ чемъ мы неоднократно убѣждались при веденіи практическихъ занятій со студентами, а чешскорусскій словарикъ г. Вани былъ для нихъ слишкомъ недостаточенъ. Теперь этотъ важный пробѣлъ наконецъ заполненъ, и чешско-русскій словарь Ранка, конечно, сослужитъ большую службу въ дѣлѣ ознакомленія нашей учащейся молодежи съ чешскимъ языкомъ, знаніе котораго такъ важно для русскаго филолога...

Словарь очень удобенъ для пользованія и достаточно полонъ для пониманія обыкновенной разговорной и книжной чешской рѣчи. Правда, намъ случалось натыкаться на пропуски нѣкоторыхъ словъ и выраженій, но такихъ пропусковъ не такъ ужъ много, да и этотъ упрекъ относится къ словамъ, сравнительно мало распространеннымъ и не особенно употребительнымъ (напримѣръ, «přelíčení и нѣк. др.). При иныхъ объясненіяхъ неиспользованъ весь матеріалъ, какой можно было употребить; такъ, при словѣ «stupňování» надлежало, быть можетъ, прибавить, хотя бы въ послѣднемъ значеніи, и грамматическое истолкованіе его: подъемъ,— при словѣ «nalykati se» можно было прибавить и другое объясненіе, существующее и въ русскомъ языкѣ: налокаться.

LXXIV. М. Н. Кочубей: Къ генетической связи «Москаля чаривныка» и «Простака»: «Постой, или Когда одинъ теряетъ, то другіе пользуются». Фарсъ въ одномъ дѣйствіи. С.-Петербургъ 1902 г.

Г. Кочубею посчастливилось найти у одного итальянскаго букиниста вольный итальянскій переводъ одноактнаго французскаго фарса, сдѣланный драматическимъ артистомъ Л. Вестри, жившимъ въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Эту-то работу Вестри и перевелъ онъ на русскій языкъ подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, побуждаемый къ тому необычайнымъ сходствомъ ея содержанія съ таковымъ же двухъ извѣстныхъ малороссійскихъ комедій: «Москаль-Чаривныкъ»,—соч. И. П. Котляревскаго и «Простакъ»,—соч. Вас. Аѳ. Гоголя. Къ переводу г. Кочубея приложенъ и итальянскій подлинникъ, а вмѣсто введенія приведена небольшая статейка (1—8 стр.) подъ выше указаннымъ заглавіемъ. Составитель статейки не дѣлаетъ никакихъ выводовъ изъ указаннаго необычайнаго сходства въ содержаніи трехъ комедій; но за сдѣланную имъ находку изслѣдователи литературы будутъ ему очень благодарны, такъ какъ она оказывается, быть можетъ, довольно важнымъ и любопытнымъ вкладомъ въ теорію бродячихъ сюжетовъ въ европейской и азіатской народной словесности и вообще международныхъ литературныхъ заимствованій въ широкомъ смыслѣ этого слова. Не принадлежа къ безусловнымъ приверженцамъ этой модной теоріи, многія положенія которой нужно принимать лишь съ большою осторожностью, мы считаемъ возможнымъ объяснять указанное сходство въ содержаніи названныхъ фарсовъ лишь общими законами поэтическаго творчества у людей,—законами, которые нерѣдко въ значи-

тельной мѣрѣ обусловливаются общностью и сходствомъ культурныхъ условій жизни народовъ, почему и приводитъ къ болѣе или менѣе сходнымъ послѣдствіямъ.

Русскій переводъ этого любопытнаго фарса сдѣланъ, сколько можемъ судить, въ общемъ недурно, хотя далеко не всегда точно и исправно; такъ, напримѣръ, на 28 стр. въ явленіи восьмомъ можно бы пожелать большей ясности въ переводѣ предложенія: questi maestri fanno bocconi da disperati переведено: «эти маэстро рѣжутъ куски проклятыхъ (непереводимо)», а нужно перевести: «эти господа рѣжутъ куски, какъ отчаянные люди (Этотъ переводъ кажется намъ во всякомъ случаѣ точнѣе и ближе къ подлиннику); на той же страницѣ выраженіе Cattedra nel arte magnetica переведено «каѳедра искусства ѣсть», а нужно бы, кажется, перевести: «каѳедра искусства магіи, чародѣйства».

На 22 стр. непонятно выраженіе: Ахъ, Бриджидаія—лисица! (?) Въ подлинникѣ стоитъ: Ah! Brigidaccia volpona! т.-е. Ахъ, Бриджидушка—лисица!

LXXV. Іосифъ Голечекъ: «Боснія и Герцеговина за время оккупаціи». Переводъ съ чешскаго А. Вознесенскаго. Москва 1902 г. 263 стр. Ц. 2 р.

Эта дѣльная книга, которая много должна открыть русскому читателю, по сей часъ довольно беззаботному по части положенія и судьбы инославянскихъ народностей, снабжена недурнымъ изображеніемъ автора и снимкомъ съ его подписи, а также его предисловіемъ, гдѣ высказывается основная его точка зрѣнія на предметъ въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: «Наша точка зрѣнія—это точка зрѣнія славянской посполитости (?), составляющей единственную почву, на которой всѣ мень-

шіе славянскіе народы могутъ сохранить свое бытіе и доказать, что и они тоже знаютъ о своемъ историческомъ призваніи—способствовать, вопреки напору непріятельскаго потока, торжеству правды, справедливости и свободы, такъ чтобы эти драгоцѣнныя блага были собственностью не только славянъ, но и всѣхъ другихъ народовъ, безъ различія происхожденія и цвѣта, народности и вѣры,—всѣхъ народовъ, которые страстно желаютъ и оказываются достойными этихъ благъ».

Книга состоитъ изъ одиннадцати главъ, на протяженіи которыхъ авторъ съ свойственною ему всѣмъ извѣстною живостью и искусствомъ всесторонне старается изобразить наблюдаемую имъ картину быта и нравовъ любопытной страны и своеобразнаго ея населенія. Прочтите любую изъ этихъ главъ, напримѣръ, хотя бы четвертую: «Картина нравовъ. Господинъ Фельдбаба и госпожа Фельдбабова», чтобы убѣдиться въ замѣчательномъ изобразительномъ искусствѣ автора, не лишенномъ и извѣстной, въ мѣру, дозы юмора.

Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ, ежели не обращать вниманія на такіе неологизмы, какъ «бойовникъ» (40 стр.), «предстойникъ» (48-я стр.) причлениться (5-я строка сверху на 47 стр.) «гостинническія заведенія» (43 стр.), или варваризмы, какъ «кондюитъ» (?) на стр. 48, констатировать, интеллектъ (вм. умъ, напримѣръ, на стр. 118 «природный интеллектъ») и нѣк. друг.

LXXVI. Е В. «Путевыя впечатлѣнія. Далмація, Герцеговина, Боснія и Сербія». Лѣто 1902 г. Кіевъ 1903 г. 12 стр. Ц. 60 к.

Книга эта окажется очень небезполезною для того, кто пожелалъ бы хотя бѣгло ознакомиться съ совре-

меннымъ положеніемъ дѣлъ въ названныхъ четырехъ сербскихъ земляхъ. Правда, это только «путевыя впечатлѣнія, въ которыхъ много бѣглаго и случайнаго; но все же многія страницы являются весьма любопытными, а на стр. 46—60 приведенъ отрывокъ изъ очень интереснаго и вмѣстѣ малоизвѣстнаго меморандума, съ которымъ выведенные изъ терпѣнія жители Босны и Герцеговины нѣсколько разъ тщетно обращались къ императору Францу-Іосифу. Книга написана вообще удобочитаемо. Жаль только, что сербскія географическія названія склоняются авторомъ иногда неправильно: къ къ Алексинацу, вм. Алексинцу (120 стр.), отъ Алексинаца (вм. Алексинца, 121 стр.), отъ Ораньеловаца дос- Младеноваца (97 стр.) и т. д.

А. Степовичъ.

Реальное и гуманитарное образование.

Интересъ къ школьнымъ вопросамъ достигъ у насъ за последнее время небывалой интенсивности. Интересъ этотъ, при другихъ условіяхъ очень цѣнный для школы и, конечно, понятный со стороны родителей, довѣряющихъ стѣнамъ учебнаго заведенія самое драгоцѣнное свое сокровище—дѣтей, превратился, къ сожалѣнію, у насъ въ ожесточенную борьбу, по сравненію съ которой всѣ прежніе споры кажутся какою-то бурею въ стаканѣ воды. Борьба эта вынесена на улицу, на столбцы ежедневныхъ газетъ, гдѣ всякій считаетъ себя въ правѣ сочинять проекты и снисходительно поучать педагоговъ-спеціалистовъ. Подъ нестройный шумъ и гамъ этихъ разнообразныхъ голосовъ приходится проводить въ жизнь серьезныя реформы, приходится дѣлать свое трудное дѣло учителямъ средней школы,—между тѣмъ этой школѣ больше всего для своего преуспѣянія нужны миръ и тишина; а борьба лишаетъ спокойствія и хладнокровія, внося въ дѣло страстность, несдержанность, часто даже поспѣшность и необдуманность, столь опасныя, когда вопросъ идетъ ужъ не объ измѣненіи тѣхъ или другихъ методовъ преподаванія, не о частичныхъ улучшеніяхъ въ строѣ нынѣшней школы,

---

*) Рѣчь, произнесенная 15-го сентября 1902 г. на торжественномъ актѣ въ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Срав.: „Humanistische u. Realistische Bildung" von Prof. Dr. Muff. „Kernfragen des höheren Unterrichts" von Dr. Weissenfels.

а самое право на существованіе нѣкоторыхъ типовъ школъ подвергается сомнѣнію. Всякій согласится, что это ставитъ школу и ея дѣятелей въ особо тяжелыя и неблагопріятныя условія; какъ разъ въ такое время, когда происходитъ такая радикальная переоцѣнка цѣнностей, намъ кажется особенно умѣстнымъ остановиться на выясненіи двухъ направленій нашего образованія, реальнаго и гуманитарнаго, такъ какъ борьба за школу того или другого изъ этихъ двухъ типовъ раздѣлила наше интеллигентное общество на два враждебныхъ лагеря.

Школа, занимающаяся реальными дисциплинами, добивается знаній полезныхъ для практической жизни,— знаній, которыя дѣлаютъ человѣка властителемъ окружающаго его міра, даютъ ему возможность подчинить силы природы задачамъ культурнымъ. Тотъ же, кто стремится пріобрѣсти гуманитарное образованіе, имѣетъ въ виду всестороннее и равномѣрное развитіе своихъ духовныхъ силъ, которое дѣлаетъ его способнымъ къ самому глубокому мышленію, учитъ его наслаждаться истинно прекраснымъ, понимать жизнь и внутренній міръ человѣка во всемъ его многообразіи и побуждаетъ его къ благордству въ мысляхъ и поступкахъ. Но прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что самые термины эти—«реальная» и «гуманитарная» школа – крайне неточны. Въ самомъ дѣлѣ, и реальной школѣ въ достаточной степени присущъ гуманитарный элементъ, съ другой стороны, и гимназія широко раскрыла двери реальнымъ дисциплинамъ. Такими humaniora, общими обоимъ типамъ школъ, являются три предмета: законъ Божій, исторія и родной языкъ. Законъ Божій даетъ отвѣтъ на важнѣйшіе вопросы человѣческой жизни, опредѣляетъ отношеніе человѣка къ Богу, устанавливаетъ, что такое порокъ и добродѣтель, разъясняетъ наши задачи и взаимныя обя-

занности, отношенія людей между собой, учитъ истинной любви и предостерегаетъ отъ эгоизма; однимъ словомъ, даетъ наставленія къ такой жизни, которая угодна Богу и людямъ, служитъ на благо; это—высшее человѣческое образованіе, потому что оно стремится приблизить человѣка къ его первообразу.

Затѣмъ, исторія—великая учительница народовъ: она открываетъ намъ истинную связь событій, показываетъ, какія причины обусловливали расцвѣтъ извѣстнаго народа, какія привели его къ паденію; увѣщеваетъ насъ остерегаться нравственой порчи, пороковъ и преступленій, распрей и трусости, побуждая слѣдовать примѣрамъ привязанности и вѣрности, единенія между правителемъ и народомъ,—примѣрамъ мужества, энергіи, готовности жертвовать собою на службѣ отечеству,—раскрываетъ намъ прошлое, чтобы мы лучше могли понять настоящее и отчасти предугадывать будущее; показываетъ, гдѣ лежатъ корни нашей мощи, чтобы мы могли сами развиваться и способствовать развитію всемірной культуры; она преисполняетъ насъ уваженіемъ къ великимъ дѣяніямъ нашихъ предковъ, любовью и преданностью къ царю, народу и родинѣ. Исторія, такимъ образомъ, является проповѣдницею идеализма. А русскій языкъ съ его литературой, которая привлекаетъ нынѣ къ себѣ весь цивилизованный міръ! Сколько здѣсь выдающихся мощныхъ талантовъ, которые уносятъ насъ отъ мелочей суеты, повседневной жизни въ міръ идеаловъ, уча ненавидѣть все низкое, цѣнить все благородное и возвышенное, вызывая любовь къ наукамъ и искусствамъ, отклоняя отъ чувственной, себялюбивой жизни Наконецъ, и новые языки, франц. и нѣмец., могутъ являться гуманитарнымъ элементомъ въ реальной школѣ, если, преподавая эти языки, на образцо-

выхъ произведеніяхъ стараться развивать вкусъ учениковъ, облагораживать ихъ воззрѣнія.—Такимъ образомъ, и въ реальной школѣ достаточно гуманитарныхъ элементовъ, и обвиненія въ томъ, что она забрасываетъ идеалы, всецѣло служа утилитаризму, по меньшей мѣрѣ односторонни. Скажу больше: средняя школа безъ гуманитарныхъ элементовъ вообще не мыслима; если въ ней все будетъ направлено къ узко-практическому, въ жизни примѣнимому, то она будетъ выпускать ремесленниковъ безъ всякаго развитія.

Главная причина къ раздору между реалистами и классиками основана на томъ простомъ недоразумѣніи, будто сторонники гуманитарной школы считаютъ древніе языки, являющіеся характерною особенностью этой школы, какою-то панацеею, средствомъ, способнымъ развить всякаго субъекта. Это жестокое заблужденіе! Кто больше насъ классиковъ страдаетъ отъ того, что, только пройдя курсъ гимназіи, мы можемъ сдѣлаться самымъ заурядымъ чиновникомъ; кто больше насъ терпитъ отъ этого ужаснаго переполненія классовъ, отъ этого страшнаго наплыва совершенно неподходящихъ элементовъ. Нѣтъ, мы далеки отъ того, чтобы зазывать всѣхъ въ гимназію,—далеки отъ мысли ратовать за ея исключительныя привилегіи, считать ее единственно необходимымъ типомъ школы. Вѣдь это же избитая истина, что не все пригодно для всѣхъ. Учитель не всесиленъ; и не къ каждому дереву можно привить все, что угодно. По дарованію нашихъ учениковъ можно разбить на три главныхъ группы. На низшей ступени стоятъ субъекты, достаточно одаренные для охраненія своего индивидуальнаго существованія, съ нѣкоторыми зачатками эстетическаго и метафизическаго чутья. Но зачатки эти слишкомъ незначительны, чтобы ихъ можно было культиви-

ровать въ школѣ. Среднюю группу составляютъ тѣ смѣтливыя, практическія головы, которыя созданы для того, чтобы жить настоящимъ; которыя отлично умѣютъ пользоваться стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ; которыя способны въ области матеріальнаго преуспѣянія и на удачныя и сложныя комбинаціи, касающіяся будущаго. Но и въ нихъ религіозные, эстетическіе и философскіе задатки слишкомъ незначительны для того, чтобы выносить въ продолженіе многихъ лѣтъ черезчуръ сложное воздѣйствіе школы, и они не пригодны для классической гимназіи. Выше перечисленные гуманитарные элементы реальной школы дадутъ имъ болѣе подходящую пищу, чѣмъ классическая древность. Гимназія можетъ звать къ себѣ лишь третью категорію: лицамъ этой категоріи присуще стремленіе вызвать въ себѣ истинную картину жизни и человѣческихъ особенностей; не въ ихъ характерѣ хлопотливо суетиться и хватать верхи; даже, когда они отдаются практическимъ занятіямъ, ихъ тянетъ куда-то въ глубь. Они не могутъ беззавѣтно и безотчетно, какъ тѣ практическія натуры, всецѣло уходить въ настоящее. Въ нихъ живетъ стремленіе и задатки къ исторически-философскому познанію этого настоящаго. Они свое собственное «я» дѣлаютъ объектомъ изученія. Отъ настоящаго ихъ влечетъ къ прошедшему; въ связи съ этимъ прошедшимъ они желаютъ понимать и настоящее. Найдя опору противъ быстро смѣняющихся мнѣній и воззрѣній нашего непостояннаго времени, они призваны въ будущемъ быть духовными вождями своего народа. Ни одно государство не можетъ процвѣтать безъ этой небольшой, но сильной духомъ группы. Какое бы блестящее матеріальное положеніе ни создали лица второй категоріи своей родинѣ, безъ этой третьей весь этотъ внѣшній блескъ,

могущество и богатство, не долго продержится и неминуемо обречется на погибель!

Что же заставляетъ насъ рекомендовать изученіе древнихъ языковъ этой только что упомянутой группѣ учениковъ?

Вѣдь укажутъ на богатство новѣйшихъ литературъ, дѣлающее, по мнѣнію многихъ, совершенно излишнимъ занятіе мертвыми яз. Конечно, странно было бы отрицать замѣчательное развитіе и богатство новѣйшихъ литературъ; но, строго говоря, для школы въ нихъ сравнительно мало матеріала. Духовное сродство между нашимъ отечественнымъ языкомъ и языкомъ этихъ твореній, между понятіями и идеями нашими и высказываемыми въ нихъ, такъ велико, что усвоеніе ихъ именно въ школьномъ возрастѣ не имѣетъ такого воспитательнаго значенія, какъ изученіе античнаго міра. Но отчего же, скажутъ другіе, не знакомиться съ безсмертными твореніями древнихъ авторовъ по переводамъ? Какой бы выигрышъ въ количествѣ прочитаннаго тогда получился! Но, во-первыхъ, чтобы это чтеніе древнихъ произведеній имѣло развивающее значеніе, именно важна самостоятельная работа ученика; важно, чтобы онъ самъ добирался до смысла; важно, чтобы онъ сумѣлъ мысли древняго автора передать на нашъ родной языкъ. А самое главное у насъ порядочныхъ-то переводовъ и нѣтъ. Только геніальныя натуры по имѣющимся переводамъ могутъ получить нѣкоторое представленіе о красотахъ подлинника. Многіе даже сомнѣваются, что такіе переводы вообще важны. Когда теперь извѣстный эллинистъ Wilamowitz держалъ свой докторскій экзаменъ и хотѣлъ переводить предложенное ему изъ Лукреція мѣсто, то экзаменовавшій его профессоръ—кажется Морицъ Гауптъ—удовлетворившись однимъ чтеніемъ мѣста,

сказалъ: «оставьте переводъ,—понимать Лукреція мы оба понимаемъ, а перевести оба не можемъ». И самъ Виламовицъ говоритъ, что ничто не въ состояніи внушить такого отвращенія къ оригиналамъ, какъ чтеніе переводовъ.

Говорятъ, что древніе языки очень трудны, и что древній міръ отвлекаетъ насъ отъ настоящаго съ его запросами. И то, и другое вѣрно, и то, и другое имѣетъ свои хорошія стороны. Ученикъ не пріучается слегка скользить по поверхности, а съ самаго начала привыкаетъ къ серьезной работѣ; а игра въ ученіе менѣе всего умѣстна въ школѣ; во-вторыхъ, окружающій мальчика міръ съ его современными чудесами техники, съ его усовершенствованіями и изобрѣтеніями; нашъ языкъ съ массой разнообразныхъ понятій и терминовъ,—всѣ эти телефоны, телеграфы, грамофоны и т. д.,— все это чуть не съ рожденія толкаетъ ребенка впередъ, захватываетъ его и погружаетъ въ современную хитрую жизнь со всѣми ея специфическими особенностями, не заботясь ни о постепенности, ни о доступности преподносимаго, такъ что раціональной педагогикѣ приходится искать корректива, приходится заботиться о средствахъ, которыя бы позволили вести это развитіе ребенка по разумному методу въ необходимой постепенности. Такимъ коррективомъ и является изученіе античнаго міра. Погружаясь въ него, ученикъ знакомится съ первичными формами человѣческой жизни; пріобрѣтая болѣе глубокія воззрѣнія, онъ научается понимать явленія въ области современнаго искусства, литературы; созерцая сравнительно простую и чистую культуру древнихъ, онъ подготовляется къ пониманію сложныхъ факторовъ современной культуры; постепенное развитіе общества и государственныхъ формъ съ ихъ особенностями получаетъ

въ его глазахъ исторически—философское освѣщеніе.

Кромѣ того, грамматическое изученіе древнихъ языковъ является замѣчательнымъ дисциплинирующимъ и развивающимъ средствомъ: это школа логическаго мышленія; стоитъ вспомнить этимологію древнихъ яз. съ ея строго выработанными окончаніями въ склоненіи и спряженіи; этотъ синтаксисъ, оттѣняющій мельчайшіе изгибы человѣческой мысли; латинскую синонимику, съ ея тонкими оттѣнками, чтобы понять, сколько здѣсь пищи и работы для юнаго ума. Ничего подобнаго вы не найдете въ нѣмец., франц. и англійскомъ яз. съ ихъ упрощенными грамматиками. Но разумѣется, грамматика древнихъ языковъ не является самодовлѣющею цѣлью, а лишь средствомъ, ведущимъ къ пониманію литературныхъ памятниковъ. А что даютъ литературы обоихъ античныхъ народовъ! Греки дали намъ Гомера, этого поэта изъ поэтовъ, который создалъ свои произведенія для всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ; они дали намъ Эсхила, Софокла, Еврипида. Дѣянія и судьбы человѣческія, желанія и долгъ, свобода и роковая необходимость приходятъ у этихъ поэтовъ въ трагическое столкновеніе. Ихъ способъ выбирать матеріалъ, расчленять цѣлое, развивать дѣйствіе, обрисовывать характеры сдѣлался образцовымъ для всѣхъ временъ. Тутъ особенно надо отмѣтить Софокла. Его творенія исполнены какой-то общественной гармоніи, такъ они совершенны во всѣхъ отношеніяхъ; такого прекрасно построеннаго произведенія, напримѣръ, какъ Антигона, нѣтъ ни въ одной литературѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и блестящихъ талантовъ—Платонъ, этотъ идеалистъ изъ идеалистовъ, поэтъ и философъ.

Если ученики прочтутъ только его «Апологію» и

оцѣнять, и полюбятъ его Сократа, то и это одно уже громадное пріобрѣтеніе! А его ученіе, что задача государства въ развитіи нравственно прекраснаго, въ воспитаніи гражданъ къ добродѣтели и истинному счастью; мысль, что государство должно раскрыть гражданамъ высшій духовный міръ, и что наградою жизни земной является жизнь загробная!

Демосѳенъ съ его пламенною любовью къ родинѣ, съ его замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, сдѣлавшимъ самое имя «Демосѳенъ» именемъ нарицательнымъ.

Не менѣе замѣчательны историки Геродотъ, Ксенофонтъ и Ѳукидидъ. Красною нитью проходитъ въ греческой исторіи основная идея—преданность и готовность жертвовать собою на пользу отечества. Ярко выступаетъ въ ней грекъ съ своимъ идеализмомъ,—вспомните этотъ простой вѣнокъ на Олимпійскихъ играхъ. Развѣ не слѣдуетъ намъ учиться у грековъ любить этотъ вѣнокъ, т.-е. стремиться ко всему высокому и прекрасному, не поддаваясь чувству зависти, эгоизма, ненависти, не устремляя взоровъ лишь на деньги и сокровища, чувственныя удовольствія и развлеченія! Среди трехъ названныхъ историковъ особенно выдѣляется Ѳукидидъ, этотъ еще непревзойденный мастеръ своего дѣла! Рѣчь, которую онъ влагаетъ въ уста Перикла на могилѣ павшихъ въ бою аѳинянъ, принадлежитъ къ лучшимъ шедеврамъ, которые когда-либо выходили изъ-подъ пера человѣка. «Наше государственное устройство», говоритъ тамъ между прочимъ Периклъ: «и наше правительство даютъ просторъ всѣмъ элементамъ и позволяютъ развиваться всякому образу мыслей съ его особенностями; слѣдуетъ только уважать законъ и нравственные устои. Въ общественной и частной жизни мы стремимся къ благороднымъ наслажденіямъ; отдыхомъ

для нашего ума отъ заботъ повседневной жизни служатъ состязанія и ежегодныя жертвоприношенія, и извѣстное благосостояніе и удобство въ домашней жизни, которыя не даютъ развиться угрюмости. При могуществѣ нашего города и богатыхъ средствахъ сообщенія, которыми мы располагаемъ, мы можемъ собрать у себя сокровища всего земного шара. Наша сила заключается не въ томъ, что мы изгоняемъ чужестранцевъ и скрываемъ наши планы, а въ томъ, что мы воспитываемъ настоящихъ мужчинъ, развиваемъ мужество и рѣшимость итти навстрѣчу всякой опасности. Мы главнымъ образомъ покровительствуемъ наукамъ; политическое образованіе у насъ обще всѣмъ; общественная жизнь покоится на прочной основѣ, такъ какъ не посредствомъ полученныхъ, а посредствомъ оказанныхъ благодѣяній мы стараемся пріобрѣсти друзей. Такимъ образомъ Аѳины стали большимъ, могущественнымъ и всюду уважаемымъ городомъ, и за этотъ городъ пали эти герои!»

Наконецъ, каждому образованному христіанину, казалось бы пріятно быть въ состояніи читать Новый завѣтъ на греческомъ языкѣ.

Меньшимъ нападкамъ подвергаются римляне; тутъ все-таки еще помнятъ и понимаютъ, что латинскій яз.— родоначальникъ романскихъ, что онъ былъ языкомъ дипломатовъ и ученыхъ до 18 столѣтія; что онъ нуженъ поэтому историку и юристу съ его римскимъ правомъ.

Но и литература римлянъ заслуживаетъ полнаго вниманія; въ ней мы встрѣчаемся съ такими именами, какъ поэты: Виргилій и Горацій, историки Цезарь, Ливій и Тацитъ,—съ такимъ выдающимся, скажу, энциклопедистомъ, какъ Цицеронъ, который къ тому же былъ однимъ изъ величайшихъ стилистовъ всѣхъ временъ. Эти имена не нуждаются въ рекомендаціи! А исторія

римлянъ съ ихъ созидательной силой, превратившей крошечную общину въ всемірную имперію,—исторія, которая учитъ насъ, что это превращеніе было возможно потому, что римляне, за что ни принимались, имѣли всегда предъ глазами опредѣленную цѣль: потому что въ періодъ процвѣтанія Римской республики не было жертвы, которой бы они не принесли государству; потому что счастье и успѣхъ не рождали въ нихъ надменности, несчастье не вызывало отчаянія; потому что въ неудачѣ они черпали мужество и всегда неуклонно стремились къ намѣченной цѣли; они знали цѣну дисциплинѣ, имѣли, кромѣ того, колонизаторскій талантъ, поэтому они побѣждали одинъ народъ за другимъ, покоряли царство за царствомъ и устроили государство на столь прочномъ фундаментѣ, что всѣ народы могутъ у нихъ учиться, какое бы государственное устройство они ни имѣли.

Такъ вотъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такой матеріалъ, мы желаемъ при помощи его воспитывать вѣрныхъ слугъ царю и отечеству, людей съ глубокимъ благороднымъ образомъ мыслей и съ умѣньемъ выражать эти мысли,—людей, которые съ широкими горизонтами возьмутся за всякую работу, которые ясно понимаютъ человѣка, его внутренній и окружающій его міръ, которые потрудятся на пользу науки и на благо своихъ ближнихъ.—Но, конечно, такіе результаты возможны лишь при правильной постановкѣ дѣла въ гуманитарной школѣ. Если эта школа, отдавая дань своему времени, приняла въ число предметовъ своего преподаванія естественную исторію, то это можно только привѣтствовать; но, если она, при изученіи языковъ, будетъ покровительствовать какому-то дилетантизму, если она будетъ стыдиться грамматики; если при чтеніи авторовъ будутъ

заниматься кропотливымъ собираніемъ историческихъ фактовъ; если, знакомя съ исторіей. будутъ гнаться только за реконструкціей прежнихъ временъ, то гуманитарная школа пойдетъ по ложному пути, и часъ ея гибели близокъ.—Человѣкъ съ его внутреннимъ міромъ—вотъ самый важный предметъ изученія! Когда читается какое-нибудь произведеніе древняго автора, его слѣдуетъ объяснять, какъ результатъ античнаго міросозерцанія; обрисовка характеровъ, выясненіе античнаго духа—вотъ задача гимназіи.

Г. Зоргенфрей.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ III.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1903.

Содержаніе III выпуска.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

43-й годъ изд. — въ 1903 году — **43-й** годъ изд.

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. Кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Ученымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. Духовныхъ Семинарій и Училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. Коммерческихъ Училищъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 43-й годъ своего существованія и 5-й годъ изданія подъ новой редакціей, попрежнему будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, будетъ преслѣдовать цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ улучшеніи преподаванія и правильной постановкѣ русскаго языка и другихъ предметовъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.,» открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ —великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1903 году, кромѣ извѣстныхъ уже читателямъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ, обѣщали помѣщать свои труды въ «Филол. Зап.» нѣкоторые профессора университетовъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8—9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, не менѣе 16—18 листовъ.

Въ текущемъ 1903 году издательницами «Филологическихъ Записокъ» приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы выпуски журнала выходили своевременно, безъ опаздыванія.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес.,—за границу **8** р. съ пер. Для г.г. преподавателей уступка—1 р.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ заблаговременно, 2) по возможности обращаться съ подпискою, во избѣжаніе недоразумѣній, прямо въ контору, 3) высылать подписную плату полностію—17 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып.;

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к. съ пер.,—за 1899, 1900 и 1901, 1902 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15%**.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала «Филологическ. Зап.» Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Редакторы*) { С. Н. Прядкинъ, Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

---

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Оскаровича Гааве—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ
„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматическомъ и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ.

Ученіе о періодахъ въ нашей учебной литературѣ помѣщается частію въ грамматикѣ, частію въ риторикѣ (теоріи словесности). Мы не будемъ входить въ разборъ, обѣ ли эти науки имѣютъ право считать этотъ вопросъ своимъ, или же одна какая-либо изъ нихъ имѣетъ бо́льшія права; вопросъ этотъ самъ по себѣ заслуживаетъ особаго изслѣдованія; впрочемъ, мы коснемся и этого вопроса, но лишь въ концѣ нашего изслѣдованія. Наша задача— прослѣдить, какъ постепенно развивалось ученіе о періодѣ отъ Аристотеля до нашихъ дней; что въ этомъ ученіи заслуживаетъ признанія съ нашей стороны и что должно быть отброшено, какъ излишній балластъ. Постараемся изложить наши наблюденія въ самыхъ простыхъ и по возможности точныхъ и ясныхъ разсужденіяхъ.

Въ нашихъ учебникахъ и изслѣдованіяхъ по грамматикѣ и риторикѣ (теоріи словесности) ученіе о періодахъ излагается авторами частію на основаніи собственныхъ наблюденій и размышленій, частію по изслѣдованіямъ этого вопроса древними риторами. Поэтому, чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о послѣдовательномъ развитіи этого ученія, необходимо разобрать мнѣнія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ авторовъ и сдѣлать сводъ этихъ мнѣній хотя въ основныхъ чертахъ и по наиболѣе выдающимся и распространеннымъ курсамъ и изслѣдованіямъ. Мы и постараемся сдѣлать это, при чемъ сначала разсмотримъ, что сдѣ-

лано древними по занимающему насъ вопросу, потомъ, что прибавлено или улучшено новѣйшими изслѣдователями ученія о періодахъ.

Изъ древнихъ авторовъ, излагавшихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ученіе о періодѣ, разсмотримъ мнѣнія Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана.

Аристотель, отецъ логики и многихъ другихъ наукъ, написалъ книгу: „Искусство краснорѣчія" (τέχνη ῥητορική), въ которой опредѣлилъ періодъ такимъ образомъ: „Періодомъ я называю рѣчь (λέξις), заключающую въ себѣ начало и конецъ (ἀρχήν καὶ τελευτήν) и имѣющую величину, легко обозрѣваемую глазомъ (εὐσύνοπτον). Кн. III, гл. 9.

Опредѣленіе это, понимаемое въ его буквальномъ смыслѣ, для насъ теперь не ясно и требуетъ, чтобы понять его, довольно подробнаго и обстоятельнаго разбора. Что такое, напримѣръ, λέξις? Что такое ἀρχὴ καὶ τελευτή? Самое слово περίοδος есть сравненіе; но какой предметъ въ области рѣчи означается этимъ именемъ, и это нуждается въ объясненіи. Нужно разобрать каждое слово этого опредѣленія, и тогда только будетъ ясно, какое вліяніе можетъ имѣть оно на систему ученія о той формѣ рѣчи, которая у насъ теперь называется періодомъ.

Опредѣленіе во всякой наукѣ имѣетъ весьма важное значеніе: имъ устанавливается система знаній, относящихся къ опредѣляемому предмету, и весь строй ученія о немъ. Поэтому мы будемъ стараться, по мѣрѣ силъ своихъ, глубже проникнуть въ каждую часть опредѣленія, даннаго отцомъ логики, и все содержаніе этого опредѣленія разъяснить, по возможности, при помощи разсужденій самого же Аристотеля.

„Періодъ", говоритъ Аристотель: „бываетъ двоякій: одинъ состоитъ изъ членовъ (ἡ ἐν κώλοις), другой—простой (ἡ δὲ ἀφελής). Изъ членовъ состоитъ рѣчь (λέξις) вполнѣ законченная, раздѣляющаяся на части, позволяющая переводить

духъ не только въ частяхъ, но и въ цѣломъ. Членъ (κῶλον) есть часть его (періода). Простымъ я называю одночленный (μονόκωλον)". Гл 9.

Значитъ, слово „періодъ" у Аристотеля имѣетъ широкое значеніе: и членъ (κῶλον) есть періодъ, именно простой, одночленный; и нѣсколько членовъ—тоже періодъ, членный (ἡ εν κώλοις) или многочленный. Многочленный періодъ по Аристотелю, отличается полною законченностію, долженъ имѣть паузы, т.-е. перерывы, гдѣ при чтеніи необходимо перевести духъ.

Нельзя не замѣтить, что въ разсужденіи этомъ кое-что не ясно. Колонъ оказывается и періодомъ, и частію періода; отсюда запутанная терминологія: и κῶλον, и μονόκολον, и περίοδος ἀφελής,—все это—періоды. Но если это—не различныя, а одинаковыя формы, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ три термина?... „Полная законченность", „паузы" суть признаки, не достаточно характерные для періода, такъ какъ свойственны и періоду, и колону, которые слѣдуетъ разграничивать, а не отождествлять, какъ увидимъ ниже. Кромѣ того, полная законченность или наибольшая распространенность и обиліе паузъ находится въ связи съ величиной періода. . Но „величина" періода, по ученію Аристотеля, есть особый признакъ періода, почему будемъ говорить объ этомъ далѣе, особо.

«Рѣчь (λέξις)", говоритъ Аристотель: „состоитъ или изъ единичныхъ связныхъ словосочетаній (λέξις εἰρομένη καὶ τῷ σύνδεσμω μία—elocutio connexa et conjunctione una), или изъ округленныхъ словосочиненій (λέξις κατεστραμμένη—elocutio ambitu comprehensa). Единичными связными словосочетаніями я называю такія выраженія, которыя сами по себѣ не имѣютъ конца и не заключаютъ въ себѣ законченнаго содержанія. Такая рѣчь не пріятна, такъ какъ не имѣетъ окончаній. Округленныя словосочиненія это—рѣчь,

идущая кругами (ἡ ἠν περίοδοις). Она пріятна и легко заучивается. Пріятна потому, что противоположна той, которая идетъ безъ окончаній. Легко заучивается потому, что легко запоминается; а это происходитъ отъ того, что она идетъ кругами и имѣетъ число (ἀριθμόν—numerum), благодаря которому запоминаніе облегчается всего лучше". Гл. 9.

Можно полагать, что здѣсь говорится о „видахъ слога", какъ мы теперь выражаемся, или „genera dicendi", какъ говоритъ Цицеронъ (Orat). Впрочемъ, слово λέξις у Аристотеля можно понимать и въ значеніи „формы рѣчи" (orationis formae. Cic.); но въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ предпочтительнѣе первое толкованіе. Итакъ, λέξις κατεστραμμένη (elocutio ambitu comprehensa) это—рѣчь періодическая; значитъ, λέξις εἰρομένη (elocutio connexa), какъ противоположная той, должна означать то, что мы теперь называемъ рѣчью отрывистою. Однако полное отождествленіе нашей терминологіи съ терминологіей Аристотеля едвали возможно, такъ какъ терминъ „періодъ", какъ мы уже видѣли, у Аристотеля имѣетъ не точно такое же значеніе, какое теперь дается ему у насъ.

Рѣчи періодической Аристотель отдаетъ предпочтеніе предъ рѣчью непеaccording періодическою потому, что она идетъ кругами", и потому, что въ ней бываетъ „число (ἀριθμός—numerus). Подробнѣе о „числѣ" мы будемъ говорить нѣсколько ниже; теперь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что это—особаго рода прозаическое благозвучіе, или, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ самъ Аристотель, „ритмъ" (ῥυθμός—rhythmus); отсюда и самая рѣчь, идущая кругами, у Аристотеля называется „эвритмическою (εὐρυθμός). Слѣдовательно, рѣчь періодическая по Аристотелю не столько періодическая въ нашемъ значеніи этого слова, сколько „эвритмическая", т. е. украшенная ритмами, которыхъ въ нашей прозѣ вообще и въ періодѣ въ частности совсѣмъ нѣтъ,

и которые едвали могутъ быть. Значитъ, отождествлять нашъ терминъ—„періодическая рѣчь“ съ аристотелевымъ терминомъ —„рѣчь, идущая кругами“, дѣйствительно было бы не точно.

Мы нашли уже нѣсколько признаковъ періода въ ученіи Аристотеля объ этой формѣ рѣчи, именно: законченность выраженія, паузы или передышки, число, или ритмъ; признаки эти уже можно до нѣкоторой степени обобщить. Аристотель, очевидно, судилъ о періодѣ не съ грамматической точки зрѣнія, опредѣлялъ его не по синтактическому построенію, а съ точки зрѣнія музыкально-художественной, или, говоря его словомъ, эвритмической. Рѣчь періодическая, говоритъ онъ, пріятна потому, что идетъ кругами, имѣетъ число, или ритмъ, раздѣляется паузами на части. Слѣдовательно, рѣчь періодическая, это—рѣчь мѣрная, благозвучная, или „эвритмическая“. Напротивъ, рѣчь непеіодическая—не пріятна, потому что не имѣетъ такихъ же качествъ, а если и имѣетъ, то въ меньшей мѣрѣ... Но, чтобы еще лучше уяснить этотъ предметъ, необходимо взять еще нѣсколько выдержекъ изъ разсужденій Аристотеля.

„Рѣчь, состоящая изъ членовъ (ἡ εν χώλοις—quae membratim profertur)“, говоритъ Аристотель: „бываетъ или разнообразная (διηρημένη—distineta), или противоположительная (ἀντιχειμένη—opposita). Разнообразная рѣчь, напримѣръ, такова: πολλάχις ἐθαύμασα τᾶς πανηγόρεις συναγαγώντων χὰι τοῦς γυμνιχῶς ἀγῶνας χαταστησάντων (saepius admiratus sum eos, qui panegyres congregantur, eosque, qui gymnica certamina instruerunt). Противоположенная бываетъ тогда, когда или въ двухъ членахъ дѣлается противоположеніе, или противоположеніе содержится въ одномъ и томъ же членѣ; напр., οἱ μὲν γὰρ ἀυτῶν χαχῶς ἀπώλοντο, οἱ δ' αἰσχρῶς ἐσώθησαν (alii enim ex iis male perierunt, alii vero turpiter servati sunt)“. Гл. 9.

Здѣсь „рѣчь“, т. е. формы рѣчи, дѣлится по ея со-

держанію. Но о содержаніи формъ рѣчи будемъ говорить потомъ, теперь же обратимъ вниманіе на то, что указанные отрывки рѣчи приведены Аристотелемъ, какъ примѣръ рѣчи, идущей колонами (ἡ ἐν κώλοις—quae membratim profertur). Что же такое колонъ?—Οἱ μὲν γὰρ ἀυτῶν κακῶς ἀπώλοντο", это—колонъ. Значитъ, въ грамматическомъ отношеніи колонъ есть не что иное, какъ простое предложеніе. Припомнимъ теперь, что у Аристотеля κῶλον въ то же время есть и μονόκωλον, или περίοδος ἀφελής. Отсюда такое выраженіе, какъ: „Οἱ μὲν γὰρ ἀυτῶν κακῶς ἀπώλοντο, οἱ δ' ἀισχρῶς ἐσώθησαν", по Аристотелю должно быть періодомъ многочленнымъ, такъ какъ здѣсь нѣсколько колоновъ. Слѣдовательно, слово періодъ, какъ мы уже говорили, у Аристотеля дѣйствительно имѣетъ обширное и своеобразное значеніе, т.-е. этимъ словомъ называется и простое въ грамматическомъ отношеніи предложеніе, и сложное предложеніе, и то, что мы теперь называемъ періодомъ; вообще всякое предложеніе по Аристотелю можетъ быть періодомъ при извѣстномъ условіи, т.-е., если въ немъ есть ритмы.

Мы сказали, что выписанные выше примѣры Аристотель приводитъ не въ качествѣ рѣчи, идущей колонами. Что же мѣшаетъ ей назваться періодической?—То, что здѣсь нѣтъ чиселъ „или ритмовъ"; это—рѣчь не эвритмическая. Слѣдовательно, чтобы рѣчь была по Аристотелю періодическою, необходимо только, чтобы она была эвритмическою, въ какой бы грамматической формѣ она ни содержалась.

Теперь поговоримъ о ритмѣ, или числѣ, этомъ существенномъ признакѣ періода по Аристотелю; изъ разбора разсужденій самого Аристотеля объ этомъ признакѣ періода понятіе его о періодѣ будетъ еще яснѣе.

„Внѣшній видъ рѣчи (τὸ σχῆμα λέξεος) не долженъ

быть стихотворный, но не долженъ быть безъ „числа“ (ἄρρυθμος—numerorum expers), иначе она не убѣдительна; рѣчь же, имѣющая „число“, представляется болѣе художественною и болѣе способною овладѣвать вниманіемъ..., Рѣчь безъ „числа“ не имѣетъ ни окончаній, ни разграниченій... Она должна быть разграниченная, но не метрическая, потому что, не имѣетъ разграниченій, не пріятно и не ясно. „Числомъ“ не все оканчивается благозвучно. Во внѣшнемъ видѣ рѣчи число и есть ритмъ (ρυθμός—rhythmus), въ составъ котораго могутъ входить и метры (τὰ μέτρα). Итакъ, въ рѣчи долженъ быть ритмъ, а не метры, иначе будетъ нѣчто поэтическое (ποίημα). Гл. 8.

Такимъ образомъ, эвритмизмъ, несомнѣнно, есть существенное отличіе періодической рѣчи, по ученію Аристотеля, какова бы она ни была по своему грамматическому строю. Называя періодомъ не третью форму рѣчи, а особое построеніе прозаической рѣчи вообще, Аристотель полагалъ и стремился разъяснить мысль, что прозу можно и слѣдуетъ строить наподобіе стиховъ: въ прозѣ могутъ быть и должны быть стопы или ритмы, такъ какъ ритмъ и есть прозаическая стопа. Рѣчь прозаическая не должна быть безъ ритмовъ, говоритъ онъ, такъ какъ рѣчь эвритмическая и наиболѣе художественна, и наиболѣе убѣдительна, и наиболѣе пріятна. Чтобы понять такое усиленное восхваленіе рѣчи эвритмической, нужно припомнить, что у грековъ были гласные долгіе и короткіе; что неудачное стеченіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ могло производить непріятное впечатлѣніе; напротивъ, мѣрное чередованіе гласныхъ долгихъ съ короткими могло рождать благозвучіе, не совсѣмъ знакомое намъ, такъ какъ въ языкѣ нашемъ нѣтъ ни долгихъ, ни короткихъ гласныхъ. Отсюда естественны были и такія горячія заботы о благозвучіи и такія усиленныя старанія о построеніи прозаической рѣчи наподобіе стиховъ. Значитъ,

и самое ученіе древнихъ о періодической рѣчи не есть ученіе о періодѣ въ нашемъ смыслѣ этого слова, т.-е. какъ о третьей формѣ рѣчи, а есть ученіе о наиболѣе художественномъ построеніи прозаической рѣчи вообще.

Теперь посмотримъ, что такое „начало и конецъ" (ἀρχή καὶ τελευτή). Періодъ долженъ заключать въ себѣ начало и конецъ, говоритъ Аристотель; значитъ, признаку этому въ характеристикѣ періода придавалось существенное значеніе. Но, такъ какъ признакъ этотъ, какъ уже можно было видѣть изъ разобранныхъ отрывковъ, находится въ связи съ ученіемъ о ритмѣ, то и дальнѣйшее наше разсужденіе будетъ продолженіемъ обсужденія того же предмета, именно ученія о ритмѣ. Что же такое „начало и конецъ"?

Говоря о ритмѣ, какъ признакѣ періодической рѣчи, Аристотель подробно перечисляетъ различные ритмы; назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: ῥυθμός ἡρῷος—rhythmus heroicus, τροχαῖος ῥυθμός—rhythmus trochaicus и др. Есть нѣсколько интересныхъ для насъ подробностей въ разсужденіи о ритмѣ „пеанъ" (παιάν). „Пеаномъ пользуются", говоритъ Аристотель: „и въ началѣ рѣчи (λέξις). Но начало отъ конца слѣдуетъ отличать. Есть два пеана. Одинъ хорошъ въ началѣ. Это—тотъ пеанъ, въ которомъ первый слогъ—долгій, три послѣднихъ короткіе; напр. Δαλογενές, εἴτε Λυκίαν. Другой пеанъ—противоположенъ: три первыхъ слога—короткіе, послѣдній—долгій. Этимъ хорошо оканчивать, потому что короткій слогъ дѣлаетъ рѣчь какою-то куцою". Гл. 8.

Очевидно, „начало и конецъ" слѣдуетъ понимать буквально. Это—слова, которыми начинается й оканчивается „періодъ"; въ этихъ словахъ непремѣнно должны были быть стопы или ритмы, иначе выраженіе не будетъ „періодомъ". Въ логикѣ Аристотеля слово ἀρχή имѣетъ и другое значеніе: тамъ этимъ именемъ означается основоположеніе силло-

гизма, изъ котораго дѣлается заключеніе (Владиславлевъ. Логика 1872 г. прилож. стр. 23). Но въ риторикѣ, именно въ ученіи о періодѣ, *ἀρχή καὶ τελευτή* значатъ собственно начало и конецъ періода. Также эти термины понимали и Цицеронъ, и Квинтиліанъ, какъ увидимъ ниже. Начало и конецъ періода, по ученію Аристотеля, должны быть устраиваемы благозвучно, т.-е. имѣть ритмы. Самый ритмъ, какъ ясно видно изъ этого же отрывка, есть не что иное, какъ стопа, подобно метрамъ въ стихахъ; впрочемъ, между ритмами и метрами есть и различіе, которое однако опредѣляется древними риторами не совсѣмъ ясно, какъ увидимъ далѣе. Но вотъ вопросъ: можетъ ли начало и конецъ" быть отличительнымъ признакомъ именно періода, т.-е. одному ли только періоду въ нашемъ значеніи этого слова свойственно благозвучіе этого рода?

Изъ самаго понятія Аристотеля о періодѣ, какъ оно изложено нами выше, уже видно, что эвритмическое строеніе рѣчи „начала и конца" возможно не только въ періодѣ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, но и въ сложномъ предложеніи, и даже и въ простомъ предложеніи, которыя у Аристотеля не разграничиваются грамматически и называются сложное—періодомъ членнымъ или многочленнымъ, простое—періодомъ простымъ или одночленнымъ. Аристотель и самъ учитъ, что благозвучіе должно быть во всѣхъ формахъ рѣчи безразлично. „Рѣчь вообще слѣдуетъ украшать ритмами"... „Рѣчь должна быть эвритмическою" (*εὐρυθμοὶ δεῖ εἶναι τὴν λέξιν*). Гл. 8. Онъ даже даетъ нѣкоторыя указанія относительно благозвучія рѣчи вообще. Въ началѣ, говоритъ онъ о рѣчи, состоящей изъ колоновъ, бываютъ сходны имена, а въ концѣ послѣдніе слоги или падежи одного и того же имени, или самое имя. Въ началѣ такимъ образомъ: *Δωρητοὶ τ' ἐπέλοντο, παραρρητοί τ' ἐπεέσσιν* (placati donis, placatique verbis fuerunt). Въ концѣ такъ: *Ὠιήθησαν*

ἀυτὸν παιδίον τετοκέναι, αλλ' ἀυτὸν ἀιτεόν γεγονέναι (putarunt ipsum puerum peperisse, sed ejus causam extitisse). Падежи одного и того же имени: ἄξιος δὲ σταθῆναι χαλκοῦς, οὐκ ἄξιος ὢν χαλκοῦ (est autem dignus aerea statua, qui non dignus est aere). Одно и то же имя: Σὺ δὲ ἀυτον κὰι ζῶντα ἔλεγες κακῶς κὰι νῦν ἀποθανόντα γράφεις κακῶς (tu illi, cum viveret, dicebas male, et nunc in eum, cum mortuus est, scribis male)". Гл 9.

Слѣдовательно, и въ рѣчи, состоящей изъ колоновъ, по мнѣнію самого же Аристотеля, бываетъ и должно быть благозвучіе. Правда, благозвучіе этого рода отличается отъ благозвучія ритмическаго: послѣднее—искусственное, а первое—безыскусственное, такъ какъ является въ рѣчи само собой. Такое благозвучіе есть и въ другихъ языкахъ. Въ русскомъ языкѣ оно не рѣдко встрѣчается въ пословицахъ въ видѣ риѳмы или аллитераціи, которая бываетъ и въ серединѣ, и въ концѣ предложенія; напр.: „Безъ Бога ни до порога; Отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся". Но различіе между искусственнымъ и безыскусственнымъ благозвучіемъ—не существенно; поэтому, въ качествѣ отличительнаго признака періода, благозвучіе—признакъ, не достаточно характерный.

Къ отличительнымъ признакамъ періода Аристотель относитъ еще „величину" (μέγεθος): „періодъ долженъ имѣть величину, легко обозрѣваемую глазомъ". Признакъ этотъ тоже внесенъ въ опредѣленіе періода, слѣдовательно, ему придавалось нѣкоторое значеніе. Но различныя степени длинноты и короткости свойственны всѣмъ формамъ рѣчи: и предложенію простому, и предложенію сложному, и періоду; предложеніе сложное иногда бываетъ даже длиннѣе періода. Аристотель и самъ допускалъ различныя степени длинноты и короткости какъ для періода, такъ и для колона, когда говорилъ: „и колоны, и періоды не должны быть ни коротки, ни длинны". Гл. 9.

Что дѣйствительно „величина“ не можетъ быть отличительнымъ признакомъ періода, для подтвержденія этого возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ русской литературы; это не помѣшаетъ намъ правильно судить о періодѣ вообще, такъ какъ въ грамматическомъ отношеніи періоды въ основныхъ чертахъ сходны и въ древнихъ, и въ нашемъ языкѣ. Вотъ примѣры періодовъ и короткаго, и длиннаго:

Хотя много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы: однако нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. *Щебальскій.*

Я не только любилъ смотрѣть, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ свою добычу,—я любилъ все на охотѣ: какъ собака, почуявъ слѣдъ перепелки, начнетъ горячиться, мотать хвостомъ, фыркать, прижимая носъ къ землѣ; какъ, по мѣрѣ того, какъ она подбирается къ жницѣ, горячность ея часъ отъ часу увеличивается; какъ охотникъ, высоко поднявъ на правой рукѣ ястреба, а на лѣвой удерживая на своркѣ горячую собаку, посвистывая, горячась самъ, почти бѣжитъ за нею; какъ вдругъ собака, иногда искривясь на на бокъ, загнувъ носъ въ сторону, какъ будто окаменѣетъ на мѣстѣ; какъ охотникъ кричитъ запальчиво—„пиль-пиль!“ и, наконецъ, толкаетъ собаку ногой; какъ, Богъ знаетъ откуда, изъ-подъ самаго носа, съ шумомъ и чиканьемъ вырывается перепелка, и уже догоняетъ её съ распущенными крыльями ястребъ, и уже догналъ, схватилъ, пронесъ нѣсколько сажёнъ и опускается съ добычею на траву или жнитву“. *С. Аксаковъ.*

Длиннота и краткость выраженія, конечно, частію зависитъ отъ говорящаго или пишущаго: одинъ выражается сжато, другой—растянуто или многословно; но въ то же время форма рѣчи не мало зависитъ и отъ качества мысли. Попробуйте въ приведенныхъ примѣрахъ что-либо измѣнить:

въ первомъ что-либо прибавить, а во второмъ—что-либо убавить; едва ли отъ этого періоды улучшатся.

Мы сказали, что и сложное предложеніе иногда бываетъ длиннѣе періода. Подтвердимъ это примѣрами:

„Когда пойдутъ по небу горами синія тучи; черный лѣсъ шатается до корня; дубы трещатъ, и молнія, изламываясь межъ тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ: страшенъ тогда Днѣпръ".—*Гоголь.*

„Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ". *Пушкинъ.*

Примѣры эти иногда приводятся въ качествѣ періодовъ, но это—ошибочно: это—не періоды, а сложныя предложенія; за періоды принимаютъ ихъ по „величинѣ", такъ какъ не вникаютъ въ ихъ грамматическій составъ.

Значитъ, говорить о величинѣ періода, какъ объ отличительномъ признакѣ этой формы рѣчи, едва ли цѣлесообразно: „величина" не можетъ быть отличительнымъ признакомъ ни одной формы рѣчи въ частности.

Аристотель слегка касается и содержанія періода. „Въ періодѣ", говоритъ онъ: „должна содержаться мысль законченная, а не отрывочная". Гл. 9. Разсуждая о рѣчи, „идущей колонами", о чемъ мы уже говорили, онъ дѣлитъ ее по содержанію на разнообразную и противоположенную. Послѣднюю онъ ставитъ выше первой, при чемъ даетъ нѣсколько примѣровъ сложныхъ предложеній, различныхъ по содержанію и грамматическому строю: соединительныхъ, противительныхъ и проч. Выше мы привели примѣры предложеній соединительнаго и постепеннаго, теперь возьмемъ еще одинъ примѣръ, именно предложенія раздѣлительнаго:

„ἢ ζῶντας ἔζειν, ἢ τελευτήσαντας καταλεῖψειν (vel viventes habere, vel mortuos relinquere“). „Такая рѣчь“, говоритъ Аристотель: „пріятна потому, что въ ней выдвигаются на видъ противоположенія, которыя особенно бываютъ замѣтны, когда они сопоставляются одно съ другимъ, и потому, что такая рѣчь имѣетъ видъ умозаключенія (ἔοικε συλλογισμῷ—ratiocinationis formam prae se fert). Гл. 9.

Какъ въ сложномъ предложеніи, такъ и въ періодѣ и на самомъ дѣлѣ бываетъ иногда умозаключеніе; однако это явленіе непостоянное, случайное и потому отнюдь не можетъ быть характернымъ признакомъ ни періода, ни сложнаго предложенія... Но относительно этого вопроса ограничимся здѣсь краткимъ замѣчаніемъ, такъ какъ подробно будемъ говорить объ этомъ далѣе.

Итакъ, опредѣленіе періода, данное Аристотелемъ, по нашему мнѣнію, нельзя назвать удовлетворительнымъ, такъ какъ ни одинъ признакъ, приписанный періоду, не имѣетъ существеннаго значенія, и по нимъ нельзя разграничить періодъ не только отъ сложнаго предложенія, но даже и отъ простого. Правильно охарактеризовать періодъ и разграничить отъ сложнаго предложенія можно только на почвѣ грамматической, именно по синтактическому строю этой формы рѣчи; но Аристотель, какъ мы уже замѣчали, на грамматическую сторону формъ рѣчи не обращалъ вниманія.

И дѣленіе періодовъ на одночленные, или простые, и членные, или многочленные (сложные)—тоже сбивчиво и не ясно: колонъ оказывается и колономъ, и періодомъ, и частію періода, т. е. колонъ и періодъ не разграничены одинъ отъ другого.

М. Т. Цицеронъ написалъ нѣсколько изслѣдованій объ искусствѣ краснорѣчія: „De oratore“, „Brutus“, „Orator“. Содержаніе ихъ частію заимствовано у Аристотеля, почему основныя мысли Цицерона о періодѣ таковы же, что и мнѣ

нія Аристотеля. Мы ограничимся немногими, самыми необходимыми, выдержками изъ разсужденій Цицерона, потому что о тѣхъ же предметахъ еще разъ прійдется говорить при разборѣ разсужденій Квинтиліана, который еще разъ говорилъ то же, только съ большими подробностями.

Цицеронъ опредѣлилъ періодъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Періодъ (circuitus) есть рѣчь (oratio), которая какъ бы заключена въ кругѣ и бѣжитъ, пока мысль достигнетъ полной законченности". Orat. 207.

Не трудно догадаться, что Цицеронъ только объясняетъ слово „періодъ". Что касается признака—„законченность мысли", то мы уже говорили о немъ при разборѣ ученія Аристотеля. Такимъ образомъ, Цицеронъ ничего болѣе точнаго не внесъ въ опредѣленіе періода; попрежнему не ясно, что такое періодъ.

Цицеронъ говоритъ о трехъ формахъ рѣчи (Orationis formae): incisum, membrum, circuitus, при чемъ послѣдняя форма у него называется различными именами: ambitus, comprehensio, circumscriptio и др. Что разумѣлъ Цицеронъ подъ этими тремя формами, лучше всего можно видѣть изъ его разсужденій. Возьмемъ нѣсколько выдержекъ, гдѣ говорится о названныхъ формахъ рѣчи.

„К. Карбонъ, трибунъ народный", говоритъ Цицеронъ: „въ народномъ собраніи произнесъ слѣдующія слова: „O Marce Druse! Patrem apello". Эти два (выраженія)—по двѣ стопы (въ каждомъ сказаны) incisim; потомъ membratim: tu dicere solebas, sacram esse rempublicam. Это—члены (membra) по три стопы (въ каждомъ). Послѣ того періодъ (ambitus): Quicuncque violavissent, ab omnibus esse persolutas ei poenas postulabas. Дихорей. Нѣтъ нужды, долгимъ или короткимъ онъ оканчивается". Orat. 213, 214.

Слѣдовательно, всѣ три формы рѣчи: incisum, mem-

brum и circuitus, Цицеронъ разграничиваетъ по качеству ритмовъ. „О Marce Druse! Patrem apello", это—два incisa, „въ каждомъ по двѣ стопы", замѣчаетъ Цицеронъ. „Tu dicere solebas, sacram esse rempublicam" это—два membra, „въ каждомъ по три стопы", опять замѣчаетъ Цицеронъ... Но въ грамматическомъ отношеніи оба выраженія „patrem apello" и „tu dicere solebas",—не что иное, какъ простыя предложенія, съ тою только разницею, что первое—эллиптическое, второе—нѣтъ. Цицеронъ однако, основываясь на томъ, что ритмъ въ нихъ не одинаковъ, принимаетъ ихъ за двѣ различныхъ формы рѣчи. Значитъ, на синтактическій строй этихъ выраженій онъ не обращалъ вниманія. Выраженіе: „Quicunque violavissent, ab omnibus esse persolutas ei poenas solebas", Цицеронъ называетъ періодомъ; но въ грамматическомъ отношеніи и это выраженіе не болѣе, чѣмъ сложное предложеніе. Очевидно, всѣ три формы рѣчи у Цицерона разграничиваются только по ритму. Ритмизму, какъ мы видѣли, придавалъ существенное значеніе и Аристотель.

„То, что выражается incisim или membratim", говоритъ Цицеронъ: „съ особенной тщательностію слѣдуетъ оканчивать. Напримѣръ у меня: Domus tibi deerat. At habebas. Pecunia superabat. At egebas. Эти четыре (выраженія) сказаны incise. Слѣдующія два—membratim: incurristi amens in columnas: in alienos insanus insanisti. Потомъ все это какъ бы опирается на нѣкоторое подножіе: depressam, caecam, jacentem domum pluris, quam te, et quam fortunas tuas aestimasti. Оканчивается дихореемъ". Orat. 223, 224.

Что съ особенною старательностію слѣдуетъ обрабатывать „начало и конецъ" выраженія, объ этомъ говорилъ и Аристотель, какъ мы уже видѣли. Но для насъ здѣсь важно еще и то, что и incisum, и membrum въ только что

приведенныхъ отрывкахъ въ грамматическомъ отношеніи одинаковы: отдѣльно взятые, они не что иное, какъ простыя предложенія, а, взятые вмѣстѣ, они составляютъ предложенія сложныя. Однако на синтактическое ихъ построеніе Цицеронъ не обратилъ вниманія; и періодомъ у него названо такое выраженіе, которое въ грамматическомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ предложенія сложнаго. Слѣдовательно, и Цицеронъ, разсуждая о періодѣ, подобно Аристотелю, періодомъ называетъ такое выраженіе, гдѣ наиболѣе развита ритмическая сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и у Цицерона очень подробно говорится о ритмахъ, конечно, потому, что ритмъ въ періодѣ былъ существенною чертою. Но объ этомъ предметѣ болѣе говорить не будемъ, такъ какъ уже достаточно говорили при разборѣ ученія Аристотеля.

Примѣровъ и разсужденій, гдѣ періодъ отъ предложенія грамматически не разграничивается, у Цицерона можно найти очень много. „Testes dare volumus", это—membrum. Quem, queso, nostrum fefellit, ita vos esse facturos„, это—періодъ. При этомъ Цицеронъ замѣчаетъ, что „періодъ этотъ состоитъ изъ двухъ членовъ (membris) и короче этого уже не можетъ быть". Orat. 225. Оговорка эта очень интересна. Припомнимъ: Аристотель училъ, что одинъ членъ, это—простой, или одночленный, періодъ, нѣсколько членовъ—періодъ многочленный. Цицеронъ же утверждаетъ, что и самый короткій періодъ долженъ имѣть не менѣе двухъ членовъ. Такимъ образомъ сбивчивость дѣленія періодовъ на простые, или одночленные, и сложные, или многочленные, начинаетъ обнаруживаться въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ даже у этихъ великихъ риторовъ древности.

Цицеронъ разсуждаетъ и о другихъ признакахъ періода, упоминаемыхъ Аристотелемъ, напримѣръ, о величинѣ. „Полный періодъ", говоритъ онъ: „состоитъ изъ четырехъ частей"... Періодъ состоитъ изъ четырехъ частей, которыя

мы называемъ членами (membris"). Orat. 221, 224. Цицеронъ, повидимому, желалъ охарактеризовать періодъ со стороны величины точнѣе; но это едвали полезно въ виду того, что величина, какъ мы уже говорили, не можетъ быть отличительнымъ признакомъ періода. Когда Аристотель училъ, что „періоды не должны быть ни длинны, ни кратки", въ такой формѣ это указаніе еще можетъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе; но требовать, чтобы періодъ заключалъ въ себѣ не болѣе четырехъ членовъ (или предложеній), на дѣлѣ едва ли осуществимо. Мы говорили уже, что величина выраженія вообще, а, слѣдовательно, и періода, зависитъ не отъ одного искусства говорящаго или пишущаго, но и отъ качества мысли: одна мысль не нуждается въ обширномъ выраженіи, другая не умѣщается въ краткомъ.

Аристотель полагалъ, что прозу можно и слѣдуетъ устраивать наподобіе стиховъ; и у Цицерона есть такіе періоды, которые изысканнымъ подборомъ и расположеніемъ частей обличаютъ въ авторѣ попытку и на самомъ дѣлѣ создать подобную своеобразную форму для періода. Въ рѣчи: „Pro Milone" (4) есть періодъ, который Цицеронъ въ сочиненіи: „Orator", (49) самъ приводитъ въ образецъ благозвучія. На періодъ этотъ обращено вниманіе А. Амфитеатровымъ въ „Чтеніи о церковн. Слов." 1846 г. ч. II, стр. 114—115, и Андреемъ Филоновымъ въ „Учебн. Теор. Слов." 1878 г. стр. 51. Мы приводимъ его въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ въ названныхъ курсахъ:

„Est enim judices
Non scripta . . . sed nata
Lex,
quam non didicimus . . . corripuimus,
accepimus (verum ex natura) hausimus
ipsa
legimus . . . . . . expressimus,

ad quam
non docti, non instituti,
sed facti, sed imbuti
sumus:

ut si vita in aliquas insidias, si in vim, si in tela aut latronum, aut inimicorum incidisset, omnis honesta ratio esset expediendae salutis".

Сдѣланныхъ выдержекъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что ученіе Цицерона о періодѣ сходно съ ученіемъ Аристотеля о томъ же предметѣ.

М. Ф. Квинтиліанъ написалъ обширное изслѣдованіе: „Уроки краснорѣчія" (Institutiones oratoriae). Это—сводъ свѣдѣній, выработанныхъ риторами древности. Книга эта переведена на русскій языкъ членомъ Императорской Россійской Академіи Александромъ Никольскимъ въ 1834 г. Квинтиліанъ не разъ упоминаетъ въ своихъ „Наставленіяхъ", что онъ во многомъ слѣдовалъ Цицерону, и дѣйствительно, нѣкоторыя разсужденія Квинтиліана почти буквально сходны съ разсужденіями Цицерона.

У Квинтиліана находимъ слѣдующее описаніе періода: „Періоду", говоритъ онъ: „Цицеронъ даетъ много названій: ambitus, circuitus, comprehensio, continuatio, circumscriptio. Періодъ бываетъ двухъ родовъ: одинъ простой, когда одна мысль содержится въ болѣе или менѣе длинномъ словосочетаніи (longiore ambitu); другой *),—когда состоитъ изъ членовъ (membris) и частицъ (incisis) и заключаетъ въ себѣ много мыслей. Періодъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ (minimum) два члена (membra). Среднее число

---

*) У Квинтиліана сказано: alterum, quod constat membris... Въ нашихъ учебникахъ обыкновенно переводятъ: «другой (сложный), когда... и проч. См. А. Фалонова «Учебн. Теор. Слов.» стр. 49.

(numerus)—четыре, но часто бываетъ и болѣе. Величина (modius) его, по Цицерону, равняется или четыремъ шестистопнымъ стихамъ, или бываетъ такова: сколько духъ перевести можно. Періодъ долженъ содержать законченную мысль, долженъ быть ясенъ, чтобы легко было понимать его, и не слишкомъ длиненъ, чтобы не трудно было усвоить памятью". Кн. 9, гл. 9.

Примѣчаніе. Не трудно догадаться, что Квинтиліанъ собралъ воедино все то, что говорено было о періодѣ Аристотелемъ, Цицерономъ и др. Впрочемъ, на одну черту онъ обратилъ, повидимому, особенное вниманіе, какъ бы подчеркнулъ её, именно на «мысль», или содержаніе періода. Періодъ простой, говоритъ онъ, это—одна мысль; другой (сложный или многочленный *), это—много мыслей. Характеризуя такимъ образомъ періодъ, Квинтиліанъ, очевидно, придавалъ этому признаку наиболѣе важное значеніе. Остановимся же сперва на ученіи Квинтиліана о «мысли», или содержаніи періода. Ученіе это будетъ яснѣе, если мы сопоставимъ въ этомъ отношеніи періодъ съ другими формами рѣчи: incisum и membrum.

„Incisum", сколько я понимаю, говоритъ Квинтиліанъ: „это—мысль, заключающаяся въ неполномъ числѣ (non expleto numero); изъ нихъ (incisa) не рѣдко составляется членъ (membrum). У Цицерона данъ такой примѣръ: 'Domus tibi deerat? At habebas. Pecunia superabat?—At egebas. Incisum можетъ состоять даже изъ одного слова, напримѣръ: diximus, testes dare volumus. Diximus, это—incisum... Membrum—это—мысль, законченная въ числахъ (numeris), но, отдѣленная отъ цѣлаго тѣла, сама собой никакого дѣйствія не производитъ; напримѣръ: O, callidos homines! Это—нѣчто законченное, но, отдѣленное отъ прочаго, не имѣетъ силы, какъ рука сама по себѣ или нога, или голова... Когда же оно начинаетъ быть тѣломъ?.. Когда

наступаетъ совершенное окончаніе, напримѣръ: Quem, quaeso, nostrum fefellit, id vos ita esse facturos?—Цицеронъ полагаетъ, что это—самое короткое выраженіе вполнѣ законченной мысли. Итакъ, incisum и membrum почти всегда перемѣшиваются и требуютъ законченности". Кн. 9. Гл. 4.

Слѣдовательно, три формы рѣчи: incisum, membrum, и circuitus, Квинтиліанъ разграничиваетъ по степени полноты мысли и по качеству ритма Diximus – мысль законченная, но въ эвритмическомъ отношеніи выраженіе не развитое (non expleto numero)—это—incisum. O callidos homines! – это—membrum, потому что и мысль до нѣкоторой степени законченная, и въ эвритмическомъ отношеніи выраженіе болѣе развитое... Но въ грамматическомъ отношеніи оба эти выраженія суть предложенія эллиптическія. Значитъ, на синтактическую сторону этихъ оборотовъ и Квинтиліанъ не обращалъ вниманія. Тоже мы видѣли и у Аристотеля, и у Цицерона. Выраженіе: Quem, quaeso, nostrum fefellit, id vos esse facturos, содержитъ въ себѣ вполнѣ законченную мысль и въ эвритмическомъ отношеніи наиболѣе развитое и округленное; слѣдовательно, это—долженъ быть періодъ. Квинтиліанъ, правда, не говоритъ, что это—періодъ, но это такъ должно быть съ его точки зрѣнія, да и у Цицерона, откуда взятъ этотъ примѣръ, оно названо „comprehensio". Orat. 225. Однако въ грамматическомъ отношеніи и это выраженіе не болѣе, чѣмъ сложное предложеніе. Значитъ, и Квинтиліанъ, подобно Аристотелю и Цицерону, періодъ отъ сложнаго предложенія въ грамматическомъ отношеніи не разграничивалъ.

Остается не ясно, отождествлялъ ли Квинтиліанъ „простой періодъ" (periodus simplex) съ „membrum", или разграничивалъ. Судя по тому, что терминъ „periodus simplex" сохраненъ у него, какъ названіе особой формы

рѣчи, и можно бы думать, что, подобно Аристотелю, онъ употребляетъ эти термины, какъ синонимы; но, когда, слѣдуя Цицерону, утверждаетъ, что самый короткій періодъ долженъ имѣть не менѣе двухъ членовъ (membra), то, очевидно, что термины „periodus simplex" и „membrum" не тождественны, и, слѣдовательно, первый оказывается излишнимъ, такъ какъ его не къ чему примѣнить, потому что одну законченную мысль можно назвать и „membrum". Такимъ образомъ, и у Квинтиліана, какъ у Аристотеля и Цицерона, дѣленіе періодовъ на простые, или одночленные, и сложные, или многочленные, страдаетъ неясностію. Правда, для характеристики простого періода Квинтиліанъ прибавилъ: „longiore ambitu"; подобно этому и въ современныхъ нашихъ учебникахъ говорятъ: предложеніе, распространенное второстепенными членами и доведенное до извѣстной степени полноты, называется періодомъ; но распространенность, какъ мы уже говорили, не можетъ быть признакомъ періода потому, что свойственна въ большей или меньшей степени всѣмъ формамъ рѣчи, и потому, что мѣра распространенности выраженія частію зависитъ отъ этимологическаго состава языка. Напримѣръ, въ латинскомъ языкѣ достаточно двухъ словъ: colenda erat, а въ русскомъ необходимы четыре: должна была быть цѣнима.

Итакъ, попытку разграничить три формы рѣчи: incisum, membrum и circuitus по содержащейся въ нихъ мысли нужно признать неудачною, потому что и въ этомъ ученіи замѣчается непослѣдовательность: утверждая, что простой періодъ есть одна мысль, Квинтиліанъ долженъ былъ бы вмѣстѣ съ этимъ признать за періодъ и „diximus", „pecunia superabat", такъ какъ и въ этихъ выраженіяхъ содержится въ каждомъ не менѣе одной мысли; но онъ этого не дѣлаетъ, напротивъ, говоритъ: diximus—incisum, pecunia superabat—membrum.

Квинтиліанъ очень много говоритъ о „числѣ“ (ритмѣ), главнѣйшемъ отличительномъ признакѣ періода, по ученію Аристотеля и Цицерона. Мы уже говорили, что этотъ признакъ для характеристики періода не имѣетъ значенія, тѣмъ не менѣе остановимся на немъ еще разъ, такъ какъ разсужденія Квинтиліана не безынтересны по своимъ подробностямъ, коими занимающій насъ вопросъ разъясняется еще обстоятельнѣе.

Весь составъ (structura), мѣрность (dimensio), и соединеніе словъ (copulatio) состоитъ или въ числахъ (подъ числомъ — numerus — разумѣю, замѣчаетъ Квинтиліанъ, ритмъ — rhythmus), или метрахъ, т.-е. нѣкоторомъ размѣрѣ. Хотя то и другое (ритмъ и метры) состоитъ изъ стопъ, но имѣетъ немалое различіе: ибо ритмъ, т.-е. число (numerus) состоитъ въ протяженіи времени, а метры кромѣ того въ порядкѣ; поэтому одни относятся, кажется, къ количеству, другіе—въ качеству“. Кн. 9, гл. 4

„Наблюденіе стопъ въ рѣчи прозаической (inoratione), гораздо труднѣе, чѣмъ въ стихахъ (in versu), во-первыхъ, потому, что стихъ состоитъ изъ немногихъ словъ, и рѣчь часто имѣетъ очень длинные періоды; затѣмъ потому, что стихъ всегда одинъ другому подобенъ и имѣетъ одинаковый ходъ (ratio), рѣчь же, если не разнообразится, то своимъ однообразіемъ оскорбляетъ слухъ: она во всемъ своемъ составѣ (in corpore) должна быть усѣяна числами (numeris). Мы и говорить не можемъ иначе, чѣмъ числами, состоящими изъ краткихъ и долгихъ слоговъ, изъ которыхъ рождаются стопы. Но всего болѣе (числа) необходимы въ концѣ періодовъ, и это очевидно: потому что всякая мысль имѣетъ свой конецъ и естественный промежутокъ (intervallum), которымъ отдѣляется отъ начала слѣдующей“. Кн. 9, гл. 4.

„Начало періодовъ требуетъ почти такого же старанія, потому что и на него слушатель обращаетъ вниманіе; но

здѣсь наблюденіе „чиселъ" легче, ибо начало не связано съ другимъ, предыдущимъ, и выводитъ нѣчто новое". Кн. 9. гл. 4.

„И на середину періодовъ слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы не одна только связь (juncturа) была во всемъ, но чтобы рѣчь была и не вялою, и не растянутою". Кн. 9, гл. 4.

„Иногда окончаніе періода бываетъ нескладно и вяло (claudae atque pendentes), въ такомъ случаѣ начало слѣдующаго періода можетъ поддержать его, и такимъ образомъ недостатокъ, что былъ въ концѣ перваго, поправляется продолженіемъ. Напримѣръ: non vult populus romanus obsoletis criminibus accusare Verrem. Окончаніе не красиво, но читай дальше: Nova postulat, inaudita desiderat. И теченіе рѣчи становится болѣе плавно". Кн. 9, гл. 4.

Этими выдержками очень ясно подтверждаются мысли, изложенныя нами при разборѣ мнѣній Аристотеля и Цицерона. Аристотель полагалъ, что прозу можно устроить наподобіе стиховъ, а у Цицерона есть и примѣры періодовъ, устроенныхъ наподобіе стиховъ; Квинтиліанъ уже совершенно ясно говоритъ, что ритмъ въ прозѣ—это нѣкотораго рода размѣръ, или почти то же, что стопа въ стихахъ. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что прозаическая рѣчь во всемъ своемъ составѣ должна быть усѣяна „числами".

Квинтиліанъ не только старательно собиралъ все то, что можно было найти у Цицерона и другихъ ораторовъ и риторовъ древности относительно краснорѣчія,—онъ еще и возвышалъ значеніе нѣкоторыхъ мыслей, отчего его разсужденія иногда не чужды гиперболизма. Аристотель и Цицеронъ, напримѣръ, совѣтуютъ съ особенною тщательностію обрабатывать начало и конецъ періода; Квинтиліанъ прибавляетъ, что необходимо ритмически обрабатывать не только начало и конецъ періода, но и середину. Впрочемъ,

тщательно повторяя мысли Цицерона. Квинтиліанъ дѣлаетъ это, кажется, изъ уваженія къ авторитету такого великаго оратора; что же касается самыхъ правилъ краснорѣчія, то онъ не безусловно признавалъ ихъ цѣлесообразными, какъ увидимъ ниже.

Квинтиліанъ разсуждаетъ и о величинѣ періода, и разсужденія его опять интересны въ томъ отношеніи, что онъ повторяетъ мысли Цицерона съ такою ясностію, что несостоятельность ихъ можно замѣтить уже безъ затрудненія. „Величина періода“, по Цицерону, говоритъ Квинтиліанъ: „равняется четыремъ шестистопнымъ стихамъ“. Мы говорили уже, что такое точное опредѣленіе величины періода едва ли цѣлесообразно. Аристотель практично дѣлалъ, когда измѣрялъ величину формъ рѣчи „глазомѣромъ“, говоря, что періоды и колоны должны быть ни длинны, ни кратки; но измѣрять величину періода по числу стиховъ или, что то же, по числу строкъ, это—уже абсурдъ.

Итакъ, и описаніемъ періода у Квинтиліана еще разъ подтверждается мысль, что древніе риторы на грамматическій строй формъ рѣчи не обращали вниманія, и вообще въ ихъ разсужденіяхъ о различныхъ сторонахъ предложенія недостаетъ раздѣльности и ясности. У Квинтиліана, напримѣръ, собрано много правилъ объ строеніи прозаической рѣчи; въ его разсужденіяхъ замѣчается даже любовь къ своему дѣлу; но всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, у него сваливаются въ одну кучу, повидимому, безъ разбора, что важно и что не важно. Теперь мы разграничиваемъ въ предложеніи этимологическій составъ, синтактическій строй, значеніе оборотовъ, фонетическое чередованіе звуковъ; каждая изъ этихъ сторонъ предложенія для насъ представляетъ особый рядъ явленій и фактовъ, которые смѣшивать не возможно, хотя всѣ они тѣсно соприкасаются одни съ другими; у древнихъ же риторовъ всѣ эти свѣдѣнія излагаются безъ разграниче

ній. Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ Квинтиліанъ о качествахъ прозаической рѣчи.

„Во всякомъ словосочетаніи", говоритъ онъ: „необходимы три (принадлежности): порядокъ (ordo), связь (junctura), число, или ритмъ (numerus)... Не слѣдуетъ послѣ сильнаго слова ставить слабѣйшее, напримѣръ: Sacrilego, fur и т. п. Есть и естественный порядокъ (ordo naturalis), напримѣръ, лучше говорить: diem et noctem и т. п., нежели наоборотъ... Напрасно нѣкоторые считаютъ за правило ставить имена прежде глаголовъ, глаголы прежде нарѣчій, имена прежде прилагательныхъ и мѣстоименій, ибо и противное (словоразмѣщеніе) часто бываетъ не безобразно... Оканчивать мысль глаголомъ всего лучше, если бы словосочиненіе позволяло, потому что въ глаголѣ заключается сила рѣчи. Но, если отъ того нарушается плавность рѣчи, то предпочтительнѣе „число"... Связь (junctura) нужна въ словахъ, въ частицахъ (incisis), въ членахъ (membris) и въ періодахъ (periodis). Даже грубымъ людямъ непріятно бываетъ, когда въ стоящихъ рядомъ словахъ послѣдній слогъ перваго слова и первый слѣдующаго составляютъ неблагопристойное реченіе (напр.: dorica castra)... О такомъ стеченіи звуковъ вотъ что говоритъ Цицеронъ: „Стеченіе гласныхъ, этотъ hiatus есть какая-то завѣдомая небрежность, которая показываетъ, что авторъ больше заботится о содержаніи (de re), нежели о словахъ (de verbis)". Кн. 9, гл. 4.

И такія разсужденія о прозаической рѣчи, конечно, имѣютъ свое значеніе; но, разумѣется, въ своемъ мѣстѣ; говорить же о нихъ, какъ о признакахъ, свойственныхъ исключительно той или другой формѣ рѣчи, едва ли основательно. Если hiatus не желателенъ во всѣхъ формахъ словосочиненія, то и мѣсто говорить о немъ, конечно, не въ ученіи о періодѣ. Если ordo принадлежитъ исключительно синтакти-

ческимъ оборотамъ рѣчи, то и ученіе о немъ умѣстнѣе въ соотвѣтственной части грамматики. Отсутствіе подобныхъ разграниченій способно внести неясность и сбивчивость и въ самое ученіе, или систему знаній.

Квинтиліанъ и самъ, кажется, сознавалъ, что, какъ ни блестящи разсужденія Цицерона о краснорѣчіи, однако и въ его ученіи объ этомъ предметѣ не все безусловно хорошо. Такъ, объясняя поводъ, почему онъ рѣшился написать свою книгу: „Уроки краснорѣчія", онъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ современниковъ Цицерона даже письменно оспаривали его ученіе, а нѣкоторые, жившіе послѣ него, прибавили не мало новыхъ свѣдѣній по тому же предмету". Кн. 9, гл. 4. Составляя описаніе періода, Квинтиліанъ собралъ всѣ признаки его, указанные риторами, но особенное вниманіе обратилъ на „мысль", какъ бы говоря, что важнѣйшее значеніе въ періодѣ имѣетъ не форма, а содержаніе. Что Квинтиліанъ дѣйствительно думалъ, что форма періода зависитъ отъ мысли, содержащейся въ немъ, и указывалъ на это какъ бы въ противовѣсъ мнѣніямъ другихъ риторовъ, это видно изъ слѣдующаго отрывка.

„О самомъ протяженіи періода, что въ сочиненіи имѣетъ великую важность, какъ иначе можно судить", говоритъ онъ: „если не съ помощію слуха? Почему иные періоды въ самыхъ короткихъ словахъ кажутся достаточно полными и даже съ избыткомъ, а другіе при значительно большемъ количествѣ словъ кажутся короткими и отрывистыми? Почему въ иныхъ періодахъ, въ которыхъ мысль какъ будто уже закончена, чувствуется, что еще чего-то недостаетъ? Напримѣръ: Neminem vestrum ignorare arbitror, judices, hunc per hosce dies sermonem vulgi atque hanc opinionem populi romani fuisse. Почему hosce, а не hos? Въ послѣднемъ нѣтъ ничего грубаго. Изъяснить причину не могу, но чувствую, что первое лучше. Почему (Цицеронъ) не оста-

новился на словахъ: sermonem vulgi fuisse? Словосочиненіемъ это допускается. Я не знаю, почему, но ухо мнѣ подсказываетъ, что мысль безъ удвоенія сего выраженія была бы не полна. Итакъ, надо приписать это мысли". Кн. 9, гл. 4.

Итакъ, Квинтиліанъ хотя и подробно, и тщательно собралъ и изложилъ всѣ важнѣйшія правила и ученія объ эвритмическомъ строеніи прозаической рѣчи, но не всѣмъ имъ придавалъ безусловно важное значеніе. Въ то время, какъ Цицеронъ благозвучіе считалъ выше всѣхъ другихъ качествъ прозаической рѣчи и даже, напримѣръ, готовъ былъ назвать непростительной небрежностью, когда ораторъ больше заботится „de re", нежели „de verbis"; Квинтиліанъ, напротивъ, высказалъ даже слѣдующее совершенно ясное сужденіе: „Я распространился о семъ предметѣ (эвритмизмѣ) отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы заставить оратора, коего слова должны течь естественно, сами собой, потѣть всю жизнь надъ размѣриваніемъ стопъ и взвѣшиваніемъ слоговъ... Кто на это употребитъ все свое вниманіе, тому некогда подумать о важнѣйшемъ: оставивъ силу мыслей и пренебрегши истинной красотой, онъ будетъ, по словамъ Луцилія, выкладывать только узоры, подбирая кусочки дерева одинъ къ другому". Кн. 9, гл. 4.

Этими столь ясными словами рѣшительно осуждено эвритмическое ученіе о прозѣ вообще и въ частности о періодѣ. Не „выкладываніе узоровъ", а „сила мыслей" даетъ истинную красоту рѣчи.

Мы заканчиваемъ *) нашъ разборъ ученія древнихъ о

---

*) Кромѣ разобранныхъ опредѣленій періода, есть еще опредѣленіе Димитрія Фалерейскаго, которое тоже встрѣчается въ нашихъ учебникахъ теоріи словесности. Вотъ это опредѣленіе: «Періодъ есть сочетаніе изъ стройныхъ частей и

періодѣ; поэтому естественно теперь спросить: что можно было бы заимствовать намъ изъ ученія древнихъ риторовъ о періодѣ?

Въ нашихъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности не рѣдко приписываютъ періоду такіе признаки: распространенность выраженія, стройность расположенія частей, художественную красоту, музыкальность фразы, пріятность для слуха и т. п. Всѣ подобные признаки, приписываемые періоду въ отличіе отъ другихъ формъ рѣчи, если не прямо заимствуются изъ эвритмическаго ученія о періодѣ, то, безъ сомнѣнія, навѣяны имъ. Но примѣнимо ли къ нашему языку эвритмическое ученіе древнихъ о прозѣ вообще и въ частности о періодѣ?

Мы видѣли, что эвритмическою стороною прозы древніе риторы занимались съ особеннымъ стараніемъ и, конечно, не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ древнихъ языкахъ, т.-е. греческомъ и латинскомъ, были гласные долгіе и короткіе, и Квинтиліанъ говоритъ, напримѣръ, что „отъ излишества долгихъ слоговъ рѣчь могла сдѣлаться вялою и растянутою, а отъ стеченія многихъ короткихъ казалась ска-

---

членовъ, приспособленное къ подлежащей мысли» (Ἔστι γὰρ περίοδος σύστημα ἐκ κώλων ἢ κομμάτων εὐκαταστρόφων πρὸς τὴν διάνοιαν τὴν ὑποκειμένην ἀπηρτισμένον). Но этимъ опредѣленіемъ ничего существеннаго къ выше разобраннымъ опредѣленіямъ не прибавлено. Андрей Филоновъ, приводя въ своемъ учебникѣ теоріи словесности это опредѣленіе, объясняетъ: «κῶλα и κόμματα различаются тѣмъ, что κῶλα (membra) заключаютъ въ себѣ полную мысль или полную часть мысли, а κόμματα (incisa) представляютъ мысль незаконченную». Но и одно это не ясно; Андрей же Филоновъ прибавилъ еще и слѣдующее: «Точный смыслъ этихъ словъ еще Цицерону оставался не понятенъ». Orat. LXII. См. «Учебн. Теор. Слов.» 1878 г. стр. 47.

чущею или подобною звукамъ, издаваемымъ дѣтскими игрушками". Кн. 9, гл. 4. Но у насъ, т.-е. въ русскомъ языкѣ, возможность подобныхъ явленій устранена, кажется, самою природой, такъ какъ нѣтъ гласныхъ ни долгихъ, ни короткихъ; поэтому нужно думать, что ученіе древнихъ объ эвритмическомъ построеніи періодовъ въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось древними, къ русскому языку едвали примѣнимо. Отсюда такія хорошія слова, какъ „стройность расположенія частей", „музыкальность фразы", пріятность для слуха" и т. п. въ ученіи о періодахъ въ нашихъ учебникахъ едва ли цѣлесообразны. Самое слово „ритмъ", которое, конечно, досталось намъ по наслѣдству отъ древнихъ риторовъ, въ нашихъ учебникахъ хотя держится донынѣ, но получило совсѣмъ другое значеніе. Древніе называли ритмомъ прозаическую стопу; у насъ же одни ритмомъ называютъ „повышеніе и пониженіе" голоса, что обыкновенно дѣлается при чтеніи предложенія или періода (это еще ничего); другіе находятъ возможнымъ сближать ритмъ, т. е. прозаическую стопу, съ логическимъ подлежащимъ и сказуемымъ: это не понятно.

Если эвритмическое строеніе періодовъ у насъ не возможно, то, можетъ-быть, годилось бы что-либо изъ древнихъ опредѣленій періода, или дѣленіе періодовъ на простые и сложные?

Правда, дѣленіе періодовъ на простые и сложные въ нашихъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности принято повсюду, а въ нѣкоторыхъ учебникахъ встрѣчается и опредѣленіе періода, напримѣръ, опредѣленіе Аристотеля; но лучше, кажется, отъ всего этого отказаться, такъ какъ и опредѣленіе періода, и дѣленіе его вносятъ въ систему ученія о періодахъ только путаницу: какъ у Аристотеля, такъ и у Цицерона опредѣленіе періода, какъ мы уже сказали, неудовлетворительно, а дѣленіе—не ясно и сбивчиво.

Что же послѣ этого изъ всего ученія древнихъ о періодѣ можно бы заимствовать намъ и внести въ нашу грамматику?—Намъ кажется, что изъ всего эвритмическаго ученія о періодѣ можно заимствовать только одинъ терминъ „періодъ", но и то не въ древнемъ значеніи этого слова, т.-е. какъ названіе всякаго предложенія, составленнаго благозвучно, распространенно и проч., а въ нашемъ—именно, какъ названіе одной изъ формъ рѣчи, которыхъ три: простое предложеніе, сложное предложеніе и періодъ.

2.

Теперь посмотримъ, какъ излагается ученіе о періодахъ въ нашихъ учебникахъ и изслѣдованіяхъ по грамматикѣ и теоріи словесности.

Чтобы яснѣе представить это ученіе, мы раздѣлимъ матеріалъ, который намъ предстоитъ разобрать, на слѣдующія части: а) сперва разсмотримъ опредѣленія періода, предлагаемыя въ учебникахъ, такъ какъ опредѣленія эти не одинаковы; б) потомъ разберемъ дѣленія періодовъ, такъ какъ и дѣленій періодовъ въ нашихъ учебникахъ предлагается нѣсколько. Чтобы лучше разъяснить эти вопросы, намъ необходимо разобрать наибольшее число учебниковъ и изслѣдованій; а, чтобы изслѣдованіе наше не получило черезчуръ большихъ размѣровъ, мы будемъ разбирать учебники не каждый отдѣльно, а будемъ сопоставлять ихъ понѣскольку разомъ, такъ сказать, сводить ихъ на очную ставку. Это дастъ намъ возможность яснѣе представить ошибки и противорѣчія, вкравшіяся въ ученіе о періодѣ.

Итакъ, начнемъ съ опредѣленія, какъ наиболѣе важной части ученія о занимающемъ насъ предметѣ.

Опредѣленіе періода въ нашихъ учебникахъ грамма-

тики и теоріи словесности дается неодинаковое; это уже наводитъ на мысль, что предлагаемыя учебниками опредѣленія не всѣ удовлетворительны, или, можетъ-быть, и совсѣмъ не соотвѣтствуютъ природѣ періода.

М. В. Ломоносовъ, авторъ перваго у насъ руководства по риторикѣ, опредѣлилъ періодъ такимъ образомъ: „Сопряженіемъ простыхъ идей составленныя предложенія называются пориторически періодами". Рит. § 40 (Полн. собр. соч. 1847 г. т. 3).

Значитъ, періодъ по Ломоносову есть то же, что предложеніе; различіе между ними только въ томъ, что предложеніе—терминъ грамматическій, періодъ—терминъ риторическій. Въ другомъ мѣстѣ своей риторики Ломоносовъ и самъ выражается почти также: „Предложенія логическія въ разсужденіи совершеннаго разума почти то же, что у риторовъ періоды". Рит. § 45. Выраженіями „предложенія логическія" и „въ разсужденіи совершеннаго разума" указывается на логическую сторону предложенія; слѣдовательно, по мнѣнію Ломоносова предложеніе и періодъ тождественны въ логическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ Ломоносовъ далъ поводъ смотрѣть на періодъ съ трехъ различныхъ сторонъ: логической, грамматической и риторической, и дѣйствительно, у него, если не о всѣхъ этихъ сторонахъ, то о нѣкоторыхъ есть довольно ясныя разсужденія.

Въ логическомъ отношеніи, или, какъ онъ говоритъ, „въ разсужденіи совершеннаго разума", періодъ есть то же, что предложеніе. Отождествивъ такимъ образомъ періодъ съ предложеніемъ, онъ утверждаетъ, что какъ въ той, такъ и въ другой формѣ выражается логическое сужденіе. „Сложныя идеи логически называются разсужденіями, а, когда словесно или письменно сообщаются, тогда ихъ предложеніями называютъ". Рит. § 34. Такъ какъ въ логическомъ

сужденіи, какъ извѣстно, различаются двѣ части: подлежащее и сказуемое; то и въ періодѣ или предложеніи, независимо отъ ихъ грамматическаго состава, Ломоносовъ допускалъ только два члена: „Они имѣютъ два члена: подлежащее и сказуемое. Оное значитъ вещь, о которой разсуждаетъ, а сіе показываетъ то самое, что разсуждаетъ о подлежащемъ“. Потому-то, т.-е. считая существеннымъ въ предложеніи логическое содержаніе, Ломоносовъ обыкновенно говоритъ не просто „предложеніе“, а „логическое предложеніе“.

Ломоносовъ упоминаетъ и о грамматической сторонѣ періода, но не придаетъ ей существеннаго значенія. Онъ даже презрительно отозвался о попыткахъ тѣхъ ученыхъ, которые пробовали установить грамматическое ученіе о періодѣ. „Въ составленіи періодовъ“, говоритъ онъ: „нѣкоторые учатъ полагаться на союзы, которыми члены соединены бываютъ, разсуждая, что по нимъ предлагаемые разумы яснѣе изображены и украшены быть могутъ. Но сіе отъ искусныхъ почитается за самую тщету“. Рит. § 45. Изъ примѣровъ, приведенныхъ въ его риторикѣ, дѣйствительно оказывается, что къ грамматической сторонѣ періода Ломоносовъ относился безразлично, такъ какъ періодами у него называются не только предложенія сложныя, но даже и простыя. Такъ, простое предложеніе: „Доброе начало—половина всего дѣла“, названо періодомъ; сложное предложеніе: „Молодыхъ людей нѣжные нравы, во всѣ стороны гибкія страсти и мягкія ихъ, воску подобныя, мысли добрымъ воспитаніемъ упражняются“, тоже названо періодомъ. Рит. § 40, 41. Другихъ, болѣе обширныхъ примѣровъ не приводимъ, такъ какъ, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ безспорно могутъ быть названы періодами.

О риторической, какъ особой сторонѣ періода, у Ломоносова нѣтъ столь же ясныхъ разсужденій; онъ только

устанавливаетъ въ риторикѣ особый терминъ, именно „періодъ“, прибавляя впрочемъ, что это—почти то же, что предложеніе.

Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями логическое ученіе о періодѣ продолжается и въ современныхъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности; впрочемъ, рядомъ съ логическимъ все болѣе и болѣе развивается и грамматическое ученіе о той же формѣ рѣчи. Есть попытки провести и риторическое ученіе о періодѣ, о чемъ Ломоносовымъ сдѣланъ только намёкъ. Мы не будемъ разбирать ученія собственно Ломоносова, а перейдемъ къ обзору мнѣній о томъ же предметѣ другихъ ученыхъ, такъ какъ найдемъ у нихъ и поправки къ ученіямъ Ломоносова. Сюда мы относимъ ученіе о періодѣ Н. Греча, академика А. Востокова и профессора И. Давыдова, которые разсматриваютъ періодъ одновременно съ двухъ сторонъ: съ логической и грамматической.

Н. Гречъ опредѣлилъ періодъ такъ: „Полное выраженіе мысли во всѣхъ частяхъ ея однимъ ли логическимъ предложеніемъ, или совокупленіемъ нѣсколькихъ предложеній въ одно цѣлое, именуется періодомъ“. «Практич. Рус. Грам.» 1834 г. § 285.

Но съ признакомъ: „Полное выраженіе мысли“, мы уже встрѣчались при разборѣ ученій древнихъ риторовъ и говорили, что полнота выраженія, или распространенность формъ рѣчи, не можетъ быть исключительнымъ признакомъ періода. Другой признакъ: „одно логическое предложеніе или нѣсколько“, мы видѣли въ ученіи Ломоносова, у котораго „логическое предложеніе“ употребляется въ смыслѣ—„логическое сужденіе“, при чемъ всякая форма рѣчи, т.-е. простое предложеніе, сложное предложеніе и періодъ—безразлично считаются за выраженіе сужденія. Такимъ образомъ въ приведенномъ выше опредѣленіи періода, составленномъ Гречемъ,

оказывается довольно близкое сходство съ тѣмъ, что говорили древніе риторы, частію Ломоносовъ.

Въ другомъ мѣстѣ своей грамматики Гречъ изложилъ опредѣленіе періода нѣсколько иначе. „Періодъ есть полное отдѣльное выраженіе мысли во всѣхъ частяхъ ея однимъ ли независимымъ логическимъ предложеніемъ, или совокупленіемъ нѣскольких независимыхъ сочиняемыхъ предложеній съ принадлежащими къ нимъ подчиняемыми въ одно цѣлое". § 420.

Нужно сознаться, что послѣднее опредѣленіе хуже перваго. Гречъ собралъ нѣсколько логическихъ и грамматическихъ терминовъ („логическое предложеніе", „сочиняемыя предложенія съ принадлежащими къ нимъ подчиняемыми" и проч.) и всё это свалилъ въ кучу, повидимому, безъ разбора. Отъ такого смѣшенія понятій должна была произойти путаница и на практикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, у Греча періодъ даже не разграничивается отъ простого предложенія, что видно не только изъ опредѣленія, но и изъ примѣровъ. Такъ—„Рожденный подъ хладнымъ небомъ сѣвера России, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака сдѣлался отцомъ россійскаго краснорѣчія и вдохновеннаго стихотворства", названо простымъ предложеніемъ; а слѣдующій примѣръ: „Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшать надолго судьбу народовъ", названъ періодомъ. § 424. Но въ грамматическомъ отношеніи оба эти выраженія равны, при чёмъ первое, названное предложеніемъ, даже болѣе развито и распространено, чѣмъ второе, названное періодомъ.

Гречъ болѣе, чѣмъ Ломоносовъ, обратилъ вниманія на грамматическую сторону періода; такъ, у него всѣ виды періодовъ разграничиваются, хотя не вездѣ точно, по связкамъ. Но о видахъ періода будемъ говорить при разборѣ дѣленія періодовъ.

Академикъ А. Востоковъ первоначально училъ о періодѣ почти такъ же, какъ Гречъ. „Изъ предложеній, т.-е. изъ рѣчей, или словосочетаній, заключающихъ въ себѣ по одной мысли, составляются періоды, словосочетанія, заключающія въ себѣ полный смыслъ. Рѣчь имѣетъ полный смыслъ, когда въ ней сказано все, что нужно было въ утвержденіе, въ отрицаніе или доказательство какого-либо положенія. А какъ для полнаго смысла рѣчи иногда довольно одной мысли, иногда нужно противоположеніе или послѣдованіе нѣсколькихъ мыслей, объясняющихъ одна другую: то и періодъ можетъ состоять изъ одного предложенія простого, или же изъ нѣсколькихъ таковыхъ предложеній, по числу входящихъ въ оный предложеній, называемыхъ членами періода". „Русск. Грам." 1839 г. § 140, 141. Такимъ образомъ Востоковъ сначала думалъ, подобно Ломоносову, что періодомъ можно называть всякое предложеніе, и простое, и сложное, и нѣсколько сложныхъ предложеній. Потомъ онъ измѣнилъ свое мнѣніе о періодѣ и попробовалъ охарактеризовать его точнѣе какъ въ логическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи грамматическомъ. „Изъ предложеній», говоритъ онъ: «составляется періодъ, т.-е. выраженіе умозаключенія"... „Періодъ можетъ состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ предложеній, простыхъ или сложныхъ, или же изъ нѣсколькихъ таковыхъ предложеній, соединенныхъ союзами". «Русск. Грам.» 1859 г. § 141, 142.

Профессоръ И. Давыдовъ смотрѣлъ на періодъ почти такъ же, какъ Востоковъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей грамматики. „Каждое дѣйствіе ума", говоритъ онъ: „имѣетъ соотвѣтственное выраженіе въ словѣ: понатія выражаются реченіями, сужденія—предложеніями, умозаключенія—періодами". „Чтен. о Слов." 1837 г. т. I, стр. 107. Что касается грамматической стороны періода, то Давыдовъ упоминаетъ о ней лишь вскользь. „Слѣдуетъ», говоритъ онъ: „обра-

тить вниманіе на употребленіе словъ соединительныхъ, относительныхъ и всѣхъ частицъ, которыми означается связь и переходы". Эти небольшія слова: но, или, который и подобныя имъ, иногда бываютъ важнѣйшими; около нихъ обращается рѣчь, отъ нихъ же зависитъ способъ ея развитія". Стр. 134.

Такимъ образомъ и Востоковъ, и Давыдовъ въ грамматическомъ и логическомъ ученіи о періодѣ сдѣлали нѣкоторыя измѣненія не безъ пользы для дѣла. Оба они стремятся разграничить періодъ отъ предложенія какъ въ грамматическомъ, такъ и логическомъ отношеніи. Въ логическомъ отношеніи, говорятъ они, періодъ есть выраженіе не сужденія, а умозаключенія; сужденіе выражается предложеніемъ, а не періодомъ. Слѣдовательно, въ логическомъ отношеніи предложеніе и періодъ нужно разграничивать, а не отождествлять. Припомнимъ ученіе Ломоносова: онъ утверждалъ, что всякое предложеніе есть то же, что періодъ, и во всякомъ предложеніи одинаково выражается сужденіе. Такимъ образомъ Востоковъ и Давыдовъ дѣйствительно внесли поправку въ это ученіе. Насколько удачна эта поправка, объ этомъ будемъ говорить далѣе; теперь только обращаемъ на нее вниманіе.

И въ грамматическомъ отношеніи названные ученые пытались разграничить періодъ отъ предложенія, хотя эти попытки еще менѣе удовлетворительны. Проф. Давыдовъ ограничился лишь добрымъ совѣтомъ „обращать вниманіе на употребленіе словъ соединительныхъ, относительныхъ и всѣхъ частицъ, такъ какъ отъ этихъ словъ „зависитъ способъ развитія мыслей". На самомъ же дѣлѣ онъ уклонился отъ грамматическаго изученія періодовъ, потому, что „трудно", говоритъ онъ: „преподать на это опредѣленныя правила", и во всемъ своемъ ученіи о періодѣ большею частію ограничивается отвлеченными разсужденіями. Академикъ Востоковъ

говоритъ о грамматической сторонѣ періода нѣсколько яснѣе и рѣшительнѣе „Періодъ, по его словамъ, долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ предложеній“. Слѣдовательно, періодомъ по Востокову можно назвать не всякое предложеніе, а только предложеніе сложное.

Но такое ученіе о грамматической сторонѣ періода нельзя назвать удовлетворительнымъ, какъ мы уже сказали выше, такъ какъ разграниченіе періода отъ предложенія сдѣлано не полно и не ясно.

Востоковъ утверждаетъ, что не всякое предложеніе есть періодъ. Но какое же предложеніе есть періодъ и какое не есть періодъ? „Періодъ можетъ состоять“, говоритъ онъ; „по крайней мѣрѣ изъ двухъ главныхъ предложеній, простыхъ или сложныхъ, или же изъ нѣсколькихъ таковыхъ предложеній, соединенныхъ союзами“. Значитъ: два простыхъ главныхъ предложенія—періодъ; два сложныхъ предложенія—тоже періодъ; „нѣсколько таковыхъ предложеній“—тоже періодъ. Во-первыхъ, такое разсужденіе не ясно, во-вторыхъ, въ немъ, повидимому, заключается отождествленіе періода съ предложеніемъ сложнымъ, какъ уже замѣчали выше. Но такое ученіе о періодѣ не правдоподобно и способно повести къ путаницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если періодъ и сложное предложеніе въ грамматическомъ отношеніи тождественны, зачѣмъ тогда держать въ наукѣ два термина? Зачѣмъ одинаковыя грамматическія формы, если сложное предложеніе и періодъ дѣйствительно одинаковы, называть различными именами? А между тѣмъ въ учебникахъ грамматики и теоріи словесности, а слѣдовательно, и въ преподаваніи такъ именно и дѣлается. Въ III классѣ гимназіи, когда проходится синтаксисъ сложнаго предложенія, сложное предложеніе называютъ „сложнымъ предложеніемъ“; а въ IV классѣ, гдѣ изучается періодъ, то же сложное предложеніе уже называютъ „періодомъ“. Примѣры такого препода-

ванія не трудно найти въ одобренныхъ учебникахъ. Вотъ предъ нами учебникъ г. Преображенскаго, достигшій уже тринадцатаго изданія. Въ этомъ учебникѣ въ отдѣлѣ о сложномъ предложеніи сложнымъ предложеніемъ называются такія предложенія, какъ слѣдующее:

„Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился". *Пушкинъ.*

Въ ученіи же о періодѣ такія же въ грамматическомъ отношеніи сложныя предложенія называются періодами—напр. „Уроки морали—ничто безъ опытовъ (1-й членъ), и критика самая тонкая—ничто безъ образцовъ (2-й членъ). Синт. 1900 г. стр. 66 и 97. Такихъ примѣровъ можно было бы набрать много, но это совершенно излишне. Для насъ важно лишь указать, что отождествленіе періода съ сложнымъ предложеніемъ въ грамматическомъ отношеніи ведетъ къ путаницѣ; періодъ и сложное предложеніе—двѣ различныя формы рѣчи, а не тождественныя, смѣшеніе ихъ вредно отзывается на преподаваніи.

Неясное ученіе о грамматической сторонѣ періода, кажется, было причиною того, что „логическое ученіе о періодѣ въ курсахъ грамматики и изслѣдованіяхъ по словесности съ особеннымъ усиліемъ отстаивалось и частію продолжается и донынѣ. Особенно замѣтно усиліе отстоять логическую точку зрѣнія на періодъ въ изслѣдованіяхъ и курсахъ А. Глаголева и П. Перевлесскаго.

А. Глаголевъ настойчиво развиваетъ мысль, что періодъ есть не что иное, какъ выраженіе умозаключенія. Онъ отличаетъ періодъ отъ предложенія, но такъ, что въ самомъ разграниченіи обнаруживается полное пренебреженіе къ грамматической формѣ какъ періода, такъ и предложенія. Присутствіе періода въ томъ или другомъ сочетаніи словъ, по

его ученію, зависитъ не отъ грамматической формы выраженія, а отъ наличности извѣстнаго, требуемаго логикой, сочетанія понятій. „Сложное предложеніе“, говоритъ онъ: „состоитъ изъ многихъ подлежащихъ и многихъ сказуемыхъ, но не имѣетъ средняго термина; напротивъ, простой періодъ заключаетъ въ самомъ себѣ средній терминъ и самъ собою можетъ быть приведенъ въ энтимему“. „Умозр. и опытн. основ. Слов.“ 1834 г. § 128 *).

Такимъ образомъ логическое ученіе о періодѣ перешло въ такое узкое пониманіе этой формы рѣчи, что самый терминъ „періодъ“ у Глаголева является уже не грамматическимъ терминомъ, не названіемъ третьей формы рѣчи (простое предложеніе, сложное предложеніе и періодъ), а терминомъ логическимъ, синонимомъ силлогизма. Сложное предложеніе по Глаголеву можетъ быть періодомъ, можетъ и не быть періодомъ. Если есть въ немъ „средній терминъ“, оно—„періодъ“; если нѣтъ „средняго термина“, оно—не періодъ, а просто сложное предложеніе. Какъ на образецъ такого періода, Глаголевъ указываетъ на слѣдующее предложеніе: „М. Фабія, мужа добродѣтельнаго и обладающаго глубокими свѣдѣніями, искренняя ко мнѣ дружба всегда для меня пріятна“. Предложеніе это, говоритъ Глаголевъ, есть періодъ, потому что заключаетъ въ себѣ „средній терминъ“, посредствомъ котораго онъ, т.-е. періодъ, самъ собою можетъ быть обращенъ въ энтимему: Маркъ Фабій, мужъ добродѣтельнѣйшій, съ глубокими свѣдѣніями; посему искреннее его со мною обращеніе всегда для меня пріятно“.

Въ этомъ разсужденіи есть доля правды, именно: въ нѣкоторыхъ сложныхъ предложеніяхъ, дѣйствительно, можетъ содержаться умозаключеніе, какъ въ нѣкоторыхъ про-

*) Сочиненіе это въ 1833 г. Академіей Наукъ было награждено одною изъ поощрительныхъ премій.

стыхъ предложеніяхъ заключается сужденіе. Но это—явленіе не постоянное; такой именно выводъ слѣдуетъ и изъ разсужденій самого Глаголева, устанавливающаго разграниченіе, когда предложеніе бываетъ періодомъ, когда нѣтъ. По ученію самого Глаголева, въ нѣкоторыхъ сложныхъ предложеніяхъ не бываетъ „средняго термина", слѣдовательно, не бываетъ умозаключенія; такія предложенія, по его ученію, нельзя назвать періодомъ. Это ограниченіе очень важно для насъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ обязательно допускается и мысль, что грамматическая сторона періода или предложенія не обусловливается логическимъ сочетаніемъ понятій; что соотношеніе между ними хотя и есть, но одно другимъ не требуется, одно отъ другого не зависитъ. Слѣдовательно, грамматика—сама по себѣ, а логика—сама по себѣ.

Поддерживалъ логическое ученіе о періодѣ и П. Перевлесскій, утверждая, что періодъ есть не что иное, какъ умозаключеніе. „Умозаключеніе, выраженное словами, есть періодъ", говоритъ онъ. „Въ немъ среднее понятіе опредѣляетъ отношенія сказуемаго къ подлежащему главнаго предложенія. Безъ средняго понятія предложенія, какъ бы оно ни было распространено, всегда остается предложеніемъ и не будетъ періодомъ". „Начерт. Русск. Синт." 1848 г. § 298.

Рѣшительнѣе этого утверждать едва ли возможно; но, насколько основательно такое утвержденіе, это—другое дѣло. Термина „періодъ" въ логикѣ нѣтъ донынѣ; логика допускаетъ только терминъ „умозаключеніе", или „силлогизмъ". Фактъ этотъ—не простая случайность: отождествленіе періода съ умозаключеніемъ, предложенія съ сужденіемъ—дѣло сомнительное, а на практикѣ, по крайней мѣрѣ въ области грамматики, какъ мы уже указывали, способно повести къ путаницѣ. Правда, въ логикѣ иногда предложеніе употребляется въ смыслѣ „сужденіе", и такимъ образомъ пред-

ложеніе какъ бы отождествляется съ сужденіемъ; но это едва ли можно назвать усовершенствованіемъ.

Предложеніе отождествляется съ сужденіемъ, напримѣръ, въ исторической грамматикѣ Ѳ. Буслаева (§ 110), частію и въ учебникахъ грамматики донынѣ; но логическій составъ сужденія и грамматическій составъ предложенія не совпадаютъ одинъ съ другимъ; слѣдовательно, отождествленіе этихъ двухъ формъ, логической и грамматической, едва ли основательно. Въ сужденіи различаются два члена: субъектъ и предикатъ; въ предложеніи—нѣсколько членовъ: подлежащее, сказуемое, дополненіе и проч. Сужденіе есть сочетаніе понятій, предложеніе—частей рѣчи; но утверждать, что понятіе и часть рѣчи—тождественны, едва ли возможно. Наиболѣе характерная черта сужденія—соотвѣтствіе съ дѣйствительностію (Ибервегъ), и таковымъ оно бываетъ, когда является плодомъ сравнивающей и оцѣнивающей дѣятельности ума. Но есть множество предложеній, въ которыхъ содержится просто впечатлѣніе, или сочетаніе представленій на основаніи впечатлѣнія. Напримѣръ: „Свѣтитъ яркая луна". *Пл*. Въ грамматическомъ отношеніи это предложеніе безукоризненно, но астрономія учитъ, конечно, не безъ основанія, что луна не свѣтитъ, а отражаетъ свѣтъ. „Громомъ деревню зажгло" *Т.*—тоже въ грамматическомъ отношеніи предложеніе хорошее, но физика утверждаетъ, что зажигаетъ не громъ, а молнія. Въ предложеніи, можетъ выражаться желаніе, волненіе и проч. *Троицкій*. Лог. стр. 113. Въ предложеніи можетъ заключаться явная нелѣпость; напр.: Дважды два—сальная свѣча *Т*. Значитъ, правильность грамматическая и правильность логическая одна другою не требуются, не обусловливаются, одна отъ другой не зависятъ. Слѣдовательно, опредѣленіе: „предложеніе есть сужденіе"—опредѣленіе узкое (definitio angustior).

Утвержденіе, что сложное предложеніе или періодъ

есть выраженіе умозаключенія—тоже опредѣленіе нелогичное. Въ самомъ дѣлѣ, есть такія сложныя предложенія, которыя и въ грамматическомъ, и въ реальномъ отношеніи правильны, а въ логическомъ отношеніи умозаключенія не содержатъ. Напримѣръ: „Нѣкоторые ученые люди не практичны; напротивъ, нѣкоторые практичные люди очень учены". Струве. „Элем. лог." § 28. Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ несомнѣнно сложное предложеніе, а умозаключенія нѣтъ и быть не можетъ. И это—далеко не исключительный примѣръ. Извѣстно, что видовъ силлогизма (modi) современная логика насчитываетъ до 64 (barbara, celarent, darii и др.), а логическое заключеніе допускается только въ 19 видахъ, прочіе логическаго заключенія не допускаютъ. Струве. „Элем. Лог." § 29. М. Троицкій. „Учебн. Лог." кн. 1-я стр. 183 и слѣд. Да и изъ разсужденія Глаголева, отождествившаго періодъ съ силлогизмомъ, слѣдовало, какъ мы уже говорили, что не всякое сложное предложеніе можетъ заключать въ себѣ умозаключеніе. Итакъ, періодъ не можетъ быть терминомъ логическимъ; въ логикѣ его и нѣтъ. Періодъ—терминъ грамматическій; этимъ словомъ можно назвать только особую грамматическую форму рѣчи.

Вообще составляя опредѣленіе какого-либо понятія, слѣдуетъ помнить, что родовымъ признакомъ его можетъ быть только признакъ естественный, постоянный, принадлежащій опредѣляемому понятію по самой его природѣ. Но если „предложеніе" и „періодъ" суть формы грамматическія, а „сужденіе" и „умозаключеніе"—формы логическія: то ни одна изъ нихъ не можетъ быть родовымъ признакомъ другой, потому что какъ тѣ, такъ и другія принадлежатъ разнымъ сферамъ, хотя и тѣсно соприкасающимся одна съ другой. Ни періодъ, ни предложеніе не могутъ быть опредѣлены на почвѣ логической: они могутъ быть опредѣлены только на ихъ естественной почвѣ, на почвѣ грамматической.

Каково должно быть опредѣленіе періода, объ этомъ будемъ говорить далѣе; теперь же разберемъ нѣсколько опредѣленій этой формы рѣчи, предложенныхъ въ новѣйшихъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности, при чемъ раздѣлимъ ихъ на двѣ группы: къ одной отнесемъ тѣ, гдѣ болѣе обращается вниманія на логическую сторону періода,— къ другой тѣ, гдѣ больше на грамматическую сторону.

Андрей Филоновъ рекомендуетъ слѣдующее опредѣленіе періода: „Полное выраженіе мысли во всѣхъ частяхъ однимъ ли логическимъ предложеніемъ, или сочетаніемъ нѣсколькихъ предложеній, въ одно цѣлое, называется періодомъ“. „Учебн. Теор. Слов.“ 1878 г. стр. 46. Мы сказали: „рекомендуетъ“, ибо у г. Филонова собрана цѣлая коллекція опредѣленій періода, но въ заглавномъ мѣстѣ поставлено это опредѣленіе; значитъ, оно признается лучшимъ, или вѣрнѣйшимъ. Однако рекомендуемое г. Филоновымъ опредѣленіе взято у Греча (См. „Русск. Грам.“ 1834 г. [§ 285). Мы уже говорили объ этомъ опредѣленіи и указывали, что терминъ—„логическое предложеніе“ употребляется въ смыслѣ—„сужденіе“. Повторивъ слова Греча, г. Филоновъ повторилъ въ своемъ учебникѣ, хотя не точно, также и мысль проф. Давыдова, указанную нами выше: „Въ нашемъ мышленіи три формы: понятіе, сужденіе и умозаключеніе. Понятіе о предметѣ, выраженное словомъ, называется именемъ существительнымъ; сужденіе, выраженное словомъ, именуется предложеніемъ; а умозаключеніе, т.-е. соединеніе нѣсколькихъ сужденій, выраженное словомъ, получаетъ названіе періода“. „Учебн. Теор. Слов.“ стр. 48. Такимъ образомъ, соединивъ вмѣстѣ ученіе Греча и ученіе Давыдова, г. Филоновъ какъ бы утверждаетъ, что періодъ есть одновременно и сужденіе, и умозаключеніе. Но отъ такого нововведенія понятіе о періодѣ стало отнюдь не яснѣе, напротивъ, еще болѣе запуталось, и дѣйствительно въ ученіи о періодѣ у г. Филонова

есть грубыя ошибки даже въ разграниченіи видовъ періода; однако объ этомъ будемъ говорить потомъ.

Попытки объяснить свойства періода при помощи логической терминологіи дѣлаются и въ другихъ учебникахъ. У г. Смирновскаго, напримѣръ, находимъ слѣдующее: „Періодъ есть распространенное предложеніе, въ которомъ рѣчь должна литься плавно и съ извѣстнымъ ритмомъ, т.-е. повышеніемъ и пониженіемъ голоса“. Стр. 356. „Та часть періода, которая произносится съ повышеніемъ голоса, называется повышеніемъ (protasis); произносящаяся же съ пониженіемъ голоса называется пониженіемъ (apotasis). Повышеніе съ пониженіемъ находится въ тѣсной логической связи“. Стр. 362. О періодѣ. Прилож. къ Грам. 1872 г. У г. Гаврилова говорится уже рѣшительно: „Въ періодѣ простомъ половинамъ періода, т.-е. повышенію и пониженію, соотвѣтствуетъ логическое подлежащее и логическое сказуемое“. „Стилист. Задачи“ 1876 г. стр. 145. У г. Ливанова говорится еще яснѣе: „Отъ формы періода въ настоящее время требуется только—а) особенная стройная группировка составныхъ частей періода, при которой періодъ всегда распадается на двѣ приблизительно равныя половины („повышеніе и пониженіе“)... „Простой періодъ всегда распадается на двѣ половины, изъ которыхъ одна составляетъ логическое подлежащее, а другая—логическое сказуемое“... Примѣръ: „Провидѣніе, мудрый и неусыпный вождь на путяхъ жизни, незримый блюститель людей въ ихъ счастіи и бѣдствіяхъ, постоянно руководствуетъ всѣхъ насъ къ достиженію истиннаго блаженства“. Первая половина въ этомъ періодѣ, отдѣленная чертою“, поясняетъ г. Ливановъ: „составляетъ логическое подлежащее, а второе—логическое сказуемое“. „Учебн. курсъ теор. слов.“ 1899 г. стр. 13.

Въ этомъ ученіи мы имѣемъ, повидимому, примѣръ сліянія идей древнихъ съ мыслію Ломоносова, учившаго,

что въ предложеніи, или періодѣ (что по Ломоносову одно и то же), какъ выраженіи сужденія,—два члена: подлежащее и сказуемое. Мысль эта, такимъ образомъ, получила дальнѣйшее развитіе: логическое подлежащее отождествлено съ „повышеніемъ“, логическое сказуемое съ „пониженіемъ“. Но названные авторы, во-первыхъ, упустили, кажется, изъ виду, что Востоковъ и Давыдовъ находили болѣе основательнымъ утверждать, что въ періодѣ выражается не сужденіе, а умозаключеніе. Правда, и это мнѣніе не точно; все же въ немъ есть доля правды, такъ какъ въ нѣкоторыхъ періодахъ и сложныхъ предложеніяхъ дѣйствительно бываетъ умозаключеніе. Любопытно, во-вторыхъ, и то, что тѣ же авторы въ то же время учатъ, что „повышеніе“ и „пониженіе“ относятся къ звуковой сторонѣ періода, къ благозвучію рѣчи, слѣдовательно, есть явленіе музыкальное. Итакъ, если припомнимъ еще разъ, что древніе риторы называли ритмомъ (ῥυθμός—rhythmus) стопу и очень подробно учили о разныхъ видахъ стопъ (напр.: дихорей, пеанъ и др.): то не можемъ не замѣтить, что примѣненіе этого ученія къ русскому языку въ нашихъ учебникахъ сдѣлало прогрессъ довольно своеобразный: сперва стопа (ритмъ) отождествлена съ „повышеніемъ“ (protasis) и пониженіемъ (apotasis), что у древнихъ разграничивалось, это—еще ничего; потомъ уже стопа (ритмъ) отождествлена съ логическимъ подлежащимъ и логическимъ сказуемымъ; это—понять трудно.

Есть учебники, въ которыхъ болѣе мѣста отводится грамматическому ученію о періодѣ. Въ нихъ періодъ называютъ „предложеніемъ“, но дѣло все-таки не обходится безъ путаницы. Вотъ нѣсколько опредѣленій періода:

„Періодомъ называется сложное предложеніе, построенное искусственно, съ художественной простотой“. А. Кирпичниковъ. Синт. 1893 г. стр. 47.

„Періодомъ называется предложеніе, какъ простое, зна-

чительно распространенное, такъ и сложное предложеніе, отличающееся законченностію смысла и стройностію частей". И. Кипріяновичъ. Синт. 1895 г. стр. 98.

„Періодъ въ сущности есть то же предложеніе, но распространенное придаточными, и вслѣдствіе особеннаго расположенія своихъ частей отличающееся стройностію и законченностію". А. Радонежскій. „Уроки Теоріи Словесн." 1893 г. стр. 2.

„Періодомъ называется такое предложеніе, которое отличается особою распространенностію и законченностію мысли". К. Говоровъ. Синт. 1894 г. стр. 92.

„Періодомъ называется предложеніе, какъ простое, такъ и сложное, заключающее въ себѣ полный, законченный смыслъ и стройно выраженное". П. Преображенскій. Синт. 1900 г. § 107.

„Если сложное предложеніе, при болѣе или менѣе значительномъ объемѣ, отличается достаточною полнотою и законченностію мысли, вмѣстѣ съ тѣмъ художественностію отдѣлки, его называютъ періодомъ". П. Смирновскій. Синт. 1896 г. § 124.

Довольно. Остановимся на этихъ опредѣленіяхъ. Говорятъ: періодъ есть предложеніе. Но какое предложеніе? Одни говорятъ: періодъ есть сложное предложеніе; другіе—какъ простое, такъ и сложное; третьи—предложеніе распространенное; четвертые—вообще предложеніе или въ сущности предложеніе. Путаница очевидная. Почему же не хотятъ признать, что еще Востоковъ не безъ основанія полагалъ, что періодъ отъ предложенія слѣдуетъ разграничивать, а не отождествлять—что это—двѣ различныхъ формы рѣчи... Но, можетъ,—быть, названные авторы возвращаются къ терминологіи Ломоносова, который смотрѣлъ на періодъ и предложеніе, какъ на синонимы, и всякое предложеніе называлъ періодомъ?—Нѣтъ. Въ названныхъ учебникахъ періодъ и

предложеніе на самомъ дѣлѣ разграничиваются: о предложеніяхъ говорится въ синтаксисѣ простого и сложнаго предложенія, о періодахъ—совсѣмъ въ другихъ рубрикахъ; о періодахъ и предложеніяхъ говорится, какъ о различныхъ формахъ рѣчи, отличающихся одна отъ другой, и это—вполнѣ основательно. Но дѣло въ томъ, что, говоря объ этихъ формахъ рѣчи въ различныхъ рубрикахъ, авторы на самомъ-то дѣлѣ не разграничиваютъ, а отождествляютъ ихъ; поэтому путаница ни чуть не уменьшается.

Ошибки въ указанныхъ опредѣленіяхъ періода произошли отъ того, что не обращаютъ надлежащаго вниманія на выборъ признаковъ—ни родового, ни видового. „Предложеніе" не можетъ быть родовымъ признакомъ „періода", такъ какъ родовымъ признакомъ опредѣляемаго понятія долженъ быть признакъ высшій, общій всѣмъ видамъ одного рода. Когда же говорятъ: „періодъ есть предложеніе", то тутъ нарушается это логическое правило, потому что „періодъ" и „предложеніе"—понятія соподчиненныя.

И видовые признаки въ указанныхъ опредѣленіяхъ подобраны тоже неудачно. Въ качествѣ видового отличія періода указаны признаки или случайные, или совсѣмъ произвольные. Вотъ они: искусственное построеніе, распространенность выраженія, стройность расположенія частей, особенное расположеніе частей, художественная простота и отдѣлка, значительность объема, полнота и законченность мысли и проч. Все это—не то. Логика требуетъ, чтобы было указано „видовое отличіе" опредѣляемаго понятія; исчисленными же признаками періодъ не только не разграничивается отъ другихъ формъ рѣчи, а скорѣе смѣшивается съ ними. Нѣкоторые признаки просто не понятны. Что такое, напримѣръ, искусственное построеніе? Въ грамматикѣ построеніе предложеній, а, слѣдовательно, и періодовъ не дѣлятъ на искусственное и безыскусственное; періодъ и пред-

ложеніе одинаково строятся и въ языкѣ народной словесности, и въ языкѣ литературномъ. Впрочемъ, можетъ-быть, подъ „искусственнымъ построеніемъ" разумѣются стилистическія качества рѣчи; но въ такомъ случаѣ они должны быть не чужды и предложенію, а потому не могутъ быть видовымъ отличіемъ періода. „Распространенность выраженія", или „значительность объема"? Но эти качества въ большей или меньшей степени свойственны и предложенію; мы уже говорили объ этомъ признакѣ при разборѣ ученія древнихъ риторовъ. „Стройность расположенія частей"? Но это—признакъ частію стилистическій, частію грамматическій и свойственъ въ такой же мѣрѣ предложенію, какъ и періоду. Нѣкоторые приписываютъ періоду какое-то особенное расположеніе частей", но таковаго не существуетъ. Размѣщеніе членовъ предложенія и предложеній простыхъ и сложныхъ подчиняется опредѣленнымъ грамматическимъ правиламъ; для періода особыя правила на этотъ случай едва ли могутъ быть. „Законченность и полнота смысла?"—Но развѣ это—видовое отличіе періода? И въ предложеніи, коль скоро оно—предложеніе, а не наборъ словъ, законченность смысла обязательна. Нѣкоторые приписываютъ періоду даже „правильное расположеніе частей", какъ будто въ предложеніи допускается неправильное расположеніе частей... Вообще всѣ выше перечисленныя черты періода не могутъ быть видовымъ отличіемъ періода, потому что всѣ случайны: могутъ быть, могутъ и не быть; вѣдь есть же періоды художественные и несуразные, плавные и тяжеловатые, а все-таки какъ тѣ, такъ и другіе суть періоды.

Въ нѣкоторыхъ учебникахъ опредѣленія періода авторы не даютъ совсѣмъ: вмѣсто него предлагаютъ описаніе періода.

П. Житецкій описываетъ періодъ такъ: „Древніе греки періодомъ называли рѣчь, представляющую, подобно кру-

гу, нѣчто цѣльное, законченное и стройное. Всѣ эти свойства круга проистекають изъ единства центра; потому въ періодѣ обязательно присутствіе господствующей или главной мысли... Но коль скоро есть въ немъ главная мысль, то это самое указываетъ, на присутствіе въ періодѣ и второстепенной мысли, посредствомъ которой развивается мысль главная". „Теор. Сочин." 1895 г. стр. 28. Но что же можно извлечь изъ этого описанія? Что такое періодъ? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ выше приведенными словами: „періодъ есть нѣчто цѣльное, законченное, стройное", то подадимъ поводъ глумиться надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и горшокъ, и рѣка есть нѣчто цѣльное, законченное, стройное. Если скажемъ, что періодъ есть „рѣчь цѣльная, законченная и стройная", то опять не поймемъ, что такое періодъ, такъ какъ и предложеніе должно быть и бываетъ законченное, стройное и цѣльное. Такія сближенія, какъ „единство центра и единство господствующей мысли", едва ли полезны.

Есть учебники, въ которыхъ одновременно дается и опредѣленіе, и описаніе періода.

И. А. Поликарповъ говоритъ: „Періодомъ вообще называется предложеніе (простое, сложное и слитное), распространенное отдѣльными членами и цѣлыми предложеніями, которыя, будучи правильно расположены, дѣлаютъ мысль полною и развитою, а рѣчь, вслѣдствіе правильной разстановки словъ, плавною и благозвучною"... „Съ внутренней, т.-е. со стороны содержанія, періодъ долженъ представлять законченное цѣлое, маленькое сочиненіе, съ одной главной мыслью (темой, которая должна быть развита съ достаточной полнотой и законченностью); съ внѣшней стороны, т.-е. со стороны выраженія, онъ долженъ отличаться стройностію и изяществомъ рѣчи, быть не труднымъ для произношенія и пріятнымъ для слуха: онъ долженъ представлять собою какъ бы музыкальную фразу, одна половина которой про-

износится съ повышеніемъ голоса, а другая—съ пониженіемъ. При чтеніи періода, послѣ каждаго предложенія или члена. отдѣленнаго знаками препинанія, дѣлается нѣкоторая остановка голоса (пауза). Эти паузы вмѣстѣ съ повышеніемъ и пониженіемъ голоса въ половинахъ періода и составляютъ музыкальную сторону періода". О періодахъ. 1897 г. § 6—7.

Н. Ливановъ предлагаетъ почти такое же опредѣленіе и описаніе періода. «Предложеніемъ распространеннымъ и сложнымъ, отличающимся единствомъ мысли, полнотою и законченностію ея развитія, стройностію изложенія, легкостію для произношенія и пріятностію для слуха, еще въ древности усвоено было названіе періода»... «Періодъ не составляетъ особой синтаксической формы рѣчи, онъ представляетъ собою только болѣе сложную, отличающуюся особенною случайностію форму предложенія, почему и въ строеніи своемъ подчиняется всѣмъ вообще синтаксическимъ правиламъ, касающимся строенія предложеній»... «Условія, при которыхъ синтаксическое предложеніе можетъ быть названо періодомъ, слѣдующія: съ внутренней стороны оно должно отличаться а) стройнымъ единствомъ мыслей» и проч. «Учебн. курсъ теор. слов.» 1899 стр. 11—12».

Не трудно усмотрѣть, что въ приведенныхъ описаніяхъ періода собраны самыя хорошія слова, какія только когда-либо относили къ періоду: стройность и изящество рѣчи, легкость для произношенія, пріятность для слуха и проч., и проч. Все это—хорошо, но при чемъ же тутъ періодъ-то? Г. Ливановъ даже прямо отрицаетъ періодъ, какъ особую форму рѣчи... Такимъ образомъ въ массѣ хорошихъ словъ представленіе о періодѣ совсѣмъ утратилось.

Въ нѣкоторыхъ учебникахъ опредѣленіе періода заимствуется у древнихъ риторовъ. В. А. Яковлевъ, напримѣръ, говоритъ: «Періодъ въ буквальномъ смыслѣ значитъ кругъ,

въ переносномъ такое синтаксическое цѣлое, въ которомъ мысль развивается законченою, закругленою, подобно очертанію круговой линіи. Говоря словами Аристотеля, періодъ есть выраженіе, въ себѣ самомъ заключающее начало и конецъ». «Учебн. курсъ теор. слов.» 1887 г. стр. 47. Но слова «синтаксическое цѣлое, въ которомъ мысль развивается законченно, закругленно», примѣнимы и къ предложенію. Кромѣ того, «закругленность» есть признакъ, принадлежащій собственно сравненію, а не сравниваемому; сравненіемъ же, какъ извѣстно, сообщается понятію сравниваемому лишь наглядность. Что касается словъ Аристотеля, то они здѣсь совсѣмъ не встати. Нѣтъ надобности распространяться объ этомъ, такъ какъ при разборѣ ученія древнихъ риторовъ мы уже достаточно говорили, что такое «начало и конецъ».

Въ нѣкоторыхъ учебникахъ дается по нѣскольку опредѣленій періода. Андрей Филоновъ, напримѣръ, собралъ цѣлую коллекцію опредѣленій періода и отвелъ имъ въ своемъ учебникѣ особую рубрику: «Разныя опредѣленія періода». Тутъ собраны опредѣленія Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана, Дмитрія Фалерейскаго и др. Г. Фалоновъ приводитъ свидѣтельство, что Аристотелево опредѣленіе считалось «самымъ лучшимъ», опредѣленіе Дмитрія Фалерейскаго называетъ «прекраснымъ» и проч. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы видѣли, г. Филоновъ предпочелъ всѣмъ этимъ опредѣленіямъ опредѣленіе Греча, которое и поставилъ въ своемъ учебникѣ въ заглавномъ мѣстѣ. Но дѣло однако не въ этомъ, а въ томъ, что логически-правильное опредѣленіе какого-либо понятія можетъ быть только одно; слѣдовательно, одно собираніе различныхъ опредѣленій періода уже свидѣтельствуетъ о нѣкоторой логической неясности...

Итакъ, въ концѣ концовъ слѣдуетъ сознаться, что во множествѣ предложенныхъ нашими учебниками опредѣленій періода—не мало хорошихъ словъ, гладкихъ выраженій,

даже красивыхъ оборотовъ и проч., но логика страдаетъ

Теперь скажемъ, какое же опредѣленіе періода можно назвать правильнымъ. Мы замѣчали уже, что правильное опредѣленіе періода можетъ быть сдѣлано только на почвѣ грамматической. Періодъ есть грамматическая форма рѣчи, и потому въ составъ опредѣленія періода имѣютъ право войти только грамматическіе признаки. Вотъ это опредѣленіе: періодъ есть форма рѣчи, гдѣ нѣсколько сложныхъ предложеній грамматически соединяются въ одно округленное сочетаніе... Это опредѣленіе составлено изъ признаковъ чисто грамматическихъ, слѣдовательно, наиболѣе естественныхъ и присущихъ природѣ періода; это опредѣленіе и слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ.

Повѣримъ однако это опредѣленіе. Въ опредѣленіи, логически составленномъ, долженъ быть, во-первыхъ, признакъ родовой. Есть ли таковой признакъ въ нашемъ опредѣленіи и гдѣ онъ?—Есть, вотъ онъ: форма рѣчи. Родовой признакъ долженъ быть свойственъ всѣмъ видамъ одного рода. Таковъ ли признакъ «форма рѣчи»? Да, форма рѣчи есть признакъ, свойственный и періоду, и предложенію: и періодъ есть форма рѣчи, и предложеніе есть форма рѣчи. Во-вторыхъ, въ опредѣленіи должно быть «видовое отличіе», и видовымъ отли чіемъ долженъ быть признакъ, свойственный исключительно одному опредѣленному понятію изъ цѣлаго ряда видовъ. Есть ли такой признакъ въ нашемъ опредѣленіи и гдѣ онъ?—Есть, вотъ онъ: «нѣсколько сложныхъ предложеній». Это—видовое отличіе именно періода, этимъ именно признакомъ періодъ и отличается отъ сложнаго предложенія: тогда какъ сложное предложеніе составляется изъ простыхъ предложеній, періодъ—изъ предложеній сложныхъ. Потому-то и нельзя сказать: періодъ есть сложное предложеніе; нельзя назвать и сложное предложеніе періодомъ. Потому-то необходимъ въ грамматикѣ при терминѣ «сложное предложеніе еще

терминъ «періодъ». Это—два различныхъ термина, какъ различны между собою формы рѣчи, ими означаемыя; ихъ слѣдуетъ разграничивать, а не отождествлять и не смѣшивать.

Противъ нашего опредѣленія періода можетъ быть сдѣлано слѣдующее возраженіе. Есть такія сочетанія предложеній, гдѣ одно предложеніе—сложное, а другое—простое; напримѣръ: хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однако ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Кар. Здѣсь первое предложеніе (придаточное)—простое, а второе (главное)—сложное. Такія сочетанія предложеній не подходятъ къ опредѣленію періода, какъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ сложныхъ предложеній; въ то же время подобныя сочетанія предложеній нельзя относить и къ сложнымъ предложеніямъ, такъ какъ въ нихъ болѣе одного сложнаго предложенія. Нужно замѣтить, что подобныя сочетанія предложеній встрѣчаются очень часто, почему обходить ихъ молчаніемъ нельзя. Въ нашихъ учебникахъ такія сочетанія предложеній обыкновенно называютъ періодами, конечно, потому, что тамъ всякое предложеніе принимаютъ за періодъ, лишь бы оно было распространенное. Намъ кажется, для такихъ предложеній лучше принять особый терминъ, напримѣръ, «полуперіодъ». Въ самомъ дѣлѣ, такія сочетанія предложеній по своему построенію занимаютъ середину между сложнымъ предложеніемъ и періодомъ; они представляютъ собою переходныя, не развившіяся формы, и для нихъ особый терминъ былъ бы не безполезенъ. Слово «полуперіодъ» не нами выдумано; оно встрѣчается, напримѣръ, у профессора Л. Ф. Воеводскаго въ его брошюрѣ: «Опытъ упрощенія русскаго правописанія». 1898 г. стр. 15. Въ нашемъ смыслѣ это слово было бы, кажется, на своемъ мѣстѣ.

Почти такое же, какъ наше, опредѣленіе періода предложено еще давно профессоромъ Берлинской семинаріи Гейнзіусомъ. «Когда соединимъ» говоритъ онъ: «нѣсколько слож-

ныхъ распространенныхъ предложеній въ одно цѣлое такъ, что между начальнымъ и заключительнымъ предложеніемъ будетъ существовать явное равновѣсіе относительно объема, послѣдовательности отдѣльныхъ частей, и даже относительно ритма, то получимъ періодъ, περίοδος, circuitus, ambitus, orbis verborum, т.-е. разнообразіе мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое». Въ коллекціи опредѣленій періода, собранныхъ Андреемъ Филоновымъ, есть и это опредѣленіе. «Учебн. Теор. Слов.» стр. 47. Въ главныхъ чертахъ оно вѣрно, но есть въ немъ кое-что излишнее. Нѣтъ надобности говорить: «распространенныхъ предложеній»; излишни слова: «явное равновѣсіе относительно послѣдовательности отдѣльныхъ частей и даже относительно ритма». Мы говорили уже объ этихъ признакахъ, что они не характерны для періода. Все это однако легко устранить, и тогда получимъ правильное опредѣленіе періода. На это опредѣленіе еще давно было указано К. Говоровымъ въ «Филолог. Запискахъ» 1862—63 г. вып. IV—V; но наши школьные учебники почему-то донынѣ чуждаются этого, безъ сомнѣнія, лучшаго опредѣленія періода. Даже и самъ г. Говоровъ въ своемъ учебникѣ синтаксиса отступился отъ этого опредѣленія и вмѣстѣ съ другими, можетъ-быть, по пословицѣ: «Съ волками жить, по-волчьи выть», твердитъ: «періодомъ называется такое предложеніе, которое отличается особенною распространенностію и законченностію мысли». Синт. изд. 20 1894 г. стр. 92.

П. А. Виноградовъ.

Курскъ.
Сентябрь 1901 г.

(Окончаніе будетъ).

Правописаніе, какъ научно обоснованный образъ праворѣчія (проектъ реформы отечественнаго правописанія взамѣнъ ранѣе предложенной мной „новой грамоты“).

На самомъ рубежѣ минувшаго и настоящаго столѣтій вышло въ свѣтъ мое первое печатное произведеніе—книжка: «Подарокъ неизгнаннаго Неба—рожок—сам—гудок, или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота». Во ступленіи первой части книги послѣ двухъ словъ о творчествѣ, какъ высшемъ проявленіи Духа, я поставилъ на видъ вопросъ объ отечественномъ письмѣ и, за рядомъ примѣровъ неустановившихся въ языкѣ формъ, предложилъ новое правописаніе. Вторая часть книги содержитъ напечатанныя съ соблюденіемъ правилъ новой грамоты мои «пѣсни».

Теперь, когда призывный голосъ «Подарка Неба» вызвалъ посильное эхо, а вызвать его, «обратить вниманіе» и было пока главной моей задачей, «замысломъ», какъ выразился въ своей критической замѣткѣ одинъ изъ стоящихъ «на борони» [1]), я переношу вопросъ о

---

[1]) Профессоръ Брандтъ («Моск. В». 1901 г № 279-й), напечатавшій 2—3 мѣсяца спустя послѣ выхода въ свѣтъ означенной моей книги статью въ «Филологическихъ Запискахъ»: «О лженаучности нашего правописанія», и, какъ извѣстно, принявшій вслѣдъ за тѣмъ дѣятельное участіе въ трудахъ Моск. Педаг. Общ. по выработкѣ положеній его «Доклада объ упрощеніи орѳографіи».

грамотѣ на почву возможно научной обоснованности и вмѣстѣ пріемлемости, при чемъ многое изъ «крупной ломки» будетъ повторено, измѣнено, ограничено, восполнено, или, какъ преждевременное, устранено.

Не переставая вѣрить въ доброе начинаніе интересующаго насъ дѣла, не скрою однако сильно замѣтнаго по пути движенія впередъ, прикрывающагося овечьей шкурой осторожности, факта «облѣнѣнія» общественной мысли. Все намъ хочется понѣжиться на «теплой» печкѣ косности! И какой это неугомонно—горластый вѣстникъ пробужденія—«пѣтухъ» совѣсти! Нѣмецъ, французъ, американецъ! «трухните», голубчики, «черняго сѣмени по бѣлому полю»! заткните «глотку» озорнику! Нѣтъ, намъ, просто пора вставать! Русская грамматика—русское дѣло. Эта наука по преимуществу національная... Кстати объ осторожности. Что такое осторожность? мѣра въ наукѣ? все-оружіе живущаго въ насъ Генія? Конечно. Если мои мнѣнія не научны, то ихъ и бросай за бортъ науки! Если привитая, примѣрно, Гротомъ «язвина» о г о вм. правдоподобнаго стараго а(е) г о или явно современнаго о в а, есть не что иное, какъ «порча», то лучше «отманить лихоманку»! Если Гротъ нашего «Владиміра» производитъ отъ «готовъ», то можно и постоять за «володѣтеля народа!» Если бредящій козвями видитъ въ томъ геройство, то что можетъ быть лучше пробужденія отъ гипнотическаго сна преступности?!

И все-таки я привѣтствую откликнувшееся, хотя еще и «слабое», эхо! Привѣтствую растущее общественное сознаніе! И дай Богъ, чтобы неизгнанное изъ его чуткаго сердца Небо (отъ какихъ бы малыхъ свѣта оно ни исходило) было его вожделѣннымъ намѣреніемъ!

Вотъ мои выводы послѣ новаго изслѣдованія вопроса:

I. Грамматика, какъ наука, должна имѣть научный критерій, отказавшись отъ суевѣрія, чѣмъ намъ «плясать подъ дудку» невѣжества. Такъ, если на научномъ основаніи напр. слово «отверстіе» (см. п. 20) должно писать черезъ з, здѣсь—черезъ с, ѣшь (сопоставить со слов. сыроѣжка)—черезъ ж, Полоцкъ—черезъ тс, а слово «поручикъ» должно имѣть вставочное т (какъ потатчикъ, поперетчикъ), то какой споръ объ этомъ? Также, если въ начертаніи «деревяжка» простое словоизмѣненіе обнаруживаетъ ошибку, а начертанія: «взбалмочный», «Британнія», «мачеха», кромѣ того, искажаютъ и праворѣчіе, то зачѣмъ писать «по Гроту»?

II. Граматика въ своемъ приложеніи къ правописанію (грамотѣ), какъ образу живого слова, одному изъ путей къ познанію (а не бичу для одновременнаго гона и путъ [2]), должна быть на уровнѣ времени и естественно простой, хотя и мудрой, п. ч. должна знать духъ родного языка, умѣть разобраться въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, умѣть выдѣлить лучшія жемчужины, цѣнить ихъ, созидая единый русскій языкъ на почвѣ лучшихъ образцовъ творчества. Пѣсни и пословицы Великой Россіи должно отнести къ такимъ образцамъ: онѣ дивны не только по своей жизнеспособности, силѣ и красотѣ, но и обладаютъ еще свойствомъ объединять нарѣчія и говоры [3]); въ возможномъ же согласіи языка литера-

---

[2]) Говорятъ, принявшее участіе въ дѣлѣ обновленія грамоты Москов. Педаг. Общ. обратилось за содѣйствіемъ по этому вопросу къ Общ. распространенія грамотности, но получило отвѣтъ: «Намъ некогда терять драгоцѣннаго времени!» Такъ, не распутывая, гонятъ у насъ «коня просвѣщенія». Бѣдный!... Вспоминаются слова «Подъѣзда»: «кто-то крикнулъ: «гони»!...

[3]) Пѣвучій селянинъ глубинъ Россіи не прочь часомъ

турнаго съ народнообразцовымъ объединяющее начало удваивается. Къ дѣлу грамматики должна быть отнесена и забота объ очищеніи языка отъ «заморскаго налета», поскольку послѣдній замѣнимъ, «кровными», а изъ «недоморощенныхъ», по крайней мѣрѣ, органически воспринятыми реченіями, т. к. съ фарсовскими: «пардонъ», «мерси», «куріозный», «портъ-моне», вм. склоняемаго народнообрусѣвшаго «портмонетъ» (откуда образовались уже формы: портмонетикъ, портмонеты, портмонетчикъ), «одѣнь его пальто», когда нужно сказать: одѣнь его польтомъ (откуда образовались формы: польты, польтецо, польтишко... да и говоримъ же мы напр. эхомъ, а оно не русскаго происхожденія), «кофе поить», когда нужно сказать: кофіемъ поить и т. д. Только ухо мало чуткое можетъ мириться въ великомъ гомонѣ.

III. Правописаніе должно итти объ руку съ праворѣчіемъ, воспроизводя живое устное слово въ возможной полнотѣ, безъ излишняго и недостаточнаго, не искажая его и разбираясь, помня словопроизводство и его, опредѣляемые праворѣчіемъ, предѣлы [4]) въ случаяхъ неяснаго произношенія. Такъ, въ неправильномъ начертаніи «каменщикъ» (см. п. 13) празднымъ можно считать конечный ъ (см. п. 5), и, по ошибкѣ Грота, въ

позабавиться и инорѣчивой пѣсней своихъ окраинъ — и про папа, что живетъ отъ него на закатъ солнышка; и про молодого казака — малороссіянина, про коханочку и про Марусеньку; любитъ затянуть и про «веселый Дунай», а онъ — старый — можетъ быть, не безъ слезъ вторитъ пѣснѣ сердца Россіи; вторитъ ей и ропотная волна Вислы, и Океанъ-море...

[4]) Неумѣстнымъ нарушеніемъ праворѣчія было бы напр. возстановленіе вымершихъ: к въ словѣ г(к)дѣ и та въ словѣ изба (отъ из и топить).

этомъ же начертаніи «каменщикъ» ясно искажено праворѣчіе отъ недостающаго ь послѣ н. Въ начертаніи «ѳинъ» разумное правописаніе обнаруживаетъ полное безграмотство отжившей свое грамоты.

Ставя эти три положенія въ основу новаго правописанія, я приглашаю общественное мнѣніе, въ лицѣ его достойныхъ носителей знамени—«Ученье—свѣтъ», сдѣлать въ этомъ направленіи, оправдывающій передъ нахоцящимъ юнымъ поколѣніемъ, какъ передъ Небомъ совѣсти, благородный шагъ.

«Ученье—свѣтъ», но смыслъ пословицы оживаетъ лишь при сознаніи, что мы движемся къ свѣту, предуготовляя путь идущей вслѣдъ за нами свѣтлокудрой волнѣ.

Разсмотримъ-же, въ какомъ заботливомъ убранствѣ находится у насъ «первая ступенька къ мудрости»—азбука? Къ ней направляется шумная, но вызывающая слезы надежды, упомянутая волна...

Языкъ Великой Россіи располагаетъ нуждающимися въ особыхъ буквахъ 32-мя звуками; изъ нихъ только 30: а—я, о, у, ю, э—е, ы—и—й, м, н, л, р, з—с, д—т, б—п, в—ф, г—к—х, ц—ч, ж, ш—щ имѣютъ свои буквы, два же значительно распространенныхъ въ языкѣ звука—мягкопротяжное жьжь, напр.: жу(жьжь)ать, во(жьжь)ать, или въ пословицѣ: «про одни дро(жьжь)и не говорятъ тро(жьжь)е» (по Гроту, такъ сильно повредившему исто русскому праворѣчію въ его оттѣнкахъ: «про одни дрожди не говорятъ трожды»), и ё (береза, звѣзды) не имѣютъ буквъ. Однако, не считая ижицы, въ той-же азбукѣ насчитывается 33 звуковыхъ буквы: а—я, о, у—ю, э—(е, ѣ) ы—(и, і)—й, м, н, л, р, з—с, д—т. б—п, в—(ф ѳ), г—к—х, ц—ч, ж, ш—щ, такъ что, съ одной стороны, у насъ не достаетъ двухъ

звуковыхъ, слѣдовательно, для дѣла грамоты необходимыхъ буквъ, съ другой—три буквы праздныхъ. Здѣсь нѣтъ оправданія... и я не раскаиваюсь въ слѣдующемъ своемъ предложеніи:

1) Ввести новую букву—ж съ придаткомъ смягченія, подобнымъ придатку буквы щ, отличающимъ послѣднюю отъ ш. Предлагаемая буква должна означать мягкопротяжное жьжь [5]), что имѣетъ мѣсто большею частію при смѣнѣ парнокоренныхъ: жг, зг. зд: жгу—(жьжь)е —ніе, мозгъ—мо(жьжь)ечекъ, брюзга—брю(жьжь)ать, визгъ ви(жьжь)ать, вдребезги—дребе(жьжь)ать, мелюзга—мелю(жьжь)ить, гнѣздо—разгнѣ (жьжь) иваться, ѣзда—проѣ(жьжь)ій, борозда—боро(жьжь)у, буруздить—буру(жьжь(у, гвоздь—пригво(жьжь)ать, горяздъ—угора(жьжь)иваться, громоздить — загромо(жьжь)ать, опоздать—по(жъжь)е, подобно тому, какъ щ является смѣной парныхъ ст, ск: ростъ—роща, воскъ—вощить, спускъ—спустить—спущикъ.

Новая буква, давая естественно простое правописаніе, напр. реченій въ видѣ: «забре(жьжь)илось», «во(жьжь)и» и проч., и соотвѣтствуя праворѣчію безъ всякаго уклоненія отъ него (каково напр. «дождикъ», вм. до(жьжь)икъ, «дрожди», вм. дро(жьжь)и, «трожды», вм. тро(жьжь)е, предотвращаетъ тѣмъ самымъ искаженіе живого слова, вносимое начертаніями: жужжать (въ прочтеніи «жу(жъжъ)ать»), вожжаться— «во(жъжъ)аться», можжуха (можжевельникъ)— «можъжъ)уха», брызжу—«брыз(жъ)у» и пр. Напрасно въ данномъ случаѣ, помимо новой буквы, стали бы мы искать иного соотвѣтствія между письмомъ и праворѣчіемъ: постановка за

---

[5]) Во избѣжаніе затрудненія типографіи журнала новую букву замѣняю буквосочетаніемъ жьжь.

двойными жж и зж мягкихъ я, ю: жужжять, вожжяться, можжюха, выѣзжять (въ отличіе отъ твердаго «разжать»), брызжю (въ отличіе отъ разжую) и оправданіе смягченій *жже, жжи, зже зжи* мягкими *е, и,* не только нежелательно устранило-бы вполнѣ умѣстное *щ* (т. к. *щ* находится въ такомъ же отношеніи къ *ш*, какъ *жъж* къ *ж*), приведя къ письму: ро*шшя шшю*ка и пр., но и отразилось бы на формахъ твердаго произношенія: жесть, жечь, разжечь, а съ тѣмъ же правомъ и на формахъ: шестъ, шея, шина, шью, ружье и пр., обратя ихъ въ ж э с т ь, ж э ч ь, р а з ж э ч ь, ш э с т ъ, ш э я, ш ы н а, ш ъ ю, р у ж ъ е. Новая буква устраняетъ это сложное возмущеніе въ области правописанія. Замѣчу, что начертаніе новой буквы настолько естественно, что, какъ показалъ мнѣ опытъ (изданіе книжки «рожок-сам-гудок»), читатель сразу понимаетъ ее.

2) Для означенія звука ё ввести букву ε (ε греческаго алфавита): εмкость, объεмъ, всε, полεтъ, т. к. начертаніе ё по своей отрывчатости при письмѣ и пестротѣ при чтеніи не вошло въ общее употребленіе: подразумѣвать же подъ одной буквой е два звука (е, ё), и подъ двумя буквами (е, ѣ) одинъ звукъ ё (вѐлъ, цвѣлъ)—излишнее затрудненіе, часто неопредѣленность, какого держаться произношенія (звѣздный, осѣвки, валежникъ, осѣдлый, оселокъ, медвѣдка, бересто, маневры, отлетъ, партнеръ, докринеръ, или географическія: Меша, Наревъ, Кенигсбергъ, Денди), также—какой смыслъ слѣдуетъ придать написанному или напечатанному слову: небо—небеса или верхняя часть ротовой полости? берегъ—отъ беречь или отъ берегà? признаешь—признаешь или признаёшь? боекъ—отъ бойкій или это значитъ боёкъ, т. е. молотокъ, которымъ отбиваютъ косы? и т. д. Но необходимость введенія особой буквы для

звука ё становится еще болѣе внѣ сомнѣнія, когда мы вспомнимъ, что не только наши немалочисленные недоучки и самоучки, ничего не подозрѣвая, читаютъ: береза (вм. берёза), ревъ (вм. рёвъ), гнѣздъ (безъ ё) и пр. портя тѣмъ самымъ праворѣчіе, а и т. н. образованные, сбитые съ толку отсутствіемъ нужной буквы, читають и говорятъ «пописаному»: совершенный видъ (глагола), несовершенный видъ, вм. совершённый, несовершённый [6]). Начертаніе новой буквы таково, что читатель сразу понимаетъ ее.

3) Исключить буквы: і, ѣ, ѳ (и, конечно, ѵ), какъ излишнія, которымъ уже нѣтъ отголоска въ живомъ словѣ, и замѣнить однозначащими: и (м*и*рской, м*и*ропомазан*и*е, син*и*й), е (печен*е*гъ, н*е*мецъ, Гл*е*бъ, бес*е*да, мн*е*ніе), ε (гнεзда, сεдла, звεзды, цвεлъ, изобрεлъ), ф (ари*ф*метика, ка*ф*едра, Ага*ф*ья).

4) Устанавливается слѣдующая азбука, при чемъ заглавныя буквы, какъ рукописныя (изъ почерковъ рукописи прямой можно признать самымъ желательнымъ по его разборчивости, наименьшей растянутости и естественному положенію къ линіи зрѣнія), такъ и печатныя, имѣютъ начертаніе строчныхъ: а, я, о, ε, у, ю, э, е, ы, и, й, м, н, л, р, з, с, д, т, б, п, в, ф, г, к, х, ц, ч, ж, (жьжь), ш, щ, ъ, ь [7]).

За упорядоченіемъ «первой ступеньки», свободной

---

[6]) Слова—примѣры привожу въ начертаніи вѣрномъ для новой грамоты, поскольку дѣло касается даннаго случая. Правописаніе словъ совершённый и несовершённый устанавливаетъ п. 7.

[7]) Впрочемъ азбучный порядокъ, можетъ быть, умѣстнѣй другой, лучшій, напр.: гласныя буквы, полугласное й, согласныя звучныя, тихія, ъ, ь.

въ этомъ новомъ своемъ видѣ отъ «терній запустѣнія», слѣдуетъ вторая—ступень приложенія азбуки къ правописанію. Разумно—живое отношеніе къ дѣлу и здѣсь обрѣтаетъ «плевелы», требуя слѣдующихъ—назову въ угоду косности—«новшествъ»:

5) Считать излишнимъ конечный ъ: куст., гром, конец, нож, грош, плащ, ключ, туч. меж, душ, училищ, Ильич, могуч, наш, уж, однакож.

6) Считать излишнимъ ь послѣ шипящихъ (рож, ноч, глуш, овощ, проч, настеж, гнеш, гнешся, жеч, жечся, спряч, спрячся, спрячте, спрячтесь, намаж, намажся, намажте, намажтесь), кромѣ случаевъ несліянія: ружье, шью, овощью, ручьи.

7) Писать о вм. ё во всѣхъ случаяхъ сліянія шипящихъ и ихъ собрата ц, т. к. при этомъ выговоръ, особенно слогоразложеніе, ясно отличаетъ о, а словопроизводство (течь—потёки—потоки, лечь—лёгъ—ложе, несть—нёсъ—ноша) допускаетъ переходъ е и ё въ о: жолудь, жолтый, шолкъ, шол, щотка, ещо, чорный, ключомъ, лицомъ и пр.

8) Согласно съ праворѣчіемъ установить правописаніе: цыкорій, Турцыя, медицына и т. д., какъ птицы, цыпленокъ, цыганъ, цынга, цыфра, цыбикъ и пр.

9) Согласно съ праворѣчіемъ слово его измѣнить начертаніемъ въ ево, а отсюда и окончанія именъ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій родительн. и вин. п. ого, его, аго, яго писать—при удареніи на концѣ: ово, ево (самово, моево, ково, чево), безъ такого ударенія: ова, ева (злова, алова, вашева, дальнева), т. к. живой языкъ уже не ощущаетъ присутствія личнаго мѣстоименія въ этихъ сложныхъ окончаніяхъ, и, кромѣ того, замѣтно поступается примѣтой краткой формы ихъ въ пользу общаго окончанія: въ пѣснѣ:

«личико снѣга бѣлòва», вм. бѣла(е)го, вороно*ва*, тесоно*ва*, это*ва*... Грамматика (Гротъ) для части опредѣленій въ родит. и винит. п. приняла окончаніе **ого**, хотя съ утратою примѣты **а** краткой формы и мѣстоименнаго смысла остальной части окончанія, по свойству падежа, на концѣ должно быть **а** (добра молодца); очевидно, грамматика остановилась на **ого** во избѣжаніе неблагозвучнаго **ога** (вороно*га*, медово*га*, сыро*га*), а признать **ова**, согласно съ яснымъ произношеніемъ, не хватило духу. И мы стали писать: больного, стального, сырого... уподобляясь слѣпому термиту, который кусаетъ все, что ни попадетъ на зубы.

10) Родовыя окончанія опредѣленій множ. ч. **е**, **я**, различающія рода въ зависимости отъ существительныхъ, часто трудно опредѣлимаго или недостаточно установленнаго рода, и въ то самое время, когда смыслъ рѣчи не нуждается въ этомъ различеніи, объединены въ общее для всѣхъ родовъ **и**, какъ лисьи, вражьи, кои (въ кои вѣка), обои (оба), божіи. Интересно, что исто русскіе люди говорятъ въ этомъ случаѣ на **и**, смягчая податливый звукъ до своеобразнаго **ий**, что является чѣмъ-то среднимъ между **е** и **я**: лись(йи), сво(йй), нищі(йи), злы(йи)... И такое окончаніе не противорѣчитъ исторіи языка (сіи, тіи ,богатіи, ближніи, блажени нищіи духомъ, кротціи, въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: борзыи комони, сѣрыи волцы и пр., легко, наиболѣе отличаетъ (въ произношеніи) эту грамматическую форму отъ формъ ед. ч. на **ее** (синее) и **яя** (синяя) и упрощаетъ дѣло; не то подика, ломай «безталанную» голову, справляйся у многознайки-сосѣда, заглядывай «въ Грота» или малодушно «заминай» окончанія, разрѣшая грамматическі(е,я) тарыбары: тесовы(е-я) ворота (какъ волоса), крупны(е, я) опилки, разны(е, я) отрепки, яркі(е,я) стожары, вечер-

ві(е,я) сумерки, обширны(е,я) пустыри, сыры(е,я) копони[8]), застоявші(е,я)ся помои, знакомы(е,я) Боровичи, трудовы(е,я) будни, желѣзны(е,я) втулки, зелены(е,я) лопухи (въ ед. ч. говорятъ лопухъ м. р. и лопуха ж. р.), оконны(е,я) ставни (ставень м. р., ставня ж р.), косы(е,я) сажени (въ народномъ произношеніи сажень м. р.), круглы(е,я) сироты дѣвочки, взять коня подъ самы(е,я) уздцы, въ Африкѣ живутъ человѣкообразны(е,я) шимпанзе, а въ Австраліи сумчаты(е, я) кенгуру, колышутся медоносны(е, я) жабери и по своему красивы(е, я) чернобыль съ Иванъ-да-Марьей.

11) Личныя мѣстоименія они и онѣ, количеств. одни и однѣ, также косвенныя формы отъ оба (обои) и обѣ (обѣи) объединены въ общія съ муж. и ср. р. они (ихъ, имъ и пр.), одни (однихъ, однимъ и пр.), обоихъ, обоимъ и пр., т. ч. формы: онѣ, однѣ, обѣихъ, обѣимъ и пр., неупотребительныя въ живой рѣчи, развѣ въ угоду грамматикѣ, и далеко не простыя, напр. въ сопоставленіи съ именами существительными, родъ которыхъ трудно опредѣлимъ п. 10),—должны быть признаны отжившими свое.

12) Возстановлено въ приставкахъ: *воз*, *вз*, *низ*, *из*, *раз*, *роз* и сложныхъ: *произ*, *преиз* и пр. неясно произносимое з (передъ какими бы оно буквами ни стояло) согласно смысловому значенію, т. ч. слѣдуетъ писать: во*з*поминаніе, и*з*точникъ, *изцѣлять*, и*з*чезать, ни*з*ходить, сни*з*хожденіе, ра*з*цвѣтъ, ра*з*шить, ра*з*щипать, ра*з*щеплять, ра*з*творять, ро*з*топель, ро*з*кавни, в*з*полошить, в*з*пылить, в*з*кинуть, преи*з*подвій, прои*з*ходить, и*з*подлобья, и*з*подъ (имя сущ.) и пр. Можетъ быть, я жестоко

[8]) Копонь—дерево, вырубленное вмѣстѣ съ боковымъ корнемъ.

ошибаюсь, но искаженіе, допускаемое грамматикой въ цѣломъ рядѣ словъ съ означенными приставками, бросается въ глаза, тѣмъ болѣе, что подобное искаженіе преслѣдуется, когда дѣло идетъ о приставкахъ *без* и *чрез*, или когда не допускается з вм. с въ словахъ: сдѣлать, сбить и др.

13) Передъ звуками ч и щ производнаго окончанія слѣдуетъ различать твердость или мягкость произношенія звука н (а произношеніе въ данномъ случаѣ само себѣ подсказываетъ и провѣряется сопоставленіемъ производнаго слова съ его первообразнымъ), поэтому въ правописаніи мягкое н должно имѣть послѣ себя ь, а твердое прямо сочетаться съ ч или щ: сбите*ньщ*икъ (сбитень), каме*нь*щикъ (камень), зеле*нь*щикъ (зелень), ба*ньщ*икъ (баня), бараба*ньщ*икъ (барабанить), ны*нь*че (нынѣ), задо*нщ*ина (Донъ), соло*нч*акъ (соленый, солонъ); также: поде*нщ*икъ (поденный), де*нь*щикъ (день), пого*нщ*икъ (погоны), пого*нь*щикъ (погонять), почи*нщ*икъ (починать), почи*ньщ*икъ (починять), тара*нщ*икъ (таранъ), тара*ньщ*икъ (тарань), простѣ*нщ*икъ (простѣнокъ), просте*нь*щикъ (простень— початокъ пряжи) и пр. По Гроту въ такихъ случаяхъ ь совершенно изъятъ, и чтоже? Грамотеи современной школы читаютъ, а многіе и говорятъ: камен(ъ)щикъ, зелен(ъ)щикъ, нын(ъ)че... Думаю, что это явленіе порчи языка, и въ затруднительныхъ случаяхъ лучше сдѣлать ошибку по ошибкѣ, чѣмъ по лжеправилу.

14) Примѣта ыш именъ уничижительныхъ: оборвышъ, подкидышъ, заморышъ (ж. р. спорышка, пустышка) и пр., неудачно внесенная въ начертаніе ласкательныхъ съ предшествующимъ корневымъ удареніемъ—м. р.: чирышекъ, катышекъ, столбышекъ, воробышекъ, и ср. р.: крылышко, перышко, звенышко,

суденышко и пр., должна быть изъята изъ этихъ формъ и замѣнена примѣтой ласкательныхъ у [9]) Послѣднее, придавая оттѣнокъ ласки, звучитъ въ цѣломъ рядѣ именъ: муж. р.: дѣдушка, дѣтинушка, женск.: матушка, лебедушка, ср. (мягкое): полюшко, горюшко, общ. сиротинушка. Так. обр, по явному примѣру ласкательныхъ: муж. р. соловушекъ, скворушекъ и ср. р. небушко (въ былинѣ: «когда возсіяло солнушко красное на то нёбушко ясное»), сердечушко (въ пѣснѣ: «заболитъ головушка, заноетъ сердечушко»... и въ другой: «не буди тоски—тревоги сердечушка моего»), дивушко дивное,—должно писать: муж. р.: чирушекъ, столбушекъ, подсолнушекъ, воробушекъ, певушекъ, камушекъ (вм. портящаго праворѣчіе «кàмешекъ»), уголушекъ, кáтушекъ, и ср. р.: перушко, крылушко, звенушко, суденушко, солнушко, ведрушко и пр.

15) Уклонившимся отъ правописанія реченіямъ: ивей, улей, чирей, кофей (или кофе) должна быть присвоена, соотвѣтствующая исто русскому праворѣчію, форма: иній (=ивій, ивній, т. е. бѣлоцвѣтный пухъ ивы ивень, какъ цвѣтень), улій (уличный, уличникъ), чирій (реченіе соотвѣтствуетъ опредѣлительной формѣ «чирикающій»; народное «цыпки чирикаютъ»—означаетъ надоѣдливо подергивающую или щиплющую, подобную чирьевой, боль потрескавшейся кожи; выраженіе «чирій—Василій» по—своему намекаетъ на правописаніе), кофій, какъ жребій, Каспій, кій, виночерпій, др.-р.

[9]) При удареніи на примѣтѣ (первомъ или второмъ слогѣ ея) сомнѣній не обнаруживается, хотя на ряду съ у въ значеніи ласкательнаго встрѣчается и ыш, впрочемъ, усиленное удареніемъ въ о (голышокъ) или смягченное наращеніемъ ечк: пустышечка, спорышечка.

славій (соловей—болѣе новая форма, усилившая удареніемъ і въ е, какъ врабій—воробей, Сергій—Сергѣй), нищій, ловчій, лѣсничій, подстать также названіямъ: глиній, магній, цикорій, Егорій и др. Мнѣніе, что за е говоритъ бѣглость звука въ род. падежѣ (улья, чирья) опровергается уже двумя изъ четырехъ интересующихъ насъ словъ (инія, кофію), а слова: Василій, Власій, Григорій показываютъ, что въ род. падежѣ можетъ произвольно теряться и звукъ і: Василія—Василья, Власія—Власья, Григорія—Григорья.

16) Праворѣчіе требуетъ слѣдующаго правописанія: нѣметчина (а не нѣмечина), туретчина, крупитчатый, порутчикъ, какъ потатчикъ, поперетчикъ, кабатчикъ, казатчина, встрѣча (цс. срѣтеніе), народн. иструбъ (срубъ) и пр.

17) На ряду съ глагольными формами: трясти-трясли, запрягать,—запрягли праворѣчіе требуетъ признанія и формъ: тресть, тресъ, запречь, запрегъ, т. к. взаимная смѣна звуковъ я, е, ё въ языкѣ не новость: лягу—лечь—лёгъ, пристяжка—пристегнуть—пристегивать.

18) Желательно возможно народное (разумѣю великорусскую рѣчь) употребленіе причастныхъ формъ рѣчи, гдѣ (I) причастіе на шій и щій, если не смѣняется глаголомъ съ мѣстоим. который, постоянно принимаетъ видъ имени прилагательнаго или приложенія, обходя придаточныя предложенія, а вмѣстѣ и затрудненіе имѣть въ виду то или другое время: онъ человѣкъ знающій, человѣкъ —знатокъ, понимающій, стоящій, умѣлый, бывалый, былой, рабочій, забочій, работящій, завидущій и т. д. (II) краткое страд. прич. н. вр, употребляемое развѣ въ значеніи именъ прилагательныхъ (любимъ, терпимъ, нестерпимъ, непростимъ, необходимъ)

или нарѣчій отъ нихъ (терпимо, необходимо нужно, видимо, онъ) замѣняется (можетъ быть, отъ возможной встрѣчи съ формой гл. 1-го л. мн. ч.) глаголомъ страдательнаго залога на **ся**: судиться вм. быть судиму), судится (вм. судимъ), букварь читается (вм. читаемъ), столъ накрывается (вм. накрываемъ), онъ всѣми уважается (вм. всѣми уважаемъ) и пр. (III) не употребительно а потому излишне и для образованно-книжной рѣчи дѣепричастіе на **въ** (бывъ, снявъ, съѣвъ, уставъ, и пр.), т. к. оно болѣе чѣмъ замѣняется формой на **ши** или **шись**: «Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; Взявшись за гужъ, не говори не дюжъ; Пошелъ несолоно хлебавши; Пожалѣлъ волкъ козу, съѣвши». Въ народномъ языкѣ [10]) такія (на **ши** и **шись**) реченія въ значительной мѣрѣ могутъ воскрешать смыслъ краткаго причастія, совмѣщая оба времени глагола: онъ уставши (=кратк. форм. усталъ), онъ уснувши (уснулъ, спитъ), цвѣтокъ отцвѣтши (отцвѣлъ, въ состояніи отцвѣтенія), онъ одѣвшись (въ одеждѣ), они разставшись разстались, живутъ въ разлукѣ). Диву даешься, почему модникъ (образованный русичъ) брезгуетъ этой чудной формой языка, особенно, когда она, какъ, самостоятельный членъ главнаго предложенія, дѣлаетъ излишнимъ придаточное. Въ пословицѣ: «Пришедши (пришедшу)

---

[10]) Недоразумѣніемъ звучитъ утвержденіе, что на святой Руси нѣтъ народнаго языка, а есть только нарѣчія—говоры. Еще бы: подпирая ту же мысль тѣмъ же аршиномъ софизма, найдемъ, что у насъ нѣтъ и литературнаго языка, а есть только Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Л. Толстой... Въ самомъ дѣлѣ, мудрецъ—Діогенъ днемъ съ огнемъ искалъ человѣка на землѣ и не нашелъ; Ахиллесъ отказался догнать черепаху.

Святому Духу (т. е. пришелъ Святой Духъ или день Св. Духа)—скидавай кожуху»—форма эта замѣняетъ дательный падежъ краткаго причастія, и мы видимъ рѣдкій для современной рѣчи примѣръ дательнаго самостоятельнаго предложенія.

19) Несвойственной русскому просторѣчію степени именъ прилагательныхъ на ѣйшій и айшій, что языкъ легко замѣняетъ другими формами (напр. вм. бѣлѣйшій—самый бѣлый, бѣлый—бѣлый, бѣлоснѣжный), умѣстно пожелать возможно полнаго удаленія и изъ образованной рѣчи, что повлекло бы (въ смыслѣ исчезновенія) за собой и неудачное, и нежелательное копированіе такихъ (на ѣйшій и айшій) речевій простолюдиномъ, который, очевидно, по созвучію, смѣшиваетъ ихъ съ причастіемъ, говоря: добрѣющій (вм. добрѣйшій) человѣкъ, первѣющій (вм. первѣйшій) другъ, темнѣющая (темнѣйшая) ночь, синѣющая (синѣйшая) туча, нижающій (нижайшій) поклонъ, дражающіе (дражайшіе) родители и пр. Насколько языкъ предпочитаетъ посредство опредѣлительнаго самый передъ «тягучими» ѣйшій и айшій, показываютъ качественныя: усталый, горячій, недобрый, изрытый, зоркій и др.

20) Неясность произношенія звука не должна вносить возмущенія въ дѣло правописанія. Въ разумно обоснованной грамотѣ нѣтъ мѣста никакимъ «свычаямъ» уклоненія отъ этого этимологическаго правила—закона, поэтому слѣдуетъ писать: отверзтіе (отверзать, какъ везти, ползти, лѣзть); достоенъ (по примѣру кратк. именъ прилагательныхъ и причастій: строенъ, устроенъ, спокоенъ, успокоенъ и пр.); близь (сущ., ставшее предложнымъ нарѣчіемъ, какъ средь, сквозь: близь, а не близъ города, какъ средь, а не средъ дороги, сквозь, а не сквозъ туманъ); Полотскъ (отъ р. Полота, какъ

Гжатскъ отъ р. Гжать. Русскій человѣкъ хорошо отличаетъ смыслъ, придаваемый окончаніемъ ск: гжатянинъ говоритъ: въ г. «Гжатскомъ», помня прилагательное значеніе имени; житель Васильсурска на вопросъ—откуда? отвѣчаетъ: «изъ Василя сурска»); деревяшка (по Гроту деревяжка, вопреки формамъ: деревушка, дровишки, ш могло быть и смѣной с при полногласіи въ названіи древеснаго гриба или губки—древески: д(е)реве(а)с(ш)ка; впрочемъ, сомнительный звукъ обнаруживается самъ собой; деревяшечка, деревяшекъ); ѣжъ (какъ рѣжь, мажь, и какъ несомнѣнно доказываетъ слово сыроѣжка); жилейка (по Гроту жалейка, но въ народной сказкѣ говорится—«жилочна заиграла»), полохъ, а не полозъ (народно-русскій выговоръ: полоха, полоху, полохомъ и пр.; за х говорятъ и реченія: полошокъ, полыхать, всполошить, чертополохъ); койма, а не кайма, т. к. окоймлять (а не окаймлять)=около (объ)имать; мачиха отъ мат(н)иц(х)а [11])—неласкательнаго имени въ противоположность слову матушка, какъ медвѣдиц(х)а, волчиц(х)а; береста, берестянь (горшокъ обвитый берестой)—реченія, ясно говорящія о своемъ первообразномъ «береза»; пре въ отличіе отъ при: все прѣсть (перепѣсть), прѣдаться (каша прѣлась), руки премахать, ноги претоптать, какъ престать (претомиться): Росія (произвожу не отъ «россы»—этого баловства въ языкѣ, а отъ Русь, Русія по обычному въ нашей рѣчи звукоуподобленію, какъ духъ—вдохновеніе, сушь—сохнуть, глушь—глохнуть, и отсюда—великорусъ (какъ русакъ), малорусъ (или малоросъ), росіяне, російскій, но русскій, какъ эскимос-скій,

[11]) Матица—основной потолочный брусъ; о ней загадка: двадцать пять на одной мати спятъ.

черкесскій [12]); оттворить, а не отворить (что совсѣмъ другое значитъ), какъ нельзя сказать: отянуть вм. оттянуть, отесать вм. оттесать, отереть вм. оттереть; сдѣсь (цс. сьде); с, звучащій въ началѣ и концѣ реченія, имѣетъ одно смысловое значеніе, и для русскаго уха еще не потерялъ посильной доли внятности; онъ же звучитъ въ народныхъ: вчерась, намеднись, лѣтось (лѣта сего), такъ-то-сь (такъ-то вотъ), нутко-сь, нука-сь, въ словѣ сюда и въ другомъ цс. днесь; несдѣ (сближено съ нарѣч. всюду и цс. весьжде); сдоровье, сдравствуй (цс. съдравъ); вередить (вм. бередить); оброкинуть (оборотить, вм. опрокинуть); ровнявъ, розказывать, ровняти (казать = сказывать); плавецъ (отъ плавать, какъ плавунецъ, плавокъ, плаунъ, плавникъ, заплавъ, сплавлять, и какъ показываетъ слово продавецъ); косатка, косатникъ (косы); носдри (носъ); мисдра (мясо); рости (однозначащее рость), возрасть, водоросль, ростеніе, отросль и пр., какъ росту, росла, выросъ, заросль, поросль, недоросль и пр.; зоря, зорница [13]); зорянка, вызорѣть (какъ зори, зорю, зоренька; зорька; чуткое

---

[12]) Т. к. удвоенная согласная означаетъ вообще протяжность звука, а не его раздѣльное повтореніе, то правописаніе: одесскій, ясскій (по словопроизводству: одесс-кій; ясс-кій) можно признать обоснованно установленнымъ. Съ другой стороны, протяжный звукъ, приходясь между двумя слогами и равно, такъ сказать, срастаясь съ каждымъ, при нѣсколько напряженномъ темпѣ голоса допускаетъ двоеніе: отсюда предпочтительность переноса: Ан-на, повин-ность, рус-скій... передъ А-нна, пови-нность, ба-ллы, ру-сскій (см. п. 25).

[13]) Въ первомъ моемъ проектѣ новой грамоты по недосмотру напечатано зарница, вм. зариться.

ухо отличаетъ о въ реченіяхъ: глядѣть подъ зорю, на зорю).

21). Въ рѣдкихъ случаяхъ полной неприметности звука правописаніе, вѣрное праворѣчію, рѣшается на потерю, иногда замѣну его. Есть въ языкѣ нѣсколько случаевъ такихъ реченій; правописаніе ихъ, конечно, лучше видѣть возрожденнымъ: взбалмошный (по Гроту взбалмочный, вопреки праворѣчію и примѣру словъ, смѣнившихъ ч на щ: нынче—нынѣшній, будничать—будничній, давеча—давешній, скворчата—скворешня и пр.), субота (согласно съ праворѣчіемъ; еще Остромиръ писалъ одно б); Британія, Парнасъ, Пруссія, граматика (по праворѣчію).

22). Прислушиваясь къ живой устной рѣчи, даже нечуткое ухо отличаетъ ея грани-слова, какъ реченія, обособленно цѣлыя, носящія свой смыслъ и отмѣнаемыя, кромѣ того, относительной межсловной промежуточностью и удареніями. Однако моя попытка опредѣлить слово съ такой точки зрѣнія, и какъ понимаетъ это весь русскій народъ, и установить единство слова на письмѣ и произношеніи не имѣла отклика. И это меня поразило; будто затронутый вопросъ такой «нестоящій». Я не фанатикъ мысли, и свое предложеніе о слитномъ до округленія словъ письмѣ беру назадъ, соглашаясь, что и раздѣльность говоритъ за себя, а значительно измѣняющая обликъ письма слитность, особенно начала слова съ плеядой «мелочи» не привычна болѣе косному, чѣмъ слухъ при живой рѣчи, зрѣнію. Что же? Расширяющее поле «колебаній» гротовское—писать раздѣльно «въ противномъ обычаю случаѣ»—рѣшаетъ ли дѣло? Нѣтъ. И я думаю, что и здѣсь—чѣмъ «по Гроту»—лучше дѣлать ошибку по ошибкѣ, слѣдуя достаточно вырисовавшемуся закону языка сливать, когда сопоставленіе въ

предложеніи двухъ реченій, заслоняя собой ихъ раздѣльный смыслъ, звучитъ однимъ словомъ, и не сливать, когда сопоставляемыя реченія обособляются смысломъ: передъ живымъ матеріаломъ роста живого языка на его, очевидно, переходныхъ ступеняхъ разумъ, какъ и во всемъ, не долженъ отступать. Въ самомъ дѣлѣ: при ясно сознанной идеѣ и разумно-опредѣленномъ правилѣ пищущій всегда разберется, какимъ въ данномъ случаѣ начертаніемъ—слитнымъ или раздѣльнымъ—мысль лучше передается читателю. Возьму примѣры: ему придется испытать всевозможныя затрудненія; ему придется испытать всѣ, возможныя въ этомъ дѣлѣ, затрудненія; онъ боленъ, поэтому—и только по этому не пошелъ учиться; жаворонокъ, поднявшись кверху, вдругъ сталъ падать внизъ; мальчикъ то взбирался къ верху помѣщенія, то спускался въ низъ его; онъ вышелъ несмотря на ненастье; онъ сидѣлъ не смотря на меня; онъ шелъ мнѣ навстрѣчу; онъ потратилъ много времени на встрѣчу гостей; онъ плохо видитъ вдалѣ; веселыя лодки въ дали голубой; свой своему поневолѣ другъ; по неволѣ, испытанной въ жизни, не плачутъ; повидиму (или видимо, вм. не звучащаго нарѣчіемъ и неумѣстнаго—по крайней мѣрѣ въ слитномъ начертаніи—«повидимому»). Говорятъ въ шутку: «Семь безъ четырехъ да три улетѣло,—и такъ (а не «итакъ», какъ не ивотъ, итолько)—сколько стало?»—«*И того* (а не «итого», какъ не иэтого) ничего».

23) Можно считать установленнымъ слѣдующее различеніе словъ, смѣшиваемыхъ не только въ обыденной рѣчи, а и въ печати: стать—не въ значеніи имени сущ. или вспомогательнаго глагола—реченіе умѣстно въ смыслѣ дѣлаться, становиться, останавливаться: стать умнѣй, стать на ноги, на руки или на рукахъ, на доску,

въ стремя; пароходъ сталъ на якорь, барка стала на мели; въ сказкѣ: «бурка—каурка, стань передо мной, какъ листъ предъ травой»; встать=возстать, вставать, подниматься: встать на зарѣ, встать съ мѣста, встать съ постели, встать на защиту родины; влѣзть (во что-нибудь): влѣзть въ яму; взлѣзть (взобраться): взлѣзть на дерево.

24) Подобно нежелательнымъ мѣстно—простонароднымъ формамъ: монѣ, ёнъ (онъ), ись (ѣсть), очѣпъ (оцѣпъ), нѣтути (нѣтъ), теперича (теперь), умылясятка (умылась), идѐ (идетъ), суды (сюда), вымыть (съ удареніемъ на второмъ слогѣ), надоть (надо), зѣпать (кричать), мусить (мочь), неудачнымъ: видать (видно), выглядитъ (на взглядъ), больно руку (больно рукѣ, болитъ рука), чревитый, не можетъ не быть,—можно признать безповоротно отжившими свое и старыя: суть (въ смыслѣ есть), буде (если), ибо, якобы (яккъбы), паче чаянія, тѣмъ паче,—а онѣ, эти формы, еще встрѣчаются, и не по шуткѣ, на страницахъ современной книги.

25) Переносъ слова изъ одной строки въ другую всего умѣстнѣй дѣлать по слогамъ, считая слогомъ соотвѣтствующую каждой гласной грань слова, легкую при произношеніи въ одинъ пріемъ голоса и не зависимую отъ грамматическаго состава словъ. Приведу примѣры, не ограничивая правила никакими измышленіями: ор-лы, пе-ре-ходъ (вм. пере-ходъ), ра-зумъ (вм. раз-умъ), ро-зыскъ (вм. невозможности переноса), А-зі-я (тоже), со-ловь-ямъ (вм. со-ло-вьямъ), сталь-ной, брат-ство, свойство, си-ній, от-кро-вен-но (см. п. 20, выноска).

26) Не касаясь положеній грамматики, который считаю обоснованно установленными, приведу рядъ примѣровъ изъ области колебаній и вопроса. Къ нимъ—этому живому матеріалу роста живого великаго языка—требо-

ванія грамматики должны быть полны сдержанности. Въ самомъ дѣлѣ—въ какомъ напр. числѣ лучше ставить сказуемое слитнаго предложенія, имѣя передъ глазами примѣры: «жили-были братъ да сестра—пѣтушокъ да курочка»? «жилъ мужикъ да баба»? «на солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись»? Калина съ малиною рано расцвѣла»? Что лучше—разговорное «ау» или книжное «увы»? полуизгнанное ложнымъ стыдомъ «ты» или высокомѣрное «Вы»? тождество или тожество? о или объ (порѣзаться о бритву, биться объ закладъ)? среда (день) или середа? нынче (на языкѣ народа значитъ въ этомъ году или даже въ послѣдніе годы) или сегодня? тутъ или здѣсь? разговорное «цыгане» или грамматическое «цыганы»? ставня (ж. р.) или ставень (м. р.)? Уступитъ ли полная форма окончаній краткой—цвѣсти—цвѣсть, постеля—постель, уже—ужъ, Марія—Марья, скорѣе—скорѣй, шубою—шубой, честію—честью? Какъ лучше сказать—говорю о погодѣ или про погоду? межъ цвѣтами или межъ цвѣтовъ? полонъ мглы или полонъ мглою? Конечно, у путника-читателя сорвется съ языка при этомъ поговорочное: «что въ лобъ, что по лбу», но что же дѣлать? Вотъ звательный падежъ на ряду съ формами цс. языка (Господи, Боже, старче) и формами общими съ им. падежомъ звучитъ сокращеніями деревенщины: батюш (батюшка), матуш (матушка), дѣдуш, бабуш, старух, (старуха), сестриц (сестрица), дочур или дочень, дядюш или дядь, сосѣдуш, сватуш, дѣвуш или дѣвонь, Дуняш, Грунь, Машень, Петень, Петь, Ванюш, даже ребят (ребята); тотъ же падежъ примѣтенъ въ кличкахъ животныхъ: цыпонь, цып, гулень, гуль, пѣтень (о пѣтухѣ), пѣть (пѣтя), пеструхъ (о коровѣ) и пр. Примутся ли всѣ эти обращенія—сокращенія въ лоно пока еще модницы-книги? А вотъ выбирающее падежъ опре-

дѣленіе, и число сказуемаго при количественныхъ: полтора, два три и четыре: двѣ маленькія птички, двѣ маленькихъ птички; растетъ четыре дерева, растутъ четыре дерева. Вотъ еще колебаніе между падежами родительнымъ и винительнымъ при отрицательномъ глаголѣ: онъ не поѣхалъ пахать земли, онъ не поѣхалъ пахать землю. А что лучше—тѣ, кто или тѣ, которые? ѣшь, пока насытишься, или ѣшь, пока ни насытишься? онъ ѣлъ все, что давали, или онъ ѣлъ все, что ни давали? Но важнѣй всего этого болѣе общій вопросъ, пойдетъ ли грамматика навстрѣчу живому святорусскому гомону, свѣтло, какъ наука, горя взоромъ, безъ страха, безъ амулетовъ невѣжества?

Есть одно обстоятельство, которое въ благородномъ дѣлѣ возрожденія отечественной грамоты стоитъ поперекъ дороги: это малодушіе, что придется, и, можетъ быть, не безъ ущерба, переучиться, а «старое памятно», и равнодушіе къ «застряванью» въ кровной языкѣ кровныхъ чадъ. Наивно и печально. Новая грамота—не старая мудреная, и реформа можетъ быть проведена исподоволь, съ полнымъ соблюденіемъ интересовъ робкихъ. Хуже равнодушіе *). Между тѣмъ, сопоставляя все выше сказанное, не трудно видѣть, что, выдвигающая

*) Едва ли можно объяснить равнодушіемъ отношеніе къ вопросу русскаго правописанія? Несомнѣнно, что надо упростить правила правописанія; но какъ упростить, вотъ вопросъ. Авторъ въ своей статьѣ за основаніе упрощенія правописанія беретъ «праворѣчіе»; но вѣдь «праворѣчіе» въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи не одинаково. Для воронежцевъ, напрям., имѣетъ свое основаніе «праворѣчіе» («по своей воли рѣшился на злое дѣло»... «на земли его много хорошаго лѣса»...)—по воли, на земли, а въ школахъ за это праворѣчіе ставятъ двойки. Точно также нельзя со-

на первый планъ правореніе и «блюденіе» его, обоснованная и простая, новая грамота значительно экономитъ «молніеносный карандашъ просвѣщенія». Нѣтъ, мы не погасимъ въ себѣ свѣточа обновленія; сдѣлаемъ посильное... и спасибо «свѣтлокудрыхъ» и иныхъ «чаекъ» — обитателей «болота жизни» будетъ намъ нерукотворнымъ памятникомъ.

А. Герасимовъ.

гласиться съ предлагаемымъ написаніемъ словъ авторомъ, напр., съ приставками—из, воз, низ, раз: мы не говоримъ: изходъ, изпень, и древнѣйшіе памятники нашего языка не знаютъ этого написанія. Трудно допустить въ литературный языкъ и подобныя слова: мѣстовъ, дѣловъ, а вѣдь такъ говорятъ!... Возможно ли вообще слѣдовать «праворѣчію», если принять во вниманіе пословицу: «Что ни городъ, то норовъ; что ни деревня, то обычай». А вѣдь на пространствѣ необъятной Россіи нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ также не мало. . Намъ думается, что при измѣненій господствующаго правописанія не грѣхъ бы изгнать формы, напр., въ родѣ сѣмянъ, однимъ словомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при чисткѣ языка, возвратиться къ стариннымъ формамъ—общимъ, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ современныхъ славянскихъ языкахъ. Къ подобнымъ формамъ не трудно привыкнуть: вѣдь привыкли же мы къ слову сѣмянъ и др., которыя составляютъ особенность московскаго говора, но чужды другимъ говорамъ. Вообще же въ отношеніи рѣшенія этого злободневнаго вопроса не мѣшаетъ помнить пословицу: «Семь разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь».

Ред.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

(къ 20-лѣтію со дня смерти † 13 ноября 1883 г.).

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ занимаетъ видное мѣсто въ числѣ дѣятелей по народному образованію въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ насадителей и распространителей въ Россіи нормальной начальной школы.

Н. А. Корфъ родился въ 1834 году въ Харьковѣ. Отецъ его, обрусѣвшій остзейскій дворянинъ, получилъ образованіе въ Лицейскомъ пансіонѣ, хорошо зналъ русскій, нѣмецкій и французскій языки и считался однимъ изъ образованныхъ людей того времени. Мать Николая Александровича, малороссіянка родомъ, умерла, когда ему было не болѣе года, почему онъ совершенно не помнилъ ея; но дворовая прислуга много разсказывала ему о ея добротѣ и ласковости.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти жены, отецъ маленькаго Коли вступилъ во второй бракъ. Мачеха не взлюбила Колю, что и было причиной, что отецъ вынужденъ былъ держать его внѣ дома.

Наибольшее вліяніе на маленькаго Колю имѣла его няня, принявшая его отъ матери груднымъ младенцемъ и воспитывавшая его до шестилѣтняго возраста. Она знакомила его, путемъ разсказовъ о жизни и ученіи Спасителя, съ начатками христіанской религіи и пѣла ему русскія пѣсни.

Когда Колѣ исполнилось 6 лѣтъ, отецъ отправилъ

его въ Воронежскую губернію, къ родной теткѣ, у которой было двое своихъ сыновей, немного старше Коли. Тетка эта вмѣстѣ съ тремя дѣтьми переѣхала, для воспитанія и обученія ихъ, въ имѣніе помѣщика Д. Д. Градовскаго, отца извѣстнаго профессора. Въ этомъ имѣніи организована была семейная школа, состоящая подъ ближайшимъ руководствомъ самого Д. Д. Градовскаго. Въ школу приглашены были особые учителя, которые вели занятія по указанію Градовскаго. Дѣти въ школѣ занимались лѣтомъ 4 часа, а зимою 6 часовъ; остальное время они гуляли по лѣсамъ и лугамъ, занимались уженьемъ рыбы, плавали, ухаживали за своими грядками, вскармливали молодыхъ животныхъ и птицъ и т. п.

Въ домѣ Градовскаго строго соблюдались русскіе бытовые и религіозные обряды, оказывавшіе вліяніе на дѣтей.

Пребываніе въ имѣніи Градовскаго Корфъ считалъ самымъ лучшимъ временемъ въ своемъ дѣтствѣ, тѣмъ болѣе, что его тетка относилась къ нему съ материнской лаской. И несомнѣнно, что здѣсь заложена была въ немъ любовь къ русской деревнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе принести ей пользу просвѣщеніемъ народа. Маленькій Корфъ пробылъ въ школѣ Градовскаго только два года. Пріѣхалъ отецъ и увезъ его въ Новгородъ, гдѣ самъ онъ занималъ въ это время должность Управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ. Со слезами оставилъ мальчикъ школу Градовскаго и все, что тутъ было ему мило. Въ Новгородѣ помѣстили его въ отдѣльномъ флигелѣ вмѣстѣ съ гувернеромъ—нѣмцемъ. Послѣдній подвинулъ его въ знаніи нѣмецкаго языка и во время прогулокъ знакомилъ его съ историческими памятниками Новгорода.

Въ Новгородѣ Коля прожилъ менѣе года. Отецъ,

видя, что его сыну, благодаря нелюбви къ нему мачехи, нельзя оставаться въ родномъ домѣ, отправилъ его въ городъ Верро Лифляндской губерніи, въ учебное заведеніе Крюммера.

Прощаясь съ отцомъ, мальчикъ не подозрѣвалъ, что уже больше не увидится съ нимъ. А между тѣмъ это такъ случилось. Отецъ его умеръ въ 1847 году, оставивши въ сынѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ высоко-нравственномъ и гуманномъ. Относясь къ крестьянамъ сердечно, участливо и справедливо, онъ и сына научилъ такому же отношенію къ нимъ.

Учебное заведеніе Крюммера, куда помѣщенъ былъ десятилѣтній Корфъ, было въ то время однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Въ немъ обращено было вниманіе не только на обученіе, но и на воспитаніе учениковъ. Живя дружною семьей, всѣ ученики проникались уваженіемъ къ личности человѣка и къ исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ обществу. Какъ содержатель заведенія, такъ и всѣ преподаватели относились къ учащимся участливо, и Н. А. Корфъ чувствовалъ себя въ школѣ, какъ въ семьѣ.

Всѣ предметы преподавались въ школѣ на нѣмецкомъ языкѣ, но это не затрудняло Николая Александровича, такъ какъ еще до поступленія въ школу онъ зналъ этотъ языкъ настолько, что свободно понималъ устную рѣчь на немъ.

Два года пробылъ Николай Александровичъ въ школѣ Крюммера и затѣмъ взятъ былъ изъ нея и отданъ въ пансіонъ А. Я. Филиппова въ Петербургѣ для подготовленія въ лицей.

Пансіонъ Филиппова пользовался заслуженной славой. Это было въ полномъ смыслѣ образовательно-воспитательное учебное заведеніе, очень серьезно поста-

вленное. Воспитанники его обыкновенно не только поступали въ числѣ первыхъ въ тѣ учебныя заведенія, въ которыя они подготовлялись, но и шли въ нихъ въ числѣ первыхъ же, такъ какъ въ пансіонѣ получили серьезную общеобразовательную подготовку.

Душою пансіона былъ самъ А Я. Филипповъ. Онъ все свое время проводилъ съ своими воспитанниками и оказывалъ на нихъ самое благотворное вліяніе. Сознавая, что не возможно вести успѣшно многолюдный пансіонъ, онъ ни за что не соглашался принять хотя бы однимъ ученикомъ болѣе положеннаго комплекта (30 человѣкъ); не соглашался онъ также получать и бо́льшую плату за воспитанниковъ, хотя многіе родители, желавшіе помѣстить своихъ дѣтей въ пансіонъ, упрашивали его объ этомъ.

Какъ учебную, такъ и воспитательную части въ пансіонѣ направлялъ самъ Филипповъ; онъ же, наравнѣ съ другими учителями, занимался и обученіемъ учениковъ.

Баронъ Корфъ называетъ Филиппова «педагогомъ, любителемъ и артистомъ своего дѣла, неусыпно работавшимъ по призванію». Несомнѣнно, что живой примѣръ такого беззавѣтно преданнаго своему дѣлу педагога, какимъ былъ Филипповъ, повліялъ на молодого Корфа и возбудилъ въ немъ желаніе всецѣло отдаться педагогическому дѣлу. Вотъ что самъ Корфъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Изъ пережитаго»): «Въ пансіонѣ Филиппова, подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору, и того увлеченія, и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ этомъ пансіонѣ, двѣнадцати лѣтъ отъ ро-

ду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію. Бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозволь только товарищъ объяснить ему что-нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется бывало самодѣятельность, и станешь своими способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ предлагать ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: «Эхъ, вотъ когда бы мнѣ цѣлый классъ достался!»... «Мои первые опыты преподаванія», продолжаетъ Корфъ: «вѣроятно, удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, можетъ-быть, не подозрѣвалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностью первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ».

Весь строй жизни въ пансіонѣ Филиппова строго подчиненъ былъ высокимъ христіанскимъ требованіямъ. Отношеніе учениковъ къ самому Филиппову напоминало отношеніе дѣтей къ отцу. Отношеніе же равныхъ между собою, равно какъ и отношеніе старшихъ къ младшимъ основано было на христіанской любви, участіи и довѣріи. Отъ каждаго члена пансіона требовалось самое точное исполненіе своихъ обязанностей.

Такой строй несомнѣнно оказывалъ благотворное вліяніе на воспитанниковъ вообще и на Н. А. Корфа въ частности, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ заложено

уже было школами Градовскаго и Крюммера гуманное отношеніе къ людямъ.

Въ 1848 году баронъ Корфъ по экзамену поступилъ въ Александровскій лицей. Въ этомъ заведеніи онъ пробылъ шесть лѣтъ. Въ своихъ запискахъ («Изъ пережитаго») онъ говоритъ, что онъ чувствуетъ себя «обязаннымъ лицею своего времени» и признаетъ его «весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, воспитавшихъ его». Лицей имѣлъ довольно сложную программу учебныхъ предметовъ, но преобладающими предметами были все-таки предметы юридическаго факультета. Изъ профессоровъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на студентовъ, Корфъ съ особеннымъ уваженіемъ вспоминаетъ о Я. К. Гротѣ, читавшемъ исторію русской литературы; П. Д. Калмыковѣ, читавшемъ исторію русскаго права, и Сахаровѣ, зародившемъ въ студентахъ любовь къ народнымъ произведеніямъ.

Будучи въ лицеѣ, юноша—Корфъ очень много читалъ, при чемъ старался обдумывать прочитанное. Онъ не только пользовался книгами изъ лицейской библіотеки, но и покупалъ ихъ на свои средства. Чтеніе художественныхъ произведеній на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ онъ старался пріурочивать къ тому времени, когда объ этихъ произведеніяхъ говорилось на лекціяхъ по русской, нѣмецкой и французской словесности.

Въ лицеѣ пробудилась у барона Корфа страсть къ писательству: онъ охотно переводилъ съ французскаго на русскій или нѣмецкій языки и даже самостоятельно сочинялъ повѣсти, которыя, впрочемъ, остались не напечатанными.

На пробужденіе и развитіе въ лицеистѣ Корфѣ вкуса къ литературнымъ занятіямъ, кромѣ лицея, имѣлъ

вліяніе и его даровитый дядя, баронъ Ѳед. Ѳед. Корфъ. Послѣдній самъ помѣщалъ свои научныя и беллетристическія статьи въ современныхъ газетахъ и журналахъ и поддерживалъ въ племянникѣ охоту къ писательству.

Въ теченіе всего своего пребыванія въ лицеѣ Н. А. Корфъ шелъ однимъ изъ первыхъ и, по его собственнымъ словамъ, по всѣмъ предметамъ получалъ обыкновенно полные баллы.

Будучи въ лицеѣ, бар. Корфъ находилъ возможность проявлять свою педагогическую наклонность, какъ раньше проявлялъ онъ ее въ пансіонѣ Филиппова. Въ лицей поступилъ сынъ графа Кассини, итальянецъ, не знавшій ни слова по-русски. Директоръ лицея обратился къ студентамъ съ вопросомъ, не возьмется ли кто изъ нихъ обучать новичка русскому языку. Взялся Н. А. Корфъ и въ годичный срокъ научилъ итальянца говорить, читать и писать по-русски такъ, что тотъ безъ затрудненія могъ слѣдить за преподаваніемъ въ лицеѣ.

Передъ репетиціями по учебнымъ предметамъ, особенно по «теоріи уголовнаго права», Н. А. Корфъ съ наслажденіемъ разъяснялъ товарищамъ то, что предлагаемо было къ репетиціи, и товарищи охотно слушали его разъясненія.

Для обученія грамотѣ дѣтей лицейской прислуги организована была школа грамоты, помѣщавшаяся въ лицейскомъ предбанникѣ. Обучалъ въ ней дьячокъ. Н. А. Корфъ находилъ случаи проникать въ эту школу, дабы побыть среди учащихся дѣтей.

Кромѣ того, Н. А. Корфъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста, не проводилъ ни однѣхъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика.

Вообще можно сказать, что въ лицеѣ окончательно

опредѣлилась наклонность Н. А. къ педагогической дѣятельности.

Въ 1854 году баронъ Н. А Корфъ окончилъ курсъ наукъ въ лицеѣ. По успѣхамъ въ наукахъ онъ достоинъ былъ золотой медали, но за неумѣніе смолчать, когда замѣчалъ какую-нибудь несправедливость, и за то, что нѣсколько разъ попадался въ куреніи, былъ лишенъ золотой медали (награжденъ только серебряной).

По окончаніи курса въ лицеѣ Н. А. Корфъ, по совѣту родныхъ, поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Благодаря полученному образованію и вліятельнымъ родственникамъ, онъ имѣлъ возможность составить себѣ блестящую служебную карьеру но онъ не прельщался ею. Николая Александровича тянуло въ деревню, гдѣ онъ желалъ потрудиться для блага крестьянъ. Прослуживши полтора года въ департаментѣ, онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ свое имѣніе Нескучное, въ Екатеринославской губерніи. Здѣсь онъ вскорѣ женился на дочери сосѣдняго помѣщика.

Живя въ своей усадьбѣ, Николай Александровичъ придерживался разъ установленнаго образа жизни. Часть своего времени онъ посвящалъ своему хозяйству, часть—заботамъ о крестьянахъ и значительную часть—дальнѣйшему самообразованію. Онъ выписывалъ всѣ выдающіяся юридическія, педагогическія и философскія сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ выписывалъ болѣе содержательные журналы и газеты. Вскорѣ у него образовалась такая библіотека, какая едва ли тогда была у кого—нибудь изъ помѣщиковъ.

Съ появленіемъ дѣтей, Н. А. обратилъ особенное свое вниманіе на воспитаніе ихъ. Обѣ его дочери обязаны преимущественно ему своимъ образованіемъ. Знакомясь дома съ теоріей воспитанія и обученія, онъ ѣздилъ

за границу, чтобы ознакомиться съ постановкой тамъ школьнаго дѣла.

Съ средины шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія баронъ Корфъ выступаетъ на общественную дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, гдѣ было его имѣніе. Учрежденіе земскихъ собраній и управъ, введеніе новаго судопроизводства и учрежденіе училищныхъ совѣтовъ дали ему возможность энергично и плодотворно потрудиться на общественной нивѣ, въ особенности же на нивѣ народнаго образованія. Н. А Корфа избираютъ то гласнымъ уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, то членомъ ревизіонной комиссіи, то почетнымъ мировымъ судьей, то предсѣдателемъ мирового съѣзда. И во всякой дѣятельности онъ былъ на высотѣ своего призванія. Съ особенною же пользой и славой онъ трудился для народнаго образованія.

Будучи избранъ (въ 1867 г.) въ члены Александровскаго училищнаго совѣта, Корфъ всецѣло отдался дѣлу насажденія образованія въ родномъ уѣздѣ. Благодаря его энергичной дѣятельности, сразу открыто было въ уѣздѣ значительное число начальныхъ школъ, и этимъ школамъ дана была правильная организація. Для подготовки лицъ, желающихъ занять учительскія мѣста, а равно для педагогическаго усовершенствованія учителей, занимающихъ уже такія мѣста, бар. Корфъ собиралъ ихъ въ своей квартирѣ, велъ съ ними педагогическія бесѣды, раскрывалъ имъ основныя требованія правильнаго обученія. Кромѣ того, при своихъ разъѣздахъ по школамъ, онъ старался устранять всѣ замѣчаемые имъ недостатки въ обученіи и воспитаніи дѣтей. Онъ нерѣдко самъ давалъ уроки, чтобы показать учителю, какъ слѣдуетъ обучать.

Своимъ примѣромъ и горячимъ, убѣдительнымъ сло-

вомъ на земскихъ собраніяхъ и сельскихъ сходахъ бар. Корфъ привлекъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ и земскихъ дѣятелей, и помѣщиковъ, мировыхъ посредниковъ и сельскія общества.

Бар. Корфъ составлялъ подробные и полные живаго интереса отчеты училищнаго совѣта; въ нихъ онъ излагалъ и объ организаціи начальныхъ школъ, и о способахъ обученія, и объ обязанностяхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и т. п. Отчеты эти печатались и служили къ ознакомленію всей Россіи съ болѣе правильной организаціей народной школы. Мало того, рядомъ статей въ общихъ и педагогическихъ журналахъ Корфъ знакомилъ русское общество съ рѣшеніемъ различныхъ педагогическихъ вопросовъ, вызываемыхъ дѣйствительностью.

Затѣмъ, онъ велъ громадную переписку съ лицами, интересовавшимися педагогическимъ дѣломъ и обращавшимися къ нему съ различными вопросами, касающимися организаціи школъ и веденія обученія въ нихъ. Онъ находилъ также время и для посѣщенія лучшихъ въ то время школъ въ Россіи, и составленія статей о нихъ.

Одновременно съ этимъ онъ составлялъ учебныя руководства для начальныхъ школъ и руководства по организаціи этихъ школъ. Такъ, онъ составилъ 1) «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу», 2) «Русскую начальную школу»; 3) «Нашъ другъ», 4) «Малютку, первую книгу послѣ азбуки»; 5) «Задачникъ для письменныхъ упражненій».

«Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу» первоначально составлено было Корфомъ для обученія грамотѣ его старшей дочери. Затѣмъ оно приноровлено было къ обученію грамотѣ въ школѣ ребятъ

и взрослыхъ. «Руководство» это явилось однимъ изъ первыхъ, по которымъ русское общество знакомилось со звуковымъ способомъ обученія грамотѣ. Корфъ придерживался въ своемъ «Руководствѣ» синтетическаго способа ознакомленія учащихся со звуками и буквами, при чемъ знакомилъ учениковъ сначала только съ печатными буквами, которыя они писали (срисовывали). Ушинскій сдѣлалъ такую оцѣнку книгѣ Корфа: «Руководство къ обученію грамотѣ», писалъ онъ: «имѣетъ чисто практическую цѣль, и потому изъ самой практики можно убѣдиться, что оно составлено очень хорошо».

«Русская начальная школа» представляетъ собою руководство къ организаціи и веденію начальной школы. Въ ней каждый начальный учитель и каждый дѣятель по народному образованію находитъ нужныя ему указанія по вопросамъ, являющимся въ учебно-воспитательной практикѣ начальныхъ школъ. Сначала излагаются въ ней условія существованія правильной сельской школы и успѣшности обученія въ этой школѣ; затѣмъ говорится о пользѣ, которой можно ожидать отъ сельской школы; о школьной дисциплинѣ и о порядкѣ при классныхъ занятіяхъ. Далѣе излагается, какъ слѣдуетъ вести обученіе тому или другому предмету, входящему въ курсъ начальной школы; говорится объ обученіи инородцевъ и взрослыхъ и, наконецъ, излагается о наблюденіи за школами.

Книга: «Русская начальная школа», издана въ отвѣтъ на тѣ многоразличные вопросы по школьному дѣлу, которые Корфу приходилось получать то отъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, то отъ начальныхъ учителей, то отъ другихъ дѣятелей по народному образованію Она изложена общедоступно и живо.

«Нашъ другъ. Книга для класснаго чтенія въ на-

родной школѣ». Зная, что книга для чтенія въ школѣ служитъ основнымъ источникомъ для развитія учащихся и для обогащенія ихъ нужными знаніями, Корфъ старался придать своей книгѣ такой характеръ, который въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовалъ бы означенной цѣли. «Нашъ другъ» представляетъ матеріалъ, усвоеніе котораго полезно каждому сельскому школьнику, будущему земледѣльцу и члену крестьянскаго общества. Книга Корфа, преслѣдуя чисто практическую цѣль, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ. Она, несомнѣнно, въ свое время, до появленія болѣе подходящихъ книгъ для школы, оказала свое доброе вліяніе на начальную школу.

Къ «Нашему другу» составлено Корфомъ приложеніе—«Книга для учащихъ», содержащая методическія и дидактическія наставленія, какъ пользоваться «Нашимъ другомъ» на урокахъ въ начальной школѣ.

«Малютка, первая книга послѣ азбуки», составлена Корфомъ для упражненія въ чтеніи дѣтей, изучившихъ уже азбуку. Сообразно цѣли подобранъ въ «Малюткѣ» подходящій матеріалъ: дѣти на коротенькихъ фразахъ и разсказцахъ упражняются въ чтеніи. Прошедши «Малютку», ученики въ состояніи перейти къ чтенію по «Нашему другу». Впослѣдствіи Корфъ присоединилъ весь матеріалъ «Малютки» къ «Нашему другу».

«Задачникъ для письменныхъ упражненій» представляетъ собою задачи для послѣдовательнаго пріученія учениковъ къ письменному изложенію мыслей. Пособіе это составлено практично и можетъ быть съ пользой употребляемо при начальномъ обученіи.

Въ періодъ съ 1867 по 1873 годъ бар. Корфъ отдавался самой кипучей и неустанной педагогической дѣятельности. Благотворные результаты этой дѣятель-

ности были всѣмъ очевидны. О школахъ Александровскаго уѣзда заговорили въ печати; многіе педагоги нарочно пріѣзжали къ Корфу, чтобы познакомиться съ его просвѣтительною дѣятельностью. Нѣкоторыя правительственныя лица и учрежденія командировали учителей для ознакомленія съ Александровскими школами. О Корфѣ узнала вся Россія.

Но съ ростомъ извѣстности Корфа, увеличивалось и число его завистниковъ и недоброжелателей. Въ 1872 г. онъ былъ забаллотированъ крупными землевладѣльцами въ гласные. Не желая питать злобныя чувства недоброжелателей и завистниковъ, а равно сознавая, что при сложившихся обстоятельствахъ онъ не имѣетъ возможности съ прежнею самостоятельностью и производительностью руководить дѣломъ народнаго образованія въ своемъ уѣздѣ, бар. Корфъ со всею семьей уѣхалъ за границу, въ Женеву, гдѣ прожилъ до 1880 года. Въ Женевѣ онъ устроилъ русскую семейную школу и серьезно занялся воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дочерей. Ознакамливаясь на мѣстѣ съ состояніемъ народнаго образованія на Западѣ, бар. Корфъ присылалъ въ русскіе журналы статьи по народному образованію въ Европѣ. Статьи эти были изданы въ 1879 году отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ».

Сознавая значеніе такъ называемыхъ «предметныхъ уроковъ», Корфъ, живя въ Женевѣ, перевелъ «Руководство къ наглядному обученію» Гардера, предназначая свою книгу для учителей и матерей. Въ этой книгѣ начальный учитель находитъ обильный матеріалъ, помогающій ему вести уроки по предметному обученію; а мать находитъ обильный матеріалъ для разрѣшенія многихъ вопросовъ, предлагаемыхъ дѣтьми.

Далѣе, онъ составилъ «Исторію Востока, Греціи и Рима—для обученія и самообразованія». Въ этой книгѣ методически проведена связь и зависимость историческихъ событій, почему она имѣетъ не маловажное значеніе. Въ предисловіи къ «Исторія» Корфъ говоритъ, что она является плодомъ десятилѣтняго преподаванія исторіи не дѣтямъ, а взрослымъ. Подъ этимъ онъ разумѣлъ преподаваніе исторіи своимъ двумъ дочерямъ и другимъ лицамъ, которыя обучались въ его женевской школѣ.

Живя въ Женевѣ, Корфъ пользовался такою извѣстностью въ ученомъ швейцарскомъ обществѣ, что Женевская академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

Въ періодъ отъ 1872-го года до 1880-го года Корфъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію. Такъ, въ 1873 году онъ пріѣхалъ, по приглашенію маріупольскаго земства, руководить съѣздомъ учителей маріупольскаго уѣзда. Воспользовавшись пребываніемъ Корфа въ Россіи, бердянская земская управа пригласила его обозрѣть ея школы и дать о нихъ свое заключеніе. Корфъ не только обозрѣвалъ школы, но и во многихъ обозрѣваемыхъ школахъ давалъ образцовые уроки, при чемъ, по распоряженію управы, присутствовали и учителя сосѣднихъ школъ.

Какъ руководительство съѣздомъ учителей маріупольскаго уѣзда, такъ и обозрѣніе школъ бердянскаго уѣзда благотворно отразилось на народномъ образованіи въ означенныхъ уѣздахъ.

Въ 1880 году Корфъ съ семьей переѣхалъ изъ-за границы въ Россію. Лѣтомъ того же года онъ предпринялъ изслѣдованіе, насколько сохраняются знанія у крестьянъ, прошедшихъ начальную школу. Посредствомъ экзамена, произведеннаго крестьянамъ маріуполь-

скаго и александровскаго уѣздовъ, окончившимъ курсъ 14 лѣтъ тому назадъ, онъ фактически доказалъ, что умѣніе читать, писать и считать, пріобрѣтенное въ начальной школѣ, не забывается, если только обученіе въ школѣ велось правильно. Тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ заключенію, что необходимо дать взрослымъ крестьянамъ возможность расширять и углублять свои познанія. И онъ путемъ періодической печати ратовалъ за необходимость повсемѣстнаго учрежденія у насъ въ Россіи воскресныхъ повторительныхъ школъ. Мало того, онъ у себя на родинѣ устроилъ двѣ воскресныя повторительныя школы для взрослыхъ. Для показанія, какъ слѣдуетъ организовать воскресныя школы и какъ вести въ нихъ занятія, Корфъ издалъ книгу: «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ». Въ ней приведены программы, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ въ теченіе учебнаго года и по всѣмъ предметамъ.

Мало того, Корфъ горячо ратовалъ за обязательность обученія грамотѣ, при помощи домашнихъ крестьянскихъ школокъ грамоты.

Статьи о воскресныхъ и повторительныхъ школахъ, объ образовательномъ уровнѣ взрослыхъ крестьянъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ статей, появившихся во время пребыванія Корфа за границей, а равно и нѣсколькихъ позднѣйшихъ статей,—составили книгу: «Наши педагогическіе вопросы», изданную въ 1882 году. Ранѣе же этого времени имъ издана была книга: «Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію». Въ эту книгу вошло описаніе осмотрѣнныхъ Корфомъ различныхъ школъ, а равно такія статьи, какъ «Бытъ крестьянъ, какимъ онъ отражается въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ сельскихъ школъ»,—«Объ инспекціи

народныхъ училищъ», «Программа народной школы», «Учительскія семинаріи» и друг.

Въ 1881 году разрѣшенъ былъ съѣздъ учителей земскихъ народныхъ школъ Херсонской губерніи. Съѣздъ этотъ состоялся подъ руководствомъ Корфа и имѣлъ выдающійся успѣхъ. На съѣздъ прибыли учителя и учительницы не только Херсонской губерніи, но и другихъ южныхъ губерній. Ихъ привлекло имя руководителя.

Въ 1882 году, послѣ смерти извѣстнаго педагога Басистова, состоявшаго при Московской городской управѣ завѣдующимъ мѣстными народными училищами предложено было бар. Корфу баллотироваться для занятія открывшейся вакансіи. Городской голова и гласные думы имѣли въ виду избрать бар. Корфа. Но тутъ явились недоброжелатели и завистники, которые, желая подорвать авторитетъ Корфа, писали въ газетахъ корреспонденціи и статьи, въ которыхъ наводили на него неблаговидную тѣнь. На него клеветали, обвиняя его въ томъ, въ чемъ онъ совершенно не былъ виновенъ. У читавшихъ эти статьи и корреспонденціи являлось сомнѣніе въ дѣйствительныхъ достоинствахъ Корфа, какъ педагога и общественнаго дѣятеля. Не желая быть предметомъ разногласія въ Московской думѣ, Корфъ увѣдомилъ Московскую городскую управу, что онъ не желаетъ баллотироваться для занятія мѣста завѣдующаго московскими народными училищами.

Баронъ Корфъ, повидимому, не обращалъ вниманія на несправедливыя инсинуаціи и брань завистниковъ и недоброжелателей; но, несомнѣнно, онъ страдалъ отъ несправедливаго поношенія его. Онъ попрежнему то продолжалъ разрабатывать различные педагогическіе вопросы, вызываемые дѣйствительностью; то принималъ живое участіе въ организаціи и веденіи школъ. Въ іюлѣ

1883 года онъ руководилъ учительскимъ съѣздомъ въ Бердянскомъ уѣздѣ съ тѣмъ же увлеченіемъ и вниманіемъ къ учителямъ, какъ и въ Херсонѣ. Въ августѣ и сентябрѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи и открытіи Гнѣдинскаго ремесленнаго училища, почетнымъ членомъ котораго онъ былъ избранъ. При открытіи этого училища онъ произнесъ блестящую рѣчь, полную надеждъ на лучшее будущее. Трудно было подумать, что дни его сочтены. 13-го ноября того же года Корфъ скончался въ Харьковѣ «отъ окончательнаго истощенія жизненныхъ силъ», какъ опредѣлили врачи причину его смерти. 15 ноября состоялись похороны Корфа, при значительномъ стеченіи учащихъ и учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При похоронахъ произнесено было учителями и учительницами нѣсколько рѣчей, характеризовавшихъ педагогическую и общественную дѣятельность Корфа.

Послѣ смерти Корфа во многихъ журналахъ и газетахъ явились глубоко-сочувственные отзывы о дѣятельности покойнаго. И даже тѣ газеты, въ которыхъ годъ тому назадъ помѣщались инсинуаціи и клеветы на Корфа, помѣстили теплыя статьи о плодотворной педагогической дѣятельности его.

Съ своей стороны редакція «Фил. Зап.» не можетъ не прибавить къ сказанному нѣсколькихъ словъ. Немного у насъ на Руси такихъ самоотверженныхъ (умеръ «отъ окончательнаго истощенія силъ») дѣятелей на нивѣ народнаго образованія, с ѣ я т е л е й р а з у м н а г о, добраго. То, что они дѣлали, исходило изъ сердца ихъ, изъ любви къ народу, къ темной массѣ. Сколько въ послѣднее время появилось разныхъ руководствъ для обученія въ школѣ, но они еще не затмили собою тѣхъ, которыя составлены Корфомъ и Ушинскимъ, этими первыми

новаторами обученія въ Россіи. Руководства этихъ двухъ корифеевъ-педагоговъ, несмотря на то, что они прожили десятки лѣтъ, то выйдутъ изъ употребленія въ школахъ народныхъ, то снова появляются въ нихъ. А это-то и говоритъ о той горячей любви къ народной школѣ этихъ педагоговъ,—любви, которая руководила ими при составленіи книжекъ для названной школы, при ихъ дѣятельности на пользу народнаго образованія.

Пусть же скромные дѣятели по народному образованію не забываютъ Н. А. Корфа, пусть въ ихъ сердцахъ горитъ тотъ огонь, который до конца жизни не угасалъ въ душѣ этого великаго русскаго человѣка.

К. Ельницкій.

По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія.

О *или* е *послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ.*

Гротъ говоритъ, что вопросъ, можно ли послѣ шипящихъ буквъ писать о, составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій нашей ороографіи, и подаетъ поводъ къ наибольшему въ ней разнорѣчію.

Нѣкоторые ревнители родной рѣчи сѣтуютъ о томъ, что Гротъ не разрѣшилъ вполнѣ вопроса объ употребленіи о послѣ шипящихъ, и что его указанія подаютъ поводъ къ неопредѣленности.

Сѣтованія эти напрасны. И раньше Грота многіе ученые брались за рѣшеніе этого спорнаго вопроса, но дѣло отъ этого мало подвигалось впередъ: вопросъ-то слишкомъ ужъ труденъ для разрѣшенія.

Буслаевъ въ своемъ «учебникѣ русской грамматики» подробно указываетъ случаи, гдѣ ударяемое о пишется, вмѣсто е, послѣ шипящихъ и при этомъ заявляетъ, что такъ писать принято. И ничего не говоритъ почтенный ученый ни за, ни противъ относительно принятаго начертанія. Конечно, это пріемъ не научный, но въ данномъ случаѣ иначе и поступить было не возможно. Если попытки ученыхъ людей относительно правописанія ударяемаго о послѣ шипящихъ не имѣли успѣха; если тутъ приходится ссылаться на силу установившагося обычая, то это потому, что въ данномъ случаѣ обычай больше, чѣмъ когда-либо, является силь-

ніе закона. Но и обычай не имѣетъ за собой прочной основы.

Въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ не было сочетанія шипящихъ съ о. Произношеніе: жо, чо, шо, що, было чуждо нашимъ предкамъ-славянамъ. Тамъ было только сочетаніе шипящихъ съ е. Поэтому въ тѣ отдаленныя времена легко было согласовать правописаніе съ произношеніемъ. И даже въ «Остромировомъ евангеліи», древнѣйшемъ памятникѣ церковнославянской письменности, еще не встрѣчается сочетанія о съ шипящими.

У насъ русскихъ съ давнихъ поръ существовалъ особый звукъ ё, котораго у славянъ не было. Когда и подъ какими вліяніями онъ явился, мы не знаемъ. Намъ извѣстно только, что послѣ шипящихъ согласныхъ это ё нѣсколько отвердѣваетъ и почти переходитъ въ о. Когда мы говоримъ идетъ, несетъ, то здѣсь явственно слышится ё. Въ словахъ же: течетъ, бережетъ это ё переходитъ почти въ о, хотя въ сущности это не о, но ё, что видно изъ этихъ же глагольныхъ формъ, въ ихъ народномъ произношеніи: текётъ, берегётъ. Въ словахъ: сучокъ, зайчонокъ, мѣшочекъ не о должно-быть, но именно ё. Если бы имена существительныя: медвѣжонокъ, верблюжонокъ образовать по способу слова жиденокъ, то мы получили бы:—медвѣденокъ, верблюденокъ, и только лишь переходъ зубного звука въ шипящій измѣняетъ характеръ произношенія слѣдующаго за нимъ гласнаго звука ё. Суффиксъ причастія прошедшаго времени страд. зал. нн присоединяется къ глагольной основѣ помощью соединительной гласной е, а не о, и въ формахъ причастій: напряжонный, заключонный (пишу эти слова согласно ихъ произношенію) должно быть то же

ё или о, что и въ словахъ: озабоченный, раздавленный, возбужденный, оживленный; только это е послѣ шипящихъ отвердѣваетъ и почти переходитъ въ о, какъ произносится иногда слово: разъяронный. Отсюда постоянное колебанiе между ё и о. Колебаніе это существовало въ древности; оно пережило рядъ столѣтій и перешло по наслѣдству отъ нашихъ предковъ къ намъ. Чего же держаться намъ въ настоящее время? Какими соображеніями руководствоваться при писаніи этой исключительной категоріи словъ?

Проф. Брандтъ въ своей брошюрѣ: «О лженаучности нашего правописанія», настойчиво предлагаетъ въ вопросахъ правописанія слѣдовать произношенію. Мы пишемъ, говоритъ почтенный ученый, не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики; естественно писать такъ, какъ говорятъ.

Конечно, слѣдовало бы писать такъ, какъ говорятъ; но, во-первыхъ, мы видѣли, что гласный звукъ ё послѣ шипящихъ отличается неопредѣленностью, неясностью, и даже не имѣетъ для себя въ русскомъ алфавитѣ соотвѣтствующаго письменнаго знака. Во-вторыхъ, произношеніе этого звука отличается крайней неустойчивостью. Это е при однихъ и тѣхъ же условіяхъ выговаривается то какъ е: заключеніе, запрещеніе, сожженіе, то какъ о: заключонный, запрещонный, сожжонный; то двояко при одномъ и томъ же составѣ словъ: совершенный и совершонный, нареченный и наречонный, жердочка и жордочка, щеки́ и що́ки, пчелы́ и пчо́лы, жена́хъ и жо́нахъ. А въ малорусскомъ языкѣ замѣчаются еще новые оттѣнки въ произношеніи. Тамъ это е безъ ударенія произносится какъ о: чоловикъ, пчола, чорніе, жовтіе, а е съ удареніемъ произносится токакъ

е: ключемъ, можемъ, печется, черствый, то какъ о: горшокъ, пучокъ, мешокъ, снежокъ, чорный. Какъ же руководствоваться такими слишкомъ шаткими основаніями при опредѣленіи правилъ хотя бы правописанія? Если мы пишемъ: заведеніе заведенный, покореніе покоренный, опредѣленіе опредѣленный, безъ измѣненія буквы е, то писать о, вмѣсто е, въ словахъ: пораженіе пораженный, разлученіе разлучонный, отмщеніе отмщонный, будетъ ли послѣдовательно? 3) Многія слова славянскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскія, во время церковныхъ службъ, произносятся не такъ, какъ произносимъ ихъ мы въ обыденной рѣчи. Имѣя въ виду разбираемый вопросъ, необходимо сказать, что въ церкви мы постоянно слышимъ произношеніе е, вмѣсто о, послѣ шипящихъ. Даже страннымъ или, по крайней мѣрѣ, необычнымъ для слуха показалось бы, если бы кто, совершая богослуженіе, началъ произносить: «о принесенныхъ и освящонныхъ честныхъ дарѣхъ», вм. освященныхъ; «пришолъ еси и явился еси свѣтъ неприступный», вм. пришелъ; «да сбудется реченное пророкомъ глаголющемъ», вм. реченное; «оглашоныя изыдите», вм. оглашенные; «срѣтоша Іисуса десять прокажонъ мужъ», вм. прокаженъ; «сей нареченный и святый день»; вм. нареченный, и т д. Это произношеніе съ церковной каѳедры, къ которому религіозные люди прислушиваются съ полнымъ уваженіемъ и даже съ благоговѣніемъ, имѣетъ для нихъ характеръ непреложнаго закона. Это произношеніе сильно будетъ удерживать грамотныхъ людей, даже незнакомыхъ съ правилами элементарной грамматики, отъ перехода, по крайней мѣрѣ немедленнаго, на фонетическую основу. Грамотные люди, т.-е. обу-

чившіеся грамотѣ, а не преслѣдующіе цѣли ореографіи, мнѣ кажется, не станутъ писать, — пришолъ, течотъ, заключонный, искушонный, прокажонный, позлащонный, а непремѣнно напишутъ — пришелъ, течетъ, прокаженный, заключенный, т.-е. именно такъ, какъ учатъ «мудрствующіе грамматисты». Когда же у нихъ начнетъ развиваться сознаніе, то, пиша — крещенный, изображенный, оглашенный и др., они невольно будутъ находиться подъ вліяніемъ начертанія: крещеніе, оглашеніе, изображеніе, гдѣ явственно слышится е, и врядъ ли они, безъ нѣкотораго давленія съ нашей стороны, воспользуются той льготой, какую имъ предлагаютъ [1]).

Когда мы задаемся вопросомъ, писать ли о или е послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ, то здѣсь необходимо замѣтить, что съ этой стороны (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) этимологія невольно сдѣлала большія уступки произношенію. Когда мы пишемъ — значокъ, порошокъ, лужокъ, ключомъ, плащомъ, душою, межою, большой, плечо, свѣжо и др., мы во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ

[1]) Независимо отъ всего этого, хочется мнѣ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое, кажется, нельзя игнорировать при рѣшеніи вопроса о преимуществахъ того или другого вида письма. Мнѣ приходилось наблюдать, какъ пишутъ подъ диктовку подростки лѣтъ 9—12, и я невольно останавливался на томъ замѣчательномъ явленіи, что они писали: Пугачевъ, мужичекъ, пришелъ. Почему они писали е, вм. о, между тѣмъ какъ имъ очень явственно диктовалось: Пугачовъ, мужичокъ, пришолъ? Почему дѣти не слѣдовали звуковымъ указаніямъ, когда имъ представлялась полная возможность писать такъ, какъ говорятъ? Я готовъ объяснять себѣ это явленіе тѣмъ,

слѣдуемъ произношенію. И если Гротъ говоритъ, что вопросъ: писать ли о или е послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ, подаетъ поводъ къ наибольшему разнорѣчію въ русской орѳографіи, то замѣчаніе это не касается указанныхъ случаевъ. Тутъ начертаніе о послѣ шипящихъ установилось настолько прочно, что вопросъ этотъ уже можно, кажется, считать поконченнымъ. Но дальше выступаютъ тѣ случаи, которые подаютъ поводъ къ разнорѣчію. Говорятъ: позволительно писать о въ открытыхъ коренныхъ слогахъ въ началѣ и въ серединѣ словъ, и въ то же время пишутъ: щеголь, щелокъ, пощечина. Говорятъ, въ закрытыхъ слогахъ, особенно коренныхъ, неупотребительно писать о, и тутъ же перечисляютъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ въ закрытыхъ слогахъ, даже коренныхъ, пишется именно о. Наблюдая за тѣмъ, какъ пишутъ, мы замѣчаемъ тутъ полное отсутствіе послѣдовательности. Пишутъ то дѣвчонка, рубашенка, мышонокъ, боченокъ, то дѣвченка, рубашонка, мышенокъ, бочонокъ. Часто одно и то же лицо пишетъ одинъ разъ такъ, другой разъ иначе.

Путаница происходитъ, съ одной стороны, отъ того, что этимологія сдѣлала уступки произношенію, про-

---

что въ этомъ своеобразномъ начертаніи, которое несогласно съ выговоромъ, сказывается какое-то прирожденное чутье о несочетаемости шипящихъ звуковъ съ гласнымъ о, и что здѣсь не о слышится, а что-то иное, хотя и очень близкое къ нему. А если это чутье руководило перомъ единаго, или пожалуй каждаго отъ малыхъ сихъ, когда они писали: Пугачевъ, пришелъ, то значитъ, что настойчиво проводить принципъ звукового письма, по крайней мѣрѣ для даннаго случая, не будетъ той естественностью, о которой такъ рѣшительно говорятъ иногда.

изношеніе же, какъ мы видѣли, не отличается устойчивостью и опредѣленностью, и не за что иногда бываетъ ухватиться тутъ этимологіи, не къ чему приковать своихъ положеній. При такихъ условіяхъ точная формулировка грамматическихъ правилъ: позволительно писать, принято употреблять, неудобно писать, избѣгая болѣе научныхъ терминовъ. Съ другой стороны, произношеніе вещь болѣе гибкая, а научная ореографія — вещь болѣе устойчивая и постоянная. Этимологія допускаетъ измѣненія въ своихъ положеніяхъ осторожно, съ оглядкою. Оттого всякія перемѣны совершаются здѣсь медленнѣе. Слово должно пережить, такъ сказать, періодъ колебаній, прежде чѣмъ получитъ право гражданства въ языкѣ. Такія слова, какъ: гдѣ, здѣсь, вездѣ не сразу явились въ языкѣ въ своемъ законченномъ видѣ. Такія слова, какъ: будто, если, напримѣръ, впрочемъ, потомъ, тотчасъ и др., явились сравнительно недавно, и не сразу явились они достояніемъ нашей родной рѣчи. Прошли десятки лѣтъ, пока продолжался для нихъ періодъ колебаній, и лишь постепенно сдѣлались новымъ пріобрѣтеніемъ въ русской рѣчи. Въ настоящее время уже никто не задается вопросомъ, писать ли — если, будто, впрочемъ, или же какъ-нибудь иначе. Если же о многихъ другихъ словахъ продолжаются разнорѣчія, это значитъ, что слова эти еще не пережили своего періода колебаній. Но окрѣпнетъ правописаніе этихъ словъ, тогда на смѣну имъ явятся другія, и такъ далѣе, пока будетъ существовать языкъ, какъ живой организмъ. Такой же точно періодъ колебаній переживаютъ теперь между прочимъ слова, въ которыхъ встрѣчается ударяемое ё послѣ шипящихъ. Какъ же быть?

Наши учебники по грамматикѣ не даютъ намъ на

это сколько-нибудь определенныхъ указаній. Въ учебникѣ русской грамматики г. Преображенскаго (курсъ V класса) хотя подробно изложено ученіе о словообразованіи, но относительно суффикснаго е послѣ шипящихъ въ такихъ словахъ, какъ дѣвчонка, мѣшочекъ, медвѣжонокъ и под. не сдѣлано никакихъ опредѣленій ни въ текстѣ грамматики, ни въ указателѣ, хотя въ предисловіи и было заявлено, что въ указателѣ собраны тѣ слова, правописаніе которыхъ въ какомъ либо отношеніи можетъ затруднить учениковъ». На стр. 58 подобраны примѣры именъ существительныхъ съ суффиксомъ енок, но примѣровъ сочетанія этого суффикса съ шипящими у г. Преображенскаго, случайно или же намѣренно, не приведено. Относительно суффикса ек, на основаніи приведеннаго въ 47 § примѣра: смычекъ, можно заключить, что е послѣ шипящихъ, хотя бы на немъ и стояло удареніе, не пишется черезъ о; но въ указателѣ мы находимъ слова: сверчокъ, мѣшокъ, вершокъ съ окончаніемъ ок, почему трудно разобраться, измѣняется ли е въ о, или же остается безъ измѣненія. Относительно именъ существительныхъ женскаго рода сказано, что въ окончаніяхъ ихъ творительнаго падежа ед. числа е измѣняется въ о, если удареніе находится на окончаніи: свѣчой, душой, но вовсе не упомянуто о творительномъ падежѣ им. сущ. муж. рода, каковы: ключъ, ножъ, плащъ, грошъ и др. Въ скобкахъ однако помѣщено слово: мечемъ (стр. 50), и выходитъ такимъ образомъ, какъ будто въ именахъ муж. рода е послѣ шипящихъ не измѣняется въ о даже въ томъ случаѣ, когда на него падаетъ удареніе—ключемъ, ножемъ. Другіе учебники по русской грамматикѣ просто-напросто замалчиваютъ этотъ спорный вопросъ.

Впрочемъ, въ учебникъ по грамматикѣ не могутъ войти всѣ частные случаи, составляющіе достояніе языка.

Но есть еще источникъ для справокъ въ сомнительныхъ случаяхъ, это орѳографическіе словари. Что же даетъ намъ этотъ источникъ? Вотъ что мы находимъ въ одномъ изъ орѳографическихъ словарей, который даже претендуетъ на то, чтобы быть настольной книгой: пятачекъ, язычокъ, клочекъ, толчокъ; значекъ, сучокъ; душничекъ, ярлычокъ; кружекъ, рожокъ; пустячекъ, сундучокъ; пирожекъ, сапожокъ; лужекъ, прыжокъ; пѣтушекъ, гребешокъ; кляченка, дѣвчонка; рѣченка, ручонка; мѣшечекъ пушочекъ и много въ этомъ родѣ.

Чтобы разобраться въ переживаемомъ хаосѣ, необходимо создать для себя канву; нужно намѣтить себѣ правила сообразно нынѣшнему состоянію дѣла и твердо держаться этой основы, если не хотимъ запутаться вконецъ. Въ настоящее время болѣе подробныя указанія относительно писанія е послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ мы находимъ только въ «русскомъ правописаніи» Грота [2]). Правда, это правила далеко еще не окончательныя, но пока не придумано ничего болѣе основательнаго, необходимо придержаться именно этой канвы, которая даетъ хотя какія-нибудь указанія.

Относительно этихъ правилъ можно сдѣлать лишь нѣкоторыя замѣчанія. 1. Въ нихъ прежде всего замѣчается нѣкоторая неполнота, дающая поводъ къ разноречію. Гротъ говоритъ: «иногда въ ударяемыхъ слогахъ послѣ шипящихъ ставится о изъ желанія яснѣе обозна-

---

[2]) Почти безъ измѣненій эти указанія вошли въ «Учебникъ русской грамматики» покойнаго Буслаева изд. 1888 г.

чить различный выговоръ двухъ сходныхъ словъ», и при этомъ между прочимъ приводятся примѣры: жены и жоны, чертъ и чортъ.

Жены и жоны это двѣ различныя формы одного и того же слова, но имѣется ли въ виду данномъ случаѣ распознаваніе падежныхъ формъ, или же тутъ желаютъ согласовать правописаніе слова съ его произношеніемъ? Въ первомъ случаѣ начертаніе о было бы въ одномъ только именительномъ падежѣ множ. ч., въ последнемъ же случаѣ о вм. е пишется во всѣхъ падежахъ множ. числа. Если бы въ написаніи чортъ и чертъ имѣлось въ виду обозначить два различныя слова, тогда слово чортъ въ твор. под. ед. числа было бы чертомъ, а не чортомъ.

Различеніе падежныхъ формъ путемъ измѣненія на письмѣ гласнаго звука въ корнѣ не есть дѣло существенной важности. Въ словахъ: слеза, железа, село, ведро, гнѣздо и др. именительный пад. множ. числа произносится отлично отъ родительнаго пад. ед. ч.: слезы́ и слёзы села и сёла, гнѣзда и гнѣ́зда, однако правописаніе ихъ остается безъ измѣненія; почему же въ такомъ случаѣ измѣнять правописаніе въ словѣ жена? Обыкновенно мы безъ затрудненій различаемъ эти формы по смыслу. Развѣ въ выраженіи: «нѣтъ у молодца молодой жены», не ясно, что здѣсь жены родительный падежъ ед. числа, а не именительный множественнаго? Развѣ въ стихахъ поэта:

«Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:
И танцемъ, и пѣнью, и нѣжностамъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ»...

развѣ станетъ кто сомнѣваться въ томъ, что тутъ въ жёны винительный под. множ. числа, а вовсе не ро-

дительный единственнаго? А какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ иной способъ распознаванія подлинныхъ формъ даже невозможенъ, напримѣръ, въ словахъ: жертва. щепа, пещера. щепка, прическа, щель и др? Тутъ именительный под. множ. ч., сохраняя удареніе на томъ же слогѣ, еще болѣе сходенъ съ родительнымъ единственнаго, чѣмъ въ словѣ жена. Мнѣ кажется, нѣтъ никакой необходимости создавать особое правило для распознаванія падежныхъ формъ лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ, выдернутыхъ изъ общей группы однородныхъ словъ. Другое дѣло, если бы тутъ имѣлось въ виду согласовать правописаніе съ произношеніемъ. Что касается желанія яснѣе обозначить выговоръ двухъ сходныхъ словъ, то существуетъ ли надобность въ подобномъ обозначеніи? Въ языкѣ есть много сходныхъ словъ съ различнымъ значеніемъ: полкѝ и пóлки, замкѝ, и зáмки, пушкá и пýшка, пристáнь и прѝстань, души глаголъ и души им. сущ., три глаголъ и три им. числит., знать и стать глаголы, знать и стать им. существительныя, но значеніе ихъ легко узнается по смыслу. Зачѣмъ же для нѣсколькихъ словъ вводить еще новое правило, при томъ весьма шаткое, такъ какъ оно даже въ своей ограниченной сферѣ не охватываетъ всѣхъ частныхъ случаевъ? напримѣръ, мы пишемъ чортъ въ отличіе отъ чертъ (начало слова черта), а какъ же тогда отличить не менѣе сходныя слова: чертѝ и чéрти? Какъ отличить именительный падежъ слова щелокъ отъ родительнаго щелокъ (начало слова щелка)?

2) Слова пощочина, щолокъ, щоголь слѣдовало бы подвести подъ общее правило правописанія, по которому ударяемое о пишется послѣ шипящихъ, вмѣсто е, въ коренныхъ открытыхъ слогахъ 3) Слово

мѣшочекъ (у Грота мѣшечекъ) правильнѣе писать черезъ о по образцу того, какъ пишутся въ «словарѣ русскаго языка», издаваемомъ Академіей наукъ, слова: дружочекъ, женишочекъ. Да и какъ же иначе? Въ словѣ мѣшочекъ оч есть тотъ же суффиксъ ок, который, по принятому правилу, мы пишемъ въ словахъ: мѣшокъ, дружокъ, сучокъ. 4) Трещотка и рѣшетка два слова одинаковаго образованія, но у Грота пишутся они различно. Г. Сеславинъ въ своемъ ороографическомъ словарѣ тоже пишетъ ихъ неодинаково, при этомъ категорически, хотя и бездоказательно, заявляетъ, что писаніе трещетка неправильно. Въ старомъ академическомъ словарѣ, изд. 1869 г., оба эти слова пишутся черезъ е. Вѣроятно, подъ этимъ вліяніемъ пишутъ ихъ также черезъ е Рейфъ и Макаровъ. Однако и въ новомъ «Словарѣ русскаго языка», изд. Академіей наукъ, эти слова тоже пишутся черезъ е (не въ алфавитѣ, но въ примѣрахъ [3]).

По моему мнѣнію, вся совокупность правилъ относительно писанія о, вмѣсто е, послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ словахъ должна имѣть такую формулировку.

I

о *вмѣсто* **е** *пишется*

1) въ коренныхъ открытыхъ слогахъ, напримѣръ: шо-рохъ шо-потъ, жолобъ, жо-лудь, обжо-ра, чо-порный. Сюда же слѣдуетъ отнести слова: щоголь, щолокъ, пощочина.

Примѣчаніе 1. Когда же въ производныхъ словахъ удареніе переходитъ на другой слогъ, то вмѣсто о пишется е: желобокъ, шероховатый, щеголиха, щелочить, желудевый и др.

---

[3]) «Словарь русскаго языка»: трещетка—II, 1333; рѣшетка II, 972, 986, 1004.

2) въ коренныхъ закрытыхъ слогахъ многихъ словъ (по исключенію): жомъ, чортъ (во множ. числѣ черти, чертей), чолка, шовъ, чокнутыя, самъ-шостъ, обжорство, поджогъ (имя сущ.), шомполъ, шорникъ.

Примѣчаніе 2. Особую группу словъ составляютъ многія иностранныя слова, гдѣ о пишется послѣ шипящихъ даже въ неударяемыхъ слогахъ: жокей, жонглеръ, шоссе, шокировать, шоколадъ, шовинизмъ, Шотландія и др.

3)—въ суффиксныхъ открытыхъ слогахъ слѣдующихъ суффиксовъ:

а) ок, онок: рожокъ, медвѣжонокъ, мышонокъ, бочонокъ;

б) очек: кружочекъ, мѣшочекъ, крючочекъ;

в) ов: грушовый, ежовый, грошовый (NB. Таково начертаніе этихъ словъ въ академическомъ словарѣ);

4) въ суффиксныхъ закрытыхъ слогахъ слѣдующихъ суффиксовъ:

а) ок: гребешокъ, сапожокъ, щелчокъ, скочокъ, лужокъ,

б) онк: дѣвчонка, книжонка, рубашонка, собачонка, лавчонка;

в) ов; сюда относятся имена существительныя собственныя: Межовъ, Колычовъ, Балашовъ, Хрущовъ; Грубешовъ, Мещовскъ, Сычовка и др.

5)—въ окончаніяхъ слѣдующихъ словъ: плечо, большой, чужой, старшой, меньшой, свѣжо, горячо, хорошо, ужо (*Ужо* не то, что уже);

6) въ творительномъ падежѣ им. существительныхъ

и въ нарѣчіяхъ, образованныхъ изъ твор. падежа: ножомъ, ключомъ, плащомъ, душою, межою, гужомъ, нагишомъ; въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ: чужому, о большомъ, меньшого.

II

е не измѣняется въ о, хотя и произносится какъ о

1) въ коренныхъ закрытыхъ слогахъ по общему правилу: желтый, жесткій, желчь, расчеть, черствый, перешептываться, шелкъ, челнъ, прическа, прищелкивать, щелка, пшенный;

2) въ суффиксахъ причастій прошедшаго времени страд. залога, полной и краткой формы: нагруженный, рѣшенный, заключенный, прельщенный, обреченъ, сраженъ, освѣщенъ, совершенъ, и въ производныхъ словахъ: разобщенность, утонченность, напряженность, ученость;

3) въ личныхъ окончаніяхъ глагола: бережешь, толчется, обожжетесь;

4) въ формахъ прошедшаго времени: пришелъ, прочелъ, поджегъ;

5) въ предложномъ падежѣ мѣстоименія что: въ чемъ, на чемъ, и въ словѣ еще.

Конечно, эти правила не устраняютъ вполнѣ указанныхъ выше возраженій. Слова: дешевый и грошовый одинаково образованы, а пишутся различно [4].

---

[4]) Слово дешевый пишется черезъ е, вѣроятно, потому, что всѣ остальныя слова этого корня пишутся черезъ е: дешевле, дешевѣть, удешевить, дешевизна, даже дешевъ. Начертаніе черезъ о, допущенное для одного лишь слова, было бы слишкомъ исключительнымъ въ этой группѣ словъ.

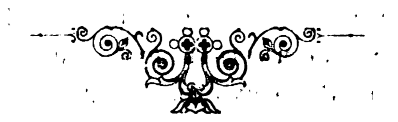
Поджогъ имя сущ. и поджегъ глаголъ тоже пишутся неодинаково. Но, не говоря о многихъ частныхъ случаяхъ, уже самое различеніе коренныхъ открытыхъ слоговъ, въ которыхъ допускается писаніе о (послѣ шипящихъ, когда на это о падаетъ удареніе), отъ слоговъ закрытыхъ, гдѣ такое писаніе не допускается, не имѣетъ для себя прочной основы. Не даромъ здѣсь существуетъ такая масса исключеній (Они частію поименованы выше) Различеніе закрытыхъ коренныхъ слоговъ, гдѣ не допускается писаніе о, отъ закрытыхъ же слоговъ суффиксныхъ, гдѣ такое писаніе допущено, не можетъ быть обосновано должнымъ образомъ Но, повторяю, эти правила неокончательныя. Они вызываются современнымъ положеніемъ дѣла. Этимологія въ этомъ вопросѣ отъ одного берега отстала, но къ другому еще не пристала, а на своемъ пути попала въ такой водоворотъ, изъ котораго не знаетъ какъ и выбраться. Тутъ, съ одной стороны, постоянно приходится наталкиваться на такіе случаи, гдѣ въ одномъ и томъ же словѣ это ё составляетъ то часть открытаго, то часть закрытаго слога: щелка, щелочка; рѣшетка, рѣшетокъ; мѣшочекъ, мѣшочка; расчетъ, расчета, такъ что и не разберешь, какому правилу слѣдовать при писаніи. А тутъ же, въ заключеніе, еще болѣе запутываютъ дѣло слова иностранныя, которыя цѣлыми струями вливаются въ русскую рѣчь, и въ которыхъ о свободно пишется послѣ шипящихъ даже въ неударяемыхъ слогахъ (Примѣры выше).

Если этимологія въ этомъ случаѣ пошла на уступки, то въ этомъ же направленіи ей, по всѣмъ вѣроятностямъ, придется слѣдовать и дальше. Но здѣсь, какъ и во всякомъ сложномъ дѣлѣ, нужна послѣдовательность и осторожность. Въ этихъ видахъ для нѣкоторыхъ слу-

чаевъ, можетъ быть, будетъ признано возможнымъ допустить двоякое начертаніе, хотя бы, напримѣръ, для того же слова жена (которое уже попало въ грамматики), только не для отличія родительнаго пад. отъ именительнаго, множ. числа, но для согласованія правописанія съ выговоромъ. Тогда подъ эту же категорію должны быть отнесены и слова: щека, пчела, которыя тоже во множ. числѣ въ нѣкоторыхъ падежахъ измѣняютъ произношеніе е въ о. Такое же двоякое начертаніе возможно допустить и для словъ: рѣшетка, трещотка, въ виду слѣдующаго соображенія: трещотка образовалось при помощи суффикса от, безъ участія е, а въ образованіи слова: рѣшетка участвовало е: рѣшето, рѣшетить.

Можетъ быть, будетъ придуманъ новый письменный знакъ въ алфавитѣ для звука ё. Тогда, пожалуй, понадобится новая перестройка всего § о писаніи о, е послѣ шипящихъ, а тѣмъ временемъ, пока вопросъ этотъ еще не рѣшенъ,—необходимо мириться съ тѣми несовершенствами, какія представляетъ нынѣшнее состояніе дѣла. Слѣдуетъ, конечно, прилагать стараніе къ рѣшенію вопроса; слѣдуетъ дѣлиться своими наблюденіями, если они представляютъ интересъ, но въ дѣлѣ обученія подрастающаго поколѣнія непремѣнно нужно держаться той нормы, какая въ данное время признается наиболѣе удовлетворяющею условіямъ, и какую съ небольшими измѣненіями представляетъ ученіе покойнаго Грота.

З. О—въ.

По прочтеніи „На Днѣ"—Горькаго.

Только что прочитала «На Днѣ» и хочу подѣлиться нѣсколькими мыслями. Читала съ большимъ удовольствіемъ. Впечатлѣніе получается сильное и яркое,—не знаю, какъ въ театрѣ: по теоріи—со сцены должно быть впечатлѣніе еще сильнѣе, глубже; но вопросъ въ томъ, надо ли, чтобы было еще сильнѣе. Дѣло въ томъ, что зритель воочію видитъ всю эту ужасную обстановку, слышитъ эту ругань, эти дикіе крики,—чуть не нюхаетъ вонь отъ тѣхъ лохмотьевъ, которые должны быть этимъ пропитаны, и отъ всего этого уже получается, такъ сказать, ультро-реальное впечатлѣніе, которое едва ли вполнѣ художественно. Между тѣмъ въ чтеніи этого нѣтъ, и можно сосредоточиться только на идеѣ произведенія. Судя по газетнымъ сообщеніямъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ при представленіи трупны художественнаго театра, моя мысль оказалась вполнѣ справедливою. У меня послѣ чтенія впечатлѣнія какъ-то рѣзко распались натрое, и всплылъ образъ Горькаго, такъ сказать, тройкій: Г., какъ драматургъ собственно, Г., какъ художникъ вообще, и Г., какъ философъ и моралистъ. Что касается 1-го вопроса, то въ этомъ отношеніи вещь оставляетъ желать многаго: дѣйствіе не происходитъ передъ зрителями: объ немъ разсказывается, и оно въ сущности возбуждаетъ очень мало интереса; цѣлыя два убійства, которыя тамъ есть, какъ-то протекаютъ незамѣтно; да и сама драма собствен-

но построена на такихъ обще-человѣческихъ чувствахъ, какъ любовь и ревность, которыя, властвуя во всѣхъ классахъ общества, вездѣ вызываютъ подобныя же драматическія коллизіи и не составляютъ привилегіи подонковъ общества. Здѣсь же эта сторона развита весьма слабо и очень мало задерживаетъ вниманіе читателя. Между темъ, возьмите, напримѣръ, Фауста. Ужъ кажется архи-философская драма, а какъ глубоко захватываетъ романъ простенькой, бѣдненькой Маргариты! Взяла это сравненіе для того, чтобы ярче сразу указать на то, что все-таки до вершинъ творчества, на которыхъ создаются художественныя вещи, вполнѣ совершенныя, вещи безъ изъяна, Г—кій не поднялся.—Но это не мѣшаетъ создавать вещи крупныя, и «На Днѣ» есть именно крупная вещь. Недостатки автора, какъ драматурга, я ему охотно прощаю,—тѣмъ болѣе, что сама лично имѣю смѣлость исповѣдовать нѣкоторую литературную ересь (своего впрочемъ собственнаго сочиненія, и въ которой не имѣю послѣдователей): считаю драму за искусственный родъ поэтическаго творчества, стѣсняющій свободу автора условіями сцены. Г—кій все-таки проявилъ себя здѣсь, въ этой пьесѣ, настоящимъ художникомъ. Весь 1-й актъ буквально превосходенъ. Не драма, не убійства, а мастерское изображеніе обыденной жизни этого люда—вотъ что производитъ удручающее впечатлѣніе *). Это положительно лучшее мѣсто пьесы. Вотъ тутъ Г—кій вполнѣ художникъ, потому что тутъ онъ совершенно объективенъ: безъ дидактики, безъ мо-

*) Ужасно это утро, когда при пробужденьи приходится слышать и лязгъ пилы, и ругань, и всевозможные звуки,—ужасна жизнь, гдѣ въ этихъ конурахъ скопляется столько людей, гдѣ человѣкъ никогда не бываетъ одинъ...

рали онъ рисуетъ то, что наблюдалъ, и такъ какъ рисуетъ выпукло, а предметъ изображенiя самъ по себѣ достаточно гнетущъ, то и получается весьма достаточное поученiе безъ всякой авторской указки.

Но въ послѣднихъ двухъ актахъ авторъ безъ церемонiи берется за указку, выступаетъ въ роли учителя, и нельзя сказать, чтобы драма отъ этого выиграла. Его главные резонёры: Сатинъ и Лука, не что иное, какъ тѣ же Тетеревъ и этотъ птицеловъ изъ «Мѣщанъ»,—только Сатинъ менѣе озлобленъ, менѣе революцiонеръ, а Лука болѣе, такъ сказать, философиченъ. Но за всѣми рѣчами, конечно, скрывается самъ Горькiй, и его философiя и мораль интересны.

Мораль Тетерева, мораль Нила въ «Мѣщанахъ» вся идетъ въ разрѣзъ съ общепринятой «буржуазной» моралью, и въ этомъ смыслѣ революцiонна. Въ коротенькомъ замѣчанiи Нила: «хозяинъ—тотъ, кто трудится»—вѣдь кратное и весьма выразительное резюмэ марксизма. Такiя фразы, какъ «права не даютъ, права берутся!» могутъ возбуждать взрывъ у юныхъ слушателей аплодисментовъ въ театрѣ, могутъ перейти въ пословицы, стать рефреномъ къ какой-нибудь пѣсенкѣ. Но въ сущности эта философiя, какъ и всякое другое взрывчатое вещество, можетъ съ успѣхомъ только разрушать, но ничего не создаетъ; въ концѣ концовъ она сводится на самую примитивную, чистую философiю дикарей—«око за око, зубъ за зубъ». Нилъ—несомнѣнно положительный типъ у Г—аго. Его дѣятельною боевою натурою молодежь восхищается. Но лицо, проповѣдующее объ излишествѣ такого чувства, какъ благодарность (потому что старикъ именно любитъ его), и думающее, что отъ него можно откупиться деньгами, само органически не приспособлено къ болѣе высокимъ и мягкимъ формамъ

человѣческихъ отношеній. Послѣднія могутъ усовершенствоваться только путемъ развитія именно той «морали рабовъ», которая отрицается Нитцше, и которой Европа обязана всею своею цивилизаціею. Такія хлесткія словечки есть и въ пьесѣ: «На Днѣ». «Ежели людей по работѣ цѣнить... тогда лошадь лучше всякаго человѣка. . возитъ и молчитъ!»—опять проявленіе «свободнаго» духа. У Сатина цѣлыя фразы прямо изъ Нитцше взяты: «Человѣкъ—вотъ правда!.. Ложь—религія—рабовъ и хозяевъ... Правда—Богъ свободнаго человѣка» Есть и теорія героевъ: «Люди-то живутъ для лучшаго» (столяры для идеальнаго столяра и т. д.). Противъ послѣдней теоріи, впрочемъ, я не возражаю.

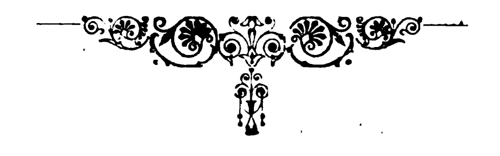
Какой же выводъ изъ всей его философіи? Пепелъ говоритъ: «Я не каюсь... въ совѣсть я не вѣрю... Но я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо жить такъ... чтобы самому себя можно было уважать» ... Я увѣрена, что эта въ высшей степени многозначительная фраза тоже можетъ быть взята какимъ-нибудь юношей за девизъ собственной жизни. Въ ней, съ одной стороны, вначалѣ полное отрицаніе общепризнанной морали и всѣхъ ея религіозныхъ и философскихъ основаній, а, съ другой, въ концѣ рекомендуется все таки жить прилично и удобно, «какъ всѣ», и предлагается для этого, какъ кажется, очень красивое основаніе—самоуваженіе Но въ сущности въ этой фразѣ страшная пустота, или скорѣе—огромная логическая прорѣха. Откуда возьмется чувство уваженія или неуваженія, вообще чувство различенія хорошаго отъ дурного, если отвергается совѣсть, и съ нею вмѣстѣ отрицается идея нравственной отвѣтственности вообще? Утилитаристы замѣняютъ нравственное чувство сознаніемъ выгоды, удобства и т. п., но это совсѣмъ особь-статья; а здѣсь го-

ворится о такомъ идеальномъ мотивѣ, какъ самоуваженіе, и сопоставленіе его съ одновременнымъ отрицаніемъ нравственныхъ устоевъ свидѣтельствуетъ ясно о недостаточной продуманности личной философіи Горькаго.

Слесарь Клещъ, такъ тяготившійся вначалѣ жизнью съ раклами, въ концѣ привыкаетъ къ нимъ и говоритъ: «Ничего... Вездѣ люди... Сначала не видишь этого... потомъ поглядишь: окажется всѣ люди — ничего!» Вотъ это намъ показалъ Г—ій, и вотъ въ этомъ заключается его истинная заслуга. Спустить насъ въ самые низы общества и показать, что вездѣ люди, и что всѣ люди — ничего, — въ этомъ именно заключается высокій, гуманный смыслъ его произведеній. А то, что этотъ міръ выходитъ изъ-подъ его пера въ яркомъ и выпукломъ изображеніи, даетъ намъ право утверждать, что Г—ій останется; что его не смететъ волна времени, какъ смететъ всѣхъ нашихъ поющихъ барынь-писательницъ и нашихъ мужчинъ-писателей, потому что переживаютъ свое время только тѣ творенія, которыя прекрасны. Только одна красота сообщаетъ дѣлу рукъ человѣческихъ безсмертіе. И у Г—каго есть такая красота. Есть она и въ 1-мъ актѣ «На Днѣ», хотя и ужасная красота. Тамъ онъ вполнѣ объективенъ и высоко художественъ. Но, чтобы остаться на этой художественной высотѣ, достаточно только показать, что и они — тоже люди, такіе же люди, какъ мы, — можетъ-быть, немножечко послабѣе другихъ и неизмѣримо несчастнѣе, но нѣтъ надобности искусственно приподымать ихъ, дѣлать непремѣнно сильными натурами или премудрыми философами. Для меня всѣ эти глубокомысленныя, красивыя рѣчи ракловъ на отвлеченныя темы звучатъ фальшью. Все это слишкомъ ужъ великолѣпно. А у

Г—каго вѣдь это любимый типъ—ракло—отрицатель и мыслитель, ракло—сильная натура. Между тѣмъ туда-то именно попадаютъ наиболѣе слабые люди.

Н. В. Шеметова.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія

для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 77.

Глаголъ. I. Настоящее время.

Для объясненія.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ..
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ:
Мы молодой весны гонцы;
Она насъ выслала впередъ!“
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ, майскихъ дней
Румяный свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ѳ. Тютчевъ.

Правило.—*Настоящее время показываетъ, что дѣйствіе или состояніе происходитъ* **теперь**, *т.-е въ то время, когда о немъ говорится.*

---

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III, IV—V и VI 1901 г. и II—III, IV, V и VI 1902 г. и I 1903 г.

Задача.

Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ указать глаголы настоящаго времени.

Зеленый шумъ.

Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено:
И воздухъ, и вода!
Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
Какъ молокомъ, облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую—
И липа блѣднолистная,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они поновому,
Поновому, весеннему...
Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Н. Некрасовъ.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ,—
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ.
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопаный, стоитъ.
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то выряя,
Скачетъ лая впопыхахъ.

А. Майковъ.

II Прошедшее время.

Для объясненія.

Наступленіе зимы.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница—зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою.
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

А. Пушкинъ.

Правило.—*Прошедшее время показываетъ, что состояніе или дѣйствіе происходитъ* **не теперь,** *а происходило* **прежде** *или уже прошло.*

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать глаголы настоящаго и прошедшаго временъ.

Осень и зима.

Ужъ небо осенью дышало;
Ужъ рѣже солнышко блистало;
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ.
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу. Приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ.
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ.
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней

А. Пушкинъ.

III. Будущее время.

Для объясненія.

Пчелка.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковаго,
Изъ душистой келейки медовой,
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душистая?

А. Пушкинъ.

Весна.

(*Формы глаголовъ прошедшаго времени замѣнить формою будущаго времени*).

Наступила весна; солнце согнало снѣгъ съ горъ и равнинъ; зазеленѣли верхушки поблеклой травы; распустились почки деревъ, и изъ нихъ выглянули молоденькіе листочки. Проснулась пчелка отъ глубокаго сна; она протерла себѣ глаза и пошла будить своихъ подругъ: онѣ отворили улей и стали смотрѣть, удалились ли враги ихъ: ледъ, снѣгъ и сѣверный вѣтеръ.

Правило.—*Будущее время показываетъ, что состояніе или дѣйствіе* **не теперь** *происходитъ и* **не прежде** *происходило, а только еще* **будетъ происходить.**

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать формы глаголовъ будущаго времени.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ.
Ну! тащися, сивка!
Я, самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ!
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю,—
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая:
Выйдетъ въ полѣ травка,—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выраститъ и колосъ,
Станетъ спѣть-рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ и косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою....
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю;
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Кольцовъ.

Правило. *Настоящее, прошедшее и будущее времена составляютъ* **изъявительное наклоненіе** *глагола.*

Урокъ 78 *).

I.

Повелительное наклоненіе.

Для объясненія.

Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ;

*) Этотъ урокъ можетъ быть раздѣленъ и на два урока.

Вѣдь сосѣди твои
Работають давно.
Встань, проснись, пробудись,
На себя погляди:
Что ты былъ и что сталъ,
И что есть у тебя?
  На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
  Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
  И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
  Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой!
  Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
  И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
  А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
  А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
  Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
  Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Правило. *Повелительное наклоненіе выражаетъ приказаніе или просьбу, или совѣтъ, или желаніе о томъ, чтобы дѣйствіе происходило или произошло.*

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать формы глаголовъ повелительнаго наклоненія.

Полно, степь моя, спать безпробудно.

Полно, степь моя, спать безпробудно:

Зимы—матушки царство прошло;
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной;
Снѣгъ пропалъ, и тепло, и свѣтло.
  Пробудись и умойся росою,
Въ неоглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.
  Полюбуйся: весна наступаетъ:
Журавли караваномъ летятъ;
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ;
  Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ, на просторѣ идутъ;
По груди у тебя полосами
Другъ за дружкою тѣни плывутъ.
  Скоро въ гости къ тебѣ соберутся—
Сколько гнѣздъ понавьютъ—посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской отъ зари до зари!
  Тамъ ужъ лѣто—ложись подъ косою,
Ковыль бѣлый, въ угоду косцамъ!
Подымайся, копна за копною!
Распѣвайте, косцы, по ночамъ!
  И тогда, при мерцаньѣ румяномъ
Ясныхъ зорекъ въ прохладные дни,
Отдохни, моя степь, подъ туманомъ,
Беззаботно и крѣпко усни!

Никитинъ.

II.

Сослагательное наклоненіе.

Для объясненія.

Я читалъ. Я читалъ бы.—Полетѣлъ бы я, да крыльевъ нѣтъ.—Если бъ зналъ, гдѣ упасть, такъ соломки подостлалъ бы.—Если бы не Богъ, кто бы

намъ помогъ.—Кабы хлѣбъ да одежа, ѣлъ бы лежа.—Былъ бы хлѣбъ, а зубы сыщутся.—Была бы голова на плечахъ, а хлѣбъ найдется.—Если бы солнце не согрѣвало землю, она бы не производила растеній.—Разсыпался бы дѣдушка, когда бы его не подпоясывала бабушка.

Правило. — *Сослагательное наклоненіе выражаетъ дѣйствіе или состояніе, которое не совершается и не совершилось, а представляется возможнымъ для совершенія, или которое только предполагается совершить.*

Сослагательное наклоненіе образуется чрезъ присоединеніе къ прошедшему времени **бы** *или* **бъ**.

Задача.

Въ слѣдующей баснѣ 1) указать глаголы сослагательнаго наклоненія и 2) глаголы прошедшаго времени обратить въ сослагательное наклоненіе.

Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему; „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье:
Велико ль, подлинно, твое умѣнье?“
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защёлкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу авроры:
Затихли вѣтерки; замолкли птичекъ хоры,

И прилегли стада;
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно“, говоритъ: „сказать не ложно,—
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился“.
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ.

III.

Неопредѣленное наклоненіе.

Для объясненія.

Всѣ движенія лебедя исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ, и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ.

С. Аксаковъ.

Правило.—*Неопредѣленное наклоненіе только называетъ дѣйствіе или состояніе, но не указываетъ, кто совершаетъ дѣйствіе, и когда дѣйствіе совершается. Неопредѣленное наклоненіе отвѣчаетъ на вопросъ:* **что дѣлать?** *или* **что сдѣлать?**

Задача.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать формы глаголовъ неопредѣленнаго наклоненія.

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ ничего нѣтъ смѣшного; но, какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка. *С. Аксаковъ.*

Передъ ужиномъ отецъ съ матерью ходили къ дѣдушкѣ и остались у него посидѣть. Насъ также было хотѣли сводить къ нему проститься, но бабушка сказала, что не надо его безпокоить, и что дѣтямъ пора спать. Оставшись одни въ новомъ своемъ гнѣздѣ, мы съ сестрицей принялись болтать. Я сообщилъ моей сестрицѣ, что мнѣ не весело въ Багровѣ, что я боюсь дѣдушки; что мнѣ хочется опять въ карету, опять въ дорогу и много тому подобнаго; но сестрица, плохо понимая меня, уже дремала и говорила такой вздоръ, что я смѣялся. Наконецъ, сонъ одолѣлъ ее: я позвалъ няню, и она уложила мою сестру спать на одной кровати съ матерью, гдѣ и мнѣ приготовлено было мѣстечко.

С. Аксаковъ.

Урокъ 79.

Измѣненіе глагола. I. Настоящее время.

Для объясненія.

Единственное число.

1 лицо.	Я	иду	(у)	Я	пою	(ю)
2 лицо.	Ты	идешь	(е-шь)	Ты	поешь	(е-шь)
3 лицо.	Онъ-а-о	идетъ	(е-тъ)	Онъ-а-о	поетъ	(е-тъ)

Множественное число.

1 лицо.	Мы	идемъ	(е-мъ)	Мы	поемъ	(е-мъ)
2 лицо.	Вы	идете	(е-те)	Вы	поете	(е-те)
3 лицо.	Они-ѣ	идутъ	(у-тъ)	Они-ѣ	поютъ	(ю-тъ)

Единственное число.

1 лицо.	Я	берусь	(у-сь)	Я	бьюсь	(ю-сь)
2 лицо.	Ты	берешься	(е-шь-ся)	Ты	бьешься	(е-шь-ся)
3 лицо.	Онъ-а-о	берется	(е-т-ся)	Онъ-а-о	бьется	(е-т-ся)

Множественное число.

1 лицо.	Мы	беремся	(е-м-ся)	Мы	бьемся	(е-м-ся)
2 лицо.	Вы	беретесь	(е-те-сь)	Вы	бьетесь	(е-те-сь)
3 лицо.	Они-ѣ	берутся	(у-т-ся)	Они-ѣ	бьются	(ю-т-ся).

Правила.—*Глаголы измѣняются по* **числамъ** *и* **лицамъ.**

Чиселъ два: **единственное**, когда глаголъ обозначаетъ дѣйствіе или состояніе одного предмета, и **множественное**, когда обозначается дѣйствіе или состояніе многихъ предметовъ.

Лицъ для обоихъ чиселъ **три**: 1-е, когда глаголъ показываетъ дѣйствіе или состояніе того, кто говоритъ; 2-е, когда показывается дѣйствіе или состояніе того, кому говорятъ; 3-е, когда показы-

вается дѣйствіе или состояніе того, про котораго говорятъ.

При 1 лицѣ ставится мѣстоименіе **я**, **мы**, при 2—**ты**, **вы**, при 3—**онъ**, **она**, **оно**; **они**, **онѣ**.

Окончанія глагола въ настоящемъ времени.

Единственное число.

1 лицо оканчивается на **у** или **ю**. Къ окончанію **у** или **ю** нѣкоторыхъ глаголовъ можетъ прибавляться сокращенное возвратное мѣстоименіе **сь** (=себя); это мѣстоименіе съ глаголомъ всегда пишется слитно: беру**сь**, бью**сь**.

2 лицо оканчивается на **шь**. Передъ **шь** можетъ стоять буква **е** (**ид-е-шь**), которая черезъ **ѣ** не пишется. Въ иныхъ глаголахъ послѣ **шь** прибавляется сокращенное мѣстоименіе **ся**, которое съ глаголомъ пишется слитно. При этомъ **ь** послѣ **ш** передъ **ся** всегда пишется: **берешься**.

3 лицо оканчивается на **тъ**. Передъ окончаніемъ можетъ быть буква **е** (**ид-е-тъ**). Если къ 3 лицу прибавляется сокращенное мѣстоименіе **ся**, то послѣ **т** твердый знакъ (**ъ**) не пишется: **берется**.

Множественное число.

1 лицо оканчивается на **мъ**. Когда присоединяется къ **мъ** мѣст. **ся**, то **ъ** не пишется: **беремся**.

2 лицо оканчивается на **те**; послѣ **т** пишется **е**, а не **ѣ**. Сокращенное мѣстоименіе **сь**, если оно прибавляется, пишется слитно: **беретесь**.

Если въ единственномъ числѣ передъ окончаніями стояла буква **е** въ глаголѣ, то эта буква находится и во множ. числѣ передъ окончаніями 1 и 2 лица—**е-мъ**, **е-те**: **беремъ**, **берете**.

Глаголы, у которыхъ передъ окончаніями 2-го и 3-го ед. ч. и 1-го и 2-го мн. ч. стоитъ буква

е, предъ окончаніемъ 3 лица **тъ** имѣютъ буквы **у** или **ю**. Передъ **ся**, если оно къ 3 лицу прибавляется, ъ не пишется: **берутся, бьются**.

Окончанія въ глаголѣ для лицъ называются **личными** окончаніями (**у** или **ю**, **шь**, **тъ**, **мъ**, **те**, **тъ**), а буквы **е**, **у** или **ю** соединительными гласными.

Измѣненіе глагола по лицамъ и числамъ называется **спряженіемъ**.

Спряженій два. Тѣ глаголы, которые передъ окончаніями 2-го и 3-го ед. числа, 1-го и 2-го мн. ч. имѣютъ букву **е**, а въ 3 л. множ. ч. **у** или **ю**, относятся къ **1** спряженію.

Задача 1.

Прибавить личныя окончанія и соединительные гласные къ глаголамъ въ слѣд. примѣрахъ.

Дать.	**Гнуться.**	**Брать.**	**Литься**
Я да..	я гн..	я бер..	я ль..
Ты да..	ты гн..	ты бер..	ты ль..
Онъ да..	онъ гн..	онъ бер..	онъ ль..
Мы да..	мы гн..	мы бер.	мы ль..
Вы да..	вы гн..	вы бер..	вы ль..
Они да..	они гн..	они бер..	они ль..

Везти.	**виться**	**Гнить.**	**Трястись.**
я вез..	я вь..	я гні..	я тряс..
ты вез..	ты вь..	ты гні..	ты тряс..
онъ вез..	онъ вь..	онъ гні..	онъ тряс..
мы вез..	мы вь..	мы гні..	мы тряс..
вы вез..	вы вь..	вы гні..	вы тряс..
они вез..	они вь..	они гні..	они тряс..

Задача 2.

Проспрягать въ настоящемъ времени слѣдующіе глаголы: жать, расти, мяться, плестись.

Задача 3.

Доказать, что 1-го спряженія слѣдующіе глаголы: ковать, грызть, пить, грести, везти, лгать, плести, мести, ползти, брести, сѣчь, клевать, плевать, рвать, драть, тереть, нестись, пастись, жечься, клясться.

Урокъ 80.

I

Глаголы, у которыхъ въ настоящемъ времени ясно слышится предъ окончаніемъ тъ у или ю и неясно звукъ е предъ другими личными окончаніями.

Для объясненія.

Сказать въ 3 множ. числѣ и въ остальныхъ лицахъ настоящаго времени слѣдующіе глаголы: читаю, умываюсь, утираюсь, гасну, играю, кланяюсь, спѣшу, дѣлаю, удивляюсь, вяну, гуляю, стараюсь, сохну, стрѣляю, торгуюсь, мерзну, помогаю, купаюсь, одѣваюсь.

Правило. — *Иногда въ глаголахъ 1-го спряженія въ настоящемъ времени предъ личными окончаніями звукъ* **е** *ясно не выговаривается: можно сказать или написать вмѣсто* **е** *букву* **и**. *Такой сомнительный глаголъ слѣдуетъ поставить въ 3 лицѣ множ. числа: если онъ въ 3 л. оканчивается на* **тъ** *и предъ окончаніемъ ясно слышится* **у** *или* **ю**, *то значитъ передъ личными окончаніями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. должна стоять буква* **е**.

Задача

Провести по всѣмъ лицамъ настоящаго времени слѣдующіе глаголы: бѣгаю, нагибаюсь, выздоравливаю, вѣшаю, украшаюсь, вяжу, укладываюсь, глотаю, здороваюсь, мокну, пахну, помогаю, волнуюсь, вздыхаю, рисую, касаюсь.

II.

Глаголы съ буквою ѣ въ настоящемъ времени.

Для объясненія.

Изъявительное наклоненіе. Настоящее время.

Единственное число.

1 л.	Я влад-ѣ-ю	богат ѣ ю	блѣдн ѣ ю
2 л.	Ты влад-ѣ-е-шь	богат-ѣ-е-шь	блѣдн-ѣ е-шь
3 л.	Онъ-а-о влад-ѣ-е-тъ	богат-ѣ-е-тъ	блѣдн ѣ-е-тъ

1 л.	Я гр-ѣ—юсь	видн-ѣ—юсь	стар-ѣ—юсь.
2 л.	Ты гр-ѣ-е-шься	видн-ѣ-е-шься	стар-ѣ-е-шься.
3 л.	Онъ-а-о гр-ѣ е-тся	видн-ѣ-е-тся	стар-ѣ-е-тся.

Множественное число.

1 л.	Мы влад-ѣ-е-мъ	богат-ѣ-е-мъ	блѣдн-ѣ-е-мъ
2 л.	Вы влад-ѣ-е-те	богат-ѣ-е-те	блѣдн ѣ-е-те
3 л.	Они-ѣ влад-ѣ-ю-тъ	богат-ѣ-ю-тъ	блѣдн-ѣ-ю-тъ

1 л.	Мы гр-ѣ-е-мся	видн-ѣ-е-мся	стар-ѣ-е-мся
2 л.	Вы гр-ѣ-е-тесь	видн-ѣ-е-тесь	стар ѣ-е-тесь
3 л.	Они ѣ гр-ѣ-ю-тся	видн-ѣ-ю-тся	стар-ѣ-ю-тся

Правило.—*Если въ формѣ 1 л. ед. ч. настоящаго времени предъ окончаніемъ глагола слышится*

звукъ е, *то онъ пишется черезъ* ѣ; *) *это* ѣ *удерживается и въ остальныхъ лицахъ единственнаго и множеств. чиселъ. То же правило относится и къ глаголамъ, къ которымъ присоединяется мѣстоимѣніе* ся.

Задача 1.

Проспрягать въ настоящемъ времени слѣдующіе глаголы: зрѣть, толстѣть, сѣдѣть, болѣть, жалѣть, робѣть, худѣть, дряхлѣть, говѣть, потѣть, молодѣть, полнѣть, умѣть, смѣлѣть, грубѣть, жирѣть, тучнѣть, цѣпенѣть.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

На двор.. игра..т.., свищ..т.. в..юга злая.— Тройка мчится, тройка скач..т..,—в .т...ся пыл.. изъ-подъ копытъ; колокол..ч..къ звонко плач..тъ и хохоч..т.., и визжитъ.—Вѣсти несут..ся по св..ту съ прибавкой.—За спросъ денегъ не берут..—Безъ рукъ, безъ ногъ, а рисовать ум..т.. (морозъ).—Вс..мъ м..ромъ Богъ влад..т..—Подъ л..д..ной своей к..рой руч..й нѣм.т.., вс.. цѣпен..т..—Утихла буря; сво..ъ неб..съ межъ дымныхъ туч.. уже св..тл.т.., и аромат..мъ дышитъ л..съ, и какъ св..жо съ полян.. вѣ..т..!—Ѣд..ш.. на день, бери хл..ба на нед..лю.— Что нажива..ш.., то и прожива..ш .—Что с..ш.., то и жнеш.—Надъ ч..мъ ты см..ш..ся?—Вы хорошо уже чита..т.., но разсказыва..т.. еще плохо.—Выш.. лба уши не растут..—Не ум..ш.. пѣть, въ запѣвалы не суйся.—Я съ радост..ю узналъ, что ты уже но-

---

*) За исключеніемъ глаголовъ брею, клею

правля...ш...ся послѣ бол..зни и собира..ш..ся пріѣхать ко мн.. въ деревню.—Что им..мъ, не хр..нимъ, потеря..в..—плач..м..—Наша няня необыкновенно интересно ум...т.. разсказывать. Каждый день вечеромъ мы вс.. собира..м..ся въ е.. комнат.. и съ удовол..ствіемъ слуша..м.. е.. чудесн.. сказки.—Ч.. вы меч..т..сь во вс.. стороны?—Что вы ищ..т..?—Къ добру пріучают..ся добр..мъ прим..р..мъ.—Игриво жаворонокъ в...т..ся съ весел..й пѣсенкой своей; повсюду пѣсня раздает.ся средь зеленѣющихъ пол..й.—Наша р..ка л..томъ такъ мел...т.., что е.. можно перейти, поч...ти не замочивши ногъ.—Между умными умн..ют.., между глупыми глуп..ют..—

Урокъ 81.

Второе спряженіе.

Для объясненія.

Изъявительное наклоненіе. Настоящее время.

Единственное число.

1 л.	Я	леж—у	сто- ю	верч- усь	бодр- юсь
2 л.	Ты	леж-и-шь	сто-и-шь	верт-и-шься	бодр-и-шься
3 л.	Онъ-а-о	леж-и-тъ	сто-и-тъ	верт-и-тся	бодр-и-тся

Множественное число.

1 л.	Мы	леж-и-мъ	сто-и-мъ	верт-и-мся	бодр-и-мся
2 л.	Вы	леж-и-те	сто-и-те	верт-и-тесь	бодр-и-тесь
3 л.	Они-ѣ	леж- а-тъ	сто- я-тъ	верт- я-тся	бодр- я-тся.

Правило.—*Ко 2 спряженію относятся тѣ глаголы, которые въ 3 лицѣ множ. числа наст. времени предъ окончаніемъ* **тъ** *имѣютъ букву* **а** *или* **я**, *а остальныя лица (кромѣ 1 ед. числа) имѣютъ передъ личными окончаніями гласную* **и**.

Примѣчаніе. Правила правописанія личныхъ окончаній въ настоящемъ времени 2 спряженія такія же, какъ и въ 1 (см. урокъ 79).

Задача 1.

Проспрягать въ настоящемъ времени слѣдующіе глаголы: кричать, шалить, говорить, молчать, пищать, грозиться, глядѣться, дружиться, стучаться.

Задача 2.

Указать глаголы 1 и 2 спряженія и объяснить правописаніе окончаній.

Утро въ деревнѣ.

Край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ; виднѣй дорога; яснѣетъ небо; бѣлѣютъ тучки; зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины; за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгорается; вотъ уже золотыя полосы потянулись по небу; въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; передразсвѣтный вѣтеръ подулъ, и тихо всплываетъ багровое солнце.

Тургеневъ.

Плачъ Ярославны.

Звучный голосъ раздается Ярославны молодой; стономъ горлицы несется онъ предъ утренней зарей: „Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный! что ты воешь и свистишь? Для чего ты окрыляешь вражьи стрѣлы? Для чего цѣлой тучей насыпаешь ихъ на друга моего? Иль тебѣ ужъ на просторѣ тѣсно вѣять въ облакахъ, корабли на синемъ морѣ мчать, лелѣять на волнахъ? Солнце, солнце золотое, солнце свѣтлое мое! согрѣвая всѣхъ собою, льешь сіяніе свое. Для

чего же ты сжигаешь войско друга моего? для чего ты ихъ терзаешь въ полѣ жаждой?.. Такъ въ Путивлѣ, изнывая, на стѣнѣ городовой, Ярославна молодая горько плачетъ предъ зарей.

Кукушка и пѣтухъ.

«Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»
— «А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»—
«Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова!»
— «А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобы начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ: собою не велички,
А пѣсни—что твой соловей!»—
«Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я».
Тутъ соловей, случась, промолвилъ имъ: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,—
Все ваша музыка плоха!»

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Урокъ 82.

Прошедшее время.

Для объясненія.

Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;

Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Ѳ. Туманскій.

Рѣка вечеромъ.

Солнце склонялось къ западу; вечерѣло. Поверхность рѣки блистала розовымъ свѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перелетѣлъ съ одного берега на другой и сѣлъ на пригоркѣ; бѣлая чайка, блестя въ воздухѣ крыльями, носится надъ водою, стараясь высмотрѣть, не мелькнетъ ли гдѣ серебристая рыбка. Солнце уже сѣло; на западѣ зардѣлась заря. Рѣка блестѣла и сверкала, какъ растопленное золото. Потянуло прохладой; кое-гдѣ потемнѣло; а подъ ивами, свѣсившимися надъ водой, уже совершенно темно. Свѣтъ все блѣднѣетъ и блѣднѣетъ; рѣка темнѣетъ и чернѣетъ. Ночь близка.

Правила.—*Прошедшее время не имѣетъ личныхъ окончаній, какъ настоящее, а* **родовыя**: *въ единственномъ числѣ для муж. рода* **ъ**, *для женскаго* **а** *и для средняго* **о**,—*во множ. числѣ для всѣхъ родовъ*—**и**. *Предъ родовыми окончаніями находится буква* **л**. *Лица въ прошедшемъ времени обозначаются личными мѣстоименіями. Если стоитъ предъ окончаніемъ наст. времени* **ѣ**, *то эта буква удерживается въ прошедшемъ времени предъ* **л-ъ, л-а, л-о, л-и**.

Задача 1.

Проспрягать въ прошедшемъ времени глаголы: темнѣю, синѣю, чернѣюсь, зрѣю, свѣтлѣю, тускнѣю, рдѣюсь, говѣю, алѣю, желтѣюсь, сырѣю, пестрѣю,

багровѣю, грѣюсь, твердѣю, черствѣю, грубѣю, коченѣю, плѣснѣю.

Задача 2.

Поставить пропущенныя буквы.

На солнц... т..мный л..съ зард..лъ; въ долин. паръ бѣл...т. тонкій, и п..сню ранн.. зап..лъ въ лазур.. жаворонокъ звонкій.—Богъ терп..лъ да и намъ велѣлъ.—Кто сроб..лъ,—пропалъ.—Посин..лъ, какъ на льду посид..лъ.—Кабы лиса не подосп..ла, то бы овца волка с...ла.—Журвл.. прилет..лъ и теплын.. принесъ.—Гдѣ солнц.. пригр..ло, тамъ и вода при мел..ла.—Привелъ лош..д.. ковать, когда кузня сгор..ла.—Наш.. пострѣлъ вездѣ посп. лъ.—Сп..ла бы и ры..ка п..сенку, когда бъ голо..ъ былъ.—Налет. лъ острый топоръ да на кр...кій сукъ.—Рано пташечка зап.ла, какъ бы кошеч..ка не с...л..—Солнц.. с..ло. Внутренност.. лѣса постепенно т..мн..т.. Вотъ и самы.. верхушки потускн..ли; румян.. небо син..т. Въ посл..дній разъ прозвеп..лъ звонкій г..л..сокъ пѣноч..к.. Вс.. птицы заснули.—Загуд..лъ в..теръ, зашум..лъ лѣсъ, заблест..ли молніи, загрем..лъ громъ, и страшный ливен.. обрушился на окрестности. — Опуст..ли злачны нивы; лѣсъ кудрявый пос..д..лъ; сводъ неб..сный поблѣдн..лъ.—Въ ноч.. погода зашум..ла, взволновал..ся р..ка; ужъ лучина догорѣл.. въ дымной хат.. мужика.—Попрыгунья стрекоза л..то красное проп..л.., огл..нуться не усп..ла, какъ зима катитъ въ гл.за.—Лягушка пыхт..ла да пыхт..ла, и кончила на томъ, что съ натуг.. лопнул.. и окол..л..—

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКИ IV—V.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ IV—V ВЫПУСКОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

44-й год изд. — въ 1904 году — 44-й год изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.,» вступая въ 44-й годъ своего существованія и 6-й годъ изданія подъ новой редакціей, будетъ вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ,—быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по назрѣвшимъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Въ 1904 году, по просьбѣ нѣкоторыхъ педагоговъ, будутъ помѣщаться открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,—вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя для него научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ болѣе широкаго распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ «Филол. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками шесть разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки, контора «Фил. Зап.» покорнѣйше проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обращаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 г.г. 7 р. съ пер. за шесть вып. Желающимъ пріобрѣсти «Фил. Зап.» сразу за нѣсколько лѣтъ дѣлается значительная уступка.—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к.

съ пер., за 1899, 1900 и 1901, 1902, 1903 года вмѣсто 7 р.—6 р. 65 к. съ пер., за границу вмѣсто 8 р.—7 р. 60 к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска 2 р. 20 к. съ пер., брошюры со скидкою 10%.

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ журнала: «Филологическ. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.», слѣдующая: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Редакторы*) { С. Н. Прядкинъ. Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

---

*) Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—Верхне-Стрѣлецкая ул., домъ Рыбиной, № 18.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„Филологическихъ Записокъ".

Вслѣдствіе не разъ возникавшихъ недоразумѣній по поводу заявленій нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ, обращающихся непосредственно къ редакторамъ журнала: «Ф. З.», относительно, напр., задержки вып. журнала или оттисковъ авторскихъ статей и пр., мы честь имѣемъ заявить, что вся матеріальная часть по веденію дѣла изданія «Ф. З.» всецѣло принадлежитъ намъ, издательницамъ-наслѣдницамъ основателя «Ф. З.» А. А. Хованскаго.

Всѣ расходы по изданію, какъ-то: уплата за бумагу, печатаніе выпусковъ журнала и оттисковъ статей, брошюровка и почтовый расходъ, пріемъ подписки, разсылка журнала и оттисковъ, условія съ книжными магазинами и редакціями изданій, веденіе редакціонныхъ книгъ, корректура, корреспонденція по изданію журнала и пр.,—все это находится въ вѣдѣніи нашемъ, почему покорнѣйше просимъ съ запросами, требованіями и заявленіями обращаться или въ контору редакціи, или лично къ намъ, издательницамъ, а не къ редакторамъ, отвѣтственнымъ только за содержаніе журнала, его программу и направленіе.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Очерки римской миѳологіи *)

(по Преллеру)

Отдѣлъ третій.

VII. Венера и родственныя съ ней божества.

Большимъ распространеніемъ въ Италіи пользовался культъ богини весны, цвѣтовъ, нѣги и вообще земныхъ радостей; та же богиня почиталась божествомъ источниковъ, любви, женской граціи и, наконецъ, гражданскаго общежитія и порядка, что придавало ей этико-политическій характеръ. Источники, рощи и сады были главнымъ мѣстомъ, гдѣ происходило чествованіе этой богини, справлявшееся въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ. Въ виду ея близкаго сходства съ греческой Афродитой и отчасти съ Персефоной, образъ ея, подъ вліяніемъ эллинизма, слился съ образомъ выше названныхъ греческихъ богинь. Божество это почиталось и призывалось въ молитвословіяхъ подъ слѣдующими именами.

1) Феронія (Feronia).

Культъ Ферòніи встрѣчается главнымъ образомъ у сабинцевъ, умбровъ и этрусковъ, а также у

*) Продолж. См. в.в. I и V за 1902 г. и в. II за 1903 г.

латинцевъ и вольсковъ. Сабинскимъ божествомъ называетъ ее Варронъ [67]). Таковымъ же является Феронія и въ разсказѣ Т. Ливія и Діонисія о войнѣ царя Тулла Гостилія съ сабинцами [68]). Причиной этой войны послужило задержаніе въ качествѣ военно-плѣнныхъ римскихъ гражданъ, прибывшихъ на праздникъ Феронія. При этомъ Діонисій замѣчаетъ, что святилище сабинской Феронія пользовалось одинаковымъ почетомъ какъ среди сабинцевъ, такъ и у латинцевъ, и что греки имя этой богини переводили словами Ἀνθηφόρος и Φιλοστέφανος, а также Περσεφόνη. Уже однимъ сближеніемъ Феронія съ греческой Персефоной, которая, какъ извѣстно, была божествомъ весны и смерти, указывается на ея родство съ Флорой, Либерой и Венерой. На ежегодно справлявшееся торжество сабинской Феронія стекалось большое множество народа какъ для жертвоприношеній, такъ и для торговыхъ сдѣлокъ; сюда сходились поселяне, ремесленники и купцы. Святилище Феронія находилось при сабинскомъ городѣ, носившемъ имя Trebula Mutusca. Феронія изображалась юной, цвѣтущей богиней; голову ея украшали вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. По свидѣтельству сохранившихся надписей святилища Феронія находились и въ другихъ городахъ и поселеніяхъ сабинянъ въ средней Италіи, какъ, напр.: въ Амитернѣ, въ Авеѣ (Aveja), въ Септемпедѣ, городѣ пиценовъ, и въ Пизаврумѣ у умбровъ. Въ области этрусковъ храмъ Феронія (lucus Feroniae) лежалъ у подножія горы Соракта. Все окрестное населеніе этой мѣстности обыкновенно приносило въ даръ богинѣ начатки земныхъ плодовъ (primitiae) и другіе священные подарки,

---

67) Varro, l. l. V, 74.

68) T. L. I, 30, 4 сл.; Dionys. III, 32.

вслѣдствіе чего въ храмовомъ казнохранилищѣ скопилось много золота и серебра, которое досталось потомъ въ добычу войску Ганнибала во время его отступленія [69]).

Феронія чтилась въ этомъ мѣстѣ вмѣстѣ съ Аполлономъ Соранскимъ; общее ихъ чествованіе приходилось весной. Феронія почиталась здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, покровительницей и защитницей вольноотпущенниковъ подъ прозвищемъ Либеры (Libera), а потому римскіе libertini приносили въ ея святилище, какъ ближайшее къ Риму, свои дары. Внутри Этруріи существовало еще другое святилище Фероніи, также извѣстное подъ именемъ lucus Feroniae, позднѣе названное Petra Sancta. Далѣе, по свидѣтельству надписей, во Флоренціи, какъ и въ Веронѣ, тоже существовалъ культъ Фероніи, патронессы вольноотпущенниковъ. Среди латинцевъ Феронія чтилась въ Пренестѣ, какъ на это указываетъ мѣстное сказаніе, называющее ее матерью Герила (Herilus), котораго, по словамъ Вергилія, умертвилъ Эвандръ [70]). Наконецъ, въ прибрежной области вольсковъ, вблизи города Таррацины, находилось прославленное народными легендами древнее святилище Фероніи въ сосѣдствѣ съ живописной рощей и источникомъ, о которомъ упоминаетъ Горацій [71]). Въ этой мѣстности Феронія имѣла общій культъ съ Юпитеромъ Анксуромъ, при чемъ первая чтилась, какъ вешнее, благодѣтельное божество долинъ, а Юпитеръ, какъ богъ высотъ и солнца [72]). Сервій въ примѣчаніи къ Aen

---

[69]) T. L. XXVI, 11, 9; Sil. Ital. Pun. XIII, 84.

[70]) Verg. Aen. VIII, 564, сл. Nascenti cui (Herilo) tris animas Feronia mater—dederat, terna arma movenda.

[71]) Horat. Sat. I, 5, 24.

[72]) Verg. Aen. VII, 799, сл.

VIII, 564, сообщаетъ, что эта кампанская нимфа, какъ онъ называетъ Феронію, богиню источниковъ, также считалась покровительницей вольноотпущенниковъ; въ ея храмѣ имъ обрѣзывали волосы и надѣвали шляпы, какъ символъ пріобрѣтенной ими свободы. Въ этомъ святилищѣ находилась каменная скамья съ надписью: Bene meriti servi sedeant, surgent liberi.

2) Флора (Flora).

Флора, какъ и Феронія, божество туземнаго, древне-италійскаго происхожденія, была особенно почитаема сабинцами и вообще жителями средней Италіи. Варронъ называетъ ее среди божествъ, введенныхъ въ Римъ царемъ Т. Таціемъ [73]). Ея культъ, а также и мѣсяцъ Флоры, соотвѣтствующій мѣсяцамъ апрѣлю и маю, мы встрѣчаемъ въ областяхъ, населенныхъ сабинцами, марсами и самнитянами. Флора—богиня цвѣтенія и цвѣтовъ въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ; всякій процессъ цвѣтенія приписывается божественному дѣйствію Флоры, будь то на пашняхъ или въ виноградникѣ, на оливковой плантаціи или въ фруктовомъ саду,—будь то при броженіи вина въ бочкахъ и меда, какъ самаго нѣжнаго продукта цвѣтовъ, или, наконецъ, (въ переносномъ значеніи) въ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ и радостяхъ человѣческой жиз-

---

[73]) Varro, l. l. V, 74.

ни [74]). Поэтому Флору чтили въ городахъ и по деревнямъ, какъ богиню—матерь (Mater Flora) весны и полевыхъ плодовъ; она же считалась подательницей благихъ надеждъ женщинамъ и успѣховъ ихъ у мужчинъ, приближаясь, конечно, въ послѣднемъ отношеніи по своему характеру болѣе къ Венерѣ, чѣмъ къ Юнонѣ. Поэтому въ народныхъ представленіяхъ она, подобно Аккѣ Лавренціи, изображается «милой шалуньей», и въ этомъ смыслѣ создалось о ней множество легендъ [75]). Праздникъ ея сопровождался необузданнымъ разгуломъ и вольностями, напоминавшими Сатурналіи. Для ея культа въ Римѣ былъ учрежденъ особый фламинъ, flamen Floralis [76]), и существовало два храма Флоры, изъ которыхъ одинъ, сабинскаго происхожденія, лежалъ на Квириналѣ, другой, сооруженный одновременно съ учрежденіемъ Флоральскихъ игръ, находился вблизи святилища Цереры, у Большого цирка (Circus Maximus). Культъ Флоры существовалъ въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ и первоначально ограничивался однимъ жертвоприношеніемъ, совершавшимся около времени цвѣтенія посѣвовъ, когда являлось опасеніе за нихъ отъ хлѣбной ржи [77]). Но уже вскорѣ, по окончаніи первой Пу-

---

[74]) Ovid. F. V, 261 и сл.; ср. Lactant. I, 20, 7: Deam finxerunt esse, quae floribus praesit, eamque oportere placari, ut fruges cum arboribus aut vitibus bene prospereque florescerent."

[75]) Lactant: I, 20, 5: Flora, quum magnas opes ex arte meretricia quaesivisset, populum scripsit heredem certamque pecuniam reliquit, cujus ex annuo foenore suus natalis dies celebraretur.

[76]) Varro, l. l. VII, 45.

[77]) Varro, r. r. I, 1: Quatro Robigum ac Floram, quibus propitiis neque rubigo frumenta atque arbores corrumpit, neque non tempestive florent. Ср. Plin: H. N. XVIII, 29, 69.

нической войны (въ 240 или въ 238 г. до Р. Х.), были установлены особыя игры въ честь Флоры, очень любимыя простымъ народомъ, но въ то же время отличавшіяся крайней разнузданностью.

По поводу ихъ возникновенія Овидій и Тацитъ сообщаютъ, что оба Публиція, отъ которыхъ получилъ свое имя Clivus Publicius, будучи плебейскими эдилами, основали Флоральскія игры и заложили храмъ Флоры, что при большомъ циркѣ (Circus Maximus [78]). Въ первое время Floralia не справлялись регулярно каждый годъ; только съ 173 г. до Р. Х. по причинѣ неурожая, случившагося въ этомъ году, что приписали гнѣву богини за небреженіе къ ея играмъ, послѣднія стали справляться ежегодно. Эти игры, подобно играмъ въ честь другихъ боговъ, постепенно всё болѣе и болѣе расширялись, состоя изъ цирковыхъ и сценическихъ зрѣлищъ, и продолжались (съ 28 апрѣля) по 3-е мая [79]). Въ этихъ играхъ, организація которыхъ составляла одну изъ главнѣйшихъ обязанностей курульныхъ эдиловъ [80]), отмѣчается одна характерная особенность, именно, что танцовщицы не только выступали на сцены, но по требованію народа совершенно разоблачались и въ такомъ видѣ продолжали исполнять свои танцы. Вообще, дни Флоралій, какъ уже было сказано, сопровождались крайне разнузданнымъ весельемъ, неприличными вольностями и непристойными шутками. Существовалъ также

[78]) Ovid. F. V, 277 и сл. Tacit. Ann. II, 49. По свидѣтельству Веллея Патеркула (I, 14, 18) и Плинія (XVIII, 29, 69) Floralia учреждены ex oraculis Sibyllae, ut omnia bene deflorescerent.

[79]) Ovid. F. V, 185.

[80]) Cic. in. Verr. V, 14, 36.

обычай, встрѣчающійся и при отправленіи другихъ праздниковъ, но особенно практиковавшійся во время Флоралій, именно, обычай бросать въ толпу горохъ и бобы, составлявшіе обычную пищу простого народа [81]), при чемъ происходила борьба, такъ какъ каждый спѣшилъ наполнить ими свои карманы. Происходило и состязаніе въ бѣгѣ, участники котораго держали въ рукахъ букеты изъ розъ и быстротой бѣга символически выражали скоротечность земныхъ радостей [82]).

Роза по преимуществу передъ всѣми другими цвѣтами служила эмблемой весны и радостей жизни, доказательствомъ чему служитъ обычное употребленіе розъ въ Италіи при разнообразныхъ обстоятельствахъ частной и общественной жизни. Въ императорскій періодъ Рима праздникъ Флоры справлялся съ особенной пышностью, при чемъ не щадили расходовъ для доставленія удовольствій простому народу [83]).

3) **Венера** (Venus).

По свидѣтельству римскихъ ученыхъ антикваріевъ, Цинція и Варрона, имя Венеры не встрѣчается ни въ пѣсняхъ Саліевъ, ни въ другихъ

---

[81]) Pers. V, 177.

[82]) Philostr. Ep. 55, p. 360, Kayser: Эросъ любитъ розы, но и эросъ и розы—скоропреходящи: Ἐχθρὸς γὰρ ὁ θεὸς καὶ τῇ κάλλους ὀπώρᾳ καὶ τῇ ῥόδων ἐπιδημίᾳ. εἶδον ἐν ῥώμῃ τοὺς ἀνθοφόρους τρέχοντας καὶ τῷ θάλει μαρτυροῦντας τὸ ἄπιστον τῆς ἀκμῆς.

[83]) Sveton: Galba, 6.

оффиціальныхъ молитвословіяхъ времени царей, изъ чего слѣдуетъ заключить, что общественное почитаніе въ Римѣ богини съ именемъ Венеры принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. Но такой выводъ былъ бы не вполнѣ правильнымъ, такъ какъ культу Венеры нельзя отказать въ болѣе глубокой древности, при чемъ можно предположить, что Венера была почитаема подъ инымъ именемъ, ибо имя Venus есть только одно изъ многочисленныхъ названій, придававшихся женскому божеству весны и вегетативной силы природы, и, именно, среди латинцевъ культъ ея былъ распространенъ въ многоразличныхъ формахъ, подобно культу Фероніи у сабинцевъ и родственныхъ имъ народовъ. При этомъ слѣдуетъ сказать, что какъ среди латинцевъ, такъ позднѣе и въ Римѣ Венера представляла не только обоготвореніе производительной силы природы и половой любви, но также была божествомъ, созидающимъ общественную жизнь, откуда она получила этическое значеніе богини Согласія (Concordia). Этимъ нужно объяснить важное значеніе ея культа для латинскаго союза, что въ свою очередь было причиной отождествленія съ теченіемъ времени Афродиты, божества восточно-греческаго происхожденія, при посредствѣ Сициліи и южной Италіи, съ древне-латинской и италійской Венерой. И такимъ образомъ легенда объ Энеѣ, троянскомъ героѣ, сынѣ Идейской Афродиты, проникла въ преданія латинскаго союза. Самое имя Venus также туземное, италійское, корень котораго ven означаетъ любить, страстно желать, быть благосклоннымъ. Того же корня, вѣроятно, и греческое οἶνος, vinum. Въ санскритѣ vana значитъ пріятный, милый (ср. лат. venustus). Согласно такой этимологіи Venus - прекрасная, красивая, милая и для всѣхъ желанная богиня весны, цвѣтовъ и

всякой естественной, природной красоты, подобно Фероніи, Флорѣ, Либерѣ и другимъ подобнымъ божествамъ. Прежде чѣмъ имя Венеры стало въ Римѣ общеупотребительнымъ, она называлась Murcia, Cloacina и Libitina. У племенъ, говорившихъ на оскомъ нарѣчіи, та же богиня носила имя Herentatis, этимологически родственное слову herest (volet) и санскритскому hr— брать. слѣдовательно, означала божество страстей, сильныхъ пожеланій, какъ Voluptas, Volupia, а также Volumnus и Voleta, каковыя названія мы встрѣчаемъ въ индигитаментахъ. Оская Herentatis служитъ намъ объясненіемъ имени Ферентины (Ferentina) [84]), латинской богини источниковъ и покровительницы латинскаго союза, которая такимъ образомъ по своему характеру та же Venus. Роща, посвященная Ферентинѣ (lucus Ferentinae), и источникъ ея имени (Caput Ferentinae), находившіеся въ живописной долинѣ, у подошвы Альбы-Лонги, служили мѣстомъ общихъ собраній членовъ латинскаго союза со времени организаціи послѣдняго Тарквиніями [85]). Какъ божество латинскаго союза, Венера встрѣчается также въ Ардеѣ и въ Лавиніумѣ, городахъ, изъ которыхъ преданіе ведетъ начало союзу, и гдѣ находились древнѣйшія святилища латинцевъ. Какъ въ древнемъ союзномъ городѣ Лавиніумѣ, такъ и вблизи Ардеи существовалъ храмъ Венеры, куда собирались латинцы для совѣщаній о союзныхъ дѣлахъ [86]).

---

[84]) Буквы H и F часто замѣняютъ одна другую въ италійскихъ діалектахъ.

[85]) T. L. I, 50—52.

[86]) Strabo, V, 232: ἀνὰ μέσον τούτων τῶν πόλεων ἐστὶ τὸ Λατίνιον, ἔχον κοινὸν τῶν Λατίνων ἱερὸν Ἀφροδίτης, ἐπιμελοῦνται

Сюда, какъ кажется, раньше всего проникъ культъ Афродиты и вмѣстѣ съ нимъ сказаніе объ Энеѣ. Въ Альбѣ—Лонгѣ и въ Габіяхъ также съ давнихъ временъ существовало почитаніе Венеры, что́ видно изъ того, что альбанскій родъ Юліевъ считалъ Венеру своимъ родовымъ божествомъ; культъ же Габинской Венеры занималъ очень видное мѣсто въ Лавиніумѣ и въ Римѣ.

Преданіе о томъ, что Эней привезъ съ собой въ Лаціумъ изъ Сициліи изображеніе своей матери, служитъ указаніемъ на древній культъ этого изображенія, существовавшій у горы Эрикса въ Сициліи и получившій впослѣдствіи такое же значеніе для Ардеи и Лавиніума, какое имѣлъ извѣстный палладіумъ въ Римѣ и въ Лавиніумѣ, на ряду съ другими древними изображеніями боговъ изъ дерева по образцу греческихъ. Слѣды вліянія греческой и финикійской Афродиты слѣдуетъ относить къ болѣе ранней эпохѣ, такъ какъ эта богиня чтилась, между прочимъ, и какъ морское божество, и ея культъ былъ распространенъ въ различныхъ прибрежныхъ мѣстахъ Средиземнаго моря. Эрицинская Венера, родственная по своему характеру финикійской и малоазійской Венерѣ Ураніи, очень рано стала извѣстной грекамъ и этрускамъ въ Италіи.

Въ Римѣ было три древнихъ святилища Венеры, именно: святилище Мурціи, Клоацины и Либитины. Имя Murcia одного корня съ глаголомъ m u l c e r e—р а з м я г ч а т ь, и з н ѣ ж и в а т ь [87]). Отъ того же корня

αὐτοῦ διὰ προπόλων 'Αρδεᾶται.... ὑπερκεῖται δὲ τούτων ἡ 'Αρδέα— ἔστι δὲ καὶ ταύτης πλησίον 'Αφροδίσιον, ὅπου πανηγυρίζουσι Λατῖνοι.

[87]) Ср. murcus и murcidus; см. Serv. V. A. VIII, 636 и ugust. C. D. IV, 16. Quae (Murcia)—faceret hominem, ut ait Pomponius, murcidum, i. e. nimis desidiosum.

происходитъ и прозвище Вулкана—Mulciber. Храмъ Мурціи находился на склонѣ Авентина, вблизи Большого цирка, и былъ особенно чтимъ, какъ древнѣйшее святилище Венеры. Такъ какъ эта мѣстность была заселена при Анкѣ Марціи латинцами, то возможно, что послѣдніе перенесли въ Римъ культъ этой богини. Еще болѣе древне было святилище Клоацины (Cloacina, иначе Cluacina), лежавшее подлѣ Комиціума, но имѣвшее скорѣе историческое, чѣмъ религіозное значеніе. Согласно существовавшему преданію, Ромулъ и Т. Тацій, т.-е., римляне и сабинцы на мѣстѣ, гдѣ происходила битва, передъ заключеніемъ торжественнаго союза, заложили въ честь Венеры—Клоацины святилище и миртовыми вѣтвями очистили себя, чѣмъ и объясняли имя Cloacina, производя его отъ глагола cluare (иначе—cloare и cluere) т.-е. purgare—очищать [88]). Такимъ образомъ и въ этомъ преданіи Венера является богиней мирнаго единенія и союза, подобно позднѣйшей Конкордіи. Наконецъ, Либитина (Libitina), которая, какъ божество страстныхъ желаній, обыкновенно называлась Lubentina, иначе Lubentia и Lubia, была въ то же время богиней садовъ, виноградниковъ и виноделія, почему святилище ея, какъ и храмъ Мурціи, праздновало день своего основанія 19-го августа, въ одно время съ праздникомъ Виналій (Vinalia) [89]). Либитина, какъ извѣстно, была также богиней смерти и умершихъ; по установленію Сервія Туллія при всякомъ

[88]) Serv. Verg. A. I. 720. Отсюда: Cloaca, Cluilia fossa, Cloatius, Cluentius, Cluvius и разсказъ о томъ, что Т. Тацій нашелъ изображеніе Клоацины въ Cloaca Maxima, Lactant. I, 20.

[89]) Varro, l. l. VI, 20; Fest, p. 265 и 289.

смертномъ случаѣ въ ея кассу вносилась опредѣленная сумма денегъ (lucar Libitinae), и въ посвященной ей рощѣ хранились погребальныя принадлежности [90]. Такимъ образомъ культъ Либитины представлялъ собой замѣчательное соединеніе въ народныхъ вѣрованіяхъ представленій о смерти и о полномъ расцвѣтѣ жизни, что́ мы встрѣчаемъ также въ почитаніи греческой Афродиты и сабинской Фероніи, которыя одновременно отождествлялись и съ Флорой, и съ греческой Персефоной.

На ряду съ выше указанными спеціальными культами Венеры въ Римѣ существовалъ и обыкновенный ея культъ съ общимъ характеромъ богини весны, садовъ, цвѣтовъ, овощей и виноградниковъ. Сады находились подъ особымъ покровительствомъ Венеры; садовники, огородники, цвѣточники считали послѣднюю своимъ профессіональнымъ божествомъ. Близкая связь ея культа съ винодѣліемъ видна уже изъ того факта, что какъ сельскія Vinalia, справлявшіяся 19-го августа, такъ и Vinalia priora, 23-го апрѣля, были праздниками общими Венерѣ и Юпитеру [91]). Кромѣ того, 1-е апрѣля, какъ кажется, было издавна днемъ, посвященнымъ Венерѣ.

Съ этой древнѣйшей и простѣйшей формой почитанія Венеры съ теченіемъ времени соединились другіе, иноземные культы ея; среди нихъ Venus Victrix и Ve-

---

[90]) Dionys. H IV, 15; Plut. Qu. Ro. 23, Numa, 12. Отсюда выраженія: Libitinam exercere, facere—заниматься погребальнымъ ремесломъ; libitinarii—погребальщики.

[91]) Varro, l. l. VI, 20: Vinalia Rustica dicuntur a. d. XIV Kal. Sept, quod tum Veneri dedicata aedes et horti ei deae dicantur ac tum fiunt feriati olitores. O Vinalia priora см. Plin. XVIII, 29, 69.

nus Genetrix пользовались наибольшимъ значеніемъ. Та и другая представляли разновидности культа Венеры Ураніи (Venus Urania), которая почиталась и какъ божество, дарующее побѣду, и какъ матерь всѣхъ вещей. Нельзя также отрицать связи ихъ культа и съ Венерой Эрицинской, вліяніе которой изъ Сициліи, какъ уже было нами сказано, распространилось по всей Италіи какъ среди грековъ и этрусковъ, такъ и среди ея туземныхъ обитателей, и прежде другихъ среди луканцевъ, кампанцевъ и самнитянъ. Venus Victrix въ Римѣ была отождествлена съ Викторіей (Victoria), богиней побѣды [92]), и въ такомъ значеніи чтилась какъ въ Италіи, такъ и внѣ ея. Въ Римѣ ея храмъ находился на Капитоліумѣ; онъ былъ особенно почитаемъ Суллой, Помпеемъ и Цезаремъ. Для послѣдняго, благодаря его происхожденію, Venus Victrix и Venus Genetrix слились въ одинъ образъ. Venus Genetrix въ Римѣ считалась матерью Энеадовъ, т.-е., албанскихъ родовъ, ведшихъ свое происхожденіе отъ Энея. Поэтому слѣдуетъ думать, что ея культъ былъ первоначально родовымъ культомъ фамиліи Юліевъ и только по мѣрѣ возраставшаго вліянія этого рода получилъ обще-государственное значеніе. Еще во время первой Пунической войны вѣра въ троянское происхожденіе римлянъ была упрочена въ традиціяхъ Рима. Римскіе поэты еще больше содѣйствовали возвеличенію культа Венеры: Энній въ своихъ Анналахъ называетъ ее прародительницей Ромула или римлянъ вообще; Лукрецій воспѣлъ космическое значеніе Венеры, какъ виновницы всякаго творческаго акта въ природѣ, сила которой особенно обнаруживается весной. Святилищемъ своимъ въ Римѣ

---

[92]) Varro, l. l. V, 62. Gell. N. A. X, 1, 7.

Венера обязана Юлію Цезарю, считавшему себя ея потомкомъ Во время Фарсальской битвы Цезарь далъ обѣтъ построить ей храмъ, который и былъ сооруженъ имъ 24-го іюля 46 г. до Р. X. на форумѣ, носившемъ его имя. Августъ, какъ извѣстно, пользовался миѳологическими сказаніями и религіозными вѣрованіями своего народа въ интересахъ рода Юліевъ, а потому Марсъ и Венера, какъ родовыя божества дома Юліевъ, получили обще-государственное значеніе, и культъ ихъ распространился повсемѣстно въ Римской имперіи.

Такъ при посредствѣ латинцевъ и другихъ италійцевъ былъ усвоенъ Римомъ культъ Венеры Ураніи. По миру, заключенному въ 241 г. до Р. X., послѣ первой Пунической войны, римляне сдѣлались обладателями той части Сициліи, главнымъ святилищемъ которой былъ храмъ Венеры Эрицинской. Слѣдствіемъ этого было перенесеніе ея культа въ Римъ. Въ годъ битвы при Тразименскомъ озерѣ (217 г. до Р. X.) по совѣту Сивиллы состоялся обѣтъ о построеніи Венерѣ Эрицинской перваго въ Римѣ храма, который и былъ сооруженъ въ слѣдующемъ году на Капитоліумѣ. Другой ея храмъ лежалъ передъ Porta Collina; освященіе его состоялось въ 181 г. до Р. X. Венера Эрицинская олицетворяла собой женственную, творческую силу природы, а также покойное, тихое море; она же была покровительницей проституціи.

Съ теченіемъ времени въ Римъ проникли и другіе греко-восточные культы Венеры, для отправленія которыхъ были построены въ окрестности Мурціи и въ другихъ мѣстахъ Рима храмы. Такъ, вблизи Большого цирка имѣла святилище Venus Obsequens. Въ той же мѣстности находился и храмъ Veneris Verticordiae (Venus Verticordia — греческая Ἀποστροφία). Сооруженіе его относится къ 114 г. до Р. X. и было вызвано рас-

пущенностью нравовъ женщинъ и дѣвицъ высшихъ классовъ общества, а также однимъ несчастнымъ случаемъ, который ставили въ связь съ нарушеніемъ тремя весталками обѣта цѣломудрія. Именно, весталки Эмилія, Лицинія и Марція были обвиняемы въ преступной связи съ римскими всадниками. Лицинія, благодаря краснорѣчію Л. Красса, а Марція при помощи другого адвоката были оправданы, и только одна Эмилія сдѣлалась жертвой обвиненія. Осенью того же года одинъ римскій всадникъ, П. Элвій, возвращаясь съ женой и дочерью изъ Апуліи въ Римъ, былъ застигнутъ на пути грозой. Отецъ посадилъ на коня перепуганную дочь, чтобы поспѣшить гдѣ-либо укрыться отъ грозы. Но въ эту минуту молнія поразила дѣвушку. Въ Римѣ усмотрѣли въ этой несчастной случайности обнаруженіе грознаго гнѣва боговъ за преступленіе оправданныхъ весталокъ и ихъ соучастниковъ въ немъ, римскихъ всадниковъ. Дѣло было возобновлено, и на этотъ разъ Лицинія и Марція признаны были также виновными въ нарушеніи обѣта цѣломудрія. Во искупленіе ихъ вины, по указанію Сивиллы, былъ воздвигнутъ храмъ Veneri Verticordiae, которая должна была на будущее время отвращать сердца римскихъ матронъ и дѣвицъ отъ безнравственныхъ поступковъ и руководить ими на пути цѣломудрія. Въ Римѣ пользовалась почитаніемъ также такъ называемая Venus Calva (Лысая Венера). По поводу возникновенія ея культа разсказывается между прочимъ, что женщины во время осады Рима галлами предоставили свои волосы для изготовленія изъ нихъ веревокъ, канатовъ и на другія потребности обороны города. По другому преданію причиной возникновенія культа Лысой Венеры въ Римѣ была появившаяся въ городѣ проказа, отъ которой у

римскихъ женщинъ выпали на головѣ волосы. Venus Calva изображалась съ гребнемъ въ одной рукѣ, который, какъ извѣстно, составляетъ аттрибутъ женщинъ; но въ то же время лице ея было окаймлено бородой; такимъ образомъ Лысая Венера была двуполымъ божествомъ, что̀ указываетъ на ея восточное происхожденіе. Наконецъ, упоминается еще Venus Equestris; она изображалась сидящей на конѣ. По всей вѣроятности, Venus Equestris была греческая Ἀφροδίτη Πελαγία, такъ какъ конь въ образномъ языкѣ древнихъ символически представлялъ морскія волны, почему Venus Equestris чтилась, повидимому, какъ владычица Морской стихіи, подобно тому, какъ родственная ей Venus Marina и Limnesia. Другими разновидностями позднѣйшихъ культовъ Венеры въ Римѣ были—Venus Myrica, Myrtea и Purpurissa, имѣвшая отношеніе къ священной листвѣ тамариска и родственная Эрицинской, Кипрійской и Финикійской Афродитѣ; Venus Solacia первоначально богиня морской, соленой влаги, позднѣе—покровительница проститутокъ; Venus Felix - божество женской плодовитости. Она была покровительницей города Помпеи, а потому называется также Venus Pompejana.

Такимъ образомъ, первоначальный, простой культъ Венеры, какъ божества вегетативныхъ силъ природы, весны и винодѣлія, постепенно принималъ въ Римѣ характеръ греко-восточнаго поклоненія Афродитѣ, богинѣ женскихъ прелестей и чувственныхъ наслажденій. Преимущественно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Венера чествовалась въ такомъ значеніи. День 1-го апрѣля былъ посвященъ Veneri Genetrici,, праматери римскаго народа, подательницѣ плодородія. Въ этотъ день римскія матроны молились Fortunae Virili, покровительницѣ женскаго благополучія въ брачной жизни. При этомъ женщины

изъ низшаго класса творили свои молитвы въ мужской банѣ [93]). Въ этотъ же день женщины омывали изображеніе Венеры, снявъ съ нея предварительно всѣ украшенія; затѣмъ, послѣ омовенія, украшали богиню свѣжими вѣнками изъ розъ. Послѣ этого онѣ сами купались подъ миртовой листвой въ воспоминаніе того, какъ нѣкогда Венера, выйдя изъ моря сушила свои волосы, укрывшись отъ нескромнаго любопытства подъ миртовой кущей. Въ этотъ же день, 1-го апрѣля, чествовалась также и Venus Verticordia, какъ богиня женскаго цѣломудрія и чистоты, а потому ея праздникъ былъ главнымъ образомъ праздникомъ матронъ. 23-е апрѣля, когда справлялись Vinalia priora, былъ посвященъ Венерѣ, какъ покровительницѣ куртизанокъ и проституціи; эту Венеру Лукрецій называетъ Venus Volgivaga (IV, 1063); у грековъ она носила имя Πάνδημος Ἀφροδίτη. Это былъ, именно, храмъ Венеры Эрицинской, гдѣ продажныя дѣвушки, украшенныя миртами и розами, обращали къ богинѣ свои молитвы, и гдѣ со времени Цезаря того же разбора мальчики справляли праздникъ своей безнравственной профессіи [94]). Значеніе Венеры, какъ богини женской половой зрѣлости, видно изъ существовавшаго въ Римѣ обычая, по которому дѣвушки

---

[93]) Verr. Flacc. у Макробія, I, 12 и Fast. Praen. I Апр. Frequenter mulieres supplicant Fortunae Virili, humiliores etiam in balneis, quod in iis ea parte corporis utique viri nudantur, qua feminarum gratia desideratur.

[94]) Ovid. Fast. IV, 863 и сл.; Verr. Flacc. Fast. Praen. 25 Апр. Тотъ же характеръ имѣла и Venus Militaris, quae castrensibus flagitiis praesidet et puerorum stupris, Arnob. IV, 7; Serv. V. A. I, 720.

по достиженіи ими совершеннолѣтія приносили въ даръ ей или Діанѣ свои куклы (Pers. II, 70).

4) Пріапъ (Priapus).

Въ одно время съ Венерой въ Римъ былъ перенесенъ и культъ Пріапа со всѣми особенностями его, какъ онѣ выработались на его родинѣ, въ Малой Азіи и главнымъ образомъ въ городахъ, расположенныхъ по Геллеспонту. Въ Пріапѣ обоготворялась оплодотворяющая, активная, мужская сила природы, какъ это видно изъ описаній и изображеній Пріапа у Горація и другихъ поэтовъ и писателей [95]). Изображенія его ставились въ садахъ и въ огородахъ, какъ пугало отъ птицъ и охрана противъ «дурнаго глаза» завистливыхъ людей. Пріапъ является также спутникомъ Вакха и Венеры. Изображенія его, какъ символа вѣчнаго возрожденія природы, ставили также на могилахъ; онъ же, Пріапъ, въ видѣ фаллоса составлялъ непремѣнную принадлежность сценической обстановки народныхъ театровъ.

5) Вертумнъ (Vertumnus) и Помона (Pomona).

Vertumnus или Vortumnus считался въ Римѣ за божество этрусскаго происхожденія единственно по-

---

[95]) Verg. Georg. IV, 110; Horat. S. I, 8; Plin. H. N. XIX, 4, 19: hortoque et foro tantum contra invidentium effascinationes dicari videmus in remedio Satyrica signa, quamquam hortos tutelae Veneris adsignante Plauto.

тому, что его изображеніе стояло въ этрусскомъ кварталѣ (Vicus Tuscus), наиболѣе оживленной части Рима, гдѣ нѣкогда, по свидѣтельству Варрона (Varro, l. l. V, 46), были поселены этруски. Но то же божество мы встрѣчаемъ у латинцевъ, сабинцевъ и у другихъ италійскихъ племенъ и при томъ, какъ божество, ниспосылающее плодородіе и родственное Церерѣ и Помонѣ. На его туземный, италійскій характеръ указываетъ этимологія имени Vertumnus, очевидно, одного корня съ глаголомъ vertere (вращать). Такимъ образомъ, согласно этимологическому словопроизводству, Вертумнъ спеціально представлялъ олицетвореніе послѣдовательной смѣны временъ года отъ вращенія земли, былъ annus vertens. Этимъ объясняются разнообразные виды, какіе по народнымъ вѣрованіямъ могъ принимать Вертумнъ, а также разнообразіе его изображеній и тѣхъ аттрибутовъ, которыми ихъ украшали соотвѣтственно разнообразію даровъ природы въ разныя времена года. Такъ, во-первыхъ, Вертумнъ—божество весны [96]), но въ то же время и еще болѣе божество плодообильной осени и ея даровъ. Поэтому его изображали обыкновенно садовникомъ, съ осенними плодами за пазухой и съ садовымъ ножомъ въ рукѣ. Но въ то же время, по народнымъ вѣрованіямъ, Вертумнъ обладалъ измѣнчивой природой Протея и могъ принимать любой образъ [97]). Одно изъ стихотвореній Проперція (IV, 2) представляетъ намъ картинное, живое описаніе изображенія Вертумна, по-

---

[96]) Columella X, 308: mercibus et vernis dives Vertumnus abundet. Tibull: IV, 2, 13: Talis in aeterno felix Vertumnus Olympo: mille habet ornatus, mille decenter habet.

[97]) Horat: S. II, 7, 14: Vertumnis, quotquot sunt, natus iniquis.

мѣщавшееся въ Vicus Tuscus. Ему (Вертумну) не жаль, говоритъ поэтъ, что онъ во время войны покинулъ Вольсиніи: ему гораздо пріятнѣй находиться въ самой оживленной части Рима, гдѣ мимо него постоянно снуетъ многолюдная толпа, и откуда онъ можетъ видѣть шумный, дѣловой форумъ. Нѣкогда въ этомъ мѣстѣ протекалъ Тибръ; но Вертумнъ отвелъ его теченіе, почему, какъ думаютъ нѣкоторые, онъ и получилъ свое имя; по объясненію же другихъ Вертумномъ онъ прозванъ отъ разнообразія плодовъ, которые въ теченіе года приносятъ ему деревенскіе жители. Для него, говоритъ Проперцій,—созрѣваетъ первая виноградная гроздь; его волосы украшаетъ первый созрѣвшій колосъ; у его изображенія раньше всего можно найти вишни, шелковицу, груши и другіе садовые плоды. Онъ способенъ принимать разнообразные образы: можетъ являться воиномъ, охотникомъ, рыбакомъ, пастухомъ, дѣвой и юношей. Но всего любезнѣй для него образъ садовника, всего пріятнѣе садовые плоды, огородные овощи и цвѣты. Прежде изображеніемъ его служилъ простой деревянный колъ, выструганный ножомъ; теперь оно вылито изъ мѣди, художественное произведеніе второго Мамурія. Еще большей прелестью и поэтичностью отличается сказка о Вертумнѣ и Помонѣ, разсказанная Овидіемъ въ его «Метаморфозахъ» (Ovid. Met. XIV, 623 и сл.). Помона—прекрасная нимфа садовъ и плодовыхъ деревьевъ. Въ ея рукахъ всегда садовый ножъ, которымъ она либо обрѣзываетъ пышную поросль любимыхъ ею деревьевъ, либо прививаетъ благородные отводки къ дикимъ стволамъ. Сердцу ея была не знакома любовь несмотря на преслѣдованія, которымъ она подвергалась со стороны шаловливыхъ сыновъ лѣса и полей, а также со стороны Сильвана, сердце ко-

тораго всегда юнѣе его лѣтъ; но, наконецъ, Вертумнъ побѣдилъ ея упорство своей преданностью и красотой, свойственной его собственному, настоящему образу. Сначала онъ пытался побѣдить недоступную красавицу-нимфу, являясь ей въ различныхъ чужихъ образахъ: то онъ принималъ на себя подобіе жнеца, то садовника, то винограддаря, то воина опоясаннаго мечомъ, то рыболова, вооруженнаго удилищемъ; наконецъ, онъ явился въ садъ Помоны подъ видомъ сѣдой старухи, опиравшейся на клюку; старуха расхваливаетъ плоды въ саду Помоны, цѣлуетъ и ласкаетъ ее, дивится пышной листвѣ деревьевъ и, указывая на виноградную лозу, обвившуюся вокругъ вяза и полную зрѣлыхъ гроздей, восхваляетъ любовь, ведущую къ брачному единенію. Почему прекрасная нимфа такъ не доступна чувству любви? Конечно, она справедлива, когда отказываетъ въ своемъ сочувствіи этой простой толпѣ лѣсныхъ обитателей; но невозможно отринуть Вертумна, для котораго открыты всѣ сады въ окрестностяхъ Альбы, и который пылаетъ нѣжной страстью къ Помонѣ. Однако всѣ эти увѣщанія старухи оставались напрасными, пока, наконецъ, Вертумнъ, принявъ на себя свой собственный образъ, ни явился передъ Помоной красивымъ юношей. Теперь только была побѣждена гордая, недоступная нимфа и съ этого времени стала неразлучной спутницей Вертумна.

Надо полагать, что въ Италіи, на ряду съ Помоной, дѣйствительно, чтилось мужское божество съ тѣмъ же именемъ, которое въ игувіановскихъ таблицахъ именуется Pumunus. Хотя въ Римѣ для культа Помоны существовалъ особый фламинъ, но она, какъ и Вертумнъ, преимущественно чтилась по деревнямъ. Такъ, на полѣ, лежавшемъ между Ардеей и Остіей и назы-

именемъ Ager Solonius, находился такъ называемый Pomonal—роща, посвященная Помонѣ. Въ честь же Вертумна, кромѣ храма его въ этрусскомъ кварталѣ, существовало еще другое святилище на склонѣ Авентинскаго холма, гдѣ 13-го августа совершалось торжественное жертвоприношеніе Вертумну.

А. Солоникіо.

Продолженіе будетъ.

Поэтъ мести и печали *).

(Памяти Н. А. Некрасова по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня его кончины).

Народъ! Народъ!
Жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданія!

Некрасовъ.

Мнѣ тягостны веселья звуки!

Лермонтовъ.

Каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поэтъ для себя и про себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній.

Бѣлинскій.

27 декабря 1877 г. послѣ тяжкихъ, невыносимо мучительныхъ страданій скончался Н. А. Некрасовъ, не допѣвъ своихъ поэтическихъ пѣсенъ... Однимъ изъ первыхъ пришелъ поклониться по христіанскому обычаю праху усопшаго Ѳ. М. Достоевскій. Тяжелое впечатлѣніе и щемящее сердце чувство дорогой утраты унесъ Достоевскій изъ комнаты покойнаго. Вернувшись домой, онъ сѣлъ за три тома сочиненій покойнаго поэта и вотъ

*) Рѣчь, произнесенная въ Ярославской мужской гимназіи 13 декабря 1902 г. въ день чествованія памяти Н. А. Некрасова...

какими мыслями подѣлился потомъ съ читателями своего «Дневника»: «Я сталъ читать Некрасова съ первой страницы; я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра и всѣ эти 30 лѣтъ какъ будто я прожилъ снова». Многое изъ того, что пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ въ эту ночь Достоевскій, пережилъ не одинъ русскій образованный человѣкъ при вѣсти о смерти поэта—гражданина. Въ теченіе 30 лѣтъ Н. А. Некрасовъ былъ живымъ, мощнымъ эхомъ русской общественной жизни и былъ выразителемъ чувствъ и мыслей лучшей передовой части русскаго общества, въ теченіе 30 лѣтъ онъ былъ тѣмъ поэтическимъ «фокусомъ», въ которомъ собирались идеалы, лучшія надежды и упованія русскихъ людей 50-хъ и 60-хъ годовъ. У свѣже вырытой могилы совершенно справедливо друзья и почитатели поэта высказывали надежду, что пѣсни поэта, «печальника народнаго», найдутъ себѣ болѣе широкое признаніе и должную оцѣнку только тогда, когда народъ, для котораго онѣ слагались, самъ прочтетъ ихъ, проникнется ихъ содержаніемъ, а не будетъ распѣвать ихъ съ чужого голоса, какъ какіе—нибудь романсы, когда

«Широкіе лапти народные,
Къ нимъ отовсюду проторятъ пути»...

Но надежды, выраженныя у только что закрывшейся гробовой доски поэта, можно сказать, и до сихъ поръ не вышли изъ круга упованій; точно также до сихъ поръ не произведена окончательная оцѣнка поэтической дѣятельности Н. А. Некрасова. И въ присяжной критикѣ, и въ обществѣ продолжаютъ высказываться о «скорбной музѣ» поэта различныя, часто совершенно противоположныя мнѣнія: Некрасовъ имѣетъ и горячихъ, восторженныхъ поклонниковъ, и не менѣе горячихъ враговъ—порицателей... Этою двойственностью

отношеній отличаются всѣ отзывы о Некрасовѣ, начиная съ самыхъ первыхъ. Первыя стихотворныя произведенія его, изданныя подъ названіемъ: «Мечты и звуки», для однихъ были «опытами, проявляющими значительный талантъ и подающими лестныя надежды; для другихъ—не поэтическими созданіями, а мечтами молодого человѣка, владѣющаго стихомъ и производящаго звуки правильные, стройные, но не поэтическіе; одни видѣли въ первыхъ произведеніяхъ только что выступающаго поэта гладкость стиха и способность «воображенія», но говорили, что по прочтеніи ихъ остается пустота или безотчетность, неопредѣленность впечатлѣній; не находили ни одного стиха, который бы запалъ въ душу, обвился вокругъ сердца; другіе въ каждой пьесѣ его видѣли созданіе мыслящаго ума или воображенія и готовы были привѣтствовать первую книжку стихотвореній Некрасова, какъ отрадное явленіе въ эпоху, скудную хорошими стихотвореніями; имъ было пріятно указать на нѣсколько пьесъ, обличающихъ въ авторѣ несомнѣнное дарованіе, и они утверждали: «Если кто въ семнадцать лѣтъ можетъ писать такіе прекрасные стихи, то тотъ въ 25 лѣтъ долженъ сдѣлаться поэтомъ въ высокомъ смыслѣ слова». Даже В. Г. Бѣлинскій при всей его критической прозорливости увидѣлъ въ «Мечтахъ и звукахъ» только кучу риѳмованныхъ строчекъ, въ которой иногда можно наткнуться на стихъ, вышедшій изъ души, а въ ихъ содержаніи знакомыя и истертыя чувствованьица и общія мѣста.

Не укрылся отъ первыхъ критиковъ и общій тонъ первыхъ стихотвореній молодого поэта—тонъ грустный, печальный, который они объясняли то пристрастіемъ поэта къ старымъ литературнымъ темамъ, къ старой школѣ, находившей поэтическое въ однихъ чувствахъ

грусти, безнадежности и отчаянія,—то условіями тяжелой личной жизни его; въ послѣднемъ случаѣ критика, не возвышаясь до соціальнаго пониманія искусства, говорила: «Въ стихотвореніяхъ молодого поэта видно преобладаніе грустнаго, печальнаго, можетъ-быть, отъ того, что онъ рано встрѣтилъ суровость земныхъ испытаній и горькихъ лишеній, рано брошенъ въ міръ нужды и утраты всего, что дѣлаетъ прекрасными воспоминанія дѣтства». Такіе отзывы встрѣтили первые, еще робкіе, тоскующіе звуки музы Некрасова.

По мѣрѣ того, какъ талантъ Некрасова росъ и опредѣлялся; по мѣрѣ того, какъ его творческая сила глубже и глубже захватывала жизнь интеллигентнаго общества и простого народа, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе выражались мнѣнія современной критики о поэтѣ, которыя были проникнуты то восторгомъ, то непріязнью. Въ ряду положительныхъ мнѣній первое мѣсто занимаютъ взгляды Бѣлинскаго «на новую поэзію» въ русской литературѣ. О стихотвореніяхъ поэта, вошедшихъ въ «Петербургскій сборникъ», онъ даетъ уже другой отзывъ. Эти стихотворенія, писалъ онъ, проникнуты мыслью; это не стишки къ дѣвѣ и лунѣ: въ нихъ много умнаго, дѣльнаго и современнаго. Дѣловое современно-реальное направленіе поэзіи Некрасова понравилось нашему критику, который въ это время, измѣняя теоріи: «искусство для искусства», провозгласилъ, какъ основное воззрѣніе на искусство, принципъ: «Каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поэтъ про себя и для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній»... Несмотря на

этотъ взглядъ Бѣлинскаго и всю его авторитетность, нѣкоторые критики продолжали давать двойственные отзывы о музѣ Некрасова. Одни утверждали, что пьесы его дѣлятся на два отдѣла: однѣ пьесы, поэтически — невѣрныя, берутъ стихотворную форму только для каприза или шутки, другія, чисто-поэтическія, принадлежатъ къ лирическому роду. Разнорѣчивые толки высказывались въ различныхъ литературныхъ лагеряхъ: изъ-за Некрасова велась горячая словесная война. Страстность литературной полемики увеличивалась отъ столкновенія двухъ противоположныхъ взглядовъ на искусство и его задачи. Для однихъ критиковъ стихотворенія Некрасова представляютъ совершенный контрастъ со стихотвореніями Огарева; имъ кажется, что трудно найти стихотворца, который былъ бы меньше поэтъ, чѣмъ Некрасовъ; читая его стихотворенія, они удивлялись, какимъ образомъ авторъ ухитрялся вколотить въ стихотворную форму ultra—прозаическое содержаніе... Стихотворенія: «Огородникъ», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», на нихъ производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе; не нравилось имъ и «пѣснопѣніе» о рыжемъ Ванькѣ, который повѣсился съ досады и горя, что не укралъ мѣшка съ деньгами, позабытаго купцомъ у него въ саняхъ. Вѣрные старымъ литературнымъ вкусамъ, исполненные уваженія къ стиху, къ мѣрной рѣчи, къ «рѣчи боговъ», они съ гордостью указывали на «яркую плеяду лириковъ»: на Хомякова, Майкова, Мея, Фета, Огарева, Павлова, Ростопчину, Берга, Никитина и утѣшались мыслью, что можно отдыхать отъ больничныхъ произведеній Некрасова на стихахъ Фета... Вообще критикамъ этого направленія казалось, что Некрасова талантъ неглубокій и недолговѣчный. Встрѣчали произведенія Некрасова и болѣе правильную, и безпристрастную оцѣнку.

Сочувственная критика 60-хъ годовъ отмѣчала, что Некрасовъ любимый поэтъ русскаго общества; что онъ открылъ въ нашей поэзіи новую струю, которая ни у кого не пробивалась съ такою полнотою и энергіею, какъ у Некрасова; что эта новая струя—есть реальный и соціальный элементъ въ его поэзіи; что, наконецъ, Некрасовъ совершенно правильно понялъ задачу поэзіи, когда сказалъ, что стыдно

«Въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать»...

Одинъ изъ представителей «дѣловой, направленской» критики, выдѣлялъ Некрасова изъ ряда современныхъ лириковъ и ставилъ ему въ заслугу, что онъ стоитъ въ уровень съ идеями вѣка и умѣетъ захватить въ свои произведенія эти идеи изъ воздуха эпохи, что онъ умѣетъ отражать «физіономію» современной жизни съ ея бѣдностью и печалью... Другой критикъ (изъ числа сочувствующихъ) указывалъ, какъ на достоинство поэта, на то, что его благородно-рѣзкое, нельстивое слово, вмѣстѣ съ немногими другими голосами и пропагандой В. Г. Бѣлинскаго, больно царапало наши отупѣвшіе отъ апатическаго сна нервы, хватало за болѣзненные струны нашего сердца и поддерживало въ насъ, насколько было возможно, при обстоятельствахъ времени, энергію. . Кто же и когда изъ нашихъ поэтовъ, спрашивала эта критика, ближе сошелся съ народомъ, искреннѣе полюбилъ его и полнѣе передалъ его нужды и страданія почти во всѣхъ обстоятельствахъ жизни отъ колыбели до могилы? Въ противовѣсъ этимъ взглядамъ критика другого лагеря сомнѣвалась въ народности поэзіи Некрасова: она не видѣла, чтобъ народныя понятія и идеалы составляли предметъ мыслей и пѣснопѣній поэта; она утверждала,

что поэтъ, безпрестанно толкуя о народѣ, ни разу не воспѣлъ того, чѣмъ собственно живетъ русскій народъ,— ни единаго чувства, ни единой думы, въ которыхъ отразилось бы внутреннее развитіе народа, сказалась бы его великая духовная сила; что нѣтъ ни единаго событія во всей русской исторіи, которое внушило бы что-нибудь Некрасову, котораго смыслъ отразился бы въ его стихахъ, хотя слабымъ отраженіемъ:

«Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно»...

Вотъ настоящій взглядъ Некрасова на Россію и русскій народъ, по мнѣнію Н. Страхова; при такомъ взглядѣ мудрено быть народнымъ поэтомъ и бросать лучи сознанія на пути Провидѣнія, выразившіеся въ нашей исторіи [1]. Разбирая произведенія Некрасова съ точки зрѣнія народности, эта критика недоумѣвала, какъ въ воображеніи русскаго человѣка могли совмѣщаться вѣдьмы—егозы, крокодилы, скорпіи, какой-то тигръ шестикрылатъ, грѣшники, низанные на шестъ, лижущіе горячій полъ; такое произведеніе, какъ «Крестьянскія дѣти», представлялось ей «безсвязною риомованною повѣстью, въ которой на каждомъ шагу можно видѣть желаніе автора передать поэзію того, чего онъ не знаетъ или чему не сочувствуетъ. Многія произведенія поэта ей казались просто-напросто уроками морали въ стихахъ... Эта критика поэтому, не стѣсняясь, давала такой совѣтъ поэту: «Не беритесь за то, что требуетъ, кромѣ мозгового раздраженія, еще и... ничтожной ве-

[1]) Н. Страховъ. «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ». 19 стр.

ціи—любви, неподдѣльной любви и художническаго таланта».

Эта критика старалась выяснить и происхожденіе, источникъ поэзіи Некрасова. Поэзія Некрасова, говоритъ авторъ статьи: «Поэзія журнальныхъ мотивовъ», постоянно искала сближенія съ господствующимъ журнальнымъ направленіемъ, черпала изъ него свои силы и вдохновеніе и изсякала какъ разъ въ то время, когда изсякало движеніе въ петербургской журналистикѣ. Некрасовъ, короче говоря, принималъ впечатлѣнія изъ вторыхъ рукъ, поскольку они отражались въ теченіи журнальныхъ идей, служившихъ для него единственною духовною пищею... И вотъ эта связь. Извѣстныя строки Пушкина:

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ»,

сдѣлались предметомъ раздора въ нашей періодической печати, усмотрѣвшей въ этомъ опредѣленіи поэта прямое противорѣчіе возникавшимъ новымъ требованіямъ относительно поэзіи; Некрасовъ отозвался на этотъ споръ стихотвореніемъ: «Поэтъ и гражданинъ», въ которомъ ставитъ спорный вопросъ такимъ образомъ:

«Пускай ты (поэтъ) вѣренъ назначенію,
Но легче ль родинѣ твоей»?...

Далѣе, въ 40-хъ годахъ возникло требованіе народности отъ литературы и въ частности поэзіи, и Некрасовъ въ угоду этому требованію написалъ своего «Огородника» и «Въ дорогѣ», какъ разъ въ томъ направленіи, какъ понимали народность въ петербургскихъ редакціонныхъ кружкахъ. Авторъ статьи: «Поэзія журнальныхъ мотивовъ», стремится доказать, что поэтъ до того

старался сблизить свою поэзію съ возникавшимъ въ Петербургѣ журнальнымъ направленіемъ, что нерѣдко его стихи служили только риѳмованными перифразами журнальныхъ статей и постоянно отголоскомъ журнальныхъ требованій. Наконецъ, осудивши художественную поэзію Пушкина и его преемниковъ, журналы новаго направленія («Современникъ» и нѣк. др.) требовали отъ поэтовъ «суровыхъ пѣсенъ», суровыхъ образовъ, которые бы служили воплощеніемъ «борьбы человѣка за свои человѣческія права»; въ которыхъ звучали бы «отголоски страданій, стоны бѣдняковъ, задавленныхъ общественнымъ неравенствомъ». Поэты, говорили критики передовыхъ журналовъ, должны оставить свое олимпійское спокойствіе и раздѣлить «житейскія волненія и битвы» на землѣ; новая поэзія должна нарядиться въ «лохмотья соціальной нищеты» и облечься въ «суровый, неуклюжій стихъ». Уступая этимъ новымъ требованіямъ, Некрасовъ будто долженъ былъ придать извѣстное направленіе и тонъ своей поэзіи и свое поэтическое призваніе опредѣлить въ такихъ словахъ:

«Рано надо мной отяготѣли узы
Другой неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей»...

О колоритѣ народности Некрасова тотъ же критикъ отзывался съ неудовольствіемъ, что это—ряженая русская жизнь; что поддѣльная народность Некрасовской поэзіи выражается только въ внѣшнихъ, чисто случайныхъ примѣтахъ народности, въ укорствѣ, бахвальствѣ, въ трактирной пѣснѣ, беспробудномъ пьянствѣ, кабацкой брани, въ рубищахъ и стонахъ бурлаковъ, тянущихъ

лямку на берегахъ многоводной Волги; что, выражая понятіе народа о блаженствѣ словами:

«Чтобъ вошь, блоха поскудная
Въ рубахахъ не плодилася»,
Потребовалъ Лука
—«Не прѣли бы онучевьки»,
Потребовали Губины»,

поэтъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ ненужнаго реализма. Даже такой вдумчивый и основательный критикъ, какъ Ап. Григорьевъ, находилъ въ поэзіи Некрасовъ желчныя пятна лихорадки и признавалъ великой, но попорченной силою «музу мести и печали».

Какъ относительно общаго характера и цѣнности всей поэтической дѣятельности чествуемаго поэта критика различныхъ и эстетическихъ направленій высказывала неодинаковые, часто діаметрально противоположные взгляды, такъ точно и объ отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ произведеніяхъ «музы мести и печали» высказывались различныя сужденія. Такъ, для однихъ стихотвореніе: «Русскія женщины»—прозаическій разсказъ, разрубленный на риѳмованныя строчки, достойный того, чтобъ его помѣстить въ журналъ: «Русскій Архивъ», или—«Русскую Старину», и снабдить историческими комментаріями. Другіе критики къ этимъ «стихотворнымъ мемуарамъ» отнеслись совсѣмъ иначе: признали стихотвореніе: «Русскія женщины», серьёзно симпатичнымъ, глубоко гуманнымъ и художественнымъ произведеніемъ, которымъ можетъ гордиться русская литература. Такіе же двойственные отзывы давались нашими критиками о поэмѣ: «Кому на Руси жить хорошо», и о «Горѣ стараго Наума», о послѣднихъ пѣсняхъ поэта.

Не меньшимъ нареканіямъ подвергался и самый стихъ Некрасова. Воспитанная на ясныхъ, какъ кри-

сталъ, стихахъ Пушкина и на «стальномъ» стихѣ Лермонтова, эстетическая критика была не довольна тяжелымъ и неуклюжимъ стихомъ Некрасова и постоянно выставляла на видъ «неизящныя слова и выраженія, не одобряемыя поэтическимъ слухомъ; нѣкоторые стихи она сравнивала съ «забытыми виршами; къ такимъ виршамъ отнесены были его слѣдующіе стихи:

«Ей ленты алыя вплели
Въ двѣ русыя косы,
Цвѣты, наряды принесли
Невиданной красы» . .
«Мысль эту положивъ круглѣе
Передаетъ секретарю,
Дабы переписалъ крупнѣе
Для поднесенья визирю» ...

По мнѣнію этой критики, только при совершенномъ отсутствіи поэтическаго чутья и вкуса можно было писать такіе стихи—вирши:

«Теперь опишу вамъ подробно, друзья,
Мою роковую побѣду;
Вся дружно и грозно возстала семья,
Когда я сказала: я ѣду!»

Читатель, иронически замѣчаетъ критикъ «Русскаго Міра», такъ и ждетъ тутъ риѳмы «къ обѣду», и дѣйствительно, черезъ нѣсколько строкъ поэтъ измѣняетъ это «счастливое» четверостишіе такимъ образомъ:

«Когда собрались мы къ обѣду,
Отецъ мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ,
На что ты рѣшилась?—Я ѣду!»

Нѣкоторымъ критикамъ казалось непонятнымъ, зачѣмъ Некрасовъ излагаетъ свои мысли какими-то риѳмованными столбцами, и они разлагали эти столбцы въ обыкновенныя прозаическія строчки. Дѣлая такой опытъ

со стихами Некрасова, С. А. Андреевскій приходитъ къ заключенію, что въ стихахъ поэта часто нѣтъ никакой мелодіи, необходимой музыкальности; что стихотворная форма по природѣ своей не необходима для большинства сюжетовъ, изображаемыхъ авторомъ, и не существенна для передачи его настроенія; что она мало пригодна для того матеріала, которымъ авторъ такъ часто наполняетъ свой текстъ; что «языкъ боговъ» не сливается съ этимъ матеріаломъ въ одно цѣлое, не преобразовываетъ его въ нѣчто лучшее и легко спадаетъ съ него, какъ бренная шелуха... Чтобы лучше убѣдить читателя въ такомъ характерѣ стиховъ Некрасова, г. Андреевскій предлагаетъ сдѣлать подобный опытъ съ стихотвореніемъ Фета:

«Шопотъ. Робкое дыханіе.
Трели соловья;
Серебро и колыханье
Соннаго ручья»,

и прибавляетъ, что это стихотвореніе въ прозѣ совсѣмъ погибнетъ, «какъ алмазъ, перегорѣвшій въ уголь...

Не только критика, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, отрицательно относилась къ поэзіи Некрасова и часто указывала въ произведеніяхъ поэта большіе недочеты, но и нѣкоторые наши писатели точно также смотрѣли на Некрасова... Защищая П. Я. Полонскаго отъ критика «Отечественныхъ Записокъ», И. С. Тургеневъ писалъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ его глазахъ патронъ его Некрасовъ неизмѣримо выше Полонскаго, что даже странно сопоставлять эти два имени; а я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова покроется забвеніемъ, потому что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна

поэзія, и что въ приправленныхъ всякими пряностями, мучительно высиженныхъ измышленіяхъ «скорбной» музы г. Некрасова.—ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ».. Въ письмѣ къ Полонскому (Изъ Веймара отъ 29 января 1870 г.) онъ писалъ: «отъ сочиненій Некрасова отзываетъ тиной, какъ отъ леща или карпа», а нѣсколько раньше признавался: «г. Некрасовъ—поэтъ съ натугой и шуточками; пробовалъ я перечесть его собраніе стихотвореній... нѣтъ! Поэзія не ночевала тутъ, и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкою изъ острой водки»... Такой же почти рѣзкій отзывъ о поэтѣ далъ недавно и графъ Л. Н. Толстой. На моей памяти, говоритъ онъ, за 50 лѣтъ совершилось поразительное пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики. Прослѣдить можно это пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы, но укажу только на нѣкоторые болѣе замѣтные и мнѣ знакомые примѣры. Въ русской поэзіи, напр., послѣ Пушкина, Лермонтова (Тютчевъ обыкновенно забывается), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ: Майкову, Полонскому, Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову [2]). Словомъ, для однихъ критиковъ и писателей Некрасовъ былъ простымъ стихотворцемъ, съ сильно дидактическимъ характеромъ, и они готовы были, какъ на подкрѣпленіе своего мнѣнія, ссылаться на собственное признаніе Некрасова: «Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ»; для другихъ онъ былъ безусловно поэтомъ, владѣвшимъ «желѣзнымъ» стихомъ, поэтомъ выше Пушкина и Лермонтова, этихъ пустыхъ байронистовъ.

Но критика, нападавшая на Некрасова, на его

---

²) Фонъ-Поленцъ. Крестьяне. Предисловіе. X стр.

идеи, стихи, не могли не считаться съ фактомъ необыкновенной его популярности; она хорошо знала, что имъ зачитывается чуть ли не вся Россія; что произведенія его постоянно требуютъ все новой и новой работы типографскаго станка. Въ виду очевидной популярности произведеній «музы мести и печали», ей надо было дать для извѣстнаго круга читателей (критика выходила изъ редакціонныхъ литературныхъ кружковъ) объясненіе этой популярности; нельзя было ограничиться только заявленіемъ, что «общія требованія поэзіи нигдѣ не получаютъ такого скуднаго удовлетворенія, какъ въ стихахъ Некрасова»... И вотъ критика объясняетъ ту популярность и любовь, которою пользовался поэтъ, тѣмъ, что идеи, въ которыхъ онъ почерпалъ свое вдохновеніе, совершенно по плечу каждому и въ особенности каждому петербургскому чиновнику, мало мальски свободно относящемуся къ своему начальству; что если нанизать на ниточку идейки, особенно развиваемыя имъ и служащія основою самыхъ извѣстныхъ его стихотвореній, то придется поразиться ихъ незатѣйливостью, а именно: не хорошо «обжираться въ англійскомъ клубѣ и проматывать родовыя состоянія на француженокъ»; нехорошо пьянствовать и ругаться; бѣдность не порокъ, особенно, когда она есть результатъ честности,—достойно сожалѣнія, когда честная мысль не можетъ быть высказана; богатый и знатный человѣкъ обыкновенно не чувствителенъ къ горю бѣдняка; предварительная цензура портитъ много крови у писателей; хорошая погода лучше дурной, а свобода лучше рабства; не мѣшаетъ Петербургу подумать о своихъ плохихъ мостовыхъ, на которыхъ ломаются обывательскія ноги... По мнѣнію отрицательной критики, вотъ «тотъ заколдованный кругъ идей», изъ котораго не выходитъ творческая мысль Некрасова; эти идеи

нельзя предновѣщать, такъ какъ онѣ извѣстны всѣмъ и каждому... Что касается до народа, то поэтъ будто бы глубоко жалѣетъ его, но жалѣетъ по-петербургски, какъ это свойственно петербургскимъ просвѣщеннымъ чиновникамъ и либеральнымъ писателямъ.

По прошествіи 25 лѣтъ со смерти Некрасова, когда эпоха 50 и 60-хъ годовъ значительно отошла отъ насъ; когда вопросъ объ искусствѣ и его задачахъ утратилъ свою прежнюю жгучесть и рѣзкость; когда, наконецъ, открылась возможность болѣе безпристрастной оцѣнки произведеній Некрасова, намъ кажется такое объясненіе популярности поэта и того широкаго сочувствія, которымъ онъ пользовался при жизни, несостоятельнымъ и грѣшащимъ противъ истины... Неужели же широкую извѣстность поэта можно объяснять «незатѣйливыми идейками» и «идейками по плечу» каждому читающему человѣку?.. Нѣтъ, Некрасовъ, какъ сынъ вѣка, далъ отвѣтъ на тѣ запросы и думы, которые мучили и тревожили мысль каждаго русскаго человѣка. Если онъ не былъ «властителемъ думъ» своего поколѣнія, то онъ былъ самъ непосредственное его созданіе, искренній представитель и выразитель его... Его стихи были муки (я позволю себѣ расширить слова Лермонтова), оторванныя отъ русскаго сердца. Не въ единеніи ли мыслей Некрасова и русскихъ людей и не въ современности ли завѣтныхъ думъ поэта кроется истинная причина любви и популярности, которыми пользовался онъ у людей 50, 60, 70 годовъ? Эти мысли и думы, часто не совсѣмъ ясныя и опредѣленныя въ сознаніи другихъ, въ горнилѣ творческой его работы очищались и получали ту отчетливость и ясность, которую можно по справедливости назвать кристаллическою...

Еще Гоголь сказалъ, что со словомъ нужно обра-

щаться честно, такъ какъ оно есть высшій даръ Бога человѣку. Стихи Некрасова были чуть не первымъ честнымъ гражданскимъ поэтическимъ словомъ. Это «честное поэтическое слово» раздалось въ то время, когда подготовлялась и затѣмъ началась борьба между «разрушителями эстетики» и поклонниками «искусства для искусства». Извѣстно, на чьей сторонѣ была побѣда, кто одержалъ верхъ. Поэтическія произведенія, гдѣ рисовались то Наполеонъ на скалѣ, то Прометей, терзаемый коршуномъ; то Фаустъ, бесѣдующій съ Мефистофелемъ и Маргаритой; то Демонъ съ Тамарой, представлялись несвоевременными и могущими занять только праздный умъ и праздное чувство. На смѣну имъ съ «рукоплесканіями» встрѣчали Аринъ, солдатскихъ женъ, Дарій, дядюшекъ Яковов, богатырей Савельевъ, Антоновъ—Горемыкъ, пахарей Ивановъ... Люди новаго времени и новыхъ вкусовъ говорили, что въ наступившее время для того, чтобы быть поэтомъ, не достаточно описывать, какъ роза цвѣтетъ, соловей поетъ, водопадъ шумитъ, или сочинять хвалебныя оды хорошимъ локонамъ и глазкамъ; что поэзія должна служить научнымъ и вообще прогрессивнымъ цѣлямъ, а идеалъ науки—развитіе человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ; что этотъ идеалъ долженъ руководить поэтомъ. Некрасовъ по обстоятельствамъ времени и сдѣлался со своимъ неуклюжимъ стихомъ служателемъ этого идеала; не даромъ судьба дала ему въ руки журналъ: «Современникъ». Одною частью своихъ произведеній онъ примкнулъ къ той группѣ нашихъ писателей, которую можно назвать школою молодыхъ народниковъ—беллетристовъ, и на которую возлагались всеобщія надежды.

Изъ этой школы вышелъ прежде другихъ Д. В.

Григоровичъ. Его первые очерки: «Деревня» и «Антонъ Горемыка», встрѣтили почти что общее сочувствіе въ передовой части русскаго общества. «Деревня», писалъ Ѳ. М. Достоевскій своему брату: «производитъ фуроръ»; эта деревня заставила 18-лѣтняго графа Л. Н. Толстого призадуматься надъ участью русскаго мужика; нарождавшаяся «сермяжная литература» вызывала и неудовольствіе; но Бѣлинскій ободрялъ молодыя литературныя силы, говоря, что, чѣмъ больше враговъ имѣетъ писатель, тѣмъ вѣрнѣе его слава... Эта-то деревня, этотъ забытый уголъ Русской земли дѣлается предметомъ поэтическихъ вдохновеній Некрасова; смотря изъ этого уголка на родину, онъ писалъ стихи:

«Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная
Матушка Русь!»

По одной дорогѣ съ Григоровичемъ пошелъ Некрасовъ въ деревни, только взялъ въ своихъ пѣсняхъ другой тонъ. И, если судьба Антона-Горемыки заставляла плакать Бѣлинскаго и всѣхъ, кому вообще было близко человѣческое горе, то выстраданный стихъ Некрасова, задумывавшагося надъ русскою крестьянскою долюшкою,

«Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомой еще силою».

Чѣмъ же объясняются тѣ противорѣчивые отзывы о Некрасовѣ—этомъ «спорномъ поэтѣ», какъ выразился одинъ критикъ?.. Природою ли таланта? Раздвоеніемъ ли его? Обстоятельствами времени и борьбою литературныхъ партій или еще какими-нибудь причинами? Литературная дѣятельность Некрасова обнимаетъ интересное 30-лѣтіе: 40, 50 и 60 годы. Въ это время велась горячая борьба изъ-за искусства и его цѣлей. Застигнутый

«позитивными» вкусами общества, Некрасовъ искалъ новыхъ путей, новыхъ пріемовъ въ искусствѣ; онъ заставилъ приверженцевъ чистаго искуства оспаривать его славу и путаться въ опредѣленіяхъ, что такое искусство. Взявши на себя издательство «Современника» и давши мѣсто въ журналѣ принципамъ новой критики, онъ своими стихами долженъ былъ какъ будто подкрѣплять ту эстетическую теорію, глашатаемъ которой явился боевой въ свое время журналъ. Онъ находился постоянно въ самой «серединѣ господствующаго журнальнаго теченія»; его лира настраивалась всегда одновременно «съ послѣднимъ содроганіемъ камертона» «Современника,» а позже «Отечественныхъ Записокъ». Такое отношеніе къ искусству, литературѣ и вообще къ петербургской и московской журналистикѣ многимъ не нравилось и давало поводъ нѣкоторой части критиковъ ожесточенно нападать на поэта... Въ моменты разгара журнальной борьбы эти нападки дѣлались рѣзче и злобнѣе. Приверженцы чистаго искусства отстаивали всѣми силами Пушкинскія и Лермонтовскія традиціи, видѣли преемственную связь съ этими традиціями поэзіи Майкова, Полонскаго, А. Толстого, Фета, и дѣловая «неряшливая» муза Некрасова не находила у нихъ себѣ не только пощады, но и какого-либо оправданія. Къ тому же у Некрасова въ поэзіи встрѣчались промахи противъ дѣйствительности, «тенденціозныя дѣланныя мѣста» хотя, онъ и былъ въ поэзіи крайній реалистъ. Такіе стихи, какъ

«Пшеница ихъ (крестьянъ) не радуетъ;
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ
Пшеница провинилася,
Что кормишь ты по выбору;
Зато не налюбуются
На рожь, что кормитъ всѣхъ»,

критика не могла не поставить на видъ Некрасову, имѣя въ виду такихъ народныхъ поэтовъ, какъ Кольцовъ и Никитинъ; отмѣчала она и такую «неестественную» сцену изъ поэмѣ Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо:

«Пѣвецъ Ново-Архангельскій.
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кромѣ голосу...
—Зато ужъ голосокъ!
Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вотъ они затѣяли
По-своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подымется
Да рявкнетъ нашъ: «здо-ро-во ли
Живешь, о-тецъ И-патъ?»
Такъ стекла затрещатъ!
А тотъ ему оттуда-то:
«Здорово нашъ со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — «И-ду!»... —
Иду-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!» ...

Въ слезахъ, въ горѣ, въ бѣдствіяхъ народныхъ, воспѣваемыхъ Некрасовымъ, критика видѣла сгущенныя краски, преувеличеніе, тенденціозность; вотъ почему въ отвѣтъ на стихи его были написаны въ свое время такіе юмористическіе стихи:

«Кряхтитъ все и стонетъ Некрасовъ
Надъ бѣдной судьбой мужичковъ...
И Проповъ, Трофимовъ и Власовъ
Все плеткою бьетъ изъ стишковъ»...

Но, если Некрасову не удавались нѣкоторые ха

рактеры, нѣкоторыя сцены изъ русской жизни, то такіе художественные недочеты не должны умалять его значенія, какъ поэта: подобные недочеты есть и у Григоровича, и у Гончарова, и у Тургенева, и другихъ поэтовъ. Только такіе міровые геніи, какъ Шекспиръ, Пушкинъ, гр. Л. Толстой даютъ образы всѣ безусловно художественные...

Некрасовъ былъ поэтъ реалистъ, и въ этомъ смыслѣ его поэзію слѣдуетъ поставить въ связь съ дѣятельностью Гоголя: живыя яркія впечатлѣнія дѣйствительной жизни—вотъ тотъ художественный матеріалъ, изъ котораго онъ создавалъ свои поэтическія картины и поэтическіе характеры. Общеизвѣстно, какъ Некрасовъ написалъ свое стихотвореніе: «У параднаго подъѣзда». А. Я. Головачова—Панаева въ своихъ «Воспоминаніяхъ» помѣщаетъ такія интересныя строчки, объясняющія происхожденіе этого стихотворенія: «Я, подойдя къ окну, заинтересовалась крестьянами, сидѣвшими на ступенькахъ лѣстницы параднаго подъѣзда одного дома. Была глубокая осень; утро было холодное и дождливое. По всѣмъ вѣроятіямъ, крестьяне желали подать какое-нибудь прошеніе и спозаранку явились къ дому. Швейцаръ, выметая лѣстницу, прогналъ ихъ; они укрылись за выступомъ подъѣзда и переминались съ ноги на ногу, прижавшись у стѣны и промокая на дождѣ. Я пошла къ Некрасову и разсказала ему о видѣнной мною сценѣ Онъ подошелъ къ окну въ тотъ моментъ, когда дворникъ дома гналъ крестьянъ прочь, толкая ихъ въ спину. Некрасовъ сжалъ губы и нервно пощипывалъ усы; потомъ быстро отошелъ отъ окна и улегся опять на диванѣ. Черезъ два часа онъ прочелъ мнѣ стихотвореніе: «У параднаго подъѣзда»... Стихотвореніе: «Горе стараго Наума», тоже построено на реальныхъ данныхъ:

одна волжская быль, имѣвшая мѣсто недалеко отъ Ярославля, обратилась въ поэтическій разсказъ Некрасова. Для жителей приволжскаго края имѣютъ особый реальный смыслъ стихи поэта:

«Науму паточный заводъ
И дворикъ постоялый
Даютъ порядочный доходъ.
Наумъ—не глупый малый:
Задаромъ снявъ клочокъ земли,
Крестьянину съ охотой
Въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубли,
А тотъ плати работой—
Такъ обращенъ нагой пустырь
Въ картофельное поле...
Вблизи—«Бабайскій» монастырь,
Село «Большія Соли»,
Недалеко и Кострома.
Наумъ живетъ—не тужитъ,
И Волга-матушка сама
Его карману служитъ.
Питейный домъ его стоитъ
На самомъ «перекатѣ»,
Какъ лѣто Волгу обмелитъ,
Къ пустынной этой хатѣ
Тропа знакома бурлакамъ:
Выходитъ много «чарки»...
Здѣсь ходу нѣтъ большимъ судамъ;
Здѣсь «паузятся» барки.
Купцы бѣгутъ: «помогу дай!»
Наумъ купцовъ встрѣчаетъ.
Мигнетъ народу: «не плошай!»
И самъ не оплошаетъ...
Кипитъ работа до утра:

Все весело, довольно.
Итакъ, нѣтъ худа безъ добра!
Подумаешь невольно,
Что ты, жалѣя бѣдняка,
Мелѣешь годъ отъ года,
Благословенная рѣка,
Кормилица народа!»

Какъ поэтъ реалистъ, Некрасовъ былъ необыкновенно чутокъ къ реальной жизненной поэзіи и беллетристикѣ; достаточно будетъ сказать, что онъ почти что первый оцѣнилъ романъ молодого Гончарова: «Обыкновенная исторія»; что онъ приласкалъ Рѣшетникова и далъ благопріятный отзывъ о «Подлиповцахъ»; что, наконецъ, онъ открылъ страницы своего «Современника» для повѣсти: «Антонъ-Горемыка», имѣвшей въ свое время огромный успѣхъ. Все жизненно-реальное въ литературѣ всегда вызывало въ Некрасовѣ восторгъ, и онъ оказывалъ такимъ литературнымъ произведеніямъ свое покровительство, подчасъ очень и очень цѣнное. Заслуги Некрасова, собиравшаго въ качествѣ редактора, молодыя лучшія силы около «Современника» еще недостаточно оцѣнены. Писатели, пріятели Некрасова, постоянно указывали ему на излишнюю реальность его поэзіи, которая будто бы «коробитъ людей съ художественнымъ развитіемъ». «Да, любезный, мы хлопочемъ», говорилъ ему однажды В. П. Боткинъ: «чтобы въ твоихъ стихахъ не было грубой реальности. Брось воспѣвать любовь ямщиковъ, огородниковъ и всю деревенщину. Это—фальшь, которая рѣжетъ ухо. Ты не обижайся нашей дружеской откровенностью, повѣрь намъ, что такая реальность, какъ напр., въ твоемъ стихотвореніи, «Ѣду ль по улицѣ», претитъ всякому, у кого развито эстетическое пониманіе поэзіи. Это—профанація описывать гной-

ныя раны общественной жизни. Не увлекайся, пожалуйста, что мальчишки и невѣжды въ поэзіи восхищаются твоими подобными стихами, а слушайся людей, знающихъ толкъ въ изящной поэзіи» [1]).

Въ поэтическомъ хорѣ современниковъ-поэтовъ у Некрасова была, такъ сказать, своя хоровая партія... Въ то время, когда Майковъ былъ силенъ въ сферѣ антологическаго творчества» и «изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевывалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній»; когда графъ А. Толстой былъ «глубоко симпатичнымъ лирикомъ», свободно отзывавшимся на все,—лирикомъ «свободнымъ отъ односторонности и односторонней напряженности»; въ то время, когда Фетъ, по словамъ Н. Страхова, былъ чародѣемъ поэтомъ, несравненнымъ поэтомъ, который все, до чего касалась его творческая мысль, «преображалъ въ яркую красоту», въ «чистое золото поэзіи»; наконецъ, въ то время, когда «душевныя движенія музы Я. П. Полонскаго хотя и были часто не радостны, но всегда были свѣтлы, гармоничны и чисты», Некрасовъ своимъ «желѣзнымъ», прозаическимъ стихомъ отмѣчалъ и изолгавшуюся мораль, и пошлость велико-свѣтскаго общества, и приниженность, и нужду простого народа съ его безпросвѣтнымъ горемъ и страданіями, вѣрно указывая характеръ своей музы и ея поэтическій путь:

«Чрезъ бездны темныя насилія и зла,
Труда и голода она меня вела,
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила».

Некрасовъ по природѣ поэтъ-лирикъ. Его пѣсни

---

[1]) А. Я. Головачова — Панаева. «Воспоминанія» 368, 369 стр.

хорошо распадаются на два отдѣла: на сатирическія, въ которыхъ онъ бичуетъ своимъ «желчнымъ словомъ» людскіе пороки и пошлость, и на элегическія, въ которыхъ онъ мучился и страдалъ

«И на народныя слезы
Слезами музы отвѣчалъ».

Среди подавляюще—тяжелыхъ условій личной и окружавшей жизни воспитывалась «муза мести и печали»; рано дѣтская душа поэта стала оскорбляться зломъ, насиліемъ и пороками... Грустныя впечатлѣнія отъ дѣтства сохранились навсегда у Некрасова:

«Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной.
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты»...

Мало, очень мало отрадныхъ явленій, нѣжащихъ и успокаивающихъ сердце, видѣлъ вокругъ себя поэтъ; посѣщая «знакомыя съ дѣтства мѣста», онъ съ грустью вспоминаетъ:

«И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ;
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть»..

Неприглядная, нравственно оскорбляющая дѣйствительность не давала Некрасову въ дѣтствѣ забыться въ

розовыхъ мечтахъ, а если и овладѣвали эти розовыя мечты его сознаніемъ, то не надолго.. Даже природа съ ея укрѣпляющими нервы, здоровыми впечатлѣніями не давала ему того, что давала другимъ: въ деревнѣ онъ видѣлъ кругомъ нищету и страданія; на Волгѣ, которая его манила своими мощными серебристыми извивами и зелеными берегами, онъ слышалъ пѣсню—стонъ бурлаковъ и самъ рыдалъ:

«О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!»...

Изъ-подъ «отчей кровли», гдѣ слышалъ онъ какъ

«Вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
Гдѣ только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ и жилъ»,...

онъ уносилъ свѣтлыя воспоминанія единственно о матери, которая среди «разврата, кипѣвшаго мутною волною», была «прекрасна» и «жребій свой несла въ молчаніи рабы»... И эти свѣтлыя воспоминанія всегда были дороги поэту; они не разъ согрѣвали его сердце на тернистомъ жизненномъ пути. Обращаясь къ покойной матери, онъ говоритъ:

«Не робѣть передъ правдой—царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!»

И не разъ своими рыдающими звуками онъ воспѣвалъ ея любовь, ея борьбу, ея «святыя муки»... Вотъ

какія жизненныя впечатлѣнія выносилъ изъ своего дѣтства Некрасовъ, и эти впечатлѣнія должны были придать извѣстную окраску его міросозерцанію и характеру его музы тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшей самостоятельной жизни, по крайней мѣрѣ первые годы, онъ не получилъ отъ жизни ничего такого, что бы могло измѣнить его міросозерцаніе и характеръ поэзіи.

Рано начавши самостоятельную жизнь, онъ долженъ былъ извѣдать крайнюю нужду и лишенія. Уѣхавши въ Петербургъ для поступленія въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ или въ дворянскій полкъ и рѣшивши тамъ измѣнить свое намѣреніе и сдать экзаменъ въ университетъ, онъ своимъ рѣшеніемъ разсердилъ отца до того, что тотъ отказалъ сыну во всякой матеріальной поддержкѣ... Записавшись вольнослушателемъ въ Петербугскій университетъ, онъ очутился среди самыхъ тяжелыхъ условій; матеріальное его положеніе было отчаянное: онъ долженъ былъ перебиваться «грошовыми уроками» и кое-какими журнальными работами; по цѣлымъ вечерамъ онъ сидѣлъ среди груды книгъ, писалъ статьи въ «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» и «Литературной газетѣ», составлялъ сказки, біографіи, задумалъ было издавать сатирическій сборникъ»: «Зубоскалъ», и сочинялъ водевили для Александринскаго театра, выпуская ихъ въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Перепельскаго. Несмотря на массу труда и затраченныхъ силъ, въ качествѣ журнальнаго чернорабочаго Некрасовъ добывалъ самыя скудныя средства къ жизни; онъ долженъ былъ пользоваться благосклонностью своего квартиросодержателя какого-то отставного унтеръ-офицера и однажды искать пріютъ въ ночлежномъ притонѣ нищихъ. Во всѣхъ испытаніяхъ жизни, несомнѣнно, закалялся энергичный, упорный, настойчивый характеръ

Некрасова, складывался его рѣзкій умъ; но жизненныя впечатлѣнія были попрежнему безотрадно мрачными. Бѣлинскій полюбилъ Некрасова, говоритъ Григоровичъ, за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба. Нелегко доставался первое время Некрасову этотъ кусокъ насущнаго хлѣба. Ровно три года, признавался впослѣдствіи самъ поэтъ, я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Нужда заставила его усиленно работать, исписать до 300 печатныхъ листовъ прозы. Въ своихъ воспоминаніяхъ Григоровичъ разсказываетъ, какъ однажды во время его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ дежурный офицеръ Ферморъ, придерживая въ рукахъ пачку тоненькихъ брошюръ въ блѣдно-розовой обертке, предлагалъ воспитанникамъ купить ихъ, говоря, что авторъ ихъ молодой поэтъ, находится въ стѣсненномъ денежномъ положеніи. Эта брошюра была озаглавлена: «Мечты и звуки» [2]). Со всѣми этими фактами жизни вполнѣ согласуется и собственное признаніе поэта.

«Я отрокомъ покинулъ отчій домъ
(За славой я въ столицу торопился),
Въ 16 лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати съ усталой головой
Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ подолгу),
Но горделивъ—пріѣхалъ я домой».

«Голодный трудъ» былъ «лукавымъ попутчикомъ» Некрасова до 40 лѣтъ, и поэтъ съ полнымъ правомъ могъ сказать про свою молодость:

---

[2]) Д. В. Григоровичъ. XII т. 234 стр.

«Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда».

Среди этихъ тяжелыхъ условій жизни и борьбы за существованіе продолжала воспитываться «муза мести и печали»... Дѣтство поэта, проведенное среди жертвъ крѣпостного права и дикаго самодурства, заложило въ душу Некрасова два чувства: «отвращеніе отъ всего угнетающаго и давящаго», отъ всего «ликующаго, праздно-болтающаго, омывающаго руки въ крови» и въ то же время сочувствіе ко всѣмъ оскорбленнымъ и угнетеннымъ... Первые годы самостоятельной жизни и тѣ наблюденія, которыя молодой поэтъ вынесъ изъ окружающаго общества, только усиливали эти два основныя чувства, уча его музу презирать и ненавидѣть. И самое время, въ которое жилъ поэтъ, наложило свой отпечатокъ на характеръ и міросозерцаніе его. «Вѣкъ Некрасова былъ вѣкомъ рѣшительнаго кризиса, когда всѣ старые порядки оказались вполнѣ несостоятельными и начали быстро разрушаться. Интеллигентная личность въ это время окончательно освободилась отъ всѣхъ своихъ романтическихъ иллюзій и грёзъ, и ей сразу открылась самая печальная дѣйствительность. Умственные и нравственные горизонты ея успѣли къ этому времени значительно расшириться: жизнь и наука давали ей новые— и общественные, и личные идеалы. Подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ она исполнилась горячаго стремленія выйти изъ своего постыднаго положенія на новый путь разумной жизни, но въ то же время сознавала, что надъ ней продолжаетъ тяготѣть печальное прошлое, «это тяжелое наслѣдіе» отцовъ, парализуя всѣ ея благіе порывы и начинанія. Тотъ періодъ рефлексій, мучительнаго раз-

двоенія какъ слова и дѣла, такъ и самой мысли, который характеризуетъ собою 40-е и 50-е годы, обусловливается не однимъ умственнымъ развитіемъ русскаго общества, коренится и въ самыхъ общественныхъ отношеніяхъ... Онъ прямо зависитъ отъ того, что интеллигентная личность, едва пробудилась ея совѣсть, сразу почувствовала себя въ одно и то же время и жертвою, и мучителемъ, исполнилась страстнаго желанія слиться съ народомъ во имя общаго блага и въ то же время сознавала, что между нею и народомъ продолжала зіять непроходимая бездна». Передовые люди указанной эпохи были полны горячихъ порывовъ впередъ къ добру, къ свѣту и въ то же время, анализируя себя, чувствовали себя дряблыми, ни на что неспособными, сознавались, что «фраза», «слова» заѣдали ихъ въ жизни...

«Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано»,

съ грустью говоритъ Некрасовъ о современномъ молодомъ поколѣніи.. Какъ поэтъ, Некрасовъ—сынъ этой эпохи рефлексій, раздвоенія, когда люди были «взрослыми на словахъ» и «дѣтьми на дѣлѣ»... Самъ Некрасовъ мучится раздуміями, рефлексіей; въ своихъ стихотвореніяхъ онъ является очень часто глубокимъ пессимистомъ; бичуя «своимъ желчнымъ стихомъ» различные пороки общества, возросшаго на крѣпостномъ правѣ и бюрократическихъ порядкахъ, онъ не видитъ никакого исхода изъ окружающей безпросвѣтной тьмы: напраено онъ ищетъ успокоенія для своей измученной и изстрадавшейся души въ жизни молодого поколѣнія; это поколѣніе съ недѣятельною, дряблою, усыпленною волею не даетъ никакой отрады, и поэтъ называетъ его «ничтожнымъ племенемъ»:

«Покорись, о ничтожное племя!

Неизбѣжной и горькой судьбѣ:
Захватило насъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно»...

И на себя Некрасовъ часто смотрѣлъ тѣми же глазами и себя винилъ, какъ «ничтожное племя»:

«Я за то глубоко презираю себя,
Что живу, день за днемъ безпощадно губя,
Что я, силы своей не пытавъ ни на чемъ,
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ,
И, лѣниво твердя: я ничтоженъ и слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался, какъ рабъ»,

и, объясняя «свою слабость», онъ говорилъ:

«Все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ»...

«Ничтожное племя» постоянно занимало творческія думы поэта, и онъ далъ полную характеристику представителя «этого страннаго племени» въ лицѣ Агарина, героя поэмы: «Саша».

Богатое наслѣдіе отцовъ, развитой умъ, чтеніе книжекъ, значительная лѣнь, презрѣніе къ «муравьиной работѣ» людей, сознаніе собственныхъ преувеличенныхъ силъ, горделивое стремленіе «пролетѣть по свѣту звѣздой», «осчастливить міръ» —вотъ отличительныя черты Агарина, этого ранняго представителя «лишнихъ людей»... Эпоха требовала дѣла и горячихъ работниковъ: «дѣло вѣковъ поправлять не легко»; а люди тратили силы на рѣшеніе разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ, путались въ нихъ, отдѣляя себя какой-то «китайской стѣной» отъ насущныхъ вопросовъ жизни: отношеніе къ послѣдней дѣлалось какимъ-то книжнымъ, по мѣткому

замѣчанію А. Н. Пыпина. И поэтъ не безъ озлобленія говоритъ про своего героя:

«Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.
Вѣрить—не вѣрить, ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!
Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;
Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
Только навѣрное сѣять пойдетъ.
Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ».

Некрасовъ суровѣе и безпощаднѣе отнесся къ представителю «лишнихъ людей», чѣмъ Тургеневъ къ своему Рудину: послѣдній, развѣнчавши Рудина, въ концѣ романа примиряется съ нимъ самъ и примиряетъ читателя. Не то видимъ у Некрасова. Съ глубокой вдумчивостью анализируетъ онъ этотъ историческій типъ въ сценахъ изъ лирической комедіи: «Медвѣжья охота», и подъ его поэтическимъ анализомъ получаются такія черты заѣденнаго рефлексіей русскаго передового человѣка 40-хъ годовъ:

«Діалектикъ обаятельный,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ!
Созерцающій, читающій,
Съ неотступною хандрой
По Европѣ разъѣзжающій,
Здѣсь и тамъ—всему чужой,
Для дѣйствительности скованный,
Верхоглядомъ жилъ ты, зря,
Ты бродилъ разочарованный,
Красоту боготворя;
Все съ погибшими созданьями

Да съ брошюрами возясь,
Наполняя умъ свой знаньями,
Обходилъ ты жизни грязь,
Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикалъ,
Ты на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ;
Злыхъ, надменныхъ, угнетающихъ
Лишь презрѣньемъ ты каралъ,
Не спасалъ ты утопающихъ,
Но и въ воду не толкалъ...
Ты, въ которомъ чуть не генія
Долго видѣли друзья,
Рыцарь добраго стремленія
И безпутнаго житья!»

И, какъ Тургеневъ осудилъ высшимъ поэтическимъ судомъ въ Рудинѣ отчасти самого себя, свою «позу и фразу», такъ и Некрасовъ, безпощадно отнесшись къ себѣ, заклеймилъ въ своей жизни то, что сдѣлало его человѣкомъ рефлексіи, «рыцаремъ на часъ»: чувствомъ глубокаго покаянія звучатъ его стихи:

«Жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой».

Еще безпощаднѣе осмѣиваетъ Некрасовъ ту молодежь, которая въ жизни стремится только къ наслажденіямъ. Франтовство и пустая безсодержательная свѣтская жизнь—эта тема такъ же стара, какъ и сама литература; ее разрабатывали всѣ поэты, начиная съ Кантемира. Измѣнялось время, и измѣнялся и русскій франтъ, потому что «все совершенствуется на свѣтѣ». И Некрасовъ

очертилъ этотъ «измѣнчивый образъ» людей съ рѣдкою сатирическою силою:

«Вино, рысакъ, лорнетка—тутъ онъ весь
И съ внутреннимъ, и съ внѣшнимъ міромъ;
Его тщеславіе вращается доднесь
Между конюшней и трактиромъ.
Программа жалкая его—
Не дѣлать ровно ничего,
Считая глупостью и ложью
Все, кромѣ свѣтской суеты».

Въ глазахъ сатирика эти молодые люди полумертвецы, развратомъ юности ослабленныя души, невѣжды, если не глупцы.

И, если безпощаднымъ поэтическимъ судомъ сатирикъ осудилъ молодыхъ людей и «рыцарей стремленія», и «полумертвецовъ, развратомъ юности ослабленныя души», то еще безпощаднѣе онъ осмѣиваетъ тѣхъ, кто оставляетъ «богатое наслѣдіе» и даетъ возможность тысячи бросать какой-нибудь цыганкѣ. У Некрасова нѣтъ такихъ ярко очерченныхъ и вполнѣ законченныхъ типовъ крѣпостной Руси, какъ у Гоголя, если не считать кн. Утятина; но онъ такъ много отмѣчаетъ темныхъ, безотрадныхъ, удручающихъ явленій изъ эпохи «крѣпостнаго права», что крѣпостная Русь встаетъ передъ читателемъ, если можно такъ выразиться, во весь свой ростъ... Жизнь помѣщиковъ-крѣпостниковъ,

«Безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства».

Изъ исторической перспективы, благодаря Некрасову, со всей жизненной правдою вырисовывается минувшее: и роскошь, мотовство, пиры и непосильный

подневольный трудъ, и глухой вѣчный гулъ подавленныхъ страданій. Передъ читателемъ встаютъ одинъ за другимъ помѣщики—рабовладѣльцы: и тотъ, у котораго цѣлый штатъ полуголодныхъ людей служитъ для того, чтобы онъ могъ отдыхать отъ «житейской прозы» на псовой охотѣ, такъ какъ для него хоръ собакъ такъ мелодиченъ и ровенъ,

«Что твой Россини! Что твой Бетховенъ!»

и тотъ, у котораго

«На работахъ полевыхъ, чуть не по суткамъ цѣлымъ
Не только мужики всѣ преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,—
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, «страду»;

и у котораго на поляхъ среди рабочихъ бродятъ нѣсколько фигуръ въ нѣмецкихъ сюртукахъ, съ нагайками въ рукахъ—думаетъ графъ Гаранскій—для того чтобы

«Вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ»...

И надъ всѣми этими типами рабовладѣльческой Руси возвышается князь Утятинъ, эпигонъ-крѣпостникъ, послѣдышъ, который не могъ перенести вѣсти о крестьянской волѣ, и которому крестьянскій міръ позволилъ «покуражиться въ останные часы жизни». Утятинъ ожилъ, когда одна изъ его снохъ для утѣшенія и укрощенія выжившаго изъ ума старика увѣрила его, что «мужиковъ помѣщикамъ велѣли воротить, и когда вольные крестьяне стали разыгрывать прежнюю «комедь», чтобъ могъ умереть спокойно крѣпостникъ:

«Уважилъ я Послѣдыша!»
Сказалъ бурмистръ: «Господь съ тобою!
Куражься, колоброды!
Не знай про волю новую,

Умри, какъ жилъ, помѣщикомъ
Подъ пѣсни наши рабскія,
Подъ музыку холопскую!»

Тяжелыя картины дворянскаго житья-бытья!...

Пересматривая минувшее по поэтическимъ отзвукамъ Некрасова, вы съ поэтомъ невольно соглашаетесь и повторяете за нимъ его слова:

«Жизнь на Руси груба была,
И, какъ подъ музыку, текла
Подъ градъ ругательствъ и пощечинъ.
Тотъ звукъ, какъ древней драмѣ хоръ,
Необходимъ былъ жизни нашей».

Но вотъ, наконецъ,

«Порвалась цѣпь великая,
Порвалась,—разскочилася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику».

Русская деревня и помѣщичьи усадьбы зажили «поновому»... Сатира Некрасова сосредоточивается уже на иныхъ фактахъ нашей общественной жизни, и въ сатирическихъ картинахъ его все чаще и чаще начинаютъ мелькать филантропы-благотворители, строители желѣзныхъ дорогъ, богатыя Сонечки Мармеладовы, концессіонеры. Въ желчныхъ стихахъ зазвучали «его долго сдерживаемыя муки, и торжествовало мстительное чувство»: онъ захватываетъ столько жизненной неприглядной правды, бросаетъ столько нравственной укоризны испорченному обществу, что его стихи по силѣ красокъ, жизненному реализму и «мстительному чувству» могутъ быть поставлены на ряду съ сатирою Салтыкова—Щедрина. Съ нескрываемою злобою про новыхъ героевъ жизни восклицаетъ поэтъ:

«Да, постигла и Россія
Тайну жизни, наконецъ:
Тайна жизни—гарантія,
А субсидія – вѣнецъ!
Будешь въ славѣ равенъ Фидію,
Антокольскій! Изваяй
«Гарантію» и «Субсидію»
Идеаламъ форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идутъ израильтяне
И другіе пришлецы,
И россійскіе дворяне,
И моршанскіе скопцы».

Различные «хищники», «Зацѣпы», Хватуновы, Шкуривы возбуждаютъ желчное раздраженіе Некрасова, и онъ караетъ ихъ такъ же, какъ и Щедринъ:

«Въ уши
Словно бьютъ колокола
Гомерическіе куши,
Милліонныя дѣла,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дѣлежъ,
Рельсы, шпалы, балки, вклады—
Ничего не разберешь»...

Много зла и неправды видѣлъ вокругъ себя Некрасовъ, пессимистически настраивался; но его пессимизмъ не былъ безпросвѣтнымъ, не доходилъ до полнаго отчаянія: онъ вѣрилъ искренно въ непробудившіяся, непочатыя силы народа, вѣрилъ въ его свѣтлое будущее и говорилъ:

«Лишь Богъ помогъ бы русской груди

Вздохнуть пошире, повольнѣй,
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда ни погляди!
Бѣжитъ потокъ живой и чистой
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ;
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ»...

И эту горячую вѣру поддерживали въ немъ сильныя духомъ «русскія женщины» и такіе идеалисты, какъ В. Г. Бѣлинскій, который

«Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремя и раболѣпствуя позорно,
Кипѣлъ и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно»...

Вспоминая Гоголя, Грановскаго и великую историческую задачу, которую выполняла русская литература, Некрасовъ съ полною вѣрою говорилъ:

»Да, были—личности! Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!»...

Съ 40-хъ годовъ наша литература и поэзія начинаютъ интересоваться простымъ народомъ, его жизнью, нравами, обычаями, его общественнымъ положеніемъ. Съ этого времени представители народа начинаютъ выступать въ качествѣ героевъ въ разсказахъ, повѣстяхъ, романахъ, съ появленіемъ «новыхъ» молодыхъ литературныхъ силъ, по большей части выходцевъ изъ провинцій, которые входятъ во вторую половину сороковыхъ годовъ въ кружокъ В. Г. Бѣлинскаго и подчиняются благотворному вліянію идей великаго учителя, который

«Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ».

То были Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ и другіе. И замѣчательно при этомъ, что одновременно русскимъ мужикомъ занялись три названныхъ писателя, бывшіе въ то время въ большой дружбѣ между собой; эти-то три названные писателя и положили начало «сермяжной» литературѣ. Вліяніе Бѣлинскаго въ этомъ случаѣ могло быть только освѣжающее и осмысливающее тотъ матеріалъ, который лежалъ въ скрытомъ видѣ въ головѣ Некрасова и его друзей. Извѣстно, какъ молодые писатели жадно прислушивались къ голосу великаго критика, какъ высоко цѣнили каждое его критическое слово, каждое его одобреніе. Почувствовалъ силу Д. В. Григоровичъ на только что избранномъ имъ литературномъ пути народника—беллетриста послѣ того, какъ получилъ, такъ сказать, благословеніе на это трудное дѣло отъ Бѣлинскаго. Извѣстно также, какъ сильно повліялъ отзывъ его же о стихотвореніи: «Въ дорогѣ», на Некрасова, когда послѣ прочтенія этого стихотворенія Бѣлинскій бросился съ сверкающими глазами обнимать молодого поэта, говоря: «Да знаете ли вы, что вы поэтъ и поэтъ истинный» [1]). Сама эпоха требовала отъ натуральной школы расширенія границъ поэзіи и включенія въ область поэтическаго творчества народной жизни и всѣхъ ея интересовъ. По нѣсколько, быть-можетъ, преувеличенному, но очень характерному замѣчанію Ѳ. М Достоевскаго: «мы всѣ сверху донизу демократы», можно судить о томъ восторженномъ преклоненіи передъ народомъ, зарею котораго являются 40-е годы, и которое обратилось впослѣдствіи въ жгучее сознаніе интеллигенціи своей задолженности передъ народомъ, что

[1]) И. И. Панаевъ. «Лит. воспоминанія», 330 стр.

прекрасно отразилось въ слѣдующихъ стихахъ А. Н. Плещеева:

«О, не забудь, что ты должникъ
Того, кто сиръ и нагъ, и бѣденъ,
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ.
Что отъ небесъ ему одни
Съ тобой даны права святыя
На все, чѣмъ ясны наши дни:
На наши радости земныя!»...

И идею этой «задолженности» передъ народомъ раньше Плещеева прекрасно выразилъ Некрасовъ въ стихахъ

«Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ».

Отношеніе Некрасова къ народу было то «гуманное», исполненное горячаго участія къ его бѣдствіямъ подъ вліяніемъ новыхъ освободительныхъ идей, то нѣсколько отрицательное, пессимистическое въ духѣ 40—50 годовъ. Отдаваясь послѣднему настроенію, онъ представляетъ народъ полудикимъ, грубымъ, погрязшимъ во всевозможныхъ порокахъ и предразсудкахъ, «бредущимъ по «житейской дорогѣ»

«Въ безразсвѣтной глубокой ночи
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи»...

Въ большинствѣ же своихъ стихотвореній онъ рисуетъ

нашего крестьянина придавленнымъ, забитымъ и обнищавшимъ. Матеріальная нужда, граничащая съ нищетой—главный мотивъ народныхъ пѣсенъ Некрасова. Тяжелая доля русскаго крестьянина: ему достался, какъ «жизненный крестъ», тяжелый трудъ и вѣчная борьба; «за каждую крошку хлѣба онъ расплачивается каплей крови», и эта участь народа вызываетъ глубокое сочувствіе поэта. Плачетъ Некрасовъ надъ Ермолаемъ, у котораго землицы недостаточно; плачетъ надъ бабушкой Ненилой, у которой развалилась избенка, а бурмистръ—Власъ не даетъ лѣсу для ея починки; плачетъ надъ крестьянкой Грушей, которая была по барской прихоти оторвана отъ крестьянской среды,

«Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать—
Всякимъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ»

и затѣмъ снова была брошена въ ту же грубую бѣдную крестьянскую среду, гдѣ и зачахла. Заставитъ насъ поэтъ призадуматься надъ судьбой старика, который, оторванный отъ крестьянской жизни и труда, живетъ на псарнѣ, только и знаетъ кричать: «го-го-го! Горе косому злодѣю!»... Разскажетъ поэтъ про страду деревенскую и про трудъ крестьянки-жницы: она

«Изъ силъ выбивается»,
«Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ»:..

Судьба Каллистрата, который урожая дожидается съ непосѣянной полосыньки, и хозяйка у котораго занимается на нагихъ дѣтишекъ стиркою, пуще мужа наряжается: носитъ лапти съ подковыркою; горькая судьба

Орины, солдатской матери, крестьянки, потерявшей сына Савушку; замерзшей Дарьи—знакомятъ съ тѣмъ реальнымъ горемъ и нуждой, которыхъ такъ много выпадало на долю крестьянскую. Знакомитъ Некрасовъ съ представителями и той дворни, которую создала крѣпостная Русь,—съ разными Климычами, Яковами, «холопами вѣрными».

Стихотвореніе: «Кому жить хорошо на Руси»—яркая эпопея крѣпостничества и крѣпостныхъ порядковъ, при которыхъ униженіе человѣческой личности доходило до послѣдняго предѣла. Сколько рабской приниженности слышится, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ этой эпопеи, въ которыхъ изображено обращеніе крестьянъ къ господамъ:

«Все ваше, все господское:
Домишки наши ветхіе
И животишки хворые,
И сами—ваши мы.
Вамъ на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А намъ работать, слушаться,
Молиться за господъ».

Сколько горя, страданій вынесъ при этихъ порядкахъ нашъ русскій крестьянинъ! Изрѣдка только даетъ Некрасовъ идиллическія картины крестьянской жизни, согрѣтыя теплымъ лучомъ его поэзіи, напр.: въ стихотв.: «Крестьянскія дѣти», «Дядюшка Яковъ», «Дѣдушка Мазай». Сердце поэта болѣло всѣми болями бѣднаго народа, разрываясь отъ его горестей и страданій; его пѣсни, которыя «небезплодно пролетѣли», согрѣты самымъ искреннимъ чувствомъ любви. Эта любовь не только къ народу, но и ко всѣмъ обездоленнымъ и голодающимъ»,

говоритъ С. Андреевскій: «течетъ у Некрасова лавою по всѣмъ его произведеніямъ. Она имѣетъ всѣ оттѣнки: раздирающей душу скорби («Морозъ»), смѣлой защиты передъ сильными міра («Парадный подъѣздъ»), доброй ласки отца («Крестьянскія дѣти»), горячей заботы публициста («Плачъ дѣтей», «Желѣзная дорога»), вдохновеннаго увлеченія («Коробейники», «Зеленый шумъ»), и т. д. и т. д.

Согрѣта была поэзія Некрасова изъ народнаго быта и опредѣленными идеалами. Если Григоровичъ залогъ крестьянскаго благополучія и развитія видѣлъ въ крестьянской свободѣ; если онъ былъ увѣренъ, что здоровая крестьянская жизнь зависитъ отъ ея связи съ жизнью природы и, идиллически настраиваясь, писалъ: «Пахарь сродняется съ природою отъ колыбели; онъ покоряется безъ размышленія ея законамъ; онъ живетъ ея жизнью, его судьба, его радости и горести,—все въ ея рукахъ; и природа, какъ будто сознавая дѣтское безсиліе пахаря и тронутая его зависимостью, постепенно бросаетъ къ ногамъ своимъ таинственные свои покровы, она открываетъ ему грудь свою и знакомитъ его съ собою; величаво-молчаливая съ нами, гордыми міра сего, она говоритъ пахарю и распускающимся листомъ, и восходомъ солнца,—говоритъ ему мерцаніемъ звѣздъ, теченіемъ вѣтра, полетомъ птицъ и тысячью, тысячью другихъ голосовъ; если И. С. Тургеневъ счастье народа видѣлъ въ его освобожденіи отъ крѣпостной зависимости и въ земельной обезпеченности и, давши «Ганнибалову клятву», служилъ крестьянскому дѣлу всею своей литературной дѣятельностью, то и передъ Некрасовымъ носились опредѣленные идеалы народной жизни. Его лучшія пожеланія и святые помыслы сосредоточены были на свободѣ просвѣщенія и матеріальномъ довольствѣ нашего крестья-

нина; въ минуты увлеченія этими «святыми помыслами» онъ молилъ Небо:

«Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!»...

Въ стихотвореніи: «Желѣзная дорога», есть эпизодъ, въ которомъ рисуется хоръ мертвецовъ, поющихъ пѣсню о своей тяжелой земной жизни... Этотъ эпизодъ—неудачная мелодраматическая вставка. Я позволю себѣ воспользоваться этимъ мелодраматическимъ эпизодомъ для окончанія моей небольшой замѣтки о поэтѣ Некрасовѣ. Арины, Дарьи, Матрены, Катерины, убогія тетушки Ненилы, дѣдушки Савелья, Яковы, Мазаи—все это для насъ мертвецы прошлаго; народныя пѣсни Некрасова—это ихъ «пѣсни» о трудной житейской долѣ, о житейскихъ заботахъ и невзгодахъ, о безконечномъ горѣ... Въ этихъ пѣсняхъ поэта слышатся вопли и стоны нашего крестьянина, застыли тѣ слезы, которыми орошался его жизненный путь отъ колыбели до могилы... На поэтической картинѣ, нарисованной поэтомъ, можетъ-быть, наложены лишнія темныя краски, но и по удаленіи этихъ красокъ картина не измѣняетъ своего содержанія и тона... Теперь эта картина цѣнный историческій документъ изъ эпохи 40, 50, 60-хъ годовъ. Эти годы были «культурнымъ распутьемъ»; изъ этой эпохи взяты такіе литературные типы, какъ Агаринъ, Бельтовъ, Рудинъ, Лаврецкій и др.; въ эту эпоху созрѣвали «думы» лучшихъ нашихъ людей; по этому распутью прошли Грановскій, Герценъ, Огаревъ, Григоровичъ, Тургеневъ

и многіе другіе наши писатели; съ этого распутья пѣлъ свои пѣсни «о горѣ—злосчастьѣ» русскаго народа и Некрасовъ, будучи «сыномъ своего вѣка»...

К. Гордѣевъ.

Ярославль.
11 декабря 1903 г.

Жизнь А. С. Грибоѣдова въ Петербургѣ.
(1815—1818 г.г.).

Съ 1815 г. начинается новый періодъ жизни Грибоѣдова. Въ этомъ году мы видимъ его въ Петербургѣ среди литераторовъ и театраловъ. Въ слѣдующемъ 1816 г. онъ раздѣлывается окончательно съ военной службой: «вслѣдствіе прошенія его», читаемъ въ его послужномъ спискѣ [1]): «Высочайшимъ приказомъ уволенъ отъ военной службы къ свѣтскимъ дѣламъ съ прежнимъ статскимъ чиномъ. 1816 г. Марта 25-го». Пріѣздъ Г—ва въ Петербургъ совпалъ съ необыкновеннымъ расцвѣтомъ нашего театра. Расцвѣтъ этотъ обусловливался, съ одной стороны, появленіемъ такихъ талантливыхъ артистовъ, какъ Семенова, Яковлевъ; обиліемъ драматическихъ писателей,—съ другой—расположеніемъ Петербургскаго общества къ эстетическимъ удовольствіямъ.

Намъ нѣтъ нужды говорить подробно о театрѣ вообще,—остановимся главнымъ образомъ на драматическихъ писателяхъ, въ среду которыхъ суждено было попасть А. С. Г. Около театра въ это время группировались два кружка, гдѣ получали свое развитіе молодые артисты и писатели, и во главѣ которыхъ стояли—кн. Шаховской и П. А. Катенинъ, враги между собою.

Кн. А. А. Шаховской, по природѣ аристократъ, сначала состоялъ въ военной службѣ, въ гвардіи, потомъ въ придворной; но эти обѣ профессіи не удовлетворяли его: онъ рожденъ былъ для театра. Вой-

---

[1]) «Русс. Арх.» 1872 г. X. 1497. Примѣчаніе.

дя въ близкое сношеніе съ главнымъ директоромъ театровъ, Нарышкинымъ, онъ, по выходѣ изъ военной службы, былъ сдѣланъ управляющимъ по репертуарной части императорскихъ публичныхъ зрѣлищъ. 12-й годъ заставилъ его вернуться къ военной службѣ, но по окончаніи войны онъ вновь занялъ ту же должность и почти 20 лѣтъ былъ властелиномъ сцены, формируя для нея репертуаръ и актеровъ, и при этомъ не стѣснялся ставить одну за другой пьесы собственнаго произведенія, плодить которыя онъ былъ большой охотникъ Ему приписывается до 100 пьесъ Разумѣется, такое количество не давало возможности Шаховскому вдумываться въ драматическіе сюжеты и обрабатывать ихъ, какъ должно. Поэтому всѣ его пьесы имѣютъ достоинство относительное, и нѣтъ изъ нихъ ни одной съ достоинствомъ безотносительнымъ, которое даетъ пьесѣ силу пережить своего автора.

Началъ свою драматическую дѣятельность Шаховской съ комедіи: «Женская шутка», написанной въ стихахъ; послѣ этого продолжалъ писать пьесы, какъ блины печь. У него были и переводы, и передѣлки, не мало и оригинальныхъ пьесъ. Среди этихъ произведеній находятся всѣ виды и формы драматической поэзіи: собственно драма, трагедія, комедія, опера, водевиль, прологъ, балетъ. Лучшія изъ комедій его представляютъ характеръ и затѣи дворянъ средней руки, большею частію необразованныхъ и недальняго ума, которые, по своему состоянію и общественному положенію не принадлежа ни къ бѣднымъ помѣщикамъ, ни къ знатному, столбовому дворянству, тянулись за послѣднимъ, желая изъ полубаръ стать полными, настоящими барами. Написаны онѣ живо, однако не блещутъ ярко очерченными характерами.

Что касается направленія Шаховского, то на долгомъ пути его дѣятельности замѣчается нѣсколько ихъ. Началъ онъ свою карьеру классикомъ, видѣвшимъ высшіе авторитеты драмы въ произведеніяхъ французскихъ писателей. По его иниціативѣ былъ основанъ «Драматическій Вѣстникъ», подъ редакціей Языкова. Направленіе журнала было чисто классическое; онъ отстаивалъ превосходство теоріи и преданій французскаго классицизма надъ мѣщанской трагедіей. Первымъ уклоненіемъ Шаховского отъ руководящихъ образцовъ служили вольные стихи, которые онъ потомъ началъ вводить въ свои пьесы.

Ко времени пребыванія Грибоѣдова въ Петербургѣ (16—17 г.) относится поворотъ Шаховского отъ классицизма на сторону романтической драмы. Около него, какъ главы театральнаго кружка, въ то время группировались любители театра—Н. И. Хмельницкій, А. А. Жандръ, Н. И. Гречъ и др. Это были большею частію сторонники стараго французскаго направленія, преклонявшіеся предъ ложно-классической драмой и свысока относившіеся къ новому направленію въ литературѣ.

Хмельницкій, впослѣдствіи губернаторъ въ Смоленскѣ, былъ человѣкъ, по отзыву людей, знавшихъ его, добрый, мягкій и душевный. Въ литературномъ отношеніи онъ былъ несомнѣнно талантомъ, хотя и подражательнаго направленія; всѣ его произведенія доказываютъ это. Кромѣ того, онъ обладалъ высоко развитымъ вкусомъ и многостороннею образованностью. Большинство его комедій—переводъ съ французскаго.

Относительно Жандра мы много не знаемъ; родился онъ, кажется, въ 1789 г., былъ впослѣдствіи сенаторомъ. Изъ литературныхъ трудовъ его замѣчательно для своего времени драма: «Семела». Достовѣрно то, что

онъ принималъ участіе въ драматическихъ опытахъ вмѣстѣ съ Г—вымъ.—Что касается Греча, редактора періодическихъ изданій: «Геній времени», «Журналъ новѣйшихъ путешествій», «Сынъ отечества» и пресловутой «Сѣверной Пчелы», то и этотъ въ любви къ театру не отставалъ отъ своихъ пріятелей. Страницы его журналовъ свободно были открыты для писателей-драматурговъ.

Всѣ эти писатели охотно собирались въ домѣ Шаховского, гдѣ много толковали о театрѣ. Среди нихъ можно было видѣть и Г—ва, который, познакомившись съ Шаховскимъ еще въ военной службѣ, теперь свободно вошелъ въ его домъ, гдѣ перезнакомился со всѣми членами его кружка и, раззадоренный ихъ любовью къ театру, вспылалъ страстью къ драматической дѣятельности.

Во главѣ другого драматическаго кружка стоялъ молодой офицеръ Катенинъ, извѣстный современникамъ, какъ переводчикъ Расина и Корнеля, ярый приверженецъ классицизма. Онъ также не менѣе Шаховского горѣлъ страстью къ театру, давалъ совѣты и наставленія молодымъ писателямъ и актерамъ и въ то время, какъ Шаховской въ своей театральной дѣятельности поступалъ иногда не совсѣмъ справедливо, руководясь исключительно собственнымъ самолюбіемъ, Катенинъ служилъ театру исключительно изъ любви къ искусству, никогда не входя въ сдѣлки съ собой, и не стѣснялся въ кругу своихъ товарищей указывать на недостатки кн. Шаховского. Это обострило ихъ отношенія и привело къ полнѣйшей враждѣ, за которую дорого пришлось заплатить Катенину, когда Шаховской сблизился съ ген. Милорадовичемъ.

Вражда эта еще болѣе усилилась на почвѣ подго-

товки молодыхъ артистовъ къ сценической дѣятельности. Подготовляя артистовъ къ сценѣ, Шаховской не стѣснялся отдавать предпочтеніе своимъ ученикамъ и ученицамъ, не обращая вниманія на ихъ способности къ этой профессіи.

Катенинъ же всегда останавливался на лицахъ, дѣйствительно способныхъ, и подсмѣивался надъ бездарными актерами и актрисами, учениками Шаховского, находившимися подъ покровительствомъ ген.-губернатора Милорадовича.

Войдя въ общество кн. Шаховского, Г—въ не замедлилъ сблизиться и съ К. А. Катенинымъ, несмотря на его вражду съ кн. Шаховскимъ. Этой враждѣ Г—въ не придавалъ значенія: онъ видѣлъ въ томъ и другомъ только любителей-театраловъ, людей преданныхъ литературѣ, за что и уважалъ ихъ обоихъ. Кромѣ того, съ Шаховскимъ онъ сблизился, какъ съ лицомъ оффиціально близко стоящимъ къ театру, и, познакомившись съ П. А., не могъ остаться къ нему равнодушнымъ. Его открытый характеръ, образованность и начитанность благотворно подѣйствовали на Г—ва. Наконецъ, ихъ сблизила общая любовь къ театру и театральныя шалости...

Перезнакомившись съ писателями и нѣкоторыми актерами, которыхъ онъ встрѣтилъ у Шаховскаго, Гр—въ страшно хотѣлъ пробраться за кулисы, познакомиться съ тамошней жизнью и, такъ сказать, совсѣмъ окунуться въ театральное дѣло. Въ этихъ видахъ, конечно, при содѣйствіи Шаховского, онъ ставитъ свою пьесу: «Молодые супруги», въ бенефисъ Семеновой 29-го сентября 1815 г. Пьеса была разыграна прекрасно. Роли супруговъ были исполнены извѣстными тогда Семеновой и Сосницкимъ.

Пробравшись за кулисы, Г—въ легко сходится съ

массою веселой молодежи, ревностными посѣтителями театра. Эта столичная молодежь, подъ вліяніемъ веселой тогдашней жизни, ударялась въ буйное разгулье, во всѣ оргіи, какія только могла придумать жажда веселья. «Въ это время», говоритъ Стоюнинъ [1]): «послѣ продолжительной и усиленной сдержанности во время войны, явилась во всѣхъ какая-то потребность веселиться. И все веселилось, часто до безумія: кутежи, попойки»... На первый разъ можетъ показаться, что эти молодые люди ничѣмъ не отличались отъ литовскихъ товарищей—военныхъ; «но», продолжаетъ тотъ же біографъ Пушкина: «за всей этой шумной праздностью, въ которой обильно растрачивались силы, слышался какъ будто бы голосъ, соединяющійся съ какимъ-то ожиданіемъ. Этотъ голосъ выражалъ потребность дѣятельности. Отечественная война разбудила общественныя силы и вызвала вопросъ объ отечествѣ».

Г—въ не отставалъ отъ новыхъ товарищей въ ихъ кутежахъ; въ немъ еще не остыла страсть молодой натуры. Онъ попрежнему начинаетъ шалить—такъ, однажды въ театрѣ началъ аплодировать по лысинѣ впереди сидѣвшаго сосѣда. Это повѣсничество обезпечивало его успѣхъ среди женщинъ и великосвѣтскихъ, и сценическихъ. Впрочемъ, не одной репутаціи отчаяннаго шалуна и повѣсы былъ обязанъ онъ этимъ успѣхомъ, а также и качествомъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Пріятная, выразительная наружность соединялась въ немъ съ изяществомъ манеръ, ловкостью. Свободно изъяснявшійся на четырехъ языкахъ, весьма образованный, онъ могъ поддержать разговоръ, какихъ бы онъ ни касался вопросовъ: научныхъ, художественныхъ, политиче-

---

[1]) Стоюнинъ. «Пушкинъ». С.-ПБ. 1881. 72—73.

скихъ. Любезность, остроумie, искренность его обаятельно дѣйствовали на всѣхъ друзей и знакомыхъ. Бѣгичевъ говоритъ, что другъ его въ это время «велъ жизнь, по молодости лѣтъ веселую и разгульную; много посѣщалъ общество. Знавшіе его удивлялись, какъ онъ могъ написать и ту малую толику, которая имъ была написана. Вездѣ, гдѣ появлялся въ кругу молодыхъ людей, онъ былъ ихъ душою» [3]). Булгаринъ, обвороженный его свѣтлою личностью, въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что «Г—въ въ это время жилъ болѣе въ свѣтѣ и для свѣта», и продолжаетъ: «его нельзя было любить иначе, какъ страстно, съ энтузіазмомъ, потому что пламенная душа его согрѣвала и воспламеняла все вокругъ себя. Съ Г—ымъ благородный человѣкъ дѣлался лучше, благороднѣе; его привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя мысли, высокія чувствованія переливались въ душу и зарождали ощущеніе новой, сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, пріемы имѣли какую-то необыкновенную прелесть; звукъ голоса его проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ» [4]). Почти то же самое подтверждаетъ К. А. Полевой [5]): «Краснорѣчіе А. С. Грибоѣдова, всегда пламенное, было убѣдительно потому, что основывалось на здравомъ смыслѣ и глубокой учености. Трудно было не согласиться съ нимъ въ мнѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ, какъ всѣ необыкновенные люди, убѣждать и привлекать сердца.

---

[3]) Смирновъ. «Біографическія извѣстія о Г—вѣ». «Бесѣды въ О-вѣ Лит. Русс. Словесности». М. 1862. вып. II отд. II стр. 7.

[4]) Соч. Гр—ва под. редакціей Серчевскаго. С.-ПБ. 1859 г. стр. VIII.

[5]) тамъ же стр. XIV.—

Знать его было то же, что любить. Болѣе всего привязывало къ нему его непритворное добродушіе, которое при необыкновенномъ умѣ дѣйствовало на сердце, какъ теплота на природу».

Въ это же время особенно сильно обнаруживается страстная и увлекательная натура Гр—ва по отношенію къ женщинамъ, которыя, хотя и заслуживали отъ него названіе «крикливаго пола», тѣмъ не менѣе при случаѣ свободно находили доступъ къ его сердцу. Страсть эта теперь главнымъ образомъ выражалась въ волокитствѣ за актрисами и вообще въ закулисныхъ похожденіяхъ. Одною изъ танцовщицъ, Телешевой, въ три—четыре вечера увлекся онъ до того, что она едва не свела его съ ума. Къ ней онъ пишетъ стихи и приписываетъ своему вліянію усовершенствованіе ея въ танцахъ. Романъ этотъ особенно былъ интересенъ для Гр—ва тѣмъ, что соперникомъ его былъ ген.-губернаторъ Милорадовичъ, извѣстный покровитель хорошенькихъ актрисъ Впрочемъ, надо признаться, что оба соперника были не совсѣмъ счастливы: и ихъ увлеченіе, кажется, ограничилось только платоническимъ волокитствомъ. Ухаживалъ онъ и за Истоминой. Нѣтъ, конечно, возможности прослѣдить всѣ его подобныя похожденія; можно только сказать, что ихъ было не мало, и они довели Г—ва до того, что онъ, по его собственнымъ словамъ, «чернѣя угля выгорѣлъ». Но всѣ эти любовныя похожденія, закулисныя шалости, кутежи не дали забыться Гр—ву. Онъ не остался глухъ къ тѣмъ идеямъ и вѣяніямъ, которыя тогда носились въ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что ему пришлось познакомиться съ такими людьми, которые являлись носителями этихъ идей. Нашествіе Наполеона, громъ войны 12-го года съ ея пораженіями и побѣдами, позже походъ русскихъ за границу, закончившійся взя-

тіемъ Парижа,—всѣ эти событія сильно подѣйствовали на русское общество, особенно на молодыхъ офицеровъ, очевидцевъ всѣхъ этихъ событій. Они побывали за границей, близко ознакомились съ тамошней цивилизаціей и вернулись въ 14 году на родину съ чувствомъ собственнаго достоинства, исполненные любви къ отечеству. Недостатки русской жизни во всей своей наготѣ обнаружились передъ ними. Они возгораются желаніемъ исправить эти недостатки и направить русскую жизнь по руслу западной цивилизаціи. Пока все это въ зачаточномъ видѣ; планы и проекты этихъ людей пока не организованы, не выработана программа дѣйствій. Центромъ средоточія ихъ являются массонскія ложи, куда съ радостью принимають всякаго здраво и честно мыслящаго человѣка.

Въ 1816 г. мы видимъ Гр—ва членомъ массонской ложи: «Des amis réunis». Въ спискѣ этой ложи за указанный годъ на ряду съ Гр—вымъ стоятъ имена Чаадаева, Норова, Пестеля. Мы не имѣемъ данныхъ точно формулировать, какъ Гр—въ отнесся и оцѣнилъ стремленія и желанія этихъ новыхъ людей; можно только утверждать, что обращеніе его въ средѣ этихъ новыхъ людей въ значительной степени способствовало выработкѣ и укрѣпленію въ немъ серьезнаго взгляда на призваніе литературы въ ту смутную эпоху. Ему кажется безполезнымъ остановиться на драматическихъ бездѣлкахъ, которыя создаются имъ подъ вліяніемъ страсти къ театру. Онъ хочетъ создать что-нибудь такое, что имѣло бы значеніе болѣе существенное и затронуло бы вопросы русской жизни. Еще будучи въ военной службѣ, Гр—въ задумалъ планъ драмы изъ эпохи 12-го года, гдѣ хотѣлъ въ истинномъ свѣтѣ представить русскую аристократію съ отрицательной стороны, но планъ этотъ оказался

неосуществимымъ. Теперь же онъ хочетъ изобразить ту среду, въ которой онъ выросъ и воспринялъ первыя впечатлѣнія дѣтства, нравственное уродство которой онъ понялъ еще съ университетской скамьи и тогда еще воспылалъ ненавистью къ этимъ людямъ. Сравненіе этой среды съ людьми новой эпохи побуждаетъ его, какъ нельзя сильнѣе, къ созданію произведенія, въ которомъ бы онъ могъ показать «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій».

По свидѣтельству Бѣгичева, Гр—въ теперь приступаетъ къ созданію комедіи, надъ которой работаетъ уже не такъ, какъ надъ драматическими своими бездѣлками; онъ набрасываетъ нѣсколько сценъ и читаетъ ихъ друзьямъ, очевидно, желая получить отъ нихъ какія-либо указанія и совѣты. Наброски эти не сохранились, но есть нѣкоторое свидѣтельство о нихъ. Роль главнаго дѣйствующаго лица не была еще вполнѣ выяснена; нѣкоторыя лица въ комедіи послѣдней редакціи не были очерчены и даже намѣчены, зато было нѣсколько типовъ, которые потомъ были выкинуты. Типа Репетилова не было. Была жена Фамусова, отъ характеристики которой осталось три-четыре мѣста въ окончательной редакціи. Конечно, болѣе точно были очерчены характеры, наиболѣе памятные автору, какъ напримѣръ, дядя—А. Ф. Грибоѣдовъ, московскій тузъ, выведенный, безъ сомнѣнія, въ лицѣ Фамусова. Эти отрывки, прочитанные друзьямъ, вызвали сочувствіе и одобреніе ихъ. Друзьямъ его нравились не только мѣткіе, сатирическіе стихи, но и самое желаніе автора, который хотѣлъ сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ истинъ.

Хотя Гр—въ засѣлъ серьезно за свое новое произведеніе, тѣмъ не менѣе страсть къ театру не оставляла его; онъ попрежнему наскоро лѣпитъ театральныя

пьесы, попрежнему является дѣятельнымъ за кулисами. Пьесы эти ничѣмъ не отличаются отъ общаго уровня драматическихъ пьесъ того времени—это передѣлки или переводы съ французскаго; пишутся они наскоро, главнымъ образомъ по просьбѣ какого-нибудъ актера—для бенефисовъ. Тогда было въ обычаѣ, чтобы актеръ въ свой бенефисъ непремѣнно ставилъ новую пьесу. Гр—ва, какъ постоянно бывавшаго за кулисами, осаждали подобными просьбами.—Вотъ какъ самъ Гр·· въ разсказываетъ о появленіи «Притворной невѣрности», въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1818 г.: «При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила, чтобы я не задержалъ ея бенефиса, а, чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-ая и XIII-ая; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говорилъ: «я здѣсь, все слышалъ и все знаю», я самъ кончилъ. Впрочемъ, и въ его сценахъ есть иное мое, какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать, и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ». Пьеса эта, какъ и предполагалось, была поставлена въ бенефисъ Семеновой 11-го февраля того же года и, по словамъ Аронова, «была разыграна отчетливо». Вотъ какъ онъ характеризуетъ ее: «Эта пьеса принадлежитъ къ разряду высокой комедіи: сцены въ ней естественны, разговоръ живъ и занимателенъ, стихи хороши и не натянуты... Пьеса—очень игрива, но требуетъ обдуманнаго исполненія».—

Подобнымъ образомъ появились и пять сценъ изъ комедіи: «Своя семья». 24-го января 1818 г. предпола-

гался бенефисъ М. И. Валберковой, для котораго князь Шаховской задумалъ новую комедію, въ которой бы могъ проявиться многосторонній талантъ Валберковой; онъ сообщилъ свой сюжетъ Гр—ву и Хмельницкому, и они согласились написать по нѣскольку сценъ. Гр—въ написалъ пять сценъ II д., которыя вышли довольно удачно.

По просьбѣ одного изъ актеровъ, Брянскаго, была написана «Проба интермедіи», разыгранная 10-го ноября 1819 г. въ его бенефисъ. Это не что иное, какъ дивертисментъ, которые были тогда въ большомъ ходу и ставились преимущественно въ бенефисы, чтобы дать возможность большему числу артистовъ разныхъ труппъ принять участіе въ бенефисѣ. Съ литературной стороны произведеніе это не представляетъ ничего интереснаго, кромѣ легкости стиха, обнаруживающей умѣнье автора владѣть избранной формой.

Мы не останавливаемся подробно на этихъ пьесахъ и не считаемъ нужнымъ передавать ихъ содержаніе, такъ какъ всѣ онѣ въ настоящее время напечатаны [6].

Вообще же, какъ мы уже замѣтили, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ пьесъ того времени: передѣлокъ или переводовъ тѣхъ французскихъ авторовъ, которые пользовались наибольшею популярностью. Писались тогда комедіи и оригинальныя, но всѣ онѣ были довольно легкаго содержанія, отличались наблюдательностью, довольно поверхностною; изображали только модныя увлеченія или современныя странности. Нѣкоторыя изъ нихъ были написаны довольно живо; въ нихъ было много добродушнаго юмора, но недоставало ярко об-

[6]) См. Соч. А. С. Гр—ва подъ ред. Шляпкина, С.-ПБ. 1889 г. II ст.

рисованныхъ характеровъ или ловко схваченныхъ типовъ.

Въ частности пьесы Гр—ва интересны для насъ въ томъ отношеніи, что даютъ возможность видѣть, какъ постепенно вырабатывался стихъ его, и какъ постепенно складывалось его направленіе. «Молодые супруги» представляютъ переводъ и въ литературномъ отношеніи довольно неудачный, на недостатки котораго еще указалъ Загоскинъ. Въ «Притворной невѣрности» стихи хороши и не натянуты, разговоръ живъ и занимателенъ.—Въ пяти же сценахъ, написанныхъ для комедіи: «Своя семья» — кн. Шаховского, кромѣ звучности стиха, силы выраженія и вѣрности характеровъ, мы находимъ поворотъ къ бытовой комедіи: тутъ уже дѣйствующими лицами являются не Артисты, не Эльмиры («Молодые супруги»), а все люди знакомые, близкіе намъ: Варвара Савишна, Наташа. Несомнѣнно, всѣ эти піесы по своей отдѣлкѣ выходили бы много лучше, если бы Г—въ не такъ скоро писалъ ихъ, какъ это ему приходилось дѣлать, готовя ихъ къ бенефисамъ; къ этому же присоединялось желаніе автора видѣть піесу на сценѣ.

Мы съ намѣреніемъ не сказали еще ни слова о ком: «Студентъ», появленіе которой біографами относится къ 1817 г. Написана она Гр—вымъ въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней является студентъ Беневоленскій, поклонникъ сентиментальной поэзіи, глупый стихотворецъ, который говоритъ фразами и стихами извѣстныхъ тогда романтиковъ: на него въ комедіи обращено особое вниманіе, и направлены стрѣлы авторскаго остроумія, часто натянутаго, и насмѣшекъ. Несомнѣнно, что ком. имѣла въ виду осмѣять поэзію Жуковскаго, Батюшкова и др. сторонниковъ романтизма.

Интересно то, что Гр—въ не былъ ярымъ сторон-

никомъ ложно-классицизма, а между тѣмъ въ комедіи является врагомъ романтизма. Но это объясняется отчасти вліяніемъ Катенина, а главнымъ образомъ личнымъ непріязненнымъ отношеніемъ къ многимъ сторонникамъ романтизма, а особенно къ Загоскину, который и выведенъ въ комедіи въ лицѣ Беневоленскаго.

Гр—въ страшно сердился на Загоскина за то, что онъ подвергъ его нападенію въ своей пьесѣ: «Романъ на большой дорогѣ», и, во что бы то ни стало, рѣшилъ отплатить ему тѣмъ же, что ему и удалось въ комедіи: «Студентъ». Пьеса эта не была напечатана въ свое время и долго ходила въ спискахъ, такъ какъ въ ней были задѣты корифеи тогдашней литературы: Жуковскій, Батюшковъ. По своему существу она не представляла ничего особеннаго, наполненная условными фигурами, и, по мнѣнію Пыпина, далека была отъ жизни; тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ вниманія, такъ какъ обнаруживаетъ достаточный навыкъ Гр—ва къ литературнымъ трудамъ въ прозаической формѣ. Прежде всего бросается въ глаза стиль и точность языка; манера рѣчей каждаго дѣйствующаго лица является строго выдержанной: Сабининъ, гусарскій ротмистръ, Варинька, Полюбинъ, Прохоровъ, Иванъ—слуга—всѣ говорятъ своимъ языкомъ, сообразно своему положенію. Подъ стать этой комедіи, которая въ общемъ не превышала самаго обыкновеннаго уровня, но по своей идеѣ стоитъ отдѣльно отъ другихъ драматическихъ опытовъ Гр—ва, онъ вмѣшивается въ мелкіе полемическіе споры, запальчиво отвѣчаетъ своимъ литературнымъ противникамъ, задѣвшимъ его писательское самолюбіе, но при всемъ томъ онъ рѣзко отличается отъ прочей своей братіи—личной живостью ума, могучей оригинальностью своихъ взглядовъ. Разумѣется, обильная театральная

дѣятельность Гр—ва должна была обратить на себя вниманіе тогдашней критики. Такъ оно и было. Гр—въ не избѣжалъ оцѣнки своихъ молодыхъ произведеній. Въ журналѣ того времени: «Сѣверный Наблюдатель», печатался репертуаръ пьесъ, исполняемыхъ въ продолженіе недѣли, съ критическими на нихъ замѣтками. Загоскинъ выписалъ слабые стихи изъ комедіи: «Молодые супруги», которая тогда ставилась очень часто, и напечаталъ ихъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» съ своими комментаріями, гдѣ между прочимъ замѣтилъ, что

«Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи».

Сначала Гр—въ, какъ онъ пишетъ Катенину, хотѣлъ отнестись къ этому холодно: «сперва, какъ прочиталъ, разсмѣялся, но послѣ, чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ, не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости» [7]).

Шалость эта до насъ дошла подъ заглавіемъ: «Лубочный театръ», гдѣ живымъ, развязнымъ стихомъ довольно безцеремонно Гр—въ прохватилъ своего врага. Памфлетъ этотъ, кромѣ живого, разговорнаго стиха, не заслуживалъ бы нашего вниманія, если бы не показывалъ, съ какой запальчивостью выступалъ авторъ на защиту собственнаго оскорбленнаго самолюбія. Для писателей нашего времени это считалось бы предосудительнымъ, но въ то время это было въ обычаѣ; стоитъ только припомнить, какимъ только нападкамъ, какъ писа-

---

7) Соч. подъ ред. Шляпкина I. 161.

тель, ни подвергался кн. Шаховской изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей и не стѣснялся отпарировать своихъ враговъ тѣмъ же Такимъ образомъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что Гр—въ не только своими произведеніями, но и своимъ характеромъ, направленіемъ не выдѣлялся изъ общаго уровня тогдашнихъ писателей.

Тѣми же личными мотивами, именно желаніемъ вступиться за своего друга, объясняется и появленіе Грибоѣдовской статьи въ № 30 «Сына Отечества» за 1816 г. подъ названіемъ: «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: «Ленора» Катенинъ, другъ Гр—ва, сознательный сторонникъ классицизма и ярый противникъ Жуковскаго, Батюшкова, перевелъ на русскій языкъ балладу Бюргера: «Ленора», передѣлавъ ее на русскіе нравы: героиню назвалъ Ольгою, мѣсто дѣйствія изъ Богеміи перенесъ подъ Полтаву и преобразилъ эпоху семилѣтней войны въ 1709 г (Полтавская побѣда). Трудъ Катенина оказался не вполнѣ удачнымъ, что и было тогда замѣчено опытными литераторами. Гнѣдичъ, извѣстный переводчикъ «Иліады», въ своей небольшой статьѣ «о вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады: «Ленора», помѣщенной въ «Сынѣ Отечества», по достоинству оцѣнилъ трудъ Катенина, при разборѣ не избѣжалъ нѣкоторой мелочности и придирчивости. Это взбѣсило Гр—ва: онъ рѣшился выступить на защиту своего друга и написалъ названную нами статью, въ которой сначала отстраняетъ упреки со стороны Гнѣдича въ нарушеніи правилъ грамматики и логики, а затѣмъ, принимая на себя роль рецензента, начинаетъ въ подражаніе критику придираться къ различнымъ мелочамъ въ Катенинскомъ переводѣ; пародія часто выходитъ удачной. Статья эта, несомнѣнно, на-

писана пристрастно и, подобно «Лубочному театру», достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ литературной полемики Гр—ва, тѣмъ не менѣе для насъ она является весьма интересной въ томъ отношеніи, что нѣкоторыми мелкими замѣчаніями обнаруживаетъ въ авторѣ весьма значительное литературное и художественное развитіе, какое въ то время являлось далеко не общимъ. Онъ является сторонникомъ простоты поэтическаго творчества и указываетъ на «простонародныя пѣсни», какъ на матеріалъ, не лишенный художественнаго авторитета. Свой романтическій вѣкъ онъ называетъ «слезливымъ». Статья заканчивается весьма здравымъ взглядомъ на задачи художественной критики: «если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ,—не стоитъ того, чтобы писать критику; если же есть, то разсмотрѣть: какого онѣ рода? много ли ихъ, или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія» [8].

Полемикой, вызванной ком. Шаховского: «Урокъ кокеткамъ», или «Липецкія воды», которая своимъ появленіемъ надѣлала много шуму и возбудила много негодованій на автора, было вызвано стихотвореніе Г—ва: «Отъ Аполлона», гдѣ онъ отвергаетъ всякую солидарность съ критическими нападками на пьесу Шаховского.

Время, проводимое Гр—вымъ теперь въ Петербургѣ, можно назвать первымъ періодомъ его литературной дѣятельности. Это былъ періодъ выучки, усовершенствованія въ стихотворной техникѣ, въ пріобрѣтеніи навыка владѣть избранной формой. Тутъ Гр—въ

[8]) Соч. Г—ва I. 23.

перезнакомился почти со всѣми тогдашними писателями и драматургами. Слѣдовало бы ожидать, что онъ, какъ литераторъ и при томъ молодой, увлечется какимъ-нибудь однимъ литературнымъ направленіемъ и пристанетъ къ какому-нибудь опредѣленному лагерю или, какъ выражается Веселовскій, «литературному приходу».

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, мы скажемъ кратко о тѣхъ литературныхъ обществахъ, которыя являлись носителями двухъ главныхъ теченій въ тогдашней литературѣ: ложно-классицизма и романтизма. Представители перваго направленія сосредоточивались въ обществѣ—«Бесѣда любителей россійскаго слова», которое возникло въ 1810 г. Во главѣ «Бесѣды» стоялъ Шишковъ, авторъ устава этого общества. Общество это, обладая полнымъ кодексомъ воззрѣній на лучшія формы языка и на предметы, коими должны заниматься—литература и искусство, держась строгаго разграниченія родовъ литературы, отдавало предпочтеніе одѣ и ложно-классической трагедіи, словомъ, всему, что казалось возвышеннымъ и героическимъ, а въ дѣйствительности было натянуто и пусто. Оно свысока смотрѣло на людей новаго направленія и всѣ ихъ новшества, хотя бы въ видѣ измѣненія слога, считало посягательствомъ на основы государства. Характеръ общества былъ чисто бюрократическій: министры, епископы, генералы,—все, что было знатнаго и имѣвшаго вліяніе въ службѣ и обществѣ, домагалось участія въ «Бесѣдѣ». Засѣданія отличались необыкновенной торжественностью; происходили онѣ въ домѣ Державина на Фонтанкѣ, который для засѣданій «Бесѣды» отдалъ великолѣпный залъ «Здѣсь», читаемъ мы у одного современника *):

*) Вигель. Воспоминанія, ч. III, стр. 151.

«какъ въ храмѣ бога свѣта, зимой бывали вечернія торжественныя собранія «Бесѣды». Члены вокругъ столовъ занимали середину; тамъ же разставлены были кресла для почтеннѣйшихъ гостей, а вдоль стѣны въ три уступа хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ пускаемыхъ. Чтобы придать симъ собраніямъ болѣе блеску, прекрасный полъ являлся въ бальныхъ нарядахъ, статсъ-дамы въ партерахъ, вельможи и генералы были въ лентахъ и звѣздахъ и всѣ вообще въ мундирахъ... Всѣ присутствующіе исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ, и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ». Все, что было читано въ «Бесѣдѣ», печаталось подъ названіемъ «чтеній»; ихъ было издано 19 книжекъ (отъ 1811—1815 г.). Сухость, педантство, скудость дарованія, за немногими исключеніями, составляютъ характеръ ихъ.

Молодые писатели, какъ бы въ противоположность «Бесѣдѣ», образовали свое общество, или, лучше сказать—товарищескій кружокъ, извѣстный въ преданіяхъ литературы подъ названіемъ «Арзамасъ», который поставилъ своею задачею осмѣяніе всякой напыщенности въ литературѣ и защиту новыхъ литературныхъ теченій,—нововведенія Карамзина, поэзію Жуковскаго и Батюшкова, которые впервые заговорили о душѣ обыкновеннаго человѣка, не героя,—страдающаго и любящаго. Невидимымъ главою этого общества былъ Карамзинъ, виновникъ произведеннаго переворота въ литературѣ. Въ числѣ членовъ мы видимъ почти всѣхъ талантливыхъ писателей того времени; имена ихъ можно встрѣтить вездѣ, гдѣ только заходитъ рѣчь объ «Арзамасѣ». Вступая въ общество, члены принимали особыя прозвища, заимствованныя изъ балладъ Жуковскаго; всѣ же

вообще назывались «арзамасцами». Собирались они большею частью у Блудова, одного изъ энергичныхъ членовъ этого общества, впослѣдствіи извѣстнаго государственнаго и дипломатическаго дѣятеля; или же у Уварова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, въ 1818 г. назначеннаго президентомъ Академіи Наукъ. Вечера, назначенные для чтенія или разбора какого-нибудъ произведенія, всегда заканчивались ужиномъ, за которымъ куплеты и эпиграммы были заурядным явленіемъ.— «Арзамасъ», читаемъ мы въ литературныхъ воспоминаніяхъ Уварова: «не имѣлъ никакой опредѣленной формы: это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собой однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи и собравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признали руководителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого общества, или, лучше сказать: этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной источниковъ древней и иностранной литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка» [10]).

За неимѣніемъ данныхъ, мы не можемъ ясно формулировать, былъ или нѣтъ Гр—въ сторонникомъ одного изъ этихъ обществъ, являвшихся носителями двухъ тогдашнихъ литературныхъ теченій. Какъ человѣкъ, обладающій природнымъ умомъ, тонкой наблюдательностью, высоко развитымъ литературнымъ вкусомъ, который достаточно ясно проглядываетъ въ его литературной полемикѣ, онъ не могъ не видѣть предразсудковъ, уто-

---

[10]) «Современникъ». 1851. XXVII т. № 6, 38.

пій и отсталости «Бесѣды»; съ другой стороны, отъ него не ускользнуло и истинное значеніе «Арзамаса», какъ литературнаго общества. Несомнѣнно, арзамасцы большею частью были люди умные, даровитые, прекрасно образованные, обладавшіе чувствомъ изящнаго, съ искреннею любовью къ литературѣ, но «случайное происхожденіе этого общества, какъ справедливо замѣчаетъ біографъ Батюшкова, Майковъ, и отсутствіе строго опредѣленной цѣли при его основаніи, а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширеніе его состава — были коренными причинами незначительной дѣятельности этого кружка. Говорятъ, что люди этого общества занимались разборомъ литературныхъ произведеній,—быть можетъ, но въ нашей литературѣ не осталось слѣдовъ этой совокупной дѣятельности арзамасцевъ въ этомъ направленіи; они собирались что-то дѣлать, но ничего не сдѣлали сообща, а что сдѣлали порознь, того нельзя ставить въ общую заслугу» [11]). Незначительная дѣятельность «Арзамаса», отсутствіе въ ней строго опредѣленной цѣли, съ одной стороны, съ другой—строгая послѣдовательность въ дѣятельности «Бесѣды» при обладаніи полнымъ кодексомъ воззрѣній, склоняли Гр—дова въ пользу послѣдней. Каковъ былъ кодексъ «Бесѣды», теперь разобрано и оцѣнено по достоинству, но въ свое время онъ имѣлъ обольстительную сторону и привлекалъ умныхъ и образованныхъ людей. Симпатія Гр—дова къ «Бесѣдѣ» поддерживалась еще и вліяніемъ Катенина, который былъ, несомнѣнно, однимъ изъ умѣренныхъ и раціональныхъ ея сторонниковъ. Не будетъ излишне

[11]) Соч. Батюшкова, т. I. 244. (Біографія Батюшкова, нап. Л. Майковымъ).

нѣсколько подробнѣе остановиться на выясненіи личности и литературныхъ взглядовъ этого сторонника «Бесѣды». Теперь, кажется, выяснено, что П. А. Катенинъ обладалъ хорошимъ образованіемъ и развитіемъ, толчокъ которому далъ заграничный походъ 1814—15 г. Парижъ раскрылъ предъ нимъ свои музеи, галлереи и театры, и Катенинъ становится записнымъ театраломъ, не увлекающимся однако безразлично и драмой, и оперой, и балетомъ, какъ это бывало бальшею частью въ то время, а придерживающимся строгаго классическаго репертуара французской трагедіи и античной поэзіи. Состоя на службѣ, онъ никогда не переставалъ учиться; уже въ зрѣлыхъ годахъ овладѣлъ греческимъ языкомъ. Французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ; англійскій, испанскій и латинскій зналъ настолько, что могъ на нихъ свободно читать. И онъ широко воспользовался этой привилегіей: всѣ выдающіеся памятники западно-европейской литературы были ему знакомы. Начитанность его обнимала всѣ предметы. При историческихъ и литературныхъ спорахъ его всегда выбирали посредникомъ и судъ его принимали безпрекословно.

Осчастливленный такими блестящими дарами природы, быстро поднимаясь по службѣ, Катенинъ вѣрилъ въ свою звѣзду, вѣрилъ въ себя выше мѣры. Вигель говорилъ: «Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ. У него было самое страшное авторское самолюбіе: мнѣ случалось отъ него слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ; за это готовъ онъ вступиться съ оружіемъ

въ рукахъ» [12]).—«Несносно твое самолюбіе», пишетъ Кюхельбекеръ въ своемъ дневникѣ» [13]).

Въ исторіи нашей литературы Катенинъ болѣе важенъ, какъ критикъ, чѣмъ—какъ поэтъ; но, будучи критикомъ, онъ старался дальше держаться отъ той литературной травли, какая въ то время происходила между литераторами. Онъ очень высоко ставилъ литературное слово и выступалъ въ полемикѣ только тогда, когда затрогивался общій, принципіальный вопросъ; но отъ словеснаго спора онъ никогда не отказывался. Вигель говоритъ, что онъ постоянно ругалъ писателей: «ни одному изъ нихъ не было пощады: ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ».

Что касается литературныхъ взглядовъ Катенина, то прежде всего надо отмѣтить, что онъ, отдавая должное прирожденному таланту писателя, тѣмъ не менѣе признавалъ: «безъ размышленія и труда ни съ какимъ природнымъ даромъ до истинно отмѣннаго нельзя достигнуть» [14]).

Онъ, какъ извѣстно, когда прочиталъ «Горе отъ ума», упрекнулъ Гр—ва, что въ его комедіи дарованія больше, нежели искусства.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Катенинъ былъ ярымъ сторонникомъ классицизма. Французскіе трагики, которыхъ онъ съ любовью переводилъ на русскій языкъ, имѣли для него значеніе высшихъ образцовъ; впрочемъ, не всѣ, а исключительно времени Людовика XIV и ихъ послѣдователи. Въ Вольтерѣ, напр., онъ уже

---

[12]) Вильна, III ч. 147.

[13]) «Русс. Старина» 1884. XII. 78.

[14]) «Размышленіе и Разборъ» «Литер. Газета» —Дельвига. 1830. № 44, 64.

видѣлъ отщепенца отъ прямого искусства, виновника ложныхъ взглядовъ на драму. Въ трагедіи, «въ этомъ благороднѣйшемъ изъ родовъ драматическихъ, потребны, сверхъ ихъ вѣрности и живости изображенія, еще высокость и красота самаго предмета» [15]). Вторженіе комическаго элемента въ трагедію, описаніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ жизни на ряду съ благородными не можетъ быть терпимо: «въ содержаніи истинно-комическомъ кому и надъ чѣмъ забавляться». Если въ дѣйствительности «часто смѣхъ и горе въ одно время бываютъ», то вѣдь «искусство не обязано списывать съ натуры цѣликомъ: оно въ правѣ откинуть лишнее и должно удовлетворять жаркое чувство изящнаго, а не холодныя изслѣдованія любопытства». Къ роду низшему сравнительно съ трагедіей—къ драмамъ, комедіямъ, различнымъ веселымъ поэмамъ, сказкамъ, посланіямъ и т. п. Катенинъ прибѣгалъ довольно часто, но значенія такимъ трудамъ не придавалъ. Ко всему этому нужно прибавить, что онъ строго держался теоріи единства и раздѣленія слога на степени.

Что касается раздѣленія поэзіи на классическую и романтическую, то это дѣленіе Катенинъ называлъ вздорнымъ и ни на какомъ ясномъ различіи не основаннымъ. Но, отвергая такое раздѣленіе, какъ неосновательное, онъ тѣмъ не менѣе признавалъ фактъ самаго дѣленія и смотрѣлъ на романтизмъ, какъ на поэтическое направленіе, заимствованное съ Запада. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, онъ отрицалъ возможность существованія русскаго романтизма, такъ какъ Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европой. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ въ своихъ «размышленіяхъ и разборахъ»: «Россія

---

[15]) «Литер. Газет.» 282.

искони не имѣла ничего общаго съ Европой Западной; первыя свои познанія, художества и науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православною изъ Царьграда, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго или коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественные молебны. Правда, Петръ Первый много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но ужели перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянить и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи?» По счастью, это невозможно, и одна вѣра своя предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. Сверхъ того, все близкое въ исторіи нашей едва ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая; прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украйнѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ пріобрѣтеннымъ, значитъ уже слишкомъ дешево мѣнять святую Русь». [16]). Само собою понятно, что подобные взгляды Катенина должны были склонить его на сторону «Бесѣды», этой, такъ сказать, представительницы національныхъ интересовъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ свидѣтельство, говорящее, что «Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шишкова: «О старомъ и новомъ слогѣ»—своимъ литературнымъ евангеліемъ» [17]). У Вигеля мы находимъ указаніе на то, что Катенинъ сильно уважалъ Шишкова. Всѣ эти послѣдовательные взгляды одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени не могли не повліять на Гр—ва, человѣка съ серьезнымъ

---

[16]) Тамъ же 151.

[17]) Анненковъ. «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». С.-ПБ. 1888 г. стр. 135.

аправленіемъ мысли, кромѣ того, высоко цѣнившаго Катенина и считавшаго его своимъ другомъ, и это еще болѣе усиливало сочувствіе Гр—дова къ «Бесѣдѣ», которое позже отразилось въ нѣкоторыхъ славянофильскихъ тенденціяхъ, проводимыхъ въ выходкахъ Чацкаго.

Въ 1817 г. Гр—довъ познакомился съ Пушкинымъ и произвелъ на него сильное и благопріятное впечатлѣніе. Вотъ какъ впослѣдствіи Пушкинъ вспоминалъ объ этомъ знакомствѣ: «Я познакомился съ Гр—довымъ въ 1817 г. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества,—все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости,—эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ-быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ» [18])... Но какое впечатлѣніе произвелъ Пушкинъ на Гр—дова, объ этомъ непосредственнаго сви-

[18]) Соч. Пушкина. Изд. 20-е въ одномъ томѣ. Моск. 1888 г.—135 г.

дѣтельства мы не имѣетъ. Съ увѣренностью можно сказать, что Гр--довъ видѣлъ въ немъ только члена «Арзамаса», а потому и усумнился признать въ немъ одну изъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, и не почелъ нужнымъ близко сойтись съ нимъ.

Хотя Гр—довъ и не сочувствовалъ направленію «Арзамаса», который являлся отстаивателемъ новыхъ вѣяній въ литературѣ и называлъ свой вѣкъ романтизма «слезливымъ», и видѣлъ въ Пушкинѣ человѣка другого лагеря, однако не могъ совершенно избѣжать этихъ новыхъ вѣяній, явившихся на смѣну ложно-классицизма. Остановиться навсегда на разъ принятой теоріи, фундаментъ которой заложенъ былъ еще занятіемъ съ Буле въ университетѣ и въ разсматриваемый нами періодъ поддерживался направленіемъ «Бесѣды», — не позволяло то высокое художественное и литературное развитіе, которое являлось слѣдствіемъ хорошаго образованія и высокаго, недюженнаго ума. Въ это время Гр—довъ является сторонникомъ простоты поэтическаго творчества и въ простонародныхъ пѣсняхъ видитъ матеріалъ, не лишенный художественнаго авторитета. Но пока это только въ теоріи, вскользь проводится въ литературной полемикѣ и въ дружескихъ бесѣдахъ съ товарищами-литераторами. Подъ конецъ жизни Грибоѣдова станетъ ясно, какъ глубоко коснулись его эти новыя вѣянія, когда онъ серьезно обратится къ русскому народному творчеству, къ родной старинѣ и тамъ будетъ искать себѣ сюжеты для вдохновенія. Нѣкоторая наклонность къ этимъ историческимъ сюжетамъ, главнымъ образомъ изъ эпохи народной жизни, проскальзывала еще много раньше, именно въ желаніи написать драму: «12-й годъ». Отъ сохранившагося наброска названной драмы сильно вѣетъ романтизмомъ, хотя и наивнымъ,

и любовью автора къ простому народу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является не «герой», но нѣкто М., совершающій великіе подвиги,—изъ крѣпостныхъ, который по окончаніи войны обойденъ наградами и опять препровождается подъ палку своего господина [19]).

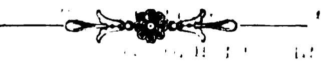
Круговращеніе въ Петербургскомъ круговоротѣ, закулисныя похожденія, кутежи, участіе въ литературѣ, въ современномъ театрѣ не отвлекли Гр—дова отъ самообразованія; онъ находитъ время пополнять свои пробѣлы. Владѣя въ совершенствѣ однимъ классическимъ языкомъ, онъ хочетъ усвоить и другой и съ этой цѣлью принимается за греческій языкъ; посвящаетъ ему достаточно времени и сравнительно въ небольшой срокъ настолько усваиваетъ его, что начинаетъ понимать его красоты.

Петербургская жизнь сильно подѣйствовала на нервы молодого человѣка, а всѣ неумѣренности растроили ихъ настолько, что по временамъ на Гр—дова нападаетъ какая-то тоска, боязнь за будущее, желаніе узнать его; съ этою цѣлію онъ обращается къ гадалкѣ и спрашиваетъ ее, что съ нимъ будетъ [20])! Но какъ бы то ни было, жизнь въ Петербургѣ сильно пришлась ему по душѣ; онъ даже оставилъ поѣздку въ Дерптъ, очевидно, предполагавшуюся въ видахъ собственнаго образованія, и былъ доволенъ своею судьбой, поселившись на Екатерининскомъ каналѣ.

Аркадій Соловьевъ.

Юрьевъ 1902.
10 февраля.

Продолженіе будетъ.

[19]) См. Соч. Гр—ва подъ ред. Шляпкина II т.
[20]) Соч. Гр—ва I. т. 160.

Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматическомъ и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ *).

3.

Разсмотримъ теперь дѣленіе періодовъ. Если цѣль логическаго дѣленія—вообще ясная и точная классификація знаній, то этимъ логическимъ орудіемъ пренебрегать не слѣдовало бы и въ ученіи о періодѣ: въ педагогическомъ отношеніи ясная и точная классификація знаній, безъ сомнѣнія, имѣетъ весьма важное значеніе.

Обращаясь къ ученію о періодѣ, мы находимъ здѣсь разнообразныя дѣленія. Періоды дѣлятся а) на простые и сложные, б) на одночленные, двухчленные, трехчленные и многочленные; в) на восходящіе и нисходящіе, и проч. Есть и еще дѣленія періодовъ, но тѣ встрѣчаются въ учебникахъ рѣдко, а указанныя здѣсь дѣленія встрѣчаются почти въ каждомъ учебникѣ. На нихъ прежде всего остановимся и посмотримъ, насколько они основательны и правильны, и необходимы ли въ ученіи о періодѣ.

На чемъ основано дѣленіе періодовъ на простые и сложные?—Дѣленіе это мы встрѣчали еще у Аристотеля. Онъ дѣлилъ періоды на одночленные, или простые (μονόχωλον, περίοδος ἀφελής) и членные (ἡ ἐν κώλοις), или сложные по числу колоновъ: одинъ колонъ—это—періодъ одночленный, или простой; нѣсколько колоновъ—это—періодъ многочленный,

---

*) Окончаніе.

или сложный. Мы говорили уже, что это дѣленіе страдаетъ неясностію и сбивчивостію, что и обнаружилось еще у самого Аристотеля и Цицерона въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Квинтиліанъ нѣсколько видоизмѣнилъ основаніе этого дѣленія, раздѣливъ періоды на простые и сложные по количеству мыслей: періодъ простой это—одна мысль; періодъ сложный это—много мыслей. Въ своемъ мѣстѣ мы также указывали, что и „diximus" – одна мысль; но Квинтиліанъ не называетъ это выраженіе періодомъ, что съ его точки зрѣнія не послѣдовательно.

Въ нашихъ учебникахъ дѣленіе періодовъ на простые и сложные принято вездѣ, частію, можетъ-быть, потому, что оно рекомендуется въ учебн. планахъ и примѣрныхъ программахъ Мин. Нар. Просв. 1890 г. (см. стр. 24). Но ученіе объ этомъ дѣленіи въ нашихъ учебникахъ еще болѣе полно противорѣчій, и намъ необходимо сперва взять нѣсколько выдержекъ въ подлинномъ видѣ, чтобы судить объ этомъ дѣленіи не голословно.

Н. Гречъ говоритъ: «Періоды раздѣляются по числу входящихъ въ оные сочиняемыхъ независимыхъ предложеній на простые и сложные. 1) Простой періодъ заключаетъ въ себѣ одно независимое предложеніе и столько зависимыхъ или придаточныхъ, сколько требуется по смыслу онаго. 2) Сложный періодъ заключаетъ въ себѣ два независимыхъ предложенія и болѣе съ принадлежащими къ онымъ придаточными" „Практ. русск. Грам." § 421.

У Андрея Филонова говорится такъ: «Простой періодъ есть самостоятельное предложеніе, распространенное опредѣленіями, дополненіями, обстоятельствами, а иногда и придаточными предложеніями и доведенное до извѣстной полноты, соразмѣрности и плавности. Періодъ сложный долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ двухъ самостоятельныхъ предложеній". „Учебн. Слов." стр. 49.

К. Говоровъ говоритъ: „Періодомъ простымъ называется простое распространенное предложеніе, отличительнымъ признакомъ котораго служитъ особенная своего рода полнота и законченность въ выраженіи смысла. Періодомъ сложнымъ называется сложное предложеніе съ тѣмъ же отличительнымъ признакомъ". Синт. 1894 г. стр. 93.

П. Преображенскій выражается такъ: «Періодъ называется простымъ, когда главная мысль не сопоставляется съ другими мыслями. Предложенія придаточныя, служащія только къ поясненію членовъ главнаго предложенія и не заключающія въ себѣ самостоятельныхъ мыслей, не составляютъ отдѣльной части періода. Періодъ называется сложнымъ, если состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ мыслей, сопоставляемыхъ между собою, при чемъ эти мысли могутъ быть выражены какъ главными, такъ и придаточными предложеніями". Синт. § 108.

У г. Радонежскаго читаемъ: „Періодъ, заключающій въ себѣ одно главное предложеніе, распространенное придаточными, называется простымъ періодомъ,—въ которомъ два или нѣсколько распространенныхъ главныхъ, называется сложнымъ". „Уроки теор. слов." стр. 2—3.

У г. Кипріяновича сказано такъ: „Періоды по числу самостоятельныхъ мыслей дѣлятся на простые и сложные: а) періодъ простой заключаетъ въ себѣ одну мысль, синтаксически выраженную въ формѣ главнаго предложенія, распространеннаго многими второстепенными членами или придаточными предложеніями, служащими только развитію членовъ главнаго предложенія. б) Въ сложномъ періодѣ не менѣе двухъ самостоятельныхъ мыслей, синтаксически выраженныхъ въ формѣ сложнаго сочиненнаго или подчиненнаго предложенія". Синт. стр. 99.

П. А. Поликарповъ написалъ слѣдующее разсужденіе. „Періоды бываютъ простые и сложные. Простой періодъ

можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ синтаксической (по формѣ) и логической (по содержанію). Съ логической стороны періодъ представляетъ одну главную законченную мысль, а съ синтаксической—одно главное распространенное предложеніе. Періодъ можетъ выражаться простымъ, сложнымъ и слитнымъ подчиненнымъ предложеніемъ"... Въ сложномъ періодѣ можетъ быть не менѣе двухъ мыслей—одна главная (тема), другая—сопоставляемая съ ней. Эта сопоставляемая съ главною мысль можетъ быть выражена какъ главнымъ предложеніемъ, такъ и придаточнымъ; но эти придаточныя нужно отличать отъ придаточныхъ въ простомъ періодѣ: придаточныя предложенія, входящія въ составъ простого періода, не заключаютъ въ себѣ самостоятельныхъ мыслей, служатъ лишь къ названію членовъ главнаго предложенія, замѣняя второстепенные члены предложенія (опредѣленіе, дополненіе и обстоятельственныя слова), тогда какъ въ сложномъ періодѣ придаточныя предложенія, выражая мысли, сопоставляемыя съ главной, поясняютъ оную во всемъ ея объёмѣ. При этомъ сложный періодъ не можетъ выражаться простымъ предложеніемъ, и простой—сложнымъ сочиненнымъ". „О періодахъ" § 9—12.

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы видѣть, какъ рѣшается поставленный нами вопросъ. Повидимому, всѣ согласны, что періоды дѣлятся на простые и сложные по „числу предложеній"; нѣкоторые авторы, напримѣръ: Гречъ, Кипріановичъ, прямо такъ и говорятъ. Также это дѣленіе представлено и у Аристотеля: въ простомъ періодѣ—одинъ колонъ, въ сложномъ—нѣсколько колоновъ. Мы говорили уже, что дѣленіе это сбивчиво; но у Аристотеля по крайней мѣрѣ не замѣтны противорѣчія, такъ какъ онъ не вдается ни въ какія подробности; когда же Цицеронъ попытался охарактеризовать простой и сложный періодъ нѣсколько точнѣе, а Квинтиліанъ усилилъ свои старанія въ этомъ отношеніи,

то въ ихъ сужденіяхъ уже оказалась путаница. Что касается нашихъ учебниковъ, то здѣсь путаница значительно возросла. Путаница эта осложняется отъ того, что вмѣстѣ съ дѣленіемъ періодовъ на простые и сложные наши авторы одновременно даютъ и опредѣленіе простого и сложнаго періода, разсуждая каждый по-своему. Чтобы сколько-нибудь разъяснить эту путаницу, мы раздѣлимъ выше указанный матеріалъ на двѣ части: особо разберемъ дѣленіе періодовъ на простые и сложные и отдѣльно опредѣленія простого и сложнаго періода.

Мы сказали, что всѣ авторы согласно думаютъ, что періоды на простые и сложные дѣлятся по „числу предложеній". Повидимому, это—такъ просто и ясно. Но дѣло въ томъ, что „счетъ" предложеній почти каждымъ авторомъ понимается своеобразно и дѣлается по-своему. По Говорову, напримѣръ, въ простомъ періодѣ—одно простое распространенное предложеніе; по Гречу, Радонежскому и Кипріяновичу—одно главное и нѣсколько придаточныхъ; Филоновъ колеблется: иногда—одно главное, иногда съ придаточными. Такая же путаница и относительно сложнаго періода. По Говорову, въ сложномъ періодѣ—одно сложное предложеніе; по Гречу и Кипріяновичу—два главныхъ съ нѣсколькими придаточными; по Филонову—два самостоятельныхъ; по Радонежскому—два или нѣсколько главныхъ предложенія. Путаница очевидная. Такое шаткое основаніе едва ли можетъ дать какое-либо руководство къ разграниченію періода простого отъ сложнаго. Но подчеркнемъ для памяти, что въ названныхъ учебникахъ періоды дѣлятся на простые и сложные по „числу предложеній".

Теперь обратимъ вниманіе на опредѣленіе періодовъ простого и сложнаго. Что такое простой періодъ?—По Говорову, періодъ простой есть простое распространенное предложеніе; по Гречу и Радонежскому—одно главное предло-

женіе съ нѣсколькими придаточными; слѣдовательно, предложеніе сложное; по Филонову и Кипріяновичу--одно главное предложеніе, а иногда главное съ придаточными, слѣдовательно, и простое, и сложное.—Что такое періодъ сложный?—По Говорову, сложный періодъ есть одно сложное предложеніе; по Родонежскому—два или нѣсколько главныхъ; по Филонову—по крайней мѣрѣ два самостоятельныхъ предложенія", по Гречу и Кипріяновичу—два независимыхъ предложенія съ нѣсколькими придаточными.

Попробуйте теперь съ помощію этихъ опредѣленій разобрать какой-либо періодъ. Какое предложеніе ни возьмете и что о немъ ни скажете, все будетъ одновременно и правда, и ложь. Если возьмемъ простое предложеніе распространенное—будетъ простой періодъ по Говорову и по Филонову; если возьмемъ сложное предложеніе, состоящее изъ одного главнаго и одного придаточнаго, то не будетъ періодъ простой по Филонову; если возьмемъ одно главное съ нѣсколькими придаточными, опять будетъ простой періодъ по Гречу, Радонежскому и Кипріяновичу. Такая же путаница и относительно сложнаго періода. Если возьмемъ одно главное предложеніе съ придаточными, то будетъ періодъ сложный по Говорову; если возьмемъ два главныхъ съ придаточными, то будетъ опять періодъ сложный, по Гречу и Кипріяновичу; если возьмемъ просто два главныхъ предложенія, и это будетъ періодъ сложный, по Филонову и Радонежскому. Путаница непроходимая!

Несомнѣнно, въ ученіи о дѣленіи періодовъ на простые и сложные путаница понятій все растетъ и растетъ; но, тогда этой путаницы ясно не видно, такъ какъ она продолжается, какъ увидимъ далѣе, и въ ученіи о дѣленіи періодовъ на одночленные, двухчленные, трехчленные и многочленные. Къ этому дѣленію теперь и перейдемъ.

На какомъ признакѣ основано дѣленіе періодовъ на

одночленные, двухчленные, трехчленные и многочленные?— Такъ какъ и здѣсь путанница такая же, что и въ ученіи о дѣленіи періодовъ на простые и сложные, то необходимо сперва взять нѣсколько выдержекъ изъ учебниковъ, чтобы видѣть эту путаницу въ подлинномъ видѣ.

Ломоносовъ говоритъ: „Періоды ежели когда полагаются въ словѣ безъ такой взаимной принадлежности, которая разумъ одного связываетъ съ разумомъ другого, то называются одночленными... Когда два или многія логическія предложенія будутъ между собою имѣть взаимную принадлежность, которая разумъ одного связываетъ съ разумомъ другихъ; въ такомъ случаѣ періодъ и называется двухчленный, ежели два; тричленный, ежели три; четыричленный, ежели четыре предложенія помянутымъ образомъ связаны“... Примѣры: 1) Доброе начало—половина дѣла. 2) Кто хочетъ большимъ быть, тотъ долженъ всѣмъ служить и проч. Рит. § 40, 42.

Н. Гречъ говоритъ слѣдующее: „Существенныя части, т. е. независимыя или главныя предложенія, именуются членами періода; по числу ихъ періоды бываютъ одночленные (простые), двухчленные, трехчленные и четырехчленные. Болѣе четырехъ членовъ рѣдко бываетъ въ періодѣ. „Рус. Грам.“ § 422.

А. Востоковъ въ первомъ изданіи своей Рус. Грамматики говоритъ такъ: „Періодъ можетъ состоять изъ одного предложенія, простого или сложнаго, или изъ нѣсколькихъ таковыхъ предложеній, соединенныхъ союзами. Въ первомъ случаѣ періодъ есть простой, или одночленный, во второмъ случаѣ—сложный, или двухчленный, трехчленный и четырехчленный по числу входящихъ въ оный предложеній, называемыхъ членами періода“. „Рус. Грам.“ 1832 г. § 141. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Востоковъ измѣнилъ свое ученіе о дѣленіи періодовъ. „Періодъ“, говоритъ онъ: „бываетъ

двухчленный, трехчленный и четырехчленный по числу входящихъ въ оный предложеній, называемыхъ членами періода". „Рус. Грам." 1859 г. § 143—144. Измѣненіе, сдѣланное Востоковымъ въ дѣленіи періодовъ, состоитъ въ томъ, что онъ пропустилъ терминъ „одночленный". Такъ какъ это измѣненіе потомъ вошло во всѣ учебники, то мы будемъ говорить о немъ особо, теперь же только подчеркиваемъ этотъ фактъ, по виду маловажный, но имѣвшій свои послѣдствія.

Андрей Филоновъ говоритъ: „Самостоятельныя предложенія, входящія въ составъ періода, называются членами (κῶλα, membra). По числу самостоятельныхъ предложеній періоды получаютъ названіе двухчленныхъ, трехчленныхъ и т. д. „Учебн. Слов." стр. 49.

Г. Кипріяновичъ пишетъ: „По числу входящихъ въ періодъ сложныхъ самостоятельныхъ мыслей сложный періодъ называется двухчленнымъ, когда двѣ самостоятельныхъ мысли,—трехчленнымъ, когда три самостоятельныхъ мысли,—четырехчленнымъ, когда четыре самостоятельныхъ мысли, и многочленнымъ". Синт. стр. 99.

П. Житецкій разсуждаетъ такъ: „Членомъ періода называется отдѣльная мысль, выраженная большею частію въ формѣ независимаго предложенія, иногда же въ формѣ придаточнаго обстоятельственнаго полнаго предложенія. Какъ въ повышеніи, такъ и въ пониженіи можетъ быть нѣсколько членовъ періода, но какъ тамъ, такъ и здѣсь въ логическомъ отношеніи члены періода должны быть однородны, т. е. должны выражать одну мысль, или поясняющую, или поясняемую, чѣмъ и отличаются они отъ повышенія и пониженія, въ которыхъ выражаемыя мысли всегда бываютъ разнородны. Иногда два члена совпадаютъ съ двумя половинами его,—повышеніемъ и пониженіемъ, иногда же не совпадаютъ. Судя по количеству членовъ, періоды бываютъ двухчленные, трехчленные и т. д. „Теор. сочин." стр, 21—22.

У г. Поликарпова говорится такъ: „Сложный періодъ всегда имѣетъ тему, т. е. главную мысль, которая развивается въ немъ, и мысли, сопоставляемыя съ темой, раскрывающія её. Отсюда сложный періодъ состоитъ изъ двухъ частей (половинъ): въ одной (1-й по мѣсту или 2-й, безъ различія) находится тема, въ другой—мысли, её раскрывающія; та половина, въ которой заключается главная мысль, называется повышеніемъ (protasis) и произносится съ повышеніемъ голоса, а другая, гдѣ помѣщаются мысли сопоставляемыя,—пониженіемъ (apodosis) и произносится съ пониженіемъ голоса... Тема и сопоставляемыя мысли съ своими поясненіями называются членами періода. По числу этихъ членовъ періоды бываютъ двухчленные, трехчленные, четырехчленные и многочленные“. „О періодахъ“. § 13.

Н. Ливановъ пишетъ слѣдующее: „Кромѣ дѣленія на повышеніе и пониженіе, сложный періодъ дѣлится на члены. Членъ въ сложномъ періодѣ составляетъ каждая самостоятельная мысль... Количество членовъ въ періодѣ бываетъ не одинаково; ихъ можетъ быть нѣсколько какъ въ повышеніи, такъ и въ пониженіи... По количеству членовъ періоды бываютъ двухчленные, трехчленные, четырехчленные. Если же въ періодѣ болѣе четырехъ членовъ, онъ называется вообще многочленнымъ. Члены въ каждой половинѣ періода всегда выражаются предложеніями однородными и равносильными“... „Учебн. Курсъ Теор. Слов.“ Стр. 15—16.

Ясно, что дѣленіе періодовъ на одночленные, двухчленные, трехчленные и проч. основано на томъ же признакѣ, что и дѣленіе періодовъ на простые и сложные, именно—на „числѣ предложеній“. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ прямо такъ и говорится: „по числу входящихъ въ періодъ предложеній, называемыхъ членами періода“. Правда, нѣкоторые авторы вмѣсто слова „предложеніе“ употребляютъ „мысль“, но они же добавляютъ: „члены всегда выражаются

предложеніями". Итакъ, на одномъ и томъ же основаніи сдѣланы два разныхъ дѣленія, и въ науку введены два ряда терминовъ, коими означаются одни и тѣ же понятія. Логика подобныхъ дѣленій не одобряетъ.

Любопытно, какъ же образовалось это второе дѣленіе періодовъ; прослѣдить это не безынтересно, такъ какъ здѣсь мы увидимъ, что въ ученіе о періодахъ кое-что вносилось механически и даже безъ надлежащаго пониманія.

У Аристотеля μονόχωλον и περίοδος ἀφελής суть синонимы, т.-е. не два понятія, а одно; слѣдовательно, не два дѣленія, а одно. Также понималъ эти термины Н. Гречъ, у котораго рядомъ съ терминомъ „одночленный" въ скобкахъ поставлено „простой". Востоковъ прямо говоритъ: „одночленный", или „простой". Слѣдовательно, и у нашихъ авторовъ риторика и грамматика первоначально это—одно дѣленіе, а не два, и термины „простой" и „одночленный" употреблялись, какъ синонимы. Но въ позднѣйшихъ учебникахъ изъ одного сдѣлали два дѣленія, и вотъ какъ это случилось. Востоковъ, первоначально думалъ, подобно Ломоносову, что періодъ, какъ и предложеніе, есть выраженіе сужденія. Съ этой точки зрѣнія и простое предложеніе называлось періодомъ, и терминъ „одночленный, или простой", идущій отъ Аристотеля, сохраненный Ломоносовымъ, Гречемъ, поддерживался и Востоковымъ. Но потомъ Востоковъ нашелъ болѣе правильною мысль, что перıодъ есть выраженіе не сужденія, а умозаключенія. Съ этой точки зрѣнія простое предложеніе уже теряло право называться періодомъ, и терминъ „одночленный" Востоковъ пропустилъ и сталъ учить такъ: „Періодъ бываетъ двухчленный, трехчленный" и проч. Авторы новѣйшихъ учебниковъ стали говорить объ этихъ терминахъ въ особыхъ рубрикахъ: о періодахъ простыхъ и сложныхъ въ однихъ, а о періодахъ двухчленныхъ,

трехчленныхъ и проч. въ другихъ, и такимъ образомъ явилось два дѣленія.

Но, можетъ-быть, дѣленіе періодовъ на двухчленные, трехчленные и проч. есть подраздѣленіе сложнаго періода? Или, можетъ-быть, эти термины годятся для этой цѣли? Востоковъ пропустилъ терминъ „одночленный“, мы видѣли, почему; позднѣйшіе же авторы пропускаютъ этотъ терминъ, можетъ-быть, именно для того, чтобы подогнать термины „двухчленный, трехчленный“ и проч. подъ терминъ „сложный періодъ“... Въ учебникахъ прямо такъ не говорятъ, но мысль эта въ нѣкоторыхъ невольно пробивается. У г. Преображенскаго, напримѣръ, говорится такъ: „Смотря по числу входящихъ сопоставляемыхъ мыслей, сложные періоды бываютъ двухчленные, трехчленные, четырехчленные и многочленные“. Синт. § 108. Слѣдовательно, и на самомъ дѣлѣ дѣленіе періодовъ на двухчленные, трехчленные и проч. въ нѣкоторыхъ учебникахъ имѣетъ видъ подраздѣленія сложнаго періода; ясно объ этомъ пока не говорятъ, можетъ-быть, потому, что мысль эта, вѣроятно, еще не созрѣла... Но дѣленіе и подраздѣленіе понятій на одномъ и томъ же основаніи не дѣлается; слѣдовательно, если и въ самомъ дѣлѣ термины „двухчленный, трехчленный“ и пр. будутъ изъясняться въ качествѣ подраздѣленія сложнаго періода, это будетъ еще одинъ шагъ въ развитіи той путаницы понятій, о которой мы уже не разъ говорили.

Итакъ, дѣленіе періодовъ на простые и сложные, на двухчленные, трехчленные и проч. есть ошибка противъ логики, или путаница понятій. И возникли эти два дѣленія изъ желанія позднѣйшихъ авторовъ избѣжать буквальнаго сходства съ источниками. Новыя дѣленія такимъ же образомъ продолжаютъ появляться донынѣ. Н. Ливановъ, напримѣръ, придумалъ „логическое дѣленіе періодовъ“, „музыкальное дѣленіе періодовъ“, а между тѣмъ это есть ви-

доизмѣненіе того, что въ другихъ учебникахъ говорится другими словами.

Путаница понятій въ ученіи о періодахъ еще увеличивается отъ того, что понятіе о „членѣ“ у каждаго автора своеобразное, и каждый ведетъ счетъ „членовъ“ по-своему. Намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое „членъ“ періода.

У Аристотеля, какъ мы видѣли, колонъ (κῶλον) есть синонимъ предложенія. Ломоносовъ, согласно съ Аристотелемъ, называлъ членомъ всякое простое предложеніе, какъ главное, такъ и придаточное. „Доброе начало—половина дѣла“—періодъ одночленный; „Кто хочетъ большимъ быть, тотъ долженъ всѣмъ служить“—періодъ двухчленный; „если бы небо благоволило, чтобъ человѣкъ препровождалъ свою жизнь безбѣдно, то бы онъ своего счастія не могъ чувствовать“—періодъ трехчленный... Рит. § 40—42.

Но неудобство такого пониманія „члена“ очевидно, такъ какъ періодъ можетъ быть столь общиренъ, что число членовъ прійдется считать чуть не десятками. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, напримѣръ, стихотвореніе Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“. Во многихъ учебникахъ оно приводится въ примѣръ періода; въ немъ одиннадцать предложеній, не считая такъ называемыхъ „сокращенныхъ“. Слѣдовательно, его пришлось бы назвать „одиннадцатичленнымъ“. Но есть періоды и гораздо длиннѣйшіе. Въ періодѣ, приведенномъ нами выше: „Я не только любилъ смотрѣть, какъ ястребъ догоняетъ свою добычу“—двадцать предложеній, опять не считая такъ называемыхъ „сокращенныхъ“. Значитъ, дѣйствительно число членовъ въ періодѣ пришлось бы считать десятками и указанный періодъ пришлось бы назвать „двадцатичленнымъ“. Для чего это? Что отъ этого выигрываетъ ученіе о періодѣ?—Н. Гречъ, кажется, задумывался надъ этимъ и, если не отвергъ совсѣмъ

терминъ „членъ“, то нашелъ необходимымъ измѣнить понятіе о „членѣ“. По его ученію, членомъ въ періодѣ слѣдуетъ называть не всякое простое предложеніе, а только главныя или независимыя предложенія. Такимъ образомъ, предложенія придаточныя разжалованы изъ „членовъ“, но не видно, на какомъ основаніи.

Востоковъ имѣлъ о „членѣ“ свое особое мнѣніе. По его ученію, членомъ въ періодѣ называется не только всякое простое предложеніе, но и сложное, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: а) двухчленный: хотя талантъ есть вдохновеніе природы (1-й членъ), однако ему должно развиться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ (2-й членъ); б) трехчленный: Лѣнивый рѣдко успѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ (1-й членъ) отъ того, что всякій трудъ для него тягостенъ (2-й членъ), а безъ труда, какъ говоритъ пословица, нѣтъ плода (3-й членъ)“. „Рус. Грам.“ § 144.

Понятіе о „членѣ“ въ учебникахъ продолжаетъ видоизмѣняться донынѣ. Г. Житецкій учитъ, что членомъ періода „называется отдѣльная мысль, выраженная большею частію въ формѣ независимаго предложенія, иногда же... въ формѣ придаточнаго обстоятельственнаго полнаго предложенія. Въ логическомъ отношеніи члены предложенія должны быть однородны, т.-е. должны выражать одну мысль“. Н. Гречъ всѣ придаточныя предложенія лишилъ права называться членами періода; г. Житецкій возвращаетъ это право, но только придаточнымъ обстоятельственнымъ полнымъ“. Почему же придаточныя опредѣлительныя и др. не удостоены этой чести? Не понятно.

Г. Поликарповъ придумалъ слѣдующее: „Членомъ называется тема и сопоставляемыя мысли со всѣми поясненіями“... „Мысли сопоставляемыя могутъ выражаться и главными, и придаточными предложеніями“. Что же такое членъ

періода?—И главное предложеніе, и придаточное предложеніе съ присоединеніемъ къ нимъ „темы".

Не будемъ разбирать всѣ варіаціи въ ученіи о членѣ періода; достаточно и приведенныхъ мнѣній, чтобы видѣть, что дѣло не обходится безъ путаницы и здѣсь.

Разсмотримъ теперь дѣленіе періодовъ на восходящіе и нисходящіе. Въ учебникахъ объ этомъ дѣленіи говорятъ такъ:

Н. Гречъ говоритъ: „Всѣ сложные періоды (кромѣ соединительныхъ), изъ сколькихъ бы членовъ оные ни состояли, дѣлятся на двѣ части: восходящую (арсу) и нисходящую (ѳезу); пунктъ соединенія ихъ находится тамъ, гдѣ полагается или подразумѣвается главный изъ союзовъ сочинительныхъ, или соотвѣтственныхъ, послѣдующихъ... Въ періодахъ соединительныхъ, состоящихъ изъ многихъ равныхъ частей, нѣтъ сего восхожденія и нисхожденія. Въ періодахъ смѣшанныхъ каждая изъ составляющихъ оный частей дѣлится особо". „Рус. Грам." § 425.

У г. Кипріяновича говорится такъ: „По мѣсту объясняемой мысли періоды дѣлятся на нисходящіе и восходящіе. Въ нисходящемъ періодѣ объясняемая мысль выражается въ повышеніи, а мысли, ее объясняющія, въ пониженіи. Въ восходящемъ періодѣ объясняемая мысль содержится въ пониженіи, а мысли, ее объясняющія, въ повышеніи". Синт. стр. 160.

У г. Житецкаго сказано такъ: „Періодъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ половинъ. Если во второй половинѣ высказывается мысль главная, то такой періодъ называется восходящимъ; если же она высказывается въ первой половинѣ, то такой періодъ называется нисходящимъ или превращеннымъ. Первая половина періода произносилась древними риторами съ повышеніемъ голоса, а вторая—съ пониженіемъ; поэтому и теперь первая половина называется по-

вышеніемъ, а вторая—пониженіемъ. Между тою и другою естественно дѣлается остановка голоса, или пауза, оттѣняющая въ произношеніи каждую изъ нихъ: въ этомъ собственно и состоитъ явственно ощутимый ритмъ періода". „Теорія Соч." Стр. 20.

Н. Ливановъ озаглавилъ это дѣленіе—„музыкальное дѣленіе сложнаго періода" и говоритъ о немъ такъ: „Первая половина періода произносится съ повышеніемъ голоса, почему и называется повышеніемъ (protasis), и вторая—съ пониженіемъ голоса и называется пониженіемъ (apodosis)". „Учебн. Курсъ Теор. Слов." 1899 г. стр. 15.

Такихъ выдержекъ можно бы сдѣлать гораздо болѣе, но въ этомъ нѣтъ необходимости, такъ какъ ясно, что дѣленіе періодовъ на восходящіе и нисходящіе основывается на размѣщеніи предложеній, или, какъ выражаются нѣкоторые авторы, „по мѣсту главной мысли". Но размѣщеніе предложеній въ періодѣ ничего особеннаго не представляетъ. Въ этомъ отношеніи и періодъ, и сложное предложеніе, и простое предложеніе слѣдуютъ одному и тому же грамматическому закону.

Въ простомъ предложеніи размѣщеніе словъ бываетъ двоякое: естественное, или грамматическое (ordo naturalis), и риторическое, или инвертивное (ordo inversus). Термины эти встрѣчаются у Квинтиліана, у Востокова (Рус. Грам. 59 г. стр. 227), у Греча (Грам. § 429). Въ грамматическомъ порядкѣ члены простого предложенія размѣщаются по ихъ грамматическому тяготѣнію другъ къ другу; въ инвертивномъ порядкѣ тѣ же члены располагаются въ обратномъ порядкѣ: выдвигаются впередъ тѣ члены, на которые обращается наибольшее вниманіе. Напримѣръ: „Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія" *Кр.*,—здѣсь слова размѣщены въ порядкѣ грамматическомъ. Въ предложеніи: „Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ". *П.*—размѣщеніе словъ инвертивное: выдви-

нутъ впередъ членъ: „задумчивъ ѣдетъ“, чтобы сообщить этимъ словамъ больше выразительности и силы.

Тотъ же законъ соблюдается и въ размѣщеніи простыхъ предложеній въ предложеніи сложномъ, т.-е. и предложенія размѣщаются грамматически и инвертивно. Напр

„Ему всѣ крылья окорнали,
Чтобъ онъ летать не могъ.
Чтобъ онъ летать не могъ,
Ему всѣ крылья окорнали“. *Кр.*

Тотъ же законъ соблюдается и въ размѣщеніи сложныхъ предложеній въ періодѣ. Въ сочиненныхъ сложныхъ предложеніяхъ тотъ или другой порядокъ въ грамматическомъ отношеніи равносиленъ, т.-е. оба предложенія по силѣ выраженія остаются равны и при томъ и другомъ размѣщеніи. Напр.

Бабушка хотѣла напоить насъ чаемъ съ густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, намъ хотѣлось; но мать сказала, что она сливокъ и жирнаго намъ не даетъ, и что мы чай пьемъ постный, а вмѣсто сдобныхъ кренделей просила дать обыкновеннаго бѣлаго хлѣба.

С. Аксаковъ.

Если перемѣстить въ этомъ періодѣ сложныя предложенія, мѣра выразительности и силы въ каждомъ изъ нихъ останется та же.

Мать сказала, что она сливокъ и жирнаго намъ не даетъ, и что мы чай пьемъ постный, а вмѣсто сдобныхъ кренделей просила дать обыкновеннаго бѣлаго хлѣба; но бабушка хотѣла напоить насъ чаемъ съ густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, намъ хотѣлось.

Въ подчинительномъ соединеніи сложныхъ предложеній также возможно двоякое размѣщеніе предложеній; но, такъ какъ тамъ предложенія грамматически не равносильны: одно—

главное, другое—придаточное, то перестановка предложеній измѣняетъ степень ихъ выразительности: если выдвинемъ впередъ придаточное предложеніе, то этимъ сообщается ему больше выразительности въ сравненіи съ предложеніемъ главнымъ, которому оно грамматически подчинено, напр.:

„Отецъ мой такъ нетерпѣливо желалъ взглянуть на могилу матери и поплакать надъ ней, что не хотѣлъ дожидаться цѣлыя сутки; хотя на слѣдующій день, девятый послѣ кончины бабушки, всѣ собирались ѣхать въ Бугуруславъ, чтобы слушать заупокойную обѣдню и отслужить панихиду". *С. Аксаковъ.*

Здѣсь предложенія размѣщены въ грамматическомъ порядкѣ: впереди независимое предложеніе, за нимъ—подчиненное ему. Но, если выдвинемъ впередъ придаточное предложеніе, то будетъ строй инвертивный, при чемъ больше силы и выразительности получитъ предложеніе придаточное:

Хотя на слѣдующій день, девятый послѣ кончины бабушки, всѣ собирались ѣхать въ Бугуруславъ, чтобы слушать заупокойную обѣдню и отслужить панихиду; но отецъ мой такъ нетерпѣливо желалъ взглянуть на могилу матери и поплакать надъ ней, что не хотѣлъ дожидаться цѣлыя сутки.

Итакъ, если свободное размѣщеніе сложныхъ предложеній въ періодѣ не есть особенность періода, а свойственно и сложному предложенію, гдѣ также размѣщаются предложенія простыя: то можетъ ли оно быть основаніемъ для классификаціи періодовъ и необходимо ли въ ученіи о періодѣ? Собственно для классификаціи періодовъ оно не годится; о немъ можно упомянуть въ ученіи о періодахъ, но не какъ о „дѣленіи", а какъ о возможности двоякаго размѣщенія предложеній въ періодѣ. Да первоначально въ учебникахъ такого дѣленія и не было. У Греча говорится, что періоды „дѣлятся" на двѣ части: повышеніе и пони-

женіе. Но „дѣлятся" значитъ распадаются, при этомъ Гречъ замѣчаетъ — „кромѣ соединительныхъ". Отсюда постепенно образовалось „дѣленіе" періодовъ на восходящіе и нисходящіе. Мы указывали выше, что подобнымъ образомъ въ учебникѣ Н. Ливанова появилось еще нѣсколько дѣленій: „Музыкальное дѣленіе" и др.

Разобранныя нами дѣленія періодовъ еще не всѣ; есть еще дѣленія, которыя, впрочемъ, встрѣчаются рѣже. Объ одномъ изъ такихъ дѣленій не лишне сказать нѣсколько словъ — потому, что оно встрѣчается въ книгѣ, пользующейся у насъ извѣстностью, и потому, чтобы видѣть, что дѣленій можетъ быть множество, особенно, когда не задаются вопросомъ, нужны ли они для пользы науки.

Θ. Буслаевъ дѣлитъ періоды на симметрическіе, несимметрическіе и проч. Не будемъ входить въ подробный разборъ этого дѣленія, укажемъ только на основаніе его. Особенной красотой, по мнѣнію Буслаева, отличаются періоды несимметрическіе. Напр.

„Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго въ полтора ведра,
Подносилъ Михаилу Казарянину;
Принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой
И выпилъ единымъ духомъ".

„Особенность такихъ періодовъ", говоритъ Буслаевъ: „состоитъ въ томъ, что они строятся изъ предложеній, одно съ другимъ не гармонирующихъ ни во времени, ни въ видахъ глагола" („О преподав. рус. яз." стр. 338), то-есть, сперва идутъ прошедшія времена: наливалъ, подносилъ; потомъ настоящее: принимаетъ; затѣмъ опять прошедшее: выпилъ. Значитъ, дѣленіе періодовъ на симметрическіе и несимметрическіе основано на чередованіи временъ (consecutio temporum). Θ. Буслаевъ, конечно, имѣлъ въ виду теорію „видовыхъ временъ": „употребленіе одного времени вмѣсто дру-

того объясняется употребленіемъ одного вида вмѣсто другого". „Истор. Грам." § 183. Мысль эта, правда, допускается и другими учеными, напримѣръ К. Аксаковымъ, И. Некрасовымъ, и принята въ школьныхъ учебникахъ, но несомнѣнно, относится къ области фантазій. Въ указанномъ примѣрѣ никакой дисгармоніи ни временъ, ни видовъ нѣтъ: и времена, и виды употреблены вполнѣ согласно съ законами, которымъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи русскій языкъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ; для нашей цѣли достаточно сказать, что чередованье временъ, каково бы оно ни было въ нашемъ языкѣ, не можетъ быть видовымъ отличіемъ періода, такъ какъ одинаково и въ періодѣ, и въ предложеніи.

Итакъ, разсмотрѣвъ различныя дѣленія періодовъ, встрѣчающіяся въ учебникахъ грамматики, теоріи словесности и изслѣдованіяхъ по этимъ предметамъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни одно изъ нихъ для своей цѣли, т. е. въ качествѣ классификаціи періодовъ, не годится, такъ какъ ведетъ не къ порядку, а, напротивъ, вноситъ въ ученіе о періодѣ путаницу. Путаница и здѣсь, какъ и въ опредѣленіи періода, происходитъ отъ того, что свойства періода изучаютъ не по грамматическимъ признакамъ его, а по какимъ-то туманнымъ „логическимъ" соображеніямъ, почему и въ учебникахъ путаницы больше именно тамъ, гдѣ отдается предпочтеніе „логическимъ" объясненіямъ, а не грамматическимъ.

Прежде, чѣмъ говорить, каково правильное дѣленіе періодовъ, необходимо сказать еще о подраздѣленіи періодовъ; безъ этого нашъ разборъ логическаго и грамматическаго ученія о періодахъ былъ бы не полонъ. Подраздѣленіемъ мы называемъ то, что въ учебникахъ извѣстно подъ названіемъ: „виды сложнаго періода".

Виды періодовъ въ учебникахъ исчисляются неодина-

ково и не въ одинаковомъ порядкѣ, что указываетъ уже на то, что основаніе для этого подраздѣленія имѣется неодинаковое, а это едва ли логично.

Н. Гречъ подраздѣляетъ періоды на слѣдующіе виды и исчисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) соединительный, б) раздѣлительный, в) противительный, г) сравнительный, д) винословный, е) послѣдовательный, ж) условный, з) предположительный, и) заключительный, і) смѣшанный. За основаніе для этого дѣленія, очевидно, взяты связки, что, конечно, правильно; но въ этомъ дѣленіи, во-первыхъ, не всѣ виды періодовъ указаны; во-вторыхъ, не разграничены сочинительные періоды отъ подчинительныхъ, отъ чего и въ самомъ перечисленіи нѣтъ порядка.

Въ позднѣйшихъ учебникахъ большею частію держатся того же грамматическаго основанія въ подраздѣленіи періодовъ, и потому исчисленіе періодовъ, за немногими исключеніями, почти таково же.

У г. Смирновскаго виды періодовъ исчисляются такъ: „I. Причинный, II. Заключительный, III. Условный, IV. Относительный, V. Раздѣлительный, VI. Противительный, VII. Уступительный, VIII. Изъяснительный, IX. Сравнительный, X. Соединительный, XI. Послѣдовательный. „Грам. Церк. слав. яз.“. О періодахъ. 1872 г. Стр. 357—371.

У Андрея Филонова такъ: „I. Причинный, II. Условный, III. Послѣдовательный, IV. Постепенный, V. Сравнительный, VI. Изъяснительный, VII. Раздѣлительный, VIII. Противительный, IX. Уступительный, X. Соединительный, XI. Относительный, XII. Смѣшанный. „Учебн. Теор. Слов.“. Стр. 48—68.

Въ этихъ исчисленіяхъ сдѣланы нѣкоторыя поправки въ сравненіи съ исчисленіемъ Н. Греча. Такъ, уступительный періодъ, который у Греча смѣшенъ съ противительнымъ, разграниченъ и выдѣленъ въ особую рубрику; періодъ пред-

положительный, какъ терминъ, пропущенъ, такъ какъ онъ не отличается отъ условнаго. Но и въ послѣднихъ исчисленіяхъ не имѣлось яснаго основанія, такъ какъ и порядокъ исчисленія не одинаковъ, и число видовъ не одинаково. Путаница эта объясняется тѣмъ же, именно: не разграничены періоды сочинительные отъ подчинительныхъ.

Въ нѣкоторыхъ учебникахъ виды періодовъ исчисляются не на грамматическомъ основаніи, а на „логическомъ". Слѣдуетъ привести образцы и этого рода подраздѣленій періодовъ, такъ какъ здѣсь мы найдемъ еще одно подтвержденіе, что въ перечисленіи видовъ періода въ нашихъ учебникахъ—большая путаница.

П. Житецкій, напримѣръ, подраздѣлилъ періоды „по логическимъ отношеніямъ" на три группы: винословные, соединительные и противительные:

винословные: а) причинный, б) заключительный, в) изъяснительный, г) условный;

соединительные: а) соединительный, б) относительный мѣста, времени, лица; в) сравнительный;

противительные: а) противительный, б) уступительный, в) раздѣлительный. „Теор. Сочин.". Стр. 21—28.

Какія это „логическія отношенія", на основаніи коихъ г. Житецкій раздѣлилъ періоды на три группы, не объяснено; не понятно также, почему „по логическимъ отношеніямъ" періоды дѣлятся именно на три группы, а не больше; почему и самый составъ каждой группы такой, а не другой, тоже не ясно; кромѣ того, о періодѣ смѣшанномъ говорится особо, слѣдовательно, онъ не вошелъ ни въ одну изъ упомянутыхъ группъ, это тоже не понятно.

Г. Поликарповъ подраздѣляетъ періоды тоже по „логическимъ отношеніямъ", при этомъ онъ подробно перечисляетъ и самыя эти отношенія. „Чтобы составить сложный періодъ", говоритъ онъ: „нужно, кромѣ отвѣтовъ на вопросы

простого періода (Quis? Quid? Ubi? и пр. См. § 11) объяснить тему въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) указать причину объясняемой мысли, 2) ея слѣдствія, 3) сравнить ее съ другою какою-нибудь мыслью, 4) обратить вниманіе на мысли противоположныя или сходныя, 5) указать условія, при которыхъ мысль представляется возможною и т. п. По выше указаннымъ отношеніямъ между сопоставляемыми мыслями періоды сложные дѣлятся на слѣдующіе виды:

I. Винословные: причинный, заключительный, условный, раздѣлительный, относительный.

II. Изъяснительные: изъяснительный, сравнительный.

III. Соединительные: соединительный, послѣдовательный". „О періодахъ". § 16—21.

Итакъ, хотя г. Поликарповъ, какъ и Житецкій, подраздѣлилъ періоды „по логическимъ отношеніямъ", но результаты у того и другого автора оказались не одинаковые: у Житецкаго періодовъ три группы, у Поликарпова—четыре; составъ группъ у каждаго автора не одинаковъ; смѣшанные періоды и у Поликарпова оказались внѣ этого подраздѣленія... Не будемъ разбирать всѣ мелочи этихъ подраздѣленій, „по логическимъ отношеніямъ"; замѣтимъ только, что, если правду говоратъ, что логика у всѣхъ народовъ и во всѣ времена одинакова: то естественно ожидать сходства, а не различія: споръ или несогласіе во мнѣніяхъ всегда есть указаніе, что или одна сторона, или обѣ спорящія стороны не правы.

Правильное подраздѣленіе періодовъ возможно только на почвѣ грамматической. Признакъ для основанія подраздѣленія періодовъ слѣдуетъ искать въ ихъ грамматическомъ строеніи, слѣдовательно, признакъ естественный, а не фантастическій. Такъ какъ періоды строятся такъ же, какъ и сложное предложеніе, т.-е. посредствомъ сочиненія и подчиненія предложеній,—только въ періодѣ сочиняются и под-

чиняются не простыя предложенія, а сложныя; то эти законы и должно имѣть въ виду при дѣленіи и подраздѣленіи періодовъ на группы и виды.

По грамматическому строенію періоды, подобно сложному предложенію, раздѣляются на двѣ группы: а) періоды сочинительные, т.-е. образующіеся посредствомъ сочиненія сложныхъ предложеній, б) періоды подчинительные, т.-е. образующіеся посредствомъ подчиненія сложныхъ предложеній. Подраздѣленіе каждой группы періодовъ также должно сообразоваться съ подраздѣленіемъ сложныхъ предложеній. Сочинительные періоды, подобно сложнымъ предложеніямъ, бываютъ безсоюзные и союзные; къ нимъ относятся слѣдующіе періоды: соединительные, раздѣлительные, противительные, причинные, заключительные, сравнительные, уступительные. Подчинительные періоды, подобно сложнымъ предложеніямъ, дѣлятся на слѣдующія четыре группы: а) относительные или опредѣлительные, б) дополнительные (къ нимъ относятся изъяснительные, причинные и цѣлевые); в) обстоятельственные, куда слѣдуетъ отнести обстоятельственные мѣста,—времени и—образа или сравнительные; г) наконецъ, условные съ уступительными *). Въ особую группу слѣдуетъ выдѣлить періоды соподчинительные, т.-е. образующіеся посредствомъ соподчиненія сложныхъ предложеній,—также періоды смѣшанные, т. е. образующіеся и посредствомъ сочиненія, и посредствомъ подчиненія одновременно.

Согласно съ этимъ дѣленіемъ и подраздѣленіемъ слѣ

---

*) Въ учебникахъ придаточныя предложенія дѣлятся иначе: «опредѣлительныя, дополнительныя съ подлежащими, обстоятельственныя (мѣста, времени, причины, цѣли и образа), условныя и уступительныя». Но это дѣленіе не логично. Вопросъ этотъ довольно сложный и требуетъ особаго изслѣдованія.

дуетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и въ терминологіи періодовъ. Не всѣ названія періодовъ тождественны съ названіями соотвѣтствующихъ имъ сложныхъ предложеній; во избѣжаніе путаницы и для облегченія заучиванія видовъ періода въ школѣ, слѣдуетъ объединить эти названія. Путаница въ терминологіи, принятой въ школьныхъ учебникахъ, представляетъ не малое затрудненіе не только для учащихся, но и для самихъ учащихъ; это подтверждается грубыми противорѣчіями и ошибками, встрѣчающимися въ учебникахъ. Чтобы объединить терминологію періодовъ съ терминологіей сложнаго предложенія, слѣдуетъ, намъ кажется, періодъ со связками: который, кто и проч., т.-е. съ мѣстоименіями относительными, называть относительнымъ или опредѣлительнымъ, т.-е. эти два названія употреблять, какъ синонимы, такъ какъ и сложныя предложенія съ тѣми же связками называются опредѣлительными. Періоды со связками: когда — тогда и др., гдѣ — тотъ и проч., которыя теперь называютъ относительными, или послѣдовательными, слѣдуетъ называть обстоятельственными, подобно сложнымъ предложеніямъ съ тѣми же связками, и раздѣлить ихъ на двѣ группы: обстоятельственные мѣста и обстоятельственные времени. Названіе „относительный", какъ мы уже говорили, болѣе прилично періодамъ опредѣлительнымъ, т.-е. со связками: кто — тотъ и др.; а названіе „послѣдовательный" болѣе соотвѣтствуетъ періодамъ, которые въ учебникахъ иногда называются постепенными; слѣдовательно, эти два термина можно бы употреблять, какъ синонимы. Періоды подчинительные вообще слѣдуетъ подраздѣлить на четыре группы: а) періоды опредѣлительные, или относительные; б) періоды дополнительные: причинные, изъяснительные и цѣлевые; в) періоды обстоятельственные: мѣста, времени и сравнительные; г) періоды условные съ уступительными. Въ учебникахъ къ обстоятельственнымъ относятъ, кромѣ обстоятельственныхъ мѣста,

времени и образа, еще причинныя и цѣлевыя; но это ошибочно: предложенія причинныя (подчинительныя) и цѣлевыя по связкамъ относятся къ дополнительнымъ; слѣдовательно, и періоды съ тѣми же связками должно относить къ дополнительнымъ. Указанныя нами рубрики періодовъ съ ихъ подраздѣленіями нагляднѣе можно видѣть въ нашемъ учебникѣ: „Ученіе о періодахъ". Курскъ. 1900 г.

Слѣдствіемъ неправильнаго ученія о чемъ-либо должны быть практическія ошибки; слѣдовательно, если ученіе о періодѣ въ школьныхъ учебникахъ дѣйствительно не точно, то въ нихъ должны быть и ошибки. Выше мы уже говорили, что въ нашихъ школьныхъ учебникахъ въ ученіи о періодѣ ошибки есть; теперь намъ слѣдуетъ указать хотя нѣсколько такихъ ошибокъ, чтобы не быть голословными, тѣмъ болѣе, что ошибки эти суть еще одно доказательство справедливости нашихъ разсужденій.

Г. Филоновъ, напримѣръ, говоря о періодѣ относительномъ, причисляетъ къ нему періоды со связками: кто—тотъ, чѣмъ—тѣмъ, гдѣ—тамъ, куда—туда („Учебн. Слов." стр. 67), и дѣйствительно къ относительнымъ періодамъ отнесъ и слѣдующій примѣръ: „Чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію Государя и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю и проч...; тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы неразрывнѣе" и проч. Но это—не относительный (опредѣлительный), а сравнительный періодъ. Въ предложеніяхъ относительныхъ, или опредѣлительныхъ связки: „чѣмъ—тѣмъ", употребляются, какъ мѣстоименія, т.-е. согласуются одна съ другой; напримѣръ: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись; когда же связки: „чѣмъ—тѣмъ", употребляются, какъ нарѣчія, согласованія между ними не бываетъ, и выражается ими сравненіе, при чемъ послѣ нихъ всегда слѣдуетъ сравнительная степень, напримѣръ: „Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше

дровъ". Также эти связки разграничиваются и въ періодахъ относительномъ и сравнительномъ. Г. Филоновъ и самъ подъ рубрикой: „Сравнительный періодъ" (стр. 58), въ числѣ другихъ связокъ называетъ и эти связки: „чѣмъ болѣе—тѣмъ болѣе". Сравнительная степень есть и въ указанномъ примѣрѣ, причисленномъ къ періодамъ относительнымъ: „чѣмъ искреннѣе—тѣмъ неразрывнѣе".

И вообще связки въ ученіи о видахъ періодовъ разграничиваются не точно въ большей части учебниковъ; напримѣръ: „когда—тогда" у г. Филонова причисляются то къ періоду относительному, то къ періоду послѣдовательному (стр. 54), но и то и другое—не точно. Впрочемъ, нѣтъ надобности собирать и выписывать всѣ ошибки, какія встрѣчаются въ учебникахъ; довольно и того, что ошибки безъ сомнѣнія дѣлаются, и что, слѣдовательно, неточная теорія дѣйствительно ведетъ къ невѣрной практикѣ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: цѣлевой періодъ во всѣхъ учебникахъ пропущенъ, даже нѣтъ и термина этого, а между тѣмъ цѣлевой періодъ долженъ быть (и есть), такъ какъ есть предложенія цѣли.

Итакъ, „логическое" ученіе о періодѣ, по нашему мнѣнію, должно быть совсѣмъ брошено, такъ какъ вноситъ въ ученіе объ этой формѣ рѣчи только путаницу. Если что есть правильнаго въ ученіи о періодахъ, такъ все это сдѣлано на почвѣ грамматической; грамматическое ученіе о періодѣ единственно правильное и плодотворное.

4.

Мы не сказали еще ничего о риторическомъ изученіи періодовъ; но необходимо коснуться и этого ученія.

Ученіе о періодахъ, мы сказали въ началѣ первой

статьи, у насъ излагается въ двухъ наукахъ: грамматикѣ и риторикѣ (Теорія словесности); но отъ этого сущность ученія отнюдь не измѣняется: какъ та, такъ и другая наука смотрятъ на періодъ съ двухъ сторонъ, логической и грамматической, или, лучше, смѣшиваетъ эти двѣ точки зрѣнія. Риторическое ученіе о періодѣ, это—своеобразный взглядъ на періодъ, отличный отъ логическаго и грамматическаго. Риторическій взглядъ на періодъ установляетъ свою особую точку зрѣнія на эту форму рѣчи и доказываетъ, что ученіе о періодѣ можетъ быть только частію риторики, а не грамматики, при чемъ и самая риторика понимается тоже своеобразно.

Мы уже упоминали, что по мнѣнію М. В. Ломоносова, „періодъ у риторовъ почти то же, что предложеніе" въ грамматикѣ. Такимъ образомъ, существеннаго различія между этими терминами Ломоносовъ не находилъ; но словомъ „почти" онъ подаетъ поводъ думать, что, хотя незначительное, различіе должно быть или есть. До сихъ поръ на это „почти" не обращали вниманія, т.-е. о различіи между періодомъ и предложеніемъ въ риторикѣ и грамматикѣ умалчивали; но вотъ въ 1897 г. въ „Ж. М. Н. Пр." (Мартъ, стр 169—216) появилась статья г. Андреева: „Ученіе о періодѣ въ русскомъ языкѣ", гдѣ авторъ открываетъ различіе между періодомъ и предложеніемъ и утверждаетъ, что періодъ есть терминъ исключительно риторическій; что изученіе періодовъ должно быть только риторическое, а не грамматическое или логическое; при этомъ г. Андреевъ высказываетъ свое мнѣніе и о риторикѣ, какъ наукѣ. Но прежде, чѣмъ излагать „риторическое" ученіе о періодѣ, г. Андреевъ, какъ и слѣдовало, критикуетъ господствующее въ нашихъ школьныхъ учебникахъ ученіе о періодѣ и находитъ, что въ немъ много противорѣчій; къ этимъ выводамъ г. Андреева мы прежде всего и обратимся.

„Въ школьныхъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности“, говоритъ онъ: „періодъ въ отношеніи грамматическаго состава понимается двояко: по мнѣнію однихъ, періодъ есть непремѣнно сложное грамматическое предложеніе, по мнѣнію другихъ, періодъ можетъ выражаться не только въ сложномъ, но и въ простомъ предложеніи. Несходство во взглядахъ на грамматическій составъ періода, замѣчаемое въ школьныхъ учебникахъ, показываетъ, что авторы, или составители учебниковъ, сами сбивчиво представляютъ себѣ отличительныя свойства періодовъ и эту сбивчивость сообщаютъ учащемуся юношеству“. Стр. 169. Затѣмъ г. Андреевъ разбираетъ два опредѣленія періода, по его словамъ, „наиболѣе типичныя“, и находитъ, что они не логичны. Далѣе говоритъ о дѣленіи періодовъ на простые и сложные, о путаницѣ въ перечисленіи видовъ періодовъ и указываетъ на неясность и сбивчивость этихъ дѣленій. Стр. 171—172. Мы подробно разобрали нѣсколько опредѣленій періода и нашли ихъ неудовлетворительными въ логическомъ отношеніи, и потому болѣе подробно передавать разсужденія г. Андреева находимъ излишнимъ. Равно и всѣ дѣленія періодовъ, встрѣчающіяся въ нашихъ учебникахъ, у насъ разсмотрѣны, и о несостоятельности ихъ нами уже говорено.

„Съ такими качествами“, замѣчаетъ г. Андреевъ: „представляется нынѣ ученіе о періодѣ, и учащееся юношество воспринимаетъ въ себя всю путанность, безосновательность, неопредѣленность и шаткость этого ученія, руководясь потомъ въ самостоятельной жизни всѣми воспринятыми отрицательными качествами. Живыя наблюденія показываютъ, что учащіеся выносятъ изъ школьнаго ученія о періодѣ одно слѣдующее впечатлѣніе, неизгладимое на всю жизнь: періодъ представляется имъ очень длиннымъ предложеніемъ, и если таковое встрѣтится имъ въ печати, въ письмѣ, въ разговорѣ, въ поученіи, они, ни мало не разсуждая,

признаютъ таковое предложеніе періодомъ, считая вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для такого огульнаго рѣшенія вынесенное изъ школьной жизни впечатлѣніе о значительной пространности предложеній для признанія ихъ періодами. Неясное и неотчетливое представленіе о періодѣ имѣютъ и учащіе, въ томъ числѣ составители школьныхъ учебниковъ". Стр. 172.

Все это, конечно, такъ; но г. Андрееву, разумѣется, извѣстно, что составители учебниковъ руководствуются оффиціальными программами, объяснительными записками и т. п., почему обвинять однихъ составителей учебниковъ, едвали справедливо. Г. Андреевъ находитъ, напримѣръ, что дѣленіе періодовъ на простые и сложные не логично, а между тѣмъ это дѣленіе рекомендуется учебными планами М. Н. Пр. 1890 г. (стр. 30, 32, 46).

По мнѣнію г. Андреева, чтобы упорядочить ученіе о періодѣ, необходимо сообщить ему не грамматическій, а риторическій характеръ. Чтобы разъяснить и доказать свою мысль, г. Андреевъ защищаетъ ученіе Ломоносова и опровергаетъ Востокова. Мы разсмотримъ вкратцѣ эти части его разсужденія, такъ какъ здѣсь г. Андреевъ самъ впадаетъ въ погрѣшности и говоритъ кое-что не точно.

„Наиболѣе обстоятельно о періодѣ изъ русскихъ ученыхъ", говоритъ г. Андреевъ: „высказались Ломоносовъ и Востоковъ"... „Ученіе о періодѣ, какъ оно изложено у Востокова, напоминаетъ во многомъ нынѣшнее школьное ученіе о періодѣ, т.-е. оно не имѣетъ ни ясности, ни простоты"... Востоковъ, сказавъ, что періодъ есть словосочетаніе, заключающее полный смыслъ, самъ находитъ непонятнымъ это опредѣленіе и тотчасъ пускается въ объясненіе того, что такое есть „полный смыслъ" и, объяснивъ общими фразами, что полный смыслъ имѣетъ та рѣчь, въ которой сказано все „въ утвержденіе, въ отрицаніе или въ доказательство ка-

кого-либо положенія", Востоковъ сбивается, считая самъ данное имъ объясненіе „полнаго смысла" не вполнѣ законченнымъ, и говоритъ, что для „полнаго смысла" рѣчи иногда достаточно одной мысли, иногда нужно противоположеніе и проч. Да и здѣсь ясности не получается, ибо возникаетъ вновь вопросъ, что такое одна мысль". Стр. 179.

Указанное здѣсь ученіе Востокова дѣйствительно не ясно; но г. Андреевъ упустилъ изъ виду, что это ученіе о періодѣ высказано Востоковымъ въ первомъ изданіи грамматики (1831 г.), въ позднѣйшихъ же изданіяхъ онъ самъ отвергъ свое первоначальное мнѣніе и говорилъ, что періодъ есть выраженіе умозаключенія, что періодомъ можно назвать только сложное предложеніе.

„Мнѣніе Ломоносова мы считаемъ, говоритъ г. Андреевъ, выше всѣхъ мнѣній древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ". (Стр. 177). Далѣе г. Андреевъ дѣлаетъ выписки изъ разсужденій Ломоносова; мы пропустимъ ихъ, такъ какъ говорили уже о нихъ выше. Выпишемъ только выводъ, сдѣланный самимъ г. Андреевымъ. „Простое и ясное ученіе о періодѣ у Ломоносова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое вѣрное. Предложеніе: „доброе начало—половина дѣла", есть несомнѣнно періодъ. Ни до, ни послѣ Ломоносова вполнѣ ясно не различали одно отъ другого ученіе грамматическое и риторическое. Ломоносовъ просто и вѣрно говоритъ, что предложенія, заключающія въ себѣ соединеніе простыхъ понятій, въ риторикѣ называются періодами; другими словами, терминъ „періодъ" ни въ какомъ случаѣ не грамматическій, какъ нынѣ думаютъ буквально всѣ авторы школьныхъ грамматикъ, на разные лады излагающіе теорію періодовъ, а риторическій, т.-е. свойственный наукѣ риторикѣ, имѣющей своимъ предметомъ ученіе, отличное отъ ученія грамматическаго"... „Точно также безусловно вѣрно и то, что союзы, на которые опираются въ большинствѣ школьныхъ учебни-

ковъ правила о періодахъ, въ риторическомъ отношеніи ровно ничего не значатъ". Стр. 178.

Но объ ученіи Ломоносова едва ли можно сказать, что оно выше всѣхъ мнѣній древнихъ ученыхъ, потому что оно сходно съ ними; да г. Андреевъ о „мнѣніяхъ древнихъ ученыхъ" и говоритъ-то очень мало и довольно поверхностно. Не точно и то, будто Ломоносовъ училъ, что „періодъ ни въ какомъ случаѣ не грамматическій терминъ, а риторическій". Онъ утверждалъ, что періодъ въ риторикѣ — „почти то же, что предложеніе въ грамматикѣ"; слѣдовательно, существеннаго различія между ними не допускалъ; самое слово „почти" осталось не ясно, такъ какъ о риторическихъ качествахъ или особенностяхъ періода не говорится совсѣмъ.

Но согласимся, что Ломоносовъ подалъ поводъ говорить о „риторической" сторонѣ періода. Для чего же нужно г. Андрееву раздувать эту мысль? Посмотримъ, что говоритъ объ этомъ самъ г. Андреевъ.

„Въ ученіе риторики", говоритъ г. Андреевъ: „должны входить всѣ правила, касающіяся внѣшняго строенія и сложенія рѣчи, именно: 1) ученіе о повѣствовательномъ, вопросительномъ и восклицательномъ характерѣ словеснаго выраженія; 2) прямая и косвенная рѣчь, 3) словорасположеніе, 4) ученіе о произношеніи, или декламація; 5) ученіе о простомъ и сложномъ періодѣ. Въ связи съ этимъ въ предметъ риторики должны входить знаки препинанія, кавычки, скобки, удареніе, правила о строчныхъ и прописныхъ буквахъ. По нашему глубокому убѣжденію, терминъ „риторика" столь характеренъ для означенія ученія о выше поименованныхъ предметахъ, что замѣнять его другимъ не представляется никакой надобности". Стр. 185.

Значитъ, г. Андреевъ не доволенъ современной риторикой и желалъ бы ее реформировать. Каковъ предложенный г. Андреевымъ планъ риторики, мы не будемъ распростра-

няться объ этомъ, такъ какъ это завело бы насъ черезчуръ далеко; но, что въ риторикѣ не все обстоитъ благополучно, это не подлежитъ сомнѣнію, и объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ. Вся она крайне не самостоятельна и составляется изъ клочковъ, которые заимствуются большею частію изъ грамматики. Риторика даетъ только краткое понятіе о терминахъ и то не всегда удовлетворительное; что же касается правилъ, то они иногда бываютъ прямо-таки ошибочны. Возьмемъ для примѣра ученіе о правильности рѣчи, это—одинъ изъ важнѣйшихъ въ практическомъ отношеніи вопросовъ: что говорятъ объ этомъ наши „риторы"?

Г. Филоновъ говоритъ слѣдующее: „Правильность рѣчи состоитъ въ соблюденіи грамматическихъ правилъ, указанныхъ этимологіей и синтаксисомъ языка... Ошибки противъ отдѣльныхъ словъ называются ошибками этимологическими; ошибки противъ сочетанія словъ—противъ законовъ синтаксиса называются „солецизмами". Объ ошибкахъ перваго рода мы не станемъ говорить"..." „Ошибки второго рода, называемыя солецизмами, встрѣчаются у самыхъ опытныхъ писателей. Поэтому мы приведемъ примѣры подобныхъ ошибокъ: вошедши въ комнату, мнѣ захотѣлось сѣсть; взявъ въ руки перо, у меня ноги подкосились; подъѣзжая къ селу, церковь виднѣлась; если бъ вы рѣшились бы ѣхать; преподавая два или болѣе языковъ; одинъ или два пробныхъ уроковъ; я не могу входить въ подробности за и противъ этого выбора. Такого рода ошибки можно встрѣчать у мастеровъ словеснаго искусства. Дабы избѣжать ихъ, надо писателю твердо помнить, что грамматика должна быть для него краеугольнымъ камнемъ при занятіяхъ словесностію". Учебн. по словесности. Андр. Филон. Спб. 1878 г. стр. 4

У г. Радонежскаго о правильности рѣчи говорится такъ: „Правильность слога состоитъ въ соблюденіи законовъ языка, правилъ грамматики и синтаксиса и составляетъ пер-

вое и необходимое требованіе отъ всякаго сочиненія; въ противномъ случаѣ сочиненіе справедливо называется безграмотнымъ". „Солецизмами принято называть всякія ошибки противъ законовъ языка и правилъ синтаксиса; такъ, напримѣръ, выраженія: „проѣзжая мимо церкви, мнѣ захотѣлось войти" (вм. я захотѣлъ войти); также: „не всякому природа одинаково надѣлила способности (вм. не всякаго—способностями); онъ сегодня хорошо выглядитъ; я счастливъ знать ваше здоровье" и др. будутъ солецизмы. Солецизмы не замѣтно вкрадываются въ языкъ при переводахъ съ одного языка на другой, и, смотря по языку, изъ котораго заимствованы, получаютъ названіе галлицизмовъ, германизмовъ, полонизмовъ. Такъ, выраженіе: „онъ хорошо выглядитъ"—буквальный переводъ нѣмецкаго выраженія: er sieht gut aus, и „я счастливъ васъ видѣть"—французскаго: „je suis heureux de vous voir". Къ солецизмамъ, затемняющимъ рѣчь, должно отнести также а) неправильное расположеніе словъ, напр., въ выраженіи: „для чего всякій другихъ несчастнѣе себя почитаетъ", неизвѣстно, кто почитается несчастнѣе; б) употребленіе одинаковыхъ окончаній, напр.: мать любитъ дочь", „грузъ потопилъ корабль", „лѣность причиняетъ бѣдность" и др.; в) невѣрную разстановку знаковъ препинанія, напр., въ предложеніи: „одному наслѣднику завѣщано было поставить статую золотую, пику держащую", здѣсь отъ мѣста, занимаемаго запятой, зависитъ смыслъ рѣчи". „Уроки Теор. Слов." 1893 г. стр. 16—17.

У г. Ливанова о томъ же качествѣ рѣчи читаемъ слѣдующее: „Правильною называется рѣчь, согласная съ законами родного языка или правилами грамматики. Частое нарушеніе правилъ грамматики въ рѣчи называется безграмотностью. Синтаксическимъ ошибкамъ (въ сочетаніи словъ) въ стилистикѣ усвоено названіе солецизмовъ. Солецизмы допускаются главнымъ образомъ вслѣдствіе незнанія законовъ

роднаго языка. Весьма часто, напримѣръ, допускаются погрѣшности противъ правилъ сокращенія придаточныхъ предложеній (напр.: вошедши въ комнату, мнѣ захотѣлось сѣсть).

„Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется
(Пророчество почти всегда мнѣ удается),
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ".

Крыловъ.

Нерѣдко солецизмы вкрадываются въ рѣчь при переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Въ этихъ случаяхъ солецизмамъ усвояются особыя названія, смотря по языку, изъ котораго взятъ оборотъ, напр.: галлицизмъ—оборотъ французскаго языка (сдѣлать свое состояніе); германизмъ--нѣмецкаго (это хорошо выглядитъ); латинизмъ—латинскаго (государство, отъ великихъ историковъ прославленное) и т. д. „Учебн. курсъ теор. слов." 1899 г. стр. 38.

Мы сказали, что риторика даетъ ошибочныя правила и, слѣдовательно, вводитъ въ заблужденіе, а не научаетъ. Дѣепричастіе при безличномъ глаголѣ въ названныхъ выше учебникахъ называется неправильнымъ оборотомъ. Откуда взяли такое ученіе выше указанные „риторы"? Фактъ, что дѣепричастія при безличномъ глаголѣ часто встрѣчаются у мастеровъ словесности, повидимому, долженъ былъ бы навести на мысль, что такіе обороты правильны; но указанные авторы заключаютъ совсѣмъ иначе: эти обороты у авторовъ и писателей встрѣчаются часто; значитъ, они не правильны. значитъ, писатели не знаютъ грамматики. Однако грамматика, даже, напримѣръ, Ѳ. Буслаева, говоритъ вотъ что: „Независимое дѣепричастіе употребляется въ русскомъ языкѣ преимущественно при глаголахъ безличныхъ; напр.: „Увидя то, на мысли волку вспало". *Кр.* „Истор. Грам." § 275. Правда, г Буслаевъ не основательно назвалъ такія дѣепричастія „независимыми", какъ и вообще въ его грамматикѣ понятіе

о грамматической зависимости и независимости—самое сбивчивое и запутанное; но все-таки дѣепричастіе при безличномъ глаголѣ онъ не называетъ оборотомъ неправильнымъ. Такой примѣръ, какъ: „Хоть я и не пророкъ, но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется (пророчество почти всегда мнѣ удается") и проч. тоже названъ „солецизмомъ"; но профессоръ Потебня этотъ оборотъ не называетъ неправильнымъ. См. „Изъ Зап. по Рус. Грам.". Изд. 2-е, 1888 г. стр. 324. Такимъ образомъ оказывается, что не писатели не знаютъ грамматики, а нѣкоторые „риторы", и что, слѣдовательно, они учатъ тому, чему бы не слѣдовало.

Не будемъ разбирать другіе „солецизмы", указанные въ названныхъ учебникахъ теоріи словесности, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ даже сомнительнаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые заимствованы авторами другъ у друга на прокатъ, наприм.: „вошедши въ комнату, мнѣ захотѣлось спать" (у Филонова и Ливанова); другіе сочинены самими авторами, въ подражаніе образцамъ, которые были передъ глазами; напр., у Радонежскаго: „проѣзжая мимо церкви, мнѣ захотѣлось войти"; или заимствуются изъ другого учебника изъ совсѣмъ другой рубрики, напр., у Радонежскаго: „грузъ потопилъ корабль", „мать любитъ дочь"—отнесены къ солецизмамъ, а у Филонова (стр. 6) къ ученію о ясности рѣчи

Итакъ, риторика дѣйствительно нуждается въ капитальной ремонтировкѣ. Но реформа (риторики), предложенная г Андреевымъ, едва ли годится. Разбирать и обсуждать всѣ пункты предложеннаго г. Андреевымъ плана риторики мы не будемъ, такъ какъ изъ одного перечня вопросовъ еще не видно, каково будетъ самое ученіе о нихъ. Но ученія о періодѣ, риторическое ученіе о которомъ у г. Андреева изложено довольно обширно и краснорѣчиво, мы разберемъ съ надлежащимъ вниманіемъ.

„Кругъ мысли“, говоритъ г. Андреевъ: „заключенный въ предложеніи простомъ, составляетъ собою логическую единицу, сужденіе; кругъ словесно-стилистическаго выраженія, заключенный также въ простомъ предложеніи, означаетъ риторическую единицу, періодъ; кругъ флексивнаго взаимодѣйствія одного подлежащаго и одного сказуемаго съ относящимися къ нимъ словами образуетъ грамматическую единицу—предложеніе. Три названные термина: сужденіе, періодъ и предложеніе, нераздѣльно сосуществующіе въ словесной или язычной формѣ, относятся къ различнымъ областямъ знанія и отнюдь не должны быть смѣшиваемы или принимаемы одинъ за другой... Возьмемъ слѣдующіе примѣры: „Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли“. „Длинный день покончилъ рядъ заботъ“. „Горитъ востокъ зарею новой“. „Трудящійся достоинъ пропитанія“.--Въ грамматическомъ отношеніи это—простыя предложенія, въ логическомъ—простыя сужденія, въ риторическомъ—простые періоды“. Стр. 189.

Объяснимъ внутреннія свойства сложнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „кто добръ по истинѣ, въ молчаньи тотъ добро творитъ. Ворота отворились, и выступило войско. Тише ѣдешь, дальше будешь“. Въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ находится по два простыхъ предложенія. Грамматическое единство приведенныхъ сложныхъ предложеній заключается въ тѣсномъ словесномъ сліяніи или главнаго съ придаточнымъ, или двухъ главныхъ предложеній; логическое—въ образованіи цѣлаго сужденія или умозаключенія; риторическое—въ риторическомъ образованіи періода“. „Для выясненія другихъ признаковъ сложнаго предложенія возьмемъ еще слѣдующія два грамматическія предложенія: 1) „Житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, когда бываетъ удаленъ отъ снѣжныхъ горъ своихъ“. Или: житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ мелан-

холію: онъ удаленъ отъ горъ своихъ); 2) житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, по удаленіи отъ горъ своихъ". Первое изъ этихъ предложеній есть сложное, состоящее изъ главнаго и придаточнаго (или изъ двухъ главныхъ); второе—простое, но въ немъ слова: „по удаленіи отъ снѣжныхъ горъ своихъ", по смыслу совершенно равны придаточному: „когда бываетъ удаленъ отъ снѣжныхъ горъ своихъ". Здѣсь сложное предложеніе отъ простого, въ отношеніи смысла, повидимому, ничѣмъ не отличается. Въ чемъ же можно указать разницу между двумя приведенными съ равнымъ смысломъ предложеніями? Разница заключается въ слѣдующемъ: сложное предложеніе изображаетъ конкретно, наглядно причину тяжолаго духовнаго состоянія жителя Гельвеціи, именно: удаленіе отъ горъ, словами: Когда бываетъ удаленъ (или: онъ удаленъ); въ простомъ же предложеніи слова: по удаленіи отъ снѣжныхъ горъ своихъ, изображаютъ фактъ удаленія отвлеченно или абстрактно. Слѣдовательно, разница между двумя приведенными о жителѣ Гельвеціи предложеніями заключается не въ суммѣ логическихъ чертъ или признаковъ, а въ качествѣ ихъ изображенія"... „Такимъ образомъ сложное предложеніе имѣетъ слѣдующія два качества: 1) полноту мысли и 2) конкретность ея выраженія. Первое качество есть внутреннее, второе—внѣшнее; первое—логическое, второе—риторическое". Стр. 190—191.

„Разсмотримъ теперь такія сложныя предложенія, которыя состоятъ изъ трехъ и болѣе простыхъ предложеній... Сравнимъ три равныя по смыслу предложенія: 1) Съ появленіемъ солнечнаго свѣта, трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости берущихъ за все умѣренную цѣну. 2) Съ появленіемъ солнечнаго свѣта, трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну. 3) Солнце освѣтило землю (или: Когда

солнце освѣтило землю, то и трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную плату. Изъ приведенныхъ предложеній первое есть простое, весьма распространенное предложеніе; второе—сложное, состоящее изъ двухъ простыхъ, довольно распространенныхъ предложеній; третье—сложное, состоящее изъ трехъ простыхъ, мало распространенныхъ предложеній. Смыслъ всѣхъ предложеній одинаковъ. Въ чемъ же разница между ними? Отвѣтъ на это простъ: второй примѣръ конкретнѣе выражаетъ мысль, чѣмъ первый; третій же примѣръ изображаетъ ту же мысль конкретнѣе, чѣмъ оба первые". Стр. 192.

Слѣдовательно, съ риторической точки зрѣнія, или, лучше сказать, по мнѣнію Андреева, различіе между предложеніемъ и періодомъ заключается въ степени конкретности выраженія: въ предложеніи мысль изображается менѣе конкретно или абстрактно, въ періодѣ же съ наибольшею конкретностію; грамматическая форма выраженія не имѣетъ при этомъ существеннаго значенія, такъ что и простое грамматически предложеніе, если оно конкретно, можетъ быть признано періодомъ. И дѣйствительно, г. Андреевъ говоритъ: „доброе начало—половина дѣла"—есть несомнѣнно періодъ". Стр. 178. Такимъ образомъ, по ученію г. Андреева, не требуется даже распространенности выраженія, чтобы признать его періодомъ: достаточно одной „конкретности". Поэтому и такое предложеніе, какъ „конь бѣжитъ", есть періодъ, такъ какъ здѣсь мысль выражается конкретнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ предложеніи: „конь полезенъ", которое, слѣдовательно, есть „предложеніе".

Слѣдовательно, г. Андреевъ въ концѣ концовъ призналъ за истину то же самое, противъ чего ратовалъ, когда упрекалъ „современныхъ стилистовъ и грамматистовъ, что де они заботятся объ округленности и благозвучіи періодовъ и не могутъ отличить грамматическаго предложенія отъ пе-

ріода" (Стр. 176). Андрееву, конечно, кажется, что онъ нашелъ это „отличіе", а между тѣмъ дѣло осталось въ томъ же положеніи: „грамматисты и стилисты" признавали за періодъ и простое предложеніе, только распространенное, а г. Андреевъ тоже признаетъ за періодъ простое предложеніе, но наиболѣе конкретное. Намъ кажется, что отъ этого дѣло нимало не подвинулось впередъ: напротивъ, скорѣе подвинулось назадъ, такъ какъ новый „логическій" терминъ, вносимый г. Андреевымъ въ ученіе о періодѣ, грозитъ увеличить ту путаницу, о которой мы уже говорили довольно много.

„Конкретность", по мнѣнію г. Андреева, должна быть видовымъ отличіемъ періода; поэтому опредѣленіе періода на риторической почвѣ должно быть таково: періодъ есть предложеніе, отличающееся конкретностію выраженія. Такого опредѣленія у г. Андреева на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но оно само собою вытекаетъ изъ его разсужденія. Опредѣленіе это однако не логично. Видовымъ отличіемъ опредѣляемаго понятія долженъ быть признанъ свойственный исключительно данному понятію и не встрѣчаться ни въ одномъ изъ соподчиненныхъ понятій. Что касается признака: „конкретность выраженія", то г. Андреевъ и самъ приписываетъ его не только простому предложенію, но и сложному.

Знаменательно и то, что г. Андреевъ призналъ правильнымъ и дѣленіе періодовъ на простые и сложные, которое онъ же въ началѣ своей статьи называлъ нелогичнымъ. (Стр. 171). „Мы видѣли", говоритъ онъ: „что сложное предложеніе преимуществуетъ предъ простымъ въ риторическомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи наглядности или конкретности выраженія, хотя бы въ отношеніи смысла оно было равно ему. Главнымъ образомъ на основаніи этого признака, т.-е. конкретности, мы называемъ простое грамматически предложеніе, хотя бы оно было распространено многими при-

даточными опредѣленіями („сокращенными придаточными предложеніями) простымъ риторическимъ періодомъ", сложное же грамматически предложеніе, хотя бы состояло изъ двухъ только краткихъ простыхъ грамматическихъ предложеній (Тише ѣдешь—дальше будешь), мы считаемъ сложнымъ риторическимъ періодомъ"... „Признакъ конкретности при дѣленіи періодовъ на простые и сложные мы считаемъ выше всѣхъ другихъ признаковъ рѣчи". Стр. 204.

Признавъ дѣленіе періодовъ на простые и сложные нелогичнымъ, г. Андреевъ признаетъ то же дѣленіе логичнымъ, подведя подъ него другое основаніе, именно „конкретность выраженія". Такимъ образомъ конкретность у него одновременно является и видовымъ отличіемъ періода, и основаніемъ для дѣленія періодовъ на простые и сложные. Едва ли это не бо́льшая путаница.

Мы сказали, что г. Андреевъ не даетъ опредѣленія періода; зато у него есть описаніе періода съ риторической точки зрѣнія, именно слѣдующее: „Главное риторическое требованіе отъ всякаго періода слѣдующее: періодъ долженъ быть а) легко читаемъ и б) свободно (или безъ затрудненія) понимаемъ. Эти два качества: внѣшнее и внутреннее, суть самыя существенныя. Иначе ихъ можно выразить такъ: періодъ долженъ отличаться съ внѣшней стороны—стройностію и эвритмическимъ расположеніемъ частей, съ внутренней единствомъ мысли. Еще проще существенныя свойства періода мы выразили бы такъ: періодъ долженъ составлять собой к р у г ъ а) по риторическому сцѣпленію словъ и грамматическому ихъ взаимодѣйствію и б) по логическому соединенію понятій для образованія цѣлой мысли. Каковъ бы періодъ по формѣ и составу ни былъ, онъ непремѣнно долженъ имѣть внѣшнее и внутреннее единство, или, какъ бы мы сказали, риторическо-логическій кругъ". Стр. 209—210.

Но всѣ эти признаки, изъ которыхъ составлено описаніе періода съ риторической точки зрѣнія, или взяты у другихъ авторовъ, слѣдовательно, не новы, или вымышлены. Признаки, напримѣръ: „легко читаемъ", „свободно понимаемъ", мы встрѣчали у древнихъ риторовъ, частію у современныхъ составителей учебниковъ грамматики и теоріи словесности, и говорили уже, что эти черты, какъ стилистическія качества рѣчи, отнюдь не могутъ быть приписываемы одному періоду, какъ бы ни опредѣляли его, потому что обязательно должны быть во всѣхъ формахъ рѣчи, конкретная ли она, или отвлеченная. Не довольствуясь указаніемъ на эти качества, г. Андреевъ находитъ еще необходимымъ выразить ихъ иначе, при чемъ вмѣсто—„легко читаемъ", онъ предлагаетъ выраженіе: „стройное и эвритмическое расположеніе частей"; вмѣсто—„свободно понимаемъ"—„единство мысли". Но отъ этой замѣны однихъ выраженій другими дѣло ничуть не улучшается, и понятіе о періодѣ съ риторической точки зрѣнія становится, напротивъ, еще туманнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „эвритмическое расположеніе частей"?—Мы говорили уже, что древніе риторы называли „ритмомъ прозаическую стопу, думали, что прозу можно и слѣдуетъ устроить наподобіе стиховъ, и потому выработали довольно подробное ученіе о разнаго рода ритмахъ: дихерей, пеанъ и др. Въ этомъ ли смыслѣ нужно понимать—„эвритмическое расположеніе частей"?—Едва ли, иначе г. Андреевъ пояснилъ бы свою мысль какими-либо указаніями въ этомъ родѣ. Терминъ „ритмъ" у насъ употребляютъ еще въ смыслѣ—„повышеніе и пониженіе" въ періодѣ. Не такъ ли слѣдуетъ понимать и „ритмическое расположеніе частей"?—Если такъ, то здѣсь нѣтъ ничего новаго и, слѣдовательно, это не можетъ сообщить что-либо оригинальное риторическому ученію о періодѣ. Нѣкоторые разумѣютъ подъ ритмомъ „логическое подлежащее и логическое сказуемое". Не въ этомъ

ли смыслѣ говорятъ—„эвритмическое расположеніе частей"? Но такое предположеніе еще менѣе вѣроятно; остается допустить, что „эвритмическое расположеніе частей" относится къ области фантазіи. „Единство мысли"?—Но это требуется не только въ періодѣ, но и въ предложеніи, каково бы оно ни было. „Риторическое сцѣпленіе словъ"? По Андрееву, это—то же, что „эвритмическое расположеніе частей", слѣдовательно, тоже фантазія. „Грамматическое взаимодѣйствіе словъ"? Если здѣсь разумѣть согласованіе и управленіе словъ, а иначе не возможно; то оно вездѣ, т.-е. во всѣхъ формахъ рѣчи одинаково. „Логическое соединеніе понятій"? Это—или сужденіе, или умозаключеніе; мы уже говорили, что сужденіе въ предложеніи и умозаключеніе въ періодѣ могутъ быть, могутъ и не быть.

Итакъ, въ описаніи періода съ риторической точки зрѣнія нѣтъ ничего такого, чего бы не говорили раньше.

У г. Андреева есть разсужденіе и о „членѣ" періода, конечно, съ риторической точки зрѣнія, при чемъ сказано слѣдующее: „Сложное предложеніе, состоящее изъ одного главнаго и одного придаточнаго предложенія, очевидно, состоитъ изъ двухъ членовъ, или частей. Таково, напримѣръ, предложеніе: „извѣстно, что стопы въ диковинку у насъ". Если же при одномъ главномъ предложеніи случится нѣсколько придаточныхъ, то при опредѣленіи числа членовъ сложнаго періода возможны два случая: а) или всѣ придаточныя будутъ относиться къ главному, б) или нѣкоторыя изъ нихъ будутъ относиться къ придаточнымъ же. Только придаточныя перваго рода законно назвать отдѣльными членами періода, придаточныя же второго рода особыхъ членовъ періода не образуютъ. Вотъ примѣръ перваго рода:

„Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ

Намъ предлагаетъ каждый день"...

Весь приведенный періодъ есть четырехчленный. Но вотъ примѣръ съ придаточными иного рода: „замѣчаютъ, что на французскомъ языкѣ съ перваго раза не различить глупца отъ умнаго, потому что много готовыхъ фразъ, много ума на прокатъ, которымъ равно пользуются тотъ и другой... Это сложное предложеніе есть лишь двучленный періодъ". Стр. 207—8.

Мы видѣли уже, что почти каждый авторъ риторики и грамматики понимаетъ „членъ" періода по-своему. Ломоносовъ „членомъ" называлъ всякое предложеніе какъ главное, такъ и придаточное; Востоковъ—не только простое, но и сложное предложеніе и проч. Г. Андреевъ предлагаетъ еще одну варіацію: по его мнѣнію, „членомъ слѣдуетъ называть главное предложеніе, а изъ придаточныхъ только подчиненныя и соподчиненныя, предложенія же включенныя не имѣютъ права называться членами періода.

Вообще „риторическое" ученіе о періодѣ есть рядъ фантазій, или тѣ же, раньше высказанныя мнѣнія, но облеченныя въ новыя, гладкія, иногда блестящія выраженія.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ, какъ учить составлять періоды, или какъ вести письменныя упражненія этого рода. Вопроса этого по необходимости приходится касаться потому уже, что въ учебникахъ грамматики обыкновенно предлагаются для руководства тѣ или другія указанія на этотъ случай.

Въ учебникахъ грамматики съ этого цѣлью обыкновенно рекомендуются „общіе выводы" (топики). Г. Купріяновичъ, напримѣръ, предлагаетъ слѣдующіе вопросы: Кто

(Quis)? Что (Quid)? Гдѣ (Ubi)? При чьей помощи (Quibus auxiliis)? Почему (Cur)? Какимъ образомъ (Quomodo)? Когда (Quando)? Синт. стр. 98. Кипріяновичъ замѣчаетъ при этомъ, что, руководствуясь этими вопросами, можно развить, пополнить мысль" (l. c.). Подобрать нѣсколько словъ, т.-е. распространить предложеніе, пожалуй, можно; но составить періодъ едва ли возможно, тѣмъ болѣе трудно ожидать, чтобъ изъ этихъ вопросовъ вышелъ періодъ опредѣленнаго вида. Одно названіе „общіе вопросы" должно наконецъ убѣдить, что они въ частности для составленія періодовъ едва ли цѣлесообразны. Учащійся будетъ руководствоваться не вопросами, а примѣромъ разобраннаго или заученнаго наизусть періода; такъ какъ „вопросы" не содержатъ въ себѣ ни малѣйшаго указанія, какъ составить, напримѣръ, періодъ раздѣлительный, или условный и т. п.

„Топикамъ" однако приписывается какое-то спеціальное свойство дѣлать періоды. „Для того, чтобы выразить мысль періодически, т.-е. во всей ея полнотѣ и ясности", говоритъ г. Поликарповъ: „необходимо развить ее по слѣдующимъ вопросамъ: „Quis? (Кто), Quid? (Что), Ubi (Гдѣ)? Quibus auxiliis (какими средствами)? Cur (для чего)? Quando (когда)? Отвѣтивъ на эти вопросы, хотя бы даже на всѣ, и соединивъ полученные отвѣты въ стройное цѣлое, получимъ періодъ простой". „О періодахъ". 8, 11. Но подобные совѣты даются, повидимому, не совсѣмъ сознательно, ибо тотъ же авторъ, рекомендующій вопросы, какъ средство дѣлать періоды, говоритъ и слѣдующее: „Слѣдуетъ замѣтить, что не на всѣ вопросы всегда можно отыскать отвѣты; поэтому не нужно заботиться о томъ, чтобы отвѣты были даны на всѣ вопросы, такъ какъ это можетъ препятствовать естественности и плавности рѣчи и сдѣлать періодъ натянутымъ" (l. c.). Значитъ, вопросы одновременно признаются и полезными, и вредными. Они „могутъ препятство-

вать естественности и плавности рѣчи",—это вредъ немаловажный.

„Вопросы" эти—не цѣлесообразны, потому что съ помощію ихъ нельзя составить періодъ. У г. Поликарпова, напримѣръ, изъ предложенія: „Петръ Великій основалъ Петербургъ", вышло слѣдующее: „Русскій Императоръ Петръ 1-й, прозванный Великимъ, при содѣйствіи преданныхъ и сочувствующихъ людей, въ 1703 г. основалъ на берегу Невы Петербургъ, населилъ его купцами, дворянами и служилыми людьми изъ Москвы, Твери, Вереи и другихъ городовъ". Самъ г. Поликарповъ говоритъ, что это—„сложное предложеніе, состоящее изъ одного главнаго и нѣсколькихъ придаточныхъ" (l. c.). Г. Поликарповъ доволенъ этимъ издѣліемъ, потому что не разграничиваетъ періодъ не только отъ сложнаго предложенія, но и отъ простого, что видно уже изъ его слѣдующаго обобщенія: „Періодомъ вообще называется предложеніе (простое, слитное и сложное), распространенное отдѣльными членами"... § 6.

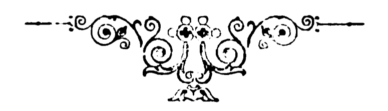
Топики рекомендуются и въ другихъ учебникахъ и руководствахъ, напр.—Гаврилова („Стилистическія задачи", стр. 142), Ливанова и проч., хотя въ то же время авторы высказываются и противъ нихъ. Ливановъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: „Нужно помнить, что не всегда и не вездѣ данные вопросы (Quis? Quid? и др.) примѣнимы къ развитію мысли простого періода, и что постоянное пользованіе ими пріучаетъ къ непріятному однообразію формы выраженія мыслей". „Учебн. теор. слов." 1899 г. стр. 14. Очевидно, и здѣсь какая-то путаница. Не пора ли бросить эту схоластику?

Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ лучше обращаться къ самодѣятельности мысли, нежели вытягивать ее механическимъ способомъ. Мы предлагаемъ болѣе естественный и легкій способъ упражнять учащихся въ составленіи

періодовъ. Такъ какъ каждому періоду соотвѣтствуетъ сложное предложеніе того же наименованія, съ которымъ учащійся уже знакомъ, то для составленія извѣстнаго періода слѣдуетъ въ видѣ темы давать сложное предложеніе того же названія. Напримѣръ, чтобы написать періодъ соединительный, можно дать въ видѣ темы соединительное сложное предложеніе, положимъ такое: „Солнышко заходитъ, и темнѣетъ день". *П.* Чтобы написать періодъ раздѣлительный, можно дать предложеніе раздѣлительное, напримѣръ, такое: „Шерсть медвѣдя бываетъ или бурая, или бѣлая, или черная" и т. п. Такимъ образомъ, мы заставимъ ученика самостоятельно подумать и поработать нѣсколько минутъ.

П. А. Виноградовъ.

Курскъ.
Сентябрь 1901 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сборникъ предложеній, могущихъ служить темами для составленія періодовъ *).

§ 3. 1) Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. 2) Набѣжали тучки, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю. 3) На дворъ давно загнали стадо, и косцы вернулися съ работъ. 4) Раздался утра шумъ игривый, и пробудился человѣкъ. 5) Соловей давно допѣлъ свои пѣсни, да и другія пѣвчія птицы почти всѣ перестали пѣть. 6) Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро.

§ 4. 1) Тамъ свалилась береза, тамъ пригнулась къ землѣ рожь. 2) Кто спѣшилъ торговать, кто шолъ гулять. 3) Гдѣ овины разрыты, гдѣ мельницы пососваны и сломаны. 4) Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки.

§ 5. 1) Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой. 2) Добрые умираютъ, да дѣла ихъ живутъ. 3) Ученый ходитъ, неученый слѣдомъ ходитъ. 4) Чай привозится къ намъ изъ Китая, а сахаръ дѣлается у насъ на сахарномъ заводѣ. 5) Все хорошо въ природѣ, но водараса природы.—

§ 6. 1) Либо дождь, либо снѣгъ. 2) Хоть пѣсни пой, хоть волкомъ вой. 3) Либо утку хлопъ, либо парня въ лобъ. 4) Паду ли я, стрѣлой пронзенный, иль мимо пролетитъ она? 5) Либо полковникъ, либо покойникъ.

§ 7. 1) Не обижай голыша: у голыша та же душа. 2) Не дай Богъ съ дуракомъ связаться: услужли-

---

*) Предложенія расположены примѣнительно къ нашему учебнику: Синтаксисъ, III. Ученіе о періодѣ. Курскъ 1900 г.

вый дуракъ опаснѣе врага. 3) Верблюда называютъ кораблемъ пустыни, ибо онъ можетъ долго переносить голодъ и жажду. 4) Орелъ летаетъ выше всѣхъ птицъ; оттого въ древности его считали небесной птицей.

§ 8. 1) Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать? 2) Всѣ люди имѣютъ сердце: всѣ могутъ наслаждаться.

§ 9. 1) Тьма свѣту не любитъ, злой добраго не терпитъ. 2) Не сходить туману съ синя-моря, ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ. 3) Виды измѣняются постепенно: точно развертываютъ передъ вами громадную панораму.

§ 10. 1) Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ. 2) Олегъ усмѣхнулся, однако чело и взоръ омрачилися думой.

§ 12. 1) Я погрузился въ размышленія, которыя были большею частію печальныя. 2) Нѣтъ слаще покоя, какой посылаетъ намъ лѣсъ. 3) Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ.

§ 14. 1) Я все еще занимаюсь дѣлами потому, что мать моя все еще очень больна. 2) Такъ какъ попугай любитъ повторять чужія слова, то выучивается говорить довольно внятно. 3) Оттого я присмирѣлъ, что я слышу топотъ дальній (говоритъ конь).

§ 15. 1) Чтобъ онъ летать не могъ, ему всѣ крылья окорнали. 2) Муравей вздумалъ въ городъ показаться, чтобъ силой тамъ повеличаться. 3) Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье. 4) Я вышелъ на берегъ, дабы дождаться луны.

§ 16. 1) Стадо таково, что трудно перечесть. 2) Нѣтъ такой вещи, чтобъ ни къ чему не годилась. 3) Что волки жадны, всякій знаетъ. 4) Воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать. 5) Вздумала щука кота просить, чтобъ взялъ ее съ собой онъ на

охоту. 6) Слава шла, что кротъ — великій звѣрь на малыя дѣла.

§ 18. 1) Гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки водятся. 2) Откуда милость, туда и сердце лежитъ. 3) Изба, куда я вошолъ, была большая и просторная. 4) Гдѣ ястребъ, тамъ и дичь есть.

§ 19. 1) Журавль клюетъ себѣ да клюетъ, пока все выклевалъ. 2) Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. 3) Покуда солнце взойдетъ-роса глаза выѣстъ. 4) Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила завтракъ, Бульба раздавалъ свои приказанія 5) Когда пиръ, тогда и пѣсни.

§ 20. 1) Два голубя, какъ два родные брата, жили. 2) Туча черная понахмурилась, словно вспомнила свою родину. 3) Чѣмъ больше кошку гладишь, тѣмъ выше она горбъ поднимаетъ. 4) Какъ жаръ, червонецъ заигралъ. 5) Больше вѣрь своимъ очамъ, нежели чужимъ рѣчамъ.

§ 22. 1) Если бы не было пахатника, то не было бы и бархатника. 2) Мы вѣрно ужь поладимъ, коль рядомъ сядемъ. 3) Если корень изсушится, не станетъ дерева. 4) Любишь кататься, люби и саночки возить.

§ 23. 1) Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться. 2) Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. 3) Кошка хотя ласкается и мурлычетъ, но принадлежитъ къ породѣ хищныхъ звѣрей. 4) Воробья хотя никто не любитъ, однако онъ приноситъ пользу.

§ 24. 1) Онъ желалъ, чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло, и чтобы дождь въ окно стучалъ не такъ сердито. 2) Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню его всегда. 3) Преданіе гласитъ, что Горохино было село богатое, что всѣ жители его были

зажиточны. 4) На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благовонной росой на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній бываютъ сильнѣе, невыразимо очаровательна прелесть веселаго утра въ степи. 5) Отличительное свойство хвойныхъ деревьевъ состоитъ въ томъ, что они имѣютъ иглы, которыхъ не теряютъ зимой.

Разныя замѣтки и матеріалъ для изученія родного языка и словесности.

I.

Замѣчаніе объ употребленіи нарѣчія «всё» въ говорѣ Терской области

Нарѣчіе „все“, кромѣ обычнаго своего значенія, употребляется еще въ смыслѣ „совсѣмъ“.

Изъ села была всё изъ малаго *).
(Сборн. Панкр. 5).

Тамъ заставушка была не махонькая,
Она всё не большинькая. (Ib. 7).
Въ его-то лицо красная дѣвица,
Она всё влюбилася (Ib. 4).
И пошла-то, пошла красна дѣвица,
Она всё изъ граду вонъ. (Ib. 5).
Лежитъ молодецъ, онъ всё убитый. (Ib. 71).
Онъ идетъ всё не тряхнется. (Ib. 16).

---

*) Ср. Захватили молодца жары жаркія,
Жары жаркія все петровскія (Донск. обл. Велик. нар. пѣсни, I).

II.

Замѣчаніе объ употребленіи слова „НА" въ говорѣ Терской области.

Въ говорѣ Терской области слово „на" употребляется не только въ своемъ обычномъ значеніи—предлога, междометія („на!") и представки („наилучшій"), но еще въ двухъ особыхъ значеніяхъ. 1) На равносильно частицѣ „да", столь обычной въ языкѣ великор. народныхъ пѣсенъ („Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы!" „Ахъ, на дворикѣ да грустнехонько"!..),—

2) передъ прилагательнымъ для усиленія его значенія.

Для своихъ наблюденій я располагаю только пѣсеннымъ матеріаломъ (Сборникъ пѣсенъ, приложенный къ Терскому сборнику за 1891 г. Гребенцы въ пѣсняхъ. Сборникъ Ф. Панкратова. Изд. 1895 г. Нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною года 4 тому назадъ).

1.

Какъ по-свѣрьхъ-то меня, славнаго Дунаюшка,
На три партіи силы перешли,
Какъ на первая прашла партія
Нашаво русскаво Бѣлаво Царя... (Моя запись).
Тутъ шли-прошли на три полка,
На три разныихъ (Панкр. 87).
У него-то есть двѣ примѣтушки:
На первая примѣтушка—лицо бѣлое.
На вторая примѣтушка—кудри черные! (Ib. 106).
Что двумя-то (напоили) меня пойлами:
На первое пойлице—пуля быстрая,

На второе—сабля острая (Ib. 88).
На всякаго казака по десять струговъ,
А на князя меня еще на одинъ десяточекъ! (Ib. 39).
Вы дайте-подайте мнѣ думчатыхъ сенаторушекъ,
На третьяго выдайте племянничка! (Ib. 47).
Въ этомъ садикѣ немножечко людей,—
Что на восемь полковничковъ,
На девятый —добрый молодецъ,
На десятый -красна дѣвица—душа (Ib. 153).
Еще ты на гдѣ, орелъ,
На гдѣ летывалъ? (Ib. 66).
Какъ и есть-то у насъ на два бояршечка... (Ib. 7).
На столахъ-то стоятъ на пойлица разнопьяныя (Ib. 11).
Что на устьицемъ вливалась (рѣка) въ Волгу... (Ib. 32).
На что у насъ есть въ полѣ затравушка... (Ib. 93).
Что ведутъ-то его на пятьсотъ солдатъ... (Ib. 19).
На винтовочкѣ написано:..
На иватъ то сударь, Краснощековъ сынъ (Ib. 56).
Тамъ плыветъ на соколикъ корабль (Ib, 21)...
Другая прошла партія—
На пруцкова короля сила (Моя запись).
На шведская она княгиня (Панкр. 64).
Какъ поймали-то они на шведскаго маіора (Ib. 45)
На турецкому пашѣ (Ib. 18).
На донской казакъ (Ib. 34).
...Много ясыру брали,
Да того ли было на ясыру на дѣвичьяго! (Ib. 56)

2.

Взяли-то они на младого хорунжаго (Панкр. 14).
Воспородила она...
На младого юношу... (Ib. 4).

На младой: 93. На младымъ: 15. На младые охотнички: 5.

Обжегъ, сопалилъ младъ ясенъ соколъ
На быстрыя свои крылушки (Моя запись).
На красная дѣвушка (Панкр. 148).
Въ полонъ-то взяли на славную его армеюшку (Ib. 47).
...Везутъ на дорогой подарокъ (Ib. 135).
Часовые тебѣ на частыя звѣздочки (Ib. 44).

То же „на“ мы видимъ при прилаг.: буйныя, мелкія, сладкія, бѣлыя, алыя (Ib. 63, 110, 125).

Я побью, поколочу на чернова ворона (Моя запись).
На чернымъ-то сукномъ (Панкр. 94). На черными шурмилами (Ib. 125).
На темная темница (Сб. № 7).
Создай да Ты, Боже.
На яснаго сокола! (Сб. № 3).

„На“ при прилаг. сравн. и превосх. степени.

А типериче, славный мой Дунаюшикъ,
Намутнѣе тибя во всемъ свѣти нѣтъ.
Ужъ и какъ же мнѣ...
На свѣтлёшуньку да мнѣ течь! (Моя запись).

При словахъ: старый, младшій, большій.

Идетъ настарóй казакъ (Панкр. 5).
Настарóму казаку. (Ib. 7).
Намладшій старшему рѣчи говоритъ... (Ib 90).
Ужъ ты будь мнѣ набóльшій братъ! (Моя запись)..
Мой набóльшій братъ! (Сб. № 2).

При нарѣчіи больше и болѣ.

Заглядѣлся я на сизыхъ уточекъ,
А набóльше того на бѣлыхъ лебедушекъ (Моя запись.
Ужъ онъ билъ-побивалъ гусей, лебедей,
Набóльше того мелку пташечку... (Панкр. 35).

А набо́льше ты перевела буйныхъ головушекъ (Ib. 63).
За куницами (собирается) Царь въ лѣсъ,
Набо́льше того за лисицами,
Да набо́лѣ всего нашъ Царь—
Ужъ онъ за чернымъ соболемъ (Ib. 13).

III.

Двѣ пѣсни, записанныя въ 1901 г. въ деревнѣ Юрцино Орѣхинской волости Рыбинск. у. Яросл. губ.

1.

Ты мила́ сестра-голубушка,
Ты объ чемъ да Богу молишся?
Да низёхонько да воскланяешся,
Ко мнѣ ближе подвигаешся?
Что гораздо у тебя, голубушка,
Скоры ноженьки подходчивы,
Бѣлы рученьки подъёмчивы
Ко моей да ко русой косѣ,
Да къ моей дѣвьей красотѣ!
Не бери ты, моя голубушка,
Да мою да русу косыньку:
Во моей да во русой косынькѣ
Есть три ножа, да три булатныхъ,—
Не обрѣжъ-ка ты да свои бѣлы рученьки,
Не пролей-ка ты да кровь алую
На моё да на цвѣтно платьицо,
На моё цвѣтно платьицо да подвѣнечное,
Подвѣнечное да вѣковѣчное!

Причитаетъ такъ невѣста, сидя въ „кутѣ" (прихожей), а если невѣста „причитать" не умѣетъ, то вмѣсто нея—„вытьница" (женщина, умѣющая выть, причитать). Причитаютъ это во время „запросва́танья" (сговора, сговоровъ).

2.

Причетъ невѣсты на могилѣ матери.
Обращаясь къ подружкѣ, она говоритъ:
„Ты поди да къ отцу духовному
Или къ старостѣ къ церьковному,
Попроси золоты ключи,—
Не откроетъ ли Божью церьковь,
Не ударитъ ли онъ въ большой колоколъ,
Не простонетъ ли да мать сыра земля,
Не раскроется ли гробова доска,
Не распахнётся ли золота парча“...
Обращаясь къ могилѣ, она причитаетъ:
„Ты возстань, да родна матушка,
Благослови меня да молодёхуньку,
Сироту да горе—бѣдную.
Снаряжать меня ды было-есть кому,
Благословить меня да некому
Что во путь да во дороженьку,
Подъ золоты вѣнцы становитися,
Съ добрымъ молодцомъ да обручатися“.

Если „княжо́й столъ“ (первый званный обѣдъ у ново брачнаго) бываетъ въ одинъ день съ вѣнчаніемъ, то свадьбу зовутъ „обыдённой“ (однодневной, въ одинъ день сыгранной).

Когда на жениха и невѣсту надѣваютъ (иногда буквально надѣваютъ) вѣнцы, и священникъ говоритъ: „Вѣнчается рабъ Божій...“, то женихъ тихо говоритъ: „Буйну голову вѣнчаю, а скорби и болѣзни не завѣнчиваю“. Невѣста въ то же время говоритъ: „Мнѣ родить, а мужу мучиться“.

IV.

Замѣтка о риѳмѣ Пушкина (Имѣется въ виду главнымъ образомъ романъ: „Евгеній Онѣгинъ").

1.

Согласныя г и к.

Риѳмуя: занемогъ—могъ (I, 1), залогъ—Богъ (V, 5), снѣгъ—нѣгъ (V, 3), лугъ—потугъ (II, 27), а также: такъ - чудакъ (II, 4), ученикъ—старикъ (I, 12), трубокъ—губокъ (IV, 47), языкъ—отвыкъ (Ш, 11, 14)—Пушкинъ сриѳмовываетъ слова, кончающіяся на слоги: гласн.+*г* и гласн.+*к*.

Недосугъ—наукъ, звукъ—вдругъ (I, 8, 11). Вокругъ—Машукъ (Пут. Он.). Каблукъ—вдругъ (V, 43). Шагъ—никакъ (V, 13). Другъ—звукъ (II, 39). Врагъ—чудакъ (Ш, 42). Уголокъ—могъ (II, 1). Постигъ—ученикъ (XШ, 38). Стукъ—вдругъ (I, 48). Сравни: Вдругъ—звукъ («Русл.», 5). Отговорокъ—дорогъ («Полт.», 2). Мигъ—старикъ («Полт.» 3). Вѣнокъ—Богъ («Торж. Вакха»). Сокъ—Богъ (Зима) Ермака—Рога («Посл. В. Пушк.»).

Надо думать, что Пушкинъ произносилъ «*г*» мягко (какъ въ южновеликорусскомъ говорѣ). У Пушкина мы находимъ еще риѳмы: *Духъ*—*другъ* («Вельможа»). Пѣтухами—слугами (VI, 31). Также: Пѣтушкова—отставного (V, 43). *Слова*—*чужого* («Альб. Он.»). У Держ. есть риѳма. Духъ—услугъ («На знатность»).

2.

Согласныя д и т.

Обычны риѳмы: Какъ-нибудь—грудь (VI, 12. III, 7. IV, 48. V, 5). Садъ—дріадъ (II, 1). Годъ—походъ (V, 4). а также: Одѣтъ—свѣтъ (I, 4). Нѣтъ—цвѣтъ (Ш, 34). Свѣта—лѣта (I, 42). Озаритъ—одаритъ (II, 8) и т. п. На ряду съ этимъ мы находимъ сриѳмованными слоги: гласн.+тъ и гласн.+дъ.

Это позволяетъ намъ предположить, что «д» (по крайней мѣрѣ въ концѣ словъ) звучалъ у Пушкина глухо.

Брегетъ—обѣдъ (I, 15). Лѣтъ—слѣдъ. Лѣтъ—побѣдъ. Вслѣдъ—лорнетъ (I. 31, 36, 29). Слѣдъ—пистолетъ. Нѣтъ—слѣдъ. Пистолетъ—сосѣдъ (VI, 29, 32, 35). Нѣтъ—слѣдъ (VII, 5). Лѣтъ—слѣдъ (VШ, 29). Нѣтъ—слѣдъ (VIII, 33, I, 59). Цвѣтъ—слѣдъ («Наслажд.»). Нѣтъ—слѣдъ («Опять я вашъ»). Бредъ—нѣтъ (I, 44). Бредъ—этикетъ (Вар. IV гл.). Лѣтъ—сосѣдъ (VШ, 18). Вотъ—водъ; Молотъ—городъ (Пут. Он.). Вотъ—переводъ. Вослѣдъ—нѣтъ. Пріѣздъ—приѣстъ. Ладъ—закатъ (Ш, 31. V, 14. Ш, 8, 13). Шевелитъ—инвалидъ. Аонидъ—сохранитъ. Благодаритъ—видъ. Слѣдъ—лѣтъ. Говорятъ—наградъ. Ледъ—упадетъ. Scott—расходъ. Заботъ—приходъ. Сосѣдъ—кабинетъ (II. 18. 40. V, 34. IV, 27, 34, 43. VI 21, 23). Хотятъ—взглядъ. Днетъ—плодъ (VШ, 33, 29).

Глядитъ—видъ («Русл.» 2). Зритъ—видъ («Русланъ» 1). Водъ—Эротъ («Фавнъ»). Водъ—потъ («Русланъ» 2). Радъ—булатъ. Богатъ—кладъ. Глядятъ—рядъ. Народъ—вотъ. Рядъ—говорятъ («Полт.» 1, 2, 3). Пирамидъ—молчитъ («Герой»). Нѣтъ—слѣдъ («Опять

я вашъ»). Р*отъ*--ур*одъ* («Русл.» 1). Гласн.+*дъ* и гласн.+*тъ*.

Когда-ниб*удь*—п*уть*. Гр*удь*—п*уть*. Растян*уть*—какъ-ниб*удь*. Отдохн*уть*—какъ-ниб*удь*. П*уть*—какъ-ниб*удь*. Шепн*уть*—какъ-ниб*удь*. Какъ ниб*удь*—блесн*уть* (VIII, 28. VII, 30, VI. 26, III, 41; IV, 10. V, 2. 6. I, 5). Медв*ѣдь*—рев*ѣть*. Тетр*адь*—зв*ать*. Тетр*адь*—опис*ать* (V, 12. II, 33. V, 40).

3.

Согласн. *з*, по крайней мѣрѣ въ концѣ слова, звучитъ глухо, приближаясь къ отзвучному *с*.

Такъ, кромѣ обычныхъ риѳмъ: Гл*асъ*—в*асъ*. В*асъ*—гл*асъ*. Н*асъ*—пог*асъ* (I, 19, 49, 45) и Гл*азъ*—р*азъ*. М*уза*—со*юза* (VI, 30. I, 59) мы встрѣчаемъ: Ав*ось*—вр*озь* (VII, 26). Р*азъ*—в*асъ* (III. письмо. VIII, 46), Сл*езъ*—перен*есъ* (V, 31). Р*азъ*—ч*асъ*. Р*азъ*—васисд*асъ* (V, 36. I, 35). Гр*язь*—свал*ясь* (V, 5) Разск*азъ*—н*асъ* (II, 19). Сл*езъ*—прин*есъ* (V, 31). Прі*ѣздъ*—прис*ѣстъ* (III. 8). Р*азъ*—пог*асъ* («Надп. на бес.»). Р*озь*—ав*ось* («Ск о балдѣ»).

4.

«Ѣ» неударяемое и въ концѣ слова приближается къ «*и*». Такъ, кромѣ риѳмъ: Сн*ѣ*—тишин*ѣ*. Земл*ѣ*—чел*ѣ*, Тиш*и*—душ*и*, Дол*и*—Ол*и* (VI, 28, 34, 43. VII, 12), мы встрѣчаемъ сриѳмованными: Дѣл*ѣ*—постел*и*. Постел*и*—дѣл*ѣ* (VI, 38. III. 38. I, 15). Встрѣч*ѣ*—плеч*и* («Русл.» 4). Избушк*и*—деревушк*ѣ* («Казакъ»). Мечтаві*й*—нян*ѣ* (IV, 35).

5.

Е означаетъ, повидимому, звукъ закрытый, близкій къ «*и*». Такъ, *е* риѳмуется съ «стеклѣ» (Ш, 37). «Пустить на *пе*»—и риѳма: стоп*ѣ*—канап*е* («Дом. въ Кол.»). Дал*е*че—встрѣч*ѣ*. Хуж*е*—муж*ѣ*. Гор*е*—вскор*ѣ* (VIII, 50. IV, 15. II, 31, 32). Прежд*е*—надежд*ѣ*. Свѣт*ѣ*—Гёт*е*. Бр*е*дъ—всл*ѣ*дъ. Сн*ѣ*гъ—брегъ. Зев*е*съ—перев*ѣ*съ III, 15. II, 9. I, 58. IV, 42. V, 37).

Полн*ѣ*й—дверей («Сонъ»). Зат*ѣ*ю—Гименею («Амуръ и Гим.»). Злод*ѣ*й—гостей («Полт.» 3). Л*ѣ*съ—небесъ («Фавнъ»). Силена—п*ѣ*на («Торж. Вакха»).

Золото*е*—поко*ѣ* («Сонъ») Поко*ѣ*—плохо*е*. Роково*е*—поко*ѣ* («Полт.» 2). Что ж*е*?—лож*ѣ* («Полт.» 2). Та ж*е*—страж*ѣ* («Къ морю»).

При этомъ еще:

Увѣренъ—Кавер*и*нъ (I, 16). Уж*и*нъ—нуженъ (V, 1. VI, 1). Можетъ—тревож*и*тъ (I, 46). Могуч*і*й—кипуч*е*й (А. Кернъ, перв. ред.). Дышетъ—слыш*и*тъ («Полт.» 2). Захочешь—точ*и*шь (Ск. о Салт.»).

6.

Звукъ ё произносился Пушкинымъ, повидимому, твердо. Такъ, мы отмѣтили риѳмы: Занесенъ—*о*нъ (V, 15). Удивленъ—*о*нъ (VI, 8). Влюбленъ—*о*нъ (VIII, 30). *О*нъ—рожденъ (IV, 50). Пробужденъ—законъ (I, 55). Рожденъ—звонъ (Ш, 37). Женъ—уменъ (II, 11). Заглушенъ—женъ (I, 28).

Огнемъ—молоткомъ (VII, 34). Огнемъ—потомъ (Ш, 23). О семъ—потомъ (V, 41). Зовемъ—томъ (VI, 23). Народъ—ледъ (IV, 42). Огнемъ—умомъ II, 11).

Зоветъ—работъ (VII, 4). Стебелекъ—цвѣтокъ (VI, 17). Мотылекъ—цвѣтокъ (IV, 51). Башмачекъ—платокъ (V, 14). Ручеекъ—лѣсокъ (VII, 6). Кругомъ—моемъ (VIII, 5).

Героиней—Дельфиной (II, 10). Зарею—головою (VI, 23). Золою—струею (IV, 47) Толку—щёлку (V, 16). Гильо--бѣлье (VI, 25). Guillot—мое (VI, 27). *Овъ*—осужденъ («Фавнъ»). *Онъ*—облеченъ («Полт.» 2). Обреченъ—*онъ* («Русл.» 3). Заботъ—уйдетъ («Русл.» 2). Ковёръ—взоръ («Русл.». 4). Недалекъ—рокъ («Шенье»). Аполлонъ—погруженъ («Поэтъ»). Розъ—слезъ («Русл.» 2). Розы—слезы («Къ мол. вдовѣ»).

7.

Наравнѣ съ риѳмами: блѣдн*ый*—вредн*ый* (III, 31), Молод*ой*—сует*ой* (III, 23), послушн*ыхъ*—равнодушн*ыхъ* (III, 23) и т. д. Пушкинъ широко пользуется риѳмой, основанной на созвучіи, т.-е. а) съ именит. пад. на *ый* онъ риѳмуетъ косв. падежи на *ой* и обратно; а также имен. пад. на *ой* риѳмуетъ съ имен. на *ый*. Нѣжн*ой*—мятежн*ый* (I, 8). Обильн*ой*—щепетильн*ый* (I, 23). Цѣл*ой*—охладѣл*ый* (I, 30). См. еще I, 36, 47, 55. Тѣсн*ый*—прелестн*ой*. Учтив*ый*—лѣнив*ой*. Бальн*ый*—журнальн*ой*, залетн*ый*—заботн*ой* (VIII, 21, 26). Несвязн*ый*—грязн*ой*. Влажн*ой*—важн*ый* (Пут. Он.). Старинн*ый*—невинн*ой* (III, 11). См. еще: II, 6, 9, 11, 15, 21, 37, 38. III, 8, 12. IV, 4, 7, 11, 13, 43, 46. V, 2, 10, 26, 31, 32. VI, 9, 12, 29, 35. Вар. 1 и 2 гл.

б) То же относительно прилагат. съ мягкимъ окончаніемъ. Убог*ій* строг*ой* (I, 3). Бутылк*ой*—пылк*ій* (I, 37). Дорог*ой*—убог*ій* (V, 15). Глубок*ій*—черноок*ой*

(VI, 38). Рѣдк*ой*—мѣтк*ой* (Вар. 8 гл.). Ленск*ій*—геттингенск*ой* (II, 6). Печальн*ой*—дальн*ій* («Не пой»...). Зимн*ій*—дымн*ой* («Къ Наташѣ»).

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобное сриѳмовываніе касается не однихъ прилагательныхъ, какъ и въ первомъ случаѣ: Морд*ой*—горд*ый* (V, 16). (Надо, впрочемъ, замѣтить, что издатели не сохраняли точнаго правописанія Пушкина. У него въ рукописяхъ встрѣчается. напр., добр*ой* вм. добр*ый*).

8.

Риѳмы неполныя, основанныя на созвучіи.

а) сриѳмовываются слоги: согл.+*ый* и согл.+*ы* (и обратно).

Уныл*ый*—сил*ы*. Пистолет*ы*—раздѣт*ый* (VI, 17, 20). Несносн*ый*—сосн*ы*. Раскрыт*ый*—знаменит*ый* (V, 13, 35). Хладн*ы*—безотрадн*ый* («Вар. 2 гл.). Варшав*ы*—кровав*ый* («Бород. год.») Генерал*ы*—обуял*ый* («М. Всадн.»). Угрюм*ый*—дум*ы*. Нив*ы*—игрив*ый*. Мазеп*ы*—свирѣп*ый*. Безпечн*ый*—вѣчн*ы*. Крылат*ый*—раскат*ы* («Полт.» 2, 3). Отдаленн*ый*—обнаженн*ы* («Торж. Вакха»). Суров*ый*—дубров*ы* («Поэтъ»). Могил*ы*—хил*ый* («Къ Жук.»). Могил*ы*—мил*ый* («Талисманъ»). Увит*ы*—забыт*ый* («Къ Ю.») Уныл*ый*—сил*ы* («Ам. и Гим.»). И даже—Стародавн*ы*—своенравн*ыхъ* (Вар. 4 гл.).

б) Согл.+*ый* и согл.+*о* (и обратно). Благородн*ый*—угодн*о* (IV, 20). Напрасн*о*—прекрасный (VI, 31). Проворн*о*—чудотворн*ый* (IV, 30). Чинно—длинный (V, 39). Уединенн*о*—безцѣнн*ый* («Фавнъ»).

в) Согл.+*о* и согл.+*ой* гораздо рѣже. Грозн*о*—морозн*ой* (V. 20) Нѣжн*о*—небрѣжн*ой* (VI, 10).

г) Слоги: согл.+*о* и согл.+*а* (и обратно) составляютъ риѳму тоже сравнительно рѣдко.

Ран*о*—Татьян*а*. Проворн*о*—покорн*а*. Необозрим*а*—невозвратим*о* (V, 1, 15, 7). Мошк*а*—окошк*о* (Ск. о Салт.»). Послушн*а*--равнодушн*о* («Памятн.»). Эт*о*—отвѣт*а* («Ск. о Салт.») Также: кап*а*ть—лап*о*ть (V, 41).

9.

Ударяемое «*а*» въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, означаетъ звукъ узкій. Возк*а*хъ—сан*я*хъ—похорон*а*хъ (V, 25, 16). Когт*я*ми—шаг*а*ми. Стих*а*хъ—сан*я*хъ (V, 12, 3). Скрѣп*я*сь—оперл*а*сь. Оперл*а*сь—склон*я*сь (V, 12; IV, 17). Сердц*а*мъ—пол*я*мъ (VIII, 29). Тир*а*нъ—росі*я*нъ (V, 42). Бу*я*нъ—атм*а*нъ (V, 4). Доск*а*мъ—деревн*я*мъ (V, 42). Лошад*я*мъ—дубк*а*мъ (VI, 25). Тимп*а*нъ—посел*я*нъ («Торж. Вакха»).

10.

Н*и*ми—золот*ы*ми (VII, 36). Кр*и*къ—калм*ы*къ (VII, 39). Молод*ы*хъ—*и*хъ. За н*и*хъ—площадн*ы*хъ. Пор*ы*въ—опуст*и*въ.—Б*ы*лъ—пал*и*лъ (V, 6, 23, 31, 34). Родн*ы*е—как*і*е (IV, 20).

Молод*ы*мъ—отдад*и*мъ («Стансы»). Сѣд*ы*мъ—мо*и*мъ («Любовь одна»). Н*и*мъ—слѣп*ы*мъ («Ам. и Гим.»). Крут*ы*мъ—н*и*мъ. («Русл.» 2). Д*ы*мъ—сво*и*мъ («Сонъ»). Яз*ы*къ—вм*и*гъ («Русл.» 3). Пост*ы*лъ—измѣн*и*лъ («Фавнъ») Н*ы*нѣ—ед*и*ный («Къ Наташѣ»).

11.

Удвоеніе буквы не является препятствіемъ для риѳмы. Д*а*мъ—эпигр*а*ммъ. Д*а*ма—эпигр*а*мма (I, 5, IV, 30). Эпигр*а*ммой—упрямо (VI, 33). Попол*а*мъ—эпигр*а*ммъ (I, 46). Од*е*ссѣ—пов*ѣ*сѣ («Пут. Он.»). Од*е*сса—зав*ѣ*са. Од*е*сса—Зев*е*са («Пут. Он.»). Кол*о*нны—покл*о*ны (VII, 43). Одн*а*—странн*а* (VIII, 9). Всё—Русс*о* (II, 29). Мад*о*ннѣ—небоскл*о*нѣ (III, V). Л*и*па—Арист*и*ппа («Къ вельм.»). Р*о*ссъ—вопр*о*съ («Клеветн. Россіи»).

12.

а) Слово «скучный» Пушкинъ риѳмуетъ со словомъ: «равнодушный» (I, 19). Кромѣ того: Равнодуш*но*—скуч*но*. Душ*но*—скуч*но*. Скуч*ных*ъ—малодуш*ных*ъ (VII, 48. III, 17, VI, 37).

Можно предположить, что въ этомъ словѣ Пушкинъ «*ч*» произносилъ мягко, близко къ «*ш*». (Въ «Бахч ф.»: Безотлу*ч*ный—равноду*ш*ный).

б) Сочетаніе: «*чъ*», повидимому, звучало у Пушкина мягко. Рѣ*чь*—пле*чъ* (II, 6). Пала*чъ*—пла*чь* («Шенье»). Назна*чь*—пала*чъ* («Полт.» 2).

в) *Ж* сохраняетъ мягкое произношеніе. То *жъ*—проведе*шь* (III, 17). Немно*жк*о—око*шк*о (V, 15). Лачу*жк*а—стару*шк*а («Зимн. веч.»).

г) Ку*щи*—у*ши* (Эпигр. «Бывало»).

д) *Б* звучитъ близко къ соотвѣтствующему глухому (отзвучному) *п*. По*п*ъ—ло*б*ъ («Ск. о балдѣ»). По*п*ъ—гро*б*ъ («Полт.» 2). Холо*п*ъ—гро*б*ъ (ib.). Фе*б*ъ—слѣ*п*ъ (Ам. и Гим.»).

е) Относительно звука *в* замѣтимъ: Стро*ф*ъ—бе-реговъ (IV, 35).

13.

Къ числу риѳмъ, основанныхъ на созвучіи, надо отнести:

а) Евг*еній*—*тѣни* (VI, 24. V, 21. III, 41). Сту*пени*—Евг*еній* (VI, 30). *Синій*—Росс*ини* (Пут. Он.). Козлон*огій*—р*оги* («Торж. Вакха»). Бур*и*—фур*ій* («Къ вельм.»). Клик*и*—велик*ій* (V, 33). Велик*ій*—клик*и* («Пиръ Петра»).

б) Подвод*ятъ*—вод*итъ* («Полт.» 3).

в) Кул*исъ*—несл*ись* (I, 18). Н*осъ*—перевел*ось* (II, 33). Бо*юсь*—м*узъ* («Сонъ»). Ч*асъ*—прита*ясь* (ib.). Кипар*исъ*—разросл*ись* («Кто. зн. край»).

г) Вруч*ивъ*—вкр*ивь* (VII, 45). Кр*овъ*—люб*овь* («Фавнъ»). Зр*итъ*—раздѣл*ить* («Къ Нат.»).

д) Лебедин*ыхъ*—долин*ахъ* (VIII, 1). Пожал*уй*—ми*лый* (VI, 27). Равнин*ой*—един*ый* («Ск. о Салт.»). Златоглав*ый*—Варшав*ой* («Клев. Россіи»).

14.

Что касается словъ, кончающихся на *я* съ удареніемъ на немъ, то Пушкинъ риѳмуетъ ихъ весьма свободно:

Друзь*я*—мен*я* (I, 32). Друзь*я*—стрѣляюсь *я* (VI 17). Семь*я*—сыновь*я* (V, 35). Виж*у я*—друзь*я* (IV, 47). *Твоя*—*семья* (IV, 48). Увѣренъ *я*—семь*я* (IV, 49). Ру*жья*—какъ *я* (IV, 36). Друз*ья*—стр*уя* (IV, 45). Съ вами *я*—друзья. Друзья—это *я* (VI, 47, 33). *Я*—мен*я*

(«Бахч. ф.»). Самъ *же я*—*скамья* («Гусаръ»). Кто *я*—*меня* («Ск. о зол. п.»). Виноват*а я*—*моя* («Ск. о мертв. ц.»). М*оя*—*меня* («Гус.»). *Я* -*моя* (ib. 3 раза).

В. А. Водарскій.

Международная фонетическая ассоціація.

У насъ не мало толкуютъ объ упрощеніи орѳографіи и преимущественно—въ видахъ облегченія школьнаго преподаванія. Но наша орѳографія не такъ еще разошлась съ произношеніемъ, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ другихъ новыхъ языкахъ. На Западѣ вопросъ объ упрощеніи орѳографіи—тоже вопросъ очень важный и очень старый. Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся на Франціи, гдѣ недавно были сдѣланы нѣкоторые оффиціальные шаги на пути упрощенія орѳографіи, и гдѣ частная и общественная инициатива широко поставила этотъ вопросъ значительно ранѣе. Тамъ явилась попытка ввести однообразное фонетическое написаніе, пригодное не для одного французскаго, но и для всякаго другого языка.

Въ 1886 году небольшая группа французскихъ профессоровъ и учителей основала „Международную фонетическую ассоціацію“, которая на первыхъ порахъ стала примѣнять фонетическое письмо при обученіи дѣтей англійскому языку, а потомъ стала энергично популяризировать свой методъ. Скоро общество пріобрѣло много сторонниковъ между учителями различныхъ языковъ во многихъ другихъ странахъ, убѣдившимися въ большой практической пользѣ новаго метода. Въ 1888 году на общемъ совѣщаніи былъ выработанъ международный фонетическій алфавитъ, скоро принятый большинствомъ членовъ ассоціаціи въ своихъ литературныхъ трудахъ и при обученіи.

Ассоціація постоянно пропагандировала употребленіе „прямыхъ“, естественныхъ методовъ при обученіи языкамъ и боролась съ такъ называемымъ „классическимъ“ методомъ,

при которомъ хотятъ обучить говорить съ помощью грамматическихъ правилъ и перевода фразъ. Она дала толчокъ къ появленію многихъ важныхъ трудовъ по фонетикѣ живыхъ языковъ и говоровъ; подъ ея вліяніемъ въ Ecole pratique des Hautes Etudes de France образовалась каѳедра общей и сравнительной фонетики, и возникли во многихъ странахъ лѣтніе вакаціонные курсы „прикладной“ фонетики.

Свои педагогическіе принципы ассоціація резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Во всякомъ иноземномъ языкѣ прежде нужно изучить не литературную рѣчь, всегда болѣе или менѣе архаичную, а живую, повседневную рѣчь.

2) Первой заботой учителя должно быть совершенное ознакомленіе учениковъ со звуками иноземнаго языка. Съ этою цѣлью на первыхъ порахъ обученія, вмѣсто обычной, традиціонной, орѳографіи, онъ долженъ пользоваться фонетической трансскрипціей.

3) На второмъ мѣстѣ должно быть изученіе фразъ и оборотовъ, наиболѣе обычныхъ въ этомъ иноземномъ языкѣ. Для этого изучаются связные тексты, описанія и повѣствованія, по возможности наиболѣе естественныя и интересныя.

4) Грамматика прежде изучается индуктивно, какъ выводъ и обобщеніе фактовъ, усмотрѣнныхъ при чтеніи; болѣе систематическое ея изученіе умѣстно лишь въ концѣ курса.

5) Выраженія и слова иноземнаго языка должны быть, по возможности, прямо связаны съ идеями или съ другими выраженіями того же языка, но не съ словами родного языка. Переводъ нужно, по возможности, замѣщать предметными уроками, разсматриваніемъ изображеній и объясненіями на иноземномъ же языкѣ.

6) Когда впослѣдствіи будутъ давать ученикамъ письменныя работы, то онѣ на первыхъ порахъ должны быть

воспроизведеніемъ прочитанныхъ и объясненныхъ текстовъ, затѣмъ онѣ будутъ пересказомъ того, что учитель разскажетъ устно, далѣе—свободнымъ изложеніемъ, наконецъ—самостоятельнымъ сочиненіемъ.

Принципы эти, въ свое время бывшіе новыми и оригинальными, теперь, какъ извѣстно, вошли во многихъ случаяхъ даже въ обиходную практику.

Что касается родного языка, то и здѣсь ассоціація пропагандировала употребленіе при обученіи фонетическаго алфавита.

Наиболѣе оригинальнымъ пунктомъ въ программѣ ассоціаціи было введеніе въ практику международнаго фонетическаго письма.

Выработанная ассоціацией и усвоенная въ настоящее время болѣе, чѣмъ 2000 лингвистовъ, профессоровъ и учителей всѣхъ странъ, система фонетическаго письма основана на латинскомъ алфавитѣ и международномъ „обычаѣ", т. е. для изображенія каждаго звука выбрана та буква, которою представленъ этотъ звукъ въ наибольшемъ числѣ языковъ, употребляющихъ латинскій алфавитъ. Такъ, для перваго звука французскаго слова zèle принятъ знакъ z,—въ противорѣчіе съ языками нѣмецкимъ, итальянскимъ, испанскимъ; для перваго звука слова vin принятъ знакъ v, хотя у испанцевъ и нѣмцевъ онъ произносится иначе, и т. д.

Эта международная азбука, пригодная для всѣхъ языковъ культурныхъ націй, состоитъ изъ 73 буквъ: 47 согласныхъ и 26 гласныхъ.

Остановимся на гласныхъ. Гласные звуки въ этой системѣ раздѣлены на закрытые (6 звуковъ), полузакрытые (3), средніе (13), полуоткрытые (2), открытые (2). Къ закрытымъ принадлежатъ—1) u,—это русское у; 2) *ш*,—тотъ же звукъ, произносимый болѣе раздвинутыми губами; 3) ü—звукъ, который слышится въ нор-

вежскомъ словѣ hus; 4) ї,—русское ы; 5) у,—слышно въ французскомъ словѣ nu; 6) i,—русское и, i. Звуки полузакрытые—1) U,—слабое „o"; 2) У,—нѣчто среднее между французскими eu и u; 3) 1,—французское e très fermé. Звуки средніе: 1) O,—французское eau; 2) U, перечеркнутое по срединѣ горизонтально справа налѣво,—французское á; 3) ö,—„смѣшанное" o; 4) ē,—„смѣшанное" e, 5) O, перечеркнутое наклонною тонкою чертою, проходящею чрезъ O вверху съ правой стороны, внизу—съ лѣвой (буква; напоминающая нашу письменную ф)—въ французскомъ словѣ peu; 6) e,—въ французскомъ né; 7) ə,—знакъ для всякаго неяснаго гласнаго въ родѣ французскаго e muet; 8) ɔ,—„o" въ французскомъ fort; 9) ʌ,—„o", произносимое съ открытыми губами, въ родѣ англійскаго звука въ словѣ but; 10) ɔ̈,—„смѣшанное" ɘ; 11) ä,—звукъ, слышный въ англійскомъ fur; 12) oe,—въ французскомъ peur. 13) ε,—въ французскомъ fer. Къ полуоткрытымъ принадлежатъ звуки—1) ɐ,—въ родѣ французскаго e muet, но болѣе открытаго; 2) ae,—въ англійскомъ словѣ man; къ открытымъ—1) α.—въ французскомъ pas; 2) a,—въ французскомъ rat. Кромѣ того, знакомъ греческаго облеченнаго ударенія обозначается носовое произношеніе, двоеточіемъ, стоящимъ послѣ буквы,—ея удлиненное произношеніе.

Съ постепенной разработкой фонетики языковъ некультурныхъ и мѣстныхъ говоровъ пришлось въ основному алфавиту добавлять особые иногда знаки для обозначенія совершенно спеціальныхъ видоизмѣненій, свойственныхъ тѣмъ или инымъ, въ большинствѣ случаевъ мало распространеннымъ языкамъ (такъ, для звуковъ *к*, *п* грузинскаго языка, сопровождаемыхъ гортаннымъ призвукомъ, пришлось взять буквы k, p съ знакомъ ': k', p', и т. д.).

Международная ассоціація имѣетъ свой печатный органъ

„Le Maître phonétique", издаваемый въ Bourg-la-Reine (департ. Сены, во Франціи).

Ассоціація управляется международнымъ „совѣтомъ", состоящимъ изъ 20 членовъ, избираемыхъ на два года; совѣтъ избираетъ изъ своей среды бюро. Члены ассоціаціи разсѣяны по всему свѣту; есть члены въ Бразиліи, Чили, Конго, Новой Зеландіи, Исландіи и т. д. Составлено не мало руководствъ и книгъ для чтенія по усвоенной ассоціаціею системѣ письма. Назовемъ, напр., труды редактора журнала ассоціаціи Пасси: Premier livre, Le Français parlé, Versions populaires du Nouveau Testament Lectures variées, Histoires pour enfants, Chrestomathie phonétique; такія же руководства и пособія составлены и для нѣкоторыхъ другихъ языковъ (даже для еврейскаго: Spieser. Hebräische Lautschrifttexte, и армянскаго: Djelali-Passy. Contes et chants armeniens). Въ Германіи, Франціи, Англіи, Голландіи, Швейцаріи, Соединенныхъ штатахъ существуютъ даже „фонетическія" типографіи.

П. Д. Первовъ.

Изъ лексикона о бѣлорусской розгѣ

(по поводу 40-лѣтія отмѣны тѣлесныхъ наказаній, 1863—1903 г. 17 апрѣля).

Тѣлесныя наказанія и истязанія разнаго рода до того были мучительны, тяжелы и повседневны, что они составляли важнѣйшее содержаніе духа и чувства крестьянина—раба. Мысль послѣдняго постоянно была занята и сосредоточена на самосохраненіи, на боязни за себя. При всей привычкѣ къ обстановкѣ, экзекуціи и повторяемости ужасающихъ сценъ, рабъ не могъ успокоиться ни духомъ ни тѣломъ. Мысль работала усиленно и односторонне, результатомъ чего явилась масса пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, присловій и проч. изъ крѣпостного права. По тѣмъ же причинамъ мы находимъ въ русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ немало синонимовъ, разносторонне характеризующихъ явленія безправнаго времени. «У кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Касательно вообще синонимовъ нелишнимъ будетъ здѣсь привести слова Ренана: «У народовъ обыкновенно много словъ для обозначенія того, что ихъ больше всего интересуетъ. Въ еврейскомъ языкѣ существуетъ 25 синонимовъ для соблюденія закона, 14—для упованія на Бога, 11 для дождя и т. д. Поарабски левъ имѣетъ 500 именъ, змѣя—200, медъ—больше 80, верблюдъ—5744, мечъ—1000, какъ и подобаетъ воинственной расѣ. Лапландецъ, при всей бѣдности его языка, имѣетъ 30 словъ для обозначенія оленя,—животнаго, необходимаго для его жизни».

Намъ кажется, что заслуживаетъ вниманія въ языкѣ не только одна синонимика названій часто встрѣчающихся и обиходныхъ предметовъ, но и такая же характеристика общихъ явленій жизни народа, поскольку она отразилась и сохранилась въ данномъ языкѣ. Въ этомъ

смыслѣ интересно было бы прослѣдить и обслѣдовать все богатство русскаго языка и опредѣлить относительную интенсивность работы мысли въ той или другой области, въ томъ или др. направленіи.

Въ настоящей замѣткѣ мы останавливаемся на бѣлорусской розгѣ.

Бѣлоруссъ, при всемъ умственномъ убожествѣ, забитости, приниженности въ страшное старое время, сохранилъ въ своемъ нарѣчіи память о пережитыхъ мукахъ и экзекуціи; запечатлѣлъ это во многихъ особыхъ мѣткихъ синонимахъ, живо рисующихъ кровавыя сцены «катывыння». Самый «катъ»—секуторъ былъ въ глазахъ бѣлорусса извергомъ, страшилищемъ, достойнымъ всякаго презрѣнія и проклятія—«ни судби мнѣ, Божа, быць а ни войтымъ-катымъ, а ни сватымъ—чилавѣкымъ прыклятымъ». Вообще памятны были въ Бѣлоруссіи всѣ эти—войты, кымисары, дазо́рцы, ключники и пр.

Самая экзекуція происходила обыкновенно «ныстайни» или «у стадоли» и имѣла свою прелюдію, обстановку и исполненіе.

Въ порядкѣ приблизительной постепенности синонимы, относящіеся къ экзекуціи, могутъ быть расположены такъ.

I.

Узя́ть яго	Набиць у за́шій
Пытягну́ць	По́ ўху даць
Аткырха́ць	Атъюши́ць
Аттуўха́ць	Атриву́шиць
Атштурха́ць	Паби́ць мурло́
Аткыўхаць	Паби́ць сумурда̀ки
Аткышиля̀ць	Атхра́пыць (хра́па) [1].
Пачу́биць	Дацъ вы́спиткыми

[1]) Физіономія и ротъ носятъ синонимы: зя́ва—зя́па—

Адбиць баки
Адмякыць
Атпякыць,
Атсадзиць
Атпратыць
Атпляскыць
Атляскыць
Атмыхаць
Атмылациць
Аттыпаць
Аттылыскаць
Атмызгытаць
Атхлёпыць
Атхлястыць
Прикундосиць
Атпылыскаць
Нырхастыць
Рыскулёпиць
Атлупэциць и пр.

II. [2]).

Хлыбазвуць
Пиризаць
Вытнуць
Цяць
Аптрипаць
Нытылызаць
Нысупоциць
Ныхлыстаць
Атсвистаць
Нашлёбыць
Атшлёгыць
Атсцёбыць
Драць
Пацёпыць
Усыпыць
Лупиць
Лупцуваць
Луциць
Цвичиць,
Пастрыкыць
Апстрыкыць
Парыць—парку даць.
Дзяжиць—дзюжиць
Папёстывыць
Атпэтывыць
Атцирабиць
Атцирушиць
Аткатывыць
Атличиць
Атпусциць
Атхвыстаць
Пащотыць
Аддзираць
Абдзираць
Атчистуваць
Даць у ср.

ляпа—лычъ—мялица--хаўло—мурло—храпа—мурзаки — мурдасы—сумурдаки, абразина, тварь.

[2]). Ср-ка ни бирасцёнь, ня будуць сѣчь цѣлы дзень. Будзиць ср. дриздапѣць.

Адджигаць
Шку́ру зняць, злупиць
Атлупѳцаць
Прихандо́жиць
Прихвырасциць
Атчикрижиць
Нысмалиць
Атсмалиць
Пасѣкчи
Атчиса́ць фѳ
Даць у фѳ
Прихласциць
Атцина́ць
Даць харошію школу
Атıппа́рыць
Увалиць
Пилисува́ць
Риспилисува́ць
Рисписа́ць ср.
Рубрикыва́ць
Рискрыжува́ць
Пычвыртува́ць
Чвыртува́ць
Акрыва́виць
Кро́ўю ўсплыць и проч.

Горе и мучительную жизнь бѣлорусcъ по временамъ топилъ обыкновенно въ водкѣ, «кланился шкляно́му богу», чему всегда содѣйствовалъ неизбѣжный жидъ, шинка́ръ. «Гарѣлка», «гарѣлица», «гарѣлычка» была, можно сказать, единственнымъ утѣшеніемъ, панацеей. Зато ни одинъ изъ нихъ (напитковъ) не блистаетъ разнообразіемъ именъ, какія придаются той же водкѣ; «водица оржиная (въ шутку—святая), оржану́шка, по́сница, висялу́шка, горку́шка, зыбяру́шка, окыянница» и пр. Обилію именъ отвѣчаетъ и обиліе дѣйствій, связанныхъ съ потребленіемъ водки: хапиць, пираки́нyць, забиць му́шинку, закиныць у шулуме́йку, свисныць, дерныць, дирбалы́зныць, скывацъ шило и пр.» (Очерки—Н. Я. Никифоровскаго. Витебскъ). Къ этому прибавимъ еще названія рюмки: ча́рка—ча́рычка, питачка, сямёрка, кулёкъ, гарни́тка, со́тка, кручокъ, шкаликъ, шкля́нка, кватэ́рка, касу́шка, аршинъ, кіёкъ, ыпира́шка и пр.

Н. Рамзевичъ.

Воспоминанія объ Алексѣѣ Андреевичѣ Хованскомъ, редакторѣ-издателѣ журнала: „Филологическія Записки“ *).

III.

Когда вышла отдѣльная брошюра о юбилеѣ «Филологическихъ Записокъ», и я узналъ, какъ трудно было Алексѣю Андреевичу въ матеріальномъ отношеніи вести журналъ, то рѣшился (изъ чувства искренняго желанія поддержать безкорыстнаго труженика), на смѣлый, при моемъ 75-ти-рублевомъ мѣсячномъ окладѣ, шагъ: я рѣшилъ пріобрѣсти «Филол. Записки» за все время ихъ изданія. Въ отвѣтъ на мое рѣшеніе и запросъ Алексѣй Андреевичъ писалъ 8 августа 1890 г.:

«Приношу Вамъ душевную благодарность за поздравленіе меня и за сердечное сочувствіе, съ какимъ Вы относитесь такъ радушно къ факту въ моей дѣятельности.

Въ отвѣтъ на запросъ Вашъ спѣшу сообщить Вамъ, что относительно пріобрѣтенія Вами изданія за прежніе годы съ удовольствіемъ могу исполнить Ваше желаніе. Но предварительно долженъ Вамъ сказать, что за первые т р и г о д а (а собственно за два—первый годъ составляетъ 1860—1861, 2-й $186^{2}/_{3}$—такъ туго и медленно было начало), кромѣ того, нѣтъ ни одного экз. за

*) Продолж. См. в. VI 1901 г

1874 годъ, за прочіе всѣ есть и то за нѣкоторые самое ограниченное количество. За все это время съ 1864-го до 1886-го по номинальной цѣнѣ изданіе стоитъ около 125 руб., но Вы можете пріобрѣсти за 100 руб., даже могу и еще уступить, если Вы ничего не будете имѣть противъ того, что недостаетъ за 4 года, но можетъ быть скоро и еще за нѣкоторые окажется недостача. Поэтому я предложилъ бы Вамъ разомъ выписать, что теперь имѣется въ наличности, а уплату можно разсрочить, какъ Вамъ будетъ желательно,—года на 2—3. Дѣло въ томъ, я подумываю отдохнуть, сильно утомился, здоровье подорвалось страшно, болѣю часто, а чувства мои подсказываютъ мнѣ: mori memento, вѣдь я ужъ прожилъ три четверти вѣка. Изданіе придется передать и разстаться съ своимъ дѣтищемъ, хоть и жаль, но что дѣлать!

Сообщите мнѣ Ваше мнѣніе, какъ Вы рѣшитесь на счетъ выписки изданія.

Душевноуважающій Васъ

А. Хованскій».

Я выписалъ журналъ, но покойный, за недостаткомъ времени и неотложными текущими дѣлами, могъ исполнить мой заказъ только въ концѣ октября мѣсяца. 25 числа послѣдняго мѣсяца онъ писалъ мнѣ: «3-го дня я отправилъ Вамъ изданія журнала «Ф. З.» за слѣд. годы: за 1864—1865 (за первые два года нѣтъ) 1866—1867, 1868—1870, 1872—73, 1875—1876, 1877—1879, 1880—1881, 1882—1883, 1884—1885 до 86-го всего за 18 лѣтъ осталось выслать за 1869, 1871, 1874, 1878 г.г., за эти года я вышлю послѣ,—отлагаю до весны, а теперь трудно отыскать въ холодномъ складѣ, нужно перерыть громадную кучу тюковъ (нѣсколько экз.

отъ каждаго года оставлялось въ листахъ несброшюрованными), но не знаю, кажется, изъ оставшихся 4-хъ годовъ не осталось одного. Всѣхъ предполагается доставить Вамъ съ посылаемыми за 22 года.

Я рѣшился сдѣлать Вамъ большую уступку, именно въ полцѣны, т. е. по 3 руб. за каждый годъ.

Изъ второго года я нашелъ оставшіяся двѣ книги (за $186^2/_3$ г.), которыя и приложены съ верху, кромѣ того—Указатель, и Методика Барсова (все подчеркнутое не въ счетъ). О методикѣ я попрошу Васъ сдѣлать отзывъ, но не теперь, а когда выйдетъ 2-й курсъ Мед., тогда вмѣстѣ о томъ и другомъ, который тогда и вышлю. Съ Вашей легкой руки явилось еще двое желающихъ пріобрѣсти «Ф. З.» за всѣ года. Пересмотрите книжки, онѣ уложены въ порядкѣ по годамъ и провѣрьте, все ли я уложилъ, что означено. Уплатой не торопитесь, мнѣ нужно еще выслать Вамъ за 4 года, да кстати приготовить за тѣ же годы и для другихъ. Если у Васъ имѣется въ виду статейка, будьте добры—пришлите.

Здоровье мое лѣтомъ было удовлетворительно, осень для меня теперь тяжела.

Жму Вашу руку крѣпко

Вашъ *А. Хованскій.*

«P. S Посылка отправлена съ товарнымъ поѣздомъ, вѣроятно, черезъ недѣлю дойдетъ до Нѣжина. Оправляйтесь на товарной станціи. Квитанцію прилагаю».

Пока происходила пересылка книгъ, у меня явилась мысль о нѣкоторыхъ новыхъ работахъ—о Кольцовѣ и ученомъ Котляревскомъ; по провѣркѣ оказалось, что книги журнала за означенные въ предыдущемъ

письмѣ годы получены не всѣ. На мое письмо обо всемъ этомъ, равно о его болѣзни и передачѣ «Фил. Зап.» въ другія руки А. А. 20 декабря писалъ мнѣ:

«Вотъ Вамъ корректура, просмотрите, поправьте, что найдете нужнымъ дополнить или перемѣнить. Статья очень интересная.

«Усердно благодарю Васъ за сочувственныя отношенія къ моему изданію. Относительно передачи его въ другія руки, пока еще не рѣшаюсь да трудно рѣшиться и жаль разстаться. Думаю продержаться до послѣднихъ силъ, а увижу что сдѣлать. Можетъ быть во все оставить придется для дочерей моихъ, только нужно будетъ пригласить редактора другого, вотъ и такого рода мысль у меня имѣется въ головѣ.

Удивляюсь, какъ это я пропустилъ нѣкоторыя книжки, кажется, внимательно пересматривалъ;—пересмотрите еще и Вы,—не попали ли онѣ (именно VI—75 года. I и II—79 г. и VI—82 г.). Если дѣйствительно такъ, то въ маѣ, а можетъ быть и теперь попадутся въ тѣхъ, которыя ближе лежатъ въ комнатахъ,—вышлю и раньше.

Изъ первыхъ годовъ высланы всѣ. Такъ за 1864 г. выданы 5 вып. и цѣна 5 р. назначена, за 1865 всего выдано 3 вып. въ 2-хъ кн. и ц. 3 р. за 1866—5 в. и ц. 5 р. за 68-й тоже 5 в. и ц. 5 р. только и есть разницы за 4 года. Изъ этого можете усмотрѣть, какъ трудно было вести дѣло изданія и бороться съ обстоятельствами.

«Нужный Вамъ VI вып. $18^{62}/_{63}$ г. не найдете ли въ библіотекѣ Нѣжинск. института? Съ своей стороны я спрошу быв. нашего воспитанника (теперь полковникъ въ здѣшнемъ корпусѣ), нѣтъ ли у него отдѣльнаго оттиска о Кольцовѣ, такъ какъ этотъ воспитанникъ

былъ близокъ къ де-Пуле, я увижусь съ нимъ вѣроятно на дняхъ.

«Объ ученой дѣятельности А. А. Котляревскаго желательно было бы помянуть добрымъ словомъ. Можетъ быть сообщу кое-что и я, пожалуй, доставлю Вамъ нѣсколько его писемъ, если найду. Его «Біологію вообще о письменности» я самъ хотѣлъ было перепечатать, онъ мнѣ обѣщалъ было приготовить 2-ю и для «Ф. З.», матеріалъ остался, но Академія, разсматривая его, нашла, что это сырой матеріалъ, но что ключъ къ нему потерянъ.

«Кстати: не извѣстно ли Вамъ, какъ кончилъ университетскій курсъ сынъ его Несторъ Ал. и куда поступилъ на службу. Мнѣ нужно бы его найти. Я до сихъ поръ высылаю «Ф. З.» въ книгохранилище покойнаго А. А., но доходятъ ли по назначенію—не знаю.

Простите. Крѣпко жму Вашу
руку. Душевно преданный Вамъ
А Хованскій».

Наступившіе праздники принесли мнѣ вышенапечатанное письмо. Отвѣчая покойному, я высказалъ ему нѣсколько пожеланій въ новомъ, 1891 г., на что онъ отвѣчалъ мнѣ 4 января:

«Душевно благодарю Васъ за поздравленіе съ Новымъ годомъ и за Ваши сердечныя и горячія пожеланія мнѣ здоровья, столь нужныя мнѣ силы на продолженіе тяжелыхъ для меня работъ и хлопотъ по изданію,

Съ своей стороны отъ души привѣтствую и Васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ и желаю Вамъ всего пріятнаго и полезнаго по службѣ и исполненія всѣхъ Вашихъ добрыхъ пожеланій и предпріятій.

«Вчера я видѣлся съ своимъ знакомымъ, у него

есть единственный экз. книжки стихотвореній Кольцова съ біографіей, соч. де-Пуле, но одолжить на время (выслать Вамъ) стѣснился, такъ какъ на книжкѣ собственноручная надпись де-Пуле, какъ быв. кадету и брату (двоюродному), надписью этой онъ дорожитъ. Я зашелъ въ здѣшніе книж. магазины, думалъ найти, купить и выслать Вамъ, къ сожалѣнію, ни въ томъ ни въ другомъ не оказалось. Были, но всѣ распроданы, впрочемъ, давнее изданіе Солдатенкова; не удалось только зайти въ 3-й магазинъ. Завтра я узнаю, если есть, возьму и вышлю Вамъ немедленно, если только найдется.

Если только въ послѣднемъ магазинѣ удастся найти, то Вы дней черезъ 5 получите книжку, а нѣтъ, такъ вотъ Вамъ адресъ, который далъ мнѣ вчера быв. нашъ воспитанникъ, по которому можете выписать отъ книгопродавца Павленкова,— это именно изд. составленное де-Пуле, и есть другое, полное изданіе, какъ увидите въ запискѣ *), Шамова, которое, если нужно, можете пріобрѣсти изъ Москвы. Я до сихъ поръ не зналъ, что были эти два изданія въ послѣднее время, тѣмъ лучше для Васъ, найдете что-либо и новое...

«P. S. Сейчасъ посылалъ въ магазинъ, сказали, что нѣтъ такого изданія.

Высылки недостающихъ книжекъ подождите до весны, а теперь нѣтъ никакой возможности отыскать что либо на холоду въ кучѣ тюковъ».

Два важныя событія въ служебной дѣятельности, и частной жизни моей, поѣздка лѣтомъ въ Москву для занятій въ книгохранилищахъ, все это отвлекло меня, и я не могъ писать Алексѣю Андреевичу. Въ февралѣ 1891 г. я женился, а въ ноябрѣ переведенъ на службу

*) При письмѣ приложена записка съ адресами.

въ Новгородъ-Сѣверскъ. Устройство новаго хозяйства, а затѣмъ положительно разорительный переводъ по волѣ и разумѣнію начальства, которое, при солидномъ окладѣ, забываетъ грошевое содержаніе учителя женской гимназіи, такъ запутали мои скромные и безъ того финансы, что я не могъ выслать часть денегъ за полученныя книги. Не желая, чтобы Алексѣй Андреевичъ въ дурную для меня сторону истолковалъ мое продолжительное молчаніе, я увѣдомилъ его кратко о томъ, что случилось со мною въ теченіе 10 мѣсяцевъ, въ которые мы не переписывались. Я написалъ ему вскорѣ по пріѣздѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ, и онъ мнѣ отвѣчалъ 8 декабря слѣдующее:

«Въ отвѣтъ на послѣднее письмо Ваше пріятнымъ долгомъ считаю поздравить Васъ съ законнымъ бракомъ и отъ души желаю Вамъ полнаго счастія въ супружеской жизни,—жизни радостной, мирной, пріятной. Самая драгоцѣнная супружеская жизнь та, которая состоитъ въ полной взаимной между супругами сердечной любви и неизмѣнномъ согласіи. Въ настоящее время рѣдки примѣры стройной семейной жизни, дай Богъ, чтобы Ваша семейная жизнь была образцомъ для другихъ.

«Вы не пишете мнѣ, какъ Вы переведены—съ повышеніемъ или просто перемѣщены преподавателемъ? Пора бы Вамъ дать мѣсто инспектора.

«Вы безпокоитесь насчетъ долга,—сдѣлайте милость не безпокойтесь,—это пустяки». Устраивайте прежде свою новую семейную жизнь.

Простите. Жму Вашу руку крѣпко.

Вашей подругѣ жизни передайте мой усердный привѣтъ».

Если бы зналъ покойный, какою иронією звучало подчеркнутое въ его письмѣ «съ повышеніемъ»! Я и не хотѣлъ писать о грустномъ событіи Алексѣю Андреевичу, чтобы не волновать его своими личными неудачами, когда у него и безъ того было много горя; но его запросъ побудилъ меня разсказать ему все, что случилось со мною.

IV.

Я всегда былъ того мнѣнія, что каждому учителю, даже сухому математику, необходимо быть до нѣкоторой степени идеалистомъ, исполненнымъ самаго живого интереса ко всему высокому, благородному и прекрасному, иначе нельзя будетъ оказать никакого нравственнаго воздѣйствія на души обучаемыхъ; надо каждому педагогу, входя въ классъ, забыть всѣ мелочи жизни, умѣть стать выше ихъ, чтобы дать питомцамъ правильный взглядъ на будничную ежедневность и предостеречь ихъ отъ растерянности, когда эта ежедневность начнетъ ихъ окружать тысячею мелкихъ путъ, чтобы вытравить изъ души ихъ тѣ лучшія движенія, какія, по прекрасному выраженію Гоголя, надо забирать въ молодости. По крайней мѣрѣ, для учащихся въ провинціальныхъ городкахъ, сонная и низменная жизнь которыхъ довольно отражена въ нашей текущей литературѣ, необходимъ педагогическій персоналъ съ указаннымъ мною настроеніемъ. Далѣе, я глубоко убѣжденъ, что именующій себя учителемъ долженъ быть для своихъ слушателей не только дидаскаломъ, обучающимъ русской, греческой или еще какой другой грамматикѣ, но учителемъ въ полномъ смыслѣ этого вели-

каго слова. Своею собственною жизнью педагогъ долженъ воочію показать, какъ нужно разумно устраивать и проводить свою жизнь, какъ надо имѣть цѣль въ своей жизни, какъ надо осуществлять эту цѣль, чтобы не пришлось краснѣть за избираемыя для этого средства, какъ надо давать отпоръ, если встрѣтятся на пути къ достигаемой цѣли препятствія и т. п.

Вотъ почему я не могъ равнодушно видѣть торгашества, которое на моихъ глазахъ вторгалось въ гимназію.

....ская женская гимназія, гдѣ прошли первые семь съ половиною лѣтъ моей педагогической дѣятельности, основана на средства, пожертвованныя богачомъ, уроженцемъ г. Кушакевичемъ, почему гимназія эта именуется «женская П. И. Кушакевичъ гимназія». По волѣ жертвователя, одинъ изъ его наслѣдниковъ долженъ быть предсѣдателемъ попечительнаго совѣта гимназіи. Таковымъ былъ (можетъ быть, и по сіе время состоитъ) старшій племянникъ основателя гимназіи П. Ѳ. К—чъ, исполнявшій въ то же время должность городского головы. Вотъ этого-то предсѣдателя и его жену, даму малообразованную, окружили родственники: начальница гимназіи, попавшая на такой постъ прямо по протекціи, учительница приготовительнаго класса, учитель математики и естественной исторіи, отецъ учительницы приготовительнаго кл., секретарь тоже какой-то родственникъ начальницы. Могу сказать, что изъ учителей я былъ единственнымъ не своимъ человѣкомъ. До чего родственники эти были сильны въ женской гимназіи, приведу фактъ. Приготовительнаго класса при женской гимназіи не открывали до тѣхъ поръ, пока N. не окончила курса въ VIII классѣ, хотя въ первые годы моего учительства, когда въ

...ѣ не было женскихъ городскихъ училищъ, потребность въ этомъ классѣ была настоятельнѣе. Мало того, попечитель округа хотѣлъ назначить въ открываемый приготовительный классъ учительницею не N., а другую кандидатку. Тогда роднія упросила предсѣдателя попечительнаго совѣта П. А. К—ча поѣхать въ Кіевъ и объяснить попечителю округа, что разъ N. не будетъ назначена учительницей, то приготовительный классъ не будетъ открытъ. И N. была назначена.

Я себя держалъ въ сторонѣ отъ родичей, но и не ссорился съ ними. Могу даже сказать, что рѣшительно не мѣшалъ роднѣ обдѣлывать ея денежныя дѣлишки, въ родѣ назначенія непомѣрно съ другими большого вознагражденія N. Но вотъ у послѣдней явилось желаніе наживать капиталы, пользуясь своимъ авторитетомъ, съ учащихся. Проучительствовавъ, какъ говорится, безъ году недѣлю, N. составила сборникъ диктантовъ. По ея словамъ, такого сборника не имѣлось въ русской учебной литературѣ. Она дала мнѣ на просмотръ рукопись сборника. Когда я познакомился съ нею, то увидѣлъ, что составительница не знала о существованіи книжекъ подобнаго рода—Пуцыковича, Тихомирова и др. Я прямо сказалъ юной составительницѣ, что въ литературѣ имѣются прекрасныя пособія, гдѣ и больше матеріала, и доброкачественнѣе онъ. N. познакомилась съ указанными мною книгами, набрала изъ нихъ фразъ, чѣмъ утолстила объемъ своей тощей рукописи, и начала печатать на свой счетъ въ Кіевѣ. Кстати будетъ упомянуть тутъ, что я предлагалъ ей провѣрить мое мнѣніе и отослать рукопись редактору одного изъ педагогическихъ журналовъ, гдѣ ея трудъ могъ быть напечатанъ, въ случаѣ пригодности его и новизны.

Прошло болѣе мѣсяца или двухъ. Въ маѣ сборникъ

диктантовъ для приготовительнаго кл. вышелъ изъ печати. Она преподнесла мнѣ экземпляръ и просила высказаться о трудѣ ея. Просмотрѣвъ книжечку и увидѣвъ, что она нахватана отовсюду, я рѣшилъ молчать объ этомъ твореніи, но посовѣтовалъ ей послать книжку въ «Русскую Школу», «Образованіе» и другіе педагогическіе журналы. Прошли каникулы. Послѣ каникулъ N., не добившись одобренія ученаго комитета М. Н. Пр., не заявивъ педагогическому совѣту, начала обязывать ученицъ приготовительнаго класса покупать ея книжечку. Среди родителей появились протестующіе. Меня сильно взволновало это торгашество, которое врывалось слишкомъ нечистыми путями въ гимназію. Я попробовалъ поговорить съ N., что ея поступокъ не только не красивъ, но даже незаконенъ. Она не обратила вниманія на мои слова. Тогда я рѣшилъ печатно высказать свое мнѣніе объ учебномъ пособіи, незаконно навязываемомъ учащимся. Кстати, въ Редакціи «Филологическихъ Записокъ» появилось это творенье. Моя рецензія, довольно сдержанная, хотя и рѣзкая, за моею полною подписью появилась въ «Филологическихъ Записках» и какъ оказалось, пошла гулять среди всѣхъ профессоровъ Института, учителей мужской гимназіи и ихъ женъ, ибо въ гимназіи мужской всѣ, повидимому, жили мирно, но въ то же время мирно и воевали изъ-за служебныхъ благъ! Ничего не зная о впечатлѣніи, произведенномъ моею рецензіею среди педагоговъ и ихъ женъ, я на другой же день, по полученіи книжки «Филологическихъ Записокъ», показалъ свою рецензію, сказавъ: «Вы хотѣли знать мое мнѣніе о вашей книжечкѣ,—вотъ оно! Она взяла у меня книжку «Филологическ. Записокъ», прочитала рецензію во время уроковъ въ гимназіи и, возвращая, проговорила грустно: «благодарю за рецен-

зію». Потомъ черезъ два дня, наслушавшись, вѣроятно, подстрекательскихъ толковъ дамъ и матери, N. вошла, когда я былъ въ учительской одинъ, и сказала: «С. Н., ваша рецензія—пасквиль! Вы должны опровергнуть ее и извиниться печатно передо мною!»—«Если вы находите это, то привлекайте меня за пасквиль къ суду», спокойно отвѣтилъ ей я: «или пишите возраженіе; я буду просить редактора напечатать его въ слѣдующемъ выпускѣ Филологич. Записокъ».—«Нѣтъ, я не стану ничего писать, да и что писать!» говорила возбужденная авторша,—и мы разстались. Черезъ день или два передъ третьимъ урокомъ, когда въ учительской былъ я, начальница и покойный В. Д. Юскевичъ, вошелъ съ книжкою «Филологич. Зап.» папаша N., учитель математики, и набросился съ бранью на меня за рецензію. Онъ спрашивалъ меня, какое я имѣлъ право писать рецензію на книгу его дочери, зачѣмъ я не спросилъ позволенія у него, какъ отца. Когда я сталъ ему отвѣчать, что я разбиралъ книгу и говорилъ о N., какъ о составительницѣ плохой книжки, а не какъ о дочери, онъ приблизился ко мнѣ и потребовалъ, чтобы я опровергъ самого себя. На мой отказъ и предложеніе жаловаться на меня въ судъ онъ, площадно браня меня, ударилъ меня свернутою книжкою журнала по головѣ.

Когда математикъ напалъ на меня, начальница исчезла изъ учительской и приперла плотно дверь, чтобъ не слышно было брани его, и оставался только Юскевичъ. Поступокъ его меня поразилъ. Я спокойно взглянулъ на него и проговорилъ: «мнѣ стыдно вамъ, сѣдому человѣку и старому педагогу говорить, что только подлые разбойники нападаютъ на беззащитныхъ людей; я могъ бы Вамъ раздробить голову вотъ этимъ подсвѣчникомъ (у меня подъ рукою стоялъ огромный шан-

далъ), но я драться въ учебномъ заведеніи не желаю, чтобы не краснѣть передъ ученицами. Я буду жаловаться на Васъ по начальству».

Сильно взволнованный, я отправился на урокъ, гдѣ увлекшись дѣломъ, забылъ эти дрязги, хотя и трудно было успокоить себя. Математикъ спохватился; онъ какъ-то приходилъ въ учительской просить у меня прощенія, потому что клика родичей не желала доводить это дѣло до начальства; но я отвѣтилъ ему, что съ разбойниками служить не желаю. Онъ предлагалъ мнѣ, что совершенно оставитъ женскую гимназію, пока я буду служить въ ней. Говорю откровенно, что если бы я зналъ начальническую правду, непремѣнно простилъ бы его проступокъ, потому что моего авторитета среди учащихся онъ не подорвалъ, напротивъ, уваженіе и любовь ко мнѣ сослуживцевъ—женщинъ и учениц҄ъ возраста; но я слишкомъ вѣрилъ въ правду, которую отыщешь у начальства. А правда эта вотъ какая вышла: я получилъ переводъ въ Новгородскую-сѣверскую женскую гимназію съ 30 уроковъ на 17, т. е. со 105 руб. мѣсячнаго оклада на 70 руб., а математикъ переведенъ въ г. Прилуки въ мужскую гимназію. Меня утѣшало только одно: мои семилѣтніе труды не пропали даромъ, потому что ученицы многое усвоили отъ меня и сохранили обо мнѣ навсегда самое отрадное воспоминаніе. Все выше изложенное въ краткихъ словахъ я сообщилъ покойному Алексѣю Андреевичу, который 24 января 1892 г. писалъ мнѣ: «низкій и дерзкій поступокъ съ Вами ... возмутилъ меня до глубины души! это подлость! ... Напрасно Вы не притянули его къ суду, но конечно Вы лучше поступили — похристіански.

А знаете что? Вѣдь авторша,—нѣтъ, сочини-

тельница нелѣпой книжонки, прислала мнѣ опровержение на рецензію—знай-дескать нашихъ! Разумѣется, я его не помѣщу, а скорѣй напишу—что напрасно она лѣзетъ въ драку: въ забіяки не попадетъ... Да напишите мнѣ, насколько вѣрно, что книжонку ея велѣно изъять изъ обращенія у ученицъ. Ну ужъ по всему видно, какая ... эти ... только умѣютъ шаркать ногами да безобразничать кулаками!

За то я въ письмѣ Вашемъ порадованъ былъ и вполнѣ вознагражденъ за оскорбленіе Ваше, какъ за собственное чтеніемъ поднесеннаго Вамъ воспитанницами великолѣпнаго и неоцѣнимаго адреса. Честь Вамъ и слава! Поздравляю, вотъ это побѣда, побѣда благородная, высокая, такая побѣда выпадаетъ очень рѣдкимъ труженикамъ. Я въ восхищеніи за Васъ! Сообщите мнѣ полный текстъ этого драгоцѣннаго адреса,—это образецъ оцѣнки искренній, задушевный отъ слушательницъ. Ахъ, если бы этотъ образецъ послужилъ образцомъ для другихъ дѣятелей—преподавателей, слово которыхъ такъ обаятельно дѣйствовало бы и на другихъ. Вотъ до чего нужно добиваться преподавателямъ! Знаете ли, я этотъ адресъ имѣю въ виду напечатать въ назиданіе другимъ,—придирку я найду и придирокъ къ этому много. Что Вы скажете на это?

«А между прочимъ вотъ еще Вамъ добрый мой совѣтъ: нужно добиваться каѳедры, для этого, какъ я вижу, у Васъ есть большіе задатки. Изъ моихъ сотрудниковъ около 6 лицъ профессорами. Omnia dixi tibi, Domine!»

Какъ видно изъ этого письма, N. потомъ, когда отецъ ея нанесъ мнѣ оскорбленіе, рѣшила написать мнѣ возраженіе. Я не знаю, что она мнѣ возражала; но что я правъ былъ въ своемъ мнѣніи о ея книжонкѣ,

могу сослаться на журналъ: «Русская Школа», гдѣ о ея книжечкѣ сказано, что неизвѣстно, для чего она напечатана. Кромѣ того, попечитель округа заставилъ N. прекратить незаконную продажу ея книжечки ученицамъ, чѣмъ успокоены были родители.

Не скрою, что поступокъ со мною г. попечителя округа, который вообще весьма равнодушно относился къ управляемымъ, сильно меня опечалилъ. Чтобы забыться отъ тяжелой дѣйствительности, я усиленно погрузился въ занятія по гимназіи и въ свои литературно-учебныя. Несправедливый поступокъ со мною попечителя округа такъ меня возмутилъ, что я рѣшилъ было совсѣмъ оставить учительство и просилъ у С. Н. Шубинскаго, редактора «Историческаго Вѣстника», какого-либо мѣста при редакціи. Вотъ почему ко времени пребыванія въ Новгородѣ-Сѣверскѣ относится наибольшее количество моихъ работъ. Кстати, министерствомъ пересмотрѣны программы, иначе поставлено было преподаваніе литературы и теоріи словесности. Я весь отдался этимъ вопросамъ и началъ ихъ разработывать, насколько было возможно то дѣлать въ Новгородъ—Сѣверскѣ. Переводъ мой лишилъ меня и прекрасной библіотеки Института, гдѣ я могъ всегда почти раздобыть нужную книгу. Кромѣ разборовъ сочиненій Кольцова, Лермонтова и Гоголя, я написалъ очерки изъ прошлаго отечественной литературы и теорію словесности. Называю эти работы, потому что о нихъ будетъ не разъ упоминаться въ письмахъ Алексѣя Андреевича.

Такъ 8 мая этого же года онъ писалъ мнѣ: «Высылаю Вамъ корректуру статьи Растопчиной и прибавлю, статьи дѣйствительно задушевной и вполнѣ симпатичной. Какая прекрасная личность эта поэтесса Растопчина со стороны психической. Я съ удовольствіемъ чи-

талъ корректуру (рукопись не читалъ). Одно меня только смущаетъ въ ея произведеніи—это «Насильный бракъ», и я теперь призадумался: не опустить ли все это мѣсто,—какъ бы чего не вышло непріятнаго для моего изданія и для меня. Я не знаю, насколько эта вся исторія распространена и извѣстна у насъ въ прессѣ,—не было ли на нее наложено правительственное veto? просто я въ недоумѣніи. Напишите мнѣ гдѣ и гдѣ въ прессѣ помѣщалась эта исторія, если нигдѣ не было и помину, то, по моему, не слѣдуетъ и поднимать ее,—такъ я строго смотрю на эту исторію, м. б. и покойный Н(иколай) П(авловичъ) не желалъ этого, что сказалъ—оставить безъ послѣдствій, въ чемъ, кажется, и сомнѣваться нельзя,—да едва ли, пожалуй, пропуститъ и цензура. Что Вы на все это скажете? Жду Вашего отвѣта».

Я успокоилъ А. А—ча насчетъ стихотворенія Ростопчиной; кстати въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» появились воспоминанія о графинѣ и о ея пьесѣ, надѣлавшей въ свое время немалаго переполоха. Въ то же время Алексѣй Андреевичъ не оставлялъ мысли написать статью по поводу адреса, поднесеннаго мнѣ ученицами и присланнаго вмѣстѣ съ сочиненіями Некрасова. 13 іюня онъ писалъ мнѣ, спрашивая, гдѣ я буду проводить каникулярное время, «чтобы мнѣ (пишетъ онъ) навѣрное знать, куда къ Вамъ адресоваться въ случаѣ надобности. Можетъ быть, придется уже теперь напечатать статейку о Вашей педагогич. дѣятельности по поводу адресовъ и по поводу 1-го выпуска «Разборовъ образц. поэтич. произведеній» Куклина.

«P. S. Какая прекрасная и симпатичная поэзія гр. Ростопчиной! Почему *Ро*, а не *Ра*?» По поводу той же статейки онъ писалъ мнѣ 16 августа: «... пишу Вамъ нѣсколько строкъ, хотя бы только дать о себѣ

знать и сказать Вамъ, что я недѣли двѣ тому назадъ началъ писать извѣстную статейку, но спѣшныя корр. меня оторвали, а отложить нельзя было. Ст. эту я Вамъ пришлю въ корр., можетъ быть, что и Вы прибавите... Фотографич(еской) карточки пока нѣтъ, — снимусь и пришлю непремѣнно, а пока жму Вашу руку крѣпко».

Послѣдняя фраза письма вызвана моею просьбою прислать мнѣ портретъ, потому что мнѣ очень хотѣлось видѣть человѣка, съ которымъ велъ столько лѣтъ переписку и котораго искренно уважалъ и горячо любилъ.

Къ сентябрю А—ѣй Ан—чъ приготовилъ статейку и прислалъ ее мнѣ въ корректурѣ. Я остался ею очень доволенъ, о чемъ и написалъ Алексѣю Ан—чу. 21-го сентября онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: «Очень радъ, что угодилъ Вамъ своей замѣткой. Кое-что въ ней я нахожу нужнымъ передѣлать. Я читалъ ее директору гимназіи и одному учителю,—очень хвалятъ. Отлагаю ее на 5-й вып. (4-й почти готовъ), который уже спѣшу приготовить къ юбилейному дню Кольцова, будутъ тутъ двѣ статьи о Кольцовѣ. Свою статью непремѣнно пошлю Министру и попрошу его о Васъ, да мнѣ и необходимо это сдѣлать и для себя. Хотѣлось бы, чтобы «Ф. З.» выписывались и въ ученическія библіотеки старшихъ и среднихъ классовъ гимназій и прогимназій. Научныя изданія необходимо читать и учащимся, если Министерство желаетъ дать имъ больше знаній при самостоятельномъ чтеніи. Вотъ причина, почему мнѣ хочется все отдѣлать получше и выставить на видъ».

Я ждалъ 5-го выпуска «Фил. Зап.», гдѣ должна была появиться упомянутая статья. Но ея не появилось въ названной книжкѣ журнала. На мой запросъ по это-

му поводу 14 октября онъ писалъ мнѣ: «Извините, за недосугомъ и за спѣшными работами не могъ отвѣчать Вамъ тотчасъ на Ваше послѣднее письмо. Кромѣ того, статейка моя еще не готова.

«Представьте, я былъ въ большомъ раздумьи и колебаніи, какъ бы изъ-за этой статьи не вышло какой непріятности и для меня и для Васъ. Дѣло въ томъ, что тутъ отзывается оваціей, что, конечно, не допускается дѣлать учащимся. Я многое измѣнилъ въ статьѣ и вм. поднесли адресъ употребилъ слово прислали Вамъ соч. Некрасова при слѣд. письмѣ... Письмо дѣло другое: никому запрета на него нѣтъ. Словомъ, смягчилъ все вездѣ и въ своихъ выраженіяхъ: вся-то суть и самый фактъ въ письмѣ остается, а для насъ это и нужно, адресъ же и самъ о себѣ слишкомъ отзывается громко. Я думалъ было просить разрѣшенія у Министра первоначально, но навѣрное не получилъ бы. Теперь дѣло обойдется просто, одно, что можетъ быть—получу выговоръ, но статью пошлю при письмѣ. Видите, сколько хлопотъ и затрудненій надѣлала моя затѣя. Думаю, что Министръ взглянетъ снисходительно. Вотъ какая со мной была борьба! Я уже и съ директоромъ говорилъ много по этому вопросу, и пришли къ заключенію—выдвинуть фактъ наружу. Подождите еще немножко,—на дняхъ рѣшу все дѣло—да или нѣтъ»...

Не желая, чтобы изъ-за меня сильно волновался почтенный старецъ, я, помнится, писалъ ему, что не стоитъ поднимать обо мнѣ исторію. По правдѣ сказать, я не вѣрилъ въ свою удачу, не вѣрилъ, что статья эта можетъ повліять на перемѣну судьбы моей. Но Алексѣй Андреевичъ писалъ мнѣ 25-го декабря: «Мысль свою

объ извѣстной Вамъ статьѣ я не оставилъ совсѣмъ, жаль, я думаю обратиться съ ней къ Министру».

Дѣйствительно моя судьба и задуманная дорогимъ старцемъ статья интересовали его въ теченіе послѣдующаго года, такъ что нѣтъ почти ни одного письма, въ которомъ не заключалось бы упоминанія о «Живомъ словѣ».

Такъ, въ началѣ 1893 года (7 января) онъ писалъ мнѣ: «Четыре дня сижу дома и никуда не выхожу, сильно простудился и черезъ силу брожу по комнатѣ, ослабъ весь. хотя есть маленькая перемѣна, но когда поправлюсь, не знаю.

«Письмо Ваше сегодня получилъ, а утромъ сегодня же отдалъ Вашу ст. набирать, какъ зналъ, что Вы желаете этого, знаю, есть между нами общая симпатія. Къ концу февраля мнѣ также хотѣлось бы 1-ю книжку выпустить.

Свою статейку «Живое слово» я послалъ Барсову и сказалъ ему, что думаю послать Министру и что къ этой статьѣ присоединю нѣсколько отзывовъ о Методикѣ. Конечно, всѣ эти отзывы, которые я соберу съ моей статьей, будутъ имѣть больше силы и значенія, но Министру думалъ теперь же послать. Барсовъ проситъ подождать, когда соберутся другіе отзывы, о чемъ я еще не могу рѣшить теперь. Нужно объ одномъ позаботиться—объ отзывахъ. Теперь. Хорошо было бы и отъ Васъ имѣть такой отзывъ, но не ловко будетъ намъ хвалить другъ друга, а Ваша рецензія будетъ болѣе интересна, такъ какъ Вы больше всѣхъ поняли духъ и направленіе «Жив. слова». Хотѣлось бы поскорѣй отъ Васъ получить. Вотъ развѣ что можно допустить: составьте отзывъ, но выставьте какой-либо псевдонимъ

подъ статьей и другой городъ (Москву или Петербургъ). Согласны?

Мнѣ обѣщалъ отзывъ Бунаковъ, да два уже у меня есть. На дняхъ соберусь пригласить нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ, да если собрать отзывовъ 10, и довольно. Нѣтъ ли у Васъ хорошихъ знакомыхъ изъ преподавателей, попросите отъ себя написать хоть небольшую рецензію и прислать мнѣ. Какъ вижу, многіе преподаватели интересуются Методикой. Недавно изъ Петербурга двое изъ преподавателей, одинъ Института Благород. Дѣвицъ, потребовали оба отдѣл. курса. Кстати, у Васъ (кажется) нѣтъ 2-го курса, я Вамъ вышлю съ VI вып. «Ф. З» а 1-го курса у меня нѣтъ, всѣ разошлись, Барсовъ обѣщалъ мнѣ выслать

Когда свою статью соберусь послать Министру, увѣдомлю Васъ.

P. S. Барсовъ сообщаетъ, что одинъ Шведскій ученый написалъ на фр. яз. рецензію о методикѣ и помѣстилъ въ своей особой книгѣ, которую Бар. никакъ нигдѣ не найдетъ. Мнѣ кажется, это мой подписчикъ, Проф. Упсальскаго Университета Лундаль (Lundell). Если Б. найдетъ книгу эту, я попрошу выслать намъ ее. Это интересно. 11 янв. Сегодня немножко ожилъ, но изнеможеніе страшное. Письмо это до сихъ поръ не могъ отослать»...

Слѣдующее письмо отъ 1 февраля совершенно не упоминаетъ о «Живомъ Словѣ», потому что за болѣзнью А—ѣй Ан—чъ едва могъ управляться съ своими текущими дѣлами. Въ то время я послалъ ему первый опытъ разбора произведеній Кольцова, согласно указаніямъ новыхъ учебныхъ плановъ мужскихъ гимназій. Большая половина выше названнаго письма занята замѣчаніями покойнаго Редактора; эти замѣчанія прекрасно иллю-

стрируютъ дѣятельность А—ѣя Ан—ча, какъ редактора, показывая въ то же время самый живой интересъ его къ судьбамъ родного языка и литературы въ средней школѣ. «Прежде всего долженъ Вамъ сказать», пишетъ онъ: «что я съ 1-го января цѣлый мѣсяцъ болѣю инфлюэнціей и вотъ только 3—4 дня чувствую маленькое облегченіе, до того ослабъ и совершенно обезсилѣлъ, что не могъ по комнатѣ ходить безъ помощи, водили, какъ малаго ребенка. Теперь, слава Богу, есть надежда поправиться, только еще ноги слишкомъ слабы. Докторъ разрѣшилъ выходить на воздухъ. Всѣ дѣла остановились, на силу послѣднія двѣ книжки журнала сбылъ съ плечъ. На 1-ю кн. наборъ идетъ своимъ чередомъ.

Корректуру Вашей статьи, хоть съ трудомъ, но просмотрѣлъ.

Передаю свои маленькія соображенія 1) (на 2 кол.). Мнѣ кажется, нѣтъ надобности заносить въ особый отдѣлъ плана II восходъ солнца, какъ явленіе природы.

2) Особенности народнаго языка, по-моему, не слѣдуетъ ставить, такъ сказать, Кольцову въ упрекъ, какъ будто нарушающія чистоту языка, напротивъ они считаются теперь законными дѣтьми родного языка и сближаютъ насъ съ народомъ; поэтому подчеркнутыя слова я просилъ бы Васъ, вездѣ и далѣе, опустить и не упоминать, какъ о какомъ-то недостаткѣ или неправильности, а указывайте на нихъ просто безъ всякой оговорки и не отнимайте этой заслуги у Кольцова, да и Вашъ трудъ не умалится безъ этихъ оговорокъ.

3) (Стр. 5). Одно слово знать само по себѣ недаетъ особаго значенія какъ нарѣчіе, выставьте всю фразу.

Крайне желательно было бы, послѣ каждаго разобраннаго стихотворенія, изложить выводы относительно психологическаго значенія, со стороны нравственно-религіозной или вообще выводы примѣнительно къ жизни, какъ это часто излагается у Барсова. Сдѣлайте хоть подъ однимъ стихотвореніемъ это, а подъ другими по ставьте вопросы, на что надо обратить особенное вниманіе, это Вашей статьѣ придастъ особенную окраску. Словомъ, больше заинтересовывать учащихся слѣдуетъ. Усталъ и рука плохо повинуется».

Пока писалось это письмо, отъ меня получена была статейка о Методикѣ г. Барсова. Я ее написалъ съ большимъ интересомъ, потому что внимательно слѣдилъ въ школѣ за результатами примѣненія методы автора. Моя рецензія не блещетъ общими красивыми мѣстами, но она, полагаю, полна фактическихъ указаній. Вотъ почему авторъ сразу обратилъ на нее вниманіе и выяснилъ нѣкоторые вопросы, на которые вызвалъ его я своею рецензіею. Даже въ заключеніи своей Методики онъ не обошелъ одного вопроса, затронутаго мною. Моя рецензія подписана фамиліей моей матеріи «Королевъ». Получивъ ее, А—ѣй Ан—чъ приписалъ въ только что приведенномъ письмѣ: «Сію минуту получилъ Ваше письмо и статью о Методикѣ, за все и за вся приношу глубокую душевную горячую благодарность. Портретъ до мая, теперь не скоро справлюсь съ силами, да и холоду боюсь Жду отзыва о Методикѣ изъ Швеціи на франц. языкѣ. Интересно будетъ получить. Это, полагаю, мой подписчикъ на «Ф. З.» Проф. Унив. Упсалье. Лундалъ (Lundell.)».

Меня очень интересовало появленіе въ одной изъ книжекъ «Фил. Зап.» отзывовъ о Методикѣ Барсова, поэтому въ одномъ изъ писемъ къ А—ю Ан—чу я вы-

сказалъ желаніе увидѣть поскорѣе въ печати эти отзывы, а кстати и его статью: «Живое Слово». На мое письмо онъ 19 февраля писалъ: «Улучивъ нѣсколько свободныхъ минутъ, спѣшу отвѣтить Вамъ на нѣкоторые вопросы, прежніе и послѣдніе.

Вамъ желательно, чтобы я поспѣшилъ съ живыми фактами, скорѣй напечаталъ. Все это хорошо и мнѣ желательно, но къ сожалѣнію не могу это исполнить въ 1-й книжкѣ, такъ какъ не всѣ еще собраны отзывы о Методикѣ,—поэтому я отлагаю это дѣло до 2-й кн. (я даже предвидѣлъ, что въ 1-й не придется помѣстить), а безъ постороннихъ отзывовъ я и не рѣшился бы пустить свою статью въ ходъ: предварительно выставленные отзывы—эго, какъ говорятъ адвокаты, будутъ какъ смягчающія обстоятельства сути дѣла, какъ ширмы или декораціи, изъ-за которыхъ живые факты не будутъ казаться уже слишкомъ рѣзкими да и могутъ подкупить посторонній взглядъ. Къ сожалѣнію, одинъ отзывъ присланъ слишкомъ рѣзкій—противоположнаго, отрицательнаго свойства. Придется его оставить—помѣстить послѣ, и сдѣлать на него опроверженіе. Предварительно я пошлю его Барсову. Объ оттискахъ Вашихъ статей и моей не безпокойтесь. Теперь примусь за статьи гр. Ростопчиной (какая свѣтлая личность). За спѣшными и другими работами, Вашихъ отдѣл. оттисковъ и другихъ накопилась масса. На дняхъ отдалъ Ваши сброшюровать и пришлю Вамъ. Да, кстати сказать, все забываю, дополненіе изъ прошлаго рус. литер. (что послѣ гр. Ростопчиной) князя Горчакова я помѣстилъ не все, какъ Вы вѣроятно замѣтили уже, слишкомъ много ужъ у него вольностей и нескромностей. Конецъ рукописи Вамъ пришлю.

Карточку свою пришлю, будьте спокойны. У меня многіе тоже просили.

Вы просите сообщить, кто такой Барсовъ. Извольте. Это инспекторъ Эриванской Гимназіи (Алексѣй Васильевичъ), прекрасный человѣкъ, нашего поля ягода (изъ духов. званія).

Письма Потебни у меня есть, но не много. Особеннаго, кажется, ничего не представляется въ нихъ. Я съ нимъ лично былъ знакомъ,—онъ у меня бывалъ на квартирѣ.

Корр. Вашу приготовилъ къ печати, все выправилъ и все внесъ, что Вы приписали. Статья вышла прекрасная.

Отъ Ф... пріятно было бы получить отзывъ о Методикѣ.

Недавно онъ прислалъ мнѣ свои планы (по новымъ планамъ Министер.) разборовъ памятниковъ, чего у насъ еще нѣтъ для руководителей».

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ фразъ письма, я исполнилъ просьбу А—я Ан—ча и попросилъ знакомаго мнѣ одесскаго учителя написать рецензію на Методику г. Барсова. Тутъ долженъ сказать нѣсколько словъ о неподвижности провинціальныхъ педагоговъ, о боязни ихъ прослыть писателями. Грустно признаваться, что въ Россіи вмѣняется въ преступленіе господами директорами учителямъ желаніе писать и печатать. На такихъ писателей смотрятъ косо, боятся передъ ними высказывать свои взгляды. Вотъ почему я не могъ среди преподавателей ...скихъ двухъ гимназій найти человѣка, который бы интересовался книжкою г. Барсова и могъ бы сказать о ней что-либо дѣльное. Что касается выброшеннаго изъ статьи моей о Горчаковѣ, то оно относилось къ стихотворенію, которое мною взято изъ

рукописнаго сборника начала XIX столѣтія и которое отличалось отъ напечатаннаго въ собраніи сочиненій этого писателя.

Не успѣла пройти инфлюэнца, какъ съ покойнымъ старцемъ случилась новая бѣда. 2-го апрѣля на мое привѣтствіе по случаю Пасхи онъ отвѣчалъ мнѣ лѣвою рукою: «Привѣтствую и Васъ съ радостнымъ и Великимъ днемъ Праздника праздниковъ и сердечно благодарю за поздравленіе.

Очень благодаренъ, что Вы писали Ф... о рецензіи, я отъ него получилъ статью особаго рода еще прежде.

Первую книжку «Ф. З.» я не успѣлъ передъ Праздникомъ закончить, хотя и надѣялся даже разослать, черезъ недѣлю конечно закончу, а теперь я сижу безъ руки: передъ Праздникомъ на тротуарѣ поскользнулся и страшно повредилъ себѣ правую руку, теперь сижу, какъ калѣка.

Что касается оттисковъ Вашей новой статьи о Кольцовѣ, они будутъ присланы Вамъ скоро, но съ оттисками «Изъ прошлаго Русской литературы» къ сожалѣнію не могу разъискать нѣкоторыхъ листовъ, или пропали, или заложены далеко; придется пожалуй перепечатывать листа три. Перепечатаю. Жму Вашу руку своей лѣвой рукой, а правая, больная, покоится на перевязи».

Передъ обычною поѣздкою во время каникулъ въ Петербургъ, я высказалъ желаніе перейти изъ вѣдомства министерства нар. просвѣщенія въ другое, именно военно-учебное. 1-го мая А—ѣй Ан—чъ писалъ мнѣ на это: «извините, что я не могъ Вамъ скоро отвѣчать на Ваше послѣднее письмо, причина все таже—болѣзнь руки, которая отнимаетъ у меня всякую работу, а письменной

работы многое множество и спѣшная работа за выпускомъ 1-й книжки. Вѣроятно, Вы получили уже эту книжку. Насчетъ перехода Вашего въ другое вѣдомство мой совѣтъ—обождать: вѣдь ничего мы еще не просили у Министра, можетъ быть, удастся добиться желаемаго, а главное каѳедры. Я готовъ просить за Васъ Министра. Только я думалъ было прежде собрать и напечатать всѣ отзывы о Методикѣ, а вмѣстѣ помѣстить и свою статью и просить удержать Васъ для пользы научнаго дѣла и пристроить Васъ въ университетскомъ городѣ по предполагаемому въ концѣ статьи проекту съ усиленнымъ окладомъ, какъ будто учителя заслуженнаго, а на самомъ дѣлѣ какъ преподавателя выдающагося и проч. и проч.

Но теперь пожалуй могу просить и раньше (я хотѣлъ это сдѣлать и все приготовить въ Августѣ) а теперь для статей предполагаемыхъ время—не время по мучительнымъ экзаменамъ, все равно какъ глухое). Если же Вы рѣшили совсѣмъ иной избрать путь—перейти въ другое вѣдомство, то вѣдь тоже придется ждать вакансіи. Можно просить о мѣстѣ или Главнаго Начальника Военно-учебн. заведеній въ Петербургѣ, или прямо обратиться къ Директору какого-либо кад. корпуса считать Васъ кандидатомъ, можно пожалуй обратиться къ двумъ-тремъ директорамъ, напр. къ Кіевскому или двумъ Московскимъ—1-го кад. корпуса или 2-го кад. кор. Вотъ Вамъ мои указанія, выбирайте, что найдете лучшимъ. Съ Директоромъ Воронежскаго кад. корп. я лично переговорю. А въ Кіевѣ Директоромъ былъ Алексѣевъ,—нашъ бывшій кадетъ, но едва ли онъ и теперь тамъ. Рука устала и отказывается писать. Простите»...

Въ письмѣ отъ 22 мая онъ просилъ меня отложить свою поѣздку въ Петербургъ: «Поѣздку свою на недолго

отложите; едва ли я успѣю сдѣлать для Васъ все желаемое и обратиться съ просьбой къ Министру).—Отложите до 15 или до 20 іюня. Дѣла у меня много, а слабость большая, и главное рука—писать не даетъ, вотъ поэтому пишу и Вамъ немножко».. Въ это время печаталась моя статья о Лермонтовѣ. 5 іюня А—ѣй Ан—чъ писалъ: «за поспѣшностію я забылъ передать Вамъ свои замѣтки. На 1-й кол. слово непритворно вовсе нейдетъ къ такому существу,—замѣните другимъ (умилительно, невыразимо пріятно) и ниже одно прилагательное—тоже замѣните. На 6-й кол. и на другихъ слѣд. слѣдовало бы поговорить о религіозныхъ чувствахъ—какъ воздѣйствовать на души учащихся.—Какъ глубоко надо уважать мать за ея молитвы, за заботы, страданія о дѣтяхъ. А въ прочихъ статьяхъ болѣе развить нравственныя чувства».

Здѣсь считаю умѣстнымъ сказать, что покойный А—й Ан—чъ не вполнѣ согласно со мною понималъ цѣль моихъ статей о Кольцовѣ, Лермонтовѣ и Грибоѣдовѣ, которыя всѣ напечатаны были въ «Фил. Зап.» и изданы потомъ отдѣльными книжечками. Я хотѣлъ своими статьями на дѣлѣ, такъ сказать, показать, въ какомъ объемѣ новыми учебными планами требуются историко-литературныя свѣдѣнія отъ учениковъ 7-го кл. гимназій, и насколько эти свѣдѣнія достаточны. Мои статьи вызваны оживленными спорами съ однимъ преподавателемъ — словесникомъ ...ской гимназіи, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы преподаватели высказались по поводу моихъ статей. Къ сожалѣнію, преподаватели—словесники русскихъ гимназій страдаютъ боязнью высказывать гласно свои мысли, и въ этой боязни печатнаго слова, къ которой пріучаютъ своихъ подчиненныхъ нѣкоторые директора, кроется, по моему,

часть причинъ неуспѣшности результатовъ преподаванія этого предмета. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, читать съ увлеченіемъ поэзію передъ учениками мы боимся, писать о красотахъ и величіи поэтическихъ шедевровъ тоже боимся, высказать уваженіе къ печатному слову, къ красотѣ родной рѣчи мы боимся,—у кого же ученики наши научатся тому, чего не даемъ имъ мы, учителя словесности! Вѣдь, для возбужденія любви въ ученикахъ, къ чему угодно, необходимо вожаку—учителю самому любить и увлекаться... А большинство учителей нашихъ напоминаетъ скорѣе египетскія муміи, чѣмъ живыхъ людей *). Можетъ ли изъ устъ мертвыхъ людей политься всезахватывающею рѣкою могучее родное живое слово? Не думаю, чтобы здѣсь мною сказанное было новостью: всякій хорошо знаетъ, что ученики любятъ и увлекаются тѣми предметами, которые преподаются увлекающимися преподавателями.

Мои статьи вызвали отзывъ одного только преподавателя и то военноучебныхъ заведеній, а другіе отзывы писались людьми, которые не вѣдали требованій новыхъ плановъ и недостатки плановъ выместили на мнѣ...

С. Брайловскій.

Продолженіе будетъ.

*) Не приходилось намъ ни разу слышать, чтобы преподаватели родного языка изъ-за боязни не писали статей... Думается намъ, что причины другія (см. ниже замѣтку: «Къ праздков. 35 л. педагогич. дѣятельн. К. В. Ельницкаго»), а главная—убивающій всякую энергію ихъ египетскій трудъ—исправл. письм. работъ. *Ред.*

Памяти Константина Васильевича Кедрова

(† 1-го мая 1903 г.).

Перваго мая текущаго года скончался одинъ изъ ветерановъ нашей педагогической семьи: директоръ Императорскаго историко-филологическаго института Константинъ Васильевичъ Кедровъ. Константинъ Васильевичъ Кедровъ родился въ 1827 году въ г. Гатчинѣ, въ семьѣ протоіерея. Получивъ домашнее элементарное образованіе, онъ поступилъ въ Гатчинскій сиротскій институтъ, въ которомъ отецъ его былъ законоучителемъ; но уже черезъ годъ перешелъ въ малолѣтнее отдѣленіе Главнаго Педагогическаго института, въ которомъ и окончилъ полный курсъ по историко-филологическому отдѣленію въ 1847 году, будучи 20 лѣтъ отъ роду. Съ 10 января 1848 г. онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ греческаго языка въ Новгородскую гимназію, въ которой прослужилъ $4^1/_2$ года, преподавая, кромѣ главнаго своего предмета, также исторію въ высшихъ классахъ. Въ августѣ 1852 года Константинъ Васильевичъ былъ перемѣщенъ на такую же должность въ 3-ю С.-Петербургскую гимназію, въ которой и прослужилъ 15 лѣтъ, преподавая вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени русскій языкъ и русскую исторію въ Маріинскомъ институтѣ (1857—1861) и русскій языкъ въ училищѣ Правовѣдѣнія (1860—1863). Съ 1 января 1862 года въ Бозѣ почивающая Великая Княгиня Елена Павловна избрала Константина Васильевича, какъ опытнаго и достойнаго педагога, на должность

инспектора Маріинскаго института, которую онъ и исполнялъ въ теченіе 10 лѣтъ. Въ 1867 году Константинъ Васильевичъ получилъ два новыя назначенія: опредѣленіемъ Св. Синода въ іюнѣ этого года онъ назначенъ постоянно присутствующимъ членомъ Учебнаго Комитета при Синодѣ, каковую должность онъ занималъ до своей смерти, а по основаніи Императорскаго историко-филологическаго института назначенъ (съ 1 сентября 1867 г.) экстраординарнымъ профессоромъ его по греческой словесности. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Константинъ Васильевичъ имѣлъ счастье быть преподавателемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра, Сергія и Павла Александровичей и Великой Княжны Ольги Константиновны (нынѣ Королевы эллиновъ). По смерти И. Б. Штейнмана, К. В. Кедровъ Высочайшимъ приказомъ 12 апрѣля 1872 года былъ назначенъ директоромъ. Съ 1 января 1894 года К. В., сохраняя прежнія должности, состоялъ членомъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей по занимаемымъ должностямъ, К. В. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи учебныхъ плановъ и программъ мужскихъ гимназій въ 1871 г. и въ пересмотрѣ этихъ плановъ и программъ въ 1889—1890 годахъ. Въ послѣднее время Константинъ Васильевичъ почти ежегодно получалъ отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія важныя порученія по ревизіи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній или по другимъ текущимъ дѣламъ министерства. Покойный имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и высшіе ордена включительно до ордена св Александра Невскаго съ бриліантами *).

*) См. «Филологич. Обозрѣніе», т. XII, стр. 151.

Почти всѣ столичныя газеты помѣстили некрологи покойнаго, при этомъ «С.-Петерб. Вѣд.» пишутъ, что «это былъ человѣкъ прямодушный и честный, натура энергичная и цѣльная, человѣкъ строгій къ себѣ и требовательный къ своимъ подчиненнымъ. Бывшіе питомцы института, разсѣянные по всѣмъ концамъ обширнаго нашего отечества, съ грустью прочтутъ скорбную вѣсть о кончинѣ своего стараго директора, къ которому они привыкли обращаться въ трудную минуту жизни. Педагогическій міръ лишился въ покойномъ крупнаго дѣятеля, воспитавшаго не одно поколѣніе преподавателей». «Бирж. Вѣд.» отмѣчаютъ «горячія симпатіи, которыми пользовался покойный среди всѣхъ знавшихъ его». «Заря» характеризуетъ усопшаго, какъ «человѣка недюжиннаго ума, обладавшаго необыкновенной ясностью мысли и тонкимъ умѣньемъ проникать въ самую суть каждаго дѣла, не признававшаго никакихъ компромиссовъ и умершаго на своемъ посту, отстаивая съ юношеской энергіей дорогіе ему идеалы до послѣдней минуты своей жизни». Кромѣ того, некрологи были въ «Нов. Вр.», «Новостяхъ», «Петерб. Газ.», «Петерб. Лист.», «Petersbourger Zeitung», и др.

4-го мая тѣло покойнаго было въ сопровожденіи огромной толпы знакомыхъ и учениковъ перенесено въ соборъ Новодѣвичьяго монастыря. Среди массы роскошныхъ вѣнковъ выдѣлялись вѣнки отъ бывшихъ учениковъ, отъ сослуживцевъ, отъ учениковъ гимназіи при институтѣ. На другой день тѣло было предано землѣ въ присутствіи Министра Народ. Просвѣщенія Г. Э. Зенгера, его товарищей, инспектора института Н. П. Некрасова, всю жизнь прослужившаго вмѣстѣ съ покойнымъ,—учениковъ скончавшагося—вице-президента Академіи Наукъ П. В. Никитина и члена совѣта Ми-

нистра П. В. Латышева и многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Константинъ Васильевичъ умеръ 76 лѣтъ отъ роду; мы видѣли его въ послѣднее время больнымъ старикомъ, постепенно терявшимъ силы и съ трудомъ передвигавшимся при помощи палки.

Какъ гранитный утесъ, стоялъ онъ среди бурливаго моря, и шумливыя волны безсильно разбивались объ него! Сколько метаморфозъ пережили мы съ нашей средней школой; сколько лицъ мѣняло за это время свои убѣжденія, какъ перчатки, старательно примѣняясь къ господствующимъ вѣяніямъ! Константинъ Васильевичъ оставался всегда вѣренъ своимъ принципамъ и убѣжденіямъ; стоялъ ли во главѣ министерства Д. А. Толстой или И. Д. Делянивъ, Н. П. Боголѣповъ, П. С. Ванновскій или Г. Э. Зенгеръ,—Константинъ Васильевичъ всегда исповѣдовалъ тѣ же взгляды, всегда и всѣмъ говорилъ то, что онъ считалъ правдой. Если его убѣждали въ томъ, что онъ не правъ въ чемъ-нибудь, онъ соглашался съ противникомъ. Отлично помню, какъ онъ поспорилъ о чемъ-то на экзаменѣ со студентомъ и послѣ, убѣдившись, что студентъ правъ, пришелъ къ намъ въ столовую и сознался въ своей ошибкѣ. Всякая мелочность была чужда покойному. Одного моего товарища, не особенно усердствовавшаго въ наукахъ, но, въ качествѣ библіотекаря, много тратившаго времени по дѣламъ студентческой читальни, онъ все время пробиралъ за это. Когда же тотъ, ставъ учителемъ, писалъ ему о своемъ житьѣ-бытьѣ и жаловался, что у нихъ въ городѣ мало газетъ, то надо было видѣть, какъ добродушно смѣялся покойный и разсказывалъ, что это шпилька ему! Ужасно не любилъ покойный всего показного. Когда мы стали просить его объ исходатайствованіи

окончившимъ курсъ въ институтѣ особаго знака, онъ наотрѣзъ отказался, заявивъ: «Пусть институтцы добьются того, чтобы начальство ихъ, встрѣтивъ хорошаго преподавателя, говорило: вы, навѣрно, изъ «филол. института— это будетъ самый лучшій знакъ для института». Законникъ покойный былъ большой. Во время голода въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мы рѣшили отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. К. В. очень хвалилъ насъ за наше намѣреніе, но при этомъ сказалъ: «Я имѣю право на казенныя деньги давать вамъ лишь необходимое для вашего здоровья; значитъ, или это третье лишнее, и я долженъ буду уничтожить его разъ навсегда, или вы отказываетесь отъ необходимаго, и я этого не могу разрѣшить».

Покойнаго называли ἀνὴρ δικαιότατος, а одинъ изъ его сослуживцевъ прекрасно примѣнилъ къ нему стихъ Горація: incorrupta fides, nudaque veritas». Умеръ К. В. на своемъ посту, во время засѣданія конференціи *).

Г. Зоргенфрей.

*) Въ дополненіе характеристики покойнаго К. В. приведемъ на основаніи личн. наблюденій нѣсколько данныхъ. Это было въ 187$^6/_7$ учеб. году. Покойный былъ въ то время вполнѣ здоровъ и слѣдилъ самъ за всѣмъ, что происходило въ институтѣ. Почти ежедневно (за весьма рѣдкими исключеніями) онъ являлся въ 11-ть часовъ ночи въ дежурную комнату классныхъ наставниковъ, чтобы провѣрить, всѣ ли студенты явились изъ отпуска; въ 1 или два ночи въ сопровожденіи инспектора и служителей проходилъ

по спальнямъ, очень часто присутствовалъ во время завтрака, обѣда и ужина. Если студентъ уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей, велъ бесѣды съ нимъ, присутствовалъ на лекціяхъ, чтобы слышать, какъ изучаетъ этотъ студентъ древніе языки. Изучавшихъ послѣдніе онъ называлъ «тружениками», а словесниковъ—бездѣльниками,—говорилъ незанимавшимся науками открыто: «Вы даромъ Царскій хлѣбъ ѣдите».

Слѣдилъ онъ и за окончившими курсъ, когда они были преподавателями; радовался, если получались хорошіе о нихъ отзывы.

С. Прядкинъ.

О чемъ сказано въ книгѣ К. В. Ельницкаго: „Мысли и чувства, выраженныя въ художественныхъ произведеніяхъ"?

Въ предисловіи къ названной книгѣ К. В. Ельницкій, между прочимъ, говоритъ: «Ознакомленіе съ мыслями, идеями какъ философовъ, такъ и поэтовъ одинаково способствуетъ расширенію нашего умственнаго кругозора,—содѣйствуетъ нашему духовному развитію. Мы поучаемся не только философскими или научными сочиненіями, но также и поэтическими произведеніями: тѣ и другія питаютъ наше сердце и нашъ умъ, «духовной жаждою томимый».

Книгу свою авторъ «посвящаетъ преимущественно юному поколѣнію». Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ содержаніе этой книги.

Вся книга состоитъ изъ восьми слѣдующихъ главъ: I—Религіозныя мысли и чувства; II—Нравственныя проявленія; III—Любовь къ родинѣ и патріотическія чувствованія; IV—Любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ; V—Трудъ и его значеніе; VI—Взаимная помощь; VII Искусство вообще и поэзія въ частности; VIII—Отношеніе людей къ картинамъ природы. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ распадаются на второстепенныя главы.

Въ первой главѣ авторъ обращаетъ вниманіе юныхъ читателей на тѣ глубокія религіозныя мысли и чувства, которыя невольно возникали въ душѣ поэтовъ при созерцаніи ими картинъ и явленій природы. Религіозное

чувство проявляется въ глубокой вѣрѣ въ Творца, въ преклоненіи передъ Его всемогуществомъ и въ теплой молитвѣ. Живая вѣра въ Творца освѣщаетъ жизнь человѣка, нравственно возвышаетъ его и поддерживаетъ его на жизненномъ пути («Тайна вѣры»—Глинки, «Послѣдняя борьба»—Кольцова). Въ теплой молитвѣ къ Творцу человѣкъ находитъ успокоеніе въ своихъ душевныхъ тревогахъ, въ своихъ душевныхъ страданіяхъ:

«Съ души, какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко»...

Не менѣе успокаиваетъ и духовно возраждаетъ человѣка и чтеніе Священнаго писанія. На страницахъ такой книги, какъ евангеліе или библія, человѣкъ находитъ «призывъ къ добру и свѣту, и на страданіе его чудный голосъ отзовется всепокоряющей любви».

Во второй главѣ авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ нравственными проявленіями, основывающимися на высокой любви къ ближнему, на подчиненіи высшимъ нравственнымъ идеаламъ. Добрыя нравственныя проявленія находятъ себѣ одобреніе въ совѣсти. Чѣмъ развитѣе нравственное чувство человѣка, тѣмъ совѣсть его яснѣе различаетъ доброе отъ злого, нравственное отъ безнравственнаго.

Изъ нравственныхъ проявленій, выраженныхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, авторъ останавливается на а) исполненіи долга, б) на вѣрности данному слову, в) проявленіи истинной дружбы, г) милосердія и состраданія къ ближнимъ. Въ заключеніе онъ говоритъ, на основаніи поэтическихъ произведеній, объ угрызеніи совѣсти, какъ слѣдствіи нарушенія нравственныхъ требованій.

Обязанности по отношенію къ Богу, ближнимъ и самому себѣ составляютъ долгъ человѣка; чѣмъ тверже и неуклоннѣе человѣкъ исполняетъ свой долгъ, тѣмъ выше его нравственная заслуга. Исполненіе даннаго слова, обѣщанія, составляетъ также нравственную обязанность каждаго человѣка. Глубокое сознаніе необходимости твердо держаться даннаго слова и поступать по нему придаетъ человѣку силы къ устраненію и внѣшнихъ, и внутреннихъ препятствій къ исполненію даннаго слова. Читая стихотвореніе Шиллера: «Порука», юноши проникнутся мыслью, что для исполненія даннаго слова не нужно останавливаться ни передъ какими препятствіями.

Однимъ изъ прекрасныхъ проявленій души человѣка является чувство дружбы. Истиннымъ другомъ можетъ быть только хорошій, добрый человѣкъ, который не оставитъ своего друга въ несчастіи, сдѣлаетъ все нужное для облегченія его участи.

Проявленіе истинной дружбы читатели увидятъ въ стихотвореніи Михайлова: «Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ». Одинъ изъ друзей, для спасенія своего друга, обремененнаго семьей, рѣшился пожертвовать своею собственною жизнью. На такой поступокъ способенъ человѣкъ, обладающій большимъ благородствомъ души и любовью къ ближнему.

Любовь къ людямъ выражается, между прочимъ, въ сочувственномъ отношеніи къ нимъ во время ихъ тяжелаго положенія. И такое сочувствіе человѣка къ человѣку вполнѣ естественно: вѣдь «всѣ люди—братья», всѣ похожи другъ на друга; всѣ способны чувствовать; всякій стремится къ добру и свѣту и возмущается зломъ. Всѣ люди—члены одной великой семьи, и ближнимъ нужно считать всякаго человѣка и помогать ему въ тя-

желыя минуты его жизни. Изображеніе такой братской любви, такого сочувствія юноши увидятъ въ стихотвореніи: «Цвѣтокъ»—Плещеева и въ стихотвореніяхъ: «Нищій» —Полонскаго и «Нищіе»—Плещеева.

Проявленіе нравственно-добрыхъ поступковъ духовно поднимаетъ человѣка и вызываетъ въ немъ пріятное чувство спокойствія совѣсти. Проявленіе же нравственно дурныхъ поступковъ или уклоненіе отъ образа дѣйствій, предписываемаго нравственнымъ долгомъ, вызываетъ въ немъ тяжелое чувство угрызенія совѣсти. «Жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста». Изображеніе мученія совѣсти юные читатели находятъ и въ стихотвореніи: «Утопленникъ»—Пушкина, и въ монологѣ: «Достигъ я высшей власти»—его же, и въ произведеніи: «Ивиковы журавли»—Жуковскаго. Третья глава разсматриваемой книги обогащаетъ читателей идеями о любви къ родинѣ и отечеству. Они сознаютъ, что человѣкъ не можетъ равнодушно относиться къ тому мѣсту, гдѣ онъ родился и провелъ свое дѣтство; гдѣ каждый уголокъ напоминаетъ ему лучшіе, свѣтлые годы его жизни.

Изъ привязанности къ родинѣ естественно рождается любовь ко всему отечеству. Сознавая себя гражданиномъ государства, человѣкъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ жизни его; онъ дорожитъ благополучіемъ своего отечества и гордится славой его, какъ каждый добрый семьянинъ дорожитъ благополучіемъ своей семьи и гордится славой ея. Патріотическое чувство гражданъ особенно сильно проявляется въ то время, когда отечеству угрожаетъ опасность. Тогда всякій хорошій гражданинъ готовъ сдѣлать все, что отъ него понадобится, лишь бы способствовать избавленію отечества отъ грозящей опасности. Чѣмъ бо̀льшая опасность угро-

жаетъ ему, тѣмъ сильнѣйшимъ воодушевленіемъ проникаются его лучшіе защитники. Постоять за него въ такихъ обстоятельствахъ, принести ему пользу— составляетъ для нихъ высокій нравственный долгъ. Каждая изъ указанныхъ мыслей иллюстрируется въ книгѣ рядомъ подходящихъ поэтическихъ произведеній.

Въ главѣ: «Любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ», раскрывается, на основаніи поэтическихъ произведеній, любовь родителей къ своимъ дѣтямъ. Любовь матери къ дѣтямъ безгранична. Ради блага дѣтей мать готова на всевозможныя жертвы. При какой-нибудь опасности, угрожающей ребенку, мать рѣшится на все, лишь бы спасти его отъ этой опасности. Она не пощадитъ для этого ни своего здоровья, ни своего спокойствія. Даже въ послѣдніе часы своей жизни она сильнѣе тревожится о своихъ дѣтяхъ, чѣмъ о самой себѣ; она сильнѣе страдаетъ отъ того, что ея дѣти лишаются въ ней необходимой имъ воспитательницы, чѣмъ отъ того, что оставляетъ здѣшній міръ. И такое проявленіе материнской любви иллюстрируется въ книгѣ такими стихотвореніями, какъ «Мать»—Майкова, «Зимняя ночь»—Никитина, и такими отрывками изъ произведеній, какъ «Мать у изголовья сыновей» (изъ «Тараса Бульбы») и «Переправа черезъ рѣку» (изъ «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука»).

Любовь отца къ дѣтямъ настолько же глубока, какъ и любовь матери къ нимъ; только способъ проявленія ея у отца, вслѣдствіе особенностей мужского характера, носитъ иногда иной отпечатокъ. Для иллюстраціи отцовской любви приведена одна изъ послѣднихъ сценъ «Короля Лира» («Лиръ и Корделія»)—Шекспира.

Ясно, что дѣти, видя къ себѣ безграничную лю-

бовь родителей, и сами проникаются къ нимъ такимъ же чувствомъ.

Только крайне испорченное и грубое сердце не чувствуетъ настоятельной нравственной потребности— любить своихъ родителей, почитать и покоить ихъ во всякое время, въ особенности же во время ихъ болѣзни и старости. И для иллюстраціи проявленій любви дѣтей къ своимъ родителямъ приведено нѣсколько художественныхъ произведеній.

Въ главѣ: «Трудъ и его значеніе», авторъ раскрываетъ, что трудъ составляетъ необходимое условіе счастья человѣка. Безъ труда человѣкъ не живетъ, а прозябаетъ, постоянно испытываетъ чувство скуки, отравляющее его жизнь. Трудъ ведетъ къ духовному усовершенствованію человѣка и матеріальному его благосостоянію. Безъ труда человѣку не создать ничего хорошаго, ничего полезнаго. При большихъ способностяхъ, при богатствѣ умственныхъ и физическихъ силъ лѣнивецъ останется слабымъ и безполезнымъ человѣкомъ. Не завидно положеніе лѣнивца, и въ обществѣ онъ не терпимъ и играетъ роль трутня. Стоитъ человѣку, послушавшись голоса совѣсти, стряхнуть съ себя лѣнь, сдѣлаться трудолюбивымъ, и онъ станетъ на ряду съ лучшими членами общества. Трудъ человѣка, физическій и умственный, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ прекрасенъ и достоинъ уваженія. На какомъ бы поприщѣ человѣкъ ни трудился, но, если онъ исполняетъ свой трудъ добросовѣстно и приноситъ при этомъ людямъ пользу, онъ заслуживаетъ уваженіе каждаго благоразумнаго человѣка.

Всѣ эти мысли, будучи образно выражены въ приведенныхъ въ книгѣ произведеніяхъ, не останутся безслѣдными для юныхъ читателей: послѣдніе съ сочув

ствіемъ отнесутся къ трудящемуся человѣчеству и сами постараются не быть паразитами въ человѣческомъ обществѣ.

Въ главѣ: «Взаимная помощь», — раскрываются мысли о необходимости помогать другъ другу, о значеніи единодушія въ трудѣ и о вредѣ несогласія въ общемъ дѣлѣ.

Каждый человѣкъ имѣетъ много и матеріальныхъ, и духовныхъ потребностей, которыя удовлетворяетъ, благодаря взаимной помощи людей. Обмѣниваясь продуктами своего труда, люди помогаютъ другъ другу. Всѣ лица даннаго общества составляютъ огромную семью, и несчастное, тяжелое положеніе однихъ членовъ этой семьи должно отзываться сердечною болью въ другихъ ея членахъ и вызывать въ нихъ желаніе помочь имъ. Не только матеріальная, но и нравственная поддержка важна для людей. Даже горе несчастныхъ значительно облегчается, если они дружески протянутъ другъ другу руку, и если, такимъ образомъ, каждый изъ нихъ въ состояніи будетъ сказать: «Есть кому мнѣ вздохъ мой передать»... Эти мысли поясняются какъ баснями, такъ и стихотвореніями, приведенными въ книгѣ. Для успѣха всякаго дѣла очень важно единодушіе трудящихся. Единодушному усилію многихъ лицъ поддается самое трудное дѣло... Повидимому, незначительная работа въ общемъ трудѣ имѣетъ свое значеніе, а потому трудъ каждаго работника долженъ быть уважаемъ, и никто не долженъ кичиться передъ другими своею дѣятельностью. Истинный труженикъ, трудясь вмѣстѣ съ другими для общей пользы, находитъ себѣ лучшую награду въ сознаніи, что онъ хотя чѣмъ-нибудь способствуетъ общему благополучію и содѣйствуетъ успѣшности общей работы.

«Почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится».

Если единодушіе въ трудѣ составляетъ необходимое условіе успѣха всякаго дѣла, то рознь, отсутствіе единодушія не только не способствуетъ успѣшности дѣла, но даже причиняетъ страданіе, муку трудящимся. «Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, и выйдетъ изъ него не дѣло, только мука».

Каждая изъ указанныхъ мыслей выясняется раскрытіемъ содержанія подобранныхъ стихотвореній и басенъ.

Въ седьмой главѣ авторъ, указавши роды изящныхъ искусствъ въ зависимости отъ матеріала, которымъ пользуются художники для выраженія своихъ идей или чувствъ, говоритъ, что изъ всѣхъ искусствъ поэзія словесное искусство пользуется наиболѣе могущественнымъ матеріаломъ для выраженія идей или чувствъ. Благодаря гибкости и богатству своего матеріала—слова, поэзія можетъ выразить какъ самыя разнообразныя измѣненія въ жизни изображаемаго лица или въ изображаемомъ событіи, такъ и самыя глубокія мысли и чувства человѣка.

На основаніи подходящихъ стихотвореній, являющихся признаніемъ самихъ поэтовъ, авторъ излагаетъ о созданіи художественныхъ произведеній,—о душевныхъ особенностяхъ художника или поэта, дающихъ ему возможность создавать художественныя произведенія,—о значеніи этихъ произведеній и о роли поэтовъ.

Созданіе художественнаго произведенія состоитъ въ выраженіи, или воплощеніи идеи, чувства поэта въ

изящномъ образѣ. Чѣмъ глубже и сильнѣе чувство, и чѣмъ вѣрнѣе и обширнѣе идеи, положенныя въ основаніе художественнаго произведенія, тѣмъ она выше по содержанію; чѣмъ лучше, живѣе, образнѣе форма выражаетъ идею или чувство, тѣмъ художественное произведеніе выше по своей формѣ.

Идея о творческой дѣятельности, результатомъ которой является художественное произведеніе, выражена въ стихотвореніяхъ Никитина: «Мраморъ», и Майкова: «Искусство», содержаніе которыхъ и приведено въ книгѣ.

Сознавая возникшую въ душѣ идею или чувство, художникъ чувствуетъ потребность, стремится выразить эту идею или это чувство въ соотвѣтственномъ образѣ.

Къ созданію художественныхъ произведеній не всякій способенъ. Еще древніе говорили, что поэты получаютъ свой даръ отъ рожденія: «Ораторы образуются, поэты же рождаются».

Такъ какъ творческій даръ есть даръ природный, который стремится проявиться въ соотвѣтственной дѣятельности, а потому сама природа и служитъ однимъ изъ лучшихъ руководителей или наставниковъ въ этой дѣятельности, что и выражено Майковымъ въ стихотвореніи: «Октава».

Лица, одаренныя природнымъ творческимъ даромъ, еще въ юные годы такъ или иначе проявляютъ эту особенность своей духовной природы, что и выражено въ стихотвореніи Пушкина: «Муза».

Въ своей творческой дѣятельности поэтъ находитъ высокое духовное наслажденіе, что и выражено какъ въ томъ же стихотвореніи Пушкина, такъ и въ другихъ, указанныхъ въ книгѣ произведеніяхъ.

Какою бы силою творческаго дара ни обладалъ поэтъ, онъ не во всякое время способенъ къ созданію

своихъ художественныхъ образовъ Только въ минуты возбужденія своихъ духовныхъ силъ онъ создаетъ свои образы. Эта мысль художественно выражена въ стихотвореніяхъ Дельвига: «Вдохновеніе», Майкова: «Есть мысли тайныя», его же: «Вдохновеніе», Лермонтова: «Вдохновеніе». Михайловскаго: «Къ поэту и читателю».

Въ минуту творчества поэтъ какъ бы перерождается. До вдохновенія онъ такъ же, какъ и остальные люди, «въ заботахъ суетнаго свѣта малодушно погруженъ». «Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется, душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ». Духовное перерожденіе, испытываемое поэтомъ при вдохновеніи, выражено какъ Пушкинымъ въ стихотвореніи: «Пророкъ», такъ и другими поэтами.

Во время творческой дѣятельности поэта въ сознаніи его возникаютъ живые, яркіе образы, которые онъ и изображаетъ въ создаваемомъ имъ произведеніи. Эта живость, яркость появляющихся изъ глубины сознанія образовъ выражена Майковымъ въ стихотвореніи: «Мечтанія».

Проявленіе творчества находится въ зависимости отъ вдохновенія, а потому понятно, что поэтъ или художникъ не можетъ творить по приказанію другихъ, что́ и выражено словами императора Рудольфа въ стихотвореніи Шиллера (переводъ Жуковскаго): «Графъ Габсбургскій.

Одною изъ отличительныхъ особенностей души поэта является ея необычайная чуткость, воспріимчивость къ явленіямъ дѣйствительности. Все, чѣмъ живетъ міръ, и что живетъ въ мірѣ, находитъ свой отзывъ во всеобъемлющей груди поэта. Гейне сравниваетъ впечатлительность души поэта съ колоколомъ, въ который звонитъ всякій проходящій; а Пушкинъ уподобляетъ ту же

впечатлительность эху, отзывающемуся на всякій звукъ.

Относясь съ сочувствіемъ къ людямъ, поэтъ естественно ищетъ и себѣ сочувствія: «Въ сердцахъ людей онъ струнъ отзывныхъ ищетъ».

Произведенія искусства и поэзіи имѣютъ огромное значеніе для людей: доставляютъ имъ высокое духовное наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ облагораживаютъ и духовно поднимаютъ ихъ. Художественнымъ произведеніемъ могутъ наслаждаться тысячи, милліоны людей, и все-таки оно не теряетъ отъ этого ни своей силы, ни своего достоинства. Мало этого: не только то поколѣніе, при которомъ явилось художественное произведеніе, наслаждается имъ, но также и послѣдующія поколѣнія могутъ имъ наслаждаться.

Художественныя произведенія, будучи выраженіемъ въ живыхъ образахъ идей, типичныхъ чертъ многоразличныхъ предметовъ и явленій, помогаютъ обществу уразумѣвать эти идеи, ознакомливаться съ окружающими предметами и явленіями природы.

Кромѣ того, освѣщая жизненныя явленія такимъ или инымъ свѣтомъ, художники тѣмъ самымъ даютъ возможность обыкновеннымъ людямъ познакомиться съ этими явленіями при данномъ освѣщеніи. «Геніи дѣлаютъ сознательнымъ то, чѣмъ толпа живетъ безсознательно или полусознательно».

Наконецъ, художественныя произведенія, созданныя творческимъ геніемъ художниковъ, составляютъ особый міръ—міръ высокихъ мыслей, идей, глубокихъ чувствованій, выраженныхъ въ изящной формѣ,—составляютъ лучшее достояніе человѣчества и служатъ выраженіемъ его высшей, духовной жизни.

Изъ сказаннаго о значеніи произведеній изящныхъ искусствъ вообще и поэзіи въ частности самъ собою ста-

новится яснымъ выводъ о значеніи художниковъ или поэтовъ для общества и о той роли, какую они выполняютъ въ немъ. Въ разсматриваемой книгѣ приведено содержаніе нѣсколькихъ стихотвореній, въ которыхъ выражены—значеніе и роль поэтовъ въ обществѣ.

Мы нѣсколько болѣе остановились на содержаніи седьмой главы книги въ виду извѣстнаго ея значенія для учебныхъ цѣлей.

Въ послѣдней, восьмой, главѣ авторъ останавливается на отношеніи людей къ картинамъ природы, при чемъ совершенно вѣрно говоритъ, что не всѣ люди одинаково къ нимъ относятся. Здѣсь же приведено нѣсколько картинъ природы, нарисованныхъ поэтами, и показано, какъ послѣдніе относятся къ этимъ картинамъ, и какое впечатлѣніе онѣ производятъ на нихъ.

Изъ указаннаго содержанія книги: «Мысли и чувства», видно, что эта книга не безъ пользы можетъ быть прочитана юными читателями.

Книга: «Мысли и чувства», рекомендована Главн. Управл. воен. уч. зав. для двухъ старшихъ классовъ и для библіотекъ кадетскихъ корп. и допущена Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ.

С. Ивк.

Къ празднованію тридцатипятилѣтней педагогической дѣятельности К. В. Ельницкаго.

На поздравленіе съ тридцатипятилѣтіемъ педагогической дѣятельности, глубокоуважаемый К. В. отвѣтилъ издательницамъ и редакторамъ «Филологическихъ Записокъ» слѣд. письмомъ:

«Отъ всего сердца шлю Вамъ свое «спасибо» за Вашу добрую поздравительную телеграмму.

Сознаю, что я не заслужилъ и десятой доли тѣхъ добрыхъ привѣтствій, которыми я почтенъ былъ съ различныхъ концовъ Россійской Имперіи. Сознаю, что привѣтствія эти относятся не лично ко мнѣ, а вообще къ лицу, работающему въ отдаленной странѣ, нерѣдко при очень тяжелыхъ условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ искренно благодарю всѣхъ тѣхъ, кто поддержалъ уже надломленный и дряхлѣющій стебель.

Меня особенно трогали поздравительныя письма начальныхъ учителей и учительницъ.

Остаюсь глубокоуважающій Васъ и признательный Вамъ К. Ельницкій. 27 окт. 1903 г Омскъ».

Проработать тридцать пять лѣтъ да еще «нерѣдко при очень тяжелыхъ условіяхъ» — дѣло нелегкое, въ отдаленной же мѣстности отъ центровъ просвѣщенія и тѣмъ болѣе — нелегкое! Нужно любить свое дѣло, нужно быть

энергичнымъ, имѣть желѣзную силу воли, забыть свое я, свои личныя радости, счастіе, чтобы столько лѣтъ работать на педагогическомъ поприщѣ и работать такъ благотворно, какъ работаетъ неутомимый Константинъ Васильевичъ, внося свѣтъ въ школы при изученіи родного языка и родной литературы.

По вопросу о неимовѣрномъ трудѣ преподавателя рус. яз. и словесн., сравнительно съ трудомъ преподавателей другихъ предметовъ, много говорено и въ «Фил. Зап.», и въ другихъ журналахъ и газетахъ. За незначительное вознагражденіе или совсѣмъ безъ всякаго вознагражденія (въ реальныхъ училищахъ, кадетскихъ корпусахъ, женскихъ гимназіяхъ) онъ работаетъ до изнеможенія, истощенія своихъ силъ надъ диктантами, пересказами и сочиненіями своихъ питомцевъ по вечерамъ и часто цѣлымъ ночамъ, и, если онъ не хочетъ замереть въ своемъ развитіи, не отстать въ наукѣ, педагогическомъ дѣлѣ, долженъ находить время почитать что-нибудь, т.-е. долженъ безъ отдыха работать въ часы свободы для другихъ преподавателей, въ каникулярное время; если же принять во вниманіе и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ преподавателей родного языка и литературы еще заявляютъ о своемъ существованіи какимъ-нибудь печатнымъ трудомъ въ области науки или педагогической литературы, то поистинѣ нужно удивляться той энергіи, работоспособности, которая проявляется при такихъ условіяхъ жизни у этихъ ревнителей родного просвѣщенія.

Нельзя забыть и того обстоятельства, что педагоги, живущіе въ провинціальныхъ городахъ, особенно—въ удаленныхъ отъ просвѣщенныхъ центровъ (столичныхъ и университетскихъ городовъ), гдѣ нѣтъ не только хо-

рощихъ общественныхъ библіотекъ, но и книжныхъ магазиновъ, часто не имѣютъ возможности освѣжить свои мозги какими-либо новыми научными данными, если изъ своихъ скудныхъ средствъ не отдѣлятъ частицъ на выписку журналовъ, газетъ, книгъ, необходимыхъ для того, чтобы расширить или подновить свои свѣдѣнія въ той или другой области науки.

Намъ думается, что именно при указанныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ въ г. Омскѣ пришлось работать въ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ неутомимому ревнителю вносить свѣтъ въ преподаваніе родного языка и литературы—почтеннѣйшему педагогу Константину Васильевичу: онъ именно долженъ былъ отказать себѣ во всемъ, чтобы сдѣлать то, что имъ сдѣлано. Припомнимъ, что имъ написаны—руководство по исторіи педагогики, по общей педагогикѣ, методикѣ начальнаго обученія родному языку, дидактикѣ; рядъ статей напечатанъ въ «Варшавск. Филологическомъ Вѣстникѣ», «Филологич. Запискахъ» и др. журналахъ. Задавался онъ вопросами объ истинномъ воспитаніи дѣтей, религіозномъ, патріотическомъ и др. (см., напр., выше статью Ивк. по поводу его книги: «Мысли и чувства»...). А его работы по объяснительному чтенію стихотвореній и басенъ! Мнѣ, какъ редактору «Филологич. Зап.», извѣстно, съ какою благодарностью педагогами читаются эти именно работы его въ «Фил. Зап.» и выписываются оттѣльные оттиски ихъ.

Кромѣ того, К. В. бралъ на себя и отвѣтственное дѣло—руководство по преподаванію родному языку на педагогическихъ курсахъ земскихъ учителей въ губерніяхъ Сѣверной Россіи и Сибири, отдавалъ свои каникулы лѣтнія, несомнѣнно руководимый любовью къ своему дѣлу, былъ душою въ этомъ дѣлѣ. Въ подверждe-

ніе последняго приведемъ одно изъ привѣтственныхъ писемъ по случаю его тридцатипятилѣтняго юбилея. Вотъ что пишетъ одинъ изъ земскихъ учителей, руководителемъ которыхъ былъ на курсахъ почтеннѣйшій юбиляръ:

«Глубокоуважаемый

Константинъ Васильевичъ!

(7-е окт. 1873—1878 г. и 1903 годъ)

1873 г. день 7-го октября отмѣтитъ вся Россія и Ваши личные ученики: это годъ, когда Вы избрали себѣ учебно-практическую дѣятельность.

7-е октября 1878 г. благословитъ вся Россія и всѣ русскіе учителя: когда Вы вступили на поприще литературно—педагогической дѣятельности... И вотъ 7-го октября 1903 г. я рѣшаюсь почтительнѣйше присоединиться къ общему голосу—привѣтствовать Васъ и выразить Вамъ глубочайшую признательность за Вашу плодотворную дѣятельность,—особенно литературно-педагогическую, вліяніе которой широко раскинулось по всей Россіи, такъ какъ Ваши книги служили руководствами для подготовленія учителей и въ среду ихъ, что я знаю по личному опыту, вносили струю гуманности и почтенія къ корифеямъ педагогической науки; чрезъ учителя же глубоко и благотворно отражались въ жизни всего русскаго народа... Въ этихъ своихъ трудахъ Вы можете быть названы «истиннымъ учителемъ учителей».

Желаю Вамъ отъ всей души счастья, исполненія Вашихъ желаній и здоровья, чтобъ Ваша благая дѣятельность продолжалась на многіе годы... «Еще работы

въ жизни много, работы честной и святой»... «Спасибо Вамъ скажетъ сердечное русскій народъ».

Глубокій почитатель Вашъ Хр. Пахолковъ».

Г. Вологда
28 Сент. 1903 г.

Сказаннаго нами достаточно для того, чтобы притти къ заключенію, что сдѣланное въ теченіе тридцатипятилѣтіе неутомимымъ К. В. свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о личности, всецѣло отдавшей свою жизнь, свое личное благо родной школѣ, изученію родного языка и литературы, проведенію въ жизнь свѣтлаго, возвышеннаго чрезъ школу, гуманности, знаній,—личности глубокоуважаемаго К. В., полной энергіи, вѣры въ мощь русской школы,—личности, полной любви къ дѣтямъ—школьникамъ и учителямъ ихъ. Трудно поэтому согласиться съ словами его: «я не заслужилъ и десятой доли тѣхъ добрыхъ привѣтствій, которыми я почтенъ былъ съ различныхъ концовъ Россійской Имперіи». Въ отвѣтъ на это мы, кажется не ошибемся, если скажемъ, что К. В. принадлежитъ къ тѣмъ педагогамъ, которые много дѣлаютъ, но по своей скромности и въ мысли не имѣютъ того, чтобы говорить о себѣ, о своихъ дѣлахъ...

Дай же Богъ Тебѣ, честный труженикъ, неутомимый педагогъ-человѣкъ, еще долго пожить безъ мысли о «надломленномъ и дряхлѣющемъ стеблѣ», чтобы еще поработать на нивѣ истиннаго просвѣщенія и гуманнаго воспитанія дѣтей родной отчизны, не изсякать въ сердцѣ Твоемъ той любви къ дѣтямъ, которая придавала Тебѣ

энергіи, бодрости духа, несмотря на тяжелыя условія жизни русскаго педагога вообще, а въ особенности преподавателя русскаго яз. и словесности, болѣе другихъ педагоговъ обремененнаго часто непосильнымъ трудомъ!

С. Прядкинъ.

Очерки Яблоновскаго: „Изъ гимназической жизни", какъ отраженіе общественныхъ настроеній.

Первый годъ новаго столѣтія былъ поистинѣ временемъ «бури и натиска» для нашей средней школы. И общество, и печать, и представители той же школы, и правительство,—все пошло противъ системы, созданной гр. Д. А. Толстымъ и пережившей нѣсколькихъ министровъ народнаго просвѣщенія въ теченіе трехъ десятилѣтій. Чаянія и стремленія всѣхъ культурныхъ русскихъ людей направлены къ разрушенію старой классической гимназіи и созданію новаго типа общеобразовательнаго заведенія, которое бы соотвѣтствовало духовнымъ запросамъ и практическимъ потребностямъ современной жизни. Однако такое дружное осужденіе отживающихъ педагогическихъ началъ далеко не свидѣтельствуетъ даже о приблизительномъ единствѣ или согласіи въ воззрѣніяхъ на задачи и систему средняго образованія—у семьи, помѣщающей дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, и у лицъ, вѣдающихъ дѣло образованія и воспитанія. Этотъ тягостный разладъ между семьей и школой ярко отразился въ очеркахъ г. Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», помѣщенныхъ въ журналѣ: «Міръ Божій», за 1901 годъ (№№ 6—9). Живость и увлекательность, съ какими написаны «Очерки», не можетъ заслонить отъ безпристрастнаго и серьезнаго читателя ихъ тенденціозности и преднамѣреннаго отступленія отъ дѣйствитель-

ности, въ расчетѣ автора покончить «съ недавнимъ прошлымъ» нашей школы, которое, по простому сближенію годовъ, является и настоящимъ, такъ какъ «Очерки» изображаютъ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не то, въ какихъ именно отношеніяхъ и въ какой степени тяжелая, по замыслу автора—типическая, картина гимназическихъ нравовъ погрѣшаетъ въ правдивости. Изъ-за личныхъ впечатлѣній и воспоминаній молодого автора выплываютъ тѣ основныя положенія, на которыхъ общество, въ извѣстной своей части, готово обосновать среднее образованіе; въ отрицаніи этихъ точекъ зрѣнія оффиціальной педагогіей г. Яблоновскій, являясь выразителемъ широко распространенныхъ мнѣній, усматриваетъ зерно всѣхъ золъ, наполняющихъ школьную атмосферу. Эти теоретическіе взгляды, пропагандируемые авторомъ «Очерковъ», и составляютъ предметъ нашего обсужденія; и если педагогамъ приходится считаться съ понятіями и убѣжденіями родителей и даже учениковъ, то не безполезно и другой сторонѣ выслушивать мнѣнія, исходящія отъ лицъ, которымъ дорого хорошо имъ извѣстное школьное дѣло. Перейдемъ къ причинамъ безотраднаго настроенія г. Яблоновскаго въ отношеніи къ среднему образованію, которое, судя по статьямъ писателя, посвященнымъ педагогическимъ вопросамъ, серьёзно занимаетъ и волнуетъ его.

Въ «Очеркахъ» мы наталкиваемся на весьма распространенное въ обществѣ отрицательное отношеніе не къ однимъ древнимъ языкамъ, а ко всей «гимназической премудрости». Вся система средней школы, программы, способъ преподаванія, задаваніе уроковъ, отмѣтки, школьная дисциплина, внѣшній надзоръ,—все вызываетъ недовольство, отвращеніе и даже негодованіе

учащихся старшихъ классовъ и ихъ вѣрныхъ союзниковъ - родителей. Огульное недовѣріе къ способностямъ и къ нравственной порядочности учителей доходитъ до того, что въ «Очеркахъ» изображается педагогическая корпорація, среди которой нѣтъ ни одного человѣческаго лица, и гимназисты—абитуріенты, при традиціонной снимкѣ, могутъ пригласить только лишь... швейцара. Нельзя оспаривать, что наша школа, не только классическая или средняя, но и всякая другая, повинна въ подавленіи личности, въ нивелировкѣ способностей, вкусовъ, склонностей и силъ учащихся; наши среднія учебныя заведенія страдаютъ многопредметностью программъ и другими недостатками болѣе случайнаго характера: но та свободная постановка преподаванія, какую изображаютъ «Педагогическія статьи» гр. Льва Толстого, является идеальною, по крайней мѣрѣ несвоевременною, не только для насъ, но и для западной Европы, что станетъ ясно, если вспомнимъ суровые и даже жестокіе нравы германской школы. Общество не настолько богато умственными и нравственными силами, чтобы могло выдѣлить изъ себя достаточное число талантливыхъ педагоговъ, которые бы вызывали у своихъ учениковъ жажду познаній, увлекая ихъ въ область духа единственно своими дарованіями и высотою своей личности. Учительствуютъ въ гимназіяхъ, мужскихъ, женскихъ, въ реальныхъ училищахъ, въ корпусахъ, семинаріяхъ—тѣ же обыкновенные люди, съ патентомъ на образованность, которыхъ такъ много въ разныхъ учрежденіяхъ и на поприщахъ свободныхъ профессій, каковы—врачебная и даже адвокатская. Окунаясь въ условія вседневности, мы можемъ откровенно сказать, что авторъ «Очерковъ», пожалуй, безсознательно отражаетъ ходячее убѣжденіе тѣхъ родителей, которые, по принципу:

«Живи и жить давай другимъ», узаконяютъ легкое отношеніе къ ученію, находя систему сказаннаго «образованія съ характеромъ» солидности и основательности никому и ни къ чему ненужной и направленной къ мученію молодыхъ людей, которыхъ, какъ и взрослыхъ, манитъ пестрѣющая впечатлѣніями кипучая жизнь, въ сущности сѣренькое неосмысленное прозябанье, такъ ярко отразившееся на протяженіи многихъ десятилѣтій въ нашей художественной литературѣ включительно до произведеній вдумчиваго и талантливаго бытописателя современности, г. Чехова. «Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Станетъ надворный совѣтникъ учиться» [1]. «Всѣ эти чиновные и умные люди, ни одинъ не скажетъ, какой это консулъ тамъ... или въ которомъ году были Олимпійскія игры. Затѣмъ и учатъ, чтобъ забыть... Вѣдь въ свѣтѣ объ этомъ никогда не говорятъ, а заговори-ка кто, такъ, я думаю, просто, выведутъ» [2]. И въ наше время приходится выслушивать недоумѣнія Ильи Ильича Обломова: «Зачѣмъ учебныя книги? Когда же, наконецъ, пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что не понадобится въ жизни. Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія?»... [3]) А отдѣлы математическихъ наукъ проходятся въ гимназіяхъ настолько основательно, что классики успѣваютъ конкурировать съ реалистами при поступленіи въ высшія учебныя заведенія. Понятно, что такія познанія не даются безъ затраты силъ и времени, и не правъ г. Яблоновскій, будто всю гимназическую премудрость можно одолѣть въ ка-

---

[1]) Гончаровъ. «Обломовъ», ч. 1, стр. 65. Изд. Маркса.

[2]) Гонч. «Обыкновенная исторія», ч. II, стр. 78, 79).

[3]) Гонч. «Обломовъ», ч. I, стр. 76.

кіе-нибудь три года. Враждебное отношеніе общества къ правительственной школѣ звучною нотою проходитъ по всей нашей исторіи, и никакъ нельзя согласиться, чтобы причины недовольства всецѣло обусловливались неудовлетворительнымъ состояніемъ учебныхъ заведеній. Начальная лѣтопись сохранила намъ любопытное свидѣтельство, какъ встрѣтили школу на зарѣ нашего просвѣщенія русскія матери: «Пославъ (Владимиръ Святой) нача поимати у нарочитыя чады—дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвецы плакахуся» [4]). Какъ и всѣ мѣропріятія императора Петра Великаго, насажденіе знаній отличалось крутымъ, принудительнымъ характеромъ, и русскіе люди смотрѣли на образованіе, какъ на тяжелую государственную повинность, всѣми силами стараясь отъ нея уклониться. Ученики часто находились въ бѣгахъ; ихъ ловили, «таскали» въ училища, а за неявку изъ отпуска школьныя правила грозили каторгой и смертною казнію [5]). Въ числѣ причинъ противодѣйствія мѣрамъ по образованію слѣдуетъ усматривать не только насильственный и сословнослужебный характеръ его, [6]) но и ту стремительность и настойчивость, съ которыми стали насыщать наукою молодые умы, вопреки понятіямъ и всему укладу медленной и косной жизни до-Петровской Руси. На смѣну мирнаго и несложнаго ученія по старинѣ у дьячковъ и другихъ «мастеровъ» является спѣшное усвоеніе новыхъ наукъ, созданныхъ Европою,

---

[4]) Русская хрестоматія Буслаева, стр. 36.

[5]) Демковъ. «Исторія русской педагогіи», ч. II, стр. 54.

[6]) Владимирскій—Будановъ. «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка», стр. 240.

загадочною и непонятною для нашихъ предковъ сосѣдкою. Нельзя оставить безъ вниманія и того критическаго отношенія лучшихъ людей своего времени къ противникамъ насильственной культуры, какое мы видѣли у лѣтописца, объясняющаго протестъ матерей недостаткомъ вѣры, вѣры въ новую религію, новую эру, для которой такъ нужны были книжные люди. Начинатели нашей сатиры неутомимо осмѣивали враговъ школы и просвѣщенія. Такъ, въ одной интерлюдіи Петровскаго времени въ комическомъ тонѣ излагаются виршами причитанья дьячка, что его дѣтей берутъ въ семинарію:

«Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
Того жъ часа киселіомъ задавиться и въ водѣ утопиться...
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ» [7]).

Кантемировскій Лука въ сатирѣ: «Къ уму своему» — взрослый школьникъ, которому надоѣли учебныя книги, и которому не пріятны желанія «иныхъ» людей, чтобы «все его содружество, вся его ватага были чернило, перо, песокъ да бумага» [8]). Длинный рядъ порицаній и осмѣяній невѣждъ въ литературныхъ изображеніяхъ XVIII в. завершается безсмертнымъ «Недорослемъ» Фонвизина. Неподвижность Московской Руси и благія слѣдствія преобразованія примиряютъ и современныхъ послѣдователей исторіи и литературы (не славянофильскаго лагеря) съ той безпощадностію, съ какой Петръ Великій про-

---

[7]) Порфирьевъ: «Истор. русской словесности», ч. II, стр. 116.

[8]) Житецкій: «Теорія поэзіи», стр. 103.

водилъ свои просвѣтительныя начинанія, отнимая дѣтей у родителей и усылая отцовъ семействъ учиться въ далекія, невѣдомыя страны народовъ безбожныхъ, еретическихъ [9]). Открытыя въ царствованіе императрицы Екатерины Второй, по уставу 1786 года, такъ называемыя народныя училища, главныя и малыя, пустовали, благодаря равнодушію къ нимъ населенія, предпочитавшаго обучать дѣтей у дьячковъ, и власти предписывали училищному начальству «настаивать о посѣщеніи у родителей и опекуновъ при содѣйствіи полиціи» [10]). Въ числѣ причинъ непріязни къ новымъ училищамъ нужно считать рутину и боязнь новшествъ, угрожавшихъ усложненіемъ и расширеніемъ курса образованія. Таковы были отношенія между семьею и школою въ далекомъ прошломъ. Но обратимся къ настоящему. Взамѣнъ усвоенія гимназическаго курса г. Яблоновскій предлагаетъ чтеніе (по преимуществу критической литературы), сходясь, повидимому, съ случайнымъ мнѣніемъ Пушкина, что «чтеніе есть лучшее ученіе», какъ сказано въ одномъ письмѣ поэта къ брату Льву, молодому человѣку, съ поверхностнымъ образованіемъ [11]). Нечего

---

[9]) «Не безъ горя и не безъ слезъ отправлялись наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частію они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Многіе, сверхъ того, роптали на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли». Устряловъ. «Исторія Петра Великаго, т. II, стр. 316.

[10]) «Журналъ М. Н. Пр.» 1864 г. № 1, стр. 9.

[11]) Изъ Кишинева. 21 іюля 1822 г.

и говорить, что подобной своеобразной постановки общаго образованія не можетъ допустить никакая серьёзная школа. Науки растутъ, знанія умножаются, и для развитія душевныхъ силъ учащагося, для сообщенія ему необходимаго запаса свѣдѣній нужна большая обдуманность, нужна строгая система, нужны методы, усовершенствованные пріемы, словомъ, нужно все то, что составляетъ искусство преподаванія,—практическую педагогику [12]). Обосновавъ учебное дѣло на чтеніи, г. Яблоновскій прилагаетъ особенныя заботы о развлеченіхъ учениковъ, у которыхъ должно оставаться много свободнаго времени. Такими пріятными и полезными развлеченіями являются—театръ и любовныя похожденія. Г. Яблоновскій совѣтуетъ посѣщать театръ возможно

---

[12]) Тутъ мы должны сдѣлать оговорку. Газеты и толстые журналы стараются убѣдить учителей въ пользѣ чтенія книгъ и ставятъ ихъ въ положеніе голодающаго, которому доказываютъ необходимость ежедневно принимать пищу. Такъ, въ «Мірѣ Божіемъ» читаемъ: «Всѣ педагоги, какъ бы злобно они ни относились къ чтенію должны признать въ душѣ, что именно ученики, которыхъ они такъ часто ловили и ловятъ за «постороннимъ чтеніемъ»,—лучшіе ученики по развитію и поведенію («М. Б». 1901 г. № 12. «Критич. очерки», стр. 8). Въ послѣднее время не только преподаватели русскаго языка или исторіи, а всѣ учители хлопочутъ о начитанности учениковъ по своему предмету, и тѣ справедливо жалуются на обремененіе домашними работами. Далеко не всѣ учащіеся охотно читаютъ, не у всѣхъ одинаковые вкусы въ выборѣ книгъ; но въ каждомъ старшемъ классѣ есть группа увлекающихся чтеніемъ преимущественно литературнымъ, при чемъ въ центрѣ этой группы всегда евреи, обыкновенно лучшіе ученики по русской словесности».

чаще. Его фаворитъ, ученикъ VII кл. Трубецкой, несмотря на запрещеніе гимназическаго начальства, постоянно въ оперѣ. Попавшись за десятымъ разомъ, онъ, подъ страхомъ исключенія изъ гимназіи, можетъ высидѣть дома три недѣли и потомъ, переодѣвшись въ штатское, снова идетъ въ театръ. Фиксировавшись на полезной сторонѣ сценическаго искусства, г. Яблоновскій совершенно забываетъ о вредѣ пресыщенія удовольствіями и душевномъ переутомленіи впечатлѣніями. Какъ должно всколыхнуть молодую душу, томящуюся жаждой жизни, яркое освѣщеніе зрительнаго зала, шумная толпа, изысканные дамскіе туалеты, сцена съ характерными костюмами, граціозными движеніями балета, пѣніемъ, музыкой, поднимающей въ глубинѣ сердца неизвѣданныя тайныя ощущенія и предчувствія. А на другой день уроки—Геродотъ, Олимпійскія игры, биномъ Ньютона или хотя бы естествознаніе съ его систематикой и классификаціей. Если современная школа не можетъ проводить аскетической морали автора «Крейцеровой сонаты», то во всякомъ случаѣ раціональная педагогія должна съ извѣстной осмотрительностью относиться къ такимъ нарушеніямъ школьнаго режима, какъ театры, концерты, балы и другія увеселительныя общественныя собранія. Во всякомъ случаѣ созерцаніе непринужденнаго обращенія военныхъ писарей и половыхъ изъ гостиницъ съ своими дамами въ райкѣ какого-либо провинціальнаго театра—балагана не представляетъ ничего назидательнаго для учениковъ, хотя бы то были дѣти прачекъ и денщиковъ. А между тѣмъ г. Яблоновскій побуждаетъ родителей добиваться разрѣшенія для учащихся посѣщать галлерею. Если г. Яблоновскій имѣлъ въ виду театры университетскихъ городовъ, гдѣ галлерея заполняется преимущественно учащейся моло-

дежью, то ему не слѣдовало открывать простора для широкихъ выводовъ и обобщеній, тѣмъ болѣе не слѣдовало соблазнять «малыхъ сихъ». А такихъ соблазновъ въ «Очеркахъ» достаточно... Авторъ весь отдается изображенію нѣги южной ночи, заманчиво рисуя поэтическіе уголки приморскаго бульвара, гдѣ происходятъ свиданья влюбленныхъ гимназистовъ и гимназистокъ. Кажется, самъ авторъ переживаетъ сладкія мгновенія, считая ихъ поцѣлуи и прислушиваясь къ ихъ звуку. Пошлыя и грязныя ухаживанія за горничными ученика Крівцова авторъ безусловно осуждаетъ, но отношеніе его къ красавцу Хіонаки, у котораго съ пятаго класса содержанка, не опредѣленно; объ этомъ знаютъ товарищи, открыто шутятъ, совѣтуя, когда у него родится сынъ, взять въ кумовья учителя математики, который безцеремонно напрашивается съ визитами къ ученикамъ, живущимъ у родителей. Богачъ Хіонаки—добрый малый; онъ посылаетъ заключеннымъ въ карцеръ жареную индѣйку, виноградъ, грушъ, предлагаетъ деньги на покупку экзаменаціонныхъ темъ. Мало сказать про грядущее такого поколѣнія, что оно «пусто иль темно»... Что хорошаго можетъ ожидать общество отъ хлыщеватаго Трубчевскаго, который въ гимназіи успѣлъ пережить четвертую любовь? Не знающій прочныхъ привязанностей, не понимающій требованній долга, Трубчевскій станетъ искать въ жизни разнообразія, новизны, денегъ, помимо труда, и не одну жизнь разобьетъ этотъ легкомысленный и безвольный романтикъ, несмотря на доброту, мягкость и другія хорошія качества души.— Изображенные въ «Очеркахъ» гимназисты очень способны и развиты; ученіе дается имъ легко; они складно говорятъ и мыслятъ, нѣкоторые участвуютъ стихами и прозой въ мѣстныхъ органахъ печати. Но учебное заведе-

ніе, по смыслу «Очерковъ», ничѣмъ не повинно въ ихъ развитости и умственной бойкости: все это добыто чтеніемъ, товарищескимъ общеніемъ и вліяніемъ такихъ родителей, какъ отецъ Трубчевскаго, адмиралъ съ сѣдой и красивой головой. На ряду съ лишеніемъ школы всякаго благотворнаго значенія было бы справедливо сложить съ нея насчетъ общественной отвѣтственности хоть часть тѣхъ золъ, тѣхъ печальныхъ явленій въ ученической жизни, виновниками которыхъ такъ охотно и такъ ожесточенно любятъ выставлять безсердечныхъ педагоговъ. Покушенія разныхъ видовъ на самоубійство и вооруженныя нападенія на учителей и учительницъ изъ-за отдѣльныхъ отмѣтокъ, какъ это наблюдалось въ Саратовѣ и Кутаисѣ, есть слѣдствіе не только школьныхъ порядковъ, но и продуктъ общественныхъ воздѣйствій. Тутъ мы охотно сошлемся на авторитетъ г. Лесгафта: «Всѣ типичныя явленія, замѣчаемыя у ребенка въ школѣ, составляютъ неминуемое и неотразимое послѣдствіе условій, при которыхъ ученикъ жилъ въ до-школьномъ періодѣ» [13]). Школа, разумѣется, не исключаетъ дальнѣйшаго вліянія домашней обстановки, и на дѣтяхъ всякихъ возрастовъ такъ или иначе должны отражаться такія уклоненія отъ разумной жизни, какъ невѣжество, нравственная распущенность, семейный раздадъ, увлеченіе картами, виномъ. Не остается безучастной гимназическая молодежь и къ моднымъ теченіямъ въ области мысли и нравственности въ видѣ декаденства, нитшеанства, исканія новой красоты.

Жестоко ошибаются тѣ, кто считаетъ простыя и нормальныя отношенія между преподавателями и учащи-

---

[13]) Лесгафтъ. «Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе» ч. II стр. 182.

мися дѣломъ легкимъ, зависящимъ отъ добраго желанія первыхъ. Молодость сама по себѣ самоувѣренна, требовательна, безпощадно строга къ чужимъ промахамъ, легко относится къ собственнымъ ошибкамъ. Какъ не складно лицо и фигура юноши, черезъ два-три года красиваго молодого человѣка: такъ неровенъ у него характеръ, не постоянна манера держать себя. Дома онъ — портнеръ въ винтъ, кавалеръ — танцоръ на вечерахъ и даже интересный женихъ въ недалекомъ будущемъ. Въ гимназіи онъ готовъ дурачиться, дѣлать товарищамъ смазь, загибать салазки. Его формирующемуся самолюбію чудятся вездѣ насмѣшки, обиды. Заботливо оберегая свое достоинство, онъ безъ причины переходитъ на рѣзкій тонъ, и много нужно самообладанія, такта, много знаній и умѣнья, чтобы ладить съ этими неустановившимися, невыбродившимися натурами. Въ классѣ учителю приходится считаться съ различными характерами, темпераментами, склонностями, различными взглядами и вкусами. Въ общемъ, мягкіе и сердечные, ученики легко поддаются чувству стадности и инстинктамъ толпы, и тогда они становятся несправедливыми, безсознательно жестокими, и не одинъ учитель затаилъ горечь незаслуженной обиды [14]). Но кто черезъ горнило непріязни и нерасположенія вынесъ любовь къ дѣлу учительства, тотъ съ радостію будетъ привѣтствовать, по слову поэта, «молодое, незнакомое племя», въ которомъ учитель ви-

---

[14]) Въ архивахъ можно бы сдѣлать любопытное собраніе историческихъ документовъ въ родѣ оффиціальной жалобы учителя французскаго языка 1816 г., гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Нѣкоторые ученики дошли даже до того, что бросали въ мою дверь каменья и дрючья и тѣмъ заставили меня бояться лишиться жизни. Будучи въ такомъ

дитъ печать своего духа, и велика его нравственная награда—вѣра въ повышеніе стремленія къ истинѣ въ юной средѣ, идущей ему на смѣну.

Не веселую жизнь съ лихачами, безпрестанными развлеченіями и любовными интригами должна предлагать школа настоящаго или будущаго. Школьное время жизни—время труда, терпѣнія, ограниченій и даже лишеній [15]) Самая сердечность педагога не должна перехо-

---

отчаянномъ положеніи, я рѣшился положить немного пороху въ пистолетъ и выстрѣлить изъ него въ воздухъ для того только, чтобъ разогнать сіе зломыслящее юношество. ...Я принужденъ былъ возвратиться домой и плакать отъ печали, видя себя при концѣ печальной моей жизни такимъ образомъ мучимаго». Дѣла Черниговской гимн. 1816 г.

[15]) Въ современной школѣ ученики, которые трудятся разумно, обладаютъ терпѣніемъ, переносятъ лишенія, считаются единицами. Мы не беремся указывать причины легкомысленнаго отношенія учащихся къ своему дѣлу (причинъ этихъ много), но укажемъ на печальный фактъ. Намъ приходилось бесѣдовать съ учащимися, слышать ихъ горячіе отзывы и о любимыхъ учителяхъ за ревностное отношеніе послѣднихъ къ своему дѣлу, за умѣнье уяснить ту или другую истину, идею; но и это благодѣтельное вліяніе педагоговъ на питомцевъ развѣ сказывается на послѣднихъ? развѣ эти послѣдніе руководятся въ школьной жизни и по выходѣ изъ школы тѣми идеалами, которые они создали подъ вліяніемъ хорошихъ педагоговъ? Кто же виноватъ? неужели эти послѣдніе, педагоги? Намъ думается, что во многихъ случаяхъ недостойное поведеніе молодежи, эгоизмъ—реализмъ въ жизни ея объясняется вліяніемъ среды изданіями, бьющими на то, чтобы побольше навербовать читателей изображеніемъ грязныхъ жизненныхъ картинъ, посѣщеніемъ театра, когда въ немъ даются оперетки, фарсы и т. п.

Ред.

дить въ волевую слабость или нравственное безразличіе. Лучшія движенія сердца должны совершаться незримо, чтобъ ученикъ не видѣлъ ихъ проявленія вседневно и ежечастно, но глубоко ихъ чувствовалъ въ минуты своихъ серьёзныхъ невзгодъ. Только при напряженной внутренней работѣ могутъ сложиться у человѣка опредѣленныя убѣжденія, извѣстное міропониманіе и самостоятельный характеръ. Только путемъ упорнаго труда можно вооружить человѣка знаніями, столь необходимыми для сознательной борьбы со зломъ жизни и такимъ образомъ освѣжить общество истинными и достойными гражданами и поставить на высоту эту избранную часть народа.

В. А.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ *)

Краткая этимологія

для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 83.

Будущее время.

Для объясненія.

Единственное число.

Я **буду учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Я **прочту** урокъ и **рѣшу** задачу.
Ты **будешь учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Ты прочт-**е-шь** урокъ и рѣш-**и-шь** задачу.
Онъ,-а,-о **будетъ учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Онъ,-а,-о прочт-**е-тъ** урокъ и рѣш-**и-тъ** задачу.

Множественное число.

Мы **будемъ учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Мы прочт-**е-мъ** урокъ и рѣш-**и-мъ** задачу.
Вы **будете учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Вы прочт-**е-те** урокъ и рѣш-**и-те** задачу.
Они,-ѣ **будутъ учить** урокъ и **рѣшать** задачу.
Они,-ѣ прочт-**у-тъ** урокъ и рѣш-**а-тъ** задачу.

Правила. — *Будущее время бываетъ* **сложное** *и* **простое**. *Будущее сложное время отвѣчаетъ на вопросъ:* **что я буду дѣлать?** *а будущее простое на вопросъ:* **что я сдѣлаю?**

---

*) Продолж. См. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II, III, IV—V и VI 1901 г. и II—III, IV, V и VI 1902 г. I и III 1903 г.

Будущее сложное время составляется такъ: данный глаголъ берется въ неопредѣленномъ наклоненіи, и къ нему прибавляется глаголъ **буду** (или **стану**), который называется **вспомогательнымъ** Спрягается только глаголъ **буду** (или **стану**), а данный глаголъ остается въ неопредѣленномъ наклоненіи безъ перемѣны.

Будущее простое время имѣетъ **личныя** окончанія и спрягается такъ же, какъ и настоящее время (см. урокъ 79-й).

Такъ какъ будущее простое имѣетъ личныя окончанія, то по этому времени можно узнать, какого спряженія данный глаголъ.

Задача 1.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать будущее сложное и простое время.

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,—
Баюшки-баю;
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,—
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ.
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,—
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время,

Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,—
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,—
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,—
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,—
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою..
Спи, младенецъ мой прекрасный,—
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

Задача 2.

Проспрягать 1) въ будущемъ сложномъ—вставать, умываться, одѣваться, обѣдать; 2) въ буду-

щемъ простомъ —застучать, насидѣться, покраснѣть, проснуться.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Что напиш..ш.. п..ромъ, т..о не выруб..ш.. и топоромъ.—Изъ больш..о выкро..ш., а изъ мал...о и зубами не натян. ш...—Дальше полож..ш..—ближ.. воз...м..ш..—Слово не вороб..й: выл..т..т..—не пойма..ш...—Какъ сум..лъ, такъ и сп..лъ.—Огл..д..лся, какъ на..лся.—Отъ домашн... вора не убережеш..ся.—Чуж..ю копейкою не разживеш..ся—Волкъ и въ овеч..й шкур.. не укро..т..ся.—Сяд..м.. р..дкомъ да поговорим..-ка ладкомъ!—Около ч...о потрет..с.., т...о и наберет..с...—Пол..т. ла пчелка по ранни..мъ цв..точк..мъ о красн..й весн.. развѣдать: скоро ли буд..т.. гост..я дорогая; скоро ли луга зазел..н..ют.., распустят..ся клейкі.. листоч..ки, зацв..тет.. черемуха душист..я?—На привольн..мъ сытн..мъ корм.. перепелки жир...ют.. съ изумительн..ю скорост..ю.—Посмотрит.. на д..льца ин...о: хлопоч..т.., ме..ч..т..ся; ему д..вят..ся вс..; онъ, каж..т..ся, изъ кож.. рвет..ся, да только вс.. впере..ъ не под..ет..ся, какъ бѣлка въ кол..с..—Когда врач.. рѣшительно за..вилъ, что я выздоровл..ю, нужно было видѣть, съ какимъ восторг..мъ смотр..ли на мен.. мать, какимъ счаст..мъ блест..ли е.. глаза!—Ты только ш..лиш.. и д..л..мъ совсѣмъ не занима..ш..ся!—Пож..л...ш.. ближн...о—и теб.. люди пож..л..ют..—Весною трава зел..н...т.., а осенью ж..лт..т..—Когда вы ход..т.. въ училищ..? Въ вос..м.. ч..совъ утра.—Что вы тамъ чита.т.. и пиш..т..?—Ч..мъ вы занима..т..сь послѣ обѣда? Послѣ обѣда мы занима..м..ся уро..ми, потомъ гуля.м.. на свѣж..мъ воздух.., а вечеромъ собира..м..ся къ тет.. въ е.. комнату, завод..м.. разны..

игры или слуша.мъ е.. интересны.. разсказы.— Н..съ к..кимъ д..ломъ не торопит..сь: поступая осмотрительно, вы скор.. усп..т.. сдѣлать всякое д..ло; торопливост..ю же только е.о испорт..т.

Урокъ 84.

Повелительное наклоненіе.

Для объясненія.

Указать повелительное наклоненіе въ слѣдующихъ примѣрахъ.

Въ лугу ужъ звенитъ и сверкаетъ коса, а въ рощицѣ птичьи твердятъ голоса: „Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни! Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни; послушай, какую мы пѣсню поемъ, какъ щедрому лѣту хвалы воздаемъ".—„Не лѣто хвалите", имъ мальчикъ сказалъ: „хвалите Того вы, Кто лѣто вамъ далъ!"

Разсмотрѣть окончанія повелительнаго наклоненія.

Больше слуша-**й**, а меньше говор-**и**.—Умѣлъ ошибиться, умѣ-**й** и поправиться.—Не трат-**ь** словъ попусту.—Не робѣй-**те** въ опасности!—На Бога надѣй-**те-сь**, а сами не плошай-**те**.—Не всякому слуху вѣрь-**те**.—Кто дѣло началъ, тотъ пусть и кончаетъ его. Не будь на то Господня воля. Заболи я сегодня, вы бы не слышали моихъ объясненій.

Спряженіе повелительнаго наклоненія.

Единственное число.

1 л. Я
2 л. Ты } сид-**и**, богатѣ-**й**, ѣш-**ь**, спряч-**ь**-ся.
3 л. Онъ,—а,—о

или 3-е лицо можно сказать такъ:

3 л. Пусть { онъ, она, оно } **сидитъ, богатѣетъ, ѣстъ, спрячется.**

Множественное число.

1 л.—нѣтъ.

2 л. Вы сиди-те, богатѣй-те, ѣшь-те, спрячь-те-сь.

3 л. Пусть {они / онѣ} сидятъ, богатѣютъ, ѣдятъ, спрячутся.

Правила.—*Въ повелительномъ наклоненіи во множеств. числѣ* **1-го лица нѣтъ.**

Въ единств. числѣ повелит. наклоненіе оканчивается на **и, й, ь;** передъ **ся** никогда **ь** не выбрасывается.

2 лицо множ. числа образуется отъ формы единствен. числа: прибавляется только окончаніе **те.**

Если форма единствен. числа оканчивается на **ь**, то и во 2 л. множ. числа **ь** передъ **те** пишется.

3 лицо, какъ вы видѣли, можетъ состоять изъ слова **пусть**, прибавляемаго къ формѣ 3 лица настоящаго или будущаго времени даннаго глагола: пусть говоритъ, пусть войдетъ.

Задача 1.

Поставить въ формѣ ед. ч. повелительнаго наклоненія слѣдующіе глаголы: сидѣть, повѣсить, мазаться, блѣднѣть, замѣтить, заботиться, темнѣть, приладить, украситься, опустѣть, ударить, отправиться, бѣлѣться, покинуть, приготовиться, синѣть, отмѣтить, жариться, чернѣть, перекинуть, исправиться, свѣтлѣть, спорить, броситься, созрѣть, увеличить, замучиться, заговѣть, перестать, усѣсться, уцѣлѣть, плакать, выздоровѣть, дежурить, прятаться, виднѣться, тратить, хмуриться.

Задача 2.

Тѣ же глаголы поставить во 2 л. множ. числа.

Задача 3.

Тѣ же глаголы поставить въ 3 л. единств и множ. чиселъ съ словомъ **пусть.**

Задача 4.

Поставить въ глаголахъ пропущенныя буквы.

Ты гр..ся, пестр.., размѣр.., раскин..ся, печал..ся, молод.., клич.., застав.., позабуд.., довѣр..ся, готов..ся, перелѣз.., умнож.., постав.., сун..ся, исправ..ся, присяд.., тверд..й, желт..ся, уваж.., назнач.., дун.., раздѣн..ся, влад.., забот..ся, застын.., охот..ся.

Вы грѣ..т..сь, пестр..т.., размѣр..т.., раскин..т..сь, печал..т..сь, молод..т.., клич..т.., застав..т.., позабуд..т.., довѣр..т..сь, готов..т..сь, перелѣз..т.., умнож..т.., постав..те, сун..т..сь, исправ..т..сь, присяд..т.., тверд..т.., желт..т..сь, уваж..т.., назнач..т.., дун..т.., раздѣн..т..сь, влад..т.., забот..т..сь, застын..т.., охот..т..сь.

Задача 5.

Поставить пропущенныя буквы.

Худы.. вѣсти не лежат.. на мѣст...—Селеніе безъ церкв.. называ..т..ся деревн..й.—Бол..шой л..съ всегда состоит.. изъ дерев..ъ разныхъ возрастовъ.—Стары.., сгнивші.. деревь.. н..сколько не нарушают.. общ.. красоты зелен.. могуч.. лѣсн.. царства, свободно растущаго въ свѣжест.., сумрак.. и тишин..—Жел..зо ржавчина с..ѣда..т.., а завис..и къ отъ завист.. пог..ба..т..—Отъ смерт.. и подъ камн..мъ не укро..ш..ся.—Не перомъ пишут.., а умомъ.—Зерн..шко ложит..ся въ мягк... землицу: слово Бож... вход..т.. въ души молоды..—Буд..ш.. съ берега уныло ты смотрѣть: въ пустой дал..не бѣл..т..ли вѣтрило, не плывутъ ли корабли?—Жела..ш.. чуж...—потеря..ш.. свое.—Густ..т.. сумракъ, и съ пол..й уходят.. жницы.—Ужъ побл..дн..лъ закатъ румян..й, надъ усыплен.. землей дымят..ся сизы.. туманы, и всходит.. м..сяцъ з..л..той. Какъ умѣю, такъ и спою.—Отъ простой и ум..ренной пищ.. не забол..ш..—Къ старост.. мы вс.. ослаб..м.—Если буд..т.. жить прав-

д..ю—не пожал..т..—Осенью поля пуст..ют..—Тогда и ц..ну вещ.. узна..м.., когда е.. потеря..м.—Если вы буд..т.. л..ниться, то н..ч..му не науч..т..сь.—За двумя зайцами погон..ш..ся, ни одн...о не пойма..ш..—Ин...о мы боим..ся, пока къ н..му не пригл..димся.—Й хот..лъ бы вамъ услужить, да п..ч..мъ—Щепотки волосковъ лиса не пож..л..й, остался бы ц..лымъ хвостъ у н..й.—Сем.. разъ отмѣр.., а одинъ разъ отрѣж..—Къ добру мостис.., а отъ худ... пят..ся.—Прощайт..! Буд..т.. здоровы! Не бол..т..!—Не упрям..т. с.., а буд..т.. послушны!—Не дурач..т..с..ь и не ссор..т..с..!

Урокъ 85.

Неопредѣленное наклоненіе.

Для объясненія.

I.

Ночью люди ложатся спать.—Уроки всегда слѣдуетъ старательно готовить.—Жизнь прожить—не поле перейти.—Здоровье слѣдуетъ беречь.

Учи-**ть**.

Нес-**ти**.

Правило.—*Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на* **ть, ти** (**т** *съ предыдущими* **г** *или* **к** *образуетъ* **ч**: *беречь=берег-ть*).

II.

Въ церковь ходятъ молиться, а въ школу учиться.—Около огня можно обжечься.—Стадо выгоняютъ въ поле пастись.

Умыва+**ть**+**ся**=умыва**ться**.

Плес+**ти**+**сь**=плестись.

Улег+**ть**+**ся**=улечься.

Правило.—*Къ неопредѣленному наклоненію можетъ присоединяться—сокращенное возвратное мѣ-*

стоимение **ся** (сь). *Тогда передъ* **ся** *или* **сь** *мягкій знакъ пишется: учиться, оссечься.*

III.

Сироту легко обидѣть, да грѣшно.—Лучше самому терпѣть, чѣмъ другихъ обижать.—Разболѣться не трудно, а вылѣчиться труднѣе.—Смотрѣть—долго смотрѣлъ, а разглядѣть—ничего не разглядѣлъ.

Вис -ѣ-ть.
Верт -ѣ-ться.
Син -ѣ-ть—син-ѣ-лъ.
Обид-ѣ-ться—обид-ѣ-лся.

Правило.—*Если въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ* **т** *слышится звукъ* **е**, *не принадлежащій корню, то онъ пишется черезъ букву* **ѣ**. *А какую букву написать въ глаголахъ—умереть, тереть, подпереть?*

Тѣ глаголы, у которыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ т буква ѣ, имѣютъ эту букву ѣ и въ прошедшемъ времени передъ **лъ**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи, отдѣлить окончанія неопредѣленнаго наклоненія. На́скоро дѣлать—передѣлывать.—Спѣшить не спѣши, а поторапливайся.—Умѣлъ потерять, умѣй и найти.—Ученаго учить—только портить.—Лѣсъ сѣчь—не жалѣть плечъ.—Старайся пріобрѣсти расположеніе товарищей.

Господь велѣлъ отъ земли кормиться.—Нужда научитъ Богу молиться.—Грѣшно издѣваться надъ несчастными.—Бояться несчастья—и счастья не видать.—Умѣешь шутить, умѣй и отшучиваться.—Отъ болѣзни не всегда можно остеречься.—Когда у насъ бѣда надъ головой случится, то рады мы тому молиться, кто вздумаетъ за насъ вступиться.

Тяжело болѣть, тяжело и надъ больнымъ си-

дѣть.—Дома сидѣть—ничего не высидѣть.—Чужія деньги считать—не разбогатѣть.—Будешь вертѣться, когда некуда дѣться.—Сырыя дрова не могутъ скоро разгорѣться.

Тяжело жить, а умереть не хочется.—Отереть слезы несчастному—долгъ каждаго христіанина.—Испорченный замокъ трудно отпереть.

Задача 2.

Поставить въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдующіе глаголы: сплю, держусь, свищу, виднѣюсь, стерегу, толкусь, шью, причесываюсь, шумлю, бѣлѣюсь, встаю, умываюсь, блѣднѣю, чернѣюсь, учу, собираюсь, терплю, свѣтлѣюсь, сверкну, попадусь, пою, сижу, загорюсь, улягусь, испеку, строюсь, гужу, смотрюсь, замѣчаю, сажусь, грѣю, одѣнусь.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Лѣто провелъ я въ д..тск..мъ упоені.. и ни..го не подозр..валъ; но осен..ю, когда я сталъ больш.. сид..т.. дома, больш.. слушат.. и больш.. смотр..т.. на мою мать, то сталъ примѣчат.. въ ней какую-то перем..ну: прекрасны.. глаза е.. устремлялись иногда на мен.. съ необыкновенн..мъ выражені..мъ тайной груст..; я подгл.д..лъ даже слезы, старател..но отъ меня скрываемыя. Встревоженный и огорченный, со вс..ми ласк ми горяч..й любви, я прист..валъ съ разспрос..ми къ моей мат..р.. Сначала она ув..ряла мен.., что это такъ, что это н..ч..о не значитъ; но скоро въ е.. разговорахъ со мной я началъ слышат.., какъ сокрушается она о томъ, что мн.. н.у ко.о учит..ся, какъ необходимо учень.. мальч..ку; что она лучш.. желаетъ умер..т.., нежели вид..т.. д..тей своихъ, выростающихъ невѣжд..ми; что мужчин.. надобно служит..,

а для служб.. необходимо учит..ся... Я понялъ, къ ч..му клонится рѣч... Мать подтв..рдила мою дога..ку и сказала, что она рѣшилась, а я зналъ, что е.. рѣшені.. тверды.

Я не отх..дилъ отъ мат..ри ни на шагъ. Напрасно она посылала мен. погулят.. или посм..тр..т.. на голуб..й или ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отв..чалъ одно: „Мн.. не хочется, мам..н..ка". Съ нам..реніемъ пріучит.. мен.. къ разлук.. мать безпрестанно говорила со мной о гимназіи.., объ учень.., непремѣнно хот..ла впослѣдствіи отв..зти меня въ Москву и отдат.. въ Университетскій благородный пансіонъ.

С. Аксаковъ.

Урокъ 86.

Неопредѣленное наклоненіе и 3 лицо настоящаго или будущаго времени (простого).

Для объясненія.

Господь всѣхъ людей **любитъ**. Господь повелѣлъ всѣмъ людямъ **любить** другъ друга.

Господь обо всѣхъ **заботится**. Всякій долженъ **заботиться** не только о себѣ, но и о другихъ.

Судья **судитъ**. Судьѣ дано право **судить**.

Судья **миритъ** поссорившихся. **Мирить** поссорившихся не легко.

Отецъ **трудится** для дѣтей. Взрослыя дѣти должны **трудиться** и для отца.

Мой братъ плохо **учится**, потому что часто **лѣнится**. Братъ можетъ лучше **учиться**, если перестанетъ **лѣниться**.

Дружба всегда **пригодится**. Вражда никогда не можетъ **пригодиться**.

Плохъ тотъ товарищъ, который **ссорится** и **бранится**. Товарищамъ не слѣдуетъ **ссориться** и **браниться**.

Правило.—*Иногда въ произношеніи можно смѣшивать неопредѣленное наклоненіе съ 3 л. един. ч. настоящаго или будущаго времени и въ письмѣ дѣлать ошибки въ правописаніи ихъ окончаній.*

Отличать неопредѣленное наклоненіе отъ 3 л. должно слѣдующимъ образомъ.

Если къ глаголу можно поставить вопросъ: **что дѣлаетъ**? или **что сдѣлаетъ**?—то глаголъ будетъ стоять въ 3 л. наст. или буд. времени. Послѣ буквы **т** въ такомъ случаѣ слѣдуетъ писать **ъ**, а не **ь**, или **ъ** совсѣмъ не писать, если послѣ **т** будетъ стоять **ся**.

Если же глаголъ отвѣчаетъ на вопросъ: **что дѣлать**? или—**что сдѣлать**? и къ глаголу, слѣдовательно, нельзя присоединить мѣстоименія **онъ**, то этотъ глаголъ будетъ стоять въ неопредѣленномъ наклоненіи. Послѣ буквы **т** въ такомъ случаѣ должно писать **ь**, хотя бы далѣе слѣдовало **ся**.

Задача 1.

Отвѣтить на слѣдующіе вопросы.

Люди ходятъ въ церковь что дѣлать?
Каждый изъ насъ въ церкви что дѣлаетъ?
Дѣти ходятъ въ школу что дѣлать?
Ученикъ въ школѣ что дѣлаетъ?
Больной идетъ къ врачу...?
Больной у врача...?
Ракъ любитъ назадъ...?
Змѣя опасно...?
Шалуну не позволяютъ...? а драчуну...?
Солнце утромъ...? а вечеромъ за горы (сажусь). ?
Утромъ сначала нужно..., а потомъ...?
Охотники собираются...?
Зимою пріятно на конькахъ...?

Въ бурю море...?
Нужно лжи (стыжусь)...?
Осенью туманъ на поля...?
Весною дорога (порчусь)...?
Дѣло мастера...?

Задача 2.

Поставить въ 3 л. един. ч. наст. или будущ. времени (прибавивъ мѣстоименіе онъ) и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдующіе глаголы: вожу, тушу, клею, сушу, ношу, трачу, сержусь, дурачусь, стараюсь, отличусь.

Задача 3.

Поставить пропущенныя буквы.

Чело..къ часто любит.. только сам.. себ..—Въ л..су каждый может.. заблудит..ся.—Кто за ч..жимъ погонит..ся, тотъ и сво...о лишит..ся—Кто ум..т.. трудит..ся, тотъ труда не боит..ся—Что должно случит..ся, то и случит..ся.—Все может.. случит..ся— и богатый къ б..дн..му постучит..ся.—Не плюй въ колодезь: пригодит..ся воды напит..ся.—Звалъ ячмен.. пшеницу: „Пойдем.. туда, гдѣ зол..то родит..ся,—мы тамъ буд..м.. съ тобою водит..ся“. А пшеница ячменю въ отв..тъ: „Къ ч..му намъ за зол..томъ гонят..ся: оно къ намъ само привалит..ся“.—Не слѣду..т.. дереву съ огнемъ дружит..ся—Стану я тоской томит..ся, безутѣшно ждат.., стану ц..лый день молит..ся, по ночамъ гадат...—Кто Бога не боит..ся, тотъ и людей не стыдит..ся.—Гордымъ Богъ противит..ся.

Урокъ 87.

Повтореніе пройденнаго.

Поставить пропущенныя буквы.

Посм..три, какая мгла въ глубин.. долинъ л..гла! Подъ е.. прозрачн.. дымкой въ сонн..мъ сумрак.. ра-

китъ тускло оз..ро бл..стит.. Бл..дн.. мѣсяцъ невидимк.. въ тѣсн..мъ сонм.. сизыхъ туч.. безъ пріют.. въ неб.. ходит.. и, сквозя, на вс.. наводит.. фосфорическій свой луч..—У всяк..й птичк.. свой голосокъ.—Въ деревянныхъ домахъ окн.. часто укр..шают..ся рѣз..бой.—Въ гнѣв.. н.. на что не рѣшал..ся.—На см..рть, что на солнц.., во вс.. глаза не взглян..ш.—Счасть.. съ несчастьемъ на одн..хъ саняхъ ѣздят..—Гусят.., а особенно утят.., лишь вылупят..ся изъ яйца—сейчасъ же въ воду.—Въ родной стихі.. утят..мъ полное раздоль..!—Лучш.. сокровищ. на земл..—добры. дѣла.—Былъ бы хл..бъ, а зубы сыщут..ся.—На красив..го гляд..т.. хорошо, а съ умн..мъ жит.. легко.—Храмъ Христа Спасителя въ Москв..—одинъ изъ красив..шихъ храмовъ въ Росс..—Волга при впадені.. своемъ въ Каспійское мор.. дѣлит..ся на многі.. рукава.—Подснѣжн..къ—пер..вый весен.. цвѣ..точ..къ.—Иней по..вляет..ся на деревь..хъ въ ясны.. морозны.. дни послѣ отт..пел.—Утро вечера мудр..н..—Многія.. звѣзд.. гораздо больше земл..—Дѣти должны цѣнит.. нѣжн..заботливост.. о нихъ родителей.—Тѣлесны.. упраж..нені.. укр..пляют. здоровь..—Изъ барсуч.. о хвост. дѣлают.. хороші.. кисти для рисованія..—Бѣлка-летяга им...т.. съ об...хъ сторонъ, между передн... и задн.. лап..ю, кожан.. тонк.. перепонку.—Съ чуж..о коня среди гряз.. долой.—Осенью дни ст..новят..ся короч.., солн..шко вст..ет.. позж.. и заходит.. раньш.. прежн...—Лишн.. копейку береги про черн.. день.—Бол.. тысяч.. лѣтъ тому назадъ Россію уже нас..ляли славян..; они разд..лялись на нѣ..сколько пл..менъ, которы.. назывались полян.., древлян.., сѣверян.. и друг..—Къ смерт.. всегда готов..ся.—Дѣл..мъ, не сведя конца, не надобно хвалит..ся.—Красвица-зор..ка въ неб.. загор..лась: изъ больш.. лѣса солн..шко выходит..—Кон..цъ вѣнча..т.. дѣло.—Ножомъ избы

не сруб..ш...—Что такъ рано, трав..шка, пожелт..-ла?—Мартышка вздумала трудит..ся: нашла ч..рбакъ и ну надъ нимъ возит..ся.—Человѣкъ трудит..ся для т..го, чтобы быть полезн..мъ себ... и другимъ.—Трудовую денежку надо береч...—Отъ простуды надо береч..ся.—Въ умной бесѣд.. ума наберешь..ся, а въ глупой и свой растеря..шь...—Больш.. вѣр.. своимъ очамъ, ч..мъ чужимъ рѣчамъ.—Стан..т.. лицомъ къ востоку: сзади васъ буд..т.. западъ, справа—югъ, а налѣво—сѣверъ.—Изво..ч..ку нужна лошадь, а перево..ч..ку лодка.—Торгов..цъ часто ведет. торговы.. дѣла черезъ прика..ч..ковъ.—На томъ мѣст.., гдѣ при святомъ Сергі.. Радонежск..мъ была бѣдн.. деревянн.. церковь и убогі.. кел..., теперь красу..т..ся богат..шая лавра, окруженная высок.. ст..ною, съ н..сколькими церквами, академі..й, богадѣл..н.., съ многочисленн..ю браті..й; а около не.. разросся посадъ, въ которомъ н..скол..ко тысяч.. жител..й. Къ Бож..й служб.. люди сзывают..ся колокол..н..мъ звон..мъ.—Въ Москв.., на средин.. Красной площ..д.., стоит.. памятникъ Минину и Пожарск..му, спасшимъ Россію въ тысяч. шес..сотъ дв..на..цатомъ году.—Москва еще издали привлека..т.. взоръ путн..ка множествомъ своихъ, златоглавыхъ церкв...й и колокол..н..—Почти въ каждомъ русскомъ сел. найдет..ся нѣсколько бан.., въ которыхъ такъ любит.. мыт..ся русскій народъ.—Люби Бога вс..мъ сер..цемъ своимъ и вс..ю мысл..ю своею. Бѣдн..му человѣку и грош.. дорогъ.—Въ жарк.. лѣтн... пору лошад..й въ деревн.. на ноч.. выгоняют.. кормит..ся въ пол..—Верблюж... и овеч.. шерсть употребляют.. на сукн..—Лис... ухватки хитры и ловки.—Не тотъ хорош.., кто пригож.., а—кто на дѣло гож..—Заяч.. ухо длинн.. и чутк...—Отъ Москв.. до Троицкой лавр.., по Ярославской дорог.., ше...десят.. верстъ.—Казанскій соборъ въ Петербург.. былъ основанъ въ

тысяч.. восем..сотъ п..рвомъ году, пят..на..цат..го сентября тысяч.. восем..сотъ оди...цатаго года осв..щенъ; а Исакіевскій соборъ былъ осв..щенъ въ тысяч.. вос..м..сотъ пят..десят.. вос..момъ году, три..цат..го мая.—Меня вс.. знают.., ко мн.. обращают..ся вс.. съ про..бой явит..ся, а какъ только приду—вс.. прячут..ся отъ мен.. (дождь).—Н.. отъ к...о не дождеш..ся столько любви и ласки, какъ отъ мат..р..—Теперь уже ми.. н..к...о больше проcит..—Н..съ к...о такъ не возьмет..ся, какъ съ т..о, кому много дает..ся.—Н..ч.. дѣти такъ не хороши для мат..р.., какъ свои.—Н..кто сам...о себ.. не забуд..т...—Эти вещи сд..ланы изъ сам.. лучш.. матеріала.—Т..—друзья, кто помогает.. намъ въ несчаст..—У вс..хъ птицъ есть крыль..; но не вс.. он.. одинаково летают..—Н..о чёмъ толковат.. намъ, когда мы съ тобою н.. о ч..мъ не столку..м..ся.—Ч..о вы ждет.., на что надѣ..т..сь, когда сами н..ч...о не хотит.. дѣлат..?—Какъ только я поздоров..ю, такъ и повесел..ю.—Темн..т.. небо, показывают..ся первы.. звѣздочки.—Пригр..т.. весенн.. солн..шко—зазелен..ютъ поля, сады и лѣса, запестр..ют.. луга; запоют.. веселы.. птички.

Урокъ 88.

Виды глагола.

Для объясненія.

Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ.
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ,
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина;

Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ, черезъ заборъ,
Кистями красными повиснула рябина;
  Тамъ жнива колкая щетинится,
А тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.
  И цѣлый день скрипятъ возы,
И далеко токъ отзываетъ подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Н. Грековъ.

Правило.— *Оконченность и неоконченность дѣйствія выражается въ глаголѣ* **видами.**

Видовъ два: несовершенный и совершенный.

Несовершенный видъ показываетъ дѣйствіе неоконченное, продолжающееся; совершенный видъ показываетъ дѣйствіе оконченное или по крайней мѣрѣ начатое.

Задача.

Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ указать глаголы вида несовершеннаго и совершеннаго.

Степь.

По всей степи ковыль, по краямъ все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ.
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души, Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то, цвѣты! Какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка, да безъ слезъ, отъ заботъ далека.

Вотъ и рѣчка... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучомъ
Отливается тонкій ковыль серебромъ...
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ;
Въ ковылѣ гудовень—и поютъ и жужжатъ,
Раздаются свистки, молоточки стучатъ;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую степь понеслась...
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
Необъятная гладь, неоглядный просторъ!

Никитинъ.

Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ,
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ:
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей, пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли,
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою.
Одни за другими проходятъ года,—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Не въ добрую землю упавшее сѣмя.
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышетъ...
Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышитъ.

Жемчужниковъ.

Урокъ 89.

Какія времена обозначаются глаголами вида несовершеннаго и совершеннаго.

Образованіе вида совершеннаго помощію предлоговъ.

Для объясненія.

I.

Несовершенный видъ. I. Настоящее время.

I.

Единственное число.

1 л. Я читаю книгу. Я учу урокъ.
2 л. Ты читаешь книгу. Ты учишь урокъ.
3 л. Онъ читаетъ книгу. Онъ учитъ урокъ.

Множественное число.

1 л. Мы читаемъ книги. Мы учимъ уроки.
2 л. Вы читаете книги. Вы учите уроки.
3 л. Они читаютъ книги. Они учатъ уроки.

II. Прошедшее время.

Единственное число.

1 л. Я читалъ книгу. Я училъ урокъ.
2 л. Ты читалъ книгу. Ты училъ урокъ.
2 л. Онъ читалъ книгу. Онъ училъ урокъ.

Множественное число.

1 л. Мы читали книги. Мы учили уроки.
2 л. Вы читали книги. Вы учили уроки.
3 л. Они читали книги. Они учили уроки.

III. Будущее время.

Единственное число.

1 л. Я буду		
2 л. Ты будешь	}	читать книгу, учить урокъ.
3 л. Онъ будетъ		

Множественное число.

1 л. Мы будемъ		
2 л. Вы будете	}	читать книги, учить уроки.
3 л. Они будутъ		

Совершенный видъ. I. Настоящее время.

Не имѣетъ формъ для наст. времени (Почему?)

II. Прошедшее время.

Единственное число.

1 л. Я прочелъ книгу. Я выучилъ урокъ.
2 л. Ты прочелъ книгу. Ты выучилъ урокъ.
3 л. Онъ прочелъ книгу. Онъ выучилъ урокъ.

Множественное число.

1 л. Мы прочли книги. Мы выучили уроки.
2 л. Вы прочли книги Вы выучили уроки.
3 л. Они прочли книги. Они выучили уроки.

III. Будущее время.

Единственное число.

1 л. Я прочту книгу. Я выучу урокъ.
2 л. Ты прочтешь книгу. Ты выучишь урокъ.
3 л. Онъ прочтетъ книгу. Онъ выучитъ урокъ.

Множественное число.

1 л. Мы прочтемъ книги. Мы выучимъ уроки.
2 л. Вы прочтете книги. Вы выучите уроки.
3 л. Они прочтутъ книги. Они выучатъ уроки.

Правило.—*Глаголы несовершеннаго вида могутъ обозначать* **три времени:** *настоящее, прошедшее и будущее (сложное). Такъ какъ настоящее время имѣетъ личныя окончанія, то опредѣлять, къ какому спряженію относится данный глаголъ вида несовершеннаго, слѣдуетъ* **по настоящему времени.**

Глаголы совершеннаго вида указываютъ на дѣйствіе или состояніе въ прошедшемъ и будущемъ (простомъ) временахъ. Будущее время у глаголовъ вида совершеннаго опредѣляется по **будущему времени.**

II.

Для объясненія.

Несовершенный видъ.

Я пою.
Я пѣлъ.
Я ѣду.
Я ѣхалъ.

Совершенный видъ.

Я **за**+пою, **про**+пою.
Я **за**+пѣлъ, **про**+пѣлъ.
Я **за**+ѣду, **вы**+ѣду, **по**+ѣду, **пере**+ѣду, **про**+ѣду, **отъ**+ѣду, **у**+ѣду.
Я **за**+ѣхалъ, **вы**+ѣхалъ, **по**+ѣхалъ, **пере**+ѣхалъ, **про**+ѣхалъ, **отъ**+ѣхалъ, **у**+ѣхалъ.

Правило.—*Образованію совершеннаго вида способствуютъ представки-предлоги,* **которые съ глаголами всегда пишутся слитно.**

Задача 1.

Отъ данныхъ ниже глаголовъ образовать прошедшее и будущее время совершеннаго вида съ помощію какого-либо изъ слѣдующихъ предлоговъ: **за, вы, изъ, пере, по, про, отъ, у, на, съ,** [1]**, подъ.**

Прошедшее время

Играю, тушу; везу, несу, рою, рву; тащу, строю; лѣзу, бѣгу; молчу, стучу; веду, гоню; держу, кланяюсь; пишу, верчусь; равняюсь, работаю; крашу, чищу.

Будущее время.

Вяжу, копаю; жгу, зрѣю; рѣжу, беру; пилю, дѣлаю; считаю, сыплю; дую, слышу; кипячу, винчу; кручу, стерегу; мокну, кидаю; жарю, горю; качу, лечу.

Задача 2.

Въ слѣдующей статьѣ указать 1), гдѣ предлоги слѣдуетъ писать слитно и гдѣ отдѣльно, и 2)—глаголы вида несовершеннаго и совершеннаго.

Гроза въ деревнѣ.

Съ.. запада тянулось, словно живое чудовище, черное, безобразное пятно, съ.. мѣднымъ отливомъ по.. краямъ, и быстро по.. двигалось на.. село и на.. рощу, простирая будто огромныя крылья по.. сторонамъ.

Туча на..двигалась грозно. Вскорѣ медленно про.. катился отдаленный гулъ. Все при..тихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Все с..пряталось и без молвствовало. И без.. душные предметы, казалось, раз..дѣляли зловѣщее пред..чувствіе.

[1]) Два глагола съ первымъ предлогомъ, два со вторымъ и т. д.

Деревья пере..стали по..качиваться и за..дѣвать другъ друга сучьями; они вы..прямились, только изрѣдка на..клонялись верхушками между собой, какъ будто взаимно предупреждая себя шепотомъ о..близкой опасности. Въ.. деревнѣ всѣ старались у..браться во-время по..домамъ. На..ступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія.

Отъ.. лѣса, какъ передовой вѣстникъ, про..несся свѣжій вѣтерокъ, по..вѣялъ прохладой въ.. лицо прохожему, про..шумѣлъ по.. листьямъ, за..хлопнулъ мимоходомъ дверь въ.. избѣ и, вскрутя пыль на.. улицѣ, за..тихъ въ.. кустахъ. Слѣдомъ за..нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по.. дорогѣ столбъ пыли; вотъ во..рвался въ.. деревню, с..бросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ.. забора, с..несъ соломенную кровлю и по..гналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раз..дувая имъ хвосты. Про..несся. Опять без..молвіе.

У..пали двѣ-три крупныя капли дождя, и вдругъ блеснула молнія. Старикъ в..сталъ съ.. заваленки и поспѣшно по..велъ внучатъ въ.. избу; старуха, крестясь, торопливо за..крыла окно. Грянулъ громъ и торжественно про..катился по.. воздуху.

И. Гончаровъ.

Урокъ 90.

Залоги глаголовъ.

Залогъ дѣйствительный.

Для объясненія.

Какъ строятъ дома.

Деревянные дома строятъ плотники изъ бревенъ. Каменные дома кладутъ каменщики изъ кирпичей и изъ тесаннаго камня. Прежде всего кла-

дутъ фундаментъ. На фундаментѣ выводятъ стѣны. Въ стѣнахъ оставляютъ отверстія для дверей и оконъ. Когда стѣны выведутъ, то кладутъ на нихъ балки; въ балки укрѣпляютъ стропила; на стропилахъ стелютъ крышу. Крыши дѣлаютъ или изъ желѣза, или изъ теса, или изъ соломы.

Снаружи домъ готовъ; но внутри его все еще работы много. Надобно настлать полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навѣсить двери, вставить окна. Стѣны обиваютъ обоями. Когда домъ готовъ, вносятъ иконы, мебель, посуду; зовутъ священника, служатъ молебенъ, и тогда начинаютъ въ домѣ жить да поживать, да добро наживать.

Ушинскій.

Правило.—*Глаголы имѣютъ* **залоги.**

Дѣйствительный залогъ показываетъ, что дѣйствуетъ **само подлежащее**, и что его дѣйствіе **переходитъ на другой предметъ**—на дополненіе. Это дополненіе ставится въ винительномъ падежѣ безъ предлога и называется **прямымъ дополненіемъ**.

Прямое дополненіе отвѣчаетъ на вопросы: **кого? что?** а послѣ глаголовъ дѣйств. залога съ отрицаніемъ **не**—кого? чего?

Всѣ прочія дополненія называются **косвенными.**

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ поставить прямое дополненіе. Господь сотворилъ...—Солнце согрѣваетъ...—Дождь орошаетъ...—Вѣтеръ гонитъ...—Рыбаки ловятъ... Косари косятъ...—Мятель занесла...—Пастухъ пасетъ...—Пчела собираетъ...—Ласточки часто вьютъ... подъ крышами.—Колоколъ сзываетъ... на молитву.—Бѣлка ловко разгрызаетъ ..—На Крещеніе освящаютъ.. Къ Свѣтлому Христову Воскресенію готовятъ...—На масленицѣ

покупать...—Весною выставляютъ изъ оконъ...—Корова даетъ намъ.., а овца...—Дѣти съ удовольствіемъ слушаютъ...—Торговля приноситъ купцамъ...

Задача 2.

Въ слѣдующихъ предложеніяхъ поставить пропущенныя сказуемыя—глаголы дѣйствительнаго залога.

Весною рѣка... луга.—Долгая засуха .. вредъ растеніямъ.—Колокола... на колокольнѣ.—Плотникъ топоромъ... бревна.—Учитель... намъ урокъ.—Поваръ... вкусный обѣдъ.—Буря на морѣ.. корабли.—Больной... лѣкарство.—Молитва къ Богу.. несчастныхъ.—Чужіе грѣхи мы..., а свои...—Веселая игра... дѣтей.—Лѣтняя рабочая пора... земледѣльца.—Къ зимѣ.. огурцы,... яблоки, .. варенье.—Желѣзныя дороги...инженеры.—Собака... дворъ,... стадо.—Воробьи... горохъ, вишни и коноплю. Вишни часто... отъ воробьевъ сѣтками, а чтобы... воробьевъ съ огородовъ,... чучелу. Но и воробьи... пользу: они во множествѣ... вредныхъ для плодовыхъ деревьевъ червяковъ.

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать глаголы дѣйствительнаго залога и при нихъ прямыя дополненія.

Прогулка на мельницу.

Дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собою удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однѣхъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника; на другихъ помѣсти-

лись три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобы нарыть на плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ принесли бабушкѣ скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, пошла съ отцомъ осматривать мельницу и толчею. Оба камня мололи: однимъ обдирами пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи заварную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась“.—„То-то маленько“, безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: „кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы сломалась“.—„Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ“.—„Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобъ новая была ни толще, ни тоньше другихъ—въ этомъ вся штука“. Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную; вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ нужно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу, и замололъ жерновъ плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго пшена, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: „Чего смотришь, сосѣдъ Ва-

сюха! Видишь, ни одного неотолченнаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше". Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо и побѣжалъ запереть воду. Оттуда пошелъ дѣдушка на птичій дворъ и тамъ нашёлъ все въ отличномъ порядкѣ.

Урокъ 91.

Залогъ страдательный.

Для объясненія.

Подлежащее дѣйствуетъ. Дѣйствіе **переходитъ** отъ него на дополненіе по вопросу: кого? что?

Охотникъ **ранилъ** на охотѣ медвѣдя.

Вода **прорвала** плотину.

Садовникъ **сажаетъ** деревья.

Копейка рубль **бережетъ**.

Крестьяне уже **скосили и убрали** рожь.

Нужда **остритъ** разумъ.

Подлежащее не дѣйствуетъ, а принимаетъ на себя дѣйствіе отъ дополненія по вопросу: кѣмъ? чѣмъ?

Охотникъ **былъ ранenъ** на охотѣ медвѣдемъ.

Вода **удерживается** плотиною.

Деревья **сажаются** садовникомъ.

Копейкою рубль **бережется**.

Крестьянами рожь уже **скошена** и **убрана**.

Нуждою разумъ **острится**.

Правила.—*Страдательный залогъ показываетъ, что* **подлежащее само не дѣйствуетъ, а принимаетъ на себя дѣйствіе другого предмета,** *имя котораго ставится въ творительномъ падежѣ на вопросъ: кѣмъ? чѣмъ?*

Страдательный залогъ образуется или чрезъ прибавленіе вспомогательнаго глагола (**быть**), или чрезъ присоединеніе сокращеннаго мѣстоименія **ся**.

Предложеніе, въ которомъ сказуемое выражено глаголомъ дѣйствительнаго залога, называется **дѣйствительнымъ оборотомъ рѣчи**, а предложеніе съ сказуемымъ—глаголомъ страдательнаго залога называется **страдательнымъ оборотомъ рѣчи.**

Чтобы измѣнить дѣйствительный оборотъ рѣчи въ страдательный, нужно въ данномъ предложеніи прямое дополненіе поставить въ именительномъ падежѣ, т.-е. сдѣлать его подлежащимъ, а подлежащее поставить въ творительномъ падежѣ, т.-е. сдѣлать его дополненіемъ.

Когда страдательный оборотъ рѣчи обращается въ дѣйствительный, то дополненіе въ творительномъ падежѣ (на вопросъ: кѣмъ? чѣмъ?) дѣлается—подлежащимъ, а подлежащее обращается въ прямое дополненіе.

Задача 1.

Измѣнить дѣйствительный оборотъ рѣчи въ страдательный.

Я обучилъ сестру грамотѣ.—Няня закачиваетъ ребенка.—Дѣти почитаютъ родителей.—Братъ исполнилъ мою просьбу.—Дядя подарилъ мнѣ книжку съ картинками.—Науки просвѣщаютъ нашъ умъ.—Градъ часто уничтожаетъ посѣвы. Буря ломаетъ деревья.—Собаки затравили волка.—Бѣлье моютъ прачки.—Гроза освѣжаетъ воздухъ.—Петръ I побѣдилъ шведовъ подъ Полтавой.—Весною солнце сгоняетъ снѣгъ съ земли.—Стекольщикъ вставляетъ стекла.—На ярмаркѣ подняли флагъ.—Хлѣбникъ печетъ хлѣбъ, а булочникъ булки.—По платью человѣка встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.—Весело

я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю.—Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернышку сготовимъ колыбель святую.—Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ, какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно, какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ, какъ колосъ растетъ, наливая зерно.

Задача 2.

Измѣнить страдательный оборотъ рѣчи въ дѣйствительный. Гнѣздо свивается журавлемъ незатѣйливо.—Въ Малороссіи гладкая, ровная степь оживляется вѣтряными мельницами.—Зимою морозомъ красиво разрисовываются стекла оконъ.—Смертью не щадится ни малый, ни старый, ни богатый, ни бѣдный.—Временемъ все изглаживается.—Когда-то о веснѣ звѣрями въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.—Эта картина нарисована хорошимъ художникомъ.—Весною въ огородахъ крестьянками тщательно приготовляются гряды подъ посѣвъ овощей: сдабриваются навозомъ, старательно перекапываются, разрыхляются; чуть не для каждаго сѣмечка дѣлаются ямки.

Святая церковь—любвеобильная мать наша. Ею дается каждому изъ насъ тихое убѣжище отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Посѣщенъ ли кто горемъ, утѣшенъ ли счастіемъ и благополучіемъ,—онъ идетъ въ церковь, какъ сынъ къ матери, и съ своимъ горемъ, и съ своею радостію. Святою церковью мы встрѣчаемся при рожденіи, благословляемся на каждомъ шагу нашего жизненнаго пути; ея же молитвами мы провожаемся и въ загробную жизнь: подлѣ себя, подлѣ своего алтаря церковью дается намъ пріютъ для вѣчнаго покоя, и въ нѣдро темной могилы ею льются свѣтлые лучи отрады и утѣшенія.

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать глаголы дѣйствительнаго и страдательнаго залога.

Отправленіе въ гимназію.

Курсъ ученія начинался въ гимназіи съ 15-го, а пріемъ съ 1-го августа; итакъ было рѣшено въ исходѣ іюля отправиться въ Казань. Такое рѣшеніе принялъ я почти спокойно... Но, когда сборы были окончены, назначенъ часъ отъѣзда, мнѣ стало такъ жаль Аксаково (село), что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ прежнюю цѣну и прелесть, даже, можетъ-быть, бо́льшую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами. Я раздарилъ все мое богатство: голубей отдалъ я повару Степану и его сыну; кошку подарилъ Сергѣевнѣ, женѣ нашего слѣпого повѣреннаго Пантелея Григорьевича, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поставушки раздалъ дворовымъ мальчикамъ, а книжки, сухіе цвѣты, картинки и проч. отдалъ сестрицѣ.

Какъ я завидовалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо было ѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ разлучаться; который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотинѣ и подъ густой тѣнью ольхи удить беззаботно окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ, спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ не заросшаго камышами и травами, потому что былъ съ весны долго спущенъ. Фыркали и горячились застоявшіеся кони, но сильныя, привычныя руки кучера осаживали ихъ и долго заста-

вляли итти шагомъ. Въ каретѣ всѣ казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и глядѣлъ на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно ни скрылось изъ глазъ, и тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

С. Аксаковъ.

Урокъ 92.

Возвратный залогъ.

Для объясненія.

Мать умываетъ дитя.
Мать умываетъ **себя**.
Мать умывает**ся**.
Няня одѣваетъ и причесываетъ ребенка.
Няня одѣваетъ и причесываетъ **себя**.
Няня одѣвает**ся** и причесывает**ся**.

Родители оберегаютъ и защищаютъ дѣтей отъ опасности.

Каждый долженъ оберегать и защищать **себя** отъ опасности.

Каждый долженъ оберегать**ся** и защищать**ся** отъ опасности.

Правила.—*Возвратный залогъ показываетъ, что* **дѣйствуетъ подлежащее**, *но его дѣйствіе направляется не на другой предметъ, а на самого же* **дѣйствователя**.

Возвратный залогъ образуется изъ дѣйствительнаго чрезъ присоединеніе къ нему возвратнаго мѣстоименія **себя**, которое сокращается въ **ся** или **сь**. Сокращенное мѣстоименіе **ся** или **сь** имѣетъ при этомъ значеніе **прямого дополненія**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ поставить сказуемыя—глаголы возвратнаго залога.

Отъ смерти и подъ камнемъ не...—Около огня можно ..., около сажи ...—Каждый ... своимъ трудомъ.—Когда ложатся спать, то ... одѣяломъ.—Въ рѣкѣ люди ..., а въ банѣ ...—Острою иглою можно ..., а острымъ ножомъ ...—Зимою пріятно около горячей печки ...—Отъ болѣзни нужно ...—Въ сѣтяхъ звѣрь ...—Отъ мороза въ теплыя шубы ...

Задача 2.

Составить предложенія, въ которыхъ сказуемыя были бы выражены глаголами возвратнаго залога, образованными отъ слѣдующихъ глаголовъ: хвалить, скрывать, питать, наряжать, прятать, упражнять, обувать, собирать, сказывать, приготовить, натереть, обрызгать, загрязнить, вымазать, завернуть, накрыть.

Задача 3.

Въ слѣдующей баснѣ указать глаголы дѣйствительнаго, страдательнаго и возвратнаго залоговъ.

Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И, Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,

Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ, въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
„Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него, такъ право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ“... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
„Что жъ“, говорятъ онѣ: „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!“
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься
И кутаться, и завиваться,
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками:
Онѣ—чтобъ на утекъ,

Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ побрали руками.

Крыловъ.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СЛОВАРЯ

Пушкинскаго прозаическаго языка *).

Б—вторая буква алфавита.

Многіе пишутъ юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на б, а мы говоримъ—юбочница, свадебный. *Крит. зам.*

Ба—междом. 1. удивленія.

Ба! да здѣсь попойка идетъ... *Бор. I., сц. VIII.* „Ба, ба... Иванъ Иванычъ! Ты ли?"—Ба, ба, ба, Петръ Андреичъ! Какими судьбами? Откуда ты?.. *Кап. д. XIII.*

2. Догадки.

Ба, ба, ба, ба! сказалъ старикъ: теперь понимаю.. Ты, видно, въ Марью Ивановну влюбленъ. *Кап. д., X.*

Ба́ба, ы, ж. 1.

Бабы громко выли; мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. *Дубр., V.* **Баба** вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. *Ист. с Гор.* **Бабы,** Василиса и Лукерья, сказали, что Дубровскаго и Архипа-кузнеца видѣли... *Дубр, VII.* А слышь ты, матушка, **бабы** наши вздумали печи топить соломою... *Кап. д, VI.* См. еще: *Мысли на д., VI; Ист. с. Гор.; Дубр., VI. Пис. женѣ 35 г., Ист. с. Гор., Вр. ист.* рыжая **баба**. *О Дуровѣ.* Мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ,—замужними **бабами**. *Ист. с. Гор.*

2. Вообще женщина въ нѣсколько презрительномъ смыслѣ.

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, замѣтилъ важ-

---

*) Продолженіе. См. в.в. IV—V и VI 1901 г., II—III. IV, V и VI 1902 г., I 1903 г.

но Швабринъ: Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

— Да, слышь ты, сказалъ Иванъ Кузьмичъ; баба-то неробкаго десятка. *Кап. д. III.* Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видна баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. *Р. Пелямъ.*

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. *Пис. женѣ 33 г.* Мать—толстая, веселая баба. *Отр. изъ ром. въ пис., III.* Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. *Пис. брату 24 г.* Найми мнѣ фатерку—насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. *Пис. Плетн. 31 г.* Всѣ тебя за то похвалятъ и говорятъ: ай да баба! *Пис. женѣ 34 г. См. еще: Отр. изъ ром. въ пис., VIII; Арапъ П. В., IV; три письма женѣ отъ іюня 34 г.*

3. Въ сравненіяхъ.

Доселѣ онъ—я, а тутъ онъ будетъ—мы. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери. *Пис. Плетн. 30 г.* Онъ хвастливъ по привычкѣ и по разсчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ, какъ баба. *Шайлокъ...* Бой-баба, хватъ-баба. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома; смѣняешь людей, ломаешь кареты... ай да хватъ-баба! *Пис. женѣ 32 г.* Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? *Пис. женѣ 33 г.*

Бабёнка, и, ж.

Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ? *Пис. женѣ 34 г.* „Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володь-

ка не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться приказчикомъ избалованной бабенки". *Дубр.*, *I.* Вревская очень добрая и милая бабенка... *Пис. женѣ 35 г. См. еще Пис. Нащок. 32 г., женѣ 34 г.*

Ба́бій, бья, бье,

— Василиса Его́ровна! сказалъ комендантъ: здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва. *Кап. д., VII.* Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ. *Кап. д., XI.*

Ба́бка, и, ж. 1.

Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. *Прим. 61 къ Ист. пуг. 6.* Въ это отдѣленіе входятъ записки дѣда моего... и бабки моей, а его супруги. . *Ист. с. Гор.*

2. Повивальная бабка.

Видѣлась ли ты съ бабкой? *Пис. женѣ 31 г.* Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ (Глинка) и священника, и дьячка, и куму, и бабку да и самого кума... *Пис Плетн. 31 г.*

Ба́бки, окъ, ж.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. *Кап. д., VI.* На улицѣ златовласые, замаранные ребятишки играютъ въ бабки... *Отр. неок. пов , 1.*

Ба́бушка, и, ж.

1. Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ... *Пик. д., 1.* Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! *Отр. изъ ром. въ пис., 3. См еще: Пик д.; Изъ лицейск. зап.; Отр. изъ ром. въ пис., 1. 5, 6, 10; Родосл. Пушк.; Пис. Плетн. 30 г.; Пис. Вяз. 25 г.* ...Я имѣлъ несчастье потерять бабушку Чичерину... *Пис. Дельв. 25 г.*

2. Вообще старушка.

— Послѣ разскажу, бабушка; ради Бога, хлѣба!

— Да войди въ избу.

— Некогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба.

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба. *Дубр., XVII.* Донынѣ просвѣщенные и гостепріимные жители уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи. *Ист. пуг. б.* Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. *Кап. д., II.* Но кому говоритъ онъ (Чацкій) все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? *Пис. Бестуж. 25 г.*

3. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ? *Кап. д., XIV*

Ба́бушкинъ, а, о.

Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ... *Арапъ П. В., IV.* Бабушкинъ дворецкій. *Пик. д. I.* Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ! (пов. Погорѣльскаго „Лафертовская маковница“, герой ея—Арист. Фалал. Мурлыкинъ) *Пис. брату 25 г.*

Бага́жъ, а́, м.

У меня, отгадай: кто теперь остановился?—Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. С. къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. *Пис. женѣ 34 г.*

Баго́ръ, гра, м.

По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ *Кап. д., XIII* ...Удерживая плотъ багромъ. *Тамъ же.*

Багрецъ.

Люблю... Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса. *Осень, 30 г.*

Багрила, багрили.

И кровь людей то славы, то свободы, то гордости багрила алтари. *19 окт. 36 г.* Мы десять лѣтъ снѣга и волны багрили кровію враговъ. *Русл. и Людм.*

Багро́вый, ая, ое.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лицо покрылось багро-

вымъ румянцемъ. *Дубр., XV*. Дымъ багровый кругами восходитъ къ небесамъ. Полтава. Тоже *см. тамъ же, IV*. Багровый румянецъ досады. *Бар.—кр*. Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичекъ, въ полинялоиъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищемилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на молдаванскомъ языкѣ. *Кирдж*. Къ полудню густой багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города. *Ист. пуг. б., VII*.

Багряный

Ср „Зари багряный лучъ". *Евг. Он.*, V; 21. (Заря) багряною рукою... выводитъ съ солнцемъ за собою... праздникъ. *Евг. Он*, V, 25. (Ср у Ломоносова: „заря багряною рукою отъ утреннихъ спокойныхъ водъ"... Въ данномъ случаѣ у Пушк. пародія, какъ онъ и самъ замѣчаетъ).

Зари багряной полоса объемлетъ ярко небеса. *Полт.*, *III* Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ. *19 окт. 25 г.* Другой эпитетъ: Румяной зарею покрылся востокъ. *Вишня*. Сравн. описаніе зари (утра): утра лучъ блеснулъ... Багряницей уже покрыто было зло. М. Вс. Вся комната янтарнымъ блескомъ озарена. *Зимн. утро*. 29 г. Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ. *Полт. II*. Востокъ, денницей озаренный, сіялъ. *Цыг*. Ср. при этомъ: Встаетъ кровавая заря войны народной. *Полт. II*.

Базáрный, ая, ое.

Прозванъ онъ былъ Куликовскимъ по причинѣ длиннаго своего носа; должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ laterne-magiqne. *Зап. Нащ*.

Базáръ, а, м.

Горохино пріуныло; базаръ запустѣлъ. *Ист. с. Гор. Правл. пр*. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ... *Пут. въ Арзр., II*. (Лиза) послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ... Бар.-кр. См. еще: *Пут. въ Арзр. II, V; Ист. с. Гор.; Ист. пуг. б., III*. Около меня... шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ.

Зап. Нащ. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ. *Крит. зам.*

Бай-ба́й.

Няня меня выноситъ, говоря: „Миша хочетъ **бай бай?**“ *Русск. Пеламъ.*

Ба́йбакъ, а, м.

— Очень васъ благодарю и съ поспѣшностью возвращаю корректуру. Ай-да Соболевскій, ай-да **байбакъ**! Что тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и надняхъ отвѣчу. Покамѣстъ съ вожделѣніемъ думаю о Сальери по 11 р. асс. *Пис. Погод. 27 г.*

Ба́йковый, ая, ое.

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: „**байковый** камзолъ съ мѣдными пуговицами (столько-то). Разъ, два... Никто болѣе—**байковый** камзолъ **—три“.

Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца. *М. Шон., Ш.* **Байковый** сюртукъ. *Дубр., XII.* **Байковое** одѣяло. *Арапъ II. В., VII.* **Байковая** куртка. *Метель.*

Ба́йроничать, аю.

Кстати: Борька (Б. Ѳедоровъ) также выведъ юродиваго въ своемъ романѣ (Князь Курбскій): и онъ **байроничаетъ**, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки—увидишь! *Пис. Плет. 25 г.*

Байрони́ческій, ая, ое.

Поэзія мрачная, богатырская, сильная, **байроническая** — твой истинный удѣлъ... *Пис. Дельв 21 г.*

Ба́йроновскій, ая, ое.

Я раздумалъ, то есть не покажу вашего письма г-жѣ С., какъ сначала намѣревался, но не скрою отъ нея того, что сообщаетъ вамъ занимательность **байроновскаго** характера, и вотъ что я намѣренъ сдѣлать. *Пис. неизв. 23 г.*

Ба́йроновъ а, о.

Кстати о „Полтавѣ“, критики упомянули однакожъ о **Байроновомъ** Мазепѣ. *Крит. Зам.* Спрашивается: что

же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? О miratores! (здѣсь подразумѣвается „Корсаръ", драма Олина) *Мелочи.* Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону. *Пис. И. Дмитр. 35 г.*

Байронъ,

Ср. „Се Беронъ" въ шутл. одѣ Хвостову.

Бакенбáрды, м.

Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ уланъ; b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а; *Пис. Вульфу 29 г.*

Баккалáвръ, а, м.

Начальники, разбирая это дѣло (бунтъ студентовъ), въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. *Ист анекд.*

Балагýрство, а, ср.

Угождать публикѣ восхищеніями, пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого—было бы слишкомъ низко. *Пис. 31 г. неизв. о прогр. журн.*

Балагýръ, а, м.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули. *Росл.*

Балалáйка, и, ж.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою и изображеніемъ двуглаваго орла. *Ист. с. Гор, Вр. ист.*

Баламýтить, мýчу, мýтятъ.

Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры

баламутятъ и, вѣрно, ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. *Пис. женѣ 34 г.*

Баламу́тъ, а, м.

Въ карточн. игрѣ: шулерская тасовка картъ. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты налѣво, а мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся голы, какъ бубны. *Пис. Вяз. 30 г.*

Балдахи́нъ, а, м.

Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. *Пик. д., V.*

Балéтъ, а м.

Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ. *Пис. Погод. 32 г.*

Ба́лка, и, ж.

Недалеко отъ селенія Казбекъ переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ. *Пут. въ Арзр., I.* Тоже см. *тамъ же, V.*

Балко́нъ, а, м.

Вдругъ раздался выстрѣлъ—и ракета освѣтила небо... Князь подалъ Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули... *Дубр. XIV.* На балконѣ сидѣло двое мужчинъ. *Отр. Ег. н., II. См. еще тамъ же.*

Балла́да, ы, ж.

Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхля и его же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ, влюбленномъ въ Дѣву. Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? *Пис. Яковл. 31 г.* Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея все-

возможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ. *О руск. лит.* Въ шотландской балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. *Мысли на д.*, X. См. еще: *Ист. с. Гор.*, *Станц. см.*; *Журн. ст.*, *Наст. Выж.*, *Пис. Плетн. 31 г. 16 іюля.*

Баловáть, лую, луютъ.

Ср. «Не баловали Ольги». Вар. Евг. Онѣг., 2 гл. «И баловала невзначай». ibid. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. *Пис. женѣ 34 г.* Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хотя бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ и послала ему 2,000 рублей; *Дубр.*, *IX.* Фрицъ не можетъ имъ (сыномъ) налюбоваться и ужасно его балуетъ. *М. Шон.* См. еще *Пис. женѣ, апр. 34 г., авг. 33 г.*

Балованный

«Балóванный дѣтей». *«Е. Онѣг.»*, *VI*, *47.* Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, прислоненныхъ одна къ другой, кое-гдѣ двѣ-три яблони, двѣ-три рябины, окруженныя худымъ заборомъ, отпряженная телѣга съ моимъ чемоданомъ и погребцомъ, развалившійся колодезь около и мелкая лужица; въ ней рѣзвятся желтенькія утята подъ надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при французской мадамѣ. Какая скука! *Отр. неок. пов.*, *1.* Балованные ребятишки. *Пис. Дельв. 28 г.*

2. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ—великій человѣкъ! Сумароковъ—первый русскій стихотворецъ!» *Ист. ан.* Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе (Бор. Год.) Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты,

будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. *Пис. Кривц. 23 г.*

Баловень, вня, м.

Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть, пишетъ издатель въ своемъ предисловіи: какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридриха II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности: *Волтеръ*. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска. *Изъ дневн.*

Баловникъ, á, м.

— Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

— Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую; да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ! *Бар.—кр.*

Баловствó, á, ср.

Уложили въ нее (кибитку) чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. *Кап. д., I.*

Балъ, а, м.

Безстыдинъ: Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ.. Къ тому же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это—моя слабость.. Если-бы ты видѣлъ меня на балахъ.. Я славно танцую .. Я французскую кадриль танцую. *Альманошн*, 3.

— На князя Гарецкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

— А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?

— Нимало. Чертъ его побери съ его баломъ!

Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня. *Отр. неок. пов.*, 6. Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антресоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. *Росл.* См. еще: *Отр.*

изъ ром. въ пис. I, II, VI, X. Арап. П. В. I. Пик. д., II, VI. Альман. III. Ег. н. I. Мысли на д., I, II. Отр. изъ дн. 28 ф., 28 н. 33 г., Письма: Бестуж. 25 г., Нащ. 32 г., неизв. Одесса 23 г.; женѣ: дек. 31 г.; окт. 33 г., апр. 35 г, сент. 35 г. Вчера былъ наконецъ дворянскій балъ. *Пис. женѣ апр. 34.* Придворный балъ. *Отр. Ег. н., 2.* Московскіе балы... *Мысли на д., II.* Балъ кого-либо. Балы фортепіаниста. *Отр Ег. н., 2.* Балъ Бутурлина. *изъ дневн.* Балъ кн. Г—ой. *Пис. женѣ апр. 34 г.* Балъ у кого-либо. Наконецъ однажды на балѣ у подьскаго помѣщика... *Выстр., I.* Вчера балъ у Бутурлина. *изъ дневн.* Въ этотъ день губернаторъ давалъ у себя балъ. *Ист. пуг. 6., прим 33.* См еще: *Изъ дневн.; Пик. д., III; Отр. изъ ром. въ пис., 4; Пис. къ женѣ дек. 31 г.* Предл. пад.: балѣ. жена была на балѣ. *Пис. Нащ. ноябрь 33 г.* Разскажу .. о балѣ. *Писм. женѣ, іюль 34 г.* На балѣ у кн. К. *Отр. изъ ром. въ пис., V, I;* Сказала... на балѣ. *Ист. ан., XXX.* См. еще *Выстр., II; Росл. Ср*: Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ... *III, 292.* Ср. у Батюшк: на балѣ и въ Парижѣ.. *Къ филисѣ.* у Лерм. на балѣ подалъ ядъ... *Маск.* Ср. у Гриб). Предл. пад. «балѣ». См. еще: Евг. «*Он.*» *III, 28;* Альбомъ Он. замѣть при этомъ: какъ будто въ гробѣ тьмы людей молчатъ. *Полт.* Род. мн. «бáловъ». Я былъ отъ баловъ безъ ума. *Евг. Он. I, 29.* См. еще тамъ же *I, 54.* Вин. мн. «бáлы» я балы бъ до сихъ поръ любилъ. *Евг. Он. I, 30.* „И заваривъ пиры да балы». *Пиръ во вр. чумы.*

Бальзами́нъ а, м.

Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминомъ, и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предмеды, меня въ то время окружавшіе. *Станц. см.*

Бальзами́рова́ть, рую, руютъ.

Тѣло государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску. *Мат. для ист. П. В, 1725 г.*

Бáльный, ая, ое.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышле-

нія. *Пик. д., IV.* Я не поѣхалъ (на вечеръ) за неимѣніемъ бальнаго платья. *Пис. женѣ авг. 33 г.* Ярманка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. *Пис. женѣ сент. 33 г.* Бальная зала. *Пик. д., II.*

Бамбу́ковый, ая, ое.

Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судья наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. *Крит. зам.*

Ба́нка, и, ж.

Старая графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая—коробку со шпильками, третья—высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. *Пик. д. II.*

Банки́ръ, а, м.

Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. *Вольтеръ.* Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чаадаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться. *Пис. брату 24 г.*

Ба́нковый, ая, ое.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ и тотчасъ разсчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола *Пик. д., VI* См. еще *тамъ же.*

Банкоме́тъ, а, м.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ. *Пик. д., IX.*

— Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ: я велѣла взять шампанскаго.

Это зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойтиться не

могу? развѣ я—московскій банкометъ? *Отр. неок. пов.*, *VI.* См. еще *Выстр.*, *I.*

Банкро́тъ а, м.

Должники мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 т. *Пис. Яковлеву. 30 (31?) г.*

Банкру́тство, а, ср.

Я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. брилліанты (заложенные) жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей.., *Пис. Нащ. окт. 31 г.*

Банкъ, а, м.

Человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. *Кап д.*, *XIII.* Нѣсколько молодыхъ людей... весело проигрывали свое имѣніе поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для препровожденія времени... *Отр. неок. Пов.*, *VII.* Метать, прометать банкъ—*Пик. д.*, *VI*; *Выстр.*, *I.*

Ба́ночка, и, ж.

Миссъ Жаксонъ... подарила ей (Лизѣ) баночку англійскихъ бѣлилъ... *Бар.—кр.*

Ба́ньщикъ а, м.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носа; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. *Пут. въ Арзр.*, *II.* Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча... *Пут. въ Арзр.*, *II.*

Ба́ня, и, ж.

Онъ: Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. *Разг. съ англ.* Персіянинъ ввелъ меня въ баню: горячій, желѣзносѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно. *Пут. въ Арзр.*, *II.* См. еще: *Пут. въ Арзр.*, *II*; *Кап. д.*, *III*, *VIII*; *Мысли на д.*, *XI*; *Пис. жен. окт. 32, сент. 33 г.*, *Ист. С. Гор.* Война казалась кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани арзрумскія съ тифлис-

скими! *Пут. въ Арзр.*, *V*. Тоже см. тамъ же, II. Русская баня, тифлисскія бани. *Тамъ же*, *II*. Переносно. Выходи, бѣсовъ кумъ! сказалъ мнѣ усатый вахмистръ: вотъ ужо тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяюшкою! *Кап. д.*, *XIII*.

Барабáнный, ая, ое.

Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ. *Зап. бриг. Моро-де-Бр.* А что намъ дѣлать, коли не наша воля? возразилъ Кирила Петровичъ: иной бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. *Арапъ П. В.*, *IV*. Тоже см. еще *Ист. Пуг. б.*, *III*; *Мат. для ист. П. В.*, *I*; *Пут. въ Арзр.*, *IV*.

Барабáнщикъ, а, м.

Онъ (Петръ) одѣлъ потѣшную роту по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. *Мат. для ист. П. В.* См. еще *тамъ же*; *Ист. пуг. б.*, *IV*.

Барабáнъ, а, м.

Трубятъ, бьютъ барабаны. *Бор. Год.*, *из. 17*. Барабанъ умолкъ. *Кап. д.*, *VII*. Рано утромъ меня разбудилъ барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. *Кап. д.*, *IX*. См. еще *Кап. д.*, *VII*; *Зап. бриг. Моро-де-Бр.* Услышалъ я русскій барабанъ: бьди зорю. *Пут. въ Арзр.*, *II*.

Барáнецъ, нца, м.

Мать нашего пастора совѣтуетъ ему употреблять, вмѣсто чаю, красный баранецъ, цвѣтокъ очень обыкновенный; я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его. *М. Шон.*

Барáнина, ы, ж.

Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ поваренная искуства. *Пут. въ Арзр.*, *II*.

Барáній, ья, ье.

Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она пред-

ложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. *Пут. въ Арзр., I.* Молдованъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ... *Кирдж.* См. еще *Пут. въ Арзр., IV.* Баранья папаха. *Тамъ же, I.*

Бара́нъ, а, м.

Комисары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украйну для забранія барановъ и муки. *Зап. бриг. Моро де-Бр.* И тогда, прервалъ таможенный директоръ: будь я киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана. *Кап. д., X.* См. еще *Пут. въ Арзр., II.* Поговори съ нимъ объ этомъ.—А то шпіоны-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа; здоровъ будь—это главное. *Пис. Плетн. 30 г.*

Бара́шекъ, шка, м.

Послушайте: французы учители наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ. *О Мильтонѣ.* Неужто онъ (Шаликовъ) обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. *Пис. Вяз. мая 25 г.*

Ба́ринъ, а, м.

1. Господинъ, человѣкъ дворянскаго сословія.

Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! *Дубр., VIII.* Словомъ, онъ (Гавр. Аѳан Ржевскій) былъ коренной русскій баринъ. *Арапъ П. В., IV.* Настоящій русскій баринъ, старинный русскій баринъ. *Бар.—кр.; Дубр., I, Пис. Вяз., іюнь 26 г*

2. Богатый, знатный господинъ.

— Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?

— Ma foi, monsieur, я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ—баринъ гордый и своенравный, жестокій въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (avec les outchitels) онъ не церемонится. *Дубр., XI.* Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску

чиновнаго барина. *Станц. см.* Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ... *Кап. д., I.*

3. Вообще господинъ, хозяинъ.

Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякій случай. *Бар.—кр.* Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ: какой баринъ? Какой Владиміръ Андреевичъ? Баринъ вашъ Кирилла Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?

— Какъ не такъ! сказалъ тотъ-же голосъ. *Дубр., V.* Ты правъ... Воспользуюсь правами и блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло. *Пис. Вяз. 26 г.*

Жить бариномъ. Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ П. Б. не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. *Пис. женѣ, іюнь 34 г.* Подать въ отставку да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. *Пис женѣ, май 34 г.* Отецъ мой жилъ бариномъ. *Зап. Нащ.*

В. Водарскій.

Продолженіе будетъ.

1-21.-

CoLibrì
COVER SYSTEM
Made in Italy

02-14 STD

8 032919 991409
www.colibrisystem.com

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457156